

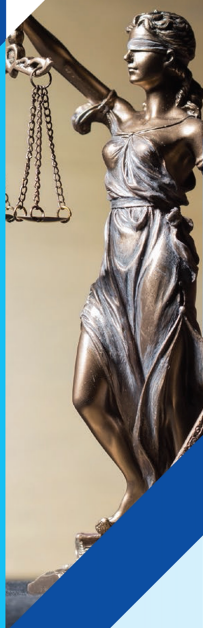

Санкт-Петербургский
государственный
университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЮРИДИЧЕСКИХ ДЕЛАХ
И ПРОЦЕДУРАХ**

18 мая 2021 года
г. Санкт-Петербург

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус
Р89

Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах.
Международная научно-практическая конференция. – СПб.:
Первый класс, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-604374733

© МАПРЯЛ, 2021
© Коллектив авторов, 2021
Издательство «Первый класс», 2021
Все права защищены

ГЛАВА I
СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СУДЕБНАЯ РИТОРИКА НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ В ПРЕНИЯХ АДВОКАТА А.В. ВАСИЛЬЕВА ПО ДЕЛУ С.Ю. МАРКЕЛОВА

Предметом анализа настоящей статьи является речь в прениях адвоката А. В. Васильева в защиту Н.Тихонова, обвиняемого в убийстве адвоката С. Маркелова и журналистки А. Бабуровой. Цель исследования – выявить, каким образом в речи защитника риторические стратегии взаимодействуют с описательным отступлением. Для достижения поставленной цели предлагается анализ семантических полей, связанных с городским пространством: система имен существительных, глагольные категории движения и статики, лексика зрительного восприятия. Также рассматриваются основные риторические приемы, используемые в тексте с целью склонить судью и присяжных на свою сторону. Методология исследования включает приемы семантических полей, риторического и нарратологического анализа, применяемые в юридической лингвистике. Результаты исследования служат импульсом к размышлению о роли описания городского пространства в процессе аргументации и убеждения в современном российском судебном дискурсе. Выдвигается тезис о том, что исследования на пересечении таких дисциплин, как юрислингвистика, нарратология, риторика и теория аргументации, являются перспективным направлением современной гуманитарной науки.

Ключевые слова: судебная риторика, судебный дискурс, семантический анализ, городское пространство, аргументация, процесс убеждения.

1. Речь выступления в прениях между аргументированием и повествованием

Речь адвоката – это разновидность судебного дискурса, который уходит корнями в античную риторику обвинения и защиты. Ей свойствен оригинальный, художественный и творческий характер [1]. П. Сергеич в своем «Искусстве речи на суде» утверждает: «Прочтите любую речь истинного оратора, и вы убедитесь, что, будучи обвинением или защитой, она есть вместе с тем художественное произведение» [2].

Однако основная цель речи в прениях не эстетическое воздействие, а убеждение: адвокат должен убедить судью и присяжных в своей правоте, и для того, чтобы это сделать, он пользуется разными способами воздействия, вербальными и невербальными (жестикация, интонация, тропы и т.п.).

Чтобы завладеть вниманием и получить поддержку аудитории, адвокат должен обеспечить убедительные аргументы, отбирая информацию, или так называемые в теории аргументации, данные, структурируя их в логическую цепочку, а также прибегая к риторическим приемам, чтобы сделать свои аргументы «живыми» и запоминающимися. Систематизация речевого материала и аргументов в судебной риторике называется инвенцией, а план выступления, то есть сама структура аргументации, – диспозиция.

По сути, адвокат обнаруживает в материале дела уже имеющиеся аргументы и распределяет их так, чтобы они выглядели логично и неоспоримо. Подбор слов и их сочетаний, использование тропов и риторических фигур выполняют стилистическую функцию.

Цель настоящей работы – исследовать взаимосвязь между риторическими средствами судебного текста и средствами репрезентации городского пространства в речи адвоката А.В. Васильева, с тем чтобы выявить, является ли это взаимодействие решающим в процессе аргументации и убеждения.

2. События: дело Маркелова и Бабуровой

19 января 2009 года в центре Москвы, на улице Пречистенке, сразу после пресс-конференции о деле Буданова [3], расстреляли адвоката Станислава Маркелова и журналистку Анастасию Бабурову. Маркелов и Бабурова шли из пресс-центра на станцию метрополитена «Кропоткинская» и были убиты на улице Пречистенке возле дома № 1. Убийца скрылся в подземном переходе станции «Кропоткинская» Московского метрополитена. Следствие привело органы к аресту Никиты Тихонова и Евгении Хасис, относящихся к организации БОРН [4]. Два года спустя, 25–26 апреля 2011 года, на судебном заседании адвокат-защитник Тихонова, Александр Витальевич Васильев, произносит свою речь – предмет анализа настоящей статьи. В своей речи Васильев настаивает на оправдательном приговоре для своего подопечного, выстраивая защиту таким образом, что доказательства вины становятся доказательствами невинности подсудимого.

В своей реконструкции событий адвокат перечисляет все передвижения жертв и подсудимых, перерисовывает карту города с помощью топонимов, нумерации домов, станций метро; мастерски изображает карту событий средствами языка, которые позволяют

сформировать у аудитории визуальный образ пространства. Описанный адвокатом город состоит из передвигающихся людей, пересекающихся маршрутов, глаз, человеческих или искусственных, которые наблюдают и фиксируют события.

Городское пространство представляет собой улицу, на которой происходит убийство, т.е. улицу Пречистенку, станцию метрополитена «Кропоткинская» и городской суд, в котором демонстрируются видеозаписи, выслушиваются показания и произносятся речи обвинения и защиты.

3. Реконструкция города через топонимы, «глаза», маршруты выслеживания и бегства

3.1. Место происшествия

Адвокат Васильев называет место происшествия по-разному: *место преступления* (1 раз), *место убийства* (2 раза), *место происшествия* (6 раз), *место событий* (1 раз). Самый частотный термин несёт в себе семантику фатальности, но и авторитетности, поскольку в УПК РФ употребляется именно это словосочетание [5]. Единственный неопровержимый факт (происшествие) – это то, что Маркелов и Бабурова убиты – и это случилось в определенном месте.

В абзаце «Вам демонстрировали видеозапись проверки показаний на месте происшествия, на которой Тихонов указывает место убийства Маркелова и Бабуровой» комбинируются словосочетания *место происшествия* и *место убийства*. Место происшествия включает в себя место убийства, поскольку первое представляет собой более обширное пространство. Точное указание места убийства Маркелова и Бабуровой со стороны Тихонова во время проверки показаний – процедура, предусмотренная УПК РФ [6] – на первый взгляд, вроде бы подтверждает его участие в убийстве. Однако указанное Тихоновым место не совпадает с местом обнаружения трупов. Именно на этот момент делает упор Васильев, тем самым оправдывая своего подзащитного.

«Где убийца научился всему этому? Где он научился так мастерски выслеживать жертву? Стрелять так, что бы ни одна пуля не прошла мимо цели? Уходить с места убийства так, чтобы ни попасть в кадр ни одной из камер наружного наблюдения?» Словосочетание *место убийства*, использованное вместе со словом *убийца* в приведенной

выше цитате, отвечает требованиям защитника отделить личность своего клиента от личности настоящего убийцы. Вывод: «Тихонов – это не тот человек, который нам нужен» [7]. Такого ответа Васильев добивается специальной формой вопросов. Эти четыре вопроса связаны между собой и могли бы составить одно предложение. Однако дробление сложного предложения на несколько простых усиливает экспрессию, зарождает в слушателях сомнение, вызывает желание узнать ответ, дойти до истины.

Наоборот, словосочетание *место преступления* употребляется адвокатом в утверждении, направленном на дискредитацию показаний свидетеля Попова относительно предположительной роли наблюдателя Хасис. В частности, показания свидетеля противоречат видеозаписям: «Я бы поверил показаниям Попова, якобы видевшего Хасис на месте преступления, если бы не видел видеозаписей с камер наружного наблюдения». Данный пример входит в более развернутый абзац, в котором употребляется сложная анафора. Три предложения начинаются одинаково: словами *я бы поверил*, и продолжаются придаточным условия *если бы не*. Если первая часть предложения везде одинакова, то вторая часть, сложноподчиненная, отличается разнообразием: «*Я бы, не задумываясь, поверил* показаниям свидетелей Ермаковой и Мурашкина, опознавших Тихонова, *если бы не слышал* показаний свидетеля обвинения Черешнева. *Я бы поверил* показаниям Попова, якобы видевшего Хасис на месте преступления, *если бы не видел* видеозаписей с камер наружного наблюдения. *Я бы поверил* признательным показаниям Тихонова, *если бы не читал* материалов прослушки его квартиры». Интересно и остроумно противопоставление доверия показаниям разным способам восприятия: адвокат бы поверил, если бы с показаниями совпали его чувства слуха (слышал) и зрения (видел, читал). Этот повтор, параллелизм усиливает выразительность и придает конкретность тому, что, по сути, отсутствует (адвокат не пересказывает аудитории записи видеокamer и слов Черешнева, не зачитывает материалы прослушки). Такой риторической стратегией адвокат добивается доверия аудитории, опровергнув все противоречивые показания.

3.2. Поле зрения

Анализ текста демонстрирует, что из лексики зрительного восприятия наиболее часто используется глагол *наблюдать*. Этот

глагол происходит от старославянского **блюсти**, который изначально обозначал «бодрствовать, не спать», а позже стал обозначать «смотреть, хранить» [8]. Приставка **на-**, которая присоединяется и к глаголу, и к производным существительным, указывает: 1) на действия, которые происходят извне на поверхность или, наоборот, вовнутрь; 2) на реализуемые в больших количествах действия; 3) и на действия, которые доходят до естественного предела или до ожидаемого результата (Шведова, с.361–362).

В глаголе *наблюдать* сокрыта идея расширения взгляда, поэтому зрительный акт адресован наружу, в нашем случае на городскую поверхность, на улицы, площадь, станцию метро.

Это же расширение взгляда относится и к семантике существительных *наблюдение* и *наблюдатель*.

Первое упоминание слова *наблюдать* выражено причастием прошедшего времени действительного залога, использованным адвокатом при передаче слов свидетеля Попова: «Якобы бывшего на месте происшествия и наблюдавшего за Хасис».

Более частотное словосочетание – это *наружное наблюдение*, употребляющееся относительно камер, а *наблюдатель* употребляется исключительно в отношении Хасис, которая обвиняется в соучастии в убийстве в качестве наблюдателя.

По записям видеокamer, зафиксировавшим наблюдателя, с трудом, но можно определить, что это была женщина.

Васильев в своем выступлении говорит о роли наблюдателя для того, чтобы доказать, что «наблюдатель был на месте происшествия как минимум фигурой бесполезной». Следовательно термин используется для того, чтобы опровергнуть теорию Следственного комитета: «Так почему же следствие настаивает на наблюдателе и на том, что его роль непременно выполняла Хасис? Не потому ли, что Хасис была задержана вместе с Тихоновым, и ее просто необходимо было хоть как-то “пристроить” к этому делу? Ну действительно – не отпускать же!» Следственный комитет всеми силами, по мнению защитника Тихонова, хочет «пристроить» к преступлению и Хасис, так как она – девушка Тихонова и их арестовали вместе в их квартире. С этой целью Следственный комитет и придумывает фигуру *наблюдателя*. Процесс аргументации, убеждения и воздействия со стороны Васильева опять же строится на риторических вопросах, на которые он сам дает иронические, даже скорее саркастические ответы.

Своим тоном Васильев дает суду присяжных понять, что органы следствия несправедливы, ненадежны, необъективны.

В параграфе «Роль наблюдателя» квартал изображается при помощи списка присутствующих камер наблюдения: «Думаю, вы обратили внимание, сколько видеокамер расположено на Пречистенке, согласно протокола осмотра т.л. л.д. 159–188. Перечислим их: около дома № 2 на столбе – 3 видеокамеры, на доме № 2 по Гоголевскому бульвару одна видеокамера, направленная в сторону Пречистенки; одна видеокамера на столбе у сквера, далее на фасадах домов по ул. Пречистенка: д. 4 – 3 камеры, д. 12 – одна камера, д. 14 – одна камера; д. 18 – 6 камер (из которых 4 камеры кругового слежения); д. 20 – 3 камеры; д. 28 – 2 камеры; д. 23 – 5 камер; д. 21 – 4 камеры; дом 19 – 4 камеры; д. 17 – 5 камер (из которых одна – кругового слежения и еще один видеоглазок; д. 9 – 9 камер; д. 7 – 2 камеры и видеоглазок в двери; д. 1 – 2 камеры. Всего – 52 камеры». Вышеуказанный абзац – яркий пример риторического приема аккумуляции, так как такое накопление придает словам адвоката большую достоверность. Действительно, после такого длинного перечисления слушатель вынужден себя спросить: «А действительно, как же они не попали в объективы видеокамер?»

Во всех процитированных случаях мы имеем дело с «глазами», которые обращают свой взор на более или менее ограниченное перед собой пространство и фиксируют движущиеся перед ними объекты. Стоит заметить, что сами «глаза» не двигаются, они остаются на одном и том же месте.

Второй присутствующий корень, связанный со зрением, – это **вид-**. Существительное *свидетель* напоминает только отчасти этот корень и упоминается 47 раз. Это существительное происходит от слова *сведети* (знать, ведать), но переняло букву **и** от *видеть*, таким образом **све-** стало **сви-**. Свидетель – это тот, кто знает, сообщает сведения и этим дает показания.

Анализ текста показывает, что словосочетание *свидетели видели* встречается один раз в риторическом вопросе, цель которого – поставить под сомнение правдивость показаний: может ли свидетель узнать человека, мельком увиденного два года тому назад? В реконструкции событий адвоката показания свидетелей оказываются недостоверными, поскольку они не восполняют «визуальный пробел» видеокамер.

Возвращаемся к глаголу *видеть*. Он повторяется в тексте двадцать шесть раз. Совершенный вид глагола – *увидеть* – повторяется шесть раз: три раза в действительном залоге, в прошедшем времени, один раз в инфинитиве и два раза в страдательном залоге, в форме причастия прошедшего времени.

Приставка *у-* указывает на однократность, «законченность» и результативность действия.

В предложении «Им достаточно *увидеть* человека один раз в течение считанных секунд, чтобы запомнить его на всю жизнь» совершенный вид обусловлен именно однократностью: действие реализуется один раз, в короткий промежуток времени, но его последствия актуальны до сих пор: свидетелям достаточно увидеть человека один раз в течение *считанных секунд*, чтобы запомнить его *на всю жизнь*. Фраза открыто иронична, и ирония передается вербальным противопоставлением минимального промежутка времени (*считанные секунды*) максимальному измерению времени (*вся жизнь*).

Та же семантическая коннотация результативности проявляется в словосочетании «мельком увиденную на другой стороне улицы девушку» и предложении «девушку, увиденную два года назад, он помнит». Результативность действия минимизируется временными категориями *мельком* и *два года назад*, посредством чего адвокат и дискредитирует показания свидетелей.

Отрицание при совершенном виде передает идею отсутствия результата. Действие происходило, но невозможно зафиксировать его результат, поскольку действие не совершилось, как в предложении «Как бы мы ни старались, ни на одной из многочисленных записей не увидели ни убийцу, ни свидетеля Попова». Значит, участники процесса усердно смотрели, просматривали видеозаписи, всматривались, но все-таки они не обнаружили ни убийцу, ни свидетеля Попова. Показания Попова оказываются несостоятельными в пользу Тихонова, которого, оказывается, на месте происшествия не было.

Коннотация отрицания при использовании несовершенного вида иная. Отрицание в несовершенном виде аннулирует само действие. Если в случае с совершенным видом действие имело место, но не привело к ожидаемому результату, при несовершенном виде действия не было, а значит, свидетели перестают быть таковыми: «Ответ есть у защиты: на самом деле Мурашкин и Ермакова лица убийцы не видели». С точки зрения риторики можно здесь заметить

употребление инверсии. Прямой порядок слов в русском языке был бы следующим: «Мурашкин и Ермакова не видели лица убийцы», однако решение адвоката перенести сказуемое *не видели* в конец предложения служит большей выразительности.

Вводится еще оппозиция: *вы видели видеозаписи, вы видели документы, а они не видели*. Из этого следует, что единственный, кто на самом деле что-либо видел – это участники процесса, но никак не свидетели.

Семантическое зрительное поле представлено человеческими глазами (свидетели) и глазами искусственными (видеокамеры), которые и регистрируют события.

Слово *глаза* встречается в тексте в виде предложно-именного сочетания и в значении '*перед*'. «Мог ли дилетант среди бела дня, в самом центре Москвы, на глазах у десятков прохожих, совершенно хладнокровно совершить убийство Маркелова и Бабуровой? Хирургически точно, потратив три патрона, убить двух людей, после чего на глазах у всех пройти к станции метрополитена и уехать?» Убийца сначала совершает преступление перед десятками прохожих, а значит, перед многими случайными и передвигающимися зрителями, затем он же идет мимо прохожих, по всей видимости в большом количестве людей, и исчезает. Повтор предложной группы *на глазах у* при изменившемся окружении тоже является риторическим приемом, потому что изображает неполный параллелизм и заставляет слушателей сравнить ситуации и недоумевать.

3. Перемещения через словесные категории движения

Москва – город, на который устремлены все глаза: и во время преступления, и на проверку показаний, и в суде при демонстрации видеозаписей.

Москва и место происшествия – это движение и статика. Используемые глаголы описывают пространство, действия и персонажей. Среди более частотных – *ходить, идти* (оба с приставками) и *гулять*.

Идти и его производные указывают на конкретность и актуальность движения: перемещение проводится в определенный момент и с определенной направленностью. В приведенном примере глагол *идти* входит в аргумент предположения: «Прежде всего давайте

разберемся: какая практическая польза была убийце от некоего наблюдателя, гуляющего около пресс-центра? Изначально для убийцы было очевидно, что Маркелов после окончания пресс-конференции пойдет в сторону метро «Кропоткинская». Иначе бы киллер не стал его ждать в непосредственной близости от метро, а переместился бы на другую точку маршрута Маркелова, да хоть бы и к самому пресс-центру. Так зачем убийце в таком случае нужен наблюдатель? Чтобы наблюдатель сообщил ему информацию, которая ему и так была известна заранее? Предположим, что Маркелов не пошел в сторону метро, а направился бы в совершенно иную сторону. Какова бы в этом случае была роль наблюдателя? Сообщил бы об этом убийце? И что? Киллер побежал бы догонять Маркелова?»

Будущее время *пойдет* передает не столько предсказуемое, сколько очевидное (*было очевидно*) действие, а прошедшее время *пошел* включено в придаточное предложение условия возможности: «предположим, что Маркелов не пошел в сторону метро». Приставка **по-** указывает в обоих случаях на начало действия (движение). Формулировка «в сторону метро» также ставит акцент на самой направленности.

В рамках условия присутствует еще глагол *направился бы*, который, в отличие от *идти*, уже включает в себя идею направленности, и глагол *переместился*, который указывает на то, что бы человек мог бы занять другое место в пространстве.

Происходят от *идти* и инфинитив *пройти*, и причастие прошедшего времени действительного залога *вышедший*.

«Хирургически точно, потратив три патрона, убить двух людей, после чего на глазах у всех пройти к станции метрополитена и уехать?»

Совершенный вид глагола зависит от последовательного соотношения действий *убить – пройти – уехать*. На то, что эти действия последовательные, указывает наречная конструкция *после чего*. Выбор употребления деепричастия прошедшего времени для глагола *потратить* (*потратив три патрона*), а не для глагола *убить*, отвечает намерению доказать, что дилетант Тихонов и профессиональный киллер – это разные люди. Именно делая акцент на быстрой смене событий и на точности выстрела, Васильев оправдывает своего подзащитного, который не является профессиональным убийцей, каким кажется убийца Маркелова и Бабуровой (Васильев никогда не употребляет, например, термин *киллер* в отношении Тихонова).

Употребление приставки **про-**, наоборот, обозначает манеру поведения и способ движения убийцы. **Про-** с глаголами движения указывает на пересечение движения с временным и пространственным измерением. Пространство интерпретируется как 'отрезок' (Кронграуз, 1998, с. 161) который в нашем случае и есть расстояние между местом убийства и метрополитеном.

Причастие *Вышедший* описывает человека, зарегистрированного видекамерами и способствует созданию альтернативной версии происшествия, вместе с глаголами *ждать*, *размяться* и *топтаться*, выражающими динамический способ неподвижности: «Так кто это неустановленная женщина? Возможно, девушка, ждущая своего приятеля, или офисный работник, вышедший на улицу размяться, или кто-то, бесцельно бродящий по московским улицам».

Глагол *ходить* лишен направленности, означает само действие (Берницкая, 2019, с. 84), и здесь он оказывается в семантической близости с глаголами *бродить* и *гулять*, указывающими на передвижение без цели.

В предложении «Задержали Тихонова и изъяли записи, которые, по уверению следствия, должны были помочь Тихонову ходить по улицам незамеченным» ходить значит 'передвигаться': мы не знаем ни направления, ни цели, только способ – незамеченным. Этой фразе вторят следующие словосочетания и предложение: «офисный работник, [...], бесцельно бродящий по московским улицам», «Тихонов, прогуливающийся в сквере на Пречистенке», «некое неустановленное лицо в течение часа гуляло по Пречистенке». В первом случае наречие *бесцельно* усиливает отсутствие цели в передвижении.

Во втором и третьем примере представлены однокоренные глаголы *гулять* – *прогуливаться*. В словаре Ефремовой фиксируются два значения глагола *прогуливаться*: 1. Совершать прогулку, 2. Медленно расхаживать, прохаживаться взад и вперед.

Ефремова предлагает в качестве синонимов к глаголу *прогуляться* глаголы *расхаживаться*, *прохаживаться*, которые происходят от глагола *ходить*. Тихонов, таким образом, бродит в сквере, тратит время, измеряя его медленными шагами, а неустановленное лицо некоторое время гуляет на улице Пречистенке. Оба движутся по улице, на которой было совершено убийство. Для полного анализа следует рассмотреть глаголы *доходить* и *проходить*, которые используются для описания перемещения подсудимого во время проверки показаний.

«На видеозаписи Тихонов идет по Пречистенке, доходит до дома № 1, проходит несколько шагов мимо лестницы, ведущей ко входу в дом, и заявляет, что именно в этом месте он стрелял в Маркелова и Бабурову».

Доходит означает ‘добираться’, поскольку приставка **до-** передает идею прибытия к финальной точке, к цели. Тихонов добирается до определенного места – дома № 1, и проходит мимо лестницы, то есть идет вдоль лестницы.

В этом же контексте приставка **про-** употребляется и с винительным падежом – *несколько шагов*, и с предлогом *мимо*. Винительным падежом и предлогом *мимо* выражаются пространственные координаты, в рамках которых совершается передвижение: лестница. Труп Маркелова был обнаружен лежащим на тротуаре перед ступенями головой в сторону метро, поэтому убийца должен был выстрелить перед лестницей, а не после нее.

В следующем абзаце встречаем выражение *проходит мимо* с временно-пространственной коннотацией, касающейся свидетелей: «В таком случае ситуация становится совершенно фантастической: убийца убивает Бабурову, чтобы она его не узнала (даже несмотря на то, что она не могла видеть под шарфом его лицо), и в то же время благородно проходит мимо Мурашкина и Ермаковой».

Если в первом случае *мимо лестницы* указывает на точное место, ступени перед домом, где был убит Маркелов, то во втором случае передвижение не подсказывает нам ничего про окружающую местность, но намекает на маловероятность перемещения: если бы убийца прошел мимо свидетелей, он бы убил их, чтобы они его впоследствии не узнали, именно так он и поступил с Бабуровой. Фраза в скобках и наречие *благородно* – это риторическая ирония по поводу версии следствия, в которую Васильев не верит и таким образом это демонстрирует.

4. Выводы

Проведенный анализ демонстрирует, что защита адвоката Васильева базируется в основном на несостоятельных зрительных показаниях и играет с ракурсами, шагами, местами, присутствием/отсутствием, движением и статикой жертв и подсудимых.

При первом чтении представление города кажется скучным, но, исследуя более подробно лексику, связанную с городским пространством, стало возможно выделить множество языковых средств и выяснить, насколько они функциональны для аргументации защиты.

Адвокат, как любой рассказчик, использует средства, способствующие «оживлению» его рассказа. Уже в античной риторике это было задачей статистического отступления (*'descriptio'*), которое использовалось для того, чтобы описать персонажей, места и обстоятельства. Этот вид отступления должен был придать картине большую правдоподобность. Хаим Перельман в своем труде «Новая риторика: трактат об аргументации» [9] относительно метода отбора средств для построения аргументов говорит об эффекте присутствия: аудитория должна видеть перед собой персонажей, места и действия для того, чтобы воспринимать их в качестве реально существующих. Наглядность реализуется, когда представленное кажется настоящим, приемлемым и допустимым [10].

Адвокат-защитник Васильев не мог не учитывать это в подготовке своей стратегии защиты на этапе инвенции.

Защитник плетет повествование, в котором разбирает фабулу «разрушительной» функцией аргументации [11] и собирает обратно в сюжет-реальность, который и есть результат логичных выводов, выстроенных с целью воздействовать на судью и присяжных.

В реконструкции фактов Васильев предлагает суду карту города, описанную через расположение камер наружного наблюдения, важных мест преступления (пресс-центр и станция метро «Кропоткинская» определяют пределы, в которых совершается преступление) и перемещений в пространстве: гулять, бродить, бежать, стоять наблюдателем, размяться, ждать.

Место преступления становится, с помощью аргументов и описания, местом невиновности, свидетели перестают быть таковыми, их показания опровергаются. Таким образом, результаты анализа демонстрируют, что в речи защитника действительно осуществляется взаимодействие средств репрезентации городского пространства и разных риторических приемов (параллели, анафоры, повторы, аккумуляция, риторические вопросы [12]). Такое взаимодействие становится основным способом воздействия на аудиторию в процессе аргументации и убеждения.

Полученные результаты позволяют выдвинуть тезис о том, что исследования на пересечении областей юрислингвистики, нарратологии, риторики и теории аргументации не только возможны, но и достаточно перспективны. В российской науке работы на стыке юрислингвистики, нарратологии и риторики встречаются довольно часто и привлекают внимание все большего числа исследователей. На Западе активно развивается *Law and Literature* – дисциплина, которая совмещает нарратологию и юридическую лингвистику (в том числе теорию права). Представляется, что совокупность таких разнообразных методик может породить новые интересные направления в юрислингвистике, как русской, так и западной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Карпук Г.В.* Адвокатский дискурс как разновидность судебного красноречия // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы*. Сер. 3, Філалогія, Педагогіка, Псіхалогія. 2010. № 2 (98). С. 44.

[2] *Сергеич П.* Искусство речи на суде. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1910. С. 151.

[3] *Ю.Д. Буданов*, командир 160-го гвардейского танкового полка, полковник, который обвинялся в похищении, изнасиловании и убийстве 18-летней чеченки Эльзы Кунгаевой. Станислав Маркелов был адвокатом семьи Кунгаевых.

[4] Аббревиатура от «Боевая организация русских националистов».

[5] Статья 176 УПК РФ в пунктах 1 и 2 гласит: “1. Осмотр места происшествия, местности жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. 2. Осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

[6] Статья 194 УПК РФ в пунктах 2 и 4 гласит “2. Проверка показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия. [...] 4. Проверка показаний начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться. [...]”

[7] Ряд риторических вопросов, в которых подлежащим является слово “убийца” имеет целью отрицание отождествления убийцы с Тихоновым, именно поэтому защитник настаивает на выслеживании: можно ли это сделать по клочочкам рукописных записей, обнаруженных в квартире Тихонова и Хасис?

[8] Этимологический словарь Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%BD/%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%B-V%D1%8E%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 18/11/2020).

[9] *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* Trattato dell'argomentazione: la nuova retorica. Torino: Einaudi 1966. С. 125.

[10] *Rigotti E.* Verità e persuasione // *Il nuovo areopago*. Roma, 1995 № 14(1). P. 6.

[11] *Палашевская И.В.* Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Волгоград, 2012. С. 34.

[12] Зачастую такие вопросы строятся на непрерывном увеличении саспенса и сомнения, цель которого – достижение абсолютного одобрения и поддержки аудитории. Такие вопросы и в целом умеренное использование риторических приемов способствует живой заинтересованности присяжных, держит их в напряженном состоянии, действует на их эмоции (особенно посредством иронии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берницкая Н.В.* О грамматической оппозиции глаголов движения типа идти/ходить в русском языке // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 75–92.
2. *Карпук Г.В.* Адвокатский дискурс как разновидность судебного красноречия // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія, Педагогіка, Псіхалогія. 2010. № 2 (98). С. 44–50.
3. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
4. *Янда Л.* Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
5. *Lavezzi G.* Breve dizionario di retorica e stilistica. Roma: Carocci Editore, 2017. 134 P.
6. *Manzin M.* Argomentazione giuridica e retorica forense. Dieci riletture sul ragionamento processuale. Torino: G.Giappichelli Editore, 2014. 202 с.
7. *Marchese A.* L'officina del racconto, Milano: Oscar Mondadori, 2014. 246 с.
8. *Мокроусова А.К.* Образы города как ресурс анализа социального пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 15(3). С. 173–181.
9. *Палашевская И.В.* Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Волгоград, 2012. 42 с.
10. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* Trattato dell'argomentazione: la nuova retorica. Torino: Einaudi 1966. 612 с.
11. *Рахилина Е.В.* В зеркале глаголов: покой и движение // Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. С. 288–321.
12. *Рахилина Е.В.* В зеркале пространственных конструкции // Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. С. 239–287.
13. *Rigotti E.* Verità e persuasione // Il nuovo aereopago. 1995 № 14(1). С. 3–14.
14. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. СПб.: Сенатская типография, 1910. 389 с.
15. *Шведова Н. Ю.* [и др.]. Русская грамматика. М.: Академия наук СССР, 1982. I, С. 361–362.

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. *Brugaletta F.* Il sopralluogo giudiziario. Diritto.it. URL: <https://www.diritto.it/il-sopralluogo-giudiziario/> (дата обращения: 30/11/2020).
2. Полный текст выступления в прениях адвоката А.В. Васильева. URL: <http://tikhonov-hasis.info/2011/04/26/prenia/> (дата обращения 09/04/2021).
3. Словарь Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/>.
4. Словарь Эфремовой. URL: <https://www.efremova.info/>.
5. Значение приставок. URL: http://project.karelia.ru/atlant/help/prist_ref.htm.

URBAN SPACE AND FORENSIC RHETORIC ON THE EXAMPLE OF THE LAWYER A.V. VASIL'EV'S PLEADING IN THE S. MARKELOV CASE

Di Santo Annalisa, PhD student, adisanto@unior.it

University of Naples "L'Orientale", 61/62, Chiatamone street, Naples, 80121, Italy

The subject of this article is the speech in the debate by lawyer A.V. Vasiliev in defense of N. Tikhonov, accused of the murder of lawyer S. Markelov and journalist A. Baburova. The aim of the study is to identify how rhetorical strategies interact with descriptive digression in defender's speech. To achieve this goal, an analysis of the semantic fields associated with urban space is proposed: the system of nouns, the verbal categories of movement and statics, the vocabulary of visual perception. It also examines the main rhetorical techniques used in the text in order to win the judge and jury to their side. The research methodology includes the techniques of semantic fields, rhetoric and narratological analysis used in legal linguistics. The results of the study serve as an impetus for reflection on the role of describing urban space in the process of argumentation and persuasion in modern Russian judicial discourse. The thesis puts forward that research at the intersection of disciplines such as law linguistics, narratology, rhetoric and the theory of argumentation is a promising area of modern humanities.

Keywords: forensic rhetoric, forensic discourse, semantic analysis, urban space, argumentation, persuasion process.

З.Р. Дохова

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка и общего языкознания,

Кабардино-Балкарский государственный университет

им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация, 360004, КБР, г. Нальчик,

ул. Чернышевского, 173.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

В статье предпринимается попытка лингвистического анализа судебного дискурса на материале современных юридически направленных телепередач. Процесс стандартизации деловой речи, присущий судебному тексту, рассматриваемому как вербально-семиотическое проявление коммуникативной деятельности в ходе судебного процесса, позволяет определить язык права как особый, упорядоченный тип языкового нормирования дискурса; как феномен, реализующий функцию долженствования. Юридический язык, используемый для реализации правового, законодательного аспекта жизнедеятельности социума, выдвигается в определенную категорию, отличающуюся специфическими особенностями практически на всех языковых ярусах: лексическом, словообразовательном и грамматическом. Так, на лексическом уровне наблюдается *стремление к безмерно-обобщенной и профессиональной лексике, преференция родовых понятий, широкое употребление антонимов, исключение жаргонных, просторечных, диалектных лексем, эмоционально-экспрессивной лексики; на словообразовательном уровне – тяготение к бессуффиксному способу словообразования и использование отглагольных образований на -ани, -ени; на морфологическом уровне – противопоставление имени и глагола, отыменный приоритет, нанизывание родительного падежа, массивное использование инфинитива; на синтаксическом уровне – прямой словопорядок, преобладание пассивных конструкций, осложнение простого предложения, приоритет сложноподчиненных предложений с разными видами придаточных.*

Ключевые слова: юрислингвистика, судебный дискурс, язык права, лексическое своеобразие, словообразовательный потенциал, грамматическая специфика.

Введение. В современном интегрированном и глобализованном обществе язык как средство общения обслуживает все сферы политической, официально-деловой, научной и культурной жизни социума. Ключевое место он занимает в профессиональной деятельности юриста: высококвалифицированный юрист обязан понимать язык права и безусловно им владеть. Стабильность и порядок в отношениях между людьми в большей степени зависят от упорядоченности и устойчивости права, закономерности которого могут быть выражены лишь в слове. Поэтому целесообразно говорить о

языке юриста как особом проявлении языка, находящемся в паритетных отношениях с ведущими языковыми функциями, соответственно, требующем обособленного изучения. Это и является одной из причин появления и развития новой отрасли знания – юрлингвистики, стремительное становление которой наблюдается в последние десятилетия XXI века.

Язык права является объектом исследования многих научных работ, отличающихся полиаспектностью. Так, следует обратить внимание на изучение языка закона (Комарова 2000, Маланина 2006, Мартынова и др. 2016); описание лексических особенностей метаязыка правоведения (Яблонский 1996, Роман 1998, Мятченко 2000, Федулова 2010), терминологии юридических текстов (Артыкуца 1990, Денисова 1992, Морщакова 1992, Босов 2009, Мазнева 2011, Адельханян 2014, Салтыков 2017), синтаксического своеобразия юридического дискурса (Никулина 2017), правового текста в культурно-речевом аспекте (Муравьева 2006); рассмотрение языковой личности судебного оратора (Баишева 2007); анализ особенностей перевода юридических текстов (Русов 2013, Ожегова, Соболева 2014, Шерматова 2014, Мартынова 2016); изучение юридического дискурса в русле лингводидактики (Андреева 2019, Нараян 2020).

В современных научных трудах огромное внимание уделяется исследованию судебного дискурса, представляющего собой яркий пример статусно-ориентированного общения, в котором роли четко распределены и за каждым участником закреплены функции, регламентированные нормами правового института (Тютюнова 2008, Дубровская 2010, Солдатова 2011). Под судебным дискурсом следует понимать текст в широком смысле слова, объединяющий в себе огромный массив дискурсов, на основе анализа которых возможно выделение типичных характеристик и общих закономерностей построения судебной коммуникативной деятельности.

Цель статьи состоит в определении языковых особенностей судебного дискурса, отражающего нормализационные процессы, присущие языку права.

Для решения поставленной цели в работе применяются следующие **методы и приемы** исследования: гипотетико-дедуктивный и гипотетико-индуктивный; метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, лингвостилистический анализ, методы сопоставительного, описательного и трансформационного анализа (приемы наблюдения,

интерпретации, обобщения и классификации языкового материала).

Предметом изучения в исследовании являются телевизионные передачи «Суд идет», «Суд присяжных», «Федеральный судья».

Объектом рассмотрения данного исследования является язык юриста, представляющий собой реализацию законодательного подстиля официально-делового стиля.

Материалом для исследования послужили языковые единицы лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней, извлеченные методом сплошной выборки из трех юридически направленных телепередач.

Обсуждение. Общение в сфере правовых отношений способствует выполнению основных функций права: 1) выражению волевых предписаний государства, уполномоченного лица, органа; 2) передаче этих предписаний гражданам и учреждениям; 3) регулированию отношений между людьми. Язык права, как известно, выполняет **функцию долженствования**, которая сказывается и на лингвистических особенностях юридической речи.

Для выявления основных особенностей языкового своеобразия юридического дискурса проанализируем некоторые уровни языка.

А. Лексика. Официально-деловая речь обнаруживает тяготение к **предельно-обобщенной** в семантическом отношении **лексике**, где устранено все своеобразное, конкретное, неповторимое, а на передний план выдвинуто типичное. То есть официально-деловая лексика описывает не сам конкретный предмет речи, конкретные темы, а процедуры его представления в тексте: **не «Виктор Алексеевич»**, а **«подсудимый»**: **Подсудимый**, Вы показания давать будете? (а); **не «украсть»**, а **«совершить преступление»**: Защите потребуется доказать, что подсудимый не имел возможности и намерения **совершить** данное **преступление** (в); **не «избить» / «забить»**, а **«причинить телесные повреждения»**: **Телесные повреждения были причинены** колющими, режущими предметами? (б).

Лексический пласт, которым пользуются юристы, отличается специфичностью. Так, например, совершенные осужденными **преступления** могут определяться как: преступление: И что бы последовало затем, если бы они не совершили преступления? (б); **деяние**:...а из их показаний следует, что они действительно не совершали деяние с использованием своего служебного положения (б); **действие**: Это версия защиты для того, чтобы хоть как-то оправдать

их действия (б); **уголовное дело**: Рассматривается уголовное дело по обвинению Соболева Анатолия Игоревича в разбое... (в).

По степени тяжести совершения преступления лексика со значением «противодеяние» классифицируется на: **убийство**: Они совершили убийство в состоянии сильного душевного волнения... (б); **избиение**:...ни с того ни сего набросились на незащитного человека и подвергли его жестокому избиению (б); **разбойное нападение (разбой)**: На скамье подсудимых мужчина, которого обвиняют в разбойном нападении (в); **кража**: ...в отсутствие хозяев он проник в квартиру Понамаревых с целью совершения кражи (в); **незаконное проникновение в жилище**: Рассматривается уголовное дело по обвинению Соболева Анатолия Игоревича ...в незаконном проникновении в жилище (в).

Таким образом, лексический уровень языка официально-делового стиля, присущего судебному дискурсу, характеризуется следующими признаками:

1) **предпочтение родовых понятий**: **транспортное средство** (автобус, самолет, поезд), **населенный пункт** (город, деревня, поселок); **помещение** (квартира, вестибюль, апартаменты), **лицо** (индивид, персона, мужчина, девушка, парень, хозяин, прохожий);

2) частое использование **слов и словосочетаний**, характеризующихся применением исключительно в юридической деятельности: **преступник**: Если он – алкоголик, это не означает, что он – преступник (а); **вынести вердикт**: В связи с этим прошу вынести справедливый вердикт (б); **назначить наказание**: Прошу признать суд его виновным и назначить Соболеву А.И. наказание в виде лишения свободы сроком 8 лет (в); **совершение преступления**: Суд, рассмотрев дело в уголовном заседании по обвинению Виктора Алексеевича Марченко, приговорил Виктора Алексеевича Марченко в совершении преступления, предусмотренного п. В, ч. 2 УК РФ (а); **совершить убийство**:...они совершили убийство в состоянии сильного душевного волнения (б); **совершать деяния**:...хотел бы обратить Ваше внимание, что никаких объективных данных, подтверждающих, что мои подзащитные совершали какое-либо деяние (б);

3) широкое употребление **антонимов**: **защита – обвинение**: И защита, между прочим, об этом замечательно знает (б) – Как у обвинения все удачно получается (б); **подсудимый – потерпевший**: Также подсудимый не опровергает своего пристрастия к алкоголю (а) - Потерпевший, подойдите к трибуне (а); **возражаю – не возражаю**:

Возражаю, возражаю, Ваша честь (б) – Не возражаю, Полина Сергеевна, помогите нам (б); пройти за трибуну – занять свое место: Свидетель Никитин, пройдите за трибуну (б) – Свидетель Фомин, займите свое место в зале (б); протест принимается – протест отклоняется: Протест принимается (б) – Суд отклоняет протест (б); есть вопросы – нет вопросов: У меня вопрос (в) – Ваша честь, у меня нет вопросов (а); есть доказательства – нет доказательств: Уважаемый суд, в деле имеется достаточно доказательств, подтверждающих виновность подсудимого (в) – Никаких доказательств, что мой подзащитный находился в то время на месте преступления, нет (в); обвинить – оправдать: На скамье подсудимых мужчина, которого обвиняют в разбойном нападении (в) – Это версия защиты для того, чтобы хоть как-то оправдать их действия (б); продолжить – закончить: Судебное заседание продолжается (б) – Судебное заседание объявляется законченным (а); объявляется открытым – объявляется окончанным: Заседание объявляется открытым (в) – Судебное следствие объявляется окончанным (в); встать – садиться: Прошу всех встать (в) – Прошу садиться (в);

4) наличие **архаизмов** и **историзмов**, употребляемых часто в номинативной функции: *сей, таковой: Сей проступок невозможно оправдать (а), Ответ потерпевшего таковой (в);*

5) отсутствие **жаргонных, просторечных слов, диалектизмов, эмоционально-экспрессивной лексики.**

Б. Словообразование. Из словообразовательных моделей существительных чаще всего в речи юристов встречаются **отглагольные образования** на **-ани, -ени**: *вынесение, задержание, заседание, лишение, обвинение, объяснение, побуждение, подозрение, показание, преступление, приобщение, причинение, разъяснение, расследование, совершение, умозаключение (а); возражение, выступление, давление, деяние, заключение, замечание, избивание, назначение, наказание, нанесение, обозрение, опознание, оправдание, осуждение, отбывание, повреждение, подтверждение, получение, превышение, прение, пререкание, пресечение, привлечение, признание, решение, снисхождение, убеждение (б); дополнение, исправление, нападение, намерение, нахождение, основание, откладывание, перевоспитание, поведение, предположение, применение, проникновение, рассмотрение, сотрясение, требование (в).*

Очень редко, но употребляются отглагольные существительные

на **-ние** с префиксом **не-**: **неустановление**: Прокуратура возбудила уголовное дело, но в дальнейшем приостановила за неустановлением лица, подлежащего к привлечению в качестве обвиняемого (б).

Нанизывание существительных с суффиксом **-ние** является яркой чертой судебного дискурса: **Кража по ч. 2 – это преступление средней тяжести, однако суд счел его исправление перевоспитанием не возможным без изолирования от общества** (в).

Более употребительными способами образования слов в судебной речи являются:

1) **бессуффиксный способ образования**: **запрос, запись**: И по адвокатскому запросу банк мне выдал запись, которая была произведена 21 августа 2008 г. (а); **просмотр**: Ваша честь, прежде чем допросить следующего свидетеля, обвинение ходатайствует о просмотре видеозаписи (б); **отказ**: Я думаю, что отказ потерпевшего давать какие-либо разъяснения тоже своего рода объяснение (а); **приговор**: Суд удаляется для вынесения приговора (а); **допрос**: У обвинения есть возражения по поводу повторного допроса? (б); **обыск**: При обыске той же квартиры было обнаружено 20 тыс. рублей (в); **протест**: Суд отклоняет протест (б); **ход**: Материалы были переданы в прокуратуру, поскольку в ходе проверки было установлено... (б);

2) **способы композитивного словообразования – осново- и словосложение, сращение**: **снотворное**: Ау Вас не вызвало подозрения, что, пусть и пьяный человек, которого невозможно разбудить, не подлил ли ему кто-то снотворного (а); **добропорядочность**:... полагаюсь на Вашу добропорядочность (а); **умозаключение**: То есть это Ваше умозаключение? (а); **видеозапись**: И я попросила бы суд данную видеозапись обзреть (а); **полномочие**: И что ни разу не было никаких пререканий и превышения должностных полномочий? (б); **самоубийство**: Поясните, пожалуйста, год назад в Вашем отделе производилась проверка по факту самоубийства Валовой Анастасии Семеновны? (б); **самосуд**: Не из-за того ли мои подзащитные устроили самосуд, потому что прокуратура поверхностно относится к своим должностным обязанностям? (б); **злоумышленник**: И настоящего злоумышленника мы можем предполагать... (в); **правоохранительный**: Николай Александрович, как Вы узнали, что погибший боится представителей правоохранительных органов (б).

Пристрастие судебного дискурса к сложным словам можно объяснить их семантической и строевой прозрачностью.

В. Морфология. Морфологические черты проанализированных текстов неразрывно связаны с общими требованиями к судебному дискурсу: стремление к точности, стандартизованность, неличный и долженствующе-предписующий характер изложения.

Основные морфологические особенности языка юриста:

1. **Противопоставление имени и глагола.** Судебная речь носит *абсолютно именной характер*. Одно и то же существительное в юридических текстах может, не заменяясь местоимением, повторяться несколько раз в одном или рядом стоящих предложениях: *Ваша честь, я хотела бы до следующего вопроса заявить ходатайство о приобщении к материалам дела схемы разбитой бутылки. На бутылке обнаружены отпечатки пальцев моего подзащитного. Я попыталась воссоздать по схеме бутылки, где находятся отпечатки пальцев (а); И на тех, и на других ботинках имеются следы крови и следы волос потерпевшего (б); Доказано ли, что деяние имело место? Доказано ли, что это деяние совершил подсудимый? Виновен ли подсудимый в совершении этого деяния? (б); После вынесения приговора в течение 10 суток Вы имеете право с Вашим адвокатом подать жалобу. Потерпевшие, после вынесения приговора в течение 10 суток Вы можете обжаловать (в).*

2. Именной характер юридических текстов проявляется и в **большом количестве отыменных предлогов**: *в связи с*: Суд постановил: *в связи с вновь открывшимися обстоятельствами задержать Олега Дмитриевича (а); в виде*: Прошу признать суд его виновным и назначить Соболеву А.И. наказание в виде лишения свободы сроком 8 лет (в); *с целью*: Адвокат Айвар, именно с этой целью Вы обозрели эту кассету? (а); *согласно*: Уважаемые присяжные заседатели, я прошу обратить внимание, что, согласно заключениям судебно-медицинской экспертизы... (б); *по*: По показаниям свидетеля... (б); *По исследованиям детализации звонков, этот свидетель трижды в этот день звонил потерпевшей Понамаревой (в).*

3. Большое количество имен существительных делает неизбежным **нанизывание родительного падежа**: *Вы не обратили внимания на то, что на горлышке бутылки отпечатков пальцев моего подзащитного нет? (а); Суд удаляется для вынесения приговора (а); Это просмотр места происшествия (б); Прошу суд назначить наказание Валову Семену Григорьевичу и Сорокину Борису Евгеньичу*

по ст. 286, ч. 3, в виде 3 лет лишения свободы, и по ст. 105, ч. 2, п. Д, Ж, в виде 20 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима (б); А осужденными – в тот же срок с момента получения копии приговора (б).

4. Выступающие юристы часто используют **местоимение 1-го лица мн. ч.**: *Мы просим пригласить в этот зал и допросить в качестве свидетеля Казакову Ирину Владимировну (а); Да, мы хотели бы допросить свидетеля Сонова Владимира Ильича (а); И настоящего злоумышленника мы можем предполагать, но это не предмет нашего сегодняшнего дела (в);* или **нарицательное существительное в 3-м л.: суд**: *Суд, рассмотрев дело в уголовном заседании по обвинению Виктора Алексеевича Марченко, приговорил Виктора Алексеевича Марченко...(а); Суд отклоняет протест (б); Суд допросит Вас в качестве потерпевшей (в); защита: Ваша честь, у защиты больше нет вопросов к этому свидетелю (б); обвинение: У обвинения есть возражения по поводу повторного допроса? (б); Обвинение не возражает (в).*

5. В судебном дискурсе наблюдается самый **высокий процент инфинитива** от других глагольных форм (5:1): *доказать, давать, допросить, разбудить, задать, освободить (а); обратиться, услышать, предоставить, убрать, ругать, выкрикивать, принять, оправдать, вскрывать, совершить, сделать, просветить, получить, назначить, оставить (б); совершить, подыскать, показывать, помочь, слушать, украсть, обнаружить, позвонить (в).* Такое количественное преобладание доли инфинитива связано с целеустановкой юридических текстов - выражение волеизъявления законодателя.

6. Из спрягаемых форм в юридическом дискурсе часто употребляются **формы настоящего времени с семантикой 'настоящее предписание'**. Данная глагольная форма обозначает не постоянное или обычное действие, а действие, предписываемое произвести законом: *Судебное заседание объявляется законченным (а); Провозглашается приговор (б); Подсудимый Соболев Анатолий Игоревич обвиняется не в разбойном нападении, а в краже личного имущества (в).*

7. Глагольные формы в **будущем времени** совершенно не представлены.

Г. Синтаксис. Синтаксические особенности, присущие языку юриста, характеризуются следующим:

1) **прямым порядком слов**, последовательной сменой тем и рем: *Убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку*

из корыстных побуждений или по найму, наказывается лишением свободы на срок около 20 лет в колонии строгого режима или пожизненным лишением свободы (а); Адвокат пытался опорочить показания данного свидетеля (б); По исследованиям детализации звонков этот свидетель трижды в этот день звонил потерпевшей Понамаревой (в);

2) частым использованием **составных сказуемых**: просим пригласить, хотели бы допросить, были найдены, попыталась воссоздать, приговорил оправдать, постановил задержать, объявляется законченным (а); хотел бы напомнить, просил бы продемонстрировать, могли бы образоваться, была изъята, было установлено, было принято, было совершено, были обнаружены, пытается доказать, прошу обратить внимание, прошу вынести, можете посмотреть, можете признать, может быть обжалован, хотели сказать, являетесь руководителем, пытался опорочить, не могут быть осуждены, (б); может подтвердить, можем предполагать, была найдена, была украдена, было приобщено, потребуются доказать, стали пропадать, должна была находиться, должен был успеть подняться (в);

3) разными видами **осложнения простого предложения**, например **однородными членами предложения**, число которых не ограничивается, что предопределено необходимостью исчерпать предмет сообщения: Повреждение головы, груди, живота, а также верхних конечностей были причинены твердыми тупыми предметам (б); Рассматривается уголовное дело по обвинению Соболева Анатолия Игоревича в **разбое, в применении предметов, используемых в качестве оружия, и в незаконном проникновении в жилище** (в);

4) превалированием **пассивных конструкций**: Судебное разбирательство объявляется открытым (а); ...данные о личности до вынесения вердикта не исследуются в судебном заседании (б); Проведенной в отделе судебной психиатрии экспертизой подсудимый признан вменяемым и отдающим себе отчет в совершенном деянии (в);

5) использованием **СПП с разными видами придаточных**, что объясняется необходимостью корректного представления имеющихся обстоятельств дела, потребностью установить виды отношений между действиями обвиняемого, между всеми участниками уголовного дела (временные, причинно-следственные):

- **определятельное придаточное**: Он уполномоченный,

который первым приехал на место происшествия с оперативной группой и проводил расследование (а); Была получена детализация, которая четко подтверждает слова, что говорит сейчас свидетель (б); На скамье подсудимых мужчина, которого обвиняют в разбойном нападении (в);

• **изъяснительное придаточное:** Моя цель в данном процессе – доказать, что позиция обвинения ошибочна и что это ужасное коварное преступление совершено не моим подзащитным, а другим человеком (а); Ваша честь, прошу обратить внимание на то, что данный вопрос уже поднимался в ходе предварительного следствия защитой (б); Защите потребуется доказать, что подсудимый не имел возможности и намерения совершить данное преступление (в); Расскажите, как это произошло (в);

• **придаточное времени:** Ирина Владимировна, когда Вы ехали на кладбище, были ли у нее с собой документы на могилку? (а); Что Вы увидели, когда подошли к месту? (б); Были ли у Вас ключи, когда находились в гостях? (в);

• **придаточное цели:** Он поселился у них на время для того, чтобы подыскать себе жилье и работу в Москве (в);

• **придаточное условия:** Если нет вопросов, присаживайтесь, пожалуйста (а); И что бы последовало затем, если бы они не совершили преступления? (б);

• **придаточное причины:** Материалы были переданы в прокуратуру, поскольку в ходе проверки было установлено... (б); Этого не может быть, так как он никого не видел (в); Что касается обвинения в причинении телесных повреждений, оно не нашло подтверждения, поскольку сама потерпевшая не видела ударившего ее (в).

б) употреблением **предложений с разными видами связи:** Также подсудимый не опровергает своего пристрастия к алкоголю, но он утверждает, что не убивал соседку (а); Адвокат пытался опорочить показания данного свидетеля, однако, на мой взгляд, у него ничего не вышло: мы видели, что у свидетеля отменное зрение (б); Я объясню свою позицию: подсудимые не могут не знать азов криминалистики, а азы криминалистики говорят, что, когда обнаруживается труп человека с признаками насильственной смерти, даже если это выброс из окна, биологические образцы изымаются обязательно! (б); Вы только предполагаете или у Вас есть какие-то доказательства, что он совершил это деяние? (в).

7) частым использованием причастного оборота: *На банке вмонтированы камеры, которые снимали все, происходящее на улице (а); Ваша честь, разрешите мне продемонстрировать фотографии, приобщенные к материалам дела (б); Уважаемый суд, в деле имеется достаточно доказательств, подтверждающих виновность подсудимого (в);*

8) оперированием деепричастного оборота, употребляющегося в начале абзаца и выполняющего вводную функцию: в деепричастии указывается уже известное в ситуации: *Суд, рассмотрев дело в уголовном заседании по обвинению Виктора Алексеевича Марченко... (а); Испугавшись быть застигнутым с поличным, Соболев... (в);* или обосновываются принимаемые решения: *Прошу Вас, основываясь на исследованных доказательствах и на своем внутреннем убеждении, вынести вердикт (б).*

Выводы. Таким образом, проведенный анализ языковых конструкций юридически ориентированных телепередач свидетельствует о том, что

- в современной научной парадигме необходимо выделить в отдельную категорию язык юриста, который, являясь реализацией законодательного подстиля официально-делового стиля, имеет свои отличительные признаки;
- естественный язык и язык права релятивно можно разграничить с точки зрения функциональности, поскольку естественный язык подвергается юридификации на всех языковых ярусах и становится качественно иным, законодательным, явлением, реализующим функцию долженствования;
- языковые особенности судебного дискурса, являющегося важным видом устной юридической коммуникации, проявляются как на лексическом, словообразовательном, так и на морфологическом, синтаксическом уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адельханян Г.Р.* Методы презентации единиц специальной номинации в языке права (на материале англоязычных юридических текстов): автореферат дис... кандидата филологических наук. М., 2014.
2. *Андреева Л.С.* Изучающее чтение профессионально ориентированных

текстов при обучении русскому языку как иностранному студентов юридических специальностей // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Материалы VIII Международной научно-методической конференции. 2019. С. 15–20.

3. *Артыкуца Н.В.* Русская терминология судоустройства XVII в генетическом, структурном и функциональном аспектах: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Киев, 1990. – 25 с.

4. *Баишева З.В.* Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: автореферат дис. ... доктора филологических наук. Уфа, 2007. – 46 с.

5. *Босов А.Е.* Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Нижний Новгород, 2009. – 26 с.

6. *Денисова А.А.* Семантика терминов общей теории права (парадигматический аспект): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 1992. – 16 с.

7. *Дубровская Т.В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.

8. *Комарова Р.Н.* Язык закона: лингвистические характеристики: на материале текста Германского гражданского уложения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2000. – 18 с.

9. *Мазнева Ю.А.* Аббревированные юридические термины: структурно-семантический, системно-функциональный и когнитивно-дискурсивный аспекты: на материале современного английского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2011. – 23 с.

10. *Маланина Н.В.* Язык закона // Ползуновский вестник. 2006. №3-1. – С. 105–113.

11. *Мартынова Н.А.* Отражение тенденций развития языка при переводе юридических текстов // Наука и практика. 2016. № 4 (69). – С. 177–180.

12. *Мартынова Н.А., Матюшин И.А., Щеглов Р.П.* Структура правового языка и юридических текстов // Современный научный вестник. 2016. Т. 4. № 2. – С. 135–140.

13. *Морщакова Т.В.* Семантические характеристики терминов уголовного закона: (на материале русского, немецкого и английского языков): автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 1992. – 17 с.

14. *Муравьева А.А.* Текст права в культурно-речевом аспекте: на материале публикаций юридических журналов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2006. – 24 с.

15. *Мятченко И.В.* Лексико-семантическая аспектность метаязыка правоведения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Краснодар, 2000. – 18 с.

16. *Нараян М.* Юридический текст в обучении русскому языку // Язык, право и общество в координатах массмедиа. Сборник материалов 3 Международной научно-практической конференции/под ред. И.В. Анненковой, Л.Р. Дускаевой. 2020. С. 292–295.

17. *Никулина Л.В.* Синтаксические особенности юридических текстов (на материале французского языка) // Научная сессия ГУАП: в 3 ч. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. 2017. – С. 162–164.

18. *Ожегова Е.Ю., Соболева Е.Г.* Грамматические и лексические трудности перевода юридических текстов (на материале немецкого языка) // Язык. Право. Общество. 2 Международная научно-практическая конференция/под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, Г.И. Канакиной. 2014. С. 250–253.

19. Роман Л.В. Метаязыковая субстанциональность языка судопроизводства и

речевые аспекты его реализации: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Краснодар, 1998. – 20 с.

20. Русов А.Н. Способы повышения качества перевода юридических текстов на русский язык: советы переводчикам // Язык. Право. Общество. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. О.В. Барабаш, Г.И. Канакиной. 2013. С. 287–291.

21. Салтыков К.Г. Особенности использования термина «договор» в юридическом языке и тексте // Юриконсульт в строительстве. 2017. № 1. С. 55–60.

22. Солдатова А.А. Специфика речевых стратегий в адвокатском дискурсе // Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: мат. междунар. науч.-практич. конф. 5–6 июня 2011 г. Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 163–166.

23. Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Волгоград, 2008. – 25 с.

24. Федулова М.Н. Прагмо-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: на материале английского и русского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2010. - 20 с.

25. Шерматова П.М. Лингвистические особенности юридических текстов в аспекте перевода (на материале английского языка) // Ценности и интересы современного общества. Международная научно-практическая конференция. 2014. С. 122-127.

26. Яблонский В.Ю. Модальность метаязыковой субстанциональности правовой лексики: автореферат дис....кандидата филологических наук. Краснодар, 1996.17 с.

Dohova Zalina Ruslanovna – is a Candidate in Philology,

Associate Professor of the Department of Russian language and General linguistics Kabardino-Balkar state University named after Kh.M. Berbekov

173, Chernyshevsky Str., Nalchik, 360004, KBR, Russian Federation

The article attempts a linguistic analysis of judicial discourse based on the material of modern legally directed television programs. The process of standardization of business speech inherent in the judicial text, considered as a verbal-semiotic manifestation of communicative activity during the judicial process, allows us to define the language of law as a special, ordered type of linguistic normalization of discourse; as a phenomenon that implements the function of duty. The legal language used for the implementation of the legal, legislative aspect of the life of society is put forward in a certain category, which differs in specific features in almost all language tiers: lexical, word-forming, and grammatical. So, at the lexical level, there is a desire for immensely generalized and professional vocabulary, preference for generic concepts, widespread use of antonyms, the exclusion of slang, colloquial, dialect lexemes, emotional and expressive vocabulary; at the word-formation level-the attraction to the non-prefix method of word formation and the use of verbal formations on-ani, - eni; at the morphological level – the opposition of the name and verb, the nominative priority, the stringing of the genitive case, the massive use of the infinitive; at the syntactic level-direct word order, the predominance of passive constructions, the complication of a simple sentence, the priority of complex sentences with different types of subordinate clauses.

Keywords: legal linguistics, judicial discourse, language of law, lexical distinctiveness, word-forming potential, grammatical specifics.

dohovaz@mail.ru

БУКВАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В современном обществе ежедневно заключается огромное количество различных договоров. Стороны договора обычно не сомневаются, что контрагент понимает текст договора в соответствии с тем самым смыслом, который они в него вкладывали. Но при таком числе юридических документов по самым разным причинам могут случаться «сбои». Результатом таких «сбоев» становятся споры между сторонами, которые разошлись во мнениях о правильном понимании юридического документа.

Универсальным средством решения таких споров выступает суд. При этом суду предстоит самому ознакомиться со спорным юридическим текстом, дешифровать его смысл и определить, какая из сторон спора была права, предлагая тот или иной вариант толкования. В России приоритетное значение придаётся буквальному значению слов и выражений, использованных в договоре.

Данная работа направлена на демонстрацию того, в каких случаях суды прибегают к буквальному толкованию, как выявляется буквальное значение слов, на какие источники опираются судьи при выявлении значений спорных положений договоров. В работе представлен анализ более 50 решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции, в которых судьям приходилось устанавливать буквальное значение использованных в договоре слов и выражений.

Ключевые слова: судебное толкование, буквальное значение, толкование договора, обычное значение, словарь.

В соответствии с частью 1 статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Суды разъясняют данное положение следующим образом: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, в свете его объекта и целей, а также в соответствии с общим намерением сторон. Если такое намерение не может быть выявлено, договор должен толковаться в соответствии со значением, которое аналогичные сторонам разумные лица придавали бы договору в таких же обстоятельствах» [1].

Условия договора подлежат толкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 ГК РФ, другими положениями ГК РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (статьи 3 и 422 ГК РФ). При толковании условий договора в силу абзаца первого статьи 431 ГК РФ судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений (буквальное толкование). Такое значение определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307 ГК РФ), если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела [2].

Перед непосредственным анализом судебной практики предлагаем для сравнения ознакомиться с некоторыми зарубежными нормативными актами, регламентирующими порядок толкования договоров. Это позволит увидеть, насколько положения нашего ГК соответствуют мировой практике.

В гражданских кодексах стран постсоветского пространства содержатся примерно аналогичные российским положения.

В Республике Беларусь при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом [3].

На Украине при толковании содержания сделки берётся во внимание одинаковое для всего содержания сделки значение слов и понятий, а также общепринятое в соответствующей сфере отношений значение сроков. Если буквальное значение слов и понятий, а также общепринятое в соответствующей сфере отношений значение сроков не дает возможности выяснить содержание отдельных частей сделки, их содержание устанавливается сравнением соответствующей части сделки с содержанием других ее частей, всем ее содержанием, намерениями сторон [4].

В Республике Казахстан буквальное значение предписывается выяснять не только в отношении спорных положений договора, но и при толковании самого гражданского законодательства. При выяснении точного смысла нормы гражданского законодательства необходимо

учитывать исторические условия, при которых она вводилась в действие, и ее истолкование в судебной практике [5].

В законодательствах же других стран можно встретить и отличающиеся от такого подхода положения. Гражданский кодекс Франции предписывает, рассматривая соглашения, в первую очередь установить, каким было взаимное намерение договаривающихся сторон, а не осмысливать буквальное значение слов. Слова, которые могут иметь двоякий смысл, должны пониматься в том смысле, который более всего соответствует содержанию договора. То, что является неясным, должно толковаться в соответствии с обычаями той местности, где заключен договор [6].

В Германии при толковании волеизъявления необходимо следовать действительной воле, не придерживаясь буквального смысла выражений [7].

В Монголии при толковании договора принимается во внимание буквальное значение его слов. Буквальное значение условий договора в случае его неясности устанавливается путём сопоставления с другими условиями и смыслом договора целом. Если некоторые выражения договора в зависимости от местной специфики можно толковать по-разному, то договор толкуется в смысле, принятом в месте проживания сторон заключивших договор, а если стороны проживают в разных местах, то в смысле привычном для места проживания стороны, принявшей предложение о заключении договора. При наличии противоречащих друг другу или имеющих много значений выражений толкование осуществляется по смыслу, более подходящему содержанию договора [8].

В Бразилии в изъявлениях воли следует больше принимать во внимание намерение лица, нежели буквальный смысл выражений [9].

В Перу сделки должны толковаться в соответствии с выраженными в них условиями и в соответствии с принципом добросовестности. Неоднозначные выражения должны пониматься в значении, наиболее подходящим характеру и предмету сделки [10].

На примере этих положений мы видим реализацию двух известных всем подходов – «теории воли» и «теории волеизъявления». В России закреплён приоритет волеизъявления, которое и выражается в тексте договора. «Ein Mann – ein Wort» – гласит старая немецкая поговорка; «слово – не воробей, вылетит – не поймаешь», – отвечает русская [11].

Среди проанализированных нами судебных дел широко были распространены споры, в которых судам приходится толковать договоры в целом, не акцентируя своё внимание на отдельных словах и выражениях. Многие такие споры касались толкования договоров страхования. В этих спорах стороны настаивают на различном понимании условий договора. В зависимости от выбора того или иного варианта толкования оказывалось получение страховой выплаты.

Во-первых, споры вызывают пункты договоров, которые регламентируют возврат страховой премии в случае отказа от договора страхования со стороны страхователя. У застрахованных лиц возникают вопросы, возможен ли возврат страховой премии в случае их отказа от договора страхования. Суды в подобных случаях исходят из того, что буквальное толкование подобных условий договора не содержит указание на возможность застрахованного лица требовать возврата страховой премии в случае одностороннего отказа от договора страхования [12].

Во-вторых, судам приходится толковать отдельные условия из договоров. Интересным является казус, который разобрал суд в споре между страховой компанией и банком, который являлся выгодоприобретателем по договору страхования. Клиент банка при оформлении кредитного договора заключил договор страхования в пользу банка. По условиям договора страховым случаем являлась смерть застрахованного лица в результате болезни или несчастного случая. При этом, согласно условиям договора, страховым случаем не являлось событие, произошедшее при совершении застрахованным лицом противоправных действий. Застрахованное лицо погибло в ДТП, которое произошло по причине грубого нарушения данным лицом правил дорожного движения. Страховая компания отказала в выплате, не признав случившееся несчастным случаем, и сослалась на наступление смерти в результате противоправных действий застрахованного лица. Суд решил, что, «хотя подобное положение Правил страхования при ипотечном кредитовании и не противоречит закону, вместе с тем его расширенное толкование в части совершения застрахованным лицом любых противоправных действий, вследствие которых в дальнейшем в выплате страхового возмещения может быть отказано, ограничивает ответственность страховщика, поскольку

данное условие об исключении из страхового случая событий, связанных с противоправностью действий страхователя, не может быть признано согласованным сторонами при заключении договора» [13].

В-третьих, судам приходится истолковывать содержание перечисленных в договоре страховых случаев. Например, в соответствии с договором добровольного страхования была предусмотрена выплата страхового возмещения при стихийных воздействиях, в том числе и «обвале», при этом понятие обвала страхователем не было раскрыто. Спор вызвало то, является ли страховым случаем обвал снежного покрова с крыши здания на застрахованный автомобиль. Суд решил, что падение снега в данном случае подпадает под обыденное понимание слова «обвал» [14].

Вторая группа дел – это споры о природе заключённого договора. Так, при споре о том, заключен договор аренды или купли-продажи, суд остановил внимание на том, в отношении чего был заключен договор. В итоге суд сделал вывод, что продукты питания, продовольственные товары, одежда и т.д., являвшиеся предметом заключенного между сторонами договора, являются потребляемыми вещами, а потому в соответствии со статьей 607 ГК РФ не могут быть предметом договора аренды, следовательно, в отношении этих вещей между сторонами был заключен договор купли-продажи [15].

Суд прибегнул к буквальному толкованию договора при возникновении спора о том, заключен между сторонами договор подряда или агентский договор. Так, по условиям договора одна сторона приняла на себя обязательства по комплексному техническому обслуживанию систем пожарной безопасности. Другая сторона оплатила оговоренную сумму, однако, за период действия договора никаких работ произведено не было. Обратившись в суд за возвратом денежных средств истец столкнулся с аргументом ответчика о том, что он не получал никаких заявок на проведение работ, следовательно, никакие работы и не производились. Суд для разрешения спора буквально истолковал условия договора и пришёл к выводу, что данный договор не является договором подряда в классическом виде, к нему не составлена смета, нет приложений, расписывающих график и содержание каких-либо определенных работ. Выполнение работ или оказание услуг должно конкретизироваться сторонами в каждой отдельной заявке, а ключевыми доказательствами неисполнения обязательств ответчика по договору послужили бы неисполненные

заявки истца. Сам же истец обязан вносить платежи независимо от того, было ли затребовано исполнение по договору [16].

В этих спорах суды ссылались на буквальное толкование договора в целом. Также отметим, что в этих спорах суды не указывали на использование каких-либо внешних источников для установления буквального смысла договора.

Можно выделить споры, в которых суд давал буквальное толкование отдельным словам и выражениям. Среди этих споров можно отметить те, где суд устанавливал синонимичность использованных понятий, и те, где суд просто давал толкование отдельному слову или фразе.

Стороны соглашений нередко в тексте договоров в силу различных причин используют разные понятия в отношении одного и того же явления. А при возникновении споров начинают настаивать либо на синонимичности использованных понятий, либо, наоборот, на их различии. Например, суду пришлось устанавливать, допустимо ли подписание акта об установке вместо акта приема-передачи программного обеспечения [17]. Ответчик утверждал, что, исходя из текста контракта, термины «прием-передача» и «установка» не являются синонимичными. Суд с ответчиком не согласился, буквально истолковав необходимость составления акта приема-передачи следующим образом: «Факт установки программного обеспечения у лицензиата оформляется актом приема-передачи. Следовательно, назначение акта приема-передачи состоит в том, что этот документ подтверждает факт установки (установки) программного обеспечения. Подписание Сторонами акта об установке, подтверждающего факт установки программного обеспечения на Оборудовании Лицензиата, свидетельствует о полном выполнении Истцом своих обязательств по Контракту».

В другом деле суд разбирал спор, в котором стороны в тексте договора и при его исполнении использовали три понятия – *график производства работ*, *график выполнения работ* и *календарный план* [18]. Исследовав текст договора суд пришёл к выводу, что все три понятия могли быть использованы сторонами в одинаковом значении. Аналогичная ситуация была при использовании в договоре терминов «договор» и «контракт» [19], «пени» и «штраф» [20]. Сразу отметим, что в отношении слов «пени» и «штраф» достаточно много решений,

которые не формируют единую практику. Вместе с решениями, признающими их синонимичность, достаточное число актов отражают обратный подход. В таких делах отмечается, что термин «штраф» обычно употребляется в тех случаях, когда речь идет о неустойке в виде процента или в твердой сумме, взыскиваемых однократно. Термин «пени» принят в отношении неустойки, которая исчисляется в виде процента к сумме неисполненного обязательства и взыскивается за каждый день его нарушения или в течение определенного периода времени [21]. Также суды разделяют штрафную неустойку и неустойку в виде пени [22].

Если говорить про толкование отдельных слов и выражений, то в пример можно привести дело, в котором суд установил, что термин «представить» означает «доставить в нужное место», то есть непосредственное вручение получателю (в данном случае – гаранту) каких-либо предметов или документов (в данном случае – письменного требования бенефициара об уплате денежной суммы по банковской гарантии) [23].

Буквально толковать судам приходится и тексты расписок [24]. Кроме случаев, когда текст расписки необходим для определения природы возникших между сторонами правоотношений, привлекают внимание случаи, когда стороны при помощи расписки хотели изменить ранее возникшие договорные отношения. Так, например, между сторонами существовал договор займа с четким описанием порядка возврата денежных средств. Позже должник принимает от кредитора дополнительные денежные средства о чём составляется расписка, в тексте которой есть указание, что денежные средства он берёт «дополнительно к договору» заключенному ранее. В итоге должник не возвращает деньги, и перед судом встаёт вопрос о том, применять ли условия указанного договора о процентах, обеспечении и т.д. к денежным средствам, полученным позже с составлением соответствующей расписки. Суд посчитал, что фраза в расписке «дополнительно к договору» по своему буквальному смыслу не может означать, что стороны договорились об увеличении суммы займа по изначальному договору [25].

Среди проанализированных дел имел место и случай, когда в результате буквального толкования договора суд установил, что спорный платёж был авансом, а не оплатой этапа работы. При этом тот факт, что стороны не использовали термин «аванс», не меняет

правовой природы денежных сумм, переданных поставщику до момента исполнения обязательств, поскольку их природа определяется в соответствии с законодательством» [26]. То есть здесь суд установил соответствие условий договора той конструкции, которая закреплена в законодательстве в отношении авансового платежа.

Толковаться могут и оценочные понятия. Так, словосочетание «планируемый срок», признано судом тождественным понятию «плановый, приблизительный, ориентировочный». «Такое понятие не может расцениваться как точный срок исполнения обязательства сторон договора, при наступлении которого у сторон возникает ответственность за нарушение условий договора» [27].

Но суды не всегда считают необходимым останавливаться именно на буквальном значении слова. Так, в одном из дел суд констатировал, что использование в договоре и расписке слова «задаток» само по себе в силу требований п. 2 ст. 380 ГК РФ не является достаточным свидетельством того, что стороны вкладывали в это понятие смысл, указанный в п. 1 данной статьи [28].

Источники, к которым обращались суды при буквальном толковании договоров

Обычно суды не указывают на то, на основании чего они сделали вывод о том или ином выявленном буквальном смысле спорных положений. Но по результатам анализа некоторых дел можно установить «источники» этого буквального смысла. Среди них оказались словари [29], нормативные акты [30], включая ведомственные инструкции [31], ссылки на сферу использования слова, судебное понимание [32], правила орфографии и пунктуации, ссылка на позицию «слабой» стороны, некие неназванные источники. Рассмотрим примеры таких дел.

Так, в одном из споров [33] ответчик настаивал на том, что слова «аванс» и «фактическое оказание услуг (выполняемых работ)» в договоре имеют не буквальное, а иное значение; и что при заключении договора у обеих сторон была общая согласованная воля на придание небуквального смысла указанным словам. Суд отклонил данный довод, сославшись на ст. 431 ГК РФ, согласно которой «каждое слово в тексте договора должно восприниматься исключительно буквально». Суд первой инстанции констатировал, что слова «аванс» и «фактическое оказание услуг (выполняемых работ)» имеют вполне

конкретное буквальное значение, *определяемое русским языком и положениями нормативно-правовых актов*. Суд апелляционной инстанции согласился с данным выводом и отметил, что *содержание толковых словарей, положений нормативно-правовых актов или иных официальных информационных справочников* не позволяют отнести приведенные термины к несвойственным им смыслам.

К *словарям* суд обратился и при установлении смысла слова «компенсация». Компенсацией является возмещение, вознаграждение за что-либо, а также сумма, выплачиваемая как возмещение, вознаграждение (Малый академический словарь. – М.: Институт русского языка Академии наук СССР. Е. 1957 – 1984). Иными словами, из буквального толкования данного термина следует, что компенсация представляет собой возмещение уже произведенных затрат, имевших место по свершившемуся факту [34]. Такой же вывод был сделан в другом деле и без обращения к словарям [35]. Ещё в одном случае суд сам дал толкование данному термину – термин «компенсация», указанный в расписке, фактически подменяет собой понятие процентов на сумму займа [36].

Вопросы вызвало толкование договора страхования, который содержал указание на такой риск как «залив» - имеет ли место залив при затоплении помещения в результате ливня? Для выявления буквального смысла договора суд первой инстанции установил, что *согласно* ГОСТ «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Природные чрезвычайные ситуации. Термины и определения», утвержденного Постановлением Госстандарта РФ от 25.05.1995 № 267, такое явление, как ливень, является стихийным бедствием (группа опасные метеорологические), относящимся к чрезвычайной ситуации. В силу п. 5.2.3.6 Правил страхования под заливом понимается непосредственное воздействие на застрахованное имущество влаги вследствие: разрыва труб или иной поломки систем водоснабжения, канализации, отопления, пожарного водопровода и кондиционирования, незапланированного выхода жидкости из оборудования, которое является частью систем пожаротушения, вследствие разрыва труб (иной поломки указанных систем) или внезапного и нетребуемого включения данных систем; в результате проникновения жидкости из помещений, включая чердачное, не принадлежащих Страхователю или Выгодоприобретателю. Таким

образом, суд установил, что заявленное событие не подпадает по своим критериям под страховую риск «Залив» [37].

В одном из дел суд указал, что буквальное значение слов и выражений определяется с учетом их *общепринятого употребления любым участником гражданского оборота*, действующим разумно и добросовестно (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307 ГК РФ), если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела [38]. К сожалению, суд никак не прокомментировал, как установить это «общепринятое употребление».

В следующем деле в договоре страхования имелась таблица страховых выплат, включающая выплаты за перелом костей черепа, однако не была указана компенсация за перелом лицевых костей. Застрахованное лицо получило перелом костей носа и обратилось за компенсацией, которую страховщик выплатить отказался. Суд первой инстанции указал, что *общеизвестным является факт*, что носовая кость является разновидностью костей лицевого черепа, а не иной части тела человека, что в соответствии с ч. 1 ст. 61 ГПК РФ в доказывании не нуждается. В своей апелляционной жалобе представитель ответчика указывал, что понятия «перелом костей носа» и «перелом костей черепа» не являются тождественными, диагноз «перелом костей черепа» не подтвержден, следовательно, обстоятельства наступления страхового случая не установлены. Однако судебная коллегия нашла данные доводы несостоятельными в соответствии со ст. 431 ГК РФ и на основании толкования термина «кости носа» [39]. Для выявления буквального смысла договора суд обратился к *Международной анатомической терминологии*, утвержденной Федеративным международным комитетом по анатомической терминологии (FICAT) и Международной федерацией ассоциаций анатомов (IFAA), согласно которой не существует термина «кости носа». Существующий в анатомической номенклатуре термин «Носовая кость» входит в раздел «Кости черепа». В соответствии с изложенным выше перелом носовой кости в широком смысле является переломом кости (костей) черепа.

При толковании условий договора необходимо исходить в том числе из его содержания применительно к *правилам русской орфографии и пунктуации* [40]. Важно и *использование слов в определённой форме*. Например, суд пришел к выводу о том, что совокупность фраз «беру в долг ...» и «обязуюсь вернуть в срок ...» – свидетельствуют о фактическом получении указанной денежной суммы. При этом использованный при написании расписки глагол «беру», указанный в настоящем времени

от первого лица, означает получать (приобретать) что-либо в свою собственность, а слова «брать, взять, получить» и производные от них формы являются словами-синонимами, выражающими одно и то же понятие, тождественными и близкими по своему значению, и отличаются лишь друг от друга стилистической окраской. В связи с чем довод представителя ответчика о том, что для констатации факта получения денежных средств должны были быть использованы иные глаголы, признаны судом несостоятельными, поскольку употребление при написании расписки любого из указанных глаголов в настоящем или прошедшем времени свидетельствует о получении денежных средств [41].

В другом случае толкование страховых рисков было связано и с *формой бланка договора*. В страховом полисе, на основании которого между сторонами был заключен договор страхования, в разделе «Страховые риски» поставлена отметка в квадрате, относящемся к условию «Полный пакет». В иных квадратах данного раздела страхового полиса, относящихся к конкретным страховым рискам («Стихийное бедствие», «Пожар», «Авария» и т.д.), отметки отсутствуют. Из этого следует, что имущество истца, являющееся объектом страхования, было застраховано от всех страховых рисков, предусмотренных полисом страхования и Правилами страхования, в том числе страховых рисков, обозначенных как дополнительные, включая риск размораживания систем отопления, водоснабжения, канализации и др. В ином случае, то есть в случае страхования имущества истца лишь от части страховых рисков, в страховом полисе в разделе «Страховые риски» были бы поставлены отметки в квадратах, относящихся к конкретным страховым рискам [42].

Иногда суды ссылаются на существующее понимание термина, не называя источник. Например - определения понятий «подводка системы водоснабжения» и «разводка системы водоснабжения» в строительстве не существует. На *бытовом уровне* эти понятия означают примерно одно и то же, но при этом «разводка» *может означать* прокладку и установку с определенным уклоном труб водоснабжения к сантехническому оборудованию. Под «подводкой» *некоторые подразумевают* гибкий водопроводный шланг, которым трубы водоснабжения могут подключаться к сантехнике [43].

Для буквального толкования важна и *сфера использования слов*. Так суд отметил, что терминология «увеличение процентной ставки на

5 пунктов», и включение в договор термина «пункт», *используемого в банковской сфере*, не может вызывать у ответчика двусмысленное понимание [44].

Выбирая между возможными вариантами толкования, решающее значение может проявиться в неравенстве сторон. «Общие условия договора займа допускают двойное толкование. Суд применяет толкование, которое наиболее благоприятно для потребителя, так как он является более слабой стороной договора» [45].

Однако порой суды прямо указывают, что при выявлении буквального смысла использованных слов и выражений *недопустимо обращение к сторонним источникам*: «При установлении судом смысла и значения, содержащихся в тексте договора слов и выражений, не может быть заимствован их смысл и значение из иных источников» [46].

В редких случаях суды констатировали невозможность однозначно истолковать положения договора. Так, суд не смог дать однозначное буквальное толкование условиям договора, в которых использовались термины «банковский день» и «операционный день» [47]. Также не смогли суды истолковать фразу «На сумму займа начисляются проценты в размере ставки финансирования» [48].

В итоге можно отметить, что проведённый анализ показал полное отсутствие единообразия судебной практики по вопросу механизма выявления буквального смысла договора. Это выразилось в следующем:

1. Применяя ст. 431 ГК РФ, суды в одних случаях цитируют её, а затем сразу делают вывод; в других – суды объясняют, в отношении каких слов и выражений нужно провести анализ их буквального значения. Какая-либо последовательность в выборе одного из вариантов применения ст. 431 ГК РФ из текста решений не усматривается.

2. Установление буквального значения в силу ст. 431 и с учётом разъяснений Верховного Суда РФ выражается в буквальном толковании спорных положений договора. По сути это всегда должно быть связано с вычленением из договора слов и фраз, применение которых сделало текст договора подлежащим неоднозначному пониманию. В отношении этих слов и фраз должен быть установлен их буквальный смысл, что приведёт к исключению иных вариантов толкования как этих слов, так и договора в целом. Чёткое следование подобной логике можно обнаружить лишь в части судебных актов, в остальных остаётся непонятным, что такое буквальное толкование, в чём оно заключалось и как оно помогло решить спор.

3. Для установления буквального значения или общепринятого употребления необходимо его выявить. Судья – это специалист в сфере юриспруденции, член социума, он обладает собственным взглядом на то, как понимаются слова из языка, носителем которого он является. Однако понимание судьёй определённого слова может не совпадать с пониманием этого слова большинством. Это требует от судьи обратиться к каким-то внешним источникам, которые смогут продемонстрировать это общеупотребительное значение толкуемых слов. Это должны быть некие информационные источники, качество которых не должно вызывать у суда сомнений. Нам представляется, что таким источником может быть либо заключение эксперта, которое будет получено с опорой на словари, либо сами словари в руках судьи. Однако механизм применения словарей в российских судах не разработан, а источником буквального значения слов становится всё что угодно – начиная с определений из законов и словарей, заканчивая собственным мнением судьи и ссылкой на «некоторых» членов общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 06.03.2019 по делу № 33-1903-2019.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 49 г. Москва 25.12.2018 г. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора.

[3] Гражданский кодекс Республики Беларусь, ст. 401.

[4] Гражданский кодекс Украины, ст. 213

[5] Гражданский кодекс Республики Казахстан, ст. 6

[6] Франция. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона).– М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592.; ст. 1156, 1158, 1159.

[7] Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII –XIX, 1 –715. Ст.133.

[8] Гражданский закон Монголии, ст. 198.

[9] Гражданский кодекс Бразилии, ст. 85.

[10] Гражданский кодекс Перу, ст. 168–169.

[11] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. – 353 с. С. 237.

[12] Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 25.07.2019 по делу № 33-14321-2019.

[13] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.06.2018 по делу № 33-9020-2018.

[14] Апелляционное определение Московского городского суда от 28.11.2014 по делу № 33-37129.

- [15] Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 06.03.2019 по делу № 33-1903-2019.
- [16] Постановление 9 ААС от 19.12.2018 № 09АП-63579-2018 по делу № А40-83386-2018.
- [17] Постановление 9 ААС от 07.08.2019 № 09АП-40695-2019 по делу № А40-43926-2019; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.12.2019 № С01-1155-2019 по делу № А40-43926-2019.
- [18] Постановление 9 ААС от 17.09.2018 № 09АП-42162-2018 по делу № А40-63608-18.
- [19] Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 25.03.2016 г. по делу № А65-24739/2014.
- [20] Апелляционное определение Московского городского суда от 14.09.2017 г. по делу № 33-43267.
- [21] Решение Арбитражного суда Псковской области от 26.10.2018 г. по делу № А52-4064/2018.
- [22] Решение Великоустюгского районного суда Вологодской области от 29.10.2016 г. по делу № 2-581/2016; Решение арбитражного суда Республики Крым по делу №А83-7351/2016 от 29.08.2017 г.
- [23] Постановление 9 ААС от 30.05.2019 № 09АП-24041-2019 по делу № А40-289945-18.
- [24] Решение Череповецкого городского суда Вологодской области от 20.09.2018 г. по делу № 2-3641/2018.
- [25] Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 16.10.2018 по делу № 44Г-108-2018, 44Г-109-2018.
- [26] Постановление 3 ААС от 12.01.2018 по делу № А74-12631-2017.
- [27] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.02.2018 № 33-2684-2018 по делу № 2-3935-2017.
- [28] Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 06.08.2019 по делу № 33-7252-2019.
- [29] Апелляционное определение Тюменского областного суда № 33-5801/2012 от 24.12.2012 г. по делу № 33-5801/2012.
- [30] Апелляционное определение Московского городского суда от 18.10.2018 г. по делу № 33-45322/2018; Апелляционное определение Московского областного суда от 12.03.2013 по делу № 33-5834.
- [31] Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 26.06.2019 № 44г-219-2019.
- [32] Решение Тюменского областного суда № 2-5646/2012 от 29.08.2012 г. по делу № 2-5646/2012.
- [33] Постановление 9 ААС от 14.03.2018 № 09АП-4261-2018-ГК по делу № А40-168856-17.
- [34] Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2016 г. по делу № 33-7012/16.
- [35] Решение арбитражного суда Республики Крым по делу № А83-2412/2015 от 08.12.2015 г.
- [36] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.01.2015 г. № 33-1508/2015.
- [37] Апелляционное определение Московского городского суда от 30.07.2015 г. по делу № 33-27185.

[38] Постановление 7 ААС от 16.04.2019 № 07АП-2001-2019 по делу № А45-17361-2018.

[39] Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2018 г. по делу № 33-1863/18.

[40] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.12.2017 г. № 33-23289/2017.

[41] Апелляционное определение Самарского областного суда от 21.03.2019 по делу № 33-3216-2019.

[42] Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 14.03.2016 по делу № 33-4538/2016.

[43] Апелляционное определение Пензенского областного суда от 16.07.2019 по делу № 33-2448-2019.

[44] Апелляционное определение Тюменского областного суда №33-5197/2012 от 26.11.2012 г. по делу № 33-5197/2012.

[45] Решение Тарногского районного суда Вологодской области от 15.06.2018 г. по делу № 2-111/2018.

[46] Постановление 9 ААС от 27.02.2018 № 09АП-612-2018-ГК по делу № А40-13993-17.

[47] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.01.2018 г. по делу № А40-94465/2017; Решение арбитражного суда Республики Крым по делу №А83-14610/2018 от 13 декабря 2018 г.; Решение арбитражного суда Республики Крым по делу №А83-11916/2018 от 29.10.2018 г.

[48] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.11.2018 г. № 33-23383/2018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301;
2. Гражданский закон Монголии. URL: <http://www.mongolnow.com/grazhdanskiy-zakon-mongolii/> (дата обращения: 17.04.2021 г.).
3. Гражданский кодекс Бразилии, URL: <https://constitutions.ru/?p=1628> (дата обращения: 17.04.2021 г.).
4. Гражданский кодекс Перу, URL: <https://constitutions.ru/?p=1627> (дата обращения: 17.04.2021 г.);
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 17.04.2021 г.).
6. Гражданский кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 17.04.2021 г.).
7. Гражданский кодекс Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15#Text> (дата обращения: 17.04.2021 г.).
8. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.
9. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 888 с.
10. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. – 353 с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 49 от 25.12.2018 г. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора.

12. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 06.08.2019 по делу № 33-7252-2019.

13. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 25.07.2019 г. по делу № 33-14321-2019.

14. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 14.03.2016 г. по делу № 33-4538/2016.

15. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2018 г. по делу № 33-1863/18.

16. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.09.2017 г. по делу № 33-43267.

17. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.10.2018 г. по делу № 33-45322/2018.

18. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.11.2014 по делу № 33-37129.

19. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.07.2015 г. по делу № 33-27185.

20. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2016 г. по делу № 33-7012/16.

21. Апелляционное определение Московского областного суда от 12.03.2013 по делу № 33-5834.

22. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 16.07.2019 по делу № 33-2448-2019.

23. Апелляционное определение Самарского областного суда от 2.03.2019 по делу № 33-3216-2019.

24. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.12.2017 г. № 33-23289/2017.

25. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.02.2018 № 33-2684-2018 по делу № 2-3935-2017.

26. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.01.2015 г. № 33-1508/2015.

27. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.11.2018 г. № 33-23383/2018.

28. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.06.2018 по делу № 33-9020-2018.

29. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 06.03.2019 по делу № 33-1903-2019.

30. Апелляционное определение Тюменского областного суда № 33-5801/2012 от 24.12.2012 г. по делу № 33-5801/2012.

31. Апелляционное определение Тюменского областного суда №33-5197/2012 от 26.11.2012 г. по делу № 33-5197/2012.

32. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.01.2018 г. по делу № А40-94465/2017.

33. Постановление Девятого ААС от 07.12.2019 № 09АП-40695-2019 по делу № А40-43926-2019.
34. Постановление Девятого ААС от 14.03.2018 № 09АП-4261-2018-ГК по делу № А40-168856-17.
35. Постановление Девятого ААС от 17.09.2018 № 09АП-42162-2018 по делу № А40-63608-18.
36. Постановление Девятого ААС от 19.12.2018 № 09АП-63579-2018 по делу № А40-83386-2018.
37. Постановление Девятого ААС от 27.02.2018 № 09АП-612-2018-ГК по делу № А40-13993-17.
38. Постановление Девятого ААС от 30.05.2019 № 09АП-24041-2019 по делу № А40-289945-18.
39. Постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 26.06.2019 № 44Г-219-2019.
40. Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 16.10.2018 по делу № 44Г-108-2018, 44Г-109-2018.
41. Постановление Седьмого ААС от 16.04.2019 № 07АП-2001-2019 по делу № А45-17361-2018.
42. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.12.2019 № С01-1155-2019 по делу № А40-43926-2019.
43. Постановление Третьего ААС от 12.01.2018 по делу № А74-12631-2017;
44. Решение Арбитражного суда Псковской области от 26.10.2018 г. по делу № А52-4064/2018.
45. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 08.12. 2015 г. по делу № А83-2412/2015.
46. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 29.10.2018 г. по делу № А83-11916/2018.
47. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 13.12.2018 г. по делу №А83-14610/2018.
48. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 29.08.2017 г. по делу №А83-7351/2016.
49. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 25.03.2016 г. по делу № А65-24739/2014.
50. Решение Великоустюгского районного суда Вологодской области от 29.10.2016 г. по делу № 2-581/2016.
51. Решение Тарногского районного суда Вологодской области от 15.06.2018 г. по делу № 2-111/2018.
52. Решение Тюменского областного суда № 2-5646/2012 от 29.08.2012 г. по делу № 2-5646/2012.
53. Решение Череповецкого городского суда Вологодской области от 20 сентября 2018 г. по делу № 2-3641/2018.

LITERAL INTERPRETATION OF LEGAL DOCUMENTS IN RUSSIAN JUDICIAL PRACTICE

Mikhail A. Revazov

In modern society, a huge number of different contracts are concluded every day. The parties to the contract usually have no doubt that the counterparty understands the text of the contract in accordance with the very meaning that they put in it. However, sometimes the parties to the contract disagree about the interpretation of the text of the agreement. The result of such «failures» are disputes between the parties who disagree about the correct understanding of the legal document.

Parties to the contract can start proceedings to resolve this dispute. At the same time, the court will have to familiarize with the disputed legal text, decipher its meaning and determine which of the parties to the dispute offered relevant interpretation. In Russia, literal meaning of the words and expressions are priority used in the contract interpretation.

The aim of this article is to demonstrate in which cases the courts resort to a literal interpretation, how the literal meaning of words is revealed, on which sources the judges rely when identifying the meanings of disputed provisions of contracts. The article presents an analysis of more than 50 decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction, in which judges had to establish the literal meaning of the words and expressions used in the contract.

Keywords: judicial interpretation, literal meaning, interpretation of the contract, ordinary meaning, dictionary.

Контактная информация:

Ревазов Михаил Аркадиевич – преподаватель кафедры конституционного права СПбГУ;

m.revazov@spbu.ru

ГЛАВА II
ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО
ПЕРЕВОДА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ И СЛОЖНОСТИ

В работе рассматривается специфика юридического перевода, а также его сложности. Для достижения цели необходимо принимать во внимание основные теоретические понятия термина перевода и то, как он интерпретируется у разных лингвистов. Кроме того, в данной статье я постараюсь наиболее полно проанализировать характерные черты текстов юридического жанра, а также выяснить особенности юридического перевода. Значительность этой темы заключается в том, что перевод юридических текстов помогает жителям разных стран обмениваться юридической информацией в сфере бизнеса и законодательства.

Ключевые слова: юридический текст, особенности юридического перевода, юридический язык, сложности перевода.

Современная открытость и трения различных обществ друг с другом из-за различных деловых отношений, таких как обучение за границей, коммерческие инвестиции или другие точки соприкосновения между людьми, привели к необходимости некоторых юридических сделок. В настоящее время важность и необходимость перевода больше не оставляют никаких сомнений: мы переводим все больше и больше документов на все больше и больше языков. Эта тенденция усиливается технологическим прогрессом в секторах информационных технологий и связи. Перевод выгоден как экономическим лидерам, так и представителям гражданского общества. Он играет ключевую роль во многих сферах общественной жизни и на национальном и международном уровнях.

Для достижения цели работы поставим следующие задачи:

1. Изучить понятие перевода.
2. Выяснить его виды.
3. Проанализировать особенности юридических текстов.
4. Исследовать особенности перевода юридических текстов.

Что означает слово перевод? Перевод – это одна из видов человеческой деятельности, которая существовала с древних времен и направлена на интерпретацию значений, содержащихся в текстах, и их преобразование с одного языка (исходного языка) в тексты на другом

языке (целевой язык). Розенталь Д.Э. дает следующее определение перевода: «Перевод – передача содержания устного высказывания или письменного текста средствами другого языка» [Розенталь и Теленкова, 1985, с. 275].

Кроме того, как указал Комиссаров, перевод – это процесс, посредством которого речь переводится с языка, на котором она была написана, на другой язык для различных целей и задач и это в соответствии с интересами человека и в соответствии с целями, которых он желает достичь. Таким образом, «перевод – это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала, в качестве коммуникативно-равнозначного последнему» [Комиссаров, 2000, с. 49].

Следовательно, цель перевода – установить отношения равного намерения между текстами на исходном и целевом языках (то есть гарантировать, что оба текста передают одно и то же сообщение) с учетом ряда ограничений. Эти ограничения включают контекст, грамматику на двух языках, соглашения о написании двух языков, их выражения и т. д.

На самом деле, юридический перевод является одним из важных видов перевода, который становится все более заметным в кругах общества в разных странах, и потребность в нем растет день за днём. Из-за взаимодействия и общения между разными языками, и поэтому необходимо быть знакомым с законами, договорами и положениями, которые устанавливают права среди граждан стран.

Какое же значение имеет юридический документ? Т.В. Кашанина называет юридическими документами те документы, которые содержат правовую информацию, и отмечает, что они могут быть как бумажными, так и электронными. В зависимости от этого они могут быть текстовыми, графическими, видеографическими, фотографическими, изобразительными или звуковыми [Кашанина, 2011, с. 76].

В том же контексте Н.С. Валгина разделяет все тексты на художественные и нехудожественные. К последнему типу относятся тексты официально делового стиля, к которому относятся интересующие нас юридические документы. Для них, как и для нехудожественных текстов в целом, характерно наличие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью

человека; эксплицитность содержания, то есть отсутствие подтекста; установка на однозначность восприятия; установка на отражение реальной действительности; отсутствие эстетической функции [Валгина, 2003, с. 75].

Кроме того, Н.С. Валгина разделяет официально-деловой стиль на несколько подстилей, одним из которых является законодательный (юридический). Он представлен в текстах закона конституции, указа, устава, гражданских и уголовных актов [Там же, с. 130].

В связи с этим классификаций юридических документов существует множество, и в их основу положены разные признаки. В.А. Томин, например, в своей классификации ориентируется на стадии правового регулирования и разделяет юридические документы на четыре типа:

1. Нормативные документы.
2. Интерпретационные акты.
3. Документы, фиксирующие юридические факты (фиксирующие правовой статус субъектов (паспорт и др.), фиксирующие правовой режим объектов (технический паспорт автомашины, счет в сберегательном банке и пр.), фиксирующие акты-события (свидетельство о рождении, акт о нахождении на работе в нетрезвом состоянии).
4. Акты-действия (решения, приговоры, постановления, определения, заключения и др.) [Томин, 2015, с. 16].

Таким образом, под переводом в современной науке понимается некий процесс либо результат человеческой деятельности, который носит очень сложный, многогранный характер; выражается интерпретация смысла текста на одном языке (исходном языке [ИЯ]) и создание нового, эквивалентного текста на другом языке (переводящем языке [ПЯ]). Главной целью перевода является создание эквивалентности между исходным и переводным текстом (чтобы оба текста имели в себе одинаковый смысл). Такие ограничения включают контекст, правила грамматики исходного языка, традиции письма, идиомы и прочее.

Часто ходят слухи, что юридический перевод труден и сложен, и в основном это связано с тем, что характер закона и юридический язык усложняют юридический перевод. Это усугубляется сложностями, возникающими при работе с двумя языками и двумя правовыми системами в процессе перевода. Сложности включают системные различия в переводе с его лингвистическими и культурными аспектами.

Юридический перевод отличается от других видов перевода двумя основными вещами: правовой системой и термином, связанным с этой правовой системой. Ограничение и понимание юридического термина и, следовательно, его перевод на другой язык зависят от понимания его положения в правовой системе, к которой принадлежит этот термин, и от того, что ему соответствует в правовой системе другого языка. Это означает, что переводчик юридических текстов должен добавить к своим лингвистическим и переводческим навыкам умение сравнивать две правовые системы: правовую систему для языка, с которого он был передан, и правовую систему для языка, на который он был передан, через все этапы юридического перевода.

«Главным образом, проблемы у переводчика текста юридической направленности возникают из-за того, что в языке перевода отсутствуют словесные конструкции, которые достаточно точно могли бы описать термины исходного языка» [Алимов, 2005, с. 27]. Наряду с этим «зависимость текста от культурных особенностей и менталитета народа, а также от его сложившейся правовой системы, может привести к тому, что смысл текста в исходном языке не будет соответствовать смыслу в языке перевода даже при абсолютно дословной интерпретации» [Алимов, 2005, с. 29]. Поэтому переводчику приходится обогащать свои знания путем изучения возможных лексических эквивалентов слов и целых фраз. Однако особенности юридического перевода тесно связаны с сущностью текста и его терминологией.

Одной из основных лингвистических трудностей при юридическом переводе является отсутствие эквивалентных выражений между разными языками, и в этом случае переводчик должен проводить непрерывный процесс сравнения двух правовых систем как исходного, так и целевого языков. В контексте юридического метода юридический язык считается в значительной степени специализированным языком. Правовые традиции и правовая культура оказывают ощутимое влияние на форму написания закона. Отсюда письменный юридический язык можно рассматривать как отражение основных элементов определенной правовой культуры, что заставляет юридического переводчика сталкиваться с многогранным содержанием [Smith, 1995, с. 190–191].

Однако культурные различия представляют собой еще один источник трудностей, характерных для юридического перевода. Закон – это выражение культуры, воплощенное в юридическом языке. Поэтому юридические переводчики должны преодолевать культурные барьеры

между исходным и целевым языками. Уэстон [Weston, 1983, с. 207] комментирует это следующим образом: “Наиболее важной общей характеристикой любого юридического языка является то, что большая часть текста, с которым имеет дело переводчик, имеет культурный характер”.

Таким образом, существование различных правовых культур и традиций является основной причиной, по которой юридические языки отличаются друг от друга, и по этой же причине юридический язык полностью отличается от обычного языка.

Юридический язык – это язык, который используется при принятии законов, конституций, законодательных и нормативных актов, а также при редактировании юридических документов. Из-за своих особенностей он считается одним из самых сложных типов специальных языков [Vosquet, 1996, с. 67–76].

В соответствии с этим, язык права – прямой язык, потому что он выполняет утилитарные функции. Это далеко от воображения и художественного творчества, которые мы видим в художественных литературных произведениях, таких как стихи, рассказы и театр, которые зависят главным образом от риторических методов их редактирования.

Также научно-практический язык – этот особый язык характеризуется огромным количеством терминов и фраз. Он выражает науку сама по себе, которая включает факты, системы, процессы и правовую деятельность. С другой стороны, это практический язык, поскольку он используется при обучении студентов юридическим наукам, а также в области применения права.

Кроме того, документы юридических текстов очень длинные, но это не означает, что это риторический стиль законодателя, это, скорее всего результат повествования и перечисления. Они часто включают сложные структуры, в которых части установленных законом предложений которые, часто создают многословие, характерное для языка права. Предложение отделяется друг от друга по мере отделения подлежащего от глагола.

Следует отметить что, юридический текст передает главным образом когнитивную информацию. Наряду со специфическими стандартными терминами в юридическом тексте имеются, согласно И.С. Алексеевой, и другие способы передачи когнитивной информации. Так, автор отмечает такую особенность юридического текста, как тавтологическая когезия, когда в каждой следующей фразе повторяется

одно и то же существительное [Алексеева, 2004, с. 218], то есть существительные в последующих употреблениях не заменяются на контекстуальные синонимы.

Следует подчеркнуть что формы юридических текстов различаются в зависимости от их используемого стиля, их разнообразия, от свидетельств о рождении или смерти до договора, соглашения или других юридических документов, но все они разделяют в тот факт, что все они являются источником первоначального императивного правила, в нём заключено определение обязанностей. Например, наложение обязательств и риск совершения определенных действий, поэтому их нарушение повлечет за собой определенные штрафные санкции. В связи с этим, Н.Д. Голев отмечает также, что при этом в текстах закона на уровне внешней формы не используются глаголы в повелительном наклонении: «Императивность текста закона имплицитная, скрытая. Чаще всего она скрывается в семантике контекста с глаголами в форме изъявительного наклонения. Инвариантный модус текстов закона – предписание: *Каждый из соавторов сохраняет свое авторское право на созданную им часть коллективного произведения...; часть коллективного произведения признается имеющей самостоятельное значение...* – смысл высказываний такого рода в том, что гражданам предписывается считать законным право соавтора, который этим правом через данный закон наделяется (в первом высказывании) и признавать наделяемый через закон юридический статус одной из частей коллективного произведения (во втором высказывании)» [Голев, 2006, с. 6–37].

должен ли законодатель использовать нейтральный язык. Что означает нейтралитет на этом языке? Проще говоря, в отличие от писателя или поэта, законодатель не может позволить проявиться своим эмоциям. Более того, нейтральность – одна из фундаментальных черт любого специализированного языка.

В.Б. Исаков пишет: «Одно из важных качеств юридического языка – его эмоциональная нейтральность. Даже самые неординарные с моральной точки зрения события и факты юрист должен описать в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления и не раскрывая своей юридической оценки. Тем самым юридический язык резко отличается, например, от языка журналистики, для которой, напротив, характерна “эмоциональная нагруженность” словаря, изначально раскрывающая позицию автора» [Исаков, 2000, с. 65–80].

Мы пришли к выводам, что определения термина перевода по-своему успешны и дают представление о сути переводческой деятельности. Следует подтвердить что, процесс перевода не ограничивается переводом текста с одного языка на совершенно другой язык, это гораздо больше. Следовательно, юридический переводчик, в частности, должен хорошо разбираться в соответствующих правовых системах, чтобы добиться комплексного перевода смысла, который четко и точно передается на целевой язык. В целом перевод юридических текстов состоит из множества нюансов и требует высокого профессионализма. Кроме того, правовые системы представляют общества, в которых они существуют. Более того, каждое общество, в свою очередь, основано на уникальных культурных и языковых структурах. Другими словами, закон и юридический язык в стране отражают преобладающую правовую систему, которая, в свою очередь, отражает историю, культуру и развитие этой страны. Более того, расхождение двух правовых систем, на которое ссылается юридический перевод, является ядром проблем, связанных с переводом конкретного юридического документа. Следовательно, юридический переводчик должен понимать культурные различия, связанные с правовыми системами двух обществ, с которыми он имеет дело в своем юридическом переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. *Алимов В. В.* Юридический перевод. Практический курс. Английский язык. – М.: Ком Книга, 2005.
3. *Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
4. *Голев Н.Д.* Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 6–37.
5. *Исаков В.Б.* Язык права // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 65–80.
6. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
7. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: Академия, 2003. 192 с.

9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
10. Томин В.А. Юридическая техника: учебное пособие. СПб.: СанктПетербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 84 с.
11. Vocquet C. Traduction Spécialisée : choix théorique et choix pragmatique. L'exemple de la traduction juridique dans l'aire francophone, Genève, Parallèles, n° 18, 1996, p. 67–76;
12. Smith S.A. 1995. "Cultural Clash: Anglo-American Case Law and German Civil Law in Translation." In Translation and the Law, M. Morris (ed.), 179–200. Amsterdam: John Benjamins.
13. Weston M. 1983. "Problems and Principles in Legal Translation." The Incorporate Linguist 22 (4): 207–211.

LEGAL TRANSLATION: ITS CHARACTERISTICS AND DIFFICULTIES

Habib Benyamina

Doctor of pedagogy

University of Oran 2 Mohammed Ben Ahmed

Oran. Algeria

This article focuses on the peculiarities of a legal text and its complexities; to achieve the goal, it is necessary to take into account the basic theoretical concepts of the translation term and how it is interpreted by different linguists. In addition, in this article I will try to analyze the characteristics of texts in the legal genre as fully as possible and to clarify the peculiarities of legal translation. The importance of this topic lies in the fact that the translation of legal texts helps people in different countries to exchange legal information in the field of business and law.

Keywords: legal text, peculiarities of legal translation, legal language, translation difficulties.

Контактная информация:

Бенямина Хабиб — д-р пед. наук;

habibenyamina@yahoo.fr

Т.П. Желонкина

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Российская Федерация, 236041, г. Калининград
ул. А. Невского, 14*

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Цель данной статьи показать взаимодействие языка и его интерпретации в юридических документах, проанализировать и описать сферы языка, где имеет место такое взаимодействие. Результатом взаимодействия является присутствие в юридических документах слов с неопределенным значением. Под словами с неопределенным значением понимаются слова, значение которых неоднозначно, расплывчато, допускает более чем одно толкование. Были собраны и изучены примеры из юридических документов англо-говорящих стран. Анализ практического материала показал, что неточность, неопределенность значения слов, с помощью которых реализуется юридическое понятие, – явление широко представленное в языке права. Замечено, что существительные с максимально большим объемом значения, а также личные и указательные местоимения, наречия чаще других частей речи несут значение неопределенности. Их семантическое содержание может отличаться от правового содержания. Отсюда следует, что неопределенность становится регуляторным механизмом правовых текстов. Неточно описанные явления права создают возможность их разъяснения, и это может оказаться полезным как языковой инструмент для формулирования других более сложных, всеобъемлющих, всеохватывающих понятий права.

Ключевые слова: норма права, языковой инструмент, истолкование, правовой документ, неточность, неопределенность.

В работах последних лет часто пишут о неизбежности привлечения лингвистических знаний в юридический дискурс. Возникла отрасль прикладной лингвистики – юридическая лингвистика (юрлингвистика). Она становится все более востребованной. К ней обращаются в случае необходимости филологического обеспечения профессиональной юридической деятельности в различных ее проявлениях: законотворчество, законоприменение, судебная экспертиза. К исследованиям в области лингвистики прибегают при обращении в суд в случае оскорбления человека в средствах массовой информации; лингвистические исследования используют при анализе печатного материала: буклетов, плакатов, лозунгов, используемых при проведении различных акций, и в ряде других случаев.

Многие праведы указывают на возрастающую потребность в специальных знаниях из области лингвистики при расследовании преступлений экстремистской направленности. Так, Грушихина В.А. [4: с. 114] подчеркивает, что «использование специальных знаний в ходе следствия необходимо для определения цели содержания текстов экстремистской направленности, в целях установления фактов для справедливого разрешения дел, обеспечения полноты и объективности обстоятельств». Назревает необходимость лингвистической подготовки студентов – будущих специалистов в области права.

На необходимость включения лингвистической подготовки в профиограмму будущего юриста обращает внимание в своей статье Корсакова Л.Е. [с. 186] На основе лингводидактического подхода автор предлагает в процессе подготовки специалистов в области права формировать языковую личность будущего специалиста-юриста, используя в качестве примера филологические «профили» тех, кого готовят по языковым специальностям.

Юридическая лингвистика, в частности, вскрывает необходимость разграничения фактов и мнений, событий и их оценок, что важно в судебных разбирательствах [2: с. 24]. Иногда всем понятное слово может истолковываться по-разному: с лингвистической точки зрения употребленное говорящим слово является оскорблением, а с юридической точки зрения услышанное слово не является таковым. [2: с. 37]. Из здесь задача юриста – дать правовую оценку происходящему.

Как избежать разночтений, как добиться однозначного понимания не только юридических терминов (можно обратиться за помощью к толковому словарю по юриспруденции), но и многозначных слов. Эта проблема уходит корнями в глубь истории. Так, в 1765 году Ломоносов М.В. формулирует задачу науки права таким образом: «должно юристу... всякому юридическому термину составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузначенательных производит в суде великие беспорядки и отдаляют от правды к заблуждениям и к ябедам». [1: с. 179].

Одна из проблем, с которой сталкиваются при переводе юридических текстов, – необходимость подобрать правильный аналог иностранной лексемы в языке перевода. Здесь самая большая сложность не только в том, чтобы найти современные двуязычные юридические словари, а в том, что нет доступа к двуязычным тезаурусам, к

толковым словарям, к словарям синонимов и антонимов на языке оригинала. А на языке перевода такие словари подчас просто не существуют. [7: с. 183]

В настоящее время качество нормативных правовых актов, по мнению юристов, является необходимым условием эффективного регулирования общественных отношений. Технический прогресс, изменения в социальной среде привели к возникновению новых правовых актов. В них обнаруживают такое явление, как «дефект права», которое проявляется в том, что в текстах юридических документов используют слова с неточным, неопределенным значением, слова широкой семантики. К ним Назаренко Т.Н. относит такие дефекты права, как «пробел в праве», «неточность», «неясность», «юридическая ошибка», характеризуя их как технико-юридические дефекты права. Она считает, что неопределенность в текстах правовых документов порождает неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли. При этом автор оценивает неопределенность как положительное явление в праве, как средство правового регулирования [6: с. 8,10].

Использование в юридической норме, напр., такой формулировки слова «оскорбление» – [оскорбление – это унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме] нуждается в уточнении и разъяснении. Необходимо пояснить, что означают слова «в неприличной форме». По причине необходимости дополнительного толкования этих слов в рамках права есть основание отнести слова «в неприличной форме» к словам широкой семантики из-за неопределенности их значения в тексте правовых документов. Наличие таких слов в правовых документах тормозит развитие экспертных исследований и делает экспертные исследования мало эффективными. [2: с. 34–35].

Подобная проблема существует не только в России, но и в юридических документах других государств. Энгберг Ян и Хеллер Дороти сопоставили и проанализировали правовые документы Германии и Швейцарии, сосчитали, какое количество слов использовано в похожих документах той и другой страны и пришли к заключению, что [10: с. 154] система права в каждом из этих государств содержит неопределенные по своей сути понятия, что вынуждает составителей правовых документов порой балансировать между необходимостью вносить точные формулировки в правовые документы своей страны

и рядом с точными использовать неточные, размытые формулировки, слова с неопределенным значением.

Неопределенность неизбежна, она необходима правоведам, и она неустранима из правовых документов. Польза от наличия в правовых текстах расплывчатых формулировок заключается в том, что неопределенность, неточность значения оставляет место для объяснения, истолкования, обсуждения точного значения слова или выражения [9: с. 21]. По его мнению, неопределенность в текстах права способствует сближению интересов лингвистов и юристов. Так, если составить список всего, что охватывает, скажем, понятие «преступление», то может случиться так, что совершённая разновидность преступления, которая не была включена в вышеупомянутый список, окажется не выходящей за рамки закона, не нарушающей закон и, как результат, не подлежащей наказанию. Использование слов и выражений широкой семантики и при этом необходимость дать таким словам разъяснения вынуждает делать вставки с разъяснениями, вносить добавления, комментарии в статьи закона.

Юристы, занятые в процессе законотворчества, вынуждены искать компромисс, с одной стороны, между необходимостью точно сформулировать норму права и, с другой стороны, сделать эту норму всеохватывающей (*all-inclusive*), поскольку невозможно предусмотреть и перечислить в норме права все возможные реалии действительности. Выражение «*all-inclusive*» – как юридический термин ввел в обиход Виджай Кумир Бхатия [8: с. 134]. Тимоти Эндикот, профессор права Оксфордского университета, полагает, «польза от неопределенности заключается в том, что она нужна тем, кто пишет законы. В законотворчестве необходим компромисс между стремлением быть точным в формулировке правил и законов и, одновременно, необходимостью создавать всеохватывающие, всеобъемлющие формулировки правовых норм» [9: с.29.]

Анализ фактического материала имеет целью проанализировать, как широко представлена неопределенность в правовых документах. Рассмотрим примеры – 1) *Unless otherwise specifically provided by statute, filing of a document, required or authorized to be published by section of this title 1505, except in cases where notice by publication is insufficient in law, is sufficient to give notice of the contents of the document to a person subject to or affected by it.* Неясно, почему вступают в противоречие

две однокоренные лексемы: почему регистрация документа в разделе под номером 1505 будет достаточной в одном случае для уведомления лица, но не будет достаточной в другом случае.

2) *Aboriginal and Torres Strait Islander peoples **should** be aware that this website may contain images or names of people who have since passed away.* Использование модального глагола *should* в значении предписания, рекомендации имеет своей целью проинформировать, поставить в известность население (представителей коренного населения Австралии и островитян пролива Torres), но документ уточняет, зачем и по какой причине создан этот сайт с фотографиями и именами умерших.

3) *The Aboriginal Legal Service company **would** oversee to prioritize service provision **commensurate** with available resources and within **time** constraints. It would perform **other** duties as deemed appropriate and as delegated by the Principal Solicitor.* Как уже отмечалось, использование модальных глаголов не придает точности при толковании нормы права. Глагол *would* имеет несколько значений, в том числе желание, вероятность, предпочтение. Не ясно, какое из этих значений глагола *would* будет использовать в своем уставе «Общество по оказанию правовых услуг аборигенам», но подчеркивается, что приоритет за первоочередным оказанием услуг, соразмерных с доступными средствами и в рамках временных ограничений. (Не уточняется при этом, что предполагает соразмерность средств и в каком объеме. И о рамках каких временных ограничений идет речь.) Не упоминается, какие другие обязанности подлежат исполнению сотрудниками этой компании, созданной с целью бесплатно оказывать местному населению услуги в области права, в чем же заключаются «другие обязанности», как считающиеся уместными и как делегированные обществу генеральным солиситором (заместитель министра юстиции). Устав этой организации содержит много пунктов, сформулированных очень неопределенно, допускающих множество различных толкований.

4) *Despite the agreement reached by Manchin and Toomey, both rated as strong supporters of gun rights by the influential National Rifle Association, the prospects for significant gun legislation to win congressional approval remained **uncertain**.* Еще со времен, когда президентом США был Барак Обама, и до сих пор продолжается дискуссия на тему: нужно ли ужесточать закон о праве владения оружием. Сенаторы Манин и Туни стремились добиться соглашения между

сторонниками и противниками в споре. Но несмотря на все их усилия, до сих пор не удалось добиться одобрения обеими сторонами поправок Конгрессом США в части принятия более жестких правил владения оружием. И в вышеприведенном примере сказано, что перспективы добиться одобрения по этому вопросу в Конгрессе очень неясны, неопределенны. Не приводится никаких подробностей, кто из сенаторов препятствует принятию закона. При этом общеизвестно, как много оружия находится в частном владении и как часто ни в чем не повинные люди гибнут из-за этого.

5) *Asked later about criticism by the NRA and others, he told CNN that the proposed legislation was “not a cure-all, but it would be some progress.* Когда сенатору Манчину задали вопрос касательно той критики, которой он подвергся со стороны Национальной стрелковой ассоциации и других (противников ужесточения закона), Манчин ответил телеканалу CNN, что предлагаемый законопроект не является «лекарством от всех болезней/проблем», а скорее неким шагом, движением вперед в этой сложной ситуации. Лексема со значением неопределенности «других» используется как нежелание называть тех, кто тормозит принятие закона, хотя их имена, возможно, хорошо известны. Метафора «лекарство от всех проблем», т.е. некий выход из тупика, и слово «прогресс» в значении «стремление начать некое движение к решению вопроса» дают возможность говорящему выразить свое отношение к происходящему неопределенно, не вдаваясь в подробности, в детали происходящего.

6) *The Manchin-Toomey compromise also would require states and the federal government to provide records on criminals and the “violently mentally ill” to the national background check system, addressing a criticism by the NRA and other opponents of gun laws that the existing system lacks substantive information.* Соглашение, которого стремятся достичь сенаторы, также потребует от правительств всех штатов и от федерального правительства, чтобы они представляли в национальную систему контроля архивные данные на преступников и на очень (опасных) психически больных; как ответ на критику со стороны Национальной стрелковой ассоциации и других противников ужесточения закона об оружии, утверждающих, что существующей системе не хватает реальной информации. В этом примере следует обратить внимание на употребление наречия «violently» не в его прямом значении, а в качестве интенсификатора значения словосочетания «mentally ill – психически больные». Прилагательное «substantive» в значении «по существу» употреблено как широкозначная лексема, как всеобъемлющее понятие (all-inclusive).

7) *Downplaying the situation, Manchin said when asked about it, "Things were moving very fast"*. Смягчая ситуацию, в ответ на вопрос Манчин сказал: «Ситуация развивалась так стремительно». Слову широкой семантики «thing» трудно подобрать эквивалент – настолько велик объем его значений. Но исходя из того, что лексическая единица оригинала и лексическая единица перевода совпадают в плане своего функционала (Гаранюшкина и Середа, 2019), считают возможным дать свой вариант перевода.

Не только лексические и грамматические элементы имеют значения в юридических текстах. Немаловажную роль играет пунктуация. Так, в английском языке различают defining/non-defining relative clauses – два типа определительных придаточных предложений: уточняющие и дополняющие. Уточняющие определительные придаточные предложения объясняют, уточняют информацию касательно подлежащего главного предложения. Опускание уточняющего придаточного предложения ведет к неясности, к изменению смысла главного предложения. Дополняющие определительные придаточные предложения дают дополнительную информацию, касающуюся подлежащего главного предложения. При опущении такого придаточного предложения смысл главного предложения не изменится. Дополняющие придаточные, в отличие от уточняющих, выделяются запятыми (English Grammar стр. 382).

8) A) The defendant, who looked apologetic, was found guilty.

B) The defendant who looked apologetic was found guilty.

Смысл предложения «А» – ответчик был признан виновным. Придаточное предложение “who looked apologetic” с обеих сторон выделено запятыми, и это значит, что придаточное предложение «у которого был вид виноватого» – это дополнительная информация, которая не меняет значения главного предложения. Предложение «А» можно перевести так: *‘ответчик, между прочим, он производил впечатление виноватого; вот он и был признан виновным’*. В предложении «В» такое же придаточное предложение не выделено запятыми, что означает, что информация «у которого был вид виноватого» является основной для главного предложения, она указывает на подлежащее главного предложения, определяет его. И предложение «В» переведем так: *‘именно тот ответчик, у которого был вид виноватого, и оказался виновным’*. У обоих предложений одинаковый antecedent. Наличие или отсутствие запятых, возможно, создает впечатление, что перед судом предстали два ответчика, и признали виновным того, кто производил впечатление виноватого. Тогда как второй покинул зал суда беспрепятственно.

В заключение следует сказать, что неопределенность, неясность высказывания – широко распространенное явление в английских юридических текстах. И создается впечатление, что лингвистическая неопределенность ведет к неопределенности правовой. Нет необходимости прибегать к точному, педантичному языку при формулировании законоположений, так как юристы-профессионалы обеих тяжущихся сторон легко понимают, о чем идет речь, благодаря единым фундаментальным знаниям, полученным ими при овладении профессией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акишин М.О.* Юридический язык в истории правовой культуры России. М.: Государство и право, 2020, № 2, 172–183.
2. *Бринева К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Автореф. дис.... докт. филол. наук. Кемерово, юридический институт КемГУ, 2010, 41 с.
3. *Гаранюшкина В.К., Середа Е.* Актуальные проблемы современной лингвистики. Сборник научных статей, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2019, стр. 130–137.
4. *Грушихина В.А.* К вопросу об особенностях проведения психолого-лингвистических исследований материалов, содержащих признаки экстремизма. Иркутск: Сибирский юридический вестник, 2014, № 4(67), с. 113–117.
5. *Дроздова Т.Ю.* и др. English Grammar: Reference and Practice. Version 2.0. СПб.: Антология, 2014. 432 с.
6. *Назаренко Т.Н.* Неопределенность в российском праве. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2006.
7. *Соловьева Ю.О.* Основные стратегии толкования и перевод юридических текстов. М.: Вестник МГУ, серия № 19 Лингвистика, 2018, № 3 стр. 177 – 184.
8. *Bhatia V.K.* “Specificity and Generality in Legislative Expression: Two Sides of the Coin”. In: Bhatia, V. K., Engberg, J., Gotti, M. and Heller, D. (eds) *Vagueness in Normative Texts*. Bern: 2005, Peter Lang, 106–113.
9. *Endicott Timothy.* “The Value of Vagueness”. In: Andrei Marmor, Scott Soames (eds) *Language in the Law*. Oxford: Oxford University Press, 2013, 14–30.
10. *Engberg, Jan; Heller, Dorothee.* 2007. “Vagueness and Indeterminacy in Law.” In: *Vijay K. Bhatia, Christopher N. Candlin, Jan Engberg, Jane Lung* (eds). *Legal Discourse across Cultures and Systems*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 145–168.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

11. https://www.alsnswact.org.au/policy_and_advocacy_manager_ho (дата обращения 10.03.21).
12. <https://www.archives.gov/federal-register/special-procedures#special> (дата обращения 21.03.21)
13. <https://www.bbc.com/worklife/article/20180723-the-commas-that-cost-companies-millions> (дата обращения 13.04.21)
14. <https://edition.cnn.com/2021/04/11/politics/republican-bills-crimes-voting/index.html> (дата обращения 14.04.21)

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF JURIDICAL TEXTS (ENGLISH-LANGUAGE EXAMPLES ARE USED AS ILLUSTRATIVE MATERIAL)

Tamara P. Zhelonkina

I. Kant Baltic Federal University

14, A.Nevskogo str. Kaliningrad, 236041, Russian Federation

This article is written to show the interplay of language and its interpretation in legal documents, using pieces of English legal texts to demonstrate the interplay. When analyzing and describing some fields of legal language use we have got to know that there is quite a number of vague words in juridical documents. When describing such phenomenon as vague words we mean the words which content is not precise but is imprecise, indistinct, blurred and assumes more than one possible interpretation. Critical assessment of legal texts borrowed from numerous spheres of life of English-speaking world resulted in the conclusion that vagueness of words with the help of which legal notion is shaped is interpreted loosely. The nouns which meaning may be stretched widely are preferable and are often used in legal documents; as well as deictic elements (pronouns and adverbs). And their semantic content may differ from legal content. From this it follows that vagueness is used as a sort of regulatory device in juridical documents. Imprecisely described rule of law enables the user to explain it when necessary. And in this way vagueness may be a useful language instrument to wording a complex, all-including rule of law.

Keywords: rule of law, language instrument, interpretation, legal document, imprecision, vagueness.

Контактная информация:

Желонкина Тамара Петровна – кандидат филологических наук, доцент;

zheltoma@mail.ru

ПЕРЕВОД ХОРВАТСКОЙ И РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В данной статье представлено эмпирическое исследование функционирования юридической терминологии в юридических документах уголовного права. Предметом исследования является язык права, а объектом – терминология уголовного права. Целью исследования является сравнение юридической терминологии в рамках языка права, при этом внимание уделялось адекватности терминологических единиц, сопоставлению юридических текстов (хорватского и русского Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса), терминологическим конструкциям, коллокациям, стилю юридических текстов и особенностям использования терминологических единиц внутри юридического текста. Определение эквивалентов имеет решающее значение, особенно при работе с параллельными текстами, то есть в переводе текста исходного языка на целевой язык – язык перевода. Юридический перевод – это не просто перевод текста с одного языка на другой, но передача знаний юридической профессии в другую правовую систему. Для достижения цели необходимо было проанализировать семантическое поле и перевод юридической терминологии, предложить переводческие решения терминов и проанализировать лексико-семантические отношения между терминами уголовно-правовых понятий и терминов. Методами достижения цели и задач были анализ, синтез, обобщение, качественный и количественный анализ, а также специальные методы, такие как сопоставительный и лексико-семантический анализ, которые использовались для сравнения двух правовых систем. В данной статье впервые предлагается хорватско-русский сопоставительный анализ юридической терминологии в рамках междисциплинарного подхода: лингвистического и юридического. Язык права изучается на основе научных источников в области лингвистики и права, а также кодексов. Поскольку нет монографий, посвященных хорватско-русской юридической терминологии и практике перевода в этой области, данное исследование будет первым в этой области.

Ключевые слова: язык права, юридический перевод, юридический термин, хорватские термины уголовного права, русские термины уголовного права.

Введение

Язык права – язык для специальных целей, отличается от языка для общих целей. Юридический жаргон труден для понимания неюристами, потому что язык права включает нестандартные и непонятные слова, которые нигде не используются кроме юридических документов, где находятся многочисленные латинские фразеологизмы и пассивные конструкции, вместо активных конструкций. Из-за административного стиля написания законодательных и юридических документов

предложения часто бывают слишком длинными, поэтому смысл текста юридического документа трудно понять. Юридический перевод имеет свои особенности: структуру предложения, конкретную лексику и лексические модели. Юридический перевод имеет юридическую силу подлинника, поэтому важно правильно перевести определенный термин. Проблема возникает потому, что в законодательстве один термин может иметь несколько значений. Иногда термин невозможно найти в словаре, но этот термин, используемый специалистами в определенной области, становится наиболее подходящим. Юридический термин иногда невозможно перевести без серьезного поиска множества источников и анализа контекста. Машинный перевод может помочь с переводом и сократить время перевода, но некоторые языковые формы трудно перевести без участия опытного переводчика. Кроме того, терминология может иметь исторические коннотации. В этом случае документ несет на себе печать времени, связь одного времени с другим временем, то есть соблюдается ли термин в синхронии или в диахронии. Затем необходимо согласовать терминологию в переводе с учетом давности документа, с обязательным пояснением термина (в сноске, внизу страницы или в конце перевода).

Согласно Гриньеву-Гриневичу [2008], термин определяется следующим образом: «*Термин* (от лат. terminus – предел, граница) – слово или словосочетание, являющееся названием некоторого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т. п.». *Юридический термин* должен быть: *уникальным*, т.е. однозначно употребляться в одном нормативно-правовом акте; *общепринятым*, чтобы законодатель не изобретал его только для определенного случая, использование термина в каком-то особом смысле недопустимо; *стабильный*, то есть значение термина не меняется в зависимости от контекста; *логически связан* с другими терминами в данной системе; *соотноситься* с профессиональной областью применения. *Юридический термин* – это термин, с которым связано имя в правовой системе и отрасли права, к которой оно принадлежит. «Большой юридический словарь» юридический термин определяет как «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» (URL: [http:// petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law27.php](http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law27.php), 1.04.2021.) [Электронный ресурс]. Язык права требует терминологической систематизации: он стремится

к дифференциации понятий с учетом неоднозначности в разных отраслях права. Юридическая терминология – это система терминов, которая используется в юридической профессии, т.е. она объединяет юридическую науку и отрасль права, к которой она принадлежит, и создается путем стандартизации в концептуальной системе. Термины согласуются в соответствии с терминологическими требованиями, т.е. с требованиями профессии, а эксперты определяют, соответствует ли они всем потребностям профессии. Кроме того, помимо специалистов по юридической терминологии, лингвисты определяют, соответствует ли термин литературному языку, т.е. соответствует ли он требованиям литературного языка. Таким образом, термину принадлежит к литературному языку, а формируются разными специалистами, в отношении юридической терминологии – юристами и лингвистами. Юридической терминологией кроме юристов и лингвистов занимаются и переводчики.

Переводчик, особенно судебный переводчик, должен располагать не только общими знаниями, а и фоновыми знаниями. Общеизвестно, что для хорошего перевода достаточны не только знания двух языков, то есть языков, с которых или на которые переводится, но и знание законов перевода, а также профессиональной области перевода. Процесс перевода – это деятельность переводчика от понимания текста оригинала до результата, законченного перевода. Проблемы часто возникают из-за того, что помимо специалистов-переводчиков, филологов переводом часто занимаются люди самых разных профессий, от инженеров, врачей до студентов и т.д. Благодаря новым технологиям и машинному переводу меняются и переводческие возможности. Однако межъязыковой и межкультурный коммуникатор остается переводчик. Именно переводчик общается с исходным текстом и переводит его на целевой язык, и в результате получается перевод. Оригинал, то есть исходный текст, является первым источником информации, проходит информационную трансформацию. Перевод на целевой язык называется выходным текстом, вторичным источником информации, результатом преобразования оригинала, таким как аннотация, статья, перевод и т.д. Barak [2005: 3] определил юридический перевод как «рациональную деятельность, которая придает смысл юридическому тексту» и «интеллектуальную деятельность, которая имеет дело с определением нормативного сообщения, которое возникает из текста». Существует разница, переводится ли юридический текст с одного

языка на другой той же правовой системы или нет. Юридический перевод должен включать код целевого языка, потому что юридический перевод – это не просто перевод слов с одного языка или одного текста на другой, исходного текста на целевой язык. Юридический перевод предполагает не только семантическую интерпретацию, но и должен учитывать прагматические факторы. Переводчик должен преклониться перед концептом, который является эквивалентным концептом для целевого языка, включая контекст в исходном и целевом текстах, и не игнорировать межкультурный прагматизм [Wierbicka, 2003]. Перевод юридического текста одного государства глубоко укоренен в культуре этой страны и не должен рассматриваться как изолированное явление. Современная наука все больше склоняется к междисциплинарности. Таким образом, юридический перевод сочетает в себе знания из юридической науки и лингвистики.

Результаты исследования

Выбор терминов для настоящего анализа производился как по частотности (подсчет количества слов, появляющиеся в корпусе), так и в зависимости от сложности значения. Поскольку выбор терминов – непростая процедура, мы использовали специальные компьютерные программы для извлечения терминов и поиска конкорданций.

Цель извлечения терминов является многочисленной, в зависимости от того, кто будет ими пользоваться (например, исследователь, эксперт, переводчик, терминолог, лингвист и т.д.). Целью настоящего исследования является анализ текста кодексов, проверка частоты *токенов* (англ. token) и *типов токенов* (англ. type) и их актуальность для изучения, анализа или перевода. *Токен* появляется в корпусе, это каждое отдельное вхождение слова, а *тип токена* отдельное слово, которое отличается от другого слова. Hrvatski jezični portal (Портал хорватского языка) (URL: <http://hjp.znanje.hr/index.php?-show=search>, дата обращения 10 апреля 2021 г.) определяет *тип* как «слово, которое записывается только при первом вхождении, потому что с каждым последующим появление считается *токеном*».

Юридические термины использовались для дальнейшего количественного (статистического), качественного и семантического анализа, сопоставительного анализа хорватских и русских терминов и

интерпретации данных. Анализируемым корпусом являются хорватские и русские кодексы: Уголовный и Уголовно-процессуальный. Они обработаны в виде *простого текста* (англ. plain text – «представляет собой основное, взаимозаменяемое содержание текста» (Unicode).

При обработке данных мы использовали инструмент компьютерной лингвистики и программное обеспечение AntConc (версию 3.5.0, Dev, Windows 2017) для извлечения терминов из корпуса и обработки конкорданций. Сначала, мы объясним ключевые термины, которые мы использовали при обработке данных.

Коллокация – это «совместное появление двух или более слов в свободном словосочетании или в виде идиомы (прочное соединение – часто непрозрачное значение). Это устоявшиеся или общепринятые выражения, которые очень важно запомнить и использовать как таковые» [Gašić 2009: 109]. Использование коллокаций и значений проявляется через *конкорданции* (перечень в алфавитном порядке всех слов, находящихся в тексте, с указанием места, где они находятся), в которых ключевое слово или словосочетание находится в контексте. При корпусной обработке данных важно различать *функциональные* (показывающие отношения между словами и частями текста, например, предлоги, вспомогательные глаголы, местоимения, союзы) и *лексические* слова (знаменательные слова, например, существительные, глаголы, прилагательные и наречия). В дополнение к программе AntConc мы использовали компьютерную программу Окари для извлечения терминов (Term Extraction). На основе корпусного и терминологического анализа мы пришли к ключевым терминам уголовного права, которые мы проанализировали в данном исследовании.

Мы проанализировали юридические термины с учетом конкорданций и частотности в кодексах (Уголовного и Уголовно-процессуального), чтобы выделить важность и значение, закрепленное в словарях, одноязычных, двуязычных и юридических словарях. Выбор эквивалентных терминов очень сложный процесс, потому что значения очень похожи, но различаются нюансами значений. Уголовное право (в более широком контексте) опирается на два кодекса: Kazneni zakon (KZ)/Уголовный кодекс (УК) и Zakon o kaznenom postupku (ZKP)/Уголовно-процессуальный кодекс (УПК). Корпус исследования включил наиболее распространенную хорватскую и российскую юридическую терминологию УК и УПК. В качестве критерия выбора

терминов важно учитывать определение терминов и их *фиксацию* в словарях, т.е. их значение, а принципу «один термин – одно понятие» помогает работать со сложными фразеологизмами вне зависимости от контекста. Однако это не означает, что термин не зависит от контекста, он *активно* функционирует в контексте. Термин должен быть кратким и точным, т.е. «буквальное значение его компонентов должно соответствовать семантическому содержанию» (Пронина, 1973). Тексты кодексов являются наиболее полными и представительными источниками права. Чаще всего именно в кодексах термины получают свою первую «легализацию», поэтому мы сузили корпус по текстам основных кодексов уголовного и уголовно-процессуального права для анализа терминологических единиц.

Для дальнейшего анализа мы выбрали ключевые термины уголовного и уголовно-процессуального права: *kazne-no djelo/преступление, kazna/наказание, krivnja/вина, osumnjičenik/подозреваемый, okrivljenik/обвиняемый, optuženik/подсудимый, osuđenik/осуждённый, kazneni postupak/уголовный процесс, presuda/приговор.*

Перевод и классификация юридической терминологии (на основании УК и судебной практики):

- *poziv na sud/вызов на суд*
- *optužnica/обвинительный акт и обвинительное заключение*
(в зависимости от того, если в начале уголовного производства или в конце)
- *rješenje/судебное решение*
- *rouka o pravima/указание о правах*
- *žalba/обжалование и апелляция*
- *presuda/приговор*
- *zapisnik/судебная записка и протокол*
- *sudski nalog/судебный приказ*

и термины, которые являются составной частью лексики уголовного производства:

- *državni odvjetnik/государственный обвинитель*
- *istražni sudac/следственный судья*
- *branitelj/защитник*

- *branitelj po službenoj dužnosti/назначенный судом защитник*
- *tjere opreza или upozorenja/меры предосторожности или предупреждения*
- *jamstvo/гарантия*
- *uhićenje/aprest и заключение под стражу*
- *istražni zatvor/следственная тюрьма*
- *kazneno djelo/уголовное дело.*

Термины обычно фиксируются в одной отрасли права (в кодексах и актах), и уточнение значения решающее при переводе терминов схожих концептуальных образов, учитывая принадлежность определенной отрасли права. Терминологическая точность и однозначность – важнейшие характеристики юридического перевода. Неизбежные языковые явления, такие как полисемия и синонимия; антонимия и омонимия, – богатство языка. Однако их следует избегать в юридических текстах. Переводчики чаще всего делают ошибки, потому что пренебрегают концептуальной стороной термина.

Хорошо подготовленный переводчик не сможет перевести подозреваемого в качестве обвиняемого, если судебное разбирательство еще не закончено. В значении терминов существуют нюансы, и стоит их учитывать.

Подозреваемый/osumnjičnik,
обвиняемый/okrivljenik,
подсудимый/optuženik,
осуждённый/osuđenik

В хорватском УПК, в Главе XV, в разделе Značenje zakonskih izraza (Значение юридических терминов), в статье 202, и в российском УПК, в части I, разделе II (Участники уголовного судопроизводства), в главе VII (Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты) определяются термины *подозреваемый/osumnjičnik*, *обвиняемый/okrivljenik*, *подсудимый/optuženik*, *осуждённый/osuđenik*.

Подозреваемый/osumnjičnik – быть под подозрением. В соответствии с кодексом подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, которое задержано, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления. *Обвиняемый/*

okrivljenik – счесть виновным. Обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; вынесен обвинительный акт, либо составлено обвинительное постановление. Из определения обвиняемого происходят определения УП кодексом подсудимого и осужденного. *Подсудимый/optuženik* – обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство. *Осужденный/osuđenik* – обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор.

В кодексах четко определены термины, но на практике, из-за нюансов в значении, эти термины часто могут быть заменены, чаще всего на *подозреваемый* и *обвиняемый*, в зависимости от того, если ведется расследование или обвинительное заключение уже предъявлено, и поэтому выбор терминов для переводчика очень сложен. Кроме того, существует эквивалент термина *обвиняемый*, которого находим в гражданском праве – *ответчик/tuženik*, и его семантическое поле сужено до гражданского права. Но в хорватских словарях они приводятся как синонимы, что не соответствует правилу четкости и определенности термина. В гражданском праве фиксированы термины, например, *истец/tužitelj* с одной стороны, *ответчик/tuženik* с другой. Значение термина *истец/tužitelj* означает «тот, кто по профессии, должности и служебным обязанностям от имени государства или общества подает обвинительный акт в судебный орган; прокурор (*državni odvjetnik в Хорватии*)», а другое означает «тот, кто подает в суд» [Anić 2004: 1638]. Значение термина *ответчик/tuženik*: «тот, против кого подан иск, против которого возбуждено дело». «Словарь хорватского языка» [Anić 2004: 1638] синонимом термина *tuženik* указывает обвиняемого. «Юридический словарь» [Gačić 2010: 1404] перечисляет синонимы: *ispitanik; sudionik ankete; respondent* (заимствованное слово от англ. *respondent*; *участник опроса*). В русско-хорватском словаре [Полянец 1966: 560] ответчик переведен словами: *optuženik, okrivljenik, odgovorno lice/подсудимый, обвиняемый, ответственное лицо*. Термины *tužitelj/истец* и *tuženik/ответчик* относятся к терминологии гражданского права, а не уголовного права, поэтому было бы неправильно переводить или помещать в контекст гражданского права термин *optuženik/обвиняемый*.

Для объяснения юридического термина недостаточные определения в словарях, потому что нужно учитывать конкретный контекст и правильное использование. Согласно Лайонсу (1977),

«значение каждого слова зависит от места, которое оно занимает в его системе». Юридический термин следует рассматривать в рамках определенной системы.

Presuda/судебный приговор

Помимо многозначности терминов и нюансов в значении, переводчику следует обратить внимание на «ложных друзей» в уголовном праве. Одним из примеров является *presuda/судебный приговор*. Определение этого юридического термина на русском языке гласит: «Приговóр — процессуальный акт правосудия. Это решение суда (судьи) о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (ст. 5 УПК РФ). Судебный приговор является окончательным ответом на основной вопрос дела, ставший предметом судебного рассмотрения.»

На хорватском языке *presuda* имеет следующее значение: «Это решение суда после главного судебного разбирательства по уголовному делу» [1] [Anić 2004: 1174]; «Приговором обвинение отклоняется либо подсудимый освобождается от наказания или признается его виновность» (пункт 1 статьи 369 УК РХ). Хорватский юридический термин *prigovor* переводится на русский язык как «возражение», «протест», «жалоба». Согласно толковому словарю хорватского языка [Anić 2004: 1188], «возражение – средство в качестве права защиты в судебном разбирательстве по оспариванию иска». Хотя русский *приговóр* и хорватский *prìgovōr* являются омографами (если мы транслитерируем слово из русского языка, а не транскрибируем его), существует различие в произношении в месте ударения, что приводит к редуцированию гласных в русском языке, поэтому в русском языке звук «о» во втором слоге произносится как краткое «а» [prìgólóg]. Термины *presuda/судебное решение* и *prigovor/возражение* в обоих языках представляют разные концепты, но при переводе следует различать значения, определять термины так, чтобы *ложный друг* не стал врагом переводчика.

Kazneno djelo и kazna/преступление и наказание

Терминосистема и словарный состав языка изменяются под влиянием экстралингвистических факторов, как например, в

общественно-политической сфере, материальной и духовной культуре и социальных отношениях [Mikulaco, 2021]. В конце XX и в начале XXI века произошли изменения в общественно-политической сфере в Хорватии и в России: смена политической системы (1989 г.), формирование новых социальных и экономических отношений, интеграция в Европейский союз (Хорватия, 2013 г.). Хорватский язык стал официальным языком ЕС, официальные документы ЕС стали переводиться на хорватский язык, и в связи с этим появилась необходимость гармонизовать хорватское законодательство с законодательством ЕС. Все эти факторы привели к множеству новых или снова оживлённых понятий и своё отражение нашли в терминологии права в целом и уголовного права в частности. Точки соприкосновения хорватского и российского уголовного права были в эпоху после Второй мировой войны, когда в 1947 г. был принят *Krivični zakonik* (Уголовный кодекс), который вступил в силу в феврале 1948 года и был под сильным влиянием советского уголовного права. Аналогия была в том, что *pokušaj/попытка* совершения уголовного дела была приравнена к *završenoj kaznenom delu/исполнённому уголовному делу/izvršenjem kaznenoga djela*, а также *pripreme radnje/подготовительные действия* были наказуемы во всех *teškim kaznenim djelima (zločinima)/тяжких преступлениях*.

В русском языке есть несколько терминов для перевода хорватского прилагательного *kazneni*: криминальный, преступный, уголовный, но в русском языке в контексте наименования кодекса употребляется всегда прилагательное *уголовный* (Уголовный кодекс Российской Федерации).

В современном хорватском законодательстве слово *krivični* изменилось в *kazneni* (с 1997 г. *Kazneni zakon*). Современные тенденции в законодательстве и развитии терминологии повлияли на изменение, обусловленное принципом терминологичности и точности термина, сужая семантическое поле термина. Слово, как главная терминологическая единица, им. сущ. *krivnja* (им. прил. *krivični*) имеет значение *вина*, а слово *kazna* значение *наказание*. Им. прил. *kazneni* образовано от им. сущ. *kazna*, имеет более конкретное значение и суженное семантическое поле [2]. *Kazna* относится к результату, к наказанию. Правильный термин *kazneni*, а не *krivični*, потому что он означает окончательный результат, наказание за преступление или правонарушение и является терминологически оправданным.

Эквивалентом термина *преступление* в современном хорватском языке называется *kazneno djelo*, а термин *zločin* (особо тяжкое

преступление) является символом понятия *ubojstvo* (убийство) и пользуется в стиле разговорном стиле речи и в литературе. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» переводится на хорватский язык как *Zločin i kazna*, а не как *Ubojstvo i kazna* (Убийство и наказание) или *Kazneno djelo i kazna* (Уголовное дело и наказание). В русском языке термин *преступление* имеет более широкое значение. Эквивалент в хорватском языке состоит из двухсловного термина *kazneno djelo*, но, принимая во внимание контекст романа, перевод заголовки романа термином *zločin* оправдан, поскольку в оригинале форма «Преступления и наказания». Хорватский Уголовный кодекс *Kazneni zakon o zločinstvih, prestupcih i prekršajih* из 1852 г. (по источнику австрийского УК) представляет собой первый источник кодифицированного уголовного законодательства Хорватии и имел в своём названии термин *zločin* (т.е. более экспрессивный термин *zločinstvo*), а сегодня заменяется термином *kazneno djelo*. Термин *zločin* определяется согласно «Словарю уголовного права» [Horvatić 2002: 669] как «наиболее серьезное преступление» и «позитивное законодательство Хорватии не признает термин преступление, но некоторые преступления против ценностей, охраняемых международным правом, традиционно считаются “военными преступлениями” или на хорватском языке – *ratni zločin*».

Уголовные законодательства государств принимают двойное или тройное разделение *правонарушений* и используют этот термин для особо тяжких преступлений. Хорватское уголовное право не признает *особый вид правонарушения*, а в самом широком значении разделяет *kažnjiva ponašanja* на *kaznena djela, prijestupi u prekršaji* [Horvatić 2002: 597]. В России *правонарушения* принято разделять на две группы: *проступки/prijestupi* и *преступления/kaznena djela*.

В терминологической системе уголовного права под влиянием экстралингвистических факторов происходят динамические процессы, цель которых – приготовить текст максимально понятным, точным, коротким и приспособить его к современным потребностям конечных пользователей кодексов и терминов.

Krivnja/vина

В сопоставлении хорватского термина *krivnja* и русского *вина* эти лексемы являются взаимными переводными эквивалентами.

В русских словарях фиксируются два термина *вина* и *виновность*, а в хорватских *krivnja*. Аналогичная ситуация и в самих текстах законов. В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) *вине* посвящена глава 5, а в Уголовном кодексе Республики Хорватии (Kazneni zakon Republike Hrvatske, KZ RH) в первой главе, в статье 4, и в главах со второй до десятой в связи с уголовным делом, т.е. с преступлением и наказанием.

Сопоставим определения терминов *вина* и *krivnja*, чтобы могли сделать выводы о понятиях.

Большой юридический словарь под ред. проф. А.Я. Сухарева определяет вину как “психическое отношение лица к своему противоправному деянию (действию или бездействию) и его последствиям. Означает осознание (понимание) лицом недопустимости (противоправности) своего поведения и связанных с ним результатов. Необходимое условие юридической ответственности. В уголовном праве вина – психическое отношение лица к совершенному им преступлению, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Предпосылкой вины является вменяемость лица и достижение им установленного законом возраста уголовной ответственности”. [БЮС, 2005 <http://determiner.ru/dictionary/201/word/vina>, 20.08.2015] *Hrvatski leksikon* термин *krivnja* определяет как “*subjektivna osnova kaznene odnosno građanske odgovornosti; sastoji se u određenom psihičkom odnosu počinitelja prema njegovu djelovanju i posljedici djelovanja. Krivnja se pojavljuje u težem obliku kao umišljaj (dolus), a u lakšem kao nemar (nehaj) (culpa)*”. [HL, 2015 <http://www.hrleksikon.info/definicija/krivnja.html>, 20.08.2015].

Rječnik kaznenog prava [2002: 211] гл. редактор Željko Horvatić определяет термин *krivnja* «*subjektivni odnos počinitelja prema djelu zbog kojeg mu se može uputiti prijekor. Krivnja u kaznenom pravu ima svoje antropološko-filozofsko utemeljenje i obično se veže uz slobodu čovjeka kao logičku pretpostavku (indeterminizam) čime joj se daje i moralna dimenzija...krivnja je nužni sastojak kaznenog djela*». KZ RH в ст. 4 определяет термин *krivnja* по принципу «*nulla poena sine culpa*» или «*Nitko ne može biti kažnjen ako nije kriv za počinjeno kazneno djelo.*», т.е. никто не может быть наказан, если он не виноват в преступлении, учитывая компоненты вины: *вменяемость, умысел и неосторожность*, который

был сознательным или был должным понять, что его (виновника) действие запрещается и не существует никакая причина оправдания.

В соответствии с данными примерами можно заключить, что принцип вины является основой для правового регулирования наказания [ст. 4 и 47 КЗ РН], вина необходимое условие юридической ответственности, четко выражает идею, что вина узаконивает наказание в двойном смысле: вина предположение наказания, а степень вины (как оценочная категория) представляет фундамент для видов наказаний [3] и размер наказания, который не может быть превышен. В настоящее время в научных статьях по российской юридической науке как напр. Юрчак [2015], все более учитывают, что все более в уголовном праве не надо разделять теории как независимые одной от другой, как, например, оценочную, нормативную, теорию опасного состояния или психологическую, а изучать их как взаимодействующие, как относятся в хорватском уголовном праве к *вине* или в других странах Западной Европы. Видимо, что тенденции развития, как в хорватской, так и российской правовой науки влияют на концепции вины и меняют вид на понятие вины, введут новые элементы для уточнения понятий терминологических единиц.

В УК РФ фиксируется еще один термин – *виновность*.

Виновность определяется так: «Общественно опасное деяние может быть признано уголовно противоправным лишь тогда, когда оно совершено виновно, т.е. при наличии определенного психического отношения лица к совершенному деянию и наступившим последствиям в форме умысла и неосторожности». Понятие *умысла* и *неосторожности* раскрывается в ст. 25, 26 УК РФ. При этом в ч. 2 ст. 24 УК подчеркивается, что *деяние*, совершенное *по неосторожности*, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК. (<http://determiner.ru/dictionary/542/word/vinovnost>, 20.08.2015). Из сопоставительного анализа определений *вины* и *виновности* видно различие понятий этих двух терминов. *Виновность* от *вины* различается тем, что *вина* «психическое отношение лица к своему противоправному деянию», и негативным последствиям, которые являются причинно-следственной связи между *действием* или *бездействием* и психического отношения человека к этому, в виде *умысла* или *неосторожности*. С другой стороны, *виновность* – *деяние*, т.е. признак, характеристика противоправного деяния –

«психического отношения лица к совершенному деянию в форме умысла и неосторожности», а вина с человеком, который совершил преступление. Из определений терминов *вина*, *виновность* и *krivnja* можно заключить, что концепты происходят из различных теорий о концепте *вины*, которые создали определения, в частности, хорватская концепция стремится более к направлению нормативной, чем психологической. Теория *опасного состояния* отличается от самого концепта *вины*, и ее нет в хорватской правовой науке в рассмотрении концепта *вины*. В хорватском уголовном праве разница между *виной* и *опасным состоянием* в том, что вина значит, что преступнику можно направить упрек за совершение преступления, пока *опасное состояние* имеет значение, что от преступника в будущем можно ожидать совершения преступлений [Horvatić 2002].

В отличие от российской правовой науки, где она существует. Основное положение вины заключалось в том, что совершенное лицом деяние воспринималось лишь как проявление опасного состояния личности, которое и признавалось основанием для применения к нему мер принудительного воздействия [Кудрявцева, Лунеева, Наумова 2006]. В хорватском положительном уголовном праве *вина* является в качестве основы наказания и назначения (измерения) наказания, в основе является вменяемость, умысел или неосторожность (как и в российской концепции), осознание незаконности, а новый KZ RH включает и отсутствие причины оправдания или извинения. *Вина* в качестве измерения наказания может иметь степени, в соответствии с тяжестью, т.е. более серьезное наказание предполагает увеличенную вину, более легкое наказание уменьшает вину.

Вина характеризуется интеллектуальными и волевыми элементами. Интеллектуальные – это способность человека понимать фактические признаки ситуации, в которой он оказался, последствия своего поведения, и их социальный смысл, а волевые – это сознательное направление умственных и физических усилий на принятие решения, достижение поставленных целей, выбор и осуществление определенного варианта поведения [Назаренко 2005]. Кроме того, некоторыми авторами [Рарога 2004] напоминает качественный признак вины – содержание вины. Это характер и разновидности объектов уголовно-правовой охраны, т.е. чем он станет преступником. Количественный признак – степень вины, это тяжесть вины и социальная сущность – «она является выражением антиобщественных установок субъекта, его отрицательного, пренебрежительного или недостаточно

бережного отношения к защищаемым уголовным законом ценностям и благам».

Форма вины имеет большое значение в уголовном праве – это сочетание интеллектуальных и волевых признаков, которые представляют отношение виновного к совершаемому им деянию и его последствиям. От формы вины зависит и классификация преступления. Формами вины являются *умысел ili namjera* [4], в качестве тяжёлой формы вины. В словарях фиксируется как «Умысел – в теории уголовного права форма вины, означает осознание лицом общественной опасности совершаемых им деяний» [<http://determiner.ru/dictionary/201/word/umysel> // Большой юридический словарь, 22.08.2015]. В статье 25 УК РФ в заглавии не упоминается *умысел* прямо, а через понятие умышленно «преступление, совершенное *умышленно*». В хорватском юридическом словаре уголовного права определяется «*Namjera je oblik krivnje koji se sastoji u znanju i htijenju ostvarenja bića kaznenog djela. Znanje obuhvaća intelektualnu ili kognitivnu sastavnicu, a htijenje voljnu sastavnicu. Namjera je teži oblik krivnje od nehaja i zaslužuje viši stupanj prijekora. Namjera je temeljni oblik krivnje. Kazneni zakon ne ističe posebno namjeru u opisu pojedinih kaznenih djela, pa kada u opisu nije ništa rečeno o obliku krivnje podrazumijeva se namjera*» [Horvatić 2002: 278]. В УК РФ, в статье 28 четко определяется термин *namjera*. То, что новое в Уголовном кодексе является определением и более уточнением умысла. Разделяется на понятия умысла: *izravna namjera prvog stupnja / прямой умысел первого степени* и *izravna namjera drugog stupnja / прямой умысел второго степени*, понятийная разница в том, что первая имеет акцент на интеллектуальные элементы, а вторая на волевые элементы. В этом есть разница между понятиями этих двух терминов хорватского и российского уголовного права, в этом четком разделении *прямого умысла* в зависимости от размера, т.е. тяжести, степени преступления. Понятия объединяются в разделении *косвенного умысла*, где в связи с волевыми элементами вины представляют более мягкую форму вины. *Неосторожность* как одна из форм вины определяется в УК, в ст. 26 и словарях и монографиях уголовного права [БЮС; Назаренко 2005] как преступление, т.е. «деяние, совершенное по *легкомыслию* или *небрежности*». Понятие *неосторожности* раскрывается в двух терминах: *легкомыслие* и *небрежность*, что может привести в сомнение в значении, потому что легко можно перепутать *неосторожность* и *небрежность*. Разница в том, что существует

иерархия в значении этих терминов. *Небрежность* – составной элемент *неосторожности*. Разделяется на преступное легкомыслие – «виновный *предвидит* возможность наступления общественно опасных последствий (интеллектуальный момент схож с косвенным умыслом), не желает их наступления, и без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (волевой момент)» и преступную небрежность – «виновный *не предвидит* возможность наступления общественно опасных последствий, хотя должен был и мог их предвидеть». В хорватском УК посвящена ст. 29 термину *nehaj*, который разделяется на *svjesni* i *nesvjesni*, которые являются эквивалентами по их значению легкомыслию и небрежности. В хорватской уголовной терминологии термины являются атрибутивным терминологическим словосочетаниям в двухсловной форме: *svjesni nehaj* i *nesvjesni nehaj*, а в русском языке в однословной форме: *легкомыслие* и *небрежность*.

Выводы

Юридический перевод начинается с исходного текста и исходного языка и имеет тенденцию передавать эквивалентные термины в целевой текст и целевой язык, т.е. перевод, охватывая контекст и используя фоновые знания. Юридический перевод – это отражение всех знаний переводчика, который вкладывает свое время, знания и способности в юридический перевод. Такой перевод имеет юридическую силу и поддерживает верность оригинального текста. Необходимость новых исследований и размышлений над приспособлением текста остается актуальной. При переводе текста с исходного на целевой язык следует позаботиться о том, чтобы независимо от приспособления (фонематического, морфологического или семантического) сохранялось не только значение, но и языковая мелодия подлинника. Настоящим, мы не дали все переводные решения, но открыли возможность дальнейших исследований юридической терминологии в сопоставлении двух родственных славянских языков, их правовых систем и юридических терминов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Переводы в тексте ИМ (автор статьи).

[2] лингв. 1. система семантических единиц, набор слов, обозначающих

родственные связи понятия, относящиеся к определенной области человеческого сознания 2. совокупность и целостность семантического охвата определенного слова [Hrvatski jezični portal. URL: <http://hjp.znanje.hr/>]. Перевод автора статьи.

[3] Уголовный кодекс РФ насчитывает 13 видов наказания, которые подразделяется на две группы: основные (применяемые самостоятельно) и дополнительные (применяемые только в сочетании с основными), а также и меры, применяемые в качестве как основных, так и дополнительных. См. подробнее УК РФ, ст. 44-45.

[4] *Namjega* раньше в хорватском уголовном законодательстве называлась *umišljaj*, что дает одинаковые лексемы, эквивалентного значения терминов. Они имеют одинаковое происхождение и образованы по одной словообразной модели, от праслав. и стар.-слав. произошли *мыслити*, *мышлѣж*, русс. *мыслить*, хорв. *misliti*. Производное от *мысль*, далее от др.-русск. *мысль ж.*, хорв. *misao*. Сходства кореня: *-мысл-/мышл-/мысел-/*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гринева-Гриневиц С.В.* Терминоведение. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Учебное издание. Москва: Издательский центр «Академия», Серия «Высшее профессиональное образование», 2008. 304 с.
2. *Громов Н.А.* Уголовный процесс России. «Юристъ», М., 1998.
3. *Назаренко Г.В.* Уголовное право. Общая часть. М., 2005. С. 85.
4. *Пронина Р. Ф.* Пособие по переводу английской научно-технической литературы. Высшая школа. М., 1973. С. 200.
5. *Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968. С. 103–125.
6. *Скляров С.В.* Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004 – С. 22.
7. *Сухарев А.Я.* Большой юридический словарь. «ИНФРА-М», М., 2005 – С. 857. (вина <http://determiner.ru/dictionary/201/word/vina>, 20.03.2021) виновность <http://determiner.ru/dictionary/542/word/vinovnost>, 20.02.2021
8. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А. В. Наумова. 2006 – М., – С. 190.
9. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. 2007 – М., – С. 83.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рапога. 2004 – М., – С. 89.
11. *Юрчак, Е.В.* Концепции вины в юридической науке. В: Актуальные проблемы российского права; 2015, № 7. «АППИ», Москва.
12. *Barak, A.* Purposive Interpretation of Law. Princeton: Princeton University Press, 2005.
13. *Bojanić, I., Mrčela, M.* Konceptija krivnje u novom Kaznenom zakonu. U: Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu. Zagreb, vol. 19, broj 2/2012, С. 389–407
14. *Gačić M.* Riječ do riječi. Zagreb: Učiteljski fakultet – Profil, 2009.
15. *Gačić M.* Englesko-hrvatski rječnik prava i međunarodnih i poslovnih odnosa. Zagreb: Školska knjiga, 2010.
16. *Lyons J.* Semantics, 2 vols. Cambridge, New York and Melbourne: Cambridge University Press, 1977.

17. *Mikulaco, I.* Hrvatsko i rusko pravno nazivlje. Izdavač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Pula, 2021 (u tisku).

18. *Novoselec P.* Opći dio kaznenog prava – 3. izm. izd. Zagreb: Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2009. С. 235–236.

19. *Wierbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics. 2nd ed. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Словари, справочники, энциклопедии

Баранов А., Марфицин П. Словарь основных уголовно-правовых понятий и терминов. – М., “ИНФРА-М”, 2001

Web: виновность <http://determiner.ru/dictionary/542/word/vinovnost>, (20.08.2015)

Большой юридический словарь / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. — М., 2005.

Web: <http://determiner.ru/dictionary/201>, (20.03.2021)

вина <http://determiner.ru/dictionary/201/word/vina>, (20.03.2021)

Web:<http://bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-6/index.htm>, (20.03.2021)

Web: <http://bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-6/67.htm>, (20.03.2021)

Web: [http:// petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law27.php](http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law27.php), (1.04.2021.)

Anić, V. Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Novi liber, Zagreb, 2004.

Horvatić, Ž. Rječnik kaznenog prava. Masmedia. Zagreb, 2002. С. 692.

Hrvatski jezični portal. Web: <http://hjp.novi-liber.hr/index.php?show=baza>, (17.09.2015)

Hrvatski leksikon. Web: <http://www.hrleksikon.info/definicija/krivnja.html>, (20.08.2015)

Rječnik kaznenog prava. / Gl. urednik Ž. Horvatić. – Zagreb, 2002.

Тексты законов, нормативные акты

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс] URL: <http://www.ug-kodeks.ru/> (дата обращения: 28.03.2021).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/kodeks/UPK-RF> (дата обращения: 28.03.2021).

Kazneni zakon Republike Hrvatske. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakon.hr/z/98/Kazneni-zakon> (дата обращения: 10.04.2021).

Zakon o kaznenom postupku. [Электронный ресурс] URL: <https://www.zakon.hr/z/174/Zakon-o-kaznenom-postupku> (дата обращения: 28.03.2021).

TRANSLATION OF CROATIAN AND RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY

Irena Mikulaco

Juraj Dobrila University of Pula

30, Zagrebacka str., Pula, 52100, Croatia

Legal translation has its characteristics: sentence structure, specific vocabulary, lexical models. A legal translation has the legal force of the original, so it is important to translate a certain term correctly. The problem arises because in legislation one term can have several meanings. Legal translation is a complex discipline that includes law and linguistics, therefore legal translation requires the knowledge of legal experts and linguists, as well as practitioners who will establish and explain the translation. In that sense, linguistic expertise is one of the methods of checking the quality of translation. The main problem in the study of the translated text is the evaluation of the translation and, consequently, the understanding of the text as a new work. The author compares Croatian and Russian legal terminology based on legal sources, legal documents: court decisions of various court instances. In the study, the author used different methods: analysis, synthesis, generalization, qualitative and quantitative analysis, special methods such as comparative and lexical-semantic analysis, based on regulatory documents of various branches of law (criminal, procedural, civil procedural) and from Croatian and Russian legal practice. The main method of analysis is the linguistic expertise of the machine translation of the judgment in comparison with the translations in Croatian and Russian languages. The study aims to translate legal terminology and resolve doubts in the conceptual analysis of legal terms. The absence of a definition in legal documents, disregard term limits makes it difficult to use the term correctly, which raises doubts about understanding the content of the legal text. A comparative analysis of the legal terminology of related Slavic languages, such as Croatian and Russian, is a necessary tool for reconstructing the process of linguistic formation of laws and regulatory documents of different countries. The analysis allows understanding how similar or different are the terminological systems in a particular branch of Croatian and Russian law, whether the terms are the same or different, and how to adequately translate the legal text and terms, taking into account the legal technique and different legal systems.

Keywords: language of law, legal translation, legal term, Croatian criminal law terms, Russian criminal law terms

Контактная информация:

Ирена Микулацо – д-р филол. наук, председатель Хорватской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, руководитель Центра русского языка и культуры «Институт Пушкина», заведующая кафедрой иностранных языков философского факультета Университета Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия;
rena.mikulaco@unipu.hr

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье исследуются характерные признаки юридических документов, юридической терминологии, принципы ее формирования и вопросы ее перевода. Целью статьи является сбор и обобщение способов перевода юридической терминологии на материале официальных документов Европейского союза по вопросам миграции, представленных на английском и немецком языках. Научная новизна работы заключается в составлении параллельного корпуса документов для разработки учебно-методических материалов для обучения студентов по направлениям «международная юриспруденция», «теория перевода» и «политология». В ходе исследования было установлено, что наиболее частотными способами перевода, применяемыми при составлении идентичных текстов документов внутри Европейского союза, являются выбор абсолютных эквивалентов, использование вариантов термина, применение лексико-грамматических трансформаций и опущение терминологии. Проведенное исследование также показало, что, несмотря на стремление к формированию наднационального пласта юридической терминологии, в ЕС порядка 2–3% терминов остаются безэквивалентными.

Ключевые слова: юридическая терминология, терминоведение, перевод, переводческие трудности, терминологические системы, эквивалентность, немецкий язык, английский язык.

Введение

Терминология представляет собой не просто набор определенных лексем, а совершенно осмысленный, конечный продукт мышления, который отражает окружающую действительность, мыслимые и реальные денотаты. Терминология является семиологической системой, которая отражает понятия и концепты, связанные с неким научным мировоззрением, поэтому есть все основания утверждать, что для возникновения терминологической системы необходимо достичь довольно высокой степени развития научной мысли.

Термин можно определить, как слово или словосочетание, которое принадлежит к метаязыку науки и обозначает конкретные реалии определенной области знаний (также используется термин «номенклатура») [1]. Из данного определения следует, что к терминам нельзя отнести символные выражения, которые входят в метаязык науки, но не являются частью лексики естественного языка.

Поскольку вопросы формирования терминологии являются исключительно осознанными усилиями людей по работе внутри научной области, есть основания полагать, что терминология может быть полностью стандартизирована во всех научных областях (например, ввиду относительности гуманитарного знания). Для упрощения работы исследователей внутри научной области создаются словари со специальной лексикой (отраслевые словари терминов, толковые словари, энциклопедические словари, тезаурусы, терминологические сборники) [2].

Поскольку термин является частью классифицирующей системы и обозначает объекты действительности, у него должна быть дефиниция, соотносящаяся с данным объектом. Дефиниция термина может быть развернутой или нулевой, если она совпадает с общим лексическим значением слова. Если говорить о юридической терминологии, то следует отметить, что определение термина может быть закреплено законодательно – отражено в нормативных актах. В таких случаях нередко определение бывает размытым за счет наличия перечислений или описательного характера дефиниции, что отражается на отсутствии точности и строгости юридической терминологии, несмотря на объективное стремление терминологической системы к однозначности понятий.

Принимая во внимание, что работа с языком для специальных целей может вызывать трудности при переводе в силу наличия различий в концептуальных системах, переводчику текстов, содержащих терминологию, необходимо не только знать особенности формирования терминологии, но и иметь определенный уровень знаний внутри той сферы, в которой применяется та или иная терминология.

При работе с текстами по юридической тематике переводчику приходится осуществлять перевод не только с исходящего на переводящий язык, но и внутри или между совершенно разными правовыми системами, что также порождает ряд переводческих трудностей.

В статье предлагается анализ официальных документов Европейской комиссии с целью установления наиболее частотных способов преодоления переводческих трудностей при работе с текстами по юридической тематике. В рамках данной статьи будет представлена общая информация о природе юридической терминологии, описаны ключевые переводческие трудности и способы их преодоления.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью составления специализированных учебных пособий для обучения студентов языковых и неязыковых высших учебных заведений адекватному восприятию юридических текстов на разных языках.

Исследование было проведено **на материале** документов Европейской комиссии, размещенных на официальном сайте в разделе «Миграция» от «13» мая 2015 года: ‘A European Agenda on Migration’ [3] / ‘Die Europäischen Migrationsagenda’ [8] (*«Европейская повестка дня по вопросам миграции»* – перевод П.М.) и от «06» марта 2019 года: ‘Progress report in the Implementation of the European Agenda on Migration’ [11] / ‘Fortschrittsbereich über die Umsetzung der Europäischen Migrationsagenda’ [9] (*«Отчет по внедрению европейской повестки дня по вопросам миграции»* – перевод П.М.).

Природа юридических терминов и способы их перевода

Юридический перевод относится к особому типу перевода, который включает в себя работу с языком для специальных целей и межкультурной коммуникацией в юридическом контексте. Как отмечают лингвисты, многие аспекты перевода особенно в части языка для специальных целей стирают культурные границы и являются в каком-то смысле универсальными.

При этом по сравнению с другими типами языка для специальных целей, такие как медицина, естественные науки и технологии, юридический перевод включает в себя скорее более культурно-специфические, а не универсальные компоненты. Такой тезис обосновывает в своих работах С. Сарцевич: сама природа юридической терминологии тесно связана с конкретной правовой системой, так как терминология является ее производным продуктом [13]. Обусловленность термина конкретной правовой системой неизбежно ведет к возникновению определенной степени несоответствия содержания понятий на разных языках.

Один из самых выдающихся терминологов Х. Загер определяет термин как хранилище знаний и единиц с конкретной ссылкой на концептуальные объекты, свойства, действия или отношения, которые составляют пространство знаний или конкретное предметное поле. Именно поэтому термины встроены в сложные структуры знаний и когнитивная лингвистика может объяснить, как организованы такие структуры и как смысл конкретных терминов вытекает из них [12].

Юридические термины в силу своей связности с предметной областью могут расцениваться как «ключи» к уникальным концептам. Для того чтобы дать характеристику юридического концепта, необходимо принимать во внимание содержание всей области знаний, которая оказывает влияние на формирование самого концепта. Кроме того, все понятия взаимосвязаны и включены в различные культурные модели, когнитивные модели и структуры, которые в определенной степени ограничены национальным законодательством. Кроме того, правовые концепции строятся вокруг причинно-следственных связей, и А.Л. Кьёр утверждает, что внутренне содержание юридического концепта зачастую основывается на ментальной модели «если – то» (юридический термин связывает правовые условия с последствиями данных условий) [10].

Это особенно заметно в правовой сфере, где термины основаны на правовых системах конкретных стран, основа знаний которых определяется национальным законодательством. Термин аккумулирует в себе юридические знания, а они, в свою очередь, являются частью его значения, и в результате юридические термины показывают определенную степень асимметрии между национальными системами, что неизбежно создает серьезную проблему в области перевода. Существует несколько степеней терминологической несовместимости, начиная от идентичных понятий (что встречается крайне редко) или почти эквивалентных до концептуальных пустот без каких-либо эквивалентов в переводящем языке.

Правовая концепция – это абстрактное общее понятие или идея, которая служит для классификации и определяет правовые последствия, они являются средствами формирования юридического мышления. Данное определение подчеркивает один важный аспект правовых понятий, а именно их интертекстуальность, то есть зависимость их содержания от различных источников права. Исходя из этого есть все основания полагать, что совокупность фактов, формирующих содержание понятий, редко будут идентичны в правовых системах исходного и переводящего языков [5].

Переводчику юридических текстов приходится осуществлять перевод между двумя юридическими системами, в которых наличие абсолютного эквивалента (близкого эквивалента, по С. Сарцевич [14]) является исключением из правил. Переводчик вынужден искать баланс

между определенной степенью терминологической креативности, используя заимствования, кальки, пояснения или неологизмы, и использованием функциональных эквивалентов, способных выполнить требование передачи сообщения, но с риском потери особенностей правовой культуры исходного текста.

Методы работы с несоответствующими понятиями можно разместить между двумя общепринятыми стратегиями доместикаций и форенизацией. В процессе доместикации (*англ. migrate – нем. sich auf den Weg Machen – русск. переселяться; англ. demographic decline – нем. die Bevölkerungsumgang – русск. снижение численности населения*) термина он включается в систему переводящего языка, что призвано обеспечить его узнавание. Напротив, при форенизации узнавания термина не происходит, так как он воспринимается как чужеродный, в результате термин может остаться непонятым. Подобные подходы зачастую применяются в юридическом переводе [6].

К стратегии форенизации также можно отнести: транскрипцию (заимствование) без адаптации, транскрипцию с адаптацией, натурализацию (адаптация правописания) и просто перефразирование (*англ. target criminal smuggling networks – нем. die Bekämpfung krimineller Schleusernetze – русск. бороться с сетями контрабандистов*). Очевидно, что неизбежно будет ряд выражений на исходящем языке, которые не поддаются переводу в строгом, узком смысле, потому что в культуре переводящего языка нет ничего действительно сопоставимого с соответствующей концепцией, а буквальный перевод не будет иметь смысла. Еще одна стратегия форенизации – это буквальный эквивалент, также известный как формальный эквивалент, дословный перевод или калька (*англ. migration policy – нем. die Migrationspolitik – русск. миграционная политика*).

Согласно Л. Биль, при работе с юридическими текстами переводчик может столкнуться со следующими трудностями:

- Термин привязан к правовой системе (несоответствие юридических терминов и концептуальных систем берет начало в различии правовых систем стран).
- Языковые особенности (структурные, семантические, прагматические различия между исходным и переводящим языком).
- Особенности переводческого процесса (помехи при осуществлении деятельности) [6].

Лингвистическая и юридическая неопределенность как отдельный вид переводческих трудностей

Трудность при переводе терминологии может также возникать из-за лингвистической неопределенности. В данной работе «лингвистическая неопределенность» используется как обобщающий термин для характеристик языка, связанных с неопределенностью, включая семантическую неопределенность, обобщение и двусмысленность; сюда также относятся лексическая и синтаксическая неопределенность. Существуют и другие языковые характеристики, которые способствуют языковой неопределенности, такие как неясность, относительность, нераспространенность и индексность, но на них заострять внимание не будет [7]. С одной стороны, семантическая неопределенность, обобщение и двусмысленность различимы, но в то же время относительны и иногда могут совпадать.

Правовые споры часто возникают из-за лингвистической неопределенности, обнаруженной или якобы обнаруженной в тексте договоров и нормативно-правовых актов. Прежде всего слово, фраза или предложение является двусмысленным, если оно имеет более одного значения. Существует два вида двусмысленности: лексическая и структурная, которая также называется синтаксической.

Выражение является расплывчатым или неточным, если при его использовании возникают пограничные случаи толкования. Концепция является расплывчатой, если нельзя точно сказать, является ли она фактом или нет, например, такие слова, как «старый» и «новый», а также концепты или целые их кластеры, такие как «просто» и «интеллектуальный», являются расплывчатыми, так как невозможно их соотнести с конкретной точкой шкалы. Следующий пример – слово ‘*measures*’/ меры: англ. ‘*This calls for a set of core measures and a consistent and clear common policy.*’ [3] – нем. ‘*Voraussetzung dafür sind eine Reihe von grundlegenden Maßnahmen und eine einheitliche und klare gemeinsame Politik.*’ [8] – русск. «*Необходимо принять ряд ключевых мер и выработать твердую единую политику*». Остается неясным, что включает в себя понятие «меры»: экономические санкции, применение силы или иные действия, направленные на регулировку потоков мигрантов.

Синтаксическая неопределенность также имеет довольно большое значение, так как сочетание лексически неоднозначных и расплывчатых слов в неоднозначных фразах и предложениях

может привести к непониманию, когда дело доходит до толкования общего значения фразы или предложения. Неопределенность в выражениях является самым распространенным фактором языковой неоднозначности, вероятно даже в большей степени, чем лексическая неоднозначность. Здесь речь идет о том, что, даже если фраза понятна в одном контексте, она может быть неясной, если контекст немного изменен [4].

Согласно одному из подходов, фраза может быть проанализирована как по содержанию, так и по имплицитным значениям: в то время как скрытый смысл фразы может измениться (возможно, от декларативного заявления к обязательному утверждению), содержание фразы остается тем же. Однако возможно также, что изменение имплицитной информации может фактически изменить содержание фразы, поскольку некоторые слова имеют различные ассоциации в разных типах фраз. Например, абсолютные слова, такие как «нет» или «все», обладают иными значениями в текстах документов, чем в декларативных предложениях.

Несмотря на то что понятие фразовой неопределенности может быть легче описано и выявлено, чем лексическая неоднозначность, последствия данного типа языковой неопределенности не менее сложны. Возможные толкования, возникающие из-за фразовой и интактной неопределенности, особенно в контексте юридических документов, могут привести к разнообразному толкованию текстов [4].

Анализ особенностей официальных документов Европейской комиссии

Поскольку юридический перевод представляет собой вид специализированного перевода, требующего от переводчика не только умения хорошо переводить, но и довольно хорошо знать предметную область, многие лингвисты подчеркивают, что при работе с текстами подобной тематики необходимо комбинировать литературный перевод и точность терминологии. Большая часть сложностей, связанных с переводом юридических текстов, заключается во внутренних характеристиках юридического языка, например, обезличенный дискурс (даже при взаимодействии юридических и физических лиц), обязательная связь текста и определенных правовых последствий и т.д. Задача переводчика заключается в создании текста перевода,

идентичного тексту оригинала, то есть текста, обладающего такими же правовыми последствиями [5].

Даже принимая во внимание особенное устройство юридической системы Европейского союза в целом, следует отметить, что переводчику необходимо не просто переносить терминологическую систему одной страны в текст перевода, а делать это с большой осторожностью. Согласно рекомендациям для переводчиков, в подобных ситуациях следует избегать культурно-специфических терминов и сделать текст перевода максимально универсальным.

При работе с текстами ЕС внутри одного института власти переводчику, однако, приходится намного проще: ему приходится работать в одной системе концептов, что в большей степени снимает вопрос о культурно-специфических терминах. С другой стороны, переводчик вынужден не просто работать с текстом как таковым, он должен принимать во внимание и политические импликации, которые должны быть обязательно отражены, ему приходится работать медиатором при укреплении существующих связей между странами-участниками ЕС [5].

Некоторые лингвисты составляют свои собственные классификации типов юридического перевода, например, А.Л. Кьёр выделяет три группы:

- Классификация юридического перевода на основе степени сходства и различия между правовыми системами;
- Классификация юридического перевода на основе типа текста и цели его создания;
- Классификация юридического перевода на основе принципа: перевод «между» или «внутри» правовой системы [10].

Следуя подходу вышеприведенной классификации выделяют следующие категории перевода:

- Наиболее легкий вид перевода: правовые системы и юридический язык очень похожи;
- Легкий вид перевода: правовые системы похожи, но сходства юридического языка редки;
- Сложный вид перевода: языки схожи, но правовые системы сильно отличаются;
- Самый сложный вид перевода: правовые системы и юридический язык совсем непохожи [5].

Исходя из приведенных выше классификаций можно ошибочно заключить, что работа с юридическими текстами Европейского союза относится к типу относительно легкого перевода. Действительно, в текстах имеет место быть общая правовая система, также называемая наднациональной, но проблема заключается в том, что в ЕС существует 24 официальных языка. Следует принимать во внимание, что в юридический язык каждой из стран-участниц включает в себя и в большей степени основывается на национальной системе права, поэтому переводчику постоянно приходится самостоятельно оценивать степень концептуального соответствия терминов.

Следует также отметить некоторые особенности дискурса и терминологии ЕС, исходя из представленных на сайте Европейской комиссии документов. Наиболее насыщенным уровнем языка, содержащим трудности, является лексический уровень ввиду наличия большого количества терминологии, корни которой идут из различных семантических полей. Юридическая терминология как таковая представляет собой особый пласт лексики, который отражает правовой взгляд на социальные феномены и окружающую действительность. Поскольку существуют системные различия юридической терминологии от нейтральной лексики, она обладает такими обязательными требованиями, как: семантическая точность, состоятельность, применяемость и отсутствие экспрессивности [5]. Другой особенностью терминологической системы ЕС можно считать наличие отдельного терминологического пласта, обозначающего названия различных организаций, который возник в 1950-х годах. Весь этот пласт относится к категории терминологии с узким смыслом и имеет название метатерминологии ЕС.

Существует также отдельная категория сочетаний лексем, встречающихся в текстах официальных документов ЕС. Коллокации помогают описывать действительность, являются частью юридического языка, но при этом относятся к нетерминологическим языковым единицам.

Клишированность относится к одним из основополагающих и отличительных черт юридического языка, стандартизированные обороты входят в юридический дискурс, но не принадлежат к терминологии. С точки зрения структуры выделяют три типа языковых клише: лексические клише (являются частью предложения), клише-предложения (имеют постоянное лексическое наполнение) и архаизмы (призваны добавить тексту уникальности) [5].

Если говорить именно об особенностях терминологии ЕС, а не юридического языка в целом, то можно выделить следующее: на каждый концепт зачастую приходится не один термин, некоторые термины имеют ярко выраженный перформативный характер, некоторые термины пришли из общей лексики.

При проведении анализа документов, указанных в начале статьи, при помощи метода сплошной выборки была выявлена 321 терминологическая пара и было установлено, что наиболее частотными способами перевода юридической терминологии являются:

– 79,85% (157 единиц) поиск переводческих соответствий, абсолютных эквивалентов (*англ. migration – нем. die Migration – русск. миграция; англ. irregular border crossing – нем. der irregulär Grenzübertritt – русск. незаконное пересечение границы*).

– 9,6% (31 единица) применение лексико-грамматических трансформаций (*англ. EU internal funding – нем. die EU-intern bereitgestellten Mittel – русск. внутреннее финансирование ЕС; англ. forced migrant – нем. die erzwungene Migration – русск. вынужденный мигрант*).

– 8,05 % (26 единиц) использование нескольких терминов для обозначения одного концепта, вариативность терминов (*англ. humanitarian assistance – нем. das Mittel, die für humanitäre Zwecke genutzt werden / die humanitäre Hilfe – русск. гуманитарная помощь*).

– 2,5% (8 единиц) опущение термина (*англ. nationality – нем. вариант отсутствует – русск. национальность*).

Следует отметить, что при сравнении процентного соотношения использованных способов в 2015 году процент переводческих соответствий был ниже, что свидетельствует о непрерывной работе по созданию наднациональной терминологической системы в ЕС.

Заключение

Начиная с XX века вопросы нормализации стали важной частью условий функционирования научных областей, их развития в условиях растущей интеграции научных знаний и общей глобализации. Для обеспечения планового и равномерного развития научной мысли необходимо было прийти к единой системе понятий и обозначающих их терминов. В данном вопросе с 1950-х годов было сделано немало для разработки отдельных критериев для стандартизации терминологии и создания терминосистем.

Основными требованиями для термина является однозначность (соответствие обозначаемого означаемому), системность, краткость, устойчивость. В процессе стандартизации терминологии также учитывается степень внедренности (распространенности в научной сфере).

При работе переводчика внутри языка для специальных целей необходимо не только знать особенности исходящего и переводящего языка, но и иметь некоторые базовые фоновые знания в конкретной сфере. Не имея должного багажа, переводчик не может в полной степени оценить уровень несоответствия терминов и сделать правильный выбор эквивалента. В отношении работы с текстами юридической тематики также возникают вопросы лингвистической и юридической неопределенности, которые проистекают из основы появления терминов – самого юридического языка (здесь следует отметить источники права, где терминология может быть использована размыто или может быть дано несколько определений одному термину).

Для облегчения работы переводчиков можно прибегать к использованию словарей разного рода: одноязычным или двуязычным. В одноязычных словарях словарные статьи обычно схожи с энциклопедическими, что может значительно улучшить понимание переводчиком различных понятий и концептов. Двуязычные же словари скорее подходят для тех, кто уже имеет довольно обширные знания в предметной области и лишь хотят удостовериться в правильности выбранного эквивалента.

Если переводчик работает с текстами юридических документов, касающихся внутреннего функционирования Европейского союза, то следует понимать, что даже при условии существования панъ-европейского языка, многие термины имеют сугубо национальное происхождение и могут быть истолкованы неверно. Также для переводчиков подобных документов существует сборник отдельных рекомендаций, которые необходимо соблюдать при работе, все они также находятся в открытом доступе на официальных сайтах соответствующих организаций.

Можно сделать вывод, что несмотря на стремление терминологии к унификации необходимо понимать, что вопросы создания переводных словарей, написания переводов внутри конкретной профессиональной сферы требуют не только мастерства перевода, но и значительных знаний и дополнительного анализа языковых единиц.

Перспективой развития данного исследования является проведение полноценного контрастивного анализа официальной документации отечественных и зарубежных органов власти с целью создания специализированных пособий для обучения студентов переводчиков, юристов международного права и политологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Закирова Е.С.* Терминография как результат формирования языка для специальных целей // Известия МГТУ «МАМИ» № 4(18), 2013, т. 2. С. 267 – 274.
2. *Кухно И.Ю.* Терминология – семиотическая система «второго порядка» // Язык. Словесность. Культура., 2014, № 4. С. 41 - 55.
3. A European Agenda on Migration – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1485255362454&uri=CELEX:52015DC0240> (дата обращения: 05.12.2020).
4. *Banfield, C.J.* (2014) “The Importance of Interpretation: How the Language of the Constitution Allows for Differing Opinions”. University of Tennessee Honors Thesis Project. URL: <https://trace.tennessee.edu/> [дата обращения: 04.05.2020].
5. *Bednárová-Gibová, K.* (2016): “Towards an Understanding of EU Translation” [Monograph]. University of Prešov in Prešov. Faculty of Arts. Institute of British and American Studies; FA PU, 2016. 168 p.
6. *Biel, L.* (2008) “Legal terminology in translation practice: dictionaries, googling or discussion forums?”. SKASE Journal of Translation and Interpretation [online]. URL: http://www.skase.sk/Volumes/JTI03/pdf_doc/BielLucja.pdf [дата обращения: 03.03.2021].
7. *Cao, D.* (2007). “Translating Law”. Clevedon: Multilingual Matters Ltd. p.208.
8. Die Europäische Migrationsagenda – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1485255362454&uri=CELEX:52015DC0240> (дата обращения: 05.12.2020).
9. Fortschrittsbereich über die Umsetzung der Europäischen Migrationsagenda – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20190306_com-2019-126-report_de.pdf (дата обращения: 05.12.2020).
10. *Kjoer, A.L.* (2000). ‘On the structure of legal knowledge: The importance of knowing legal rules for understanding legal texts’. In LUNDQUIST, L., JARVELLA, R.J. (eds.). Language, Text, and Knowledge. Mental Models of Expert Communication. Berlin/ New York: Mouton de Gruyter, 2000, pp. 127-161.
11. Progress report in the Implementation of the European Agenda on Migration – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20191016_com-2019-481-report_en.pdf (дата обращения: 05.12.2020).
12. *Sager, J.* (1998). “Terminology: Theory”. In BAKER, M. (ed.). Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London/New York: Routledge, 1998, pp. 258–262.
13. *Šarčević, S.* (2000). “Legal Translation and Translation Theory: a Receiver-oriented Approach”. Genève 2000: Actes [online]. URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/sarcevic.pdf> [дата обращения: 25.03.2021].
14. *Šarčević, S.* (1989). ‘Conceptual Dictionaries for Translation in the Field of Law’. In International Journal of Lexicography, 1989, vol. 2 no. 4, pp. 277–293.

FEATURES OF LEGAL TERMINOLOGY TRANSLATION ON THE MATERIAL OF EUROPEAN UNION OFFICIAL DOCUMENTS

M. A. Parfenova

Peoples' Friendship University of Russia,

Russian Federation, 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

The article examines peculiar features of legal documents, legal terminology, its formation principles, and issues of its translation. The purpose of the article is to collect and summarize the methods of translating legal terminology on the material of the official documents of the European Union on migration issues, presented in English and German. The scientific novelty of the work lies in the compilation of a parallel corpus of documents for creation of educational and methodological materials for teaching students in the areas of 'international jurisprudence', 'translation theory' and 'political science'. The study revealed that the most frequent translation methods used in the preparation of identical texts of documents within the European Union are the choice of absolute equivalents, the use of term variants, the use of lexical and grammatical transformations and the omission of terminology. The study also showed that, despite the desire to form a supranational layer of legal terminology in the EU, about 2-3% of terms remain non-equivalent.

Keywords: legal terminology, terminological studies, translation, translation difficulties, terminological systems, equivalence, German language, English language.

Контактная информация:

Парфенова Мария Андреевна

parfenova.maryia@gmail.com

**КАК ПЕРЕВЕСТИ «МОРСКОЙ БАНК»
НА ФРАНЦУЗСКИЙ?
(О ПРАВИЛАХ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ
ПРЕДПРИЯТИЙ
И ВЛИЯНИИ ПЕРЕВОДА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ)**

Статья посвящена переводу названий организаций и их организационно-правовых форм в контексте русского и французского языков и влиянию перевода на судебные процедуры. На примерах экспертной деятельности при французском апелляционном суде мы продемонстрируем важность системности перевода данной лексики в судебных процедурах. Прежде всего, мы рассмотрим употребляемые способы перевода интересующих нас единиц. Затем проанализируем некоторые ошибочные переводы экономических уголовных дел, чтобы в итоге выявить недопустимые способы перевода и сформулировать общие правила передачи на иностранный язык наименований предприятий и их организационно-правовых форм в судебном дискурсе. Доказательством и основой необходимости упорядочения данного вопроса будут постановления французских судов, связанные с переводом. Владение и систематическое использование правил перевода юридических аббревиатур и собственных наименований, в частности названий предприятий, является необходимым для переводчика и помогает избежать грубых ошибок, приводящих к осложнениям в отношениях в экономическом и правовом международном поле.

Ключевые слова: юридический перевод, юридический дискурс, перевод юридических аббревиатур и собственных наименований.

Введение

Как перевести «Морской банк» на французский язык? Казалось бы, простой вопрос. Сложно представить, что перевод этого наименования может повлиять на международный экстрадиционный процесс и затянуть его на долгие месяцы.

Мы решили посвятить данную публикацию русско-французскому переводу названий организаций и их организационно-правовых форм, чтобы показать на примерах нашей экспертной деятельности при французском апелляционном суде важность системности перевода данной лексики в судебных процедурах.

В настоящей публикации мы рассмотрим на примере параллельных текстов дискурса международных договоров возможные способы перевода интересующих нас единиц. Затем проанализируем

некоторые ошибочные переводы экономических дел, чтобы в конечном итоге выявить недопустимые способы перевода и сформулировать общие правила передачи на иностранный язык наименований предприятий и их организационно-правовых форм. Практика показывает, что общие правила их перевода должны применяться всеми переводчиками во избежание негативных правовых последствий. Доказательством и основой необходимости упорядочения данного вопроса будут служить постановления французских судов, связанные с качеством перевода.

Бесспорно, что качество перевода в области юриспруденции является залогом успешного сотрудничества между Россией и Францией. Важность перевода для французской судебной системы была подтверждена Декретом № 2013-958 от 25 октября 2013 г. [1]. Цель декрета – обеспечение права на устный и письменный перевод в рамках уголовной процедуры. Роль переводчика в юридической процедуре должна быть особо подчеркнута, поскольку она прямо влияет на судебный процесс и, в конечном счете, на его исход, то есть на принятое решение [16]. Переводчик должен следить за тем, чтобы право, которое он переводит, не обернулось против гражданина, подсудимого, пользователя и в конечном счете всего общества [11, с. 9]. Добавим в это перечисление также судей, прокуроров и адвокатов, которые будут полагаться на перевод для своей профессиональной деятельности.

Именно поэтому исследования в области юрлингвистики, рожденной на стыке языка и права, так необходимы в настоящее время для развития правового общества и международного сотрудничества. Отдадим должное работам в этой области таких авторов, как Ж. Корню, Н.А. Власенко, А.С. Пиголкин, С.П. Хижняк и Н.Д. Голев, изучающих французский и русский юридические языки [10; 1; 6; 7; 2; 3; 4]. Особую роль для теории и практики качественного юридического перевода имеют исследования в сфере сопоставительной юрлингвистики как междисциплинарной области знаний [9; 14].

Аббревиатуры, обозначающие организационно-правовую форму предприятия

Переводчик опирается в своей деятельности на лексикографические источники, которые не могут исчерпывающе представить многочисленные юридические аббревиатуры. Собственные наименования, часто сопровождающиеся юридическими

аббревиатурами, обозначающими организационно-правовую форму предприятия, не фигурируют в лексикографических источниках. Во Франции, как и в России, юридическое наименование предприятия включает аббревиатуру его организационно-правовой формы. В то же время название предприятия может употребляться и быть известным без упоминания его юридической организационно-правовой формы. Речь, таким образом, идет о его коммерческом наименовании. Обозначение организационно-правовой формы юридического лица употребляется (чаще всего в сокращении) перед или после его названия, само название пишется без кавычек, например: *INPG Entreprise SA, MDI Enterprises SA, Bruno Entreprise (SA), SARL Centre de Sibourg*. В России аббревиатура, обозначающая организационно-правовую форму юридического лица, является обязательной частью наименования компании, она употребляется перед ее наименованием, которое заключается в кавычки: *ООО «Союз», ОАО «Ростелеком»*.

Итак, переводчик сталкивается с двумя трудностями при переводе наименования предприятия:

- перевод аббревиатуры или развернутого наименования организационно-правовой формы предприятия;
- перевод коммерческого наименования.

Организационно-правовые формы чаще всего представлены в дискурсе в виде аббревиатуры. Многочисленные лингвисты констатируют несоответствия и непрозрачность терминологии, связанной с аббревиатурами. По настоящее время не был достигнут консенсус относительно подходов к аббревиатурам в письменной и устной речи и по терминологии, обозначающей сокращенные наименования разных типов и способы их образования [17; 21; 13]. Аббревиация является продуктивным способом образования неологизмов [5; 12], в частности в области права в русском и французском языках. Она образует «единицы второй номинации», сокращая единицы первой номинации [8].

ГОСТ дает следующее определение аббревиатуры: «Аббревиатура (сокращение) (abbreviation): Сложносокращенное слово или образованное из начальных букв, звуков, слов или смешанного типа» [2].

Употребление сокращений, с одной стороны, способствует языковой экономии, с другой стороны, делает юридический дискурс еще более кодифицированным [15]. Таким образом, возникает проблема

доступа к информации неспециалистом. Переводчик же сталкивается также с необходимостью наиболее точно передать юридическую информацию, учитывая законы языка перевода, понятийной системы предметной области и юридического дискурса. В наших предыдущих работах были подробно рассмотрены проблемы юридических сокращений в русском и французском языках в сопоставительном аспекте, разработаны семантическая классификация юридических сокращений, а также классификация по способам образования различных видов сокращений обоих языков. Были проанализированы и предложены способы перевода юридических аббревиатур в зависимости от их семантических типов и видов юридического дискурса. Рассматривались следующие виды юридических дискурсов: судебный, доктринальный, нормативный и дискурс международных договоров. Проведенные исследования показали, что семантическая группа, к которой принадлежит аббревиатура, и вид юридического дискурса, в котором она функционирует, могут влиять на выбор способа ее перевода. В частности, это касается семантической группы аббревиатур, обозначающих организационно-правовые формы предприятий [18; 19; 20].

Несмотря на то что основные аббревиатуры организационно-правовых форм юридических лиц фигурируют в двуязычных словарях, их употребление чаще всего не может быть рекомендовано при юридическом переводе. Прежде всего данные организационно-правовые формы различны в национальных юридических системах и подчиняются законодательству соответствующего государства. Так, употребление французской аббревиатуры для российской фирмы не является эквивалентным с юридической точки зрения и деформирует смысл русской аббревиатуры. Аббревиатура, обозначающая организационно-правовую форму предприятия, служит также для идентификации компании: при ее помощи можно определить страну регистрации предприятия и избежать возможного двусмысленного восприятия компании за рубежом. Очевидно, поэтому Комментарий к Письму Банка России от 20.04.200 [3] рекомендует указывать форму собственности и организационно-правовую форму в сокращенном виде после указания наименования заглавными латинскими буквами – ООО, ЗАО, ОАО, АКВ, то есть при помощи транслитерации. Кавычки при написании названия фирмы при переводе опускаются. При переводе названий предприятий с иностранного на русский в юридических

документах обычно оставляют форму собственности на исходном языке.

Существующие способы перевода названий организаций и их организационно-правовых форм

Проанализируем некоторые существующие способы перевода собственных наименований и юридических аббревиатур на примере параллельных текстов. Речь идет о дискурсе международных договоров, в котором тексты на русском и французском языках считаются оригиналами. В отрывке, приведенном ниже, речь идет о сотрудничестве в ряде областей между предприятиями и организациями России и Франции [4]. Он содержит сокращенные наименования, часто без объяснений, несмотря на то, что аббревиатуры иностранных организаций могут быть неизвестны:

accord entre Atomenergomach et Alstom pour constituer une société commune qui produira des turbines à demi-vitesse pour les centrales nucléaires.

[...] l'accord sur les échanges de transferts postaux électroniques entre le groupe «La Banque Postale» et l'entreprise publique FGUP «Potchta Rossii» ;

la constitution d'une société commune entre l'entreprise publique FGUP «Rosoboronexport», la SA «Gollard» et la société «Alcatel-Lucent» pour produire sous licence du matériel Alcatel de télécommunication et de logiciels ;

[...] renforcement de la coopération entre EADS et OAK [...]

[...] l'inauguration récente de l'usine du groupe Servier à Sofrino, le doublement prévu des capacités de production de Renault à Moscou ou l'installation prochaine d'une usine du groupe PSA, les investissements russes en France restent modestes.

соглашение между «Альстом» и ОАО «Атомэнергомаш» о создании СП по производству тихоходных турбин для АЭС;

[...] Соглашения об обменах электронными почтовыми переводами между ФГУП «Почта России» и компанией «Ля Банк Посталь»;

создание между ФГУП «Рособоронэкспорт», ЗАО «Голлар» и компанией «Алкатель-Люсент» совместной компании по лицензионному производству оборудования Алкатель в сфере телекоммуникаций и программного обеспечения;

[...] развитием сотрудничества между OAK и «ЕАДС» [...]

[...] недавнее открытие завода компании «Сервье» в г. Софрино, запланированное двукратное увеличение производственных мощностей завода «Рено» в Москве и открытие в скором времени завода группы «Пежо-Ситроен», то объём российских инвестиций во Франции остаётся скромным [...]

Les Chefs de gouvernement ont tenu à en rappeler toute l'importance et souhaitent que Roskosmos et le CNES puissent élaborer dans les plus brefs délais l'accord intergouvernemental sur les mesures de protection des technologies nécessaires au développement du projet.

Cette clarification est indispensable au lancement des activités de la société commune «Almaz Antei Thomson Broadcast».

Les Parties sont convenues de poursuivre une coopération fructueuse entre Airbus, l'entreprise Taganrog (TANTK) G.M. BERIEV et BERIEV IRKUT Seaplane afin de procéder à une certification européenne de l'avion Beriev-200 conformément à l'accord entre ARMAK (registre d'aviation du Comité international d'aviation) et EASA.

[...] la coopération bilatérale dans le domaine de l'énergie :

- renouvellement des accords d'approvisionnement à long terme passés entre Gazprom et Gaz de France ;
- accord entre les sociétés Gazprom et Total [...]

Главы Правительств сочли необходимым напомнить о важности этой программы и выражают пожелание, чтобы Национальный центр космических исследований Франции (КНЕС) и Роскосмос в кратчайшие сроки подготовили соглашение о мерах по защите используемых в проекте технологий.

[...], что позволит начать деятельность совместного предприятия ООО «Алмаз-Антей Томсон Бродкаст».

Стороны договорились продолжить плодотворное сотрудничество между Airbus, ТАНТК им. Г.М. Бериева и Beriev IRK.UT Seaplane с целью проведения европейской сертификации самолета Бе-200 в соответствии с соглашением между Авиационным регистром межгосударственного авиационного комитета (АРМАК) и Европейского агентства по авиационной безопасности (EASA).

[...] сотрудничества в области энергетики:

- продление долгосрочных контрактов между АО «Газ де Франс» и ОАО «Газпром» о поставках газа;
- соглашение между «Тоталь» и ОАО «Газпром» [...]

Параллельные тексты демонстрируют, что большое количество аббревиатур известно только одной стороне договора. Заимствованные и немотивированные аббревиатуры используются в текстах на обоих языках. Интересно, что национальное наименование в тексте на родном языке дается слева, а справа – эквивалентное наименование языка другой стороны договора. Соответственно, порядок наименований различен в зависимости от языка. Можно предположить, что речь идет о дипломатической вежливости.

Анализ перевода аббревиатур и наименований предприятий показывает различные способы поиска эквивалента:

Транскрипция и транслитерация (без объяснений)

ОАК [5] – ОАК (транслитерация с французского на русский)

ЕАДС [6] – EADS (прямое заимствование на французском и транслитерация на русский язык с английского European Aeronautic Defence and Space company)

Транскрипция с переводом полного наименования

а) Полное наименование не фигурирует во французском тексте:
CNES [7] – Национальный центр космических исследований Франции (КНЕС)

б) Полное наименование фигурирует в текстах на обоих языках:
Авиационный регистр межгосударственного авиационного комитета (*АРМАК*) – *АРМАК (registre d’aviation du Comité international d’aviation)*

Перевод с использованием существующего наименования понятия языка перевода

ЗАО: Закрытое акционерное общество – SA: société anonyme

Переводчиком использована аббревиатура термина, обозначающего близкое понятие во французской юридической системе:

ЗАО «Голлар» – SA «Gollar»

Обратим внимание на то, что имя собственное транслитерировано.

Перевод полного наименования, обозначенного аббревиатурой

Русские аббревиатуры не переводятся аббревиатурами во французском тексте ввиду отсутствия во французском языке сокращения для обозначения существующего несокращенного эквивалента:

СП [8] – société commune

АЭС [9] – centrale nucléaire.

Опущение аббревиатуры

а) Юридические формы российских предприятий, систематически употребляющиеся в виде аббревиатур в русском тексте, не имеют значения во французском и вследствие этого не передаются

во французском тексте. Кроме этого, для аббревиатуры ОАО [10] не существует эквивалентного типа юридической формы во Франции, ни эквивалентной аббревиатуры, в то время как эквивалент русского термина существует во французском: *société anonyme ouverte*:

ОАО «Атомэнергомаш» – Atomenergomach

ОАО «Газпром» – Gazprom

ОАО «Новатэк» – Novatek

ОАО «РЖД» – RJD

Обратим внимание на передачу названий предприятий во французском: транскрипция (транслитерация) и отсутствие кавычек при написании наименования.

Отметим опущение аббревиатуры ООО [11] (во французской правовой системе SARL [12]):

ООО «Алмаз-Антей Томсон Бродкаст» – «Almaz Antei Thomson Broadcast».

б) Французская аббревиатура опущена, только полное наименование переведено на русский, если знание сокращенного наименования не является необходимым для россиян:

Agence française pour les investissements internationaux (AFII) – Французское Агентство по иностранным инвестициям.

Добавление аббревиатуры

Еще пример в контексте наименований форм предприятий: наименование *Gaz de France* имеет в русском эквивалент *АО* [13] «*Газ де Франс*» (*АО* здесь *société anonyme (SA), société par actions*), во французском же нет указания на организационно-правовую форму юридического лица. Такое представление наименования французской фирмы по правилам, применяемым для российских предприятий, не кажется нам обоснованным.

Полный объяснительный перевод с прямым заимствованием

Данный способ используется в русском, но не во французском языке, где просто употребляется заимствование:

Европейское агентство по авиационной безопасности (EASA) – EASA [14].

Опущение аббревиатуры с частичным объяснением

На французский аббревиатура ОАО иногда переводится лексемой *société*, которая представляет собой сему от Открытое акционерное общество:

ОАО «Газпром» – société Gazprom.

Частичное объяснение с транслитерацией аббревиатуры

Данный способ использован во французском языке, чтобы объяснить важный элемент из аббревиатуры ФГУП (Федеральное государственное унитарное предприятие), в нашем случае государственное предприятие – *entreprise publique*:

ФГУП «Рособоронэкспорт» – entreprise publique FGUP «Rosoboronexport»

ФГУП «Почта России» – entreprise publique FGUP «Potchta Rossii».

Еще пример: *ТАНК им. Бериева – entreprise Taganrog (TANK) G.M. BERIEV*

Поскольку ТАНК это аббревиатура полного наименования «Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева», лексема Таганрогский уточняется лексемой *entreprise*, последнее понятие более общее, чем научно-технический комплекс. В контексте авиационного сотрудничества нет необходимости уточнять сему авиационный. Напомним, что данная организация имеет международное наименование: BERIEV Aircraft Company.

Переформулирование с эллипсисом

groupe PSA – группа «Пежо-Ситроен»

Без экстралингвистических знаний поиск этого эквивалента невозможен. Тем не менее, «Peugeot Société Anonyme», обозначаемое аббревиатурой «PSA», слилось с Citroën. Название PSA Peugeot Citroën имеет в русском эквиваленте ПСА Пежо Ситроен. В действительности нужно исходить не из названия *groupe PSA – PSA Peugeot Citroën* и дать эквивалент с эллипсисом другой части наименования ПСА. Для российского читателя, который хорошо знает «Пежо» (Peugeot) и «Ситроен» (Citroën), русский эквивалент кажется более подходящим.

Ассимиляция аббревиатуры

Рассматриваемые примеры также показывают разную степень ассимиляции заимствованной аббревиатуры в языке перевода. Степень ассимиляции в русском французской аббревиатуры проявляется в наличии заимствования с орфографией на кириллице. Аббревиатура КНЕС заимствована через транскрипцию, она не мотивирована по отношению к полному наименованию, переведенному с помощью калькирования и фигурирующему в тексте: КНЕС – Национальный центр космических исследований Франции (КНЕС).

Более высокая степень ассимиляции – это употребление транслитерированной аббревиатуры на кириллице без объяснений: EADS - ЕАДС. EADS в русском тексте имеет эквивалентом только «ЕАДС» в области сотрудничества по авиастроению. Аббревиатура ЕАДС, название которой объясняется в словарях как Европейская аэрокосмическая и оборонная группа, не мотивирована в русском языке. Английская аббревиатура, которая обозначает European Aeronautic Defence and Space Company [15] также хорошо известна на французском, поэтому употребляется без объяснений.

В следующем примере не используется прямое заимствование с русского на французский для аббревиатур, применяется только транслитерация: Авиационный регистр межгосударственного авиационного комитета (АРМАК) – ARMAK (registre d'aviation du Comité international d'aviation).

Использование существующего названия российской компании на латинице

В данном случае имеются в виду наименования латиницей, фигурирующие, например, на официальном сайте данной организации:

Роскосмос – Roscosmos

Рособоронэкспорт – Rosoboronexport

Анализ таких параллельных текстов может быть примером работы с будущими переводчиками. Наименования предприятий и аббревиатуры представлены в сфере их функционирования, в дискурсе. Данная работа показывает, что переводчик должен расшифровать каждую аббревиатуру, чтобы выбрать адекватный способ перевода и сделать текст наиболее понятным читателю. Необходимо также принимать во внимание тип читателя и точные правила юридической техники.

Перевод названий организаций и их организационно-правовых форм в судебном дискурсе

По нашему мнению, не все рассмотренные выше способы перевода могут быть рекомендованы при переводе судебного дискурса в отличие от дискурса международных договоров. В особенности если речь идет о преступлениях в экономической области. В таких делах фигурирует обычно ряд предприятий, иногда принадлежащих к

разным правовым системам. Для юриста необходимо точно понимать все взаимосвязи данных предприятий, и малейшая двусмысленность может привести к искажению представляемого уголовного дела.

Приведем примеры важности точного перевода рассматриваемых единиц в судебной деятельности, а именно в экстрадиционных процессах между Россией и Францией. В начале судебной процедуры запрашивающее государство передает запрашиваемому государству просьбу о выдаче и документы, обосновывающие данную просьбу. Документы предоставляются на двух языках – на русском и на французском. Переводы выполнены переводчиками запрашивающей стороны. Мы получили доступ к данным документам и их переводам в ходе экспертной деятельности по переводу и оценке его качества.

Предложим на ваше рассмотрение примеры неудачного перевода с русского на французский, взятые из переводов двух дел о выдаче. Первый текст содержит большое количество аббревиатур организационно-правовых форм с наименованиями юридических лиц, зарегистрированных в России и за рубежом. Наименования иностранных компаний фигурируют в русском тексте латиницей и воспроизводятся во французском тексте: «*Land Breeze Holding LTD*», «*OMG KOLPINO SHIPPING COMPANI LTD*», «*OMG GATCHINA SHIPPING COMPANI LTD*» и другие. Российские предприятия, хорошо отличающиеся по написанию в русском тексте, не являются таковыми во французском. Например: *ООО «ТемпоЛес» – SARL «Pétroles»*. При такой орфографии на французском вместо российской фирмы, работающей в сфере древесины, читатель (в данном случае судьи, прокуроры и адвокаты) предполагает, что речь идет о французской фирме, занимающейся деятельностью в сфере нефтяных продуктов.

Далее переводчик поступает непоследовательно: иногда он употребляет соответствующие французские аббревиатуры для российских фирм, например *SARL* для *ООО*, а иногда предлагает калькирование: *ОАО – société anonyme ouverte*. Это приводит к путанице о принадлежности предприятия к той или иной юридической системе.

Переводчик также вводит в текст перевода не существующую во французской правовой системе аббревиатуру. Например, аббревиатура *SAO* без расшифровки была использована на французском для *ОАО (открытое акционерное общество): ДО «Инвестрбанк» ОАО «Банк «Санкт-Петербург» – DO «Investrбанк» SAO «Banque «Saint-Péters-*

bourg» (ниже по тексту находим: *DO «Investrbank» société anonyme ouverte «Banque» Saint-Pétersbourg»*).

Названия предприятий транслитерируются переводчиком с русского то на французский, то на английский: *ООО «АК-ВОРД» – SARL «AK-Word»*.

Перевод на английский также показывает непоследовательность в работе переводчика: *ООО «Выборгская судоходная компания»* становится *SARL «Shipping Company Vyborg»* (в действительности существует наименование предприятия, для употребления на международном уровне, но это *Vyborg Shipping Company* и ее организационно-правовая форма не SARL). В то же время *ООО «Порт Выборгский»* становится в переводе *SARL «Port Vyborgskiy»*.

Представим еще несколько примеров неправильного перевода наименований предприятий из другого дела о выдаче. Данные ошибки были выявлены в рамках экспертизы качества перевода. Таблица наглядно показывает, что неправильный перевод может полностью исказить экономическое дело. Так, в примере II мы видим, что вместо двух банков в русском тексте появляется шесть во французском. Это полностью изменяет суть уголовного дела и делает его непонятным.

	Текст источника	Перевод	Перевод, осуществленный экспертом
I	1. ООО «Лизинговая компания «Дело»	1. ООО «Compagnie de leasing «Delo» 2. SARL «Entreprise de crédit-bail «Delo»	1. Lizingovaia kompania Delo ООО
II	1. АО «БТА Банк» 2. ООО «БТА Банк»	1. ООО «BTA Banque » 2. АО «BTA Banque» 3. SARL «Banque BTA» 4. société par actions « Banque BTA» 5. «Banque BTA» 6. société Banque BTA	1. BTA Bank АО 2. BTA Bank ООО
III	ООО «Аист»	SARL «Aist»	Aist ООО
IV	ЗАО «Логопарк Междуречье»	La société anonyme de type fermé «Logopark Mésopotamie»	Logopark Mejdouretchie ЗАО
V	ООО «Евразия Логистик»	SARL «Eurasie Logistik»	Evrazia Logistik ООО

На примере анализа двух упомянутых дел отметим как недопустимые следующие приемы переводчика:

– Транскрипция или транслитерация наименования с русского на французский с различной орфографией: *ООО «Карат» – SARL «Karat» u SARL «Carat».*

– Транскрипция или транслитерация наименования с русского на французский и на английский: *ООО «Норвуд» - SARL «Norwood»* (воспринимается читателем как французская фирма с английским названием), а также *SARL «Norvoud»* для той же фирмы.

– Транслитерация и калькирование наименования с русского на французский : *ЗАО «Логопарк Междуречье»* становится *société anonyme de type fermé «Logopark Mésopotamie»* (пример IV таблицы).

– Калькирование названия компаний, а в особенности разными способами: *ООО «Лизинговая компания «Дело»* переведена в одном и том же документе как *ООО «Compagnie de leasing «Delo»* и как *SARL «Entreprise de crédit-bail «Delo»* (пример I таблицы). Кроме этого, в данном примере оба названия и организационно-правовые формы разные, то есть читатель предполагает, что речь идет о двух разных фирмах, принадлежащих к разным юридическим системам. На самом же деле речь идет об одной компании.

Предлагаемые правила перевода

Таким образом, можно сформулировать следующие правила для перевода организационно-правовых форм предприятий:

– аббревиатуры организационно-правовых форм российских компаний должны быть транслитерированы, их не переводят, используя иностранную организационно-правовую форму, даже если она близка по значению; транслитерированная аббревиатура объясняется при первом употреблении;

– аббревиатуры организационно-правовых форм иностранных фирм остаются на языке оригинала.

Что касается перевода коммерческих наименований предприятий:

– наименования иностранных компаний обычно транскрибируются на русский, но могут быть написаны и на языке оригинала и в некоторых случаях сопровождаться транскрипцией, приведенной в скобках;

– при переводе на французский названия российских компаний должны быть транслитерированы, в случае необходимости можно привести перевод в скобках;

– названия компаний не ставятся в кавычки при переводе на французский.

На наш взгляд, аббревиатуру организационно-правовой формы лучше ставить после коммерческого наименования, как это принято во французском: *ОАО «Газпром» – Gazprom ОАО*. Данный порядок, с одной стороны, помогает концентрироваться на наименовании предприятия, а не на непривычной для взгляда читателя аббревиатуре и, с другой стороны, облегчает французский текст, так как не требует в этом случае употребления артикля.

Исключением может быть существование у российской компании официального названия для употребления на международном уровне (латиницей). Такие названия могут фигурировать на официальных документах или сайтах предприятий. После соответствующей проверки переводчик должен использовать данное написание наименования при переводе.

Заметим, что судебные дела могут быть большого объема и, возможно, несколько переводчиков занимаются отдельными документами дела. Поэтому особенно важно, чтобы все они руководствовались едиными правилами перевода во избежание допущения путаницы, неточности и в конечном итоге затягивания судебных процедур.

Влияние перевода на международные судебные процедуры

Вернемся к нашему первоначальному вопросу как правильно перевести «Морской банк» и что может произойти в случае ошибки?

Описанный ниже случай отнюдь не гипотетический, а взятый из судебной практики. В рассматриваемом французском судом экстрадиционном деле *Морской банк (ОАО)* был переведен при помощи транслитерации (для лексемы *Морской*): *Morskoy Banque (société anonyme ouverte)*, а в другом документе данного дела, присланном позже, название было калькировано: *Banque maritime*. Таким образом, для читателя, а конкретно для судебных органов Франции, в деле оказался не один, а два банка. Данная, казалось бы незначительная, ошибка

привела к непониманию французского суда. Было вынесено решение, после которого рассмотрение дела было отложено. Суд отмечает, «что очень странным образом банк „жертва“ в первом досье – *banque magi-ti-me* становится здесь *banque Morskoy*, с тем же юридическим адресом; необходимо, чтобы российские власти объяснились по этому поводу» [16]. Российскому читателю случай может показаться курьезным, в реальности же дело о выдаче было отложено и последственный, возможно, продолжал находиться лишние месяцы в заключении в рамках процедуры о выдаче. В соответствии с сформулированными выше правилами, мы предложили бы следующий перевод наименования на французский: *Morskoi Bank OAO*.

Каким же образом повлияли на судебную процедуру неточные и двусмысленные переводы? Самым прямым образом, что подтверждается вынесенными судебными решениями. Данные постановления, в свою очередь, ценны тем, что повышают и укрепляют значимость качества перевода для судебных процессов.

Некоторые цитируемые ниже постановления касаются дел, ошибки перевода которых были проанализированы выше. Рассмотрение этих дел по существу было отложено, в частности, из-за плохого качества перевода. Так, апелляционный суд Лиона, запрашивая у Российской Федерации дополнительную информацию, отмечает, что просьба о выдаче, присланная российским правительством, сопровождается достаточно посредственным переводом, не позволяющим следственной палате принять решение по делу [17]. Апелляционный суд Экс-ан-Прованса констатирует в своем постановлении по делу о выдаче, что изложение фактов в том виде, которое проистекает из перевода непонятно [18]. И совсем свежее постановление апелляционного суда Парижа, в котором суд просит у российских властей дать пояснения по поводу выявленных ошибок в переводе в сопоставлении с текстом оригинала [19].

Таким образом, данные примеры постановлений могут мотивировать переводчиков к серьезной работе, пониманию ее важности в судебном процессе и реальной ответственности за свою работу. Владение правилами перевода юридических аббревиатур и собственных наименований, в частности названий предприятий, является необходимым для переводчика и помогает избежать грубых ошибок, приводящих к осложнениям в отношениях в экономическом и правовом международном поле.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Décret n°2013-958 du 25 octobre 2013 portant application des dispositions de l'article préliminaire et de l'article 803-5 du code de procédure pénale relatives au droit à l'interprétation et à la traduction.

[2] ГОСТ 7.88-2003. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200037096> (дата обращения: 10.04.2021).

[3] Комментарий к Письму Банка России от 20.04.2005 № 64-Т: SWIFT BIC (международный стандарт ISO 9362 URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2005_3_article.htm (дата обращения: 10.04.2021).

[4] Relevé de conclusions de la 12e session de la commission franco-russe pour les questions de coopération bilatérale au niveau des chefs de gouvernement, 2007.

[5] ОАК: Объединенная авиастроительная корпорация.

[6] ЕАДС: Европейский аэрокосмический и оборонный концерн.

[7] CNES: Centre national d'études spatiales.

[8] СП: совместное предприятие.

[9] АЭС: атомная электростанция.

[10] ОАО: открытое акционерное общество.

[11] ООО: общество с ограниченной ответственностью.

[12] SARL: société à responsabilité limitée.

[13] АО: акционерное общество.

[14] EASA: de l'anglais European Aviation Safety Agency.

[15] Обратим внимание на эллипсис Company в аббревиатуре.

[16] Arrêt 33/2012 de la Cour d'appel d'Aix-en-Provence, p.37, перевод наш.

[17] Arrêt 20/00766 de la Cour d'appel de Lyon.

[18] Arrêt 33/2012 de la Cour d'appel d'Aix-en-Provence.

[19] Arrêt 2020/09042 n°2 de la Cour d'appel de Paris.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Власенко Н.А.* Язык права. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1997. 173 с.

2. *Голев Н.Д.* (под ред.), Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Юрислингвистика-5. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. 370 с.

3. *Голев Н.Д.* (под ред.), Язык как феномен правовой коммуникации, Юрислингвистика-7. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. 400 с.

4. *Голев Н.Д.* (под ред.), Русский язык и современное российское право, Юрислингвистика-8, Кемерово-Барнаул, 2007. 368 с.

5. *Лейчик В.М.* Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке, М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 216 с.

6. *Пиголкин А.С.* Язык закона. М.: Юридическая литература, 1990. 200 с.

7. *Хижняк С.П.* Юридическая терминология. Формирование и состав. Саратов : Изд-во Сарат. Университета, 1997. 132 с.

8. *Чернуха Т.В.* Механизмы вторичной номинации и модели межъязыковых трансформаций (на материале наименований институтов Европейского Союза), дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2010.

9. *Cacciaguidi-Fahy S.* Quelques réflexions sur la linguistique juridique ou la jurilinguistique // *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. N 21 (4), 2008. P. 311–317
10. *Cornu G.* Linguistique juridique. 3e éd. Paris : Montchrestien, 2005. 443 p.
11. *Gémar J.-Cl.* Aux sources de la «jurilinguistique» : texte juridique, langues et cultures // *Revue française de linguistique appliquée*. N XVI (1). 2011. P. 9–16.
12. *Humbley J.* La traduction des noms d'institutions // *Meta*. N 51 (4). 2006. P. 671–689.
13. *Léturgie A.* A propos de l'amalgamation lexicale en français // *Langages*. N 183. 2011. P. 75–88.
14. *Mattila H.E.S.* Comparative legal linguistics. Ashgate Publishing, Ltd., 2006. 505 p.
15. *Mattila H.E.S.* Les abréviations juridiques: méthode de recherche jurilinguistique // *International Journal for the Semiotics of Law*. N 21 (4). 2008. P. 347-361.
16. *Monjean-Decaudin S.* La traduction du droit dans la procédure judiciaire. Contribution à l'étude de la linguistique juridique. Paris: Dalloz, 2012, 521 p.
17. *Neuman Y.* De l'écrit à l'oral : la lexicalisation des abréviations de l'écrit en hébreu moderne / Andrieux-Reix N., Branca S. et Puech Ch. (éd.) // *Écriture abrégées (notes, notules, messages, codes...)*. L'abréviation entre pratiques spontanées, codifications, modernité et histoire. FDL, 2004. P. 81–95.
18. *Peshkov K.* Le discours juridique en russe et en français: une approche typologique: thèse de doctorat. Université d'Aix-Marseille, 2012. 665 c. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00997016> (дата обращения: 10.04.2021).
19. *Peshkov K.* Les tendances de formation des formes réduites juridiques: quelques réflexions // *Neologica*. Revue internationale de néologie. N 8. Paris: Classiques Garnier, 2014. P. 221-244.
20. *Peshkov K.* Abréviations juridiques et traduction / M. Van Campenhoudt, N. Lemaire et R. Temmerman (éd.) // *Traduire aux confins du lexique: les nouveaux terrains de la terminologie*, Cahiers de linguistique. Revue de sociolinguistique et de sociologie de la langue française, N 40 (2). Éditions modulaires européennes, 2014. P. 73–94.
21. *Sablayrolles J.-F.* Terminologie de la néologie : lacunes, flottements et trop plein // *Syntaxe et sémantique*. N 7. Presses universitaires de Caen, 2006, P. 79–90.

HOW TO TRANSLATE «MORSKOI BANK» INTO FRENCH? (rules of translation of names of organizations and influence of translations on international legal procedures)

Kira Peshkov

Court of Appeal of Aix En Provence

20, place de Verdun, Aix En Provence, 13616, France

The article is dedicated to translation of organizations' names and their organizational legal forms in the context of Russian and French and their influence the on legal procedures. With the examples of expert activity at a french appeal court we will demonstrate the importance of the consistency of translation of these lexis in legal procedures. First of all, we will observe different ways in which are used the units of interest. Then we will analyze

erroneous translations of economical criminal cases, so that in the end we could find inadmissible ways of translation and formulate general rules of transmission into foreign language of the names of organizations and their organizational legal forms in court discourse. The proof and the base of the necessity of normalization of this problem will be the judgements of French courts related to translation. Possession and systematic use of the rules of translation of legal abbreviations and proper names, in particular, of the names of organizations is necessary for a translator and helps to avoid gross errors, which can lead to complications in the international economic and legal field.

Keywords: legal translation, legal discourse, translation of legal abbreviations and proper names

Контактная информация:

Пешков Кира Юльевна – доктор славистики;

kirapeshkov@gmail.com

З. Шахин

*Анкарский университет, Турецкая Республика,
06100, Анкара, Сыххие, 45-45/а*

М.У. Шахин

*Университет Атылым, Турецкая Республика,
06830, Анкара, Инджек, Кызылджашар*

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

В представленной вниманию работе исследуется проблема транслитерации имен собственных при переводе юридических текстов с русского языка на турецкий язык. Целью исследования является изучение особенностей и сложных моментов транслитерации онимов. Фактический материал исследования представлен именами собственными из официально-деловых документов. Проблемы правового порядка, связанные с транслитерацией, представлены примерами судебных дел и вынесенных решений. Проведенное исследование показало наличие ряда проблем в области транслитерации, связанных в первую очередь с существованием одновременно нескольких стандартов, и как следствие нескольких вариантов написания одних и тех же имен. Различные варианты написания имен создают проблемы как юридического, так и идентификационного характера. В период, когда отношения между Россией и Турцией приобретают стратегический характер, проблема создания универсальной, единообразной, читабельной и по возможности обратимой транслитерации стоит очень остро и требует быстрого разрешения.

Ключевые слова: транслитерация, перевод, имя, онимы, русский, турецкий.

Современные российско-турецкие отношения характеризуются интенсивным развитием политических, экономических и общественных связей. Большая часть этих связей прямо или косвенно фиксируется в дипломатических и правовых документах, главными особенностями которых является письменная форма и составление их на нескольких языках, в данном конкретном случае на турецком и русском языках. Таким образом сегодня неизбежно растет потребность в эквивалентном двустороннем переводе и корректной передаче информативных составляющих юридических документов на оба языка.

Перевод любого текста представляет собой крайне сложный процесс, сопряженный с рядом трудностей, перевод же юридического текста делает этот процесс вдвойне сложным, в силу того что юридический язык обладает совокупностью особенностей, среди

которых нейтральная стилистика, ограниченная лексика, высокая повторяемость, терминологическая лакунарность и т.п. К череде трудностей юридического перевода можно отнести и перевод имен собственных. Онимы являются обязательной составляющей большинства юридических документов и их перевод – один из подводных камней в работе переводчика. Некорректный ошибочный перевод может стать не только причиной искажения имен, но и «привести к разночтениям, непониманию и, как следствие, к проблемам правового порядка» [9].

При переводе имен собственных используются такие способы, как транслитерация, транскрипция, калькирование, транспозиция, а также описательный метод [8]. При переводе имен с русского на турецкий и с турецкого на русский языки наиболее часто используемым методом является транслитерация. Проблеме передачи имен собственных посредством транслитерации и посвящена представленная вниманию работа. Целью исследования является изучение особенностей и сложных моментов транслитерации онимов с русского на турецкий язык. Фактический материал исследования представлен онимами из официальных документов. Проблемы правового порядка, связанные с транслитерацией, представлены примерами судебных дел и вынесенных решений.

В разное время общими проблемами транслитерации занимались такие ученые, как В.А. Соболев, Е.А. Киселева, Д.Ю. Усков, Р. С. Гиляревский, Б.А. Старостин, Д.И. Ермолович. Проблема транслитерации с турецкого на русский язык была освещена в работах Э.Р. Йылмаз. Особенности онимов были посвящены работы таких ученых, как Н.В. Подольская, В.И. Супрун, И.А. Петрова, Ф.Л. Агеенко, А.В. Суперанская, Д. Дилчин, И.Шахин. Класс имен собственных очень разнообразен и велик, однако в представленной работе мы ограничились наиболее часто встречающимися в юридической литературе антропонимами.

Согласно определению Ермоловича [2], «метод транслитерации иноязычных имен и названий заключается в написании их буквами (символами) принимающего языка на основе заранее установленной системы их соответствия буквами и буквосочетаниями исходного языка. Метод транслитерации применяется тогда, когда исходный и принимающий языки пользуются разными алфавитами, при этом буквы и буквосочетания этих языков можно поставить в соответствие друг с

другом». Именно это и наблюдается в случае с русским и турецким языками. Алфавиты сопоставляемых языков обладают следующими особенностями. Турецкий алфавит создан на основе латиницы и состоит из 29 букв. В нем отсутствуют буквы /w/, /q/, /x/, при этом есть 6 букв с диакритическими знаками: /ç/ – [ч], /ğ/ – немой, /ı/ – [ы], /ö/ – [ё], /ş/ – [ш], /ü/ – [у]. В русском алфавите соответственно 31 буква и 2 знака без звукового эквивалента. Потенциально транслитерация с русского на турецкий и с турецкого на русский не должна вызывать неразрешимых проблем ввиду относительно большого числа соответствий и практически одинаковой арифметической нагрузки на графемы языков. Однако практика переводов онимов имеет свои традиции, которые достаточно ярко проявляют себя на практике, при этом часто создавая сложные для решения проблемы.

Прежде всего хочется отметить, что транслитерация с русского на турецкий и с турецкого на русский – это совершенно два разных, не имеющих взаимного соответствия процесса. Обратимся к особенностям транслитерации с русского языка и попытаемся понять, что происходит при переводе русских имен на турецкий язык. Говоря о транслитерации с русского языка на турецкий язык, нужно внести некоторую ясность, указав на факт отсутствия стандарта транслитерации, ориентированного на турецкий язык. Иными словами, на сегодняшний день в России стандарты транслитерации на латинский алфавит ориентируются прежде всего на практическую транскрипцию на основе английского языка. Подобная ориентация бесспорно оправдана, с учетом популярности английского языка. Однако очевидно и то, что транслитерация должна иметь универсальный характер и не может определяться фонетико-орфографическими особенностями одного языка. Тем более что вариант транслитерации на латиницу на основе английского языка далек от идеального, взять хотя бы проблему передачи йотированных гласных или проблему прочтения согласных. Однако исходя из строго формального характера всех юридических документов, это не самая неразрешимая проблема, с которой сталкиваются как переводчики, так носители имен. Проблема кроется в том, что еще несколько лет назад транслитерация с русского языка на латиницу ориентировалась на фонетико-орфографические особенности французского языка, а не английского. Учитывая средний срок валидности документов и средний прожиточный возраст человека, можно предположить, что россияне старшего возраста так или иначе

владели документами с разными вариантами имен: *Геннадий – Guen-nadi u Gennady*, *Георгий – Guergui u Georgy*, *Ульяна - Ouliana u Uli-ana*, *Юлия – İoulia u Julia*. Однако и на этом перечень возникающих сложностей не исчерпан. Другая проблема состоит в том, что даже сегодня при переводе имен на латиницу существует более одного варианта транслитерации. Мы насчитали как минимум девять, а с учетом того, что некоторые стандарты еще и обладают вариантами с диакритическими знаками, то более десяти действующих стандартов транслитерации: ICAO Doc 9303, ISO 9, ГОСТ 7.79-2000, ГОСТ Р 52290-2004, ГОСТ Р 7.0.34-2014, UNGEGN 1987, BGN/PCGN, ALA-LC, BS 2979:1958. И это, к сожалению, неполный список, к нему можно присоединить стандарты транслитерации Википедии, Яндекса, Министерства связи, а также присовокупить еще и другие незнакомые варианты. Так или иначе все возможные варианты имеют потенциал фигурировать в юридических документах. И это, конечно же, создает проблемы правового характера, которые порой бывает достаточно сложно разрешить. В подтверждение упомянутых проблем хотим привести примеры из юридической практики, связанные с разными написаниями имен в документах. Например, 20.01.2021 в Верховном Суде Турецкой Республики (8. Юридическое управление) (Анкара/Турция) слушалось дело за номером 2018/12673 *О внесении поправок в регистрационную запись*. Истица требовала признать ее матерью умершую гражданку Турции ..., с целью получения основания для приобретения турецкого гражданства. Заявитель утверждала, что при подаче заявления на гражданство ей было отказано ввиду несоответствия написания имени ее матери. Верховный суд постановил отменить решение суда первой инстанции, вернуть заявление на исследование, затребовать свидетельство о соответствии имен, в случае невозможности установить соответствие документально, провести ДНК-экспертизу [6]. Другой пример: 28.10.2014 в Верховном Суде Турецкой Республики (18. Юридическое управление) (Анкара/Турция) слушалось дело за номером 2014/10729 *О внесении поправок в регистрационную запись*. Истцы, родители ребенка, требовали внести изменения в написание имени ребенка. Заявители утверждали, что в Отделе регистрации граждан им было отказано ввиду несоответствия написания имени до принятия и после принятия гражданства Турецкой Республики. Суд постановил удовлетворить просьбу и внести изменения в написание имени ребенка [5]. Приведенные примеры из

практики Верховного суда доказывают, насколько сложно порой бывает разрешить проблемы несоответствия имен и что право написания имени порой приходится отстаивать даже в высших судах ввиду того, что суды первой инстанции не всегда удовлетворяют требования истцов. Специалисты, занимающиеся вопросом латинизации кириллицы, так комментируют сложившуюся ситуацию. Иванов [3]: «Романизация русской кириллицы в настоящее время осуществляется большим количеством разных стандартов и большим количеством вариантов этих стандартов, наряду с этим транслитерация осуществляется и рядом неформальных методов, известных как транслит. Но ни одна из существующих систем не доказала возможность стать широко признанной». Зоц [4]: «...Применяемая в настоящее время международная практика транслитерации русского языка не способна сформировать двуязычный локус навигационного ландшафта... Критический анализ фонологических свойств русских названий улиц показывает, что ни текущая традиция их латинизации, представленная на уличных знаках, ни предложения в Техническом справочнике препринтов ООН (и других подобных стандартах транслитерации, таких как ГОСТ 16876-71, ГОСТ 7.79-2000 и др..) не в полной мере подходят для обеспечения безопасного проезда по городам России без знания русского языка или как минимум кириллицы. Поэтому целесообразно отделить такие стандарты романизации от их научных корней (которые были впервые введены для удовлетворения потребностей библиографов и библиотекарей) и вместо этого сосредоточить внимание на практических потребностях населения в целом и, в первую очередь, не лингвистов». Ермолович [2]: «Сложившаяся практика неудобна, и это чувствуется всё острее в условиях интенсификации международных контактов». С приведенными комментариями сложившейся ситуации сложно не согласиться.

Не только использование разных стандартов при транслитерации онимов является причиной разного написания русских имен в турецком языке. Часто разные варианты написания одних и тех же имен – следствие использования фонетико-орфографических средств самого турецкого языка. Следует отметить, что и при транслитерации с опорой на турецкий язык не существует единого стандарта. Зачастую имена собственные переносятся на турецкий язык методом полутранслитерации-полутранскрипции и являются результатом индивидуальной интерпретации переводчика. В результате

этого в турецком языке появляются разные варианты написания одних и тех же имен, взять хотя бы пример транслитерации фамилии Чернышевский: *Çernișevski/ Çernișevski/ Çernișevskiy/ Chernyshevsky*. Иногда в одной и той же статье можно встретить разное написание одной и той же фамилии, так фамилия критика и литератора пишется как *Çernișevski*, а фамилия его отца уже указана как *Chernyshevsky*. И это не единичный случай, так фамилия русского художника Левицкого в статье транслитерирована как *Levitskiy*, а фамилия его отца как *Levytsky*. Примеров существования разного написания одних и тех же имен в турецком языке очень много: *Феликс Дзержинский – Felix Dzerzhinsky u Feliks Dzerjinski, Троцкий – Troçki u Trotsky, Павличенко – Pavlichenko u Pavliçenko*. В данном случае возникают проблемы опознавательного характера, когда для каждого варианта имени требуется делать отдельный запрос, и как следствие тратить гораздо больше времени. Р.С. Гиляревский и Б.А. Старостин [1] совершенно справедливо отмечают: «Для того, чтобы грамотно писать иностранные имена на русском языке, необходимо знание соответствующих правил и принципов». Это же высказывание верно и для написания русских имен на турецком языке. Для правильного написания русских имён по-турецки важно знать и соблюдать как фонетико-орфоэпические нормы русского языка, так и формальные нормы, связанные с количеством букв. В случае когда на языке перевода отсутствуют возможные графические соответствия, изменения количества букв при транслитерации оправдано, но необоснованное сокращение букв имен не всегда понятно. Например, в турецком языке существует негласная традиция усечения конечного *-й-* на конце фамилий и имен: *Дубровский – Dubrovski, Чайковский – Çaykovski, Долгорукий – Dolgoruki, Юрий – Yuri, Дмитрий – Dmitri u т.д.* Тем самым создается ситуация недеференциации окончаний *-и-* и *-ий-* и потенциальных неправильных толкований.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент в использовании транслитераций на основе английского языка. Как было уже отмечено прежде, сегодня английский язык выступает как язык международного общения в большинстве сфер деятельности. Однако транслитерации на основе английского языка не очень удобны для прочтения носителями полногласного сингармоничного турецкого языка. Например, такие варианты транслитерации как *Щекочихин – Shchekochihin u Хекочихин, Щёлково – Shchelkovo u Хёлково, Яблочкин – Yablochkin, Юшковский – Yoshkovskij, Шахтерский – Shahterskij или Shakhtërskij, Благовецешенский – Blagoveshchenskij, Преображенский –*

Preobrazhenskij не только трудны для прочтения, но и приобретают сложноузнаваемую фонетическую форму.

Описывая ситуацию транслитерации в Турции с кириллического на латинский алфавит, следует отметить, что упомянутые проблемы характерны не только для русского языка, но и для других языков на основе кириллицы, в частности для болгарского, сербского, украинского, киргизского, таджикского и др. Так, например, Юридическое бюро Девелиолу (Стамбул/Турция) комментирует проблему транслитерации имен следующим образом: «Почти все иностранные граждане, которые получают турецкое гражданство после рождения, сталкиваются с проблемой несоответствия имен, взять хотя бы пример из практики. *Чаушев* – на болгарском языке, *Çauşev* – транслитерация на основе турецкого языка, *Tschaou-shev* – транслитерация на основе французского языка, *Chaushev* – транслитерация на основе английского языка. Причина существования четырех разных вариантов одного имени в том, что до 2000 года в Болгарии транслитерация опиралась на французский язык, после 2000 года на английский, после приобретения гражданства появился и вариант с опорой на турецкий язык» [7]. Для решения сложившейся проблемы 24.04.2017 года была внесена поправка в Руководство по толкованию и применению закона за номером 5901 *О гражданстве Турецкой Республики*. Согласно поправке к п. 75 этого закона Главное управление регистрации граждан и гражданства обязывается составлять *Свидетельство о соответствии имени*. Таким образом к существующим процедурам установления личности, была добавлена процедура установления соответствия имен. Данная поправка частично уменьшила количество проблем, связанных с разным написанием имен, однако не ликвидировала их полностью. При этом следует заметить, что составление *Свидетельства о соответствии имени* является возможным только при наличии подтверждающих официальных документов или уже имеющихся в регистре официальных записей, что не всегда представляется возможным.

Подводя итог всему вышесказанному, мы приходим к выводу о том, что в настоящее время в области транслитерации русских имен на латиницу существует ряд проблем, связанных в первую очередь с существованием одновременно нескольких стандартов, и как следствие нескольких вариантов написания одних и тех же имен. Различные варианты написания имен создают проблемы как юридического, так и опознавательного характера. В этой связи назревает необходимость принятия единого и обязательного стандарта как в России, так Турции. В период, когда отношения между двумя странами имеют тенденцию

непрерывного роста, создание универсальной, единообразной, читабельной и по возможности обратимой транслитерации стоит очень остро и требует быстрого разрешения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гиляревский Р.С., Старостин Б.А.* Иностранные имена и названия в русском тексте. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 303 с.
2. *Ермолович Д.И.* Словесная механика. Избранные статьи о языке, переводе и культуре речи. М.: Валент, 2012. 400 с.
3. *Иванов Л.* Streamlined Romanization of Russian Cyrillic. Contrastive Linguistics 42(2), St. Kliment Ohridski University Press, с. 66-73. URL: https://www.researchgate.net/publication/318402098_Streamlined_Romanization_of_Russian_Cyrillic (дата обращения: 01.05.2021).
4. *Зоц И.В.* Modern Romanization of Russian Toponyms per UN Technical Reference: Phonological and Orthographic Analysis. June 2020. Preprints 2020, 2020060095 URL: <https://www.preprints.org/manuscript/202006.0095/v1> (дата обращения: 01.05.2021).
5. Решение Верховного Суда Турецкой Республики (18. Юридическое управление) (Анкара/Турция) по делу за номером 2014/10729 О внесении поправок в регистрационную запись.
6. Решение Верховного Суда Турецкой Республики (8. Юридическое управление) (Анкара/Турция) слушалось дело за номером 2018/12673 О внесении поправок в регистрационную запись.
7. Свидетельство о соответствии имени/ İsim Denklik Belgesi. URL: <http://www.develiogluhukuk.com/blog/isim-denklik-belgesi/> (дата обращения: 01.05.2021).
8. *Угоренко В.П.* Специфика перевода англоязычных терминов права на русский язык // Языковая личность и перевод: материалы Межвузовского научно-образовательного форума молодых переводчиков, Минск, 9–10 декабря 2016 г. / БГУ, Фак. социокультурных коммуникаций, Каф. теории и практики перевода ; редкол. : С. В. Воробьева (отв. ред.), В. С. Значенко, А. Ф. Шаповалова. – Минск : БГУ, 2017. – с. 76-80. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173728> (дата обращения: 01.05.2021).
9. *Чепак О.А., Черниговский М.В.* Особенности передачи имен собственных при переводе юридических текстов с английского языка на русский язык (на материале правовых документов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №4-3 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-imen-sobstvennyh-pri-perevode-yuridicheskikh-tekstov-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-yazyk-na-materiale-pravovykh> (дата обращения: 01.05.2021).

PROBLEMS OF TRANSLITERATION OF PROPER NAMES IN TRANSLATION OF LEGAL TEXTS FROM RUSSIAN TO TURKISH

Zulfiya Şahin

Ankara University, Republic of Turkey, 06100, Ankara, Sıhhiye, 45-45/a

Mehmet Uğur Şahin

Atılım University, Republic of Turkey, 06830, Ankara, Incek, Kızılcaşar

In the presented work, the transliteration problem of proper names is investigated in the scope of translation legal texts from Russian to Turkish. The aim of this research is to study the features and complex aspects of transliteration of onyms. The factual material of the research is presented by proper names from official documents. Legal problems related to transliteration are presented by examples of court cases and decisions made. The conducted research has shown a number of problems in the field of transliteration, connected, first of all, with the existence of several standards at the same time, and as a consequence of several spelling variants of the same names. The different spellings of names create both legal and identification problems. At a time when relations between Russia and Turkey are of strategic character, the problem of creating a universal, uniform, readable and, if possible, reversible transliteration is very acute and requires a quick solution.

Key words: transliteration, translation, name, onyms, Russian, Turkish.

Контактная информация:

Зульфия Шахин — кандидат филологических наук, доцент;
sahinz@ankara.edu.tr

Мехмет Уур Шахин — адвокат-стажер;
m.ugurshn@gmail.com

ГЛАВА III
ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Законодательное Собрание Омской области,
Россия, 644002, Омск, улица Красный Путь, 1;
Гильдия лингвистов-экспертов по документационным
и информационным спорам*

О ВАРИАТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития терминологии российского законодательства: унификация и устранение вариативности. Унификация предполагает упрощение (исключение) средств, используемых при формулировании юридических терминов. Обращается внимание на такие средства, как сложная композиционная схема термина, инверсия, повторы и др. Вариативность рассматривается на примерах альтернативных замен: с одной стороны, многословных терминов – краткими вариантами, с другой стороны, разных определений одного понятия в одном или разных законах. Унификация и устранение вариативности терминов и определений позволят значительно усовершенствовать средства изложения правовой информации. При проведении исследования применяются методы и подходы, традиционные для русистики и юридической лингвистики. В качестве материала используются актуальные редакции федеральных законов, Словарь терминов российского законодательства, включающий более 6000 терминов и определений.

Ключевые слова: язык закона, текст закона, юридический термин, унификация, вариативность, лингвистическая экспертиза.

Вступление

Юридическая терминология – один из наиболее исследуемых вопросов как в правоведении, так и лингвистике (А.Н. Баранов, В.М. Баранов, С.А. Белов, К.И. Бринев, Н.А. Власенко, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, Т.В. Губаева, С.П. Кушнерук, М.А. Осадчий, А.С. Пиголкин, К.Г. Салтыков, О.П. Сологуб, В.Ю. Туранин, С.П. Хижняк, Т.В. Чернышова и др.). Актуальность данного вопроса для науки, законотворчества, судебной, экспертной практики объясняется рядом причин. Терминология не только отражает уровень развития национального законодательства, является средством правового регулирования общественных отношений, но и может быть недочетом формулирования правовой нормы, способствующим неоднозначности, неправильности толкования и применения закона.

Современное российское законодательство – масштабный, регулярно пополняемый корпус взаимосвязанных текстов, сложнейшая

иерархическая система отраслевых и межотраслевых терминов, юридических клише. Для совершенствования законодательства и его терминологической составляющей необходимы унификация используемых средств, устранение вариативности, создание единой информационной базы законодательных терминов и их определений, усиление экспертного и аналитического сопровождения законотворческой деятельности.

Настоящая работа, не претендуя на исчерпывающую полноту обзора, ставит своей целью рассмотреть тенденции вариативного формулирования законодательных терминов, выраженных многословными комплексами (определяемого), и законодательных определений, утвержденных в качестве официальных дефиниций (определяющего). В качестве материала используются тексты федеральных законов, а также подготовленный автором Словарь терминов российского законодательства, включающий более 6000 терминов и определений. При проведении исследования и обобщении его результатов применяются методы и подходы, традиционные для русистики, терминоведения и юридической лингвистики.

1. Термины – многословные комплексы и причины их сложного восприятия

Сложность содержательной структуры законодательных текстов и предложений нередко обусловлена не только синтаксическими и пунктуационными особенностями [1], но и сложностью используемых законодательных терминов.

Юридическое понятие не всегда выражается одним словом – термином (*суд, налогообложение, гид-переводчик*) или терминологическим словосочетанием с прямым, реже обратным порядком слов (*пенсионные накопления, генно-инженерномодифицированный организм, избирательное право активное*). Многие юридические термины представляют собой многословные комплексы, образуемые с помощью сочетаний простых и составных терминов, развернутых групп, с добавлением пунктуационно выделенных оборотов: уточняющих, обстоятельственных, определительных.

Примеры:

авиационная организация, включая авиационное предприятие [2] (5 слов);

розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенная лицом неоднократно [3] (8 слов);

год, когда Пенсионный фонд Российской Федерации стал страховщиком застрахованного лица [4] (10 слов);

форма участия члена кооператива в деятельности кооператива по привлечению и использованию денежных средств граждан на приобретение жилых помещений [5] (18 слов);

возникшая вследствие решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления просроченная задолженность по долговым обязательствам субъекта Российской Федерации, муниципального образования [6] (25 слов)

Многословные комплексы используются в целях полноты, смысловой точности, информативной достаточности названия чего-либо. Однако они нарушают одно из основных требований к термину – его краткости (см. работы [Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. 1999: 197; Лейчик В.М. 256: 49; Сандалова Н.В. 2010: 43] и др.). Кроме того, такие комплексы очень сложны для восприятия и понимания. На это есть ряд очевидных причин.

Во-первых, содержательная структура составного термина – это сумма специальных значений его составных элементов. Чем больше составных элементов, чем сложнее их взаимосвязи, тем медленнее воспринимается и осознается общее специальное значение термина, выраженного многословным комплексом.

Во-вторых, многословные комплексы предполагают внутрисконструктурное деление на главный и зависимые компоненты, регулярность повторов и юридических клише, дистантность (разъединенность) соотносимых компонентов и слов.

Зависимые компоненты не только подчинены главному, но и находятся в сложных связях друг с другом, как подчинительных (предложно-падежных, обстоятельственных), так и сочинительных (союзных, присоединительных).

Например, в термине *форма участия члена кооператива в деятельности кооператива по привлечению и использованию денежных средств граждан на приобретение жилых помещений* (18 слов) – 12 существительных, 2 прилагательных, 3 предлога, повтор (*кооператив*), замена односоставного понятия двусоставным клише (*денежные средства – деньги, жилое помещение – жилье*).

Для того чтобы истолковывать данный термин, необходимо как минимум отделить главный четырехсловный компонент (*форма участия члена кооператива*) от зависимых, а зависимые – друг от друга, наряду со специальными значениями слов сопоставить семантические особенности падежных форм, союзного соединения: (что?) **форма** (чего?) **участия** (кого?) **члена** (чего?) **кооператива** // (участия кого в чем?) *в деятельности* (чего?) *кооператива* / (в деятельности какой? по чему?) *по привлечению* (и чему?) *и использованию* / (привлечению и использованию чего?) *денежных средств* (кого?) *граждан* / (использование денежных средств граждан на что?) *на приобретение* (чего?) *жилых помещений*.

В-третьих, образованы многословные комплексы без привлечения глаголов, только на основе существительных, прилагательных, причастий, союзов, предлогов, реже – других частей речи (числительных, местоимений, наречий).

В связи с этим заметим, что употребление глаголов не всегда возможно в законодательных текстах, тем более при формулировании наименования термина. Вместо более конкретных по значению глаголов употребляются отглагольные существительные, поскольку глагол не позволяет сделать норму в необходимой степени обобщенной, распространяемой на неограниченное количество субъектов, ситуаций, событий и контекстов.

Отглагольное существительное, транслирующее и собственный именной ресурс, и потенциал мотивирующего глагола, семантически более пластично и универсально, способно одновременно выражать значения и предметности, и действия, и состояния, называть стадии и результаты действий и процессов.

Например, чтобы выразить значение процесса, нужно использовать глагол несовершенного вида *привлекать*, для обозначения результата действия – глагол совершенного вида *привлечь*, а существительное *привлечение* одновременно обозначает и двувидовую семантику действия, и процесс, и его результат.

В-четвертых, при формулировании термина в отдельных случаях применяется обратный порядок слов и компонентов, в частности, причастный оборот употребляется до определяемого слова или словосочетания. Однако инверсия еще более затрудняет восприятие и понимание и без того сложносоставного термина.

Кроме того, обратный порядок слов в русском языке употребляется для целенаправленного выделения какого-то аспекта транслируемой информации, например: *красная роза – роза красная* (см.: Маразыков Т.С., Малабаева Э.Э. 2009). Если инверсия намеренно используется как средство формулирования составного термина и не является результатом нарушения логической последовательности изложения, возникают вопросы о непреднамеренном либо целенаправленном смещении смысловых акцентов.

Сопоставьте, для примера, с точки зрения восприятия и понимания, законодательный термин, сформулированный на основе непрямого порядка указания причастного оборота, и его трансформированный аналог:

непрямой порядок:

возникшая вследствие решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления просроченная задолженность по долговым обязательствам субъекта Российской Федерации, муниципального образования

прямой порядок:

просроченная задолженность по долговым обязательствам субъекта Российской Федерации, муниципального образования, (какая?) возникшая вследствие решений, действий или бездействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления

2. Альтернативные варианты многословных комплексов

Наряду с многословным термином, полагаем, в том числе и для экономии языковых средств, текстового пространства, может быть введен его альтернативный краткий (видоизмененный, усеченный) вариант.

Поскольку в настоящее время аббревиация при образовании сокращенных вариантов, в отличие, например, от советского периода, малоупотребительна (за редкими исключениями: *ГАС «Выборы»* и др.), альтернативные варианты представляют собой термины-слова или термины-словосочетания, состоящие из двух, реже трех либо четырех слов. В альтернативных вариантах сохраняются опорные слова многословного комплекса.

При введении вариантов не всегда, но применяются специальные слова-маркеры: *далее* (если в последующем тексте

используется только альтернативный краткий вариант) либо *далее также* (если в тексте одновременно употребляются и исходный многословный, и вторичный краткий варианты).

Примеры терминов и определений:

форма участия члена кооператива в деятельности кооператива по привлечению и использованию денежных средств граждан на приобретение жилых помещений (далее – **форма участия в деятельности кооператива**) – порядок внесения членами кооператива паевых взносов в паевой фонд кооператива в устанавливаемых кооперативом в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона вариантах для выбора одного из них членами кооператива [7]

автомобильная дорога, содержащая платный участок, – автомобильная дорога, содержащая *участок автомобильной дороги, использование которого осуществляется на платной основе в соответствии с настоящим Федеральным законом и который ограничен начальным и конечным пунктами, определенными в решении об использовании такого участка автомобильной дороги на платной основе* (далее также – **платный участок автомобильной дороги**) [8]

Как соотносятся многословный и краткий варианты с правовой точки зрения – вопрос не лингвистический. Но, констатируя частотность таких альтернативных замен, наличие двух терминов для обозначения одного понятия и в то же время их функциональную разницу, обратим внимание на следующее.

С одной стороны, в силу дальнейшего употребления в законе один из якобы идентичных вариантов целенаправленно транслируется в качестве менее значимого, но более предпочтительного. И это не многословный вариант. Речь идет о терминах, введенных с помощью слов-маркеров (*далее, далее также*). Многословный термин вводится в закон, скорее, для установочной, первично-ознакомительной цели. Далее при раскрытии цели и предмета закона употребляется другой, дополнительный вариант, не настолько информативно точный, но более удобный как для законодателя, формулирующего правовые нормы, так и для правоприменителя, воспринимающего, интерпретирующего и исполняющего эти нормы.

С другой стороны, альтернативные варианты активно используются для замены несложных по составу терминов (*страница*

сайта в сети «Интернет» – интернет-страница; дистанционная (удаленная) работа – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно; зона с особыми условиями использования территорий – зона безопасности с особым правовым режимом (далее – зона безопасности)), и наоборот, некоторые многословные термины не получили закрепленной альтернативы (граждане, привлекаемые для трудоустройства из другого субъекта Российской Федерации в рамках реализации региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов) либо заменяются таким малоупотребительным средством, как аббревиатуры (государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота – ГИИС ДМДК) [9]. Это может свидетельствовать о недостаточно четко выработанном подходе к тому, в каких случаях альтернативные замены терминов необходимы, допустимы или не осуществляются.

В качестве альтернативных могут восприниматься термины, вводимые в скобках после основных, без слов-маркеров (далее, далее также). При интерпретации терминов, один из которых указывается в скобках после другого (первичного) и является вторичным по отношению к нему, необходимо учитывать разные значения, которые могут транслировать соотносимые термины: не только альтернативность, но и дублетность, эквивалентность, взаимозаменяемость, вариативность, синонимия, пояснение, уточнение, конкретизацию и др. подробнее: (Шелов С.Д. [2016: 533], сравните:

информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация) [10] – информация о состоянии окружающей среды (*или экологическая информация*) / информация о состоянии окружающей среды (*то есть экологическая информация*);

государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) [11] – государственная культурная политика (*или политика государства в области культурного развития*) / государственная культурная политика (*другим словами политика государства в области культурного развития*).

Такой вывод следует и из особенностей совместного либо отдельного употребления введенных альтернативных терминов. В частности, если в дальнейшем в тексте закона употребляется только первичный термин, это может свидетельствовать о поясняющей

функции термина, данного в скобках. Например, в статье 2 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» введен термин аварийно-опасный участок дороги (*место концентрации дорожно-транспортных происшествий*) и дано его определение [12], но далее в тексте закона (см., например, статью 6) употребляется только первичный вариант *аварийно-опасный участок дороги*.

3. Альтернативные варианты определений терминов

В законах вводятся определения не только специальных терминов (*алименты, референдум, местное самоуправление*), но и общеупотребительных слов, которые вроде бы и так всем понятны (*год, день, дорога, магазин, ребенок*), абстрактных и неоднозначных понятий (*исключительные обстоятельства, крайняя необходимость, трудная жизненная ситуация*), понятий, сходных до степени смешения, но не тождественных (*капитальные вложения – капиталовложения*); синонимичных понятий (*кровные родственники – родственники по происхождению*). Терминологические значения, закрепляемые в законодательных дефинициях, отличаются от лексических юридической специализацией [Хижняк С.П. 2018: 234].

Отсутствие законодательной дефиниции позволяет трактовать термин в нужном ключе, широко и вариативно. Но термин без дефиниции является и существенным недостатком, препятствующим однозначному пониманию закона, унификации и систематизации юридической терминологии.

Законодательное определение формулируется прежде всего для того, чтобы устранить неверное или многозначное толкование термина не вообще, а применительно к целям и предмету конкретного закона, конкретной области действительности, регулируемой данным законом, поэтому отмечается тенденция узкоотраслевого, узкопредметного определения одного понятия по-разному в разных законах.

На то, что термин определяется узкопредметно, применительно к конкретному закону, указывают специальные юридические клише (*в целях настоящего Закона, в смысле настоящего Закона, в соответствии с настоящим Законом, в целях настоящей статьи* и т.п.).

Примеры:

Под выездной проверкой в целях настоящего Федерального закона понимается проверка, проводимая по месту нахождения объекта аудита (контроля) [13].

В целях настоящей статьи иждивенцами погибшего должностного лица таможенного органа признаются члены его семьи и иные лица, находившиеся на его полном содержании или получавшие от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию [14].

При формулировании отсылочных определений узкоотраслевая специализация может препятствовать толкованию термина, поскольку предполагает обращение к иным текстам. Для примера приведем определения терминов *аккредитация удостоверяющего центра* и *аккредитованное лицо*, толкование которых предусматривает знание интерпретатором корреспондирующих законодательных норм или обращение к ним: *аккредитация удостоверяющего центра – признание соответствия удостоверяющего центра требованиям настоящего Федерального закона [15]; аккредитованное лицо – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, получившие аккредитацию в порядке, установленном настоящим Федеральным законом [16].*

Практика отраслевого терминопредопределения обусловила: с одной стороны, дублирование дефиниций – воспроизводство одного и того же термина и его определения без каких-либо изменений в разных законах одной и той же отрасли либо смежных или разных отраслях права (*анонимный жертвователь [17]*); с другой стороны, отраслевые и разноотраслевые варианты официальных дефиниций, актуальные для разных законов и областей правового регулирования. Согласимся с С.П. Хижняком в том, что наличие разных дефиниций не способствует упорядоченности законодательной терминосистемы [Хижняк С.П. 2018: 238].

Ниже приведены примеры сходного, но не тождественного определения термина, которые мы отметили в разных статьях одного закона:

арбитражный управляющий – гражданин РФ, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих;

Арбитражным управляющим признается гражданин РФ, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих [18];

а также в разных законах:

автор промышленного образца Автором промышленного образца признается гражданин, творческим трудом которого он создан [19];

Автором изобретения, полезной модели или промышленного образца признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности [20];

чрезвычайная ситуация – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [21];

чрезвычайная ситуация – обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии гидротехнического сооружения, которая может повлечь или повлекла за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или ущерб окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [22];

чрезвычайная ситуация – обстановка, сложившаяся в результате аварии или опасного природного явления, вызвавших приостановление работы отдельных видов транспорта, временное ограничение движения транспортных средств по автомобильным дорогам или по размещенным на них и используемым для осуществления регулярных перевозок искусственным дорожным сооружениям либо прекращение функционирования объектов транспортной инфраструктуры [23].

При анализе российских законов, принятых с начала 90-х годов XX в. по 2020 год XXI в., мы выделили более 200 терминов, имеющих два законодательных определения (*биологический материал, дискриминация, инвестиции, манипулирование рынком, мобильное приложение, эмансипация*), около 50 терминов, имеющих три определения (*банк, застройщик, инвестор, культурные ценности, лицо без гражданства, опека, пропускной режим, свидетель*); есть законодательные термины с четырьмя и более определениями (*время отдыха, должник, пенсионные накопления, экспертная организация*) [24].

Варианты определений отличаются узким либо широким значением, каким-либо содержательным аспектом, контекстуальной детализацией. И не исключено, что новое правовое регулирование, осуществляемое с помощью нового закона, иные контекст и моделируемые ситуации обусловят появление нового значения и альтернативного определения термина либо уточнение редакции действующей дефиниции.

Выводы

Особенности формулирования, вариативность законодательных терминов и определений не только отражают основные свойства языка, но и являются маркером принадлежности текстов, в которых фиксируются данные термины и определения, законодательному стилю и юридическому дискурсу.

Вместе с тем сложность восприятия и понимания законодательных терминов, а также вариативный подход к формулированию термина и его определения обуславливают необходимость лингвистических и юридико-технических рекомендаций, направленных на повышение качества терминологической составляющей российского закона.

В частности, содержательные аспекты понятия могут и должны раскрываться в его определении, в тексте закона, а не в многословном композиционно сложном наименовании (определяемом), которое к тому же нередко сопровождается альтернативным упрощенным вариантом.

Обозначение одного понятия двумя эквивалентными терминами – исходным пространным и производным сокращенным (как и любая вариативность при наименовании предмета или явления) – предполагает не просто транслируемую предпочтительность, а приоритетность одного из терминов. Кроме того, употребление сокращенного варианта может быть ограничено только рамками того текста закона или того структурного элемента закона, в котором данный термин введен, а для взаимосвязи нормативных положений внутри системы законов, для правоприменительного и судебного дискурсов, экспертно-аналитической практики сокращенный вариант не имеет такого правового значения, как исходный.

Альтернативное или параллельное употребление вариативных законодательных дефиниций, мотивированное законотворческими интенциями, целью, предметом закона, свидетельствует не только о разноаспектности регулируемых общественных отношений, но и о развитии правовой системы, законодательной терминологии, поиске наиболее оптимального текстуального воплощения правового понятия и правовой нормы. Однако в связи с фактическим наличием специально-отраслевых определений возникают вопросы о соотношении терминов, определенных законодателем по-разному, с учетом различных оснований, о возможности широкой и узкой внутрисистемной интерпретации юридических терминов и правоприменительных последствиях неоднозначного толкования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее: Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.

[2] Ст. 1 Фед. закона от 08.01.1998 «О государственном регулировании развития авиации».

[3] Примечание к ст. 1511 УК РФ.

[4] П. 12 ст. 3 Фед. закона от 24.07.2002 № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в РФ».

[5] Ст. 2 Фед. закона от 30.12.2004 № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах».

[6] П. 1 ст. 1121 БК РФ.

[7] Закон – источник термина и определения см. выше.

[8] См. определение термина автомобильная дорога, содержащая платный участок, в п. 14.1 ст. 3 Фед. закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [пункт 14.1 введен Фед. закона от 17.07.2009 № 145-ФЗ].

[9] Данные примеры взяты из следующих законодательных определений:

страница сайта в сети «Интернет» (далее также – интернет-страница) – часть сайта в сети «Интернет», доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта в сети «Интернет» (ст. 2 Фед. закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»);

Дистанционной (удаленной) работой (далее – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно) является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования (ст. 3121 ТК РФ);

В целях повышения уровня антитеррористической защищенности объектов использования атомной энергии, перечень которых утверждается Правительством РФ, устанавливается зона с особыми условиями использования территорий – зона безопасности с особым правовым режимом (далее – зона безопасности) (ст. 31 ФЗ от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»);

В Законе РФ «О занятости населения в РФ» под гражданами, привлекаемыми для трудоустройства из другого субъекта РФ в рамках реализации региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов, понимаются также граждане РФ, проживающие на территории города Байконура (ст. 131 Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в РФ»);

государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота (далее также – ГИИС ДМДК) – федеральная государственная информационная система, предназначенная для получения, обработки, хранения и

предоставления информации о происхождении и об обращении драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них, а также для организации специального учета (ст. 1 Фед. закона от 26 марта 1998 года № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»).

[10] См. определение: информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация) – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления об окружающей среде, в том числе о ретроспективном, текущем и прогнозируемом состоянии окружающей среды, ее загрязнении, происходящих в ней процессах и явлениях, а также о воздействии на окружающую среду осуществляемой и планируемой хозяйственной и иной деятельности, о проводимых и планируемых мероприятиях в области охраны окружающей среды (ст. 1 Фед. закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

[11] См. определение: государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) – совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры (ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре).

[12] аварийно-опасный участок дороги (место концентрации дорожно-транспортных происшествий) – участок дороги, улицы, не превышающий 1000 метров вне населенного пункта или 200 метров в населенном пункте, либо пересечение дорог, улиц, где в течение отчетного года произошло три и более дорожно-транспортных происшествия одного вида или пять и более дорожно-транспортных происшествий независимо от их вида, в результате которых погибли или были ранены люди (ст. 2 Фед. закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [термин введен Фед. законом от 03.07.2016 № 296-ФЗ]).

[13] Ст. 16 Фед. закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате РФ».

[14] П. 11 ст. 323 Фед. закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в РФ».

[15] П. 8 ст. 2 Фед. закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [в ред. ФЗ от 27.12.2019 № 476-ФЗ].

[16] П. 5 ст. 4 Фед. закона от 28.12.2013 № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации».

[17] Под анонимным жертвователем понимается гражданин, который не указал в платежном документе на внесение пожертвования любое из следующих сведений: фамилию, имя и отчество, адрес места жительства – или указал недостоверные сведения, либо юридическое лицо, о котором в платежном документе на внесение пожертвования не указано любое из следующих сведений: идентификационный номер налогоплательщика, наименование, банковские реквизиты – или указаны недостоверные сведения (смотрите: ст. 30 Фед. закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»; ст. 58 Фед. закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»; ст. 48 Фед. конст. закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме РФ»).

[18] Ст. 2 и 20 Фед. закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”.

[19] П. 1 ст. 2 Закона СССР от 10.07.1991 № 2328-1 “О промышленных образцах” (закон применяется в части, не противоречащей ГК РФ).

[20] Ст. 1347 ГК РФ.

[21] Ст. 1 Фед. закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

[22] Ст. 3 Фед. закона от 21.07.1997 № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений».

[23] Ст. 3 Фед. закона от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».

[24] См. подробнее: Словарь терминов российского законодательства: более 6000 терминов [Электронный ресурс] / автор-составитель М.В. Батюшкина. М.: Флинта, 2021. 568 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Граудина Л.К., Ширяев Е.Н.* Культура русской речи. Учебник для вузов. М.: Норма-инфра М, 1999. 560 с.

2. *Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «Либрикон», 2009. 256 с.

3. *Маразыков Т.С., Малабаева Э.Э.* Проблемы типологии порядка слов и конституирования синтаксической структуры предложения в общем языкознании // Наука и новые технологии. 2009. С. 210–213.

4. *Сандалова Н.В.* Норма и вариативность в юридической терминологии (по лексикографическим источникам) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 42–47.

5. Словарь терминов российского законодательства: более 6000 терминов [Электронный ресурс] / автор-составитель М.В. Батюшкина. Москва: Флинта, 2021. 568 с.

6. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.

7. *Хижняк С.П.* Терминологическое значение и его отражение в дефинициях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 233–238.

8. *Шелов С.Д.* Еще раз о вариативности терминов: термины-словосочетания – особый случай? // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам научной конференции. 2016. С. 532–542

ON THE VARIABILITY OF LEGISLATIVE TERMS AND DEFINITIONS

M.V. Batyushkina

Legislative Assembly of the Omsk Region,

Russia, 644002, Omsk, Red Way street, 1

Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes (GLEDID)

The article discusses topical issues of the development of the terminology of Russian legislation: unification and elimination of variability. Unification assumes the simplifi-

cation (elimination) of the means that are used in the formulation of legal terms. Attention is drawn to such means as a complex compositional scheme of a term, inversion, repetitions, etc. Variation is considered using examples of alternative substitutions: on the one hand, wordy terms with short versions, on the other hand, different definitions of one concept in one or different laws. Unification and elimination of variability of terms and definitions will significantly improve the means of presenting legal information. The research uses methods and approaches that are traditional for Russian studies and legal linguistics. The materials used are the current editions of federal laws, Glossary of terms of Russian legislation (more than 6000 terms and definitions).

Keywords: language of law, text of law, legal term, unification, variability, linguistic expertise.

Контактная информация:

Батюшкина Марина Владимировна – кандидат педагогических наук (13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания. Русский язык); консультант отдела лингвистической экспертизы правового управления Законодательного Собрания Омской области; член научно-методического совета Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС);
soulangeana@mail.ru

ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ КАК РЕДУЦИРОВАННОЕ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ СРЕДСТВО В РУССКОМ ПРАВОВОМ ТЕКСТЕ [1]

Согласно обобщенным наблюдениям, авторы правовых текстов избегают использования редуцированных референциальных средств (к которым относятся и русские личные местоимения 3 лица). Это связано с опасностью возникновения случаев референциальной неоднозначности и освящено сложившейся традицией. В настоящей статье рассматривается небольшая тестовая выборка из корпуса CorCodex, содержащего нормативные документы. С опорой на когнитивный многофакторный подход вводятся параметры рассмотрения внутрисентенциальной прономинальной анафоры в этом корпусе, обсуждаются результаты количественного анализа размеченной выборки. Основные выводы таковы. Относительно всего объема корпуса (139 тыс. предложений) доля предложений, содержащих местоимения DET и/или PRON, составляет примерно 28%, то есть приближается к трети. При этом 96,3% анафоров (являющихся личными местоимениями 3 лица) из выборки в 655 предложений размещается в одном предложении с антецедентом. В выборке преобладают неодушевленные референты (58,8%). Менее чем в 1/5 всех случаев антецедент является подлежащим главной или зависимой клаузы в составе активной конструкции. Перспективы исследования заключаются в увеличении количества учитываемых параметров и в увеличении размера размеченной выборки.

Ключевые слова: русские правовые тексты, редуцированное референциальное средство, внутрисентенциальная местоименная анафора, личное местоимение

1. Введение

В речи или на письме адресант часто сталкивается с проблемой, связанной с необходимостью повторного упоминания одних и тех же сущностей. Говорящий или пишущий может использовать для этого **полные референциальные средства** (именные группы) или **редуцированные референциальные средства** (местоимения), а также референциальные нули. «Кореферентностью» называют связь, которая возникает у именной группы, местоимения или нуля по отношению к единому референту, см., например, [Митренина и др. 2016, 229].

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

² Российская Федерация, 190068, Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Референциальное выражение, посредством которого говорящий заменяет предшествующую именную группу или указывает на нее, называется **анафорическим выражением** (анафóром). Именная группа, к которой отсылает анафорическое выражение, называется **антецедентом**. В примере (1) антецедентом является именная группа ‘мировое соглашение’, анафóром – личное местоимение ‘оно’; эти выражения являются кореферентными. Антецедент чаще находится в левом контексте (предшествует анафóру) и контролирует его (определяет его признаки; в рассматриваемом случае это род и число местоимения).

(1) *Арбитражный суд не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.* [CorCodex, «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ]

В русском в качестве анафорических выражений способны выступать в том числе личные местоимения **3 лица** (*он, она, оно, они*) и их формы. Именно такие редуцированные референциальные средства мы рассмотрим в настоящей статье.

Ориентируясь на существующие подходы к анализу референциальных выражений, мы введем параметры рассмотрения контекстов с личными местоимениями в материалах корпуса юридических текстов CorCodex и представим первые результаты такого рассмотрения.

Русский **юридический корпус CorCodex** является синхронным, содержит нормативные документы, состоит из 279 текстов кодексов, федеральных законов и постановлений правительства РФ. Объем корпуса составляет 3 млн 227 тыс. токенов, 2 млн 722 тыс. слов. Корпус лемматизирован, снабжен морфологической и синтаксической разметкой, выполненной с помощью UDPipe (модель “ru-syntagrus”) и rutmorphy2, см. [Universal Dependencies 2.5], [Korobov 2015].

2. Референциальная связность в юридическом тексте

Повторные упоминания в тексте одних и тех же референтов организуют его референциальную связность (референциальную когезию).

Согласно [Mattila 2013, 88], для юридических текстов на любом языке справедливо следующее утверждение: «точность юридического языка <...> предполагает, что существительные в предложениях не заменяются местоимениями». Это связано с опасностью референциальных конфликтов, опасностью возникновения случаев референциальной неоднозначности (ambiguity), т. е. случаев, когда нельзя однозначно установить кореферентность, см. об этом в применении, к русским юридическим текстам [Блинова, Белов 2020].

Из-за избегания редуцированных референциальных средств в юридических текстах наблюдается большое количество повторов именных групп. Сказанное верно для текстов на разных языках. В [Williams 2004, 113] обсуждаемое свойство отнесено к основным свойствам письменного юридического текста, ср. следующую цитату: «частое повторение определенных слов, выражений и синтаксических структур вместо использования, например, местоимений <...> может принимать форму почти навязчивого повторения лексических элементов».

Однако авторы правовых текстов все же используют различные типы местоимений. Так, в CorCodex местоимения, размеченные с применением тега PRON ‘pronoun’ (к этой категории относятся и личные местоимения), встречаются 36 365 раз (ipm 13359,6); местоимения с тегом DET ‘determiner’ встречаются 41 488 раз (ipm 15 241,7) [2].

Задачей настоящей статьи является первичное выделение параметров описания контекстов с редуцированными референциальными средствами (в частности, личными местоимениями) в материалах корпуса CorCodex и тестирование этих параметров на небольшой выборке примеров.

3. Модели описания анафоры и принципы разметки примеров из CorCodex

Для описания принципов выбора референциальных выражений применяется целый ряд теорий и подходов. Когнитивные теории референции гласят, что адресанты (говорящие или пишущие) строят предположения о статусе упоминаемых сущностей в сознании адресата и что именно эти предположения влияют на выбор референциальных выражений, см., например, [Navarretta 2005]. Ключевым понятием здесь является понятие **доступности** (accessibility), описывающее предполагаемую степень активации в сознании упоминаемых

сущностей, ср. также понятия **выделенности** (salience), **когнитивного статуса** (cognitive status), **топикальности** (topicality), **фокуса внимания** (focus of attention) и работы [Chafe 1976], [Ariel 1990], [Givón 1983], [Prince 1981, 1992], [Gundel et al. 1993], [Grosz et al. 1995] и др.

Теории согласны в том, что местоименные анафоры реферируют к «наиболее доступным» сущностям, которые в момент речи уже «даны», или известны, адресату. Такие сущности рассматриваются как «знакомые», находящиеся «в фокусе», «топикально выделенные» или «доступные», см. об этом, например, [Navarretta 2005].

В настоящей статье мы сфокусируем внимание на рассмотрении **внутрисентенциальной местоименной анафоры** (intrasentential pronominal anaphora), которую называют также **синтаксической**, то есть проанализируем интересующие нас референциальные выражения, только если они находятся в границах предложений (простых и сложных).

Согласно [Hobbs 1978, 323], 90% antecedентов размещаются в одном предложении с их прономинальными анафорами, 98% antecedентов размещаются в том же или предшествующем предложении. В [Kibrik 2004, 423] читаем, что «Regular pronouns normally tend not to refer to antecedents inside the same clause»; это значит, что наблюдается тенденция к размещению анафора и antecedента в разных клаузах (за исключением возвратных и взаимно-возвратных местоимений, или анафоров в терминологии генеративной теории управления и связывания, см., например, [Митренина, Романова, Слюсарь 2012, 228]).

Таким образом, в дальнейшем более подробно рассматривая представительную выборку примеров с синтаксической анафорой, мы опишем большинство примеров в корпусе, после чего, выйдя за границы предложения, можно будет сосредоточиться на предположительно существенно более редких случаях дискурсивной анафоры.

В качестве базовой модели мы использовали модель описания референциального выбора, предложенную в [Kibrik 1999], [Кибрик и др. 2010], [Kibrik 2011] и др. и многократно опробованную на материале русского языка в ходе корпусно-ориентированных исследований. В рамках **когнитивного многофакторного подхода** модель А. А. Кибрика учитывает следующие признаки, см. [Ibid]:

– признаки референта: первое/непервое упоминание в дискурсе; одушевленность; протагонизм;

– признаки антецедента: входит ли в состав прямой речи; тип синтаксической группы; грамматическая роль; референциальная форма;

– признаки анафóра: входит ли в состав прямой речи; тип синтаксической группы; грамматическая роль;

– расстояния между анафором и антецедентом: расстояние в словах; расстояние в маркулах [3], расстояние в клаузах; риторическое расстояние в элементарных дискурсивных единицах.

Мы выбрали из корпуса CorCodex все предложения, внутри которых встречались слова с тегами PRON и/или DET (оказалось, что в корпусе 38,5 тыс. таких предложений из общего объема в 139 285 предложений, то есть **доля предложений, содержащих местоимения, составляет примерно 28%**, то есть приближается к трети), а затем выбрали для анализа 655 вхождений, содержащих единичные употребления личных местоимений 3 лица. В итоге в выборку вошли фрагменты 276 документов корпуса из 279.

Затем мы разметили вхождения с учетом признаков из следующего списка.

1. Внутрисентенциальная vs дискурсивная анафора.
2. Тип референта.
3. Длина антецедента в словах.
4. Тип синтаксической группы антецедента.
5. Грамматическая роль антецедента.
6. Расстояние между антецедентом и анафором в словах.
7. Расстояние между антецедентом и анафором в клаузах.

Прокомментируем приведенный список. Во-первых, случаями дискурсивной анафоры считались все вхождения, в которых личное местоимение нельзя было проинтерпретировать в границах предложения, ср., например, (2), (3):

(2) *Они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству стороны или по инициативе суда.* [CorCodex, «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ]

(3) *Внесение в него поправок не допускается.* [CorCodex, «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 №145-ФЗ]

Во-вторых, вслед за [Кудрявцева 2016] мы различали три типа референтов: Animate – одушевленные, Inanimate – неодушевленные;

Collective – коллективные, ср. пример (4) с одушевленным референтом, пример (5) с неодушевленным референтом, примеры (6), (7) с коллективными референтами. «Коллективными» мы считали референтов, в число которых входят только организация или организации (например, суды), или и лица, и организации, как в примере (7).

(4) *По ходатайству конкурсного управляющего при обнаружении **им** имущества отсутствующего должника арбитражный суд может вынести определение о прекращении упрощенной процедуры банкротства и переходе к процедурам банкротства, предусмотренным настоящим Федеральным законом.* [CoqCodex, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ]

(5) *Сход граждан правомочен при участии в нем более половины жителей поселения, обладающих избирательным правом.* [CoqCodex, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»]

(6) *Кредитная организация не вправе осуществлять эмиссию облигаций с ипотечным покрытием, если она не выполняет хотя бы одно из требований, установленных в соответствии с положениями настоящей статьи.* [CoqCodex, Федеральный закон «Об ипотечных ценных бумагах» от 11.11.2003 № 152-ФЗ].

(7) *Льготы по уплате таможенных платежей предоставляются **иностранным инвесторам** и **коммерческим организациям с иностранными инвестициями** при осуществлении ими приоритетного инвестиционного проекта в соответствии с таможенным законодательством Российской Федерации и законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.* [CoqCodex, Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ].

В-третьих, мы оценивали длину антецедента в словах, см. об этом параметре, например, в [Кибрик и др. 2012].

В-четвертых, на настоящем этапе работы мы различали следующие типы синтаксических групп антецедентов: NP (именная

группа), CNP (сочиненная именная группа), не оценивая состав групп сколько-нибудь подробно и не учитывая их возможное вхождение в состав предложных групп.

Ср. пример (8) с ветвящимся генитивом; пример (9), где видим именную группу *‘годовые и бухгалтерские отчеты’* с сочиненными прилагательными в препозиции к существительному во множественном числе, а также примеры (11), (12) с сочиненными именными группами. Так, в (12) в группе *‘лиц, участвующих в деле, и иных присутствующих в зале судебного заседания лиц’* при первом сочиняемом существительном видим зависимое – постпозитивный причастный оборот, при втором сочиняемом существительном также видим зависимое – препозитивный причастный оборот с местоимением-прилагательным *‘иной’*. Таким образом, мы игнорировали информацию о наличии зависимых в составе именных групп и о количестве сочиняемых именных групп.

(8) *Не позднее чем за один месяц до окончания срока полномочий члена Совета Службы орган или организация, выдвинувшие его, представляет в Совет Службы кандидатуру для включения в состав Совета Службы либо сообщает о продлении срока полномочий члена Совета Службы.* [Cor-Codex, Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»] NP

(9) *Федеральные казенные предприятия готовят годовые и бухгалтерские отчеты и направляют их главным распорядителям бюджетных средств.* [CorCodex, «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ] NP

(11) *Правовую основу местного самоуправления составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, издаваемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации (указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти), конституции (уставы),*

законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, и иные муниципальные правовые акты. [CorCodex, Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»] CNP

(12) *Арбитражный суд вправе наложить судебный штраф на лиц, участвующих в деле, и иных присутствующих в зале судебного заседания лиц за проявленное ими неуважение к арбитражному суду.* [CorCodex, «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ] CNP

В-пятых, мы различали следующие грамматические роли антецедентов: подлежащее главной клаузы (SubjMain), любое другое активное подлежащее (Subj), пассивное подлежащее, т. е. пациенс пассивной конструкции, выраженный им. п. (SubjPass), прямое дополнение (DirObj), другие роли (Other), ср. примеры (13) – (17).

(13) *Надзор за исполнением настоящего Федерального закона осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры.* [CorCodex, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ] SubjMain

(14) *Если Государственная Дума отклоняет во втором чтении проект федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год, она передает указанный законопроект в согласительную комиссию.* [CorCodex, «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ] Subj

(15) *В случае принятия решения о проведении внеочередного общего собрания участников общества указанное общее собрание должно быть проведено не позднее сорока пяти дней со дня получения требования о его проведении.* [CorCodex, Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»] SubjPass

(16) *Если глава муниципального образования отклонит нормативный правовой акт, он вновь рассматривается*

представительным органом муниципального образования.
[CorCodex, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»] DirObj

(17) *Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, связанные с государственными гарантиями прав иностранных инвесторов при осуществлении ими инвестиций на территории Российской Федерации.* [CorCodex, Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ] Other

В-шестых, мы оценивали расстояние в словах между антецедентом и анафóром (учитывая при этом все слова, в том числе – служебные).

Наконец, мы оценивали расстояние и в клаузах. Если антецедент и анафóр находились в границах одной и той же клаузы, такие примеры получали в соответствующем поле индекс «0»; если они находились в соседних смежных клаузах, им присваивался индекс «1», если они были разделены одной клаузой – индекс «2» и т. д.

Описанным образом были размечены все попавшие в тестовую выборку примеры, содержащие личные местоимения.

4. Выводы и перспективы

Анализ состава размеченной выборки показывает прежде всего следующее. В выборке встретилось только 24 случая дискурсивной анафоры из 655, что составляет около 3,7% всех проанализированных вхождений. Таким образом, в нашем случае **96,3% анафóров размещается в одном предложении с антецедентом**, что превышает показатели из [Hobbs 1978, 323].

Далее в выборке среди примеров с внутрисентенциальной анафорой **преобладают неодушевленные референты** (371, то есть 58,8%), 189 (29,9%) – это одушевленные референты, 71 (11,3%) – коллективные референты.

Длина антецедента в словах варьирует от 1 до 36, (18) – это пример с самым длинным антецедентом в выборке (36 слов), см. также рис. 1. Средняя длина антецедента составляет 2,56 слова.

(18) *Работникам судов, органов прокуратуры, Государственной налоговой службы Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства*

финансов Российской Федерации, военнослужащим, а также лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации при приеме их на службу в таможенные органы в соответствии со статьей 5 настоящего Федерального закона присваиваются специальные звания. [Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»]

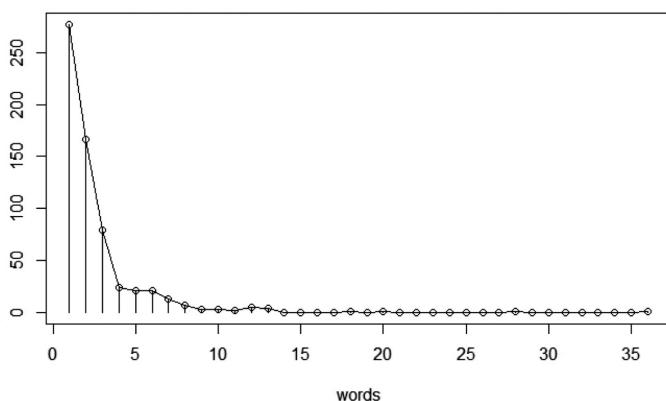

Рис. 1. Длина антецедентов в словах

В обследованной выборке антецедент является сочиненной именной группой в 71 случае (11,25%), именной группой – в 560 случаях (88,75%).

Что касается грамматических ролей антецедентов, то их распределение показано в таблице 1.

роль	кол-во	%
SubjMain/Subj	115	18,23
SubjPass	84	13,31
DirObj	154	24,41
Other	278	44,06
Всего	631	100

Таблица 1. Грамматические роли антецедентов

Из таблицы 1 видно, что менее чем в 1/5 всех случаев в выборке антецедент является подлежащим главной или зависимой клаузы в составе активной конструкции. Видим также, что около 44% всех вхождений размечены с применением тега Other, то есть разметка грамматических ролей для полноценного описания материалов корпуса CoGCodex, по-видимому, должна стать более подробной. Для этого список тегов можно было бы дополнить как минимум за счет разметки случаев, в которых антецедент является косвенным дополнением (IndirObj).

Перспективы исследования заключаются не только в увеличении размера размеченной выборки, но и в увеличении количества учитываемых параметров. Представляется необходимым, в частности, более содержательным образом описать расстояние между антецедентом и анафором с учетом расстояния в элементарных дискурсивных единицах (ЭДЕ) в терминах Теории риторических структур (TPC) У. Манна и С. Томпсон [Mann, Thompson 1988]. Показано, что выбор между полным или редуцированным референциальным средством зависит от риторической структуры и эффективно предсказывается в рамках формализма TPC, см. [Fox 1993, 113, 123], [Кибрик 2003, 54]. Важно, что принципы членения на ЭДЕ для русского подробно описаны создателями Русскоязычного дискурсивного корпуса «Ru-RSTreebank» (rstreebank.ru) [Pisarevskaya et al 2017].

Наконец, так как нас интересует не только внутрисентенциальная анафора, но средства организации референциальной связности русского правового текста в целом, нам предстоит выполнение сплошной разметки референциальных связей с помощью одного из подходящих для этой цели инструментов, например Brat Rapid Annotation Tool (brat.nlplab.org) или MMAX2 Annotation Tool (mmax2.net).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

[2] К категории PRON ‘pronoun’ в разметке UDPipe относятся местоимения-существительные (это, все, он и пр.), а также местоимение который; к категории DET ‘determiner’ относятся местоимения-прилагательные этот, весь, свой и пр. Ipm – мера относительной частотности, количество употреблений единицы на миллион слов корпуса.

[3] «Маркабула – это составляющая текста, которая может быть референциальным выражением» [Кибрик и др 2010].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова О. В., Белов, С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 11(4). 2020. С. 774–812.
2. Кибрик А. А., Добров Г. Б., Залманов Д. А., Линник А. С., Лукашевич Н. В. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог 2010». Т. 9(16). М.: изд-во РГГУ, 2010. С. 173–180.
3. Кибрик А. А., Линник А. С., Добров Г. Б., Худякова М. В. Оптимизация модели референциального выбора, основанной на машинном обучении // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая–3 июня 2012 г.). Т. 1. Вып. 11. С. 237–246.
4. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. доктора филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2003. 90 с.
5. Кудрявцева А. С. Активация референтов и вероятностная оценка референциального выбора (исследование англоязычных газетных текстов) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). Материалы студенческой сессии. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3466/kudryavtseva.pdf> (дата обращения: 26.04.2021).
6. Митренина О. В., Романова Е. Е., Слюсарь Н. А. Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2012. 376 с.
7. Ariel M. Accessing Noun Phrase Antecedents. London, New York: Routledge, 1990. IX + 265 p.
8. Chafe W. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // Subject and Topic. Ed by C. Li. New York: Academic Press, 1976. P. 25–55.
9. Fox B. A. Discourse structure and anaphora. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 173 p.
10. Givón T. (ed.) Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam: John Benjamins, 1983. 492 p.
11. Grosz B., Joshi A., Weinstein S. Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse // Computational Linguistics. 21. 1995. P. 203–225.
12. Gundel, J., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse // Language 69(2). 1993. P. 274–307.
13. Kibrik A. A. Cognitive inferences from discourse observations // Discourse Studies in Cognitive Linguistics: Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, July 1997. Ed. by Karen Van Hoek, Andrej A. Kibrik and Leo Noordman [Current Issues in Linguistic Theory 176]. 1999. P. 29–52.
14. Kibrik A.A. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
15. Kibrik A.A. Review of: Anaphora: a cross-linguistic study, by Yan Huang. Oxford: OUP, 2000. Linguistic typology. 2004. 8-3. P. 389–393.

16. *Korobov M.* Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages // *Analysis of Images, Social Networks and Texts*. 2015. P. 320–332.
17. *Mann W. C., Thompson S. A.* Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // *Text*. 8 (3). 1988. P. 243–281.
18. *Mattila H. E. S.* Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. London, New York: Routledge, 2013. 504 p.
19. *Navarretta C.* Combining Centering-Based Models of Salience and Information Structure for Resolving Intersentential Pronominal Anaphora // *Anaphora processing: linguistic, cognitive, and computational modelling: selected papers from DAARC 2002*. Ed. by António Branco, Anthony Mark McEnery, Ruslan Mitkov. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co. 2005. P. 329–350.
20. *Pisarevskaya D.* et al. Towards building a discourse-annotated corpus of Russian // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2017”*. 2017. P. 194–204.
21. *Prince E. F.* *Toward a Taxonomy of Given-New Information* // *Radical Pragmatics*. Ed. by P. Cole. New York: Academic Press, 1981. P. 233–255.
22. Universal Dependencies 2.5. Models for UDPipe. URL: <https://github.com/jwijnffels/udpipe.models.ud.2.5/blob/master/inst/udpipe-ud-2.5-191206>
23. *Williams C.* Legal English and Plain Language: an Introduction // *ESP Across Cultures*. 1. 2004. P. 111–124.

PERSONAL PRONOUN AS A REDUCED REFERENTIAL DEVICE IN RUSSIAN LEGAL TEXT

**Olga V. Blinova,
Yulia E. Alexeeva**

*St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

*National Research University Higher School of Economics,
16, ul. Soyuza Pechatnikov, St. Petersburg, 190068, Russian Federation*

According to generalized observations, authors of legal texts avoid using reduced referential devices (including Russian third-person personal pronouns). This is due to the danger of referential ambiguity and is accepted in the established practice. This paper explores a small test sample from the CorCodex legal corpus. Based on Kibrik’s multi-dimensional cognitive approach, we introduce parameters for analysis of the intrasentential pronominal anaphora and discuss some results of quantitative analysis of the annotated sample. Our main results are as follows. The share of sentences containing the pronouns DET and/or PRON is approximately 28%, that is, is approaching a third of the total volume of the corpus of 139 thousand sentences. 96,3% of anaphors from the sample of 655 sentences with 3rd person personal pronouns are placed in the same sentence with their antecedent. The sample is dominated by inanimate referents (58,8%). In less than 1/5 of all cases, the antecedent is a subject of the main or a dependent clause in an active construction. We plan to increase

the number of parameters under consideration, as well as increase the size of the annotated sample.

Keywords: Russian legal texts, reduced referential device, personal pronoun, intra-sentential pronominal anaphora

Контактная информация:

Блинова Ольга Владимировна – канд. филол. наук, доц.;

o.blinova@spbu.ru, ovblinova@hse.ru

Алексеева Юлия Евгеньевна – студ.;

juli311298@gmail.com

Н.Д. Голев

*Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул. Красная, 6*

СЛОЖНОСТЬ VS ДОСТУПНОСТЬ И ПОНЯТНОСТЬ ЯЗЫКА ЗАКОНА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭКСПЕРТНАЯ ПРОБЛЕМА

Проведенный теоретический анализ показал неоднозначность проблемы смысловой сложности / доступности правовых текстов, наличием разных точек зрения на нее. Неоднозначность определяется не только субъективными, но и объективными причинами, прежде всего она обусловлена сложной структурой правовой коммуникации, наличием в ней различных субъектов с разными статусами и интересами. К таким субъектам относятся законодатели и адресаты–потребители, среди последних существенно различаются точки зрения профессионального юриста и у рядового законопослушного гражданина. Позиция последнего в юридической литературе рассматривается редко. В исследовании акцент сделан прежде всего именно на этой позиции. В данном аспекте теоретически рассмотрены понятия сложности и доступности правового текста и способы преодоления избыточной сложности. При этом особое внимание уделено экспертным способам ее выявления и лингвистического противодействия. Более подробно рассмотрены экспертизы с прямой перлокутивной направленностью.

Ключевые слова: сложность, доступность, ясность, юридический язык, перлокутивная экспертиза, законопроект.

В информационном письме, которое оповещает специалистов и общественность о научно-практической конференции “Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах”, обозначены в числе многих других также такие вопросы, подлежащие обсуждению:

- 1) особенности коммуникативного взаимодействия языка и права;
- 2) требования к языку нормативных правовых актов; доступность правовой информации;
- 3) проблема интерпретации текста закона;
- 5) анализ особенностей восприятия правовой информации профессиональным сообществом и обычными гражданами;
- 6) содержание и технология проведения лингвистической экспертизы;

7) функционально-деятельностный подход к проведению экспертизы;

8) юрислингвистика в системе высшего образования и курсового обучения. В предлагаемом докладе перечисленные вопросы представляются как отражение разных сторон одного феномена и – соответственно – **как разные аспекты одного** и достаточно целостного предмета исследования – сложности юридического языка. Юридический язык в докладе понимается как язык законодательства. Разумеется, сказанное не означает, что автор ставит своей целью осветить все названные вопросы. На первый план в докладе выдвигаются теоретические и экспертные вопросы. Совмещая их, мы намерены подвести сложную и многоаспектную тему к технологиям измерения **степени смысловой сложности текста закона** и к выходу таких технологий в область лингвистической экспертизы текста законопроекта. Частный момент, технология, которую я анонсирую, здесь связана с использованием машинного перевода в роли способа измерения степени сложности / доступности текста.

1. Особенности коммуникативного взаимодействия языка и права. Коммуникативное взаимодействие языка и права обуславливается сущностью правовой коммуникации – общению власти и народа (или в собственно юридической терминологии плане – законодательная ветвь власти и законопослушные граждане) через опосредование специфического кода, каковым является юридический язык. Степень его специфичности – отдельный и сложный вопрос, но теоретически он решается достаточно однозначно – юридический язык – функциональная разновидность литературного языка, единого для всех его носителей. Обеспечение коммуникативного единства всех регионов слоев и даже поколенческих стартов населения – базовая функция литературного языка, формирующегося чаще всего в оппозиции территориальным диалектам. Замечу, в свою очередь, что государственный язык – разновидность литературного языка, призванная обеспечить коммуникацию во много- и разноязычных государствах. В том числе – правовую коммуникацию.

Успешность правовой коммуникации во многом вытекает из того, насколько эффективно она достигает своей цели. Каждый коммуникативный акт предполагает наличие целевой установки, средств ее осуществления и результата; в теории речевых актов используется коррелятивная триада терминов – иллокуция,

локуция, перлокуция. В случае правового общения законодателя и законопослушного гражданина в роли иллокутивного компонента выступает воля законодателя, волеизъявление, воплощаемое в законодательном акте, материальной оболочкой которого выступает текст такого акта. Важнейшим проявлением локутивного компонента являются требования к языку закона и конкретным его статьям. Эти требования знает и имеет в виду законодатель, и следование им обеспечивают обсуждения законопроектов в законодательном органе (первое, второе, третье чтения) и прохождение через лингвистическую экспертизу, если таковая предусмотрена соответствующим законодательным органом. Соответствие декларируемым требованиям и правилам – главный критерий успешности работы перечисленных органов и критерием качества разработанного ими закона. Однако правильность (соответствие конвенциональным правилам) – «не единственный и не главный критерий хорошей речи» (формула Саратовской функциональной лингвистической школы). Этот тезис во многом обусловлен тем обстоятельством, что коммуникативный акт не завершается локуцией, он завершается лишь тогда, когда намерение (иллокуция) автораречевого произведения будет реализовано полностью, то есть тогда, когда будет достигнут так называемый перлокутивный эффект, то есть соответствующее воздействие на адресата. В нашем случае – когда воля законодателя будет воспринята, понята и принята как руководство к действию законопослушным гражданином. В ином случае законопослушный гражданин не может быть по-настоящему – то есть осозанно – «послушным», так как в его сознание не отразится компонент «законо-». Формула «непонимание закона не избавляет от ответственности от его невыполнения» формально-юридически, то есть с точки зрения буквы законы, справедлива, но с точки зрения духа правовой коммуникации она вызывает большие сомнения, поскольку коммуникация, основанная только на вынуждении и не предполагающая знания, понимания и принятия того или иного положения закона, не соответствует принципу народовластия, объявленному нашей Конституцией как основополагающий для всех остальных законов – статья 3 Конституции РФ провозглашает: «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»; «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти». Лингво-смысловой анализ этих формул показывает следующее: предлог «через»

предполагает **инструментальный смысл** государственной власти в правовой коммуникации, из которого не вытекает возможности коммуникативного вынуждения по отношению к народу-субъекту, существительное «источник» в данном контексте актуализирует в первую очередь **субъектный смысл** народа, а инструментальный смысл здесь в лучшем случае – фоновый. На наш взгляд, есть определенное несоответствие духу правовой коммуникации и в моменте потенциального вынуждения законопослушного гражданина обращаться за толкованием текста к специалистам, ср.: «Если текст толкует неспециалист и текст правового акта ему неясен, то он может обратиться к профессионалу и проблема будет снята» [Мирошников, 2000, с. 215] Все сказанное предполагает, что оценка качества текста законопроекта (в последующем – закона) не может ограничиваться только конвенциональной правильностью, оно должно учитывать его воздействие на адресата, наличие перлокутивной эффективности текста закона и ее качества (конкретного содержательного наполнения). Поэт вправе заявить: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», поскольку возможность разнообразной интерпретации художественного текста заложена в самой природе художественного текста. Законодатель, наш взгляд, такого права не имеет, он не может не учитывать того, «как его слово отзовется» в правовом сознании и правовом поведении законопослушного гражданина.

Всем сказанным в нашей преамбуле мы подводим к тезису о необходимости проведения **перлокутивной экспертизы** текста законопроекта – то есть экспертизы, направленной на выявление того, как будет понят (=интерпретирован) текст законопроекта рядовыми гражданином.

2. Требования к языку нормативных актов. Доступность правовой информации. Разумеется, в перечне требований к тексту закона со стороны законодателя содержатся также и требования, предполагающие учет интересов адресата, в том числе рядового гражданина. Среди них часто называются такие его идеальные качества, как ясность, доступность, иногда понятность. Эти понятия в теоретическом плане дефинируются весьма приблизительно с общезыковых и общелогических позиций и редко становятся предметом конкретных исследований.

В качестве иллюстрации рассмотрим статью Е.Г. Мирошникова «Ясность и точность как требования к языку закона», к которой далее

по ходу обсуждения заявленной темы будем обращаться неоднократно. Ее автор начинает рассмотрение названных в заглавии статьи понятий с широкого обзора качеств юридического языка, которые трактует как проявления юридической техники. Юридическая техника в его понимании – инструмент рационализации юридической деятельности – «в достижении ясности, точности, простоты, краткости, определенной стандартности, единообразия (унифицированности) юридических документов, а в более общем виде доступности текста правовых норм с точки зрения их смысла» [Мирошников, 2000, с. 212]. Далее автор стремится единицы перечисленного ряда свойств юридического языка упорядочить (иерархизировать и дифференцировать). Как вытекает из приведенной цитаты, Е.Г. Мирошников ставит на вершину иерархии доступность как некое родовое понятие, а прочие признаки трактуются как его составляющие: «Доступность и ее составляющие облегчают понимание всеми смысла правовых норм, а тем самым способствуют более правильному их толкованию» [Там же, с. 213]. Совершенно справедлив, на наш взгляд, тезис: «Чтобы закон выполнялся, он должен быть доступен всем тем, к кому обращен» [Там же, с. 214]. Доступность в данной концепции представляет собой целевую установку юридической техники. Ясность и точность – компоненты юридической техники, служащие достижению этой установки или приближения к ней. Однако в ряде фрагментов своей статьи автор меняет иерархические отношения между этими понятиями, определяя ясность через доступность. При этом ясность увязывается с использованием максимально простых слов, упрощением синтаксических конструкций, и – традиционно – отказом от иностранных слов, некоторых канцелярских оборотов, бюрократических штампов, архаических выражений. Иными словами, ясность остается в сфере локуции, не выходит в полной мере на адресата и перлокутивную функцию. Немалый интерес для дальнейшего рассмотрения темы представляет предлагаемая Е.Г. Мирошниковым дифференциация понятий «ясность» и «точность» по линии двух типов законодательных актов: общего и специального назначения, к первым, по мнению автора, могут быть отнесены, например, «Закон о милиции» и «Закон об образовании», ко вторым – «О бюджетной классификации Российской Федерации». В первых должна доминировать ясность, во вторых «предпочтение должно быть отдано точности. Точность закона, в конечном счете, и есть его ясность для специалистов» [Там же, с. 217].

Подводя итог проблеме дефинирования слов, описывающих качество текста закона, отметим, что до сих они не достигли уровня собственно научных или юридических терминов и функционируют в научной и учебной литературе и инструктивной документации не как слова, по выражению А.Н. Баранова, «юридически не определяемые», а как слова, «определяемые лингвистически». Иными словами, лексемы, широко используемые в юридической литературе для освещения темы доклада – «сложность / простота», «доступность», «точность», «ясность», «понятность», «правильность», «простота», «краткость», «четкость» «определенность / неопределенность (смысла)», «стандартность», «единообразие», «однозначность», – близки по своим сематическим и функциональным свойствам словам литературным и общенародным с характерными для них свойствами – размытости семантики, полисемичности, активной включенности в синонимические и паронимические ряды. Полагаем, что, степень смысловой определенности / неопределенности у них разная, на основании своей языковой интуиции носителя русского языка предполагаю, что слова «правильность», «стандартность», «единообразие», «краткость», «четкость» достаточно определены, хотя допускаю, что скрупулезный лингвистический анализ может выявить зону неопределенности и у них; слова «сложность», «понятность», простота остаются в значительной мере неопределенными словами. Транслатологическая методика показывает следующую картину распределения данных слов по степени их определенности / неопределенности их семантики. Машинный перевод слов приведенного ряда на разные языки мира и обратно на русский дает такие результаты: «понятность» часто трансформируется в «понимание», определенность – в «уверенность», Тогда как «точность» и «четкость» и «достоверность», «однозначность и ясность», «краткость» и «ясность» нередко переводятся друг через друга (выступают как транслатологические синонимы); любопытно отметить, что слово «неопределенность» более однозначно в переводе, чем «определенность». Для иллюстрации приведем один фрагмент нашего сопоставительного исследования с использованием обратного перевода программы «Гугл-переводчик» с русского на японский и с японского обратно на русский. В списке справа (после обратного перевода на японский и английский) подчеркнуты несовпавшие единицы. Причины несовпадения и их глубина разнообразны, что может составить специальный предмет рассмотрения, разумеется, они

зависят не только от семантики слова в русском языке, но и от их семантики в других языках и особенностей компьютерной программы.

Сложность	Сложность, сложность, сложность
Простота	Простота, простота, простота
Доступность	Доступность, доступность, доступность
Точность	Точность, точность, точность
Ясность	Ясность, ясность, ясность
Понятность	<u>Легко понять</u> , понятность,
Правильность	<u>Верный, верно, верно</u>
Краткость	<u>Краткий</u> , краткость, краткость
Четкость	<u>Определение, определение, определение</u>
Определенность	<u>Безусловно, уверенность, уверенность</u>
Неопределенность	Неопределенность, неопределенность, неопределенность
Стандартность	<u>Стандарт, стандарт, неопределенность</u>
Единообразие	<u>Униформа, единообразие, единообразие,</u>
Однозначность	<u>Ясность, однозначность, без двусмысленности</u>

В лингвистическом плане единицы анализируемого ряда важно дифференцировать на две группы: 1) ориентированные на выполнение локутивной и перлокутивной функции (в указанном выше смысле терминов «локуция» и «перлокуция»), «локутивные» термины обслуживают в первую очередь интенцию законодателя, которая является основной точкой отсчета для их квалификации, 2) для «перлокутивных терминов» точкой отсчета выступают потребности адресата, которые, как было замечено выше, несомненно различаются у профессионального и / или юридически образованного адресата и адресата, не имеющего специального образования. Понятно, что если термин понятен для последнего типа адресата, то он будет понятен и для первого, обратное – необязательно и маловероятно.

Квалификация позитивных качеств юридического языка неотрывна от квалификации их противоположных (зеркальных) свойств – сложности, непонятности, трудности понимания, нечетости и диффузности смысла, неоднозначности и многовариантности выражения. Степень отдаленности слов с негативной оценкой от строгих дефиниций и – соответственно – статуса терминов значительно большая, чем у слов с позитивной оценкой. Наиболее употребительно в этом ряду понятие «сложность». Проблеме сложности юридического языка посвящено немало научных работ, публицистических выступлений политиков, рядовых носителей языка и юристов разных статусов [Алешкова, 2012; Белов, 2019; Кучаков, Савельев, 2018; Пишина, 2000 и др.]. В массовом сознании (не только обыденном, но и в профессиональном) сложилось устойчивое мнение о недоступности

смысла многих юридических текстов или немалых трудностей в их постижении.

Проблема сложности юридического языка и правовых тестов не только метаязыковая или метакогнитивная, она имеет выход в социальную практику, связанную с функционированием правовых текстов в обществе, и экспертную деятельность, связанную с необходимостью привлечения экспертов в ситуации необходимости прояснения спорных случаев интерпретации правовых текстов, в экспертизе законопроектов и в антикоррупционной экспертизе.

С необходимостью решения проблемы сложности юридического языка сталкивались, сталкиваются и, нужно полагать, будут сталкиваться в дальнейшем многие государства. Для решения этой проблемы использовались различные подходы и методы. Применительно к России об этой потребности однозначно сказал В.В. Путин в 2012 г. в статье «Демократия и качество государства»: «Необходимо улучшение языка правотворчества. Его надо сделать если не благозвучным (в древнем мире законы часто писали стихами для лучшего запоминания), то хотя бы понятным для адресатов норм». Обратим внимание на то, что В.В. Путин использует для обозначения позитивного качества правового текста слово «понятный». Понятность – стержневое понятие для дальнейшего рассмотрения проблемы сложности юридического языка, на достижение которого направлен заявленный в начале статьи метод измерения степени сложности правовых тестов.

Перечислим подходы и методы решения названной проблемы, имевшие место в истории права вообще и лингво-юридической техники в частности.

Переформатирование. Волевой способ упрощения сложных текстов. М.А. Кронгауз свидетельствует: «Я в свое время участвовал в проекте, в котором переписывал главу Гражданского кодекса о налогах на понятный язык. В книге параллельно с текстом закона шел его перевод на “русский язык”». Обобщая этот опыт, автор замечает: «Реализовать подобную инициативу будет достаточно сложно. Причина в том, что законов очень много и все они написаны тяжелым для понимания языком. Уже при составлении законопроекта юристы должны сразу консультироваться с лингвистами, чтобы изначально не усложнять язык законов. В 2004 году по просьбе администрации Путина Григорий Остер принял участие в разработке сайта “Президент России гражданам школьного возраста”, писатель понятным и доступным

для детей языком рассказал младшему поколению о политическом устройстве государства и работе всех ветвей власти».

Развитие института посредников. Расширение возможностей консультирования рядовых граждан по юридическим вопросам разумеется, может ослабить напряженность проблемы сложности юридического языка для неспециалистов. Например, путем открытия большого числа консультационных пунктов, в том числе с привлечением студентов юридических вузов. Но степень ослабления неясна, скорее всего, она не может быть значительной из-за дороговизны организации и временных затрат.

Просветительская стратегия. Уменьшить потребность в обращении к посредникам может постепенное юридическое просвещение и образование населения.

Элементы правового образования населения, начиная со школы, существуют в разном статусе и форме в России и сейчас. Например, совсем недавно факультет права НИУ ВШЭ запустил бесплатный курс по правовой грамотности для неюристов. Но в какой мере такие формы обучения приближаются к системному образованию, мы объективно оценить не можем.

Повышение уровня лингвистического образования студентов юридических специальностей и профессиональных юристов, связанных с созданием правовой документации, может, на наш взгляд, способствовать уменьшению удельного веса правовых тестов с пониженной доступностью для рядовых граждан. Особенно значимыми здесь могут быть теория речевых актов (с акцентом на перлокуцию), трактовка интерпретации речевого произведения, по А.А. Потемне – читая текст, адресат воспринимает не тот смысл, который имел в виду автор, он создает свой собственный смысл на основе личных пресуппозиций (ожиданий) и личного опыта, идеи постмодернизма относительно отчуждения текста от автора также могут быть полезны законодателю, равно как и отмеченные выше идеи Саратовской лингвистической школы о вспомогательной роли критерия правильности.

Разъясняющая стратегия. Юридическое комментирование текста законов – один из самых распространенных способов противодействия сложности, неоднозначности и неопределенности

смысла текста закона. Обычно комментарии сопровождают текст закона в виде примечаний, отдельных изданий. Как правило, такие комментарии предназначены для правоприменителя. Не исключено использование их и неспециалистом. Но здесь в любом случае важно учитывать неоднозначное воздействие комментариев на понимание. Ср.: «Следует обратить внимание на то, что ясность текста нормативного правового акта для все (юристов и неюристов) может быть достигнута путем использования казуистического способа изложения текста нормативного правового акта, а это приведет к количественному разрастанию законодательства, его противоречивости, утрате правовой нормой ее абстрактности» [Мирошников, 2000, с. 215]. Заключительная часть цитаты актуализирует важную и не решенную в когнитивной лингвистике проблему воздействия на понимание как расширения, так и сокращения текста (последнее может быть следствием требования краткости текста, которое часто предлагается в целях противодействия его сложности). Ср. исследование Л.Г. Ким на эту тему, в которой доказывается, что «множественность и вариативность интерпретаций адресатом текста детерминируется как неполнотой содержания, так и избыточностью текста»; «в случае неполноты выраженной в тексте информации включаются ассоциативные механизмы интерпретации его содержания, при избыточности информации множественность интерпретаций обусловлена возможностью для адресата “большого выбора” стимулирующих дискурсивных единиц, каждая из которых определяет результат интерпретационного процесса» [Ким, 2020, с. 145]. Совершенно очевидно, что положение Л.Г. Ким является прямым следствием тезиса А.А. Потебни о субъектной роли интерпретатора текста, приведенный нами выше.

Разновидностью юридического комментирования является толкование правового текста непосредственно в тексте закона. Тем самым реализуется принцип *terminus artis ignoratur et ars* – если терминология неизвестна, неизвестен сам предмет. Например, Статья 2. Средства массовой информации, включает дефиниции основных терминов. Ср.: «Для целей настоящего Закона: под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы; под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная

программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием <...>».

Пропедевтический способ толкования воплощен в преамбуле. Преамбула – способ введения читателя в суть закона, в ней сосредоточено изложение сути акта, преамбула расставляет нужные акценты и может служить важным элементом понимания текста закона, это особенно важно для неспециалиста. В преамбуле делается акцент на фиксацию того, что именно получает человек от этого закона. В.М. Баранов подчеркивает, что преамбула выделена из массива сугубо юридического текстового массива, особым стилем: «для нее характерен специфический, торжественный и пафосный язык»; преамбуле свойственны самобытные функции (регулятивно-ориентационная, идеолого-воспитательная, программирующая, учредительная, информационно-познавательная, координационная, ограничительная, профилактическая» [Баранов, 2014, с. 3].

Совершенствование лингвистической экспертизы законопроектов.

Продолжаем линию теоретического рассмотрения различных подходов к выявлению и измерению сложности юридического текста, ориентации этих подходов на позицию текста или субъекта текстовой деятельности (автора или адресата). Обратимся в этой связи еще раз к статье Е.Г. Мирошникова, который справедливо указывает на наличии в признаках сложности и ясности текста как объективной, так и субъективной сторон [Мирошников, 2000, с. 217–221]. Объективная сторона заключена в тексте, «который, хотя и пишется людьми, но после создания становится частью реального мира и существует вне нас и независимо от нас» [Там же, с. 218], субъективная сторона неизбежно возникает в силу того, что текст и создается людьми, и интерпретируется также ими, при этом «мера ясности закона для разных субъектов права не может быть одинаковой (у интерпретаторов разные интеллектуальные возможности)» [Там же, с. 218].

Рассмотрим с этих позиций различные способы экспертирования текста законопроектов, применяемые на практике, с точки зрения их предназначения для совершенствования правовой коммуникации, в первую очередь - с точки зрения отношения этих способов к потребностям адресата, то есть с позиций перлокутивной функции правовой коммуникации.

Традиционная лингвистическая экспертиза текста законопроектов носит локутивный характер и направлена на приведение текста к соответствию конвенциональным нормам. Основная презумпция такой экспертизы по отношению к адресату и таких свойств текста, как доступность и понятность текста – если написано правильно, в соответствии с требованиями – то априори означает: понятно и доступно. В официальном документе «Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания от 6 августа 2013 г. “<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/> зафиксированы такие основные положения и частные рекомендации официально утвержденной лингвистической экспертизы законопроектов, которые призваны обеспечить конвенциональную правильность текста законопроекта. Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов». Эти нормы в цитируемом документе перечислены и распределены по рубрикам: «Требования к языку и стилю законопроекта», «Анализ и оценка точности выбора терминов и лексической сочетаемости слов». «Требования к синтаксису (Анализ и оценка предложений)», «Логика изложения правовых норм». «Требования к оформлению структурных элементов статей законопроекта», «Технологические этапы лингвистической экспертизы законопроекта». Последняя рубрика завершается положением: «Таким образом, технологическими этапами лингвистической экспертизы законопроекта являются редактирование законопроекта, его двойная корректорская вычитка, сверка вариантов текста после их исправления, контрольное чтение законопроекта». Специального, эксплицитно выраженного, акцента на преодоление излишней сложности, на достижение доступности и понятности текста адресатом в приведенных рекомендациях не делается, хотя бесспорно, что имплицитно он предполагается.

В приведенном выше способе, который мы обозначили термином «Переформатирование», оценка излишней сложности текста осуществляется интроспективно – путем обращения эксперта к своей языковой интуиции. Эксперт таким образом осуществляет мысленный эксперимент, встав на позицию адресата, оценивающего уровень понятности текста и осуществляющий на этой основе

перформативное («переписывание») текста, которое М.А. Кронгауз назвал «переводом на русский язык». Слово «перевод», употребленное в переносном значении, важно для дальнейшего сюжета доклада, в котором слово «перевод» далее употребляется в прямом смысле, как перевод с одного языка на другой.

«Большой интерес для лингвистической экспертологии представляют исследовательские работы, в которых сложность текста оценивается не на конвенциональных критериях, а на критериях объективных (в гносеологическом смысле – объективистских), заключенных в самом тексте, и правоприменения, снижения затрат времени на восприятие правовых норм, улучшения качества правовых актов» [Савельев, 2020, с. 50], имеют практический выход в законодательную практику; данный тезис теоретически увязывается с возможностью получения перлокутивного эффекта: «Для качественной правореализации недостаточно только факта официального опубликования нормативных актов. Важна ясность правовых текстов, доступность их для понимания. Лингвистическое и юридическое качество текста взаимосвязаны. Создание качественного текста будет способствовать более четкому формулированию идей, заложенных в правовой или судебный акт» [Там же, с. 50].

Таким образом представленные выше способы экспертной оценки сложности, доступности правового текста могут быть квалифицированы как опосредованно перлокутивные.

Непосредственно перлокутивные способы направлены на прямую апелляцию к результатам интерпретационной деятельности адресата и выведения из них квалификации уровня смысловой сложности текста.

Таким способом может стать направленный эксперимент – опрос носителей языка по поводу текста с вопросами типа: «Понятен ли Вам смысл данного правового акта»? (или «Как Вы поняли цель данного правового акта?»); «Каким образом в правовом акте предполагается достижение цели?» Примеры такого опроса по поводу смысла статьи 47.2 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» представлены в нашей статье [Голев, 2019]. Количественная обработка ответов позволяет ответить на вопрос, нуждается ли текст в доработке в плане его понятности и доступности. В указанном примере ответ был отрицательный. Проведя цикл такого

рода опросов, мы оценили данный способ как недостаточно надежный, с наличием элементов субъективности и главное – как трудоемкий. Хотя как вспомогательный и верифицирующий по отношению к другим способам он, на наш взгляд, вполне применим.

Наша целевая установка на выработку более объективной перлокутивной методики измерения сложности текста привела нас к идее использования результатов обратного машинного перевода (ОМП) как показателя смысловой сложности текста. В дальнейшем она была дополнена идеей применения компьютерных программ сравнения текстов на схожесть (ПСТС), позволяющих ответить в конкретных количественных показателях (процентах) на вопрос, на сколько процентов переводный текст отдален от формы и смысла исходного текста. Если этот процент высок, то это дает сигнал для совершенствования текста законопроекта. Этот общий посыл может быть конкретизирован частными сигналами: программы сравнения текстов на схожесть указывают точки несовпадения. Применительно к юридическому тексту назвали несовпадающие фрагменты сигналами напряженности между планом выражения и планом содержания текста законопроекта. Работая с ними, можно достичь увеличения процента схожести исходного (уже измененного) текста и таким образом получить улучшенный (с компьютерной «точки зрения») вариант текста законопроекта. Таким образом, предлагаемый нами способ является специфическим форматом измерения текста извлечения из самого текста информации о степени его сложности, о котором сказано выше. Одновременно мы рассматриваем его как способ большего приближения к перлокуции, так как реакция компьютерной программы на смысл текста является подобной реакции человека – среднестатистического читателя. Идея такой технология возникла у докладчика недавно, некоторые первичные результаты апробации данной технологии представлены в публикации [Голев, 2019].

Преумпционное основание такой методики – относительное уподобление перевода и понимания, переводимости и понятности текста. Соотнесение перевода и понимание являются интерпретационной деятельностью, приводящей к созданию вторичных текстов. Вторичный текст является отражением первичного в разных отношениях, в том числе смысловом. Переводный является одним из форматов вторичного текста, см. об этом нашу статью «Изложение. Пародия, перевод...К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов». [Голев, Сайкова, 2000]. Спроецируем положения этой статьи на решаемые в

трансляционном эксперименте задачи на примере изложения. Скажем, учитель, проверяя результаты изложение в котором изначально было задание изложить исходный текст, сохраняя его смысл, обнаружит, что с одним из фрагментов многие ученики справляются хуже, то у учителя есть все основания полагать, что причина не в учениках, а в том, что «трудный фрагмент» содержит «трудность» в себе самом. Таким же образом, трудности, испытываемые переводчиком (в том числе машинном) являются сигналом смысловой осложненности текста. Сформулированные посылки приводят к гипотезе, которую мы предлагаем назвать «Транслатологической гипотезой понятности текста». Ее формула: «Шкалы степени переводимости /непереводимости текста и степени его сложности /понятности коррелятивны и находятся в прямопропорциональных отношениях» – чем сложнее в формально-смысловом отношении текст, тем ниже степень его переводимости, и наоборот. Исходя из этого тезиса, полагаем, что нарушения смысловой эквивалентности, фиксируемой ОМП, могут квалифицироваться как сигналы затруднений, которые могут испытывать читатели данного текста.

Рассмотрим в таком аспекте раздел 8. Водного кодекса РФ (Статья 6. Водные объекты общего пользования: «Каждый гражданин вправе пользоваться (без использования механических транспортных средств) береговой полосой водных объектов общего пользования для передвижения и пребывания около них, в том числе для осуществления любительского рыболовства и причаливания плавучих средств»).

После перевода на английский язык и обратного перевода на русский статья при обрела такой вид, ПСТС (<https://ciox.ru/>) указала, что тексты схожи на 35% и выделила несовпадающие лексические фрагменты (они подчеркнуты).

«Каждый гражданин имеет право использовать (без использования механических транспортных средств) прибрежную полосу общественных водных объектов для передвижения и стоянки вокруг них, в том числе для осуществления любительского рыболовства и швартовки плавсредств». Полагаем, что для лингвистической экспертизы подчеркнутые слова являются сигналом для анализа. Слово «вправе» является предметом активного обсуждения в методических указаниях по антикоррупционной экспертизе; возможно, что анализ покажет, что «береговой» дает чрезмерно расширительный смысл по сравнению с «береговой»; «стоянка» и «пребывание» явно не

равнозначны по содержанию и объему понятия, так же как и объект общего пользования» и «общественные объекты». ОМП дает сигнал на рассмотрение слова «причаливание», которое компьютер передал словом «швартовка» (рискнем предположить, что этот сигнал будет признан экспертом ошибочным).

Таким образом предложенный метод подтверждает наблюдение специалиста: «В действующем Водном кодексе РФ наблюдается существенный языковой пробел, влекущий вслед за собой правовой. <...> Такая ситуация приводит к тому, что как государственные служащие, так и водопользователи сталкиваются с различными проблемами: присвоение статуса водному объекту, определение собственника водного объекта, выдача разрешительных документов, осуществление контроля и надзора за использованием и охраной водных объектов» [Шикалева, с. 125].

The conducted theoretical analysis showed the ambiguity of the problem of semantic complexity / accessibility of legal texts, the presence of different points of view on it. The ambiguity is determined not only by subjective, but also by objective reasons, first of all, it is due to the complex structure of legal communication, the presence in it of various subjects with different statuses and interests. These subjects include legislators and addressees-consumers, among the latter, the points of view of a professional lawyer and that of an ordinary law-abiding citizen differ significantly. The position of the latter is rarely considered in the legal literature. Our research focuses primarily on this position. In this aspect, the concepts of complexity and accessibility of a legal text and ways of overcoming excessive complexity are theoretically considered. At the same time, special attention is paid to expert methods of identifying it and linguistic counteraction. Examinations with a direct perlocutionary focus are considered in more detail.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешкова Н. П.* Дополнительное правотворчество как результат мониторинга правоприменительной деятельности // *Lex Russica*. 2012. № 6. С. 1232–1247.
2. *Баранов В. М.* Преамбула нормативного правового акта (доктрина, практика, техника). – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.
3. *Белов, С. А.* Язык юридических документов: сложности понимания / С. А. Белов, В. Б. Гулида. – СПб.: Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2019. – № 15 – С. 56–103.

4. *Голев Н.Д.* Выявление и описание сигналов напряженности плана содержания и плана выражения текстов законопроекта: экспериментальный проект (к постановке проблемы) // В книге: Актуальные вопросы науки и техники: проблемы, прогнозы, перспективы. Сборник тезисов национальной конференции. Под общей редакцией И.С. Морозовой, И.А. Короткого. 2019. С. 8–14

5. *Голев Н.Д., Сайкова Н.В.* Изожение, пародия, перевод. Деривационная интерпретация вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса. Барнаул, 2001.

6. *Ким Л.Г.* Неполнота и избыточность информации как факторы множественности интерпретаций рекламного текста // Язык. Право. Общество Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020 с. 145–148.

7. *Кучаков Р., Савельев Д.* Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов. Под редакцией Дмитрия Скугаревского (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). СПб: ИПП ЕУСПб, 2018

8. *Мирошников Е.Г.* Ясность и точность как требования к языку закона // Проблемы юридической техники. Сб. статей / Под ред. В.М, Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 212–220.

9. *Пишина С.Г.* Интерпретационные ошибки, возникающие при осуществлении грамматического способа толкования // Проблемы юридической техники. Сб. статей / Под ред. В.М, Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 249 – 256.

10. *Савельев Д.А.* Право. Журнал Высшей школы экономики исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации. 2020. № 1. С. 50–74.

11. *Шикалева, П. В.* Понятия «Пруд» и «Водоохранилище» в Водоемном праве России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 125– 127.

COMPLEXITY VS ACCESSIBILITY AND COMPREHENSIBILITY OF THE LANGUAGE OF THE LAW AS A THEORETICAL AND EXPERT PROBLEM

*Kemerovo State University, 6, Krasnaya St,
650000, Russian Federation*

The conducted theoretical analysis showed the ambiguity of the problem of semantic complexity / accessibility of legal texts, the presence of different points of view on it. The ambiguity is determined not only by subjective, but also by objective reasons, first of all, it is due to the complex structure of legal communication, the presence in it of various subjects with different statuses and interests. These subjects include legislators and addressees-consumers, among the latter, the points of view of a professional lawyer and that of an ordinary law-abiding citizen differ significantly. The position of the latter is rarely considered in the legal literature. Our research focuses primarily on this position. In this aspect, the concepts of complexity and accessibility of a legal text and ways of overcoming excessive complexity

are theoretically considered. At the same time, special attention is paid to expert methods of identifying it and linguistic counteraction. Examinations with a direct perlocutionary focus are considered in more detail.

Keywords: complexity, accessibility, clarity, legal language, perlocutionary expertise, draft law.

Контактная информация:

Голев Николай Данилович – профессор кафедры русского языка и литературы;
ngolevd@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ АКСИОМ, ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ И ОБЫЧНЫМИ ГРАЖДАНАМИ

В статье анализируется восприятие аксиом, презумпций и фикций в праве профессиональным сообществом и обычными гражданами. Для изучения отношения обычных граждан к указанным явлениям рассматривается возможность их применения в различных науках и повседневной жизни. Указывается, что все они являются универсальными категориями. Подчеркивается их положительное значение. Раскрываются их функции в праве и их отличительные признаки, по которым их следует ограничивать друг от друга, а также от негативных фиктивных явлений для формирования положительного отношения к ним. Делается вывод о том, что исследуемые явления в праве профессиональное сообщество и обычные граждане, по сути, воспринимают одинаково. Аксиому как истину, ценность, презумпцию – как что-то необычное, но полезное, а фикцию часто отождествляют с обманом и негативными фиктивными явлениями, хотя в действительности фикция ими не является, а тоже имеет положительное значение.

Ключевые слова: аксиома, презумпция, фикция, истинность, вероятность, ложность.

Аксиомы, презумпции и фикции являются универсальными категориями, применяемыми не только в праве, но и в других науках, а также в повседневной жизни и везде играют важную роль, поэтому относительно них сложилось устойчивое мнение как у юристов, так и у представителей иных профессий. А все более частое их использование в тексте нормативно-правовых актов актуализирует исследование указанных явлений.

Аксиома – это «исходное, принимаемое без доказательств положение какой-либо теории, лежащее в основе других ее положений» [1].

Аксиома применяется в математике, логике, физике, философии, социологии, праве и других науках. Каждый с детства знает, что аксиома – это истина, не требующая доказательств.

Примерами правовых аксиом являются фундаментальные положения, выработанные практикой общественного развития, на

которых основывается вся правовая система и которым не должны противоречить правовые нормы: «законы созданы для того, чтобы более сильный не стал всемогущим», «преступление влечет за собой человека», «общее правило надлежит и понимать общим образом», «объективная действительность важнее субъективного мнения», «естественная справедливость предпочтительнее строгости права» [2, с. 25] и другие.

Поэтому к аксиоме и в обыденном, и в профессиональном правосознании сложилось положительное отношение как к истине, идеалу, культурно-исторической ценности, отражающей ход развития человечества, служащей очень важным ориентиром, средством социализации людей и оказывающей на них воспитательное воздействие, а также благотворно влияющей на всю правовую систему в целом и способствующей ее совершенствованию.

К фикции же, в отличие от аксиомы, у обычных граждан и у многих юристов сформировалось отрицательное отношение в связи с ассоциациями фикций с обманом, поскольку она часто определяется как «намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности, а также вообще подделка» [3].

И в обыденном, и в профессиональном правосознании фикции часто отождествляются с негативными фиктивными явлениями, существующими в праве. Таковыми являются фиктивные состояния (фиктивный брак, фиктивный развод, фиктивное усыновление), фиктивные действия (фиктивное банкротство) и фиктивные нормы (нормы, не реализующиеся на практике). Фиктивные состояния и фиктивные действия направлены на обход закона с целью достижения определенных целей путем выдачи несуществующего за действительное. Фиктивность правовых норм обусловлена либо несоответствием самой нормы общественным отношениям, для регулирования которых она установлена, либо отсутствием механизмов для ее реализации [4, с. 5].

Полагаем, не следует отождествлять фикцию с негативными фиктивными явлениями, так как ее способность объявлять существующим несуществующее и наоборот оказывается полезной как в праве, так и в других сферах общественной жизни и как средство рационализации определенных правил имеет положительное значение.

Например, в математике для доказывания теоремы заведомо ложное признают истинным (доказательство от противного), в

экономике – ценность денег искусственно приравнивается к ценности товара [5, с. 15], фикцию также иногда используют в следующих случаях: при установлении правил оплаты публикации статей – в некоторых журналах стоимость рассчитывается за страницу, при этом менее половины страницы вообще не учитывается, а более ее половины считается за полную страницу; при закреплении правил участия во многих акциях, проводимых торговыми сетями, накопления и использования бонусных баллов для получения скидки при покупке определенных товаров; при составлении правил для настольных игр (например, правила подсчета очков, заработанных игроками).

Существует множество различных определений правовой фикции, обзор которых не является предметом данной статьи. По нашему мнению, правовая фикция – средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах закрепляется заведомо ложное неопровержимое положение, применяемое при наличии условий, установленных в законе, определенным образом деформирующее (корректирующее) действительность в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

Фикция в праве (правовая фикция) является незаменимым средством, способным не только объявлять существующим несуществующее и наоборот, но и признавать факты возникшими раньше или позже того, чем это было в реальности, а также приравнивать друг к другу различные и даже противоположные объекты и отношения [6, с. 345], в этом проявляется коррекция действительности, осуществляемая ей.

Правовая фикция применяется во всех отраслях права с целью охраны различных интересов. Например, для охраны интересов усыновленного ребенка в ч. 1 ст. 135 СК РФ [1] закреплена фикция, позволяющая изменить дату и место рождения усыновленного ребенка, в ч. 1 ст. 136 СК РФ – фикция, позволяющая суду «принять решение о записи усыновителей в книге записей рождений в качестве родителей усыновленного ими ребенка», в ч. 1 ст. 137 СК РФ – фикция, приравнивающая в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях усыновителей и усыновленных детей к родственникам по происхождению. В ч. 5 ст. 34 УК РФ [2] в целях учета общественной опасности лиц, совершивших преступление закреплена правовая фикция, приравнивающая оконченные деяния соучастников к приготовлению к преступлению или покушению на

преступление в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам. В ст. 118 ГПК РФ [3] для обеспечения нормального хода судопроизводства содержится фикция, признающая лицо, участвующее в деле, надлежащим образом извещенным, даже если оно не проживает или не находится по последнему известному суду адресу и не сообщило о перемене своего адреса во время производства по делу.

Существует мнение, что хотя фикции – ложные суждения, а аксиомы – истинные, они не всегда верно отражают действительность (и в этом случае имеют схожесть с фикциями), так как являются правовыми идеалами, результатом принятия желаемого за действительное [7, с. 56].

Полагаем, что они выступают моделями определенных юридических фактов, которые как бы «вынесены за скобки» правовой действительности, так как отражают не то, что есть, а то, что должно быть, чтобы правовое регулирование было качественным и интересы субъектов правоотношений были защищены, поэтому правильнее говорить не о том, насколько аксиомы соответствуют действительности, а о том, насколько аксиомам соответствуют правовые нормы, через которые они должны реализовываться на практике.

Однако ввиду сложности претворения аксиом в жизнь некоторые ученые, не разграничивающие понятия «фикция» и «фиктивная норма», относят определенные аксиомы к фикциям. Например, О.В. Танимов считает, что аксиома, содержащаяся в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ [4], закрепляющей равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств, является негативной фикцией (отрицающей реально существующие обстоятельства) [5, с. 180].

Такая позиция является следствием того, что аксиомы часто закрепляются законодателем в декларативных нормах конституционного права, которые иногда относят к фиктивным нормам как к не реализующимся на практике [8, с. 51].

Представляется, что не следует отождествлять указанные виды норм, поскольку декларативные нормы, в отличие от фиктивных, не противоречат общественным отношениям, для регулирования которых они установлены, и имеют (пусть не всегда полные и хорошо проработанные) механизмы реализации и, несмотря на существующие проблемы, все-таки воплощаются в жизнь.

Назначение правовых аксиом, а следовательно, и декларативных норм, в которых они содержатся, состоит именно

в закреплении правовых идеалов в качестве фундамента и вектора для всех последующих правовых норм данной правовой системы, поэтому некорректно говорить о том, что идеал не соответствует действительности, к нему нужно стремиться, постоянно совершенствуя законодательство.

Противоположные подходы по данным вопросам приводят к смешению рассматриваемых понятий как в профессиональном, так и в обыденном правосознании и, как следствие, к возрастанию нигилизма в российском обществе (то есть «отрицательного отношения к действующему праву, осознанного игнорирования требований закона без преступного умысла» [9, с. 8]), поэтому их обязательно нужно разграничивать между собой.

Презумпция же воспринимается профессиональным сообществом и обычными гражданами как необычное, но полезное явление.

Презумпция как «признание вероятного факта за достоверный, пока он не будет опровергнут» [10] используется не только в праве, но и других различных науках. Например, в психиатрии [11, с. 107], биологии [12, с. 436], философии [13, с. 436], языкознании [14, с. 81] и других.

Презумпции могут также формироваться и использоваться в повседневной жизни (например, зная характер и привычки какого-то человека, можно с вероятностью предположить его поведение в конкретной ситуации, опираясь на свой опыт общения с ним).

Презумпция активно используется во всех отраслях права. Для обычных граждан восприятие и понимание правовых презумпций как предположений, которые считаются истинными, пока не доказано обратное, облегчает существование общеизвестной презумпции невиновности, согласно которой «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ).

По нашему мнению, правовая презумпция – это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах закрепляется вероятное предположение, которое считается истинным, если доказаны определенные факты, установленные законом, и пока не доказаны факты, его опровергающие, применяемое в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства).

Например, презумпция отцовства (ч. 2 ст. 48 СК РФ) установлена в целях охраны интересов ребенка, презумпция потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной или иной деятельности (ст. 3 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [5]) установлена в целях охраны права каждого на благоприятную окружающую среду (то есть фактически в целях охраны интересов всего общества), презумпция добросовестности и разумности действий конституционных органов закреплена в целях охраны интересов государства. Полагаем, упрощение судопроизводства, осуществляемое с помощью правовых презумпций (например, с помощью презумпции признания факта, для выяснения которого была назначена экспертиза, установленным или опровергнутым в случае уклонения стороны от участия в ней – ч. 3 ст. 79 ГПК РФ) тоже можно рассмотреть в качестве охраны различных интересов (личности (стороны, которая не уклоняется от участия в экспертизе), общества и государства).

Таким образом, правовая презумпция и правовая фикция схожи в том, что являются средствами юридической техники, которые компенсируют недостаток фактической информации, обеспечивают нормальный ход судопроизводства, защищают интересы личности, общества и государства, но отличаются друг друга, главным образом, тем, что презумпция – это вероятное предположение, а фикция – заведомо ложное утверждение.

Для формирования положительного отношения к праву в целом и данным средствам в частности их следует разграничивать между собой.

Например, презумпцию знания закона многие исследователи (Т.В. Кашанина [15, с. 202], О.В. Плюснина [16, с. 57], А.В. Демин [17, с. 254] и другие) и обычные граждане относят к фикциям, так как невозможно знать все законы и эта презумпция опосредуется возможностью каждого знакомиться с опубликованными нормативно-правовыми актами, а не фактическим знанием закона.

Представляется, что данное положение является презумпцией, так как обладает определенной степенью вероятности, исходя из ее практического применения (в отношении конкретного человека и определенного нормативно-правового акта в рамках конкретного дела).

Поэтому ее необходимо переименовать в «презумпцию возможности ознакомления с опубликованным нормативно-правовым актом» в целях соответствия названия ее содержанию, что будет способствовать преодолению правового нигилизма в российском обществе, как и разграничение правовых презумпций и правовых фикций в целом и отграничение правовых фикций от негативных фиктивных явлений, существующих в праве.

Таким образом, рассматриваемые явления в праве профессиональное сообщество и обычные граждане, по сути, воспринимают одинаково.

Для правильного их понимания и положительного отношения к ним необходимо их отграничивать друг от друга и от фиктивных явлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Семейный кодекс РФ: федеральный закон от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ: принят ГД ФС РФ 8 декабря 1995 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[2] Уголовный кодекс РФ: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ: принят ГД ФС РФ 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Гражданский процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят ГД ФС РФ 23 октября 2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

[4] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[5] Об экологической экспертизе: федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ // Российская газета. 1995. № 232.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философская энциклопедия. <https://rus-philosophicaenc.slovaronline.com/1413-АКСИОМА>

2. *Бойко А.И.* О презумптивной оснастке уголовного права // *Философия права.* 2008. № 2. С. 23–28.

3. Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/257406>

4. *Панько К.К.* Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменения): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08, 12.00.09 / Панько Кирилл Константинович. Воронеж, 1998. 233 с.

5. *Танимов О.В.* Теория юридических фикций: монография / отв. ред. д.ю.н., проф. Т.В. Кашанина. М.: Проспект, 2016. 225 с.
6. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2013. 592 с.
7. Юридическая техника: учебное пособие / В.П. Кузьмин, С.Ю. Симорот, Е.В. Хадыкина. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 129 с.
8. *Курсова О.А.* Фикции в российском праве: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Курсова Оксана Александровна. Н. Новгород, 2001. 193 с.
9. *Баранов П.П., Овчинников А.И.* Концептуальные приоритеты теории правосознания // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 5 (24). С. 5–11.
10. Словарь иностранных слов русского языка https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/29113/ПРЕЗУМПЦИЯ
11. *Первомайский В.Б.* Презумпции в психиатрии // Первомайский В.Б. Судебно-психиатрическая экспертиза: статьи (1989-1999). Киев: Сфера, 2001. С. 107–117.
12. *Павлинов И.Я.* О значении презумпций в филогенетике (по поводу статьи Ю.А. Песенко «Филогенетические презумпции...») // Журнал общей биологии. 2005. N 5. Т. 66. С. 436-441.
13. *Смирнова Н.М.* Кантианские презумпции феноменологического конструктивизма // Эпистемология & философия науки. 2008. N 2. Т. XVI. С. 33-49.
14. *Серолян А.С.* Презумпция православной семантики в интерпретации текстов русской словесности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2010. № 5. С. 81–84.
15. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. 2 изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М., 2011. 496 с.
16. *Плюснина О.В.* Юридические аксиомы и фикции // Вестник КГТУ. Государство и право: вопросы теории и практики. № 1. С. 56–59.
17. *Демин А.В.* Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. 438 с.

ON THE QUESTION OF THE PERCEPTION OF AXIOMS, PRESUMPTIONS AND FICTIONS AS ELEMENTS OF LEGAL INFORMATION BY THE PROFESSIONAL COMMUNITY AND ORDINARY CITIZENS

Olesya E. Zatsepina

Altai State University,
68, Socialistic, Barnaul, 656049, Russian Federation

The article analyzes the perception of axioms, presumptions and fictions in law by the professional community and ordinary citizens. To study the attitude of ordinary citizens to studied phenomena, the possibility of their use in various sciences and everyday life is being considered. It is indicated that they are all universal categories. Their positive significance is emphasized. Their functions in law are revealed and their distinctive features, according to which they should be delimit from each other and from negative fictitious phenomena in order to form a positive attitude to them. It is concluded that the studied phenomena in law are

perceived by the professional community and ordinary citizens in the same way essentially. Axiom as truth, value, presumption - as something unusual but useful, and fiction is often identified with deception and negative fictitious phenomena although in reality fiction is not them but also has a positive significance.

Keywords: axiom, presumption, fiction, truth, probability, falsity.

Контактная информация:

Зацепина Олеся Евгеньевна – соискатель;

zatsepina.olesya@yandex.ru

А. В. Иркова

*Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово,
ул. Красная, 6*

ТИПОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АСПЕКТЕ СЛОЖНОСТИ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности типологии юридических терминов в аспекте сложности языка. Степени юридизации связаны с процессом постепенного формирования правовой семантики общенародной лексики. Материалом для исследования послужили слова и фразы статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации «Защита чести, достоинства и деловой репутации граждан». Обосновано, что в естественном языке присутствуют предпосылки для спонтанной юридизации (легализации) лексики. В синхронном плане показано, что текст закона включает в себя неоднородный набор лексических единиц языка (от национальной лексики до терминологических единиц). Взаимодействие различных дискурсов является одним из основных механизмов развития и взаимного влияния концептуального и системно-лингвистического уровней содержания термина. Проведенное исследование показывает, что диахронический дискурсивно-семантический анализ народной лексики позволяет увидеть и зафиксировать различные степени терминологичности слов. Задействованы комплексы различных смыслов слов для интерпретации современных значений лексем юридических текстов. Промежуточной стадией юридического термина признается стадия «застывшей диахронии» слова как синхронного сосуществования значений, предшествующих юридическому термину. Предложен метод непрерывного (сплошного) лексикологического анализа правовой лексики, результаты которого могут быть применены при лингвистической, перлюкутивной и антикоррупционной экспертизах спорных юридических текстов.

Ключевые слова: юридические термины, предтермины, перлюкутивная экспертиза, антикоррупционная экспертиза, юрислингвистика, «простой» язык.

1. Введение

Доступность правовой информации для рядовых носителей языка неразрывно связана с проблемами толкования текста закона. Проблема сложности языка законодательства и юридических текстов является не только метаязыковой или метакогнитивной, но и имеет весомый вклад в социальную практику. Она связана с

функционированием правовых текстов в обществе, с необходимостью привлечения экспертов для разъяснения спорных случаев толкования юридических текстов при рассмотрении законопроектов и проведении антикоррупционной экспертизы.

Требования к языку нормативных правовых актов так или иначе накладываются на вопросы «простого» языка. Перечень требований к тексту закона со стороны законодателя, в частности, содержит требования, предполагающие учет интересов адресата, в том числе рядового гражданина. Среди них частотны отсылки на идеальные качества, такие как ясность, доступность, а иногда и ясность. Эти понятия в теоретическом плане широко определяются в терминах общего языка и редко становятся предметом конкретных исследований. В данной статье читателю представлены выявленные закономерности феномена эволютивной юридизации русской общенародной лексики, что приводит к формированию юридического термина. Стихийная юридизация естественного языка отличается от условной (договорной) юридизации термина, приобретающего легитимность в результате законодательного акта [Голев, Иркова, 2018; Иркова, 2019]. Подобного рода процесс предусматривает немедленное вхождение термина в сферу юридического языка, лексику ограниченного употребления.

Термин «юридизация» обозначает самое общее и широкое понятие юриспруденции – приобретение каким-либо социальным явлением юридического статуса. Юридизации могут подвергнуться экономические, политические, имущественные, моральные отношения, которые изначально не регулировались правом, но затем юридизировались.

Когда мы говорим о юридизации лексики и юридических терминов, имеем в виду только те термины, которые составляют тексты закона. Научная терминология юриспруденции – это функциональная область, отличная от лексики. Конечно, научная сфера является значимым источником законодательных терминов. Часто научная литература выступает в качестве посреднического звена в процессе юридизации общенародной лексики, этапа ее формализации. При этом юридический язык не может быть отделен от естественного языка не только по генетическим причинам, но и по синхронно-функциональным причинам [Голев, 2000; Голев, 2012; Голев, Иркова, 2020].

Это обстоятельство, представляется, является как сильной, так и слабой стороной юридического языка. Последний пункт был отмечен

А.А. Леонтьевым и его коллегами в работе «Понятие чести, достоинства оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой коммуникации» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации..., 2004]. Кроме того, авторы утверждают, что «число конфликтов растет, как говорится, не по дням, а по часам. И буквально в каждом вопросе о содержании понятий, перешедших из обыденного языка в язык юридических документов, является едва ли не определяющим. Впрочем, следует оговориться: должен был бы являться определяющим, ибо о сути спора невозможно судить, если стороны вкладывают разный смысл в используемую терминологию» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации..., 2004, с. 4]. Последняя позиция является базовой для темы «Юридизация общенародной лексики русского языка» и главной для настоящей статьи. Авторы этой книги рассматривают в очерченном аспекте некоторые термины юрисдикции закона о защите нематериальных благ личности: честь, достоинство, деловую репутацию, престиж и доброе имя. Первый вопрос, поднятый авторами, указывает на основную проблему в применении этого закона: «Четко ли определены в текстах права основные понятия, такие как “честь”, “достоинство”, “клевета”, “оскорбление”, “унижение чести и достоинства” и пр.» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации..., 2004, с. 11].

Так, рассматривая дефиницию оскорбления в ст. 130 УК РФ, в котором оскорбление определяется как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме», авторы останавливаются на факте неопределенности представления понятия «неприличная форма», которое дает комментарий к статье 130, и иронически замечают – «лучше бы не давал» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации..., 2004, с. 15]. Мы подробно остановились на книге, так как наше исследование основано на этом материале: словах с корнями чест-, добр-, гражд-.

Отсутствие четкой границы между правовой и общенародной лексикой отражено в другой фундаментальной для юридической лингвистики работе – учебном пособии Анатолия Николаевича Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» [Баранов, 2013]. Его автор ввел противопоставление юридически определенных и лингвистически определенных терминов [Баранов, 2013, с. 20]. Автор иллюстрирует это следующим примером: «В федеральном законе “Об авторском и смежных правах” дается определение понятий

автора («физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение»), фонограммы (любая исключительно звуковая форма запись исполнения или иных звуков), экземпляра произведения («копия произведения, изготовленная в любой материальной форме). При этом отсутствуют определения таких понятий, как оригинальное произведение, самостоятельное произведения, переработка произведения». [Баранов, 2013, с. 20]. Мы принимаем эту оппозицию в качестве основной для нашего исследования. Логика данной статьи предполагает введение положений, развивающих идею Анатолия Николаевича Баранова: 1) любой текст закона состоит из терминов обеих групп в их различных пропорциях, что существенно обуславливает «эффективность» закона. Наличие большого количества «лингвистически определяемых терминов» создает препятствия для однозначного понимания текста закона, который часто становится предметом антикоррупционной экспертизы; 2) между двумя полюсами, отмеченными Анатолием Николаевичем Барановым, существует множество промежуточных типов, сочетающих в себе свойства обоих, и группа лингвистически определенных терминов также состоит из множества лексических единиц и словосочетаний, расположенных на разной степени удаленности от юридического ядра, включая единицы, которые не являются терминами, например служебные слова, местоимения, числительные и другие слова русского языка из общенародного лексикона.

Слова общей лексики, которые проникают в юридические тесты и до этого функционируют в контекстах с общим правовым содержанием, подлежат юридизации [Шикалева, 2011; Шарангия, 2013; Федюковский, 2014]. Сюда относятся не только лексемы с ярко выраженными морально-этическими смыслами, такие как «честь», «гражданственность» и многие другие, но и различные служебные слова: союзы, частицы и так далее. Так, даже синтаксические конструкции и знаки пунктуации получают свою «особость» в правовом контексте.

Сплошной лексикологический анализ, предложенный нами, имеет практическую значимость. Он связан с экспертизой текстов законопроектов на их доступность, ясность и однозначность толкования. Названные категории правовой коммуникации всецело зависят от соотношения общенародной семантики и юридических смыслов тех слов, которые составляют текст закона.

Общепризнано, что в любой среде общества как для отдельных людей, так и для бизнеса ценность незапятнанной репутации велика. Правовое регулирование нематериальных благ всегда было предметом

дискуссий как в России, так и за рубежом. Честь, достоинство и деловая репутация – это охраняемые законом социальные блага, нарушение которых наносит серьезный ущерб свободе действий и общественному положению, создавая неблагоприятное впечатление.

Верховный суд Российской Федерации в обзоре по практике рассмотрения судами в 2010–2015 годах дел о защите чести, достоинства и деловой репутации [1] выявил, что, по статистике, в среднем 5000 дел в год рассматриваются в судах общей юрисдикции и 800 дел – в арбитражных судах, разрешающих споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Только 30% исков о защите чести и достоинства в настоящее время удовлетворяются в судах по названной группе дел. Это одна из самых сложных категорий споров из-за отсутствия единой судебной практики и конкретных доказательств. В большинстве случаев истцы не могут выиграть дело.

В связи с этим интересна специфика процесса эволютивной юридизации, которая демонстрирует движение семантики общенародного слова к статусу юридического термина. Таким образом эволюционная юридизация лексики как диахронический процесс проецируется в синхронную типологию терминов, образующих системный срез лексики текста закона в параметре степеней их юридизированности.

2. Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили слова и словосочетания из статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации «Защита чести, достоинства и деловой репутации граждан» [2]. Дискурс-анализ является фундаментальным для предлагаемого исследования. Лексемы с корнем чест- рассматриваются в аспекте эволютивной юридизации (историко-диахронический аспект). Привлекается новая методика сплошного (системного) лексикологического анализа текста закона.

3. Обсуждение результатов исследования

Предлагаемый непрерывный (сплошной) лексикологический анализ связан с изучением текстов законопроектов на предмет их доступности, ясности и двусмысленности толкования, а также с антикоррупционной экспертизой. Идентификация этих параметров

принципиально важна при проведении антикоррупционной экспертизы, в которой выявляются зоны и точки, порождающие неопределенность смысла [Алешкова, 2012; Афанасьев, 2016; Барабаш, 2015; Барциц, 2010; Копачев, 2010; Кудашкин, 2010; Муртазина, 2010; Родионова, 2010; Кабанов, 2013; Тухватуллин, 2019]. В этом плане «недоюридизированность» представляет собой коррупциогенный фактор, что отражено в ряде официальных документов. Так, современный этап борьбы с коррупцией обозначил Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3]. Согласно данному закону, антикоррупционная экспертиза – это правовая проверка нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения. В инструкции по проведению экспертизы проектов нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96. В числе коррупциогенных факторов в нем назван следующий – «юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» [4].

В представленном аспекте предложена классификация лексических единиц текста закона по степени их «юридизированности». Классификационная схема формируется служебными словами, местоимениями, комплексами и связками с элементами юридического содержания, словами и связками общей лексики, околоюридическими лексемами, предтерминологическими лексемами и словосочетаниями, а также юридическими лексемами и словосочетаниями, номенклатурной лексикой.

3.1. Диахронный аспект анализа эволютивной юридизации лексики

Эволютивная юридизация лексики имеет свои этапы, обусловленные развитием юридического языка, а именно: «Начало формирования предпосылок» эволютивной юридизации (XI–XVI и XVII–XVIII вв.); «Пик развития» юридизации (XIX–XX вв.); «Новый виток» становления юридизации: конец XX – начало XXI в. В этом аспекте выделены три стадии процесса юридизации общенародного слова. *Для первой стадии* эволютивной юридизации

свойственно существование юридического значения в широком спектре многообразных дискурсов. *Вторая стадия* развития юридизации связана с этапом «промежуточного» использования юридического значения. Новый виток юридизации раскрывается укреплением и выходом на первый план смыслового содержания слова правовых значимостей. В свою очередь, *третья стадия юридизации* актуализирует доминантную роль юридического смысла. Она связана с постоянным фигурированием в текстах закона юридических лексем с устойчивым правовым значением.

Каждый этап эволютивной юридизации лексемы реализует сосуществование различных общенародных смыслов слова в потоке дискурсов. Первый полюс взаимодействия семантики разных корневых слов «честь», «гражданин» и их производных слов связан с наличием синонимичных словосочетаний в социально-политической сфере.

Лексема «честь» используется комплексно в тексте закона о защите «чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации личности». Наличие синонимов подтверждает наличие конкурентного начала между ними. Частое появление судебных исков с фигурированием этих понятий также подтверждает это.

По своему происхождению названные лексемы связаны с высокими регистрами значений таких слов и понятий, как «истина», «справедливость», «благочестие». Трудность различения смыслов этих слов указывает на то, что они должны быть «юридизированными». В то же время показательно, что представленный тип эволютивной юридизации включен в широкий спектр национальных значений слов, которые несут за собой моральные категории.

В рамках эволютивной юридизации лексемы «честь», «достоинство», «деловая репутация» и их дериваты приобретают свое «предъюридическое» семантическое наполнение. При этом слово «честь» имеет глубокую и многогранную моральную семантику, которая перерастает в сильное понятие.

Лексема «честь» раскрывает свое значение во всей полноте общенародных смыслов, связанных не только с земной жизнью людей (честность как качество порядочного человека), но и со смысловыми регистрами небесной жизни праведника, святого (таков, например, контекст религиозного дискурса: «Честнейшая Херувим»). В свою очередь, атрибутивный комплекс «доброе имя» не приобретает определенной терминологизации (юридизации), он встречается в

отдельных контекстах. Такая ситуация может быть продиктована широтой семантического поля словосочетания «доброе имя», поскольку, затрагивая так или иначе честь и достоинство человека, невозможно не затронуть его доброе имя. Эти семантические аспекты хорошо актуализируются носителями языка в их высказываниях об этом понятии.

Лексема «гражданин» функционирует в смысловом комплексе «человек», «гражданин», «личность», «лицо». Он раскрывается в современных текстах закона и представляет собой центр взаимодействия предъюрídических и юридическíх смыслов указанных слов.

Это взаимодействие национальных и правовых аспектов семантики слова «гражданин» является синхронным следствием диахронического аспекта раскрытия его различных значений. Примечательно, что лексема «человек» раскрывает широкую семантическую наполненность данного слова как представителя живого мира, являющегося высшей ценностью общества и государства, связанной со свободой, правом на жизнь. Весьма значимо, что лексема «личность» подчеркивает в своей семантике высокие моральные и интеллектуальные свойства человека, она входит в контекст права на защиту чести, достоинства и доброго имени личности.

Слово «гражданин» ассоциируется с политическими правами, с правом голоса. Лексема «лицо» (физическое или юридическое) реализует довольно абстрактное значение носителя различных внутренних качеств. Они связаны с различными социально-экономическими отношениями, включаются в законы о защите прав собственности и так далее.

3.2. Синхронный аспект сплошного лексикологического анализа

В контексте непрерывного лексикологического анализа юридическíх текстов можно продемонстрировать классификацию типов речевых единиц по их компонентам, а также установить признаковый состав некоторых околотерминов («честь», «достоинство», «деловая репутация», «доброе имя»).

В рамках такого формата получается, что модель жесткой семантики и четкой определенности противопоставляется моделированию семантики слова как полевой организации

лексикологической модели текста закона. Ядром этого поля оказывается пересечение национальных лексем с нечеткими значениями, их границами и строго юридических лексем.

Результаты данного исследования служат фундаментом для разработки специального научно-экспертного метода изучения текста закона. Предлагаем обозначить его термином «непрерывный лексикологический анализ лексики текста законов». Ключевой особенностью является рассмотрение всего комплекса слов и словосочетаний. Анализу подвергается вся палитра смыслов, составляющих текст закона, а не только самих терминов. При реализации лексико-количественного метода подсчета лексем, включенных в конкретный текст законодательной статьи, использовались элементы компьютерной программы GSgen.RU [<https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text/>].

Лексический состав ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации «Защита чести, достоинства и деловой репутации» содержит из разнообразных разрядов лексем и словосочетаний. К ним относятся следующие:

- *служебные слова*: «в», «по», «о», «и/или» и др.;
- *местоименные слова*: «его», «другим», «этим», «их», «иных» и др.
- *предикативные комплексы и связи с элементами юридического содержания*: «не докажет», «распространять порочащие сведения» и др.
- *слова и связи общенародного употребления*: «используемые», «порочащие», «распространивший», «указанные» и др.;
- *околоюридические лексемы*: «честь», «достоинство», «деловая репутация» и др.;
- *предтерминологические лексемы и словосочетания*: «гражданин», «юридическое лицо», «порядок опровержения сведений» и др.
- *собственно юридические лексемы и словосочетания*: «суд», «гражданский оборот», «возмещение убытков», «компенсация морального вреда» и др.
- *юридизированные собственные имена*: «Гражданский кодекс», «редакция Федерального закона от 02.07. 2013 № 142-ФЗ» и др. Частота встречаемости групп слов также связана с признаком их «юридизированности», приведена на рис.1, 2.

Рис. 1 – Лексемо-словарная статистика

Рис. 2 – Лексемо-текстовая статистика

Анализ показывает, что термины *честь*, *достоинство*, *доброе имя* и *деловая репутация* до сих остаются недоюридизированными в полной мере лексемами.

Слово «достоинство» реализует достаточно широкое и весьма размытое содержание в разных дискурсах (например, «нематериальное благо человека»; «принадлежность гражданину от рождения или в силу закона» (юридические дискурсы); «высшая социальная ценность» (художественные дискурсы, СМИ-дискурсы, юридические дискурсы и многие другие).

Слово «честь» раскрывает книжную стилистику. Ей присущи многогранные смысловые признаки (например, «нематериальное благо человека»; «мера духовных и социальных качеств гражданина»; «личность»; «достоинство» («личное», «профессиональное», «военное» и многое другое); «честное имя»; «почет»; «уважение» (СМИ-дискурсы, поэтические дискурсы и тому подобное).

Подобным же образом функционируют лексемы и словосочетания «доброе имя», «деловая репутация». Смыслы атрибутивного комплекса слов «деловая репутация» раскрываются различными семантическими признаками (например, «нематериальное благо»; «устоявшаяся общая оценка различной деятельности человека или организации» (СМИ-дискурсы, правовые, художественные дискурсы и многие другие).

Атрибутивный комплекс слов «доброе имя» ориентирован в своем смысловом наполнении преимущественно на «положительную оценку людей». Эта оценка касается не только профессиональных и моральных качеств отдельного человека, но и затрагивает нравственную сторону того или иного действия или дела (интернет-дискурс, юридический, публицистический, художественный дискурсы).

Заключение. Проведенное исследование позволяет выявить закономерности эволютивной юридизации в диахронном и синхронном аспектах. В процессе диахронического вхождения национального слова в юридический лексикон ведущую роль играет его дискурсивное функционирование.

Взаимодействие различных дискурсов является одним из основных механизмов развития и взаимного влияния различных уровней содержания термина: концептуального, понятийного и системно-языкового. Установлено, что в синхронном аспекте текст закона представляет собой разнородную совокупность лексических единиц языка: от слов и словосочетаний, сохраняющих общенародные смыслы, до сугубо юридических терминов и номинаций.

Юридические термины – это как специализированные языковые единицы, так и языковые единицы, сохраняющие многозначность, вариативность и потенциальную динамику, несводимость к единому значению. Полученные результаты могут быть использованы для проведения перлокутивной и антикоррупционной экспертиз, а также их последующего внедрения в технологии обратного машинного перевода (с ее шкалами переводимости).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/ (дата обращения: 08.08.2018).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.; [Электронный ресурс]. — URL: <http://stgkrf.ru> (дата обращения: 22.03. 2018).

[3] Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ; [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 02.06.2017).

[4] Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешкова Н. П.* Дополнительное правотворчество как результат мониторинга правоприменительной деятельности // *Lex Russica*. 2012. № 6. С. 1232–1247.

2. *Афанасьев А. Ю.* Юридическая неопределенность в уголовно-процессуальном доказательственном праве как коррупциогенный фактор // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2016. № 1 (33). С. 210–214

3. *Барабаш О. В.* «Коррупциогенный фактор» как юридический термин: структура, содержание, дефиниция // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015. № 4 (36). С. 156–164.

4. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2013. 591 с.

5. *Барциц И. Н.* Анतिकоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы) // *Государство и право*. 2010. № 9. С. 16–25.

6. *Голев Н. Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // *Юрислингвистика*. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. 2000. №2. С. 8–40.

7. *Голев Н. Д.* Научные термины как единицы стихийного функционирования языка: полемические заметки // *Метаязык науки: материалы Международной научной конференции (Сыктывкар, 10-13 июня 2012 г.)*. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. 2012. С. 5–11.

8. *Голев Н. Д., Иркова А. В.* Сплошной синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава текста закона (на материале статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) // *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2020. № 452. С. 21–27.

9. *Голев Н. Д., Иркова А. В.* Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями чест- и добр-) // *Вестник Московского государственного университета*. 2018. №4. С. 212 – 242.

10. *Иркова А. В.* Предъюрисдикционные и юридические смыслы лексемы «гражданин» в общественно-политическом дискурсе // *Сибирский филологический журнал*. Новосибирск: Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 3. С. 215–224.

11. *Кабанов П. А.* Юридикологическая неопределенность как коррупциогенный фактор // В сборнике: *Преступность, уголовная политика, уголовный закон*. Сборник научных трудов. Под редакцией Лопашенко Н.А., Саратов. 2013. С. 462–465.

12. *Копачев В. П.* Антикоррупционная политика: терминологический анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 3 (24). С. 107–112.
13. *Кудашкин А. В.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, проводимая органами прокуратуры, - эффективное средство противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 90–95.
14. *Муртазина Г.М.* Антикоррупционная экспертиза муниципальных правовых актов как мера борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1. С. 155–160.
15. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред А. К. Симонова, М. В. Горбаневского [и др.], изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Медея, 2004. 326 с.
16. *Родионова, О.Н.* Антикоррупционная экспертиза // Российский юридический журнал. 2010. № 1 (70). С. 158–162.
17. *Тухватуллин Т.А.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: вопросы теории и практики // Российская юстиция. № 2. 2019. С. 9–11.
18. *Федюковский А.А.* Этимологический анализ русского юридического термина «свидетель» // Правоохранительная система России: состояние и перспективы развития. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. С. 170–177.
19. *Шарангия С.З.* Насилие, вина, непреодолимая сила: особенности юридической конструкции терминов // Социокультурные корни насилия в современном обществе. Нижний Новгород, 2013. С. 648–652.
20. *Шикалева, П. В.* Понятия «Пруд» и «Водохранилище» в Водоемном праве России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 125–127.
21. GSGen.RU – инструменты веб-разработчика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gsgen.ru/tools/dlina-seo-text/> (дата обращения: 06.02.2021).

CLASSIFYING LEGAL TERMS FROM THE PERSPECTIVE OF LANGUAGE COMPLEXITY

*Kemerovo State University, 6, Krasnaya St,
650000, Russian Federation*

The paper considers some aspects of the legal term typology seen through the lens of language complexity. The formation of the legal corpus is the process, which has incremental nature and thus presents a particular interest for a taxonomy researcher. The hypothesis of the existence of prerequisites for the spontaneous legalization of vocabulary in the natural language is substantiated. One of the findings is that in the synchronous aspect, the written text of the law is a heterogeneous set of lexical units of the language: from words and phrases that retain national meanings, to marked legal terms and nominations. The interaction of different discourses is referred to the main mechanisms for the development and mutual influence of different levels of the term content: conceptual and system-linguistic. The language data include the words and phrases from Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation «Protection of honor, dignity and business reputation of citizens». The conducted research shows that diachronic discursive-semantic analysis of the national cor-

pora allows us to see and fix the various degrees of the word term-like character and to use the complexes of national meanings for the interpretation of a number of modern legal texts. The intermediate stage of the legal term is the stage of the «frozen diachrony» of the word as a synchronous coexistence of the meanings preceding the legal term. The authors propose a method of continuous lexical analysis of the written law, which can be applied to the forensic linguistics procedures.

Keywords: Legal terms, pre-terms, perlocutive expertise, legal linguistics, «simple» language.

Контактная информация:

Иркова Анна Валентиновна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и литературы;
a.irkova@mail.ru

Е.Ю. Калинина

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
Российская Федерация, 191186,
Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48*

ДИХОТОМИЯ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ЗЛА ПРИ ПРОЧТЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из причин неэффективности права можно считать тот факт, что тексты, формируемые официальным и профессиональным правосознанием, прочитываются и интерпретируются их главным получателем, обладающим обыденным правосознанием, не так или не совсем так, как было задумано. В статье исследуется популярность в обыденном правосознании антиправовых периферийных образов как следствие чрезмерного давления социальной системы. В качестве примера предложено сравнительный анализ образа «благородных разбойников» и героизированных лиц с асоциальным поведением в испанском и русском фольклоре. Фольклор представлен как одна из важнейших сфер бытования обыденной правовой культуры. Для подобного анализа представлена психофизиологическая информационная когнитивная модель правосознания, для чего предложено использовать идеи смежных наук. Причиной неверной интерпретации текстов, созданных обыденным правосознанием, которые, в свою очередь, представляют собой отраженные в кривом зеркале тексты официальной и профессиональной правовой культуры, можно считать разрыв между элитарной и периферийной и маргинальной культурами. Отдельным вопросом, рассматриваемым в статье, является различие между «хорошими» и «плохими» разбойниками и причина романтизации зла в фольклоре.

Ключевые слова: обыденное правосознание, правовая культура, тексты правовой культуры, юридическая герменевтика, благородные разбойники, интерпретация, дихотомия правосознания.

Парадоксы обыденного правосознания при прочтении текстов правовой культуры. Постановка проблемы. Не может не вызывать любопытство в том числе исследовательского характера тот факт, что в разных культурах, в том числе мало соприкасающихся друг с другом, существует мифологический образ преступника, который, совершая противоправные действия, тем не менее связывается с восстановлением справедливости социально справедливым перераспределением материальных благ. Его более древний прообраз, который встречается в европейских, азиатских, индийских, африканских сказаниях, называется в современной науке трикстером. Одно из его отражений в европейской культуре – благородный разбойник. По сути,

это своеобразное прочтение правовых культурных текстов обыденным правосознанием. Оно отличается от шаблонов интерпретации правовых текстов разной природы, закладываемых официальным и профессиональным правосознанием.

При размышлении о причинах популярности в сознании добропорядочного большинства антиправовых образов возникла гипотеза о том, что реверсивные мифы возникают вследствие реакции на чрезмерное давление со стороны социальной системы, когда активизируется латентный элемент дихотомной мотивации, движущей поведенческой компонентой правосознания. В каждый момент выбора варианта поведения правосознание проигрывает разные модели, располагающиеся в пространстве от абсолютно неправовых до абсолютно законных. В зависимости от уровня правовой культуры зона выбора того или иного варианта смещается в ту или иную сторону, что не означает, что, к примеру, законопослушный гражданин не знает или когда-либо не задумывался о совершении противоправных действий. На выбор влияют многие факторы, но среди них можно выделить те, которые располагаются в иррациональной сфере сознания. Например, это эмоции, поведенческие навыки, ценности и т.п.

В правовой культуре антиправовые модели поведения обычно отражены в фольклорных формах, которые, как правило, не изучаются историками и теоретиками права. Однако подобные парадоксы правосознания, когда фольклор закладывает модель доброжелательного или снисходительного отношения к противоправным деяниям героям или противопоставление одних противоправных деяний (несправедливых) другим (справедливым), необходимо изучать. В настоящем исследовании предполагается провести сравнительно-правовой герменевтический анализ и рассмотреть образы «благородных разбойников» на примере испанской и российской культуры, что выявит различия между правовыми текстами разной природы, формируемыми и транслируемыми официальным и профессиональным правосознанием, и их прочтением и интерпретацией на уровне обыденного правосознания.

Природа правосознания. Природа правосознания не является первостепенным вопросом правовой науки, поскольку этот вопрос отдан психологам. Но юристам стоило бы задаться этим вопросом, поскольку изучение социально-правовых феноменов и явлений невозможно без понимания того, что такое правосознание и как

оно функционирует, как создает и воспринимает правовые тексты разной природы. В рамках данного исследования используется психофизиологическая информационная когнитивная модель, с помощью которой выдвигаются некоторые гипотезы и обосновываются особенности восприятия (дешифровки, интерпретации) некоторых текстов обыденным правосознанием, результаты чего выражаются в последующих текстах фольклорного характера.

Правосознание формируется на основе материального носителя – мозга. Правосознание можно считать одной из его функций. Поэтому оно зависит от него, от его структуры и способа деятельности. В частности, известно, что деятельность сознания избирательна и экономична, подчинена прежде всего необходимости выживания тела, обеспечения наиболее возможно комфортного существования человека или коллектива. Следовательно, из всего многообразия информации, поступающей в мозг из внешней среды, будет обработано лишь то ее малое количество, которое опосредует такое существование.

Социально-правовые феномены являются продуктом деятельности сознания, его объективацией. Среди таких феноменов, помимо государства, права, законов, – образы, создаваемые культурой. Это образы положительного и отрицательного героя, образы представителей государственной власти, правоохранительных и правоприменительных органов. Официальное и профессиональное сознание создает и транслирует в общество одни образы, а обыденное правосознание прочитывает их и интерпретирует не всегда именно так, как задумывалось. Иногда обыденное правосознание представляет собой «кривое зеркало», в котором все тексты интерпретируются даже наоборот или пародируются и высмеиваются. В маргинальных преступных культурах может создаваться «антимир», возглавляемый «антиглавой» и управляемый «антиправом». В нем нарушителями становятся те, кто желает исполнять предписанное нормами права, становясь тем самым «антипреступником».

Коллективное правосознание, определяющее всю совокупность индивидуальных, использует совокупность шаблонов, мифов и стереотипов конкретной правовой культуры (субкультуры), определяющих структуру общества и социальные роли [11, с. 308] тех индивидов и групп, которые попадают в ту или иную социальную сферу. Социальную роль можно определить как набор основных

моделей поведения и мышления в рамках определенной социальной группы, причем каждый, кто в эту группу попадает, дает молчаливое согласие [20] действовать в соответствии с нормами, принятыми в этой группе.

Этот механизм носит психофизиологический характер (его можно понимать по аналогии с конформизмом), то есть выбор определенной модели мышления или поведения не всегда лежит в рациональной плоскости. Этот выбор связан с механизмом опривычивания или хабитуализации по П. Бергеру и Т. Лукману: по их мнению, «любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем» [1, с. 90]. «Несмотря на то, что существует неопределенное число возможных паттернов психической активности, каждая индивидуальность использует достаточно узкий диапазон таких персонифицированных схем» [2, с. 8].

Для правовой науки подобная модель правосознания удобна, поскольку она объясняет, почему одни индивиды и коллективы исполняют предписанные правовые нормы, а другие – нет. Право есть не что иное как совокупность шаблонов, которые в готовом виде, как правило, некритично усваиваются субъектом правоотношений в период социализации. Изучив механизм принятия и отторжения правосознанием этих шаблонов, можно работать над повышением эффективности права.

Уровни правосознания и способ трансляции и интерпретации правовых текстов. Правовая картина мира не может быть одинаковой у всех. Общества, в котором наблюдалось бы полное единодушие, вероятно, не существует. Элита пытается унифицировать правовую картину мира нации, создавая более или менее единый взгляд на социально-правовые явления и феномены. Но это самая неустойчивая совокупность образов, несмотря на то что они транслируются посредством средств, как, например, законодательство. Например, конституция создает один из самых общих идеалистических образов государства. Этот образ не может отражать все многообразие вариантов реализации правового поведения.

Далее на разных уровнях располагаются разные картины мира вплоть до индивидуальной. Официальная и профессиональная правовая культура закладывают стержень, вокруг которого на разных

расстояниях от центра сконцентрированы эти картины мира. Тем не менее, важно отметить, что стержень у них всех один и тот же, как далеко они ни располагались. Как в средневековом мире, так и в современном неизменным остается понимание того, что общество делится на элиту, которая диктует условия, и остальных людей, которые разделяют взгляды элиты в той или иной степени. «Аристократия» считается «носителем морального, юридического и религиозного наследия нации» [8, с.117-118], «основным носителем коллективной памяти» [15, с.275].

Но ученые во второй половине XX в. задумались о том, почему мнения и идеи огромных масс людей не принимаются во внимание исследователями. С. Московичи писал: «зададимся вопросом, действительно ли установления права отражают реальность сознания и нравственной жизни. Несомненно, нет. Всегда существует разрыв между чувствами и суждениями людей, с одной стороны, и юридическими соображениями и процедурами, с другой. Невозможно, однако, сомневаться, что последние представляют определенные идеалы общества и навязывают единообразную модель отношений между людьми» [9, с.132].

А.Я. Гуревич также отмечал, что ошибочно представление о том, что идеи элиты – это адекватное выражение средневекового миропонимания в целом. По его мнению, проблема заключается в том, что «простонародье» не оставило письменных архивов, но это не означает, что мы не должны ставить проблемы и искать их решения [5, с.5-6]. Одним из выходов может стать междисциплинарность. Юриспруденции стоит стать более открытой наукой, чтобы заимствовать результаты и идеи для будущих исследований в других отраслях знания. На основе этого фундамента возможно выстроить более совершенную, чем есть сегодня, теорию правосознания. В частности, внушительны результаты философских и психологических наук, например, нейропсихологии. Другой сферой, в которой юриспруденция могла бы черпать верифицированные знания по очень сложному предмету – фольклористика.

Функция конструкции-деконструкции правовой картины мира и интерпретация символов уровня обыденного правосознания. Носителем обыденного правосознания является такая общность, не определенная юридически (хотя и упоминаемая в нормативных актах), как народ. К представителям народа относятся, несомненно,

субъекты, обладающие профессиональным и официальным сознанием. То есть обыденным правосознанием обладают все, в то время как профессиональным и официальным только некоторые. Идеи обыденного правосознания хорошо выражены в фольклоре. Но в фольклоре, не совпадающем в целом с официальной и профессиональной картинами мира, ряд идей предстает в зашифрованном виде. Этот пласт культуры изучается в минимальной части, в основном он лежит в сфере ненаучного познания. Настоящее исследование предлагает включить еще какую-то его часть в предмет науки, причем такой, которая в течение нескольких столетий подвергалась планомерной демифологизации, очищению от всего, что могло быть заподозрено в иррациональности и ненаучности.

Официальное и профессиональное правосознание – столпы, на которых формируется общество и государство. Обыденное правосознание – зона, в которой происходит деконструкция. И это не негативный, а объективный фактор: любая система приобретает равновесие на основе противостояния, баланса центробежных и центростремительных сил. Этот факт отмечен и в обыденном правосознании на уровне космогонических мифов (существование Хаоса и Логоса, бога, создающего Вселенную, и бога, разрушающего ее). Поэтому неизбежно в обыденном правосознании появляется «Трикстер – воплощенный дух беспорядка. Его функцией в архаическом обществе... является внесение беспорядка в порядок, и таким образом создание целого, включение в рамки дозволенного опыта недозволенного» [6, с. 257].

Обыденное правосознание хаотично и во многом разрушительно. В этом его несомненная правовая функция: постоянная верификация и слом устаревших конструкций. Официальное и профессиональное правосознание косные и консервативные, потому что охранительные. Живое народное сознание быстро отслеживает то, что не имеет значения в современной жизни, от чего нужно избавляться, как от ненужного баланса. Зло в фольклоре направлено на разрушение системы [19, р. 19], то есть на избавление от норм, которые уже не могут нормально функционировать в данных условиях.

Но при этом народное сознание традиционное. Оно долго хранит в памяти все, что туда попадает. Правовые элементы разных эпох причудливо переплетаются и сохраняются веками. Некоторые оказываются актуальными на протяжении столетий, как, например,

убеждение в продажности судей, чиновников и адвокатов. Это не означает, что на самом деле все служители фемиды таковы. Это означает лишь, что, с точки зрения государства, они носят охранительные функции, на них базируются закон и порядок. С точки зрения обыденного правосознания, лучше никогда не встречаться с этими персонажами, потому что их деятельность направлена на защиту богатых, а не правды. В этом проявляется свойство конструкции-деконструкции общества, государства и права в рамках правосознания. Из этого же становится очевидным, что прочтение текстов обыденного уровня не такое простое, как может показаться. Это очень интересный материал для будущих исследований в рамках правовой науки.

Маргиналы в официальной, профессиональной и обыденной правовой культуре. Когда мы говорим о маргиналах, имеем в виду людей, оказавшихся на периферии общественной структуры. С этой позиции они рассматриваются в настоящем исследовании. Общество не может быть однородным. Рано или поздно оно разделяется на группы. Сначала это довольно крупные коллективы; затем они дробятся. Это означает формирование границ: внешних, потом внутренних. Внешние нужны обществу для того, чтобы отделить себя от других. Внутри общества тоже происходит идентификация. Неизбежно происходит конструирование сферы ядра, прилегающей к нему территории и периферии, соприкасающейся с границей. Периферия не может полностью отторгаться обществом, поскольку это – часть его пространства. Но туда вытесняется все то, что ядро не хочет признавать в себе. Обыденное правосознание располагается между ядром и периферией, поэтому отражает все культурно-правовые установки.

Социальная маргинальность формируется вместе с границами, то есть совпадает с периодом становления государственности. Мир маргиналов не однороден, а, напротив, чрезвычайно многообразен, что затрудняет дешифровку текстов, созданных на периферии. К маргиналам можно отнести как тех, кто обладает ярко выраженным криминальным сознанием (антиправовые элементы), так и девиантов, не вписывающихся в рамки традиционной официальной и профессиональной правовой культуры. В первом случае маргиналами с древности считают преступников, бродяг, плутов, изгнанных из общин за совершение неблагоприятных поступков, мятежников, мошенников, нищих, вероотступников, проституток. С другой стороны, сюда

падают иностранцы, иноверцы, неизлечимо больные, бродячие артисты, язычники, колдуны. В некоторых обществах жестким социальным ограничениям подвергаются женщины, дети, старики. Представители «низших слоев» отторгаются «благородными», а крестьяне считаются неизмеримо ниже горожан (этот факт отмечался в Античности, Средневековье, но ярко проявляется и сегодня даже в «цивилизованном обществе»). Как было остроумно замечено одним испанским автором, более 90% населения можно назвать маргиналами [17, р. 59]. Негативной стороной социального исключения и маргинализации можно считать ограничение возможности принимать активное участие в социальной жизни [17, р. 60]. Иногда маргинальный статус фиксируется в нормативных актах, и тогда некоторые субъекты обладают двойной стигматизацией: социальной и правовой. Это всегда относится, например, к преступникам, хотя в некоторых случаях социальная стигматизация заменяется романтизацией. Тогда норма обыденного правосознания противопоставляется норме права. Это ведет к тому, что одни и те же тексты начинают читаться разными способами. Скажем, в законе записан некоторый тезис, который в обыденном сознании дополняется через союз «но», что в обобщенном виде в фольклоре обозначается как «если очень хочется, но нельзя, значит, можно».

Образ зла в обыденном правосознании: размытие границ, устанавливаемых официальной и профессиональной правовой культурами. Первое, что нужно обязательно отметить при рассмотрении образов «хороших разбойников» в фольклоре: народное сознание не идеализирует преступное начало. Никогда и нигде не говорится о том, что зло, грабеж, насилие, воровство, убийство и т.п. – это хорошо. Но именно так иногда ошибочно интерпретируют данные тексты обыденной правовой культуры. Именно это давало основание представителям официального правосознания всех времен и народов утверждать, что простонародье склонно к греху и даже по природе своей стремится к насилию. Например, в «Барселонских обычаях» (сборниках обычаев каталанского права XI в.) о простолюдинах сообщалось как о людях, которые «не обладают другой добродетелью, кроме принадлежности к христианству» [17, р. 65]. Даже это короткое определение показывает, что образованные и богатые считали крестьян не просто неравными себе, но промежуточной группой между животными и людьми. И это далеко не единственное свидетельство:

христианские и мусульманские хроники фиксируют в разных концах света примерно одинаковое отношение к простонародью. Необходимо признаться себе, что за фасадом «толерантности» нередко скрывается подобное отношение, признанное в конкретный временной промежуток «неполиткорректным».

Тем не менее повторимся: обыденное правосознание не антиправовое, оно не идеализирует преступность как таковую, тем более что обычные бедные люди не реже подвергаются насилию со стороны криминальных элементов. Они даже нередко оказываются менее защищенными перед лицом опасности, что вынуждает применять средства самообороны, которые, в свою очередь, официальное и профессиональное правосознание однозначно относит к неправовым. Такое размытие границы между однозначно плохим и однозначно хорошим не может не привести к тому, что в пограничной зоне рождается собственная мифология, призванная оправдать применение неправовых средств в «благородных» целях. Так появляется разделение преступного на «хорошее» и «плохое». Тогда появляются тексты, толкование которых не может быть однозначным. Закладываемые в них смыслы дешифруются по-разному.

Если мы добавим сюда возможный и вероятный произвол властей, которые стоят на страже закона, что обыденное правосознание с неодобрением фиксирует в своих текстах, то мы получим целый пласт фольклорных произведений, неодобрительно относящийся к правоприменительной и правоохранной практике. Официальное и профессиональное правосознание нередко относит такие тексты к антиправовым вместе с текстами о «благородных разбойниках» и правде, которая вершится криминальными, по сути, элементами. Это тоже приводит к неправильному прочтению ряда фольклорных текстов. Размытие границы неплохо отражено в одном из не самых распространенных испанских фольклорных текстов. В нем рассказывается о том, как двое юношей в дороге встретили двух старцев, которые попросили у них милостыню. Приглядевшись к ним, юноши увидели, что у одного старца из-под длинной полы торчит хвост. Тогда они догадались, что старцы – Христос и дьявол, которые вышли, чтобы проверить людей. Один из юношей тут же упал на колени перед тем, кто был переодетым Христом, и подал ему щедрую милостыню. Второй же отдал одну монету Христу, а вторую дьяволу, рассудив, что не стоит ссориться ни с одной из высших сил. Прошло несколько лет.

Второго юношу несправедливо обвинили и отдали под суд. Он уже был готов к худшему, но во время решающего судебного заседания в зале появился богато одетый господин. Он заявил, что он известный адвокат, который оказался проездом в данной местности, услышал о деле и решил помочь подсудимому. Он с легкостью доказал, что тот был невиновен, и юношу освободили в зале суда. Когда он бросился благодарить адвоката, тот шепнул ему, что он и есть дьявол, который явился, чтобы оплатить свой долг.

Этот текст отражает множество смыслов. В нем читаются мотивы не очень позитивного отношения к адвокатам и судебному процессу, хорошо показано, что даже абсолютное зло может быть справедливым, что размывает понятия, насаждаемые официальной и профессиональной правовой культурами, то есть социально-государственным ядром. Однако предание, скорее, нейтрально по отношению к тому, что мы считаем злом. Оно не героизируется, не романтизируется. Дьявол просто отдает свой долг. Это справедливо и правильно, с точки зрения простого человека, обладающего обыденным правосознанием, обычным здравым смыслом.

Разбойники в фольклоре: благородные и не очень. Фольклор четко разделяет два вида разбойников, а следовательно, в обыденном правосознании формируется два типа преданий. С одной стороны, это преступники в чистом виде, которые убивают, грабят, насилуют. С другой оказывается, что с этими преступниками (и против любой несправедливости вообще) можно и нужно бороться не только честными методами, но и теми, которые считаются запрещенными (например, сказка о мужике, который пришел в суд с камнем за пазухой и показывал его судье во время процесса; судья думал, что это взятка, а мужик затем сказал, что это, скорее, был метод угрозы). Тогда герои могут не брезговать подлостью, применением чистого насилия, если это оправдано благородной целью. В современном гуманизированном мире нередко удивляются тому, что герои могут вести себя не в соответствии с общепринятыми представлениями о добре, зле и – самое главное – праве.

В русском фольклоре существует любопытный текст, в котором переплетены множество смыслов. С ним еще предстоит глубоко поработать в рамках правовой интерпретации. Он называется «Песня о правеже». Правеж – это процедура обеспечения исполнения судебного решения. Это не наказание и не пытка, как можно подумать исходя из ее

содержания – мера физического воздействия на лицо, над которым уже прошел суд, к нему должно быть применено наказание, которое по ряду причин не может быть реализовано. Чаще всего это происходило в том случае, когда наказание носило финансовый характер, а преступник не обладал средствами или скрывал их, по мнению суда.

В песне рассказывается о том, как царь Иван Васильевич, прогуливаясь, увидел сцену применения данной меры. По какой-то причине его заинтересовал осужденный, молодой человек. Царь выясняет обстоятельства и узнает следующую историю. Юноша ехал по лесу, случайно увидел разбойников с добычей. Он их перебил, забрал добро себе, а после этого попросту прогулял его в кабаках с другими нищими. Государственные органы признали это присвоением чужого имущества, поскольку отнятое добро необходимо было бы либо отдать потерпевшим (что, видимо, было невозможно), либо передать в казну. Собственно, именно это и стало содержанием судебного решения, а поскольку добро было пропито (по крайней мере, на это ссылался подсудимый), то его обязали возместить эту сумму. Для обеспечения судебного решения к нему была применена процедура правежа. Ситуация действительно интересна для интерпретации и сегодня. Здесь правовое тесно переплетено с правовым и неправовым. То, как поступил герой, очевидно, можно назвать неправовым, но со всех точек зрения справедливым. Иван Грозный же носил второе прозвище – Справедливый. Поэтому в фольклоре он, как правило, действует именно так, как приписывал ему народ – обыденное правосознание, то есть строго, но справедливо. Это означало возможность нарушения правовых установлений. Поэтому в данном тексте, отражающем особенности обыденного правосознания, царь поступает против закона (который он сам, очевидно, издает и защищает). Но его действия укладываются в концепцию справедливости. Иван Васильевич приказывает молодца отпустить и наградить, а судейских чиновников наказывает.

В этом тексте границы между правовым и неправовым сильно размыты в пользу справедливого. Противоправные действия обыденным сознанием оправдываются. В некоторых случаях они начинают романтизироваться и героизироваться.

«Благородные разбойники» как «бродячий сюжет». Понятие «бродячий сюжет» мы заимствуем из фольклористики и литературоведения, чтобы показать единство обыденного правосознания в разных культурах (в отличие, скажем, от официального

и профессионального). Это устойчивая система мотивов, которые встречаются в разных странах, контактировавших между собой или нет. «Благородство» разбойника двояко: с одной стороны, оно определяется делами (помогать беднякам, восстанавливать справедливость), с другой социальное происхождение, придающее дополнительную остроту сюжету. Например, литературный сюжет о Дубровском заимствован в фольклоре [14, с. 231]. Иногда прототипом фольклорного разбойника становится реально существовавший персонаж, но это обыденному правосознанию неважно: в любом случае в его существование скорее верят, даже если история рассказывается откровенно фантастическая [19, р. 23].

На поверхности у разных народов лежит положительное отношение к разбойнику, связанное с борьбой с внутренними и внешними угнетателями. Народ видит в разбойниках людей, которые выходят за пределы социальных стереотипов, борются за справедливость, олицетворяют собой свободу. Поэтому криминал как таковой не основная задача их деятельности. Положительное в их деятельности то, что они противопоставляют себя официальной правовой культуре. В качестве жертв таких разбойников чаще всего выступают богатые люди или представители официальной и профессиональной правовой культуры: высмеиваются и наказываются за пороки судьбы, священники, ростовщики, богачи. Существуют предания о разбойничьих кладах, которые должны достаться каким-нибудь бедным людям (полностью их никто не может присвоить, но частично клады открываются некоторым беднякам, обогащая их). Если деньги не отдаются разбойниками бедным, то в народном сознании фиксируется то, что наказываются за «народные страдания» богатые.

«Благородные разбойники» в фольклоре могут наделяться сверхъестественными способностями, которые делают их неуязвимыми для правосудия. В этом случае образы разбойников, например, реального исторического персонажа Стеньки Разина, представляются народу чудесными. Он не умирает, пуля его не берет, клады у него заговоренные, кандалы с него спадают, из тюрьмы или от конвоя он бежит чудесным образом. Фантастична и их смерть, а иногда они обречены жить вечно, поскольку «святая земля» их не принимает, несмотря на то что, творя зло, они все же вершили добро и справедливость. «И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке воды испить, начертит угольком лодку, выльет воду – и поминай как звали!

Однако товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет: весь оброс мхом, не знать ни губ, ни зуб. Не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает» [7].

Этот мотив значим для понимания сущности обыденного правосознания при прочтении текстов правовой культуры. Простонародье все же не испорчено изначально, очень хорошо отличает добро и зло, правовое и неправовое. Даже если разбойничьи дела были справедливы, от этого они не становятся правовыми. Оправдание зла – это одна из форм социального протеста, причем одна из наиболее ярких [16, с. 65]. Важной чертой описания «благородных разбойников» можно считать эмотивность, проявляемую в фольклоре и затем в литературе, что отличает эти тексты от текстов официальной и профессиональной правовой культуры. Именно поэтому они оказывают более сильное влияние и фиксируются в обыденном правосознании. «Эмотивные значения в виде восхищения храбростью воров и бандитов аристократической масти присутствуют в текстах писателей типа Лопе де Вега и Кеведо» [12, с. 66], а также писателей других стран.

Почему нам нравятся злодеи в литературе и кино, отрицаемые в жизни: дихотомия обыденного правосознания. Вместо заключения. Итак, противоречие обыденного сознания состоит в основном в том, что тексты о нарушителях правопорядка могут читаться им двояко, в зависимости от контекста. В одной ситуации обычный человек будет восхищаться поступками Робин Гуда, Дубровского, Хоакина Мурьеты, Курро Хименеса, Кармен, Стеньки Разина и т.п., а в другой обращаться за защитой и поддержкой к представителям официальной и профессиональной правовой культуры, требовать наказания преступников. Указанные лица, реальные и выдуманные, никогда не будут восприниматься обыденным правосознанием как обычные уголовники. В этом проявляется его дихотомия, которая заставляет нас читать правовые тексты разными способами и восхищаться мифологическими злодеями.

Официальная и профессиональная правовая культура, диктующая следование жестким поведенческим установкам, заставляющая мыслить одинаково и дающая иллюзию свободы и индивидуальных решений, заставляет придумывать идеалы не просто свободы, но ломки всех паттернов, установленных официальной правовой культурой. Поэтому и в официальной культуре появляются

герои-бунтари, которые представляют идеалы утерянной свободы. «Это одна из неопределенных фигур, исторических или нет, реальных или нет, которые, проступая иногда из необъятной сомнамбулической стихии, насыщают тайным огнем склонную к закату кровь нашей цивилизации. Но Кармен, равно как воры, бандиты, цыгане, поэты, ночные бродяги, колдуны, сновидцы, – вне цивилизации. Стандартопослушные люди порядка – основа и ось рационального мироздания – считают последних лентяями и бунтарями, чьи уши не выносят тиканья часов, ноги – прямолинейных путей, а натура – единственно правильного буржуазного уклада общества» [4].

Такие «благородные злодеи» обитают в пограничных зонах, и их образ жизни идеализируется, поскольку их среда обитания за пределами понятных обыденному правосознания границ, – пространство, в котором не действуют социальные нормы, а потому отсутствуют и типичные социальные проблемы [18, р. 35]. В обыденном правосознании правонарушители нередко становятся объектами меньшей ненависти, чем государство [3, с. 552]. Криминальные маргинальные личности нередко одобряются, могут стать идеалом, укрываются, пользуются большим расположением населения, чем чиновники и представители власти. Так бандиты делятся на две категории: «социальные» (по определению Э. Хобсбаума) и обычные. Так, например, «социальный бандит» не будет воровать урожай у крестьян, тогда как сеньора он с удовольствием обчистит и оставит в дураках. Таких криминальных субъектов обыденное сознание будет оправдывать, отключая сложившиеся в данной правовой культуре шаблоны и стереотипы восприятия мира по каким-то отдельным вопросам.

Существуют архетипичные отрицательные персонажи, которые воплощают зло независимо от эпохи, и герои, чья характеристика со временем претерпевает изменения, поскольку их социальное одобрение зависит от морали и контекста. Например, образ Степана Разина уже не воспринимается однозначно: из безусловного героя он превратился в условно одобряемого по сложившейся традиции. В содержании песни «Из-за острова на стрежень...» для тех, кто пытается его проанализировать, на первый план выходят труднообъяснимые сегодня мотивы, например расправа с персидской княжной. Народное творчество создает сложные образы персонажей, которые сочетают положительные и отрицательные черты, и в следующую эпоху они продолжают оставаться неоднозначными, подчеркивая дихотомию обыденного правосознания.

Отрицательные персонажи вызывают двойственную реакцию, что связано с двойственным положением по отношению к социальным нормам. Для них не существует моральных или социальных ценностей [13, с. 7]. «Благодаря его деяниям все ценности обретают свое настоящее значение» [13, с. 8] Реакция на их поступки – смех и ужас, то есть освобождение от напряжения и страх от собственной смелости преступать рамки, установленные официальным и профессиональным правосознанием. Поэтому нередко мифология отрицательного персонажа носит сексуальный подтекст. Один из самых ярких примеров Распутин с его бесчисленными оргиями и Степан Разин (по преданиям, у него было триста жен и пятьсот наложниц). Кармен также привлекает не в последнюю очередь благодаря своей сексуальной распушенности, которая воспринимается обыденным правосознанием как свобода и независимость женщины. Впрочем, вряд ли какой-то «добропорядочный» мужчина, восхищающийся похождениями прекрасной цыганки, согласился бы взять ее в жены – бедняге Хосе мы можем только сочувствовать, находясь в относительной безопасности. Сексуальная тема близка криминальной в силу своей социальной табуированности, а потому они не могут не сблизиться.

Все дело в том, как устроено сознание. Набор психофизиологических реакций у нас невелик. Горе и радость, страх и наслаждение вызывают одну и ту же реакцию на физиологическом уровне, а эмоциональная составляющая сознания диктует, что мы должны ощущать в этот момент. Если мы наблюдаем нечто, что может вызывать сильную эмоциональную реакцию, мозг посредством зеркальных нейронов отождествляет себя с тем, что происходит, а с другой – он осознает, что это происходит не с ним, это чужой риск. Так, например, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет объясняет симпатии к распутнику, богохульнику, человеку, преступающему все возможные нравственные границы, дону Хуану (Жуану): «Нам нравится смотреть на юношескую гибкость и жизненную силу Дон Хуана и Дон Луиса, для которых возможно все, на что они в дерзости своей посягают, нам нравится, как они перемахивают, словно олени, через все запреты, все законы нормы, через все людские установления. Эти люди ни во что не ставят свою жизнь. Пустопорожнее, ничтожное существование. (...) Они верят, будто сами ни во что не верят, и это им дает волшебную иллюзию свободы. Они законченные атеисты. Мучительно, но необходимо сказать, что всякий испанец почти всегда испытывал затаенную симпатию к наглomu плуту. Поэтому так бессмысленно доказывать в нашей стране, что тот или этот – наглец» [10, с. 546].

В качестве итога здесь стоило бы поставить запятую, а не точку. Были предложены самые общие рамки для организации исследований по прочтению текстов правовой культуры разной природы в рамках официального, профессионального и обыденного правосознания, выявлена хаотичность, эмотивность, несоответствие формальной позитивной логике последнего. Однако именно изучение разницы интерпретаций может оказать влияние на изучение эффективности права и причин его неэффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Берулава Г.А., Берулава М.М. и др. Роль стереотипов психической активности в развитии личности. М.: Гуманитарная наука, 2009. 157 с.
3. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II Ч.2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
4. Головин Е. Легенда о Кармен. URL: <http://golovinfond.ru/content/serebryanaya-rapsodiya/legenda-o-karmen>.
5. Гуревич А.Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 544 с.
6. Кереньи К.К. Трикстер и древнегреческая мифология / В кн.: Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. 288 с.
7. Криничная Н.А. Легенды. Предания. Бывальщины. М.: Современник, 1989. 286 с.
8. Мансуэлли Г. Цивилизации Древней Европы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 560 с.
9. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 560 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Расправа над «Дон Хуаном» // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. М.: Радуга, 1991. 639 с.
11. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
12. Лингвокультурные аспекты жанра испанского плутовского романа // Вестник Писанова Т.В. МГЛУ. 2010. № 589. С.58–68.
13. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. – 288 с.
14. Сараскина Л.А. «Дубровский»: экзистенциальный кризис два столетия спустя // Наука телевидения. 2014. №11. С. 229–247.
15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
16. Юрчук Л.А. Предания о разбойниках (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 62–69.

17. Coral Cuadrada M. Marginalidad y otredad en Cataluña (siglos XIV–XVI) // España medieval. 2015. № 38. P. 57–97.
18. Historia, tradiciones y leyendas en la frontera: coord. por Francisco Toro Ceballos, José Rodríguez Molina. Jaén: Diputación Provincial de Jaén, 2002. 629 p.
19. Hobsbawm E. Bandidos. Barcelona: Critica, 2001. 392 p.
20. Searle J.R. The Construction of Social Reality. New York: Free Press. 252 p.

THE DICHOTOMY OF ORDINARY LEGAL CONSCIOUSNESS: A DISCREET CHARM OF EVIL WHEN READING AND INTERPRETING THE TEXTS OF LEGAL CULTURE

Elena Yu. Kalinina

The main recipients of legal cultural texts possess, as a rule, ordinary legal consciousness. They read these texts and their interpretation differs from its original meaning. This may be named one of the most important reasons for the ineffectiveness of the law. The article considers the popularity of anti-legal peripheral images in the ordinary legal consciousness as a result of the excessive pressure of the social system. As an example, the research proposes a comparative hermeneutic analysis of the image of “noble robbers” and heroized persons with asocial behavior in Spanish and Russian folklore. Folklore is presented as one of the most important spheres of ordinary legal culture. For such an analysis, the article considers a psychophysiological informational cognitive model of legal consciousness. The Author proposes to use the ideas of related sciences in jurisprudence. The Author considers texts of ordinary legal consciousness as texts of official and professional legal culture reflected in a distorting mirror. That is why the misinterpretation of the texts created by the ordinary legal consciousness may be explained with the gap between the elite and peripheral and marginal cultures. A separate issue considered in the article is the difference between ‘good’ and ‘bad’ robbers and the reason for the romanticization of evil in folklore.

Keywords: ordinary legal consciousness, legal culture, texts of legal culture, legal hermeneutics, noble robbers, interpretation, dichotomy of legal consciousness.

Контактная информация:

Калинина Елена Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент;
bellafloor@mail.ru

Л.Г. Ким

*Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово, Красная, 6*

ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ТЕКСТА ЗАКОНА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ И РЯДОВЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

В статье обсуждается проблема профессионального и обыденного толкования юридического текста. Определяется соотношение этих понятий, различие субъектов, целей, особенностей процесса и результата этих видов интерпретации юридического документа. Материалом для исследования является статья 272 УК РФ, содержание которой является предметом толкований профессиональным сообществом и рядовыми гражданами. В первом случае сопоставление комментариев этой статьи в работах юристов и полемике в профессиональном сообществе позволяет констатировать вариативность толкований и выявить факторы вариативности, к числу которых относим: а) размытость / неконкретность формулировки статьи закона, б) личный опыт специалистов-юристов, в) различие социальных реалий комментаторов статьи закона. Доказывается, что в профессиональном сообществе юридический текст неизбежно содержит вариативность толкований, которая обусловлена указанными факторами. Установление результатов обыденного толкования осуществляется методом лингвистического интерпретационного эксперимента, цель которого состоит в выявлении совокупной множественности интерпретирующих текстов как результата обыденных толкований. Анализ результатов эксперимента позволяет утверждать, что содержание исходного текста закона рядовыми носителями языка воспринимается неоднозначно. Результатом толкования смысла статьи 272 УК РФ являются интерпретирующие тексты, которые отражают смысловые версии как реализацию семантико-прагматических смыслов текста. Совокупность смысловых версий образует недискретное смысловое пространство – интерпретационное поле текста, которое имеет ядерно-периферийную организацию. В процессе анализа толкования текста закона представителями профессионального сообщества и рядовыми носителями языка было установлено следующее. Специалисты в области юриспруденции подходят к трактовке и интерпретации статей законов глубже и отмечают в первую очередь правовые аспекты. Тогда как опрос респондентов показал, что рядовые граждане ориентируются на семантику слов, составляющих эту фразу. Интерпретация статьи закона обыденными гражданами и специалистами-юристами различается объектами понимания. Так, юристы рассматривают текст закона в целом. Рядовые граждане интерпретируют закон, исходя из его контекста. И юристы-специалисты, и рядовые граждане неоднозначно интерпретируют статью закона, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. С одной стороны, вариативность толкований юридического текста определяется особенностями языковых формулировок и используемой терминологии. С другой стороны, это связано

с качественным разнообразием типов языковой личности – носителей обыденного сознания.

Ключевые слова: юридический текст, интерпретация текста, профессиональное толкование, обыденное толкование, вариативность интерпретаций

Введение

Задачей настоящей статьи является описание особенностей интерпретации (толкования) текстов законов в специальной юридической литературе и в обыденном сознании, а также установление причин ее вариативности.

Проблематика исследования обусловлена тем, что юридический язык используется преимущественно в юриспруденции (теории государства и права) для толкования текста закона. Как справедливо отмечает Н. Д. Голев, чтобы описать, проанализировать и представить полную картину этого феномена, недостаточно ограничиться только юридическим аспектом и необходимо выйти за его рамки, рассмотреть толкование статей закона, в том числе как лингвистический феномен, [Голев, 2006].

Юриспруденция стремится толковать законы с однозначностью уяснения и направлена на достижение отсутствия вариативности интерпретаций. С другой стороны, в процессе функционирования закона в профессиональной и непрофессиональной среде выявляется его неоднозначность и множественность толкования. Именно на этом этапе, как подчеркивает Н. Д. Голев, возникает феномен противоречия [Голев, 1999], рассмотрению которого посвящена данная статья.

В теоретической литературе нет однозначного понимания термина «толкование права», «толкование норм права», их объема, содержания. Толкование права, по мнению А. С. Шабурова, – это «интеллектуально-волевая деятельность по установлению подлинного содержания правовых актов в целях их реализации и совершенствования» [Шабуров, 1997, с. 358]. А. С. Пиголкин определяет толкование норм права как «деятельность государственных органов, должностных лиц, общественных организаций, направленную на установление содержания норм права, на раскрытие выраженной в них воли социальных сил, стоящих у власти» [Пиголкин, 1998, с. 280]. Несмотря на различие определений термина «толкование права», смысл его можно свести к тому, что это познавательный процесс придания определенного значения языковым выражениям законов и других

нормативных актов. Процесс толкования протекает на всех стадиях правового регулирования: в ходе правотворчества, систематизации права, при разных формах его реализации. В правоприменительных процессах толкование играет важнейшую роль.

Толкование – это процесс как объективный (объект познания независим от познающего субъекта, процесс познания протекает в соответствии с объективно действующими законами формальной и диалектической логик), так и субъективный, потому что процесс толкование выполняется определенным субъектом. Результат толкования выражается в понятиях, суждениях и других субъективных формах мышления.

В зависимости от правового положения субъекта, толкующего норму права, А.Ф. Черданцев различает толкование *официальное* и *неофициальное* [Черданцев, 2000, с. 165]. *Официальное толкование* дают уполномоченные на то субъекты – должностные лица, государственные органы, результаты такого толкования оформляются специальным актом, который имеет обязательное значение для правоприменителей [Закон: создание и толкование, 1998]. *Неофициальное толкование* предусматривает «такое разъяснение смысла права, которое осуществлено не уполномоченными специально на это органами и лицами и не имеет обязательного характера, т. е. не обладает юридической силой» [Закон: создание и толкование, 1998, с. 58]. Видами неофициального толкования являются *обыденное толкование, профессиональное толкование и доктринальное (научное) толкование.*

Обыденное толкование может осуществляться любым рядовым носителем языка. В нем прослеживается уровень правосознания рядовых субъектов в виде правовых чувств, эмоций, представлений, переживаний в правовой сфере жизни общества. *Профессиональное толкование* исходит от профессионалов, специалистов в области права, т.е. субъектов, сведущих в правовых вопросах. Вместе с тем такое разъяснение не является юридически обязательным. Среди неофициального толкования важное место занимает *доктринальное (научное) толкование.* Оно так же, как и вышеуказанные виды неофициального толкования, не имеет юридической силы. Однако более чем другие оказывает влияние на правореализационный процесс в целом и правоприменения в частности. Доктринальное толкование

дается отдельными учеными в статьях, монографиях, комментариях, специальными научно-исследовательскими учреждениями, на лекциях, конференциях и т.д.

Как подчеркивает Н. Д. Голев, особенно важным является умение комбинировать способы толкования и применять их с учетом меняющихся внешних обстоятельств [Голев, 2006]. В том числе важно рассматривать в совокупности все факторы, которые помогут в конечном итоге истолковать смысл законодательного акта. Следует также отметить, что в качестве *субъекта толкования может выступать любое лицо, однако юридическое значение* толкования, его обязательность для правоприменителей при этом будут неодинаковы.

Традиционным для юридической науки является отрицание значимости обыденного толкования права. Исключением предстает учебное пособие Л. В. Соцура, в котором обыденное толкование понимается как «правовое явление, выражающее правовые чувства, эмоции, представления, переживания, оценочные и иные суждения, происходящие в сфере психики граждан в связи с исполнением прав и обязанностей, отношения к праву в целом и к конкретному закону или иному нормативному правовому акту в частности» [Соцура, 2000, с. 112].

Следует отметить, что при обыденном толковании текста закона рядовыми носителями языка в первую очередь проявляется неоднозначность понимания, субъективность восприятия. Законодатель изначально стремится к максимальной однозначности текста, а рядовой носитель языка может выявить несколько вариантов толкования, в этом и проявляется конфликт интерпретаций законодателя и рядового носителя языка.

Таким образом, в нашей правовой системе продолжают существовать как обыденное, так и юридическое толкование. На основе исследованных материалов можно сделать вывод, что оба способа дополняют и совершенствуют друг друга.

Множественность вариантов толкования текстов закона – это неизбежный, специфичный процесс. На этот процесс влияют как объективные факторы – универсальные свойства языка (динамичность, лингвистическое значение, вариативность, асимметрия формы), так и индивидуальные особенности языковой личности, а также активный характер его рецептивной деятельности.

Материал исследования и методика его анализа

Исследование выполнено **на материале** двух типов текстов: 1) текста закона – пункт 1 статьи 272 Уголовного кодекса РФ, пункт 1 приложения к статье 272 Уголовного кодекса РФ; 2) интерпретирующих текстов, полученных в результате лингвистического интерпретационного эксперимента. Цель эксперимента – выявление обыденных толкований текста закона. Общее количество интерпретирующих текстов, полученных в результате эксперимента составило 50 единиц.

Результаты исследования

Совершенствуя отечественное законодательство в области защиты компьютерной информации и информационных ресурсов, законодатель выделил в уголовном законе главу о преступлениях в сфере компьютерной информации. Эта глава начинается со статьи 272, которая устанавливает уголовную ответственность за самое распространенное компьютерное преступление – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации.

Под компьютерной информацией согласно п.1 примечания ст. 272 УК РФ понимаются *«сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»* [Уголовный кодекс РФ].

Официальное толкование статьи 272 УК РФ отсутствует, поскольку до настоящего времени Верховный суд РФ его не предоставил. Неофициальное же толкование представлено рядом авторов в виде комментариев к этой статье УК РФ.

Неофициальное толкование текста закона, представленное профессиональным сообществом в комментариях к УК РФ

Комментарий УК РФ (под ред. А. И. Чучаева). В комментарии под предметом преступления понимается охраняемая законом компьютерная информация. Указанная информация должна находиться на машинном носителе, в ЭВМ, системе ЭВМ или их сети.

Ключевыми словами в комментарии под редакцией А. И. Чучаева являются такие фразы, как *информация должна находиться на машинном носителе, информация находится в базе данных, сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.*

В данном комментарии эта статья закона толкуется следующим образом: предметом преступления являются любые сведения (вне зависимости от формы их представления), находящиеся на электронном носителе и/или хранящиеся в электронной базе данных.

Комментарий к УК РФ (под ред. А. В. Бриллиантова). Предметом преступления является компьютерная информация ограниченного доступа, т.е. *сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления* [Комментарий, 2015].

Ключевыми словами в комментарии под редакцией А. В. Бриллиантова являются такие фразы, как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, зафиксированная на материальном носителе информация.

В данном комментарии эта статья закона толкуется более развернуто и дается полное определение информации, которая охраняется законодательно. Следует отметить, что согласно этому комментарий охраняется документированная информация, зафиксированная на материальном носителе. То есть в этом комментарии закона обозначается не только перечень документов, являющихся конфиденциальными, но также способ их хранения.

Комментарий УК РФ (под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова). В рамках анализируемого состава предметом преступления является охраняемая законом компьютерная информация, то есть сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Поэтому в том случае, когда в процессе преступления виновный воздействует не на компьютерную информацию, а, скажем, на технику как аппаратную структуру, то его деяние надлежит квалифицировать по соответствующим статьям главы 21 Особенной части УК РФ.

Ключевыми в комментарии под редакцией С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова являются такие фразы, как *сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, информация ограниченного доступа*.

В данном комментарии эта статья закона толкуется следующим образом. Охраняемая законом информация является лишь та, которая попадает под определение конфиденциальной, предназначенная для определенного круга лиц, имеющих право на ознакомление с ней. При этом автор комментария расширяет понятие «носителя». То есть в

данном случае, по мнению автора, под охрану попадает та информация, которая находится на любых носителях, на ЭВМ и технологических системах, предназначенных для передачи по линиям связи информации.

Комментарий УК РФ (под ред. В.М. Лебедева). В п. 1 примечания к комментируемой статье дано понятие компьютерной информации, под которой понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Человеческая деятельность в области компьютерной информации и информационных технологий носит специфический характер, а сами эти технологии, информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, весьма динамично развиваются. Базовым в этом смысле является Закон об информации. В этом Законе информация определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления. Компьютерная информация (один из видов информации) в комментируемой статье определяется как информация в форме электрических сигналов независимо от средств их хранения, обработки и передачи – на машинном носителе, в персональном компьютере или в их Сети, в мобильном телефоне, смартфоне, бортовом компьютере автомобиля, банкомате [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 2017].

Ключевыми в комментарии под редакцией В. М. Лебедева являются такие фразы, как *информация в форме электрических сигналов независимо от средств их хранения, обработки и передачи, информационные ресурсы, информационная система.*

В данном комментарии автор не дает определения компьютерной информации, охраняемой законодательно, а говорит о том, что в каждой конкретной ситуации/преступлении необходимо заключение эксперта и, соответственно, проведение экспертизы. То есть, по мнению автора комментария, любая информация, хранящаяся на носителе или на информационном ресурсе, может быть признана компьютерной информацией, охраняемой законом. Поэтому сложность, глубину и факт преступления нужно рассматривать в каждом конкретном случае отдельно, учитывая ряд факторов.

Комментарий УК РФ (под ред. Г.А. Есакова). «Предметом преступления является охраняемая законом компьютерная информация (примечание 1 к статье). Такая информация, как правило, представляет собой сведения о лицах, предметах, фактах, событиях,

явлениях и процессах на внешнем носителе, в компьютерной памяти или компьютерной сети. Информация является охраняемой законом постольку, поскольку лицо не обладает правами доступа к данной информации; характер информации, ее охрана законодательством об авторском праве и смежных правах, законодательством о государственной тайне и т.п. не имеют значения» [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 2017].

Ключевыми в комментарии под редакцией Г. А. Есакова являются такие фразы, как *сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах на внешнем носителе, в компьютерной памяти или компьютерной сети.*

В данном комментарии автор делает акцент на правах доступа к любой информации любого характера на любом носителе. По мнению автора, незаконное получение данных, без наличия к нему доступа, может квалифицироваться как преступление в рамках соответствующей статьи закона.

Таким образом, комментарии к закону о компьютерной информации, представленные членами профессионального сообщества, содержат существенные расхождения. Это обусловлено следующими факторами: 1) в тексте закона используется достаточно широкое определение таких ключевых понятий, как *компьютерная информация, носители компьютерной информации*; 2) комментарии зачастую носят субъективный характер, на содержание которых влияют идеология, правосознание, социальные и моральные нормы субъекта, дающего комментарий, то есть личное мировоззрение, внешние факторы и глубинные познания комментирующего; 3) влияние опыта других стран при рассмотрении этого вопроса. Соответственно, комментарии носят субъективный характер, основанный на личных знаниях и коммуницировании с экспертами.

Формулировка закона позволяет произвольно обозначить объект неправомерного доступа (электронный носитель, базу данных, конкретную информацию и т.д.) и, уже исходя из этого, комментировать статью закона.

Таким образом, все охраняемые законом виды информации могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ.

Описание обыденных толкований текста закона рядовыми гражданами как результат лингвистического интерпретационного эксперимента

Экспериментальное описание обыденных толкований юридического текста выполнено в соответствии с разработанной нами теорией и методикой проведения подобного вида анализа, которые представлены в работе «Вариативно-интерпретационное функционирование текста» [Ким, 2012]. Согласно этой теории, объектом восприятия адресатом является исходный, *интерпретируемый текст*, а результатом его ментально-речевой деятельности является вторичный, *интерпретирующий текст*. Интерпретируемый и интерпретирующий тексты находятся в отношениях формально-смыслового единства. Интерпретирующий текст в генетическом аспекте является вторичным текстом, который обусловлен, порожден в формальном и смысловом отношении исходным текстом, а в функциональном аспекте интерпретирующий текст есть результат компрессии (сжатия) интерпретируемого текста.

Материалом для эксперимента является следующий текст из статьи 272 УК РФ: *«Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, наказывается штрафом.*

Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [Уголовный кодекс РФ].

Цель эксперимента – выявить смысловые версии исходного текста и осуществить моделирование его интерпретационного поля, тем самым установить диктум и модус понятия компьютерной информации в понимании рядовыми носителями русского языка.

Участниками эксперимента являются студенты Кемеровского государственного университета, обучающиеся на направлении «Филология», т.е. лица, не принадлежащие профессиональному юридическому сообществу. Всего в эксперименте участвовали 50 человек.

Ход эксперимента.

При проведении эксперимента испытуемым был предложен текст статьи закона, который сопровождался следующими вопросами: 1) *О чем этот текст?* 2) *Что, по вашему мнению, является «компьютерной информацией»?*

Такая формулировка вопросов предполагает восприятие текста как в диктумном, так и в модусном аспектах. Предложенный для эксперимента текст предполагает обнаружить контекст, направление рассуждений респондентов в область уголовного правоприменения. При толковании предложенного текста респонденты должны были исходить из своих presuppositions, исходных установок, семантики составляющих эту фразу слов, предпочитаемых стратегий интерпретации. Задачами эксперимента является 1) выявление семантических вариантов интерпретируемых терминов; 2) анализ множественной вариативности результатов толкования юридического текста и установление интерпретационных стратегий.

По результатам эксперимента было получено 50 ответов, функционально представляющих собой интерпретирующие тексты. Анализ содержания ответов позволяет говорить, что ключевая фраза в этом тексте – *компьютерная информация* – понимается носителями языка по-разному, что и задает множество интерпретаций текста в целом.

Представим смысловые версии интерпретируемого текста и охарактеризуем его интерпретационное поле как совокупность смысловых версий. Под смысловой версией мы понимаем ментально-речевую единицу, извлекаемую из интерпретируемого текста и моделируемую нами с целью выявить, актуализировать его смысловое содержание [Ким, 2012].

При интерпретации предлагаемой респондентам фразы были предложены различные ответы, которые позволили нам выявить следующие смысловые версии текста.

1) «Компьютерная информация – это информация, которая хранится на компьютере» (16 ответов – 32%): *Под компьютерной информацией понимаются сведения о лицах, фактах и событиях и компьютер это хранит в своих носителях (Здесь и далее орфография и пунктуация респондентов сохраняются); компьютерной информацией являются информация которая находится в памяти компьютера; компьютерная информация – сообщения личные данные и т.д., это вся информация связанная с компьютером или взята из него; компьютерная информация – это данные людей которые хранятся в электронном виде на компьютере.*

Ключевыми единицами в этих ответах являются слова и словосочетания: *компьютер хранит, в памяти компьютера, в персональном компьютере, хранится на компьютерном носителе.*

2) «Компьютерная информация – информация в форме электрических сигналов (в электронном виде)» (14 ответов – 28%): компьютерная информация – это какие-либо сведения, данные или сообщения, занесены в электронном виде, представленные в форме электрических сигналов; компьютерной информацией являются электрические сигналы в виде СМС – сообщений, каких-либо данных; компьютерной информацией является какие то сведения, данные, которые засекречены, т.к. они охраняются законом и представлены они в форме электрических сигналов; компьютерная информация: информация в виде знаков и символов: компьютерная информация – электронные данные, данные переведенные в цифровой формат любого типа; компьютерной информацией – являются данные представленные в двоичном виде.

Ключевые единицы: электрические сигналы, электронный вид.

3) «Компьютерная информация – информация на электронном носителе» (7 ответов – 14%): это информация, которая находится на электронном носителе, компьютерная информация – это сведения, хранящиеся на электронных носителях, например на компьютере, планшете, телефоне; вся та информация, что хранится на электронных носителях; компьютерная информация – это электронный носитель.

Ключевые единицы: электронный носитель, машинный носитель.

4) «Компьютерная информация – любая информация» (7 ответов – 14%): Компьютерная информация – относятся любые фото, видео, аудиоматериалы, сообщения, личная информация граждан; компьютерная информация – любая информация хранящаяся в электронном виде; компьютерная информация – это любая информация которая хранится не на бумажных носителях.

Ключевые единицы: любая информация, любые фото, видео, аудиоматериалы, сообщения.

5) «Компьютерная информация – данные, находящиеся в собственном пользовании» (6 ответов – 12%): Компьютерной информацией являются данные, находящиеся в собственном электронном или интернет ресурсе, которые принадлежат только одному человеку, это могут быть документы, фото, видео, музыка, сообщения и т.д.; компьютерная информация – это своя форма общения, т.е. текст, тезисы и т.д.; компьютерная информация – это личные данные, сообщения; компьютерной информацией являются также наши персональные данные, сообщения.

Ключевые единицы: *находящиеся в собственном пользовании, принадлежат только одному человеку, сообщения, личные данные, персональные данные.*

Анализ результатов эксперимента позволяет утверждать, что содержание исходного текста закона рядовыми носителями языка воспринимается неоднозначно. Результатом толкования смысла данной фразы являются интерпретирующие тексты, которые отражают указанные выше смысловые версии как реализацию семантико-прагматических смыслов текста. Совокупность смысловых версий образует недискретное смысловое пространство – *интерпретационное поле текста*, которое имеет ядерно-периферийную организацию [Ким, 2010].

Интерпретационное поле рассматриваемого текста имеет полицентрическую структуру, предполагающую наличие нескольких основных противопоставленных смысловых центров. Один из смысловых центров образуют смысловые версии: 4) «Компьютерная информация – любая информация», 5) «Компьютерная информация – данные, находящиеся в собственном пользовании».

Другой смысловой центр составляют смысловые версии: 1) «Компьютерная информация – это информация, которая хранится на компьютере», 3) «Компьютерная информация – информация на электронном носителе».

Третий смысловой центр составляют смысловые версии: 2) «Компьютерная информация – информация в форме электрических сигналов (в электронном виде)».

Выделение этих смысловых центров основано на различии ключевого содержания, которое обозначили респонденты. В первом случае компьютерная информация понимается как совокупность информации (данных, сведений). Во втором случае актуализируется место хранения компьютерной информации. В третьем случае определяющим является форма компьютерной информации.

Таким образом, на основе анализа толкования текста закона можно утверждать, что рядовые носители русского языка неоднозначно воспринимают понятие компьютерной информации.

Неоднозначность восприятия обусловлена, во-первых, объективными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения, стихийность функционирования и др.) и, во-вторых, индивидуально-психологическими особенностями рядового

носителя языка, активным характером его рецептивной деятельности. Рядовые носители русского языка являются субъектами обыденного толкования, которому присуща вариативность понимания, основанная на субъективном восприятии текста. При толковании предложенного текста респонденты исходили из семантики составляющих эту фразу слов, предпочитаемых стратегий интерпретации, а также своих исходных установок, содержащих представление о компьютерной информации.

Выводы

Таким образом, в процессе анализа толкования текста закона представителями профессионального сообщества и рядовыми носителями языка было установлено следующее.

Специалисты в области юриспруденции подходят к трактовке и интерпретации статей законов глубже и отмечают в первую очередь правовые аспекты. Используют для интерпретации такие способы толкования, как систематический, специально-юридический, грамматический, телеологический и т.д. В то же время опрос респондентов показал, что в первую очередь студенты ориентируются на семантику слов, составляющих эту фразу.

Интерпретация статьи закона обыденными гражданами и специалистами-юристами различается объектами понимания. Так, юристы, судя по комментариям, рассматривают текст закона в целом, не разделяя его на части. Обыденные граждане интерпретируют закон, исходя из его контекста. То есть для них термин *компьютерная информация* – это прежде всего отсылка к личному опыту, а не юридическое понимание.

И юристы-специалисты, и рядовые граждане неоднозначно интерпретируют статью закона, что обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. С одной стороны, вариативность толкований юридического текста определяется особенностями языковых формулировок и используемой терминологии. С другой стороны, это связано с качественным разнообразием типов языковой личности – рядовых граждан государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голев Н. Д. От редактора. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 4–11.

Голев Н. Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 8–39.

- Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Спарк. 1998. 166 с.
- Ким Л. Г. Интерпретационное поле как реализация вариативно-интерпретационного потенциала текста (на материале лингвистического эксперимента) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 203–212.
- Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 272 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный): Т. 2 / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. 792 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция. 2013. 912 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Раздел IX (постатейный). Т. 3 / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт. 2017. 215 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М: Проспект. 2017. 670 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М: КОНТРАКТ. 2013. 300 с.
- Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование; под ред. д-ра юрид.наук, профессора А.С. Пиголкина. М.: Спарк. 1998. 283 с.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021).
- Соцура Л.В. Неофициальное толкование норм права: учебное пособие. М.: Профобразование, 2000. 112 с.
- Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2000. 422 с.
- Шабуров А.С. Теория государства и права. М., 1997. С. 358–372.

VARIABILITY FACTORS FOR INTERPRETING THE TEXT OF THE LAW BY THE PROFESSIONAL COMMUNITY AND ORDINARY NATIVE SPEAKERS

Lidia G. Kim

*Kemerovo State University,
Russian Federation, 650000, Kemerovo, Krasnaya, 6*

The article discusses the problem of professional and ordinary interpretation of the legal text. It determines the ratio of these notions, the difference between subjects, goals, features of the process and the result of these interpretations of the legal document. The material for the study includes article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation, the content of which is the subject matter of interpretations by the professional community and ordinary citizens. In the first case, the comparison of the comments on this article in the works of lawyers and polemics in the professional community allows to state the variability of interpretations and identify variability factors, which include: a) blurring / vagueness of the law article wording, b) personal experience of the lawyers, c) the difference in social realities of the commentators of the law article. It is proved that in the professional community

the legal text inevitably contains variability of interpretations, which is conditioned by the given factors. The results of ordinary interpretation are achieved via the linguistic interpretive experiment, the purpose of which is to identify the aggregate multiplicity of interpretive texts as a result of ordinary interpretations. The analysis of the experimental results allows to claim that ordinary native speakers perceive the content of the original legal text ambiguously. The result of the semantic interpretation of article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation embraces the interpretive texts that reflect semantic versions as implementations of semantic-pragmatic meanings of the text. A set of semantic versions forms a non-discrete semantic space, i.e. an interpretive field of the text that has a nuclear-peripheral organization. Analyzing the legal text interpretations by members of the professional community and ordinary native speakers of the language allowed to achieve the following conclusions. Specialists in jurisprudence approach the interpretation of law articles more profoundly and point out primarily the legal aspects. Conversely, the respondents' survey showed that ordinary citizens are guided by the semantics of the words that make up the phrase. Interpretations of the law article by ordinary citizens and specialist lawyers differ in objects of understanding. Lawyers consider the text of the law as a whole. Ordinary citizens interpret the law depending on its context. Both lawyers and ordinary citizens interpret the law article ambiguously, which is due to both objective and subjective factors. On the one hand, the variability of legal text interpretations is determined by the peculiarities of language wordings and the terminology used. On the other hand, it is conditioned by the qualitative variety of types of language personality, or speakers of ordinary consciousness.

Keywords: legal text, text interpretation, professional interpretation, ordinary interpretation, interpretation variability

Контактная информация:

Ким Лидия Густовна – д-р филол. наук, доцент;

kimli09@mail.ru

И.А. Нефляшева

*Аппарат Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея,
Российская Федерация, Республика Адыгея,
385000, г. Майкоп, ул. Жуковского, 22
АРОО Ассоциация лингвистов-экспертов «Аргумент»
Российская Федерация, Республика Адыгея,
385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 19, 9*

ДЕСКРИПТИВНОСТЬ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЯЗЫКА РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена анализу тенденции описательных наименований в языке федерального и регионального законодательства. Рассматриваются частотные формулы номинаций органов государственной власти и их лексический статус. Делаются выводы о негативном характере тенденций дескриптивности и детерминологизации в языке закона.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, язык закона, дескриптивность, детерминологизация.

Доступность, являясь одним из конституирующих принципов языка законодательства, в то же время является и источником присущего ему противоречия. Язык закона прежде всего система, обсуживающая профессиональную коммуникацию юристов, правовой социолект насыщен специальными номинациями, терминами, характерными для профессионального субстрата, требование же понятности и доступности нормативных предписаний для всех членов языкового коллектива предписывает необходимость их специальной дефиниции или использования описательных конструкций.

Обращает на себя внимание выявленная в поле федерального и регионального законодательства и на протяжении нескольких лет наблюдения расширяющаяся тенденция к описательности номинаций органов государственной власти и организаций, обладающих властно-распорядительными полномочиями.

Проследим это на примере изменения редакций части 5 статьи 4 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Если в момент принятия закона в данной части указано, что *«Координацию туристской деятельности в Российской Федерации осуществляет федеральный орган исполнительной власти в сфере туризма»*, то в

2007 году наименование органа в тексте закона было изменено, при этом появилось сокращение, повторяющее прежнее полное описание:

Государственное регулирование туристской деятельности в Российской Федерации осуществляет в пределах своих полномочий федеральный орган исполнительной власти, на который возложены функции по проведению государственной политики, нормативному правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере туризма (далее – федеральный орган исполнительной власти в сфере туризма)» (ФЗ от 05.02.2007 № 12-ФЗ).

И в 2012 году появляется формулировка *«Государственное регулирование туристской деятельности в Российской Федерации осуществляется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти (далее – уполномоченный федеральный орган исполнительной власти)»* (ФЗ от 03.05.2012 № 47-ФЗ).

Таким образом, наименование государственного органа в тексте законодательного акта последовательно заменялось описанием его полномочий, в действующей редакции дескрипция сосредоточена вокруг концепта *«государственное регулирование»*.

Соответствующий орган государственной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами туризма, Комитет Республики Адыгея по туризму и курортам, входящий в систему исполнительных органов государственной власти, в законодательных актах последовательно именовался как:

– орган государственной власти Республики Адыгея в сфере туризма (Закон Республики Адыгея от 02.08.1995 № 30 «О туризме»; вслед за упомянутым нами Федеральным законом от 24.11.1996 № 132-ФЗ использована дескрипция «органы государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере туризма»);

– исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, обеспечивающий проведение на территории Республики Адыгея государственной политики в сфере туризма и курортов (Закон Республики Адыгея от 08.07.2019 № 252 «О полномочиях органов государственной власти Республики Адыгея в сфере развития туризма»).

Наименование государственного органа в Республике Адыгея также заменяется описанием его полномочий, в действующей

редакции дескрипция сосредоточена вокруг концепта «*проведение государственной политики*» (ср. с концептом «*государственное регулирование*» федерального акта).

Законодатель объясняет использование описательной номинации прагматическими задачами: закон как высший нормативный акт должен быть стабильным и охватывать область правового регулирования в ее существенных векторах, не подверженных сиюминутным изменениям, а название органа может измениться (*комитет/министерство/департамент; туризм/туризм и курорты, спорт, туризм etc.*).

Действительно, начиная с 1992 года соответствующий федеральный государственный орган или структура носили названия комитета, государственного комитета, департамента, федерального агентства; помимо туризма, в ведение указанных органов могли входить физическая культура, спорт, молодежная политика, что отражалось в их названиях. В 2004 году федеральный орган исполнительной власти в сфере туризма получил название *Федеральное агентство по туризму (Ростуризм)*. Подобные процессы наблюдались и на региональном уровне, но уже в 2005 году в Адыгее образован *Комитет Республики Адыгея по туризму и курортам*, его название не менялось.

Представляется, что объяснение «простой целесообразностью» прикрывает тенденцию к использованию наименований органов власти в целях, выходящих за пределы функции идентификации, – для описания характеристик и полномочий властного субъекта.

Ранее частотные формулы «исполнительный орган государственной власти в сфере/в области...» и «исполнительный орган государственной власти, ведающий вопросами в сфере/в области...» (туризма, экономической политики, финансов...) имели функции идентификации соответствующих органов без их наименования:

орган исполнительной власти Республики Адыгея в сфере образования (базовый Закон Республики Адыгея от 18.12.2007 № 131); *исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами финансов* (Законы Республики Адыгея от 26.07.2002 № 82, 08.06.2011 № 4 и др.);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами сельского хозяйства (Закон Республики Адыгея от 01.04.2016 № 523);

орган исполнительной власти Республики Адыгея, ведающий вопросами охраны труда (Закон Республики Адыгея от 11.07.2001 № 24).

Принятые сейчас обозначения дополняются дескрипцией типа, задач и возможностей властного субъекта, в них содержится отсылка к концептам «государственное управление», «проведение/реализация государственной политики»:

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий государственное управление в сфере образования (акт изменения Закон Республики Адыгея от 02.07.2014 № 313);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий государственное управление в области физической культуры и спорта (Закон Республики Адыгея от 08.08.2019 № 269);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий государственное управление в сфере здравоохранения (Закон Республики Адыгея от 04.08.2016 № 563);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, осуществляющий функции по реализации государственной политики в сфере труда и социального развития (Закон Республики Адыгея от 30.03.2021 № 450).

Новации последнего времени связаны с вынесением лексемы уполномоченный в начало данных дескрипций:

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея на осуществление функций по организации регулярных перевозок (Закон Республики Адыгея от 08.08.2019 № 261);

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея по регулированию тарифов на регулярные перевозки (Закон Республики Адыгея от 08.08.2019 № 261);

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея в сфере здравоохранения (Закон Республики Адыгея от 24.02.2021 № 441).

Следует отметить, что большинство анализируемых дескриптивных конструкций перешло из текстов федерального законодательства в региональное вследствие юрислингвистического требования единообразия законодательной техники и стиля документов.

Вызывает вопросы лексический статус таких номинаций. Из системы юридических онимических терминов наименования превращаются в устойчивые словосочетания. Так, при изменении наименования высшего должностного лица субъекта с *Президента* на *Главу* жестким требованием со стороны законодателя было изменение всего многословного комплекса, а не его отдельного фрагмента (например, *Администрация Президента Республики Адыгея и Кабинета Министров Республики Адыгея*).

Анализируемые конструкции характеризуются закрепленным порядком следования компонентов. В системе регионального законодательства наименования орган исполнительной власти Республики Адыгея рядом специальных актов-изменений были заменены на исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея.

Еще одна характеристика подобных номинаций – повторяемость. При последующем упоминании в тексте закона и в подзаконных актах соблюдается набор и порядок компонентов. Однако ввиду большого числа лексем законодателем зачастую используются сокращения типа *далее – уполномоченный орган*.

Таким образом, многословные описательные конструкции сохраняют характеристики терминологических единиц, не являясь ими по смыслу.

Очевидно, что излишнее стремление заполнить наименование органа всеми его компетенциями и полномочиями приводит к речевой избыточности (*уполномоченный орган... на осуществление функций по организации регулярных перевозок* – это орган по организации перевозок; слова *уполномоченный, на осуществление функций* избыточны) и даже казусам (*уполномоченный орган осуществляет свои полномочия через уполномоченные им подведомственные организации; иные полномочия уполномоченных органов относятся к полномочиям уполномоченного органа*).

Сомнительна необходимость в такой регламентации и с юридической точки зрения: компетенции органов в подобных законодательных актах посвящены специальные статьи либо вопросы их ведения регламентируются специальными положениями.

Наличие многословных описаний компетенций, соответствующих почти дословно тематике законодательного акта, размывают идентификационную функцию названий органов власти, вопрос о том, в какой конкретно орган обращаться за решением вопроса, остается открытым для лица, не обладающего правовыми знаниями:

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, уполномоченный в сфере управления и распоряжения государственной собственностью Республики Адыгея (Закон Республики Адыгея от 26.03.2020 № 330 «О внесении изменений в Закон Республики Адыгея «О республиканском бюджете Республики Адыгея на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, уполномоченный в области обращения с животными (Закон Республики Адыгея от 04.03.2020 № 323 «Об отдельных вопросах

регулирования отношений в области ответственного обращения с животными»);

исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея, уполномоченный в сфере создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий (Закон Республики Адыгея от 27.03.2020 № 336 «О внесении изменений в Закон Республики Адыгея “О регулировании отдельных вопросов в сфере создания и обеспечения охраны особо охраняемых природных территорий республиканского и местного значения»);

уполномоченный исполнительный орган государственной власти Республики Адыгея в сфере организации отдыха и оздоровления детей (Закон Республики Адыгея от 27.03.2020 № 331 «О внесении изменения в статью 11 Закона Республики Адыгея «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства»).

Таким образом, использование дескриптивных номинаций в юридическом дискурсе способствует размыванию правовых дефиниций, делая акцент на их буквальной описательности, что позволяет говорить о том, что описательность как тенденция языка законодательства противоречит требованиям точности и понятности юридического текста.

DESCRIPTIVENESS OF NOMINATIONS AS TRENDS IN THE LANGUAGE OF REGIONAL LEGISLATIVE ACTS

Indira Aminovna Nefliasheva

The Apparat of the State Council – Khase of the Republic of Adygea, Association of Linguistic Experts «Argument»

The article deals with a study of the tendency towards descriptiveness of the nouns of state authorities revealed in the field of regional legislation. Frequency formulas of such nominations and their lexical status are considered. Conclusions are made about the negative nature of determinization tendencies and descriptiveness of nominations in the language of law.

Key words: legal linguistics, language of law, determinologization.

Контактная информация:

Нефляшева Индира Аминовна – кандидат филологических наук, доцент;
argumentum@list.ru

ТИПЫ ГИПЕРССЫЛОК В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В работе представлен подход к юридическому тексту как гипертексту, обязательным структурным элементом которого является гиперссылка, обеспечивающая его нелинейное прочтение и, как следствие, обуславливающая особенности его восприятия, понимания и интерпретации как специалистами, так и неспециалистами. Автор выделяет отдельные типы гиперссылок, функционирующих в законодательных текстах (Конституции РФ, Уголовном, Гражданском, Семейном кодексах, а также в ряде Федеральных законов), и предлагает классифицировать их по следующим основаниям: 1) по степени очевидности для реципиента, 2) по наличию конечного элемента, 3) по способу представления целевого элемента, 4) по отношению к исходному тексту, 5) по направлению гипертекстового перехода.

Ключевые слова: юридический текст, юридический дискурс, текст закона, гипертекст, гиперссылка.

Проблема разработки высоких лингвистических стандартов юридического текста является одной из наиболее актуальных проблем современного российского общества. В этой связи в лингвистических исследованиях, во-первых, активно изучается сложность и противоречивость феномена юридического языка (как лингвистами, так и правоведами), во-вторых, разрабатываются теоретические и практические аспекты проведения экспертизы текстов нормативных актов и законов, которые позволяют предотвратить их неверную интерпретацию как специалистами, так и неспециалистами.

В этой связи одним из актуальных аспектов проблемы интерпретации юридических текстов является определение и анализ языковых элементов и смысловых фрагментов текста, требующих от адресата дополнительных когнитивных усилий: установления внутритекстовых связей, дефинирования и т.д.

В данном исследовании рассматриваются элементы юридического текста, которые могут быть адекватно интерпретированы через обращение к другому (или другим) юридическим текстам.

Материалом исследования послужили тексты законодательных текстов: Конституции РФ, Уголовного, Гражданского, Семейного кодексов, а также ряда Федеральных законов.

В работе представлен подход к юридическому тексту как гипертексту, то есть как к «форме представления информации, при которой кодирование и раскодирование смысла выходит за пределы содержания отдельно взятой информационной единицы, оказывается зависимым от нелинейных парадигматических и синтагматических отношений, устанавливаемых как автором, так и читателем» [4, с. 6]. Обязательным структурным элементом любого гипертекста является гиперссылка. Именно гиперссылка реализует переход от одной информационной единицы к другой, обеспечивая тем самым нелинейное прочтение текста и, как следствие, обуславливая особенности его восприятия, понимания и интерпретации. В этой связи становится очевидной необходимость рассмотрения особенностей функционирования гиперссылок в правовых текстах, так как ссылки обеспечивают навигацию внутри юридического текста, а следовательно, формируют определенную модель его прочтения, что, в свою очередь, напрямую связано с возможностью понимания и интерпретации как специалистами, так и рядовыми носителями языка.

На сегодняшний день в научной литературе представлено большое количество классификаций гипертекстовых ссылок. Типологизацией гиперссылок занимались М. И. Беляев [1], О. В. Дедова [3], Е. В. Зыкова [4], Р. К. Потапова [6], С. Г. Носовец [5], С. А. Стройков [8] и др. В основе имеющихся классификаций положены различные параметры.

В классификации Р. П. Потаповой [6] представлено 4 типа гиперссылок: 1) структурные, связывающие элементы объектов с другими элементами или целым объектом; 2) референциальные, обеспечивающие связь выражения (референта) с его объектом; 3) семантические (связь документов, имеющих похожее содержание); 4) условные (связь двух объектов в зависимости от рода отношений между ними). Таким образом, в рамках данной типологии гиперссылки рассматриваются как средство связи между информационными единицами.

О. В. Дедова [3] выделяет структурные гиперссылки, являющиеся интерактивным вариантом традиционного оглавления, и содержательные ссылки, связанные с семантическим уровнем гипертекстового перехода.

С. Г. Носовец [5] разработала типологию гиперссылок новостных сайтов, Т. И. Рязанцева [7] дифференцировала ссылки по

степени близости между информационными единицами, выполняемой дискурсивной функции, авторству и форме репрезентации в электронном виде.

Одной из наиболее детальных считается классификация Е. В. Зыковой [4], выделяющей 1) графически маркированные / графически немаркированные; 2) внутритекстовые / вынесенные за пределы вербальной части текста; 3) релевантные / нерелевантные / частично релевантные; 4) адаптированные / неадаптированные гиперссылки.

Таким образом, рядом авторов ссылки электронного гипертекста изучаются с учетом присущих им технических особенностей реализации, однако широкое понимание гипертекста как любого нелинейно структурированного текста и, как следствие, существование неэлектронных гипертекстов обуславливает необходимость рассмотрения явления гиперссылки печатного текста.

Проведенный нами анализ юридического дискурса в целом и законодательных текстов в частности позволил классифицировать гиперссылки неэлектронного (печатного) юридического гипертекста по следующим основаниям.

I. По степени очевидности для реципиента гиперссылки можно типологизировать как очевидные и неочевидные.

Очевидные гиперссылки – это элементы структуры гипертекста, фрагменты текста-источника, семантически (вербализуют интенцию перехода) и графически (заглавные буквы, аббревиатуры и цифровые данные (номер документа, дата и т. п.) выделенные из основного текстового массива. Очевидные гиперссылки легко опознаются реципиентами внутри текста и всегда прямо указывают на необходимость обращения к иному текстовому фрагменту. Традиционно в качестве очевидных гиперссылок выступают названия юридических документов (законов, постановлений и т.п.) или их частей (разделов, глав и т.д.): «...судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса» (Уголовный кодекс РФ, Ст. 18).

Неочевидные гиперссылки мы понимаем как графически не выделенные элементы структуры гипертекста, фрагменты текста-источника, материализованные посредством термина или терминологического сочетания, которые актуализируют в тексте-источнике значение, закрепленное в конкретном тексте-объекте ссылки,

обеспечивающее единственно правильное толкование исходного текста. Неочевидные гиперссылки реализуются в юридическом тексте посредством терминов или терминологических сочетаний, содержащих интенцию перехода к конкретному фрагменту данного закона, либо другого законодательного текста с целью актуализации одного понятия из ряда смежных или выделения его существенных признаков.

Ср.: «*Брачный договор (ст. 40 СК РФ) не может ограничивать правоспособность (ст. 17 ГК РФ) или дееспособность (ст. 21 ГК РФ) супругов...*» [Тексты-объекты, заключенные в скобки, выделены нами. – В.П.].

II. По наличию конечного элемента гиперссылки можно условно разделить на целевые, частично открытые и открытые.

Гиперссылка как средство, обеспечивающее переход между отдельными текстовыми фрагментами, связывает стартовый элемент (страницу, текст), форму ссылки и целевой элемент (объект назначения) [5 с. 127]. В этой связи гиперссылки, содержащие интенцию перехода к конкретному фрагменту данного или иного текста, названы нами целевыми:

Ср.: «...в случаях, предусмотренных пунктом 6 статьи 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации...» (ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

Ссылки, не имеющие конкретного целевого элемента, отсылающие ко всему законодательству в целом, считаем открытыми. Подобные гиперссылки обеспечивают возможность изменения правового текста за счет введения новых фрагментов и исключения старых.

Ср.: «...если иное не предусмотрено законодательством»

Следует отметить, что понятия «очевидная» и «целевая» ссылки неравнозначны. В законодательных текстах функционируют неочевидные целевые гиперссылки, которые репрезентируются посредством терминов, правовое содержание которых строго определено каким-либо фрагментом нормативного правового акта. Так, в качестве источника дефиниции для термина «*публичное мероприятие*», встречающегося в ряде юридических текстов, должна быть использована ст. 2 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ. Таким образом, данный термин содержит интенцию перехода к конкретному целевому

элементу (ФЗ «О митингах...»)), однако эта интенция неочевидна. Подобную ссылку можно охарактеризовать как неочевидную целевую. При этом неочевидные гиперссылки могут быть как целевыми, так и нецелевыми. Так, неочевидные нецелевые гиперссылки представляют собой оценочные понятия, функционирующие в текстах законов. Например: понятие *«уважительные причины»*, встречающееся в ряде статей нормативных правовых актов (ст. 11 Семейного кодекса РФ, ст. 205 Гражданского кодекса РФ и др.).

Данные элементы правового текста, будучи терминами, нуждаются в обязательном дефинировании, а значит, должны отсылать к источнику дефиниции, однако многие оценочные понятия «имеют незамкнутую, открытую структуру и определяется как участниками гражданских правоотношений, так правоприменительными органами с учетом конкретных обстоятельств дела» [2 с. 221], а следовательно, подобные гиперссылки не имеют целевого элемента.

Таким образом, по наличию конечного элемента в юридическом тексте представлены следующие типы гиперссылок: очевидные / целевые, очевидные / нецелевые, неочевидные / целевые, неочевидные / нецелевые. Кроме того, в данной типологии гиперссылок целесообразно выделить промежуточное явление: ссылки, имеющие частично конкретизированный элемент.

Ср.: *«не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией»*, *«...если иное не предусмотрено настоящим Кодексом»*, *«запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»* и т.п.

Подобные гиперссылки нельзя называть собственно открытыми, так как они сужают целевой элемент до какого-либо конкретного нормативного правового акта, однако, с другой стороны, не предоставляют конкретного «адреса» текста, необходимого для декодирования исходной текстовой единицы.

III. По способу представления целевого элемента можно выделить неконкретизированные и конкретизированные гиперссылки. Неконкретизированные ссылки не содержат указания на конкретный юридический текст. Это могут быть:

- ссылки на всю совокупность законодательных текстов: *«...если иное не предусмотрено законодательством»*;
- ссылки на группу текстов: *«доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами»*.

Конкретизированные ссылки предписывают обращение к конкретным юридическим текстам:

а) к нормативно-правовому акту в целом: «*в порядке, установленном настоящей Конституцией*», «*определяются только настоящим Кодексом*» и т.п.;

б) к части нормативно-правового акта: «*предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса*»;

в) к конкретной статье: «*снятые или погашенные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса*»;

г) к фрагменту (части/ пункту / абзацу) статьи: «*в соответствии с частью 7 статьи 95 настоящего Федерального закона*», «*Отказ от наследства в пользу лиц, не указанных в пункте 1 настоящей статьи, не допускается*» и т.п.

Очевидно, что неконкретизированные и конкретизированные ссылки отличаются друг от друга объемом целевого элемента: неконкретизированные ссылки предполагают обращение к значительному массиву юридических текстов, тогда как конкретизированные позволяют оперировать информацией в рамках обозначенного текста или его части.

Отметим, что не существует прямой зависимости между типом целевого элемента гиперссылки и другими, указанными выше, параметрами. Целевые элементы очевидных ссылок могут быть различными по объему (см. примеры, приведенные нами в качестве иллюстрации типологии гиперссылок, характеризующихся разным объемом целевого элемента).

Неочевидные гиперссылки также могут отсылать к различным по объему элементам. Напр., «*Наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону...*» (ст. 1111 Гражданский кодекс РФ). В данном фрагменте представляется возможным выделить неочевидные гиперссылки («*наследование по завещанию*», «*наследование по закону*»), каждая из которых отсылает к отдельной главе ГК РФ (гл. 62 и 63 соответственно). При этом для термина-гиперссылки «*наследственный договор*» целевым элементом является одна статья – 1140.1.

Статья 31 Конституции РФ содержит ссылку на отдельный Федеральный закон. Ср.: «*Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование*». Если рассматривать

в качестве целевого элемента выделенных гиперссылок только ст. 2 («Основные понятия») ФЗ «О митингах...», то возможно ошибочное декодирование правовой нормы, так как включения дефиниции в исходный текст недостаточно для понимания всех аспектов данной нормы. Использование в качестве источника дефиниции 2-й статьи ФЗ «О митингах» позволяет рассматривать текст 31-й статьи Конституции как не имеющей никаких дополнительных требований к проведению перечисленных публичных мероприятий. Частные аспекты данной нормы – требование уведомления о проведении публичного мероприятия, соблюдения определенных норм поведения и т.д. – выводятся из совокупности текстов всех статей рассматриваемого Федерального закона, что позволяет сделать вывод о том, что данные гиперссылки в целевой элемент включают полный текст этого нормативного правового акта.

IV. По отношению к исходному тексту гиперссылки можно представить как внутренние и внешние.

Стартовый и целевой элементы внутренних гиперссылок не выходят за пределы текста одного нормативно-правового акта: *«...запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания», «указанных в части 6 статьи 47 настоящего Кодекса», «осуществляется настоящей Конституцией»* и т.п.

Целевой элемент внешних гиперссылок находится за пределами законодательного текста, содержащего данную ссылку: *«согласно общепризнанным принципам и нормам международного права», «осуществляется <...> и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий», «...руководствуются положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”*» и т.п.

V. По направлению гипертекстового перехода возможно выделить взаимные и однонаправленные гиперссылки

Взаимные гиперссылки реализуются как параллельные конструкции, принадлежащие разным нормативно-правовым актам, ссылающимся друг на друга. Обычно одна из взаимных гиперссылок принадлежит акту высшей юридической силы.

Ср.: *«Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом...»* (ст. 6 Конституция РФ).

«Вопросы гражданства Российской Федерации регулируются Конституцией Российской Федерации...»
(Федеральный закон О гражданстве Российской Федерации от 31.05.2002 № 62-ФЗ);

Однонаправленными считаем гиперссылки, содержащие интенцию перехода к тексту, внутри которого, в свою очередь, отсутствуют обратные ссылки на вышестоящий текст.

Таким образом, в юридических текстах можно с определенной долей условности выделить 5 типов гиперссылок. Мы полагаем, что предложенная нами типология не является исчерпывающей и, как следствие, нуждается в дальнейшей разработке. В связи с тем что гиперссылки формируют определенную модель прочтения текста, описание всех типов ссылок необходимо для решения одной из главных проблем современной юрислингвистики – проблемы декодирования правового текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев, М. И.* Принцип реализации структуры гипертекста – один из основных принципов создания электронных учебников / М. И. Беляев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2012. – № 3. – С. 71–82.
2. *Вишневский, А. В.* Толкование и применение оценочных понятий в гражданском и арбитражном судопроизводстве / А. В. Вишневский, В. В. Джура, Д. А. Коварин // Право и практика. – 2019. – №1. – С. 220–228.
3. *Дедова, О. В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете / Дедова О. В. – М: МАКС Пресс, 2006. – 282 с.
4. *Зыкова, Е. В.* Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов) : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – Германские языки / Зыкова Е. В. – СПб., 2006. – 19 с.
5. *Носовец, С. Г.* Гипертекстовые ссылки в интернет-СМИ: опыт типологической характеристики / С. Г. Носовец // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №17. – С. 127–131.
6. *Потапова, Р. К.* Новые информационные технологии и лингвистика / Потапова Р. К. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2002. – 576 с.
7. *Рязанцева, Т. И.* Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка) / Т. И. Рязанцева. М.: Академия, 2008. – 208 с.
8. *Стройков, С. А.* Комплексное лингвистическое исследование гипертекстовой ссылки электронного гипертекста / С. А. Стройков // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 4 (91). – С. 99–112.

TYPES OF HYPERLINKS IN LEGAL TEXT

Vera I. Popovskaya

Chelyabinsk State University,

129 Brat'ev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

The paper presents an approach to the legal text as a hypertext, the obligatory structural element of which is a hyperlink, which ensures its non-linear reading and, as a result, determines the features of its perception, understanding and interpretation by both specialists and non-specialists. The author identifies certain types of hyperlinks that function in legislative texts (the Constitution of the Russian Federation, Criminal, Civil, Family Codes, as well as in a number of Federal Laws), and suggests classifying them on the following grounds: 1) by the degree of evidence to the recipient, 2) by the presence of the final element, 3) by the way the target element is presented, 4) in relation to the source text, 5) in the direction of the hypertext transition.

Keywords: legal text, legal discourse, text of the law, hypertext, hyperlink.

Контактная информация:

Поповская Вера Игоревна – аспирант историко-филологического факультета, преподаватель кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета.
pshen555@mail.ru

Е.А. Руднева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9
Институт лингвистических исследований РАН,
Российская Федерация, 199004,
Санкт-Петербург, Тучков пер., 9*

В.Б. Гулида

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9
Институт лингвистических исследований РАН,
Российская Федерация, 199004,
Санкт-Петербург, Тучков пер., 9*

Е.В. Глазанова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9*

ПОНИМАНИЕ РОССИЙСКИМИ ГРАЖДАНАМИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ) [1]

Целью настоящего исследования было определить, в какой степени российские граждане понимают официальные тексты. Респондентам предлагалось ответить на вопросы после прочтения (1) информированного согласия на медицинское вмешательство, (2) правил поведения в заповеднике и (3) правил поступления в вуз (фрагмента). Восприятие и понимание текста рассматривается как сложный процесс, протекание которого зависит от характеристик не только текста, но и конкретного человека, его опыта и навыков. В статье представлены результаты количественной обработки 400 анкет: средние баллы, которые набрали респонденты, распределенные по группам в зависимости от социальных параметров (возраста, пола, уровня образования), а также от опыта работы с документами и типа занятости на настоящий момент. Наиболее высокий уровень понимания демонстрируют респонденты с неоконченным высшим образованием, основную группу которых составляют студенты вузов. Кроме того, наблюдается постепенное снижение уровня понимания с возрастом. Сравнение максимальных баллов, полученных за каждый текст, со средними демонстрирует в целом низкий уровень понимания документов отвечающими. Таким образом, степень понимания текста обусловлена навыками обработки информации,

которые по результатам настоящего исследования оказываются в среднем более разработанными у студентов вузов.

Ключевые слова: официальные документы, понимание текста, анкетирование, государственный русский язык, уровень понимания текста.

Постановка проблемы

Проблема доступности информации в особенности актуальна для официальных текстов (не только законов, которые иногда «переводятся» на «простой» язык [2], но и ряда других). Между тем существующие работы, посвященные их сложности, базируются на анализе исключительно самих текстов, причем только законодательных актов (см., напр., [Ткаченко 2016, Шашек 2017, Савельев 2018, Кучаков, Савельев 2018; Кнутов и др. 2020], см. обзор в [Белов и др. 2018]). Крайне мало исследований восприятия правовой информации, основанных на данных, полученных в ходе эксперимента или анкетирования (за исключением [Кнутов и др. 2020: 25–52], где стимулами стали опять-таки фрагменты законодательных текстов).

Как отмечает Тьен ван Дейк, «впечатляющий прогресс, наблюдаемый (...) в области психологии и искусственного интеллекта, привел (...) к осознанию того важного факта, что понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира» [ван Дейк 2000: 161]. Иными словами, понимание текста зависит во многом от характеристик читателя, его опыта и ожиданий [van Dijk, Kintsch 1983: 91].

В основу настоящего исследования легла гипотеза о том, что степень понимания текстов – а именно трех локальных актов – будет зависеть от социальных параметров респондента и его опыта работы с документами. В анкету включены следующие тексты: 1) информированное согласие на медицинское вмешательство (полностью), 2) правила поведения в заповеднике (полностью), 3) правила поступления в вуз (фрагмент). Эти документы представляют основные социальные сферы, где взаимодействует государство и граждане: здравоохранение, культура, образование, а кроме того, ознакомиться с ними имеет шанс каждый, попав в соответствующее учреждение. Конечно, не каждый будет их внимательно читать. Однако адресатом этих документов являются все граждане, у которых может возникнуть необходимость или желание вникнуть в текст.

В качестве теоретической основы предлагаются положения когнитивной психологии, позволяющие объяснить, почему разные носители одного и того же языка по-разному воспринимают и понимают текст.

Понимание как когнитивный процесс

Восприятие текста представляет собой гибкий, многоуровневый процесс [van Dijk, Kintsch 1983]. То, каким образом оно осуществляется, зависит от характеристик как самого текста, так и конкретного человека, его личного опыта. При чтении человек создает репрезентативную модель текста, соотнося ее с другими моделями, сформированными в ходе предыдущего опыта [ван Дейк 2000: 164]. В этой репрезентации выделяется три уровня:

- 1) «поверхностная», «дословная репрезентация используемых слов»;
- 2) идеи, которые содержит текст;
- 3) модели ситуации, «о чем текст» [Gernsbacher, Kaschak 2013: 464].

Как показали исследования, человек стремится затратить наименьшее возможное количество усилий, необходимых для создания репрезентации текста (см., напр., [Zwaan 1994]). Опытный читатель распознает жанр с типичными для него структурами, знание которых также облегчает создание ситуативной модели [Gernsbacher, Kaschak 2013: 471]. Например, когда мы видим перед собой название «Информированное согласие на медицинское вмешательство», мы соотносим текст с нашим предыдущим опытом, можем предугадать, о чем он и как устроен.

Если человек решает прочитать документ более внимательно, он может столкнуться с тем, что не полностью понимает его. Одна из причин заключается в том, что особенности языка могут усложнять построение модели ситуации (представления, о чем этот текст). Даже если все слова знакомы, но человек имеет мало опыта чтения подобных текстов, он может испытывать трудности при восприятии. Проверить то, в какой степени граждане могут понять официальные документы, а именно локальные акты, и было основной целью настоящего исследования.

Методика исследования

Анкета состоит из трех частей, в каждой из которых предлагается прочитать документ (или фрагмент документа) и ответить на вопросы (первая часть анкеты представлена в приложении [3]). В настоящий момент в базу данных занесены ответы 400 респондентов (мужчин и женщин в возрасте от 18 до 86 лет, с разными уровнями образования и профессиями). 300 человек из них заполнило анкету в бумажном виде и 100 – онлайн. Когда анкетирование проводилось при личной встрече, была возможность вести запись на диктофон и фиксировать спонтанные комментарии респондентов. Таким образом, материал составили как ответы на предложенные вопросы, так и реакции участников опроса, их поведение во время анкетирования.

В анкету были включены вопросы разного типа:

1) вопросы по тексту, направленные на проверку понимания документа;

2) вопросы о языковых особенностях, которые вызвали затруднения;

3) вопросы, направленные на проверку понимания более общих характеристик текста, как-то: его юридического смысла, организации информации, которая определяется более широким контекстом (например, о ходе лечения и возможности его изменения);

4) вопросы оценочного характера, выявляющие отношение носителей языка к документу в целом и его конкретным языковым особенностям;

5) вопросы, проверяющие отношение к правилам поведения в общественных местах и запретам (подробнее см. [Глазанова, Руднева 2020]).

Ответы на вопросы первых двух типов оцениваются в баллах, на основе суммы которых определяется, насколько хорошо человек понимает текст после ознакомления с ним. Это позволяет рассчитать уровень понимания и выявить соответствующий уровень компетенции (т.е. определенного навыка работы с документами), а также сравнить с результатами других респондентов. В целом мы исходили из допущения, что люди отвечали в соответствии со своими умениями и силами. Кроме того, можно проследить корреляцию компетенции с характеристиками респондентов, анализируя, как в среднем отвечают представители той или иной возрастной группы, с тем или иным уровнем образования и т.д.

Помимо количественных подсчетов баллов, отмечается стратегия ответа на вопрос: строго по предложенному тексту или исходя из общих знаний (подробнее принципы обработки данных описаны в [Глазанова, Руднева 2020]). Кроме того, ответы на другие вопросы позволяют выявить, какие языковые особенности текстов составляли трудности при восприятии и каково отношение респондентов к самим документам и их языковым особенностям [Руднева 2019]. В следующем разделе представлены первые результаты количественной обработки.

Количественные результаты анкетирования

В таблицах содержатся средние баллы [4] по группам респондентов в зависимости от социальных переменных, опыта работы с документами и занятостью в последние годы.

Табл. 1. Средние баллы по группам респондентов (уровню образования, опыту работы с документами, типу занятости, гендеру)

Уровень образования	Высшее	Неоконченное высшее	Среднее (специальное, общее)
Часть «Медицина»	5,01	5,55	3,32
Часть «Образование»	3,93	4,06	2,01
Часть «Культура»	3,71	4,03	2,45
все части	11,29	12,37	6,98
Опыт работы с документами	Значительный	Небольшой	Нет опыта
Часть «Медицина»	4,34	5,22	3,95
Часть «Образование»	3,57	3,78	2,74
Часть «Культура»	3,13	3,93	2,88
все части	10,22	11,46	8,16
Занятость	Не связанная с текстами	Связанная с текстами	
Часть «Медицина»	4,08	5,55	
Часть «Образование»	3,04	4,82	
Часть «Культура»		3,98	
все части	8,83	12,28	
Гендер	Женский	Мужской	
Часть «Медицина»	4,89	4,17	
Часть «Образование»	3,66	3,03	
Часть «Культура»	3,54	3,18	
все части	10,77	9,06	

Респонденты были разделены на следующие группы по параметру возраста:

- молодые: до 24 лет;
- взрослые: с 25 до 54 (для женщин) и до 59 (для мужчин) – сюда вошли две следующие подгруппы:
  - взрослые 1: с 25 до 44
  - взрослые 2: с 45 до 54 (для женщин) и до 59 (для мужчин);
- возрастные: женщины старше 55, мужчины старше 60.

Табл. 2. Средние баллы по возрастным группам

Возраст	Молодые	Взрослые 1	Взрослые 2	Взрослые	Возрастные
Часть «Медицина»	5,11	4,70	3,98	4,46	4,32
Часть «Образование»	3,86	3,74	2,56	3,34	2,91
Часть «Культура»	3,75	3,26	3,19	3,23	3,22
все части	11,32	10,44	8,65	9,84	9,68

В результате анализа полученных данных можно сделать следующие **выводы**.

Наиболее высокий уровень компетенции демонстрируют респонденты с неоконченным высшим образованием, основную группу которых составляют студенты вузов. По-видимому, в ходе обучения им приходится более активно работать со сложными текстами (а после окончания периода обучения этот навык постепенно утрачивается в той или иной степени).

Соответственно, если смотреть зависимость компетенции от возраста, то лучшие результаты показала группа молодых, а хуже всех отвечают на вопросы возрастные (по всем трем частям анкеты). Постепенное снижение уровня компетенции с возрастом подтверждает и подсчет среднего балла при более дробном делении на возрастные группы (на взрослые 1 и взрослые 2). При этом разница в баллах по части «Культура» не значительна, что связано с языковыми особенностями данного текста: он проще, чем два других.

Неожиданный результат демонстрирует подсчет средних баллов по параметру «опыта работы с официальными документами». Этот показатель выставляли себе сами респонденты, выбирая между тремя вариантами: *нет опыта, есть небольшой опыт, есть значительный опыт*. Респонденты, которые описали свой опыт как «небольшой»,

в среднем получили выше баллы, чем те, которые выбрали вариант «значительный». Данное соотношение справедливо для всех трёх частей анкеты. Это, вероятно, связано с тем, что люди молодого возраста реже обладают значительным опытом работы с документами, при этом имеют дело со сложными текстами при обучении.

Женщины в среднем отвечали несколько лучше мужчин.

Ожидаемо, респонденты, чья занятость в последние годы связана с чтением и пониманием текстов, показывают более высокий средний балл. Планируется провести дальнейшие подсчеты баллов в зависимости от занятости, разбив варианты занятости на более дробные подгруппы.

Интересно также сравнить средние баллы с максимальными баллами, которые были набраны по каждой анкете. Максимальный балл, полученный за ответы на вопросы части «Медицина», – 10,5; 79 человек получили более 7 баллов. Количество респондентов, набравших 0 баллов по этому тексту, – 42, а тех, кто получил 0,5–1 балл, – 36. То есть примерно равное число респондентов вообще не поняли (или почти не поняли) текст информированного согласия и поняли его относительно хорошо.

За ответы на вопрос по тексту «Образование» 134 человека получили 0 баллов, 28 человек – 0,5–1 балл. Максимальный балл по этому тексту – 9, 40 человек получили более 6 баллов. Данный текст оказался наиболее трудным для понимания из трех предложенных. Кроме того, это была последняя часть, на которую отвечали респонденты.

Всего 16 опрошенных получили 0 баллов, а 56 человек – 0,5–1 балл за третью часть («Культура»). Данный документ оказался наиболее доступным для всех категорий граждан. Максимальный набранный балл – 9.

Сравнение максимальных и средних баллов демонстрирует относительно невысокий средний уровень понимания предложенных текстов. Иными словами, подавляющее число респондентов не смогли правильно ответить на вопросы по фрагментам локальных актов. Многие отвечавшие (в первую очередь взрослые без высшего образования, но также и представители всех групп, выделенных по уровню образования и возрасту) получали нулевые или минимальные баллы, демонстрируя низкий уровень понимания официальных документов.

Таким образом, настоящее исследование демонстрирует, что не все граждане могут понять официальные тексты, а именно локальные акты, которые сейчас предлагаются в различных государственных учреждениях. Какие именно языковые особенности документов затрудняют восприятие и понимание, является предметом текущей исследовательской работы.

В заключение, степень понимания текста обусловлена навыками обработки информации, которые, по результатам настоящего исследования оказываются в среднем более разработанными у студентов вузов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

[2] См., напр.: <https://zakupki.kontur.ru/site/articles/1142-44-fz-1>.

[3] С полным текстом анкеты (которую нет возможности разместить в статье из-за большого объема) можно ознакомиться по ссылке: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc_2ROAWyjs9v6WYgfQ6rt3iewKHUqFpCFngyhdMhzO3QAejg/viewform.

[4] Данные расчеты отражают обработку ответов, собранных на конец 2020 года, и не являются окончательными. Планируется добавить ответы новых респондентов, что может изменить конечный результат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1) *van Dijk T. A., Kintsch W.* Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Pres, 1983. 418 p.

2) *Gernsbacher M. A., Kascak M.* Text comprehension. In D. Reisberg (Ed.), The Oxford Handbook of Cognitive Psychology. London: Oxford University Press, 2013. P. 462–474.

3) *Zwaan, R. A.* Effect of genre expectations on text comprehension // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1994. № 20. P. 920–933.

4) *Белов С.А., Блинова О.В., Гулида В.Б., Зубов В.И., Ларионова Е.Ю., Толстикова П.С.* Корпус русских локальных документов и актов CogRIDA: цели формирования, состав, структура // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 2. (Труды XXI Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», 31 мая – 2 июня 2018 г. Сборник научных статей). А. В. Добров., В. П. Захаров, О.А. Митрофанова, М.В. Хохлова (ред.). СПб.: НИУ ИТМО, 2018. С. 112–120.

5) *Глазанова Е.В., Руднева Е.А.* Социолингвистический опрос о понятности официального языка: принципы типизации ответов // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. Москва: ФЛИНТА, 2021. С.166–174.

6) *Т.А. ван Дейк*. Когнитивные модели этнических ситуаций. Перев. с англ. Г.Е. Крейдлина /Язык. Понимание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 161–189.

7) *Кнутов А.В., Плаксин С.М.* и др. (ред.) Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.

8) *Кучаков Р., Савельев Д.А.* Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов. Под редакцией Дмитрия Скугаревского (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 20 с.

9) *Руднева Е.А.* Отношение носителей русского языка к сложным документам (по материалам социолингвистического опроса) // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва 22–23 октября 2019 / под ред. А.С. Борисовой, А.В. Игнатенко, Т.В. Лариной, О.В. Ломакиной. М.: РУДН., 2019. С. 488–493.

10) *Савельев Д.А.* О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 26–44.

11) *Ткаченко Н.В.* Статистический анализ федерального законодательства [Электронный ресурс]. М., 2017. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-po-zakonoproektam.pdf (дата обращения: 31.10.2018).

12) *Шашек В.В., Харченко Н. А.* Проблема ясности языка законодательства и множественности интерпретаций текстов законов (на материале статей Гражданского Кодекса Российской Федерации) // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 1191–1196.

Приложение. Анкета (часть «Медицина»)

Дорогие друзья!

Мы проводим исследование того, как носители современного русского языка понимают официальные тексты.

Для исследования выбраны документы учреждений социальной сферы – здравоохранения, образования и культуры. Большинству из нас так или иначе приходится соприкасаться с такими учреждениями и общаться с их сотрудниками, в том числе письменно, поэтому тема исследования важна практически для каждого.

Мы просим Вас оценить стиль, язык и содержание трёх документов, а также манеру обращения к своим читателям, принятую в этих текстах. Пожалуйста, ознакомьтесь с документами и ответьте на вопросы анкеты.

Если какие-нибудь вопросы анкеты вызывают серьёзные затруднения, пожалуйста, поставьте в соответствующей графе ответа прочерк. Большое спасибо за согласие участвовать в исследовании!

АНКЕТА 1. УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Перед Вами текст типового документа, который подписывают пациенты в клинике. Пожалуйста, прочтите его и ответьте на вопросы, следующие после текста.

Информированное согласие на проведение эндодонтического лечения

Настоящее добровольное соглашение составлено в соответствии со статьями 4, 5, 20, 21, 22, 23, 27 ФЗ № 323 от 21.11.11 г. «Об охране здоровья граждан Российской Федерации», Законом о защите прав потребителей, ФЗ № 326 от 29.11.10 г. «Об обязательном медицинском страховании в РФ» и действующими законодательными актами.

Мне сообщена вся информация о предстоящем лечении, я соглашаюсь с условиями его проведения.

1. Я, _____ соглашаюсь с тем, что мое лечение будет проводить врач-стоматолог _____. В исключительных случаях (например, болезнь врача) поликлиника может заменить врача.

2. Мне сообщена, разъяснена врачом и понятна информация о сути лечения:

2.1. Диагноз _____

2.2. Допустимость уточнения диагноза.

2.3. Индивидуальный рекомендованный план лечения.

2.4. Возможность коррекции намеченного плана лечения в зависимости от ситуации, сложившейся в процессе его проведения, о чем меня уведомит врач.

2.5. Возможные альтернативные варианты: удаление пораженного зуба (зубов), непроведение лечения.

2.6. Возможные негативные последствия в случае полного или частичного отказа от рекомендованного лечения: прогрессирование заболевания, развитие инфекционных осложнений, появление, нарастание болевых ощущений, образование кисты, потеря зуба, нарушение общего состояния организма _____

2.7. Возможные осложнения под влиянием анестезии: отек мягких тканей, кровоизлияние в месте укола, снижение внимания, аллергические реакции.

2.8. Возможные последствия приема анальгетиков и антибиотиков (в случае их назначения).

2.9. Возможные осложнения: – определенный процент неэффективного эндодонтического лечения по причине его медицинской специфики, индивидуальных особенностей строения корневых каналов зубов у конкретного пациента и состояния его здоровья; – перелечивание корневых каналов зубов через некоторое время или проведения хирургического вмешательства в районе тканей, окружающих зуб, или даже удаление зуба; – поломка инструмента (файла) внутри корневого канала и невозможность его извлечения _____

2.10. При перелечивании ранее запломбированных каналов зуба(ов) успех лечения значительно снижается, что связано: - с невозможностью (в некоторых случаях) удалить из корневого канала старую пломбу или металлический штифт; – с сильной калификацией корневых каналов, что в некоторых случаях повышает вероятность возникновения различных осложнений (перфорация, поломка инструмента); – с искривлением корневых каналов.

2.11. Возможные осложнения при перелечивании зуба, покрытого коронкой, или являющегося опорой для зубного протеза (съёмного или несъёмного): – необходимость снятия несъёмного протеза, – перелом зуба, что может привести к его удалению.

2.12. После лечения и перелечивания корневых каналов необходимо восстановление верхней части зуба, т.е. постановка пломбы или коронки (по ситуации).

2.13. Мне сообщена, разъяснена врачом и понятна информация о гарантиях.

2.14. Мне названы и со мной согласованы: технологии (методы) и материалы, которые будут использованы в процессе лечения, – сроки проведения лечения, – стоимость отдельных процедур (этапов) и лечения в целом. При этом мне известно, что в процессе лечения стоимость может быть изменена в связи с обстоятельствами, которые трудно предвидеть.

2.15. Мне сообщено и понятно, что условием эффективного лечения является выполнение мною плана индивидуальных мероприятий, рекомендованных врачом.

2.16. Мне сообщено и понятно, что для эффективного лечения могут понадобиться обследования: ортопантограмма, прицельный пленочный снимок; консультация стоматолога иного профиля, консультация у врача(ей) общего медицинского профиля: _____

Мною были заданы доктору все интересующие меня вопросы о сути и условиях лечения и были получены исчерпывающие ответы, разъяснения.

Я внимательно ознакомился (ознакомилась) с данным документом, имеющим юридическую силу и являющимся неотъемлемой частью медицинской карты пациента.

Я принимаю решение приступить к лечению на предложенных условиях.

1. Каким, Вы считаете, должно быть Информированное согласие: очень подробным или, наоборот, обобщённым и кратким? Почему? _____

2. Какие из пунктов этого Согласия вызвали у Вас затруднения при чтении? (Запишите их, пожалуйста). _____

3. Какие пункты были непонятны по содержанию? Что именно непонятно? (Запишите в поле ответа непонятный фрагмент, укажите номер пункта). _____

4. Понятнее ли Вам информация о сути лечения и его основных деталях после разъяснений врача? _____

5. Какое эмоциональное впечатление осталось у Вас после прочтения документа? _____

6. Какой смысл Вы видите в подписании подобного документа? _____

Теперь, когда Вы полностью познакомились с текстом договора, оцените его конкретно, как если бы Вы были пациентом.

7. Какие риски угрожают Вам как пациенту, если Вы даете согласие на лечение, предлагаемое по договору? Перечислите их, пожалуйста, дайте ссылку на пункт. _____

8. Какие риски, на Ваш взгляд, напрямую соотносятся с предполагаемым диагнозом, а какие — нет? _____

9. В каких пунктах объяснения, касающиеся рисков, показались Вам недостаточно убедительными? С какими формулировками Вы не согласны? (Запишите формулировки в поле ниже, укажите номера пунктов). _____

10. Ясно ли Вам, какого положительного результата следует ожидать от эндодонтического лечения? _____

11. А какими неприятностями может обернуться отказ от лечения? _____

12. За какие из пунктов документа, как Вам кажется, Вы несете денежную ответственность? (Пожалуйста, приведите их в поле ниже). _____

COMPREHENSION OF OFFICIAL DOCUMENTS BY RUSSIAN RESIDENTS: A QUESTIONNAIRE-BASED SURVEY

Ekaterina A. Rudneva

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

*Institute for Linguistic Studies,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199004, Russian Federation*

Victoria B. Gulida

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
Institute for Linguistic Studies,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199004, Russian Federation*

Evgeniya V. Glazanova

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

The research aims to find out the level of comprehending official documents by Russian people. Respondents answered questions after reading (1) the informed consent to medical intervention, (2) the rules of conduct in a museum-reserve, (3) the university admission rules (extract). Text comprehension is considered a complex process which depends on features of both the text and the reader, his/ her experience and skills. The article focuses on quantitative results of a questionnaire-based survey (400 people) and presents average scores which people got, grouped according to their social parameters (age, gender, education), as well as their prior experience of dealing with documents and their current occupation. The highest level of comprehension was demonstrated by those with unfinished higher education, mostly students. On the whole, the level of comprehension goes down with the age. Comparing highest scores with the average scores demonstrates, in general, a comparatively low level of comprehension among respondents. In conclusion, the level of text comprehension is related to data processing skills which, according to this research, are generally most developed among the group of students.

Key words: official documents, text comprehension, questionnaire, official Russian language, level of text comprehension.

Контактная информация:

Руднева Екатерина Алексеевна – к.ф.н.;
katja1985mt@yandex.ru

Гулида Виктория Борисовна – к.ф.н.;
v.gulida@spbu.ru

Глазанова Евгения Валентиновна – к.ф.н.;
zhee.glazanova@gmail.com

И.И. Рогов

*заместитель Исполнительного директора
Фонда Нурсултана Назарбаева,
экс-председатель Конституционного Совета
Республики Казахстан,
Заслуженный деятель Республики Казахстан,
член Венецианской комиссии Совета Европы,
доктор юридических наук, профессор*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КАЗАХСТАНА

Уважаемые участники Форума, дамы и господа!

Позвольте мне от имени Фонда Нурсултана Назарбаева и от себя лично приветствовать вас на этом представительном форуме, выразить благодарность за приглашение организаторам данного мероприятия.

За годы советской власти проведена значительная работа по развитию казахского языка культуры в Казахстане. В Казахской ССР функционировали школы с обучением на казахском языке, создавались вузы, в частности Казахский государственный женский педагогический институт, где преподавание велось только на казахском языке. Образованы Академия наук Казахской ССР, Казахский театр оперы и балета им. Абая, Казахский драматический театр им. Мухтара Ауэзова, Государственный симфонический оркестр Казахской ССР, Казахская государственная филармония им. Жамбыла Жабаева. Казахскому языку Советское государство уделяло внимание, но в силу сложившейся в то время демографической ситуации в республике (численность казахов не превышала 40% населения) и по ряду других причин этого оказалось недостаточно.

После провозглашения государственной независимости Республики Казахстан, 30-летие которой мы отмечаем в этом году, в политико-социальной сфере нашего общества произошли существенные изменения. Демографическую ситуацию уже не сравнить с той, что была раньше. В настоящее время число представителей казахской национальности составляет 70% от общей численности населения. Одним из неотъемлемых атрибутов государственности,

как известно, наряду с государственными символами, является государственный язык. Статус государственного казахский язык получил еще в то время, когда Казахстан находился в составе СССР. Верховный Совет Казахской ССР 22 сентября 1989 года принял Закон «О языках в Казахской ССР». В первой Конституции независимого Казахстана от 28 января 1993 года было сказано, что в Республике Казахстан государственным языком является казахский язык. Русский язык является языком межнационального общения. В действующей Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 года более закреплено, что в Республике Казахстан государственным является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Кроме того, в Конституции РК прямо сказано, что никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по языковому признаку.

В Казахстане реализуется сформулированная Первым Президентом Республики Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым языковая политика, основанная на приоритетности государственного языка и уважении всех языков народа Казахстана. Расширяется сеть школ с государственным языком обучения (сегодня их насчитывается почти четыре тысячи). Это в два раза больше, чем в начале 90-х годов. Созданы центры обучения казахскому языку, которые доступны практически для всех желающих. Успешно реализуется проект “Ситуативный казахский” – облегченное обучение бытовому казахскому языку всех, кто этого желает. Одновременно государство поддерживает развитие языков представителей разных национальностей, населяющих Казахстан. В Казахстане в 88 школах ведется обучение на узбекском, таджикском, уйгурском языках, а в 108 школах языки 22 казахстанских этносов преподаются в качестве отдельного предмета. В эфире телеканалов есть передачи на 11 языках, в стране 14 русских театров, единственные в СНГ уйгурский, корейский театры. Что касается русского языка, то он, в силу своего указанного выше конституционного статуса, является по сути (хотя это и не закреплено нормативно) языком межнационального общения.

Конституционное право, как известно, содержит в себе не только текст конституций тех или иных стран, но и толкование конституционных норм, даваемое судебными или иными органами конституционного контроля этих государств.

Конституционным Советом Республики Казахстан в разное время приняты нормативные постановления, разъясняющие суть и содержание норм Основного Закона о языках, устанавливающие условия и порядок их применения. Согласно решениям Конституционного Совета, из конституционного закрепления казахского языка в качестве государственного следует, что казахский язык является одним из определяющих факторов государственности Казахстана, символизирует его суверенитет и является элементом конституционно-правового статуса республики, выражающим единство народа Казахстана. Положение пункта 2 статьи 7 Конституции РК «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» толкуется таким образом, что в государственных организациях и органах местного самоуправления казахский и русский языки употребляются в равной степени, одинаково, независимо от каких-либо обстоятельств. Равенство в употреблении казахского и русского языков означает также равную юридическую значимость текстов нормативных правовых актов на казахском и русском языках.

Конституция Республики Казахстан предоставляет право каждому по своему усмотрению выбирать язык общения. Государство защищает любой язык, функционирующий в обществе, и запрещает дискриминацию по языковому признаку (пункт 2 статьи 14 Конституции).

Думаю, будет уместно привести несколько конкретных примеров из практики казахстанского органа конституционного контроля.

Так, в Конституционный Совет Республики Казахстан в 1997 году поступило обращение Президента Республики Нурсултана Назарбаева о рассмотрении на соответствие Конституции представленного на подпись Главе государства Закона Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан», принятого Парламентом Республики Казахстан. Изучив содержание представленного Закона, Конституционный Совет констатировал, что нормы некоторых статей принятого Закона «О языках в Республике Казахстан» не соответствуют ряду положений Конституции Республики Казахстан. Так, статья Закона «О языках в Республике Казахстан», устанавливающая, что «языком работы делопроизводства государственных органов, организаций, органов местного самоуправления Республики Казахстан

является государственный язык, **при необходимости** (выделено мною, И.Р), наравне с государственным официально употребляется русский язык», не соответствует пункту 2 статьи 7 Конституции Республики, так как содержащееся в анализируемой норме закона словосочетание «при необходимости» корректирует конституционную норму о том, что «наравне с казахским официально употребляется русский язык». Данная конституционная норма, по мнению Конституционного Совета, понимается однозначно, что в государственных организациях и органах местного самоуправления казахский и русский языки употребляются в равной степени, одинаково, независимо от каких-либо обстоятельств.

В 2007 году группа депутатов Парламента Республики Казахстан обратилась в Конституционный Совет Республики Казахстан с просьбой об истолковании постановления Конституционного Совета Республики Казахстан 1997 года “Об обращении Президента Республики Казахстан о соответствии Конституции Республики Казахстан представленного на подпись Президенту Республики Казахстан Закона Республики Казахстан “О языках в Республике Казахстан”, принятого Парламентом Республики Казахстан. При истолковании указанного выше постановления депутаты обращения просили ответить на следующие вопросы:

– имеет ли государственный язык приоритет перед официально употребляемым языком “не в государственных организациях”, а в государственных и общественно-значимых мероприятиях, приемах, ассамблеях, съездах, конференциях, заседаниях круглых столов?

– касается ли понятие (термин) “наравне”, использованное в пункте 2 статьи 7 Конституции Республики, таких мероприятий?

По существу поставленных в обращении вопросов Конституционный Совет разъяснил следующее:

1) Высший политико-правовой статус государственного языка подтверждается закреплением Конституцией и возможностью установления законами исключительности либо приоритетности его функционирования в публично-правовой сфере: обязательное свободное владение государственным языком Президентом Республики и председателями Палат Парламента; употребление исключительно казахского языка в государственных символах; наименование государственных органов на казахском языке в печатях и штампах, в государственных знаках, определяющих суверенитет государства (пограничных столбах, таможенных атрибутах и т.д.);

приоритетность казахского языка при размещении текстов правовых актов и иных официальных документов государственных организаций и органов местного самоуправления на бумажных и иных носителях; в публичных выступлениях официальных лиц государственных организаций и органов местного самоуправления; на официальных бланках и в изданиях государственных органов и органов местного самоуправления; в национальной валюте и иных государственных ценных бумагах; в документах, удостоверяющих личность гражданина республики, в иных документах, выдаваемых от имени государства, а также в других сферах, связанных с деятельностью государственных организаций и органов местного самоуправления.

2) Конституция не регламентирует функционирование государственного языка, официально употребляемого языка и иных языков в быту, в межличностном, внутриколлективном общении, в негосударственных организациях, в том числе при проведении государственных и общественно-значимых мероприятий (приемов, ассамблей, съездов, конференций, заседаний круглых столов). Понятие *наравне*, использованное в пункте 2 статьи 7 Конституции Республики, не относится к бытовому, межличностному и внутриколлективному общению, а также к мероприятиям, указанным в рассматриваемом обращении.

Конституция предоставляет право каждому по своему усмотрению выбирать язык общения. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Конституции каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. В то же время государство должно проявлять заботу о государственном языке, его развитии, распространении и применении не только в области государственно-правового регулирования, но и во всех других сферах общественных отношений. Исходя из пункта 3 статьи 7 Конституции, законодательством должны создаваться условия для развития казахского языка. В этой связи Конституционный Совет в своем постановлении “О проверке Закона Республики Казахстан “О средствах массовой информации” на соответствие Конституции Республики Казахстан указал, в частности: “установление требований о том, что еженедельный объем телевизионных и радиопередач средства массовой информации на государственном языке по времени не должен быть менее суммарного объема передач на других языках, а также о равномерном распределении

передач на государственном языке в суточной сетке вещания, не ущемляет статус других языков, так как направлено на реализацию общих положений и принципов, закрепленных в статье 7 Основного Закона”.

3) Государство обязано защищать любой язык, функционирующий в обществе, и предупреждать дискриминацию по языковому признаку. Законодательство и правоприменительная практика должны учитывать норму пункта 2 статьи 14 Конституции, согласно которой никто не может подвергаться какой-либо дискриминации, в том числе по мотивам языка.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 16 декабря 1966 года и ратифицированный Законом Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года № 91-III “О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах” гласит: все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства. В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком (статьи 26 и 27).

Конституционный Совет в развитие данного им понимания официального употребления в государственных организациях и органах местного самоуправления русского языка наравне с казахским признал не соответствующим Конституции несколько законов, в которых была установлена смысловая неидентичность некоторых норм на казахском и русском языках. По мнению Конституционного Совета, это искажало содержание указанных правовых норм, порождало невозможность их единообразного понимания и, таким образом, исключало применение их на практике. В итоге такие законы не были подписаны главой государства.

На заре независимости страны по инициативе ее Первого Президента Нурсултана Назарбаева был создан в то время уникальный на пространстве СНГ институт – Ассамблея народа Казахстана. Целью Ассамблеи является обеспечение общественного согласия и общенационального единства в Республике Казахстан на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности этносов Казахстана при консолидирующей роли казахского народа. Один из основных принципов деятельности Ассамблеи – это “недопустимость какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам”. Думаем, что казахстанский опыт функционирования данного института будет успешно использован и в Российской Федерации, где также создана в 2020 году по Указу Президента Российской Федерации Общероссийская общественно-государственная организация «Ассамблея народов России».

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев продолжает языковую политику Первого Президента Нурсултана Назарбаева. Он уже неоднократно указывал на необходимость уделять пристальное внимание ускоренному развитию казахского языка, но при этом не умалять исторического значения русского языка, открывшего путь Казахстану к мировой науке и культуре. Он, как и Первый Президент, считает, что казахстанцы должны знать оба языка на высоком уровне, поскольку все национальности, этнические группы, проживающие в стране, по сути, являются единым народом Казахстана.

Таким образом, Конституция дает достаточные гарантии для использования русского языка в нормотворчестве, поскольку проекты законов и других актов могут готовиться и реально разрабатываются как на русском, так и на казахском языках. Обсуждение законопроектов в парламенте, проектов нормативных актов в правительстве и других государственных органах также ведется на двух языках с использованием синхронного перевода. При этом тексты на казахском и русском языках принятых законов и других нормативных правовых актов имеют равную юридическую силу. Что касается правоприменительной практики, то соответствующие государственные органы, должностные лица могут использовать оба текста нормативного правового акта на казахском и русском языках. При этом текст на государственном казахском языке

в силу его особого статуса может иметь указанные выше приоритеты, которые не ущемляют и не ограничивают права граждан Казахстана, поскольку, как уже говорилось, смысловая идентичность казахского и русского текстов нормативных правовых актов обязательна.

1. https://m.ru.sputnik.kz/society/20190429/9995884/nazarbaev-yazykovaya-politika.html?mobile_return=no
2. <https://ksrk.gov.kz/ru/solutions/np-ks-rk-ot-08051997-g-no102-o-yazykakh-v-respublike-kazakhstan-prinyatogo-parlamentom>
3. <https://ksrk.gov.kz/index.php/ru/solutions/np-ks-rk-ot-23022007-no-3-ob-istolkovanii-postanovleniya-konstitucionnogo-soveta>
4. <https://ksrk.gov.kz/index.php/ru/solutions/np-ks-rk-ot-11022009-g-no1-o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-nekotorye-zakonodatelnye>
<https://ksrk.gov.kz/index.php/ru/solutions/np-ks-rk-ot-18052015-g-no-3-ob-oficialnom-tolkovanii-punkta-1-stati-27-konstitucii>
<https://ksrk.gov.kz/index.php/ru/news/elbasy-prinyal-uchastie-v-zasedanii-konstitucionnogo-soveta>
5. https://m.ru.sputnik.kz/society/20200229/12964771/tokaev-russkiy-yazyk-kazakhstan-intervyu.html?mobile_return=no

А.А. Парфенов
*кандидат юридических наук,
советник ректора по тестированию и сертификации*
parfenov_aa@mail.ru

Г.В. Александров
*аспирант Франкфуртского университета им. Гете
Менеджер отдела специальных проектов РГПУ
им. А. И. Герцена*
alexandrov121@gmail.com

УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ИНОСТРАНЦА КАК КЛЮЧЕВОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Настоящая статья посвящена правовой коммуникативной компетенции иностранных граждан, прибывающих на территорию Российской Федерации. Авторы поднимают вопрос, может ли иностранный гражданин, находящийся на территории России и не владеющий русским языком на достаточном уровне, рассматриваться как полноценный субъект правовой коммуникации. В статье приводится анализ уровня коммуникативной компетенции взрослых мигрантов, а также учащихся школ Республики Узбекистан, одной из главных стран миграционного исхода. На основе проведенного анализа авторы делают вывод, что уровень владения русским языком и, следовательно, уровень правовой коммуникативной компетенции неразрывно связан с эффективностью правовой коммуникации с участием иностранных граждан. Иностранец, не владеющий русским языком, не способен самостоятельно участвовать в правовой коммуникации, вступать в правоотношения. Более того, наличие большого числа индивидов, *de jure* обладающих правосубъектностью, однако *de facto* не способных к правовой коммуникации, ведет к снижению общего уровня эффективности всей правовой системы.

Ключевые слова: правовая коммуникация, правовая коммуникативная компетенция, субъект правоотношений, уровень владения русским языком, иностранный гражданин.

Введение

В последние годы понятие коммуникации все больше интересует ученых и исследователей в области юриспруденции, лингвистики, социологии, психологии, экономики и прочих дисциплин. Появляются междисциплинарные исследования, научные труды и концепции, посвященные коммуникативному подходу и проблемам коммуникации.

В юриспруденции ключевыми теориями, развивающимися в рамках коммуникативного подхода, являются коммуникативная теория права А. В. Полякова и антропологическая программа измерения эффективности права И. Л. Честнова. Право, в представлении А. В. Полякова, – это «специфическая разновидность интересубъективной, коммуникативной деятельности членов общества, результаты которой объективируются в правовой культуре, в социальных институтах, в правовых текстах и воплощаются в правосознании, правовых нормах и правовых отношениях, образующих единую правовую структуру» [1]. В свою очередь, И. Л. Честнов заостряет внимание на центральном положении индивидов в системе права, расширяя понятие правовой коммуникации за пределы простой интерпретации правовых текстов [2]. Согласно И. Л. Честнову, основу правовой коммуникации представляет диалог между членами социума. Такой «антропологический поворот», при котором индивид и его взаимодействие с другими индивидами становятся ядром правовой системы, открывает новые возможности для развития правовой науки, проведения междисциплинарных исследований, переосмысления понятий и концепций классического подхода.

Одним из наиболее актуальных направлений развития правовой мысли в рамках коммуникативного подхода становится изучение языкового аспекта. Изучение языка в рамках классического подхода чаще всего ведется с точки зрения права и сводится к анализу понятий «правового языка» [3] и «языка права» [4], а также особенностей юридической техники [5]. Еще одним направлением классического подхода является проведение лингвистического анализа функционально-стилевых особенностей юридического языка [6].

Изучение понятий языка и коммуникации без учета их междисциплинарного характера создает риски подмены понятий и заключения некорректных выводов при проведении исследований. Одним из ярких примеров изучения языка без учета его междисциплинарного характера является понятие «русского языка как государственного», в последнее время активно обсуждаемое и изучаемое в правовой науке [7]. Изучение проблем правового регулирования государственного языка и его определение исключительно с позиций права, без учета лингвистической составляющей, фактически приводит к подмене понятий языка и юридической техники [8].

Настоящая статья посвящена вопросу правосубъектности иностранных граждан. Может ли иностранный гражданин, находящийся на территории России и не владеющий русским языком на достаточном уровне, рассматриваться как полноценный субъект правовой коммуникации? Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к понятию правовой коммуникативной компетенции.

Правовая коммуникативная компетенция иностранца

«Правовая коммуникативная компетенция – это система знаний индивида, позволяющая ему эффективно использовать язык для понимания и формулирования правовых текстов, а также умение фактически использовать данную систему знаний для правовой коммуникации» [9]. Данное междисциплинарное понятие совмещает в себе основы коммуникативной теории права А. В. Полякова, антропологической программы измерения эффективности права И. Л. Честнова и лингвистического понятия коммуникативной компетенции [10]. Сутью правовой коммуникативной компетенции является способность индивида использовать язык для осуществления правовой коммуникации. Таким образом, ключевой составляющей правовой коммуникативной компетенции является языковая компетенция индивида – его уровень владения языком, на котором происходит коммуникация. Низкий уровень владения языком автоматически означает низкий уровень правовой коммуникативной компетенции индивида.

С другой стороны, правовая коммуникативная компетенция предопределяет эффективность правовой коммуникации индивида с другими участниками правовой системы. При полном отсутствии правовой коммуникативной компетенции индивид (без помощи иных лиц – переводчиков, юристов) не способен осознанно участвовать в коммуникации, что ведет к ее разрыву, фактическому исключению индивида из правовой реальности.

Вышеописанная ситуация наблюдается при изучении положения иностранных граждан на территории Российской Федерации. Иностранцы, прибывающие в Россию, зачастую не владеют русским языком на достаточном уровне, что напрямую сказывается на уровне их правовой коммуникативной компетенции. Проблема низкого уровня владения русским языком становится особенно актуальной для

трудоустроенных мигрантов, не имеющих доступа к квалифицированной юридической помощи и услугам профессиональных переводчиков. В результате иностранный гражданин, попадая на территорию России, не имеет возможности эффективно участвовать в правовой коммуникации, что создает риски ее разрыва и неблагоприятных последствий как для самого иностранного гражданина, так и для иных участников, вовлеченных в правовую коммуникацию.

Таким образом, складывается ситуация, при которой право- и дееспособный индивид, формально обладающий правосубъектностью, фактически выключен из правовой системы, не имеет возможности обратиться за помощью, корректно интерпретировать тот или иной правовой текст, изложенный как в письменном виде, так и устно (представителем правопорядка или иным лицом). Образуется парадокс, при котором иностранный гражданин, формально обладающий правосубъектностью, но не владеющий русским языком, фактически не является субъектом правовых отношений, субъектом права.

Данный парадокс возникает из-за различий классического и коммуникативного подходов при рассмотрении понятия правосубъектности. В классических понятиях право- и дееспособности отсутствует коммуникативная составляющая. В свою очередь, правосубъектность в рамках коммуникативного подхода представляет собой способность индивида к правовой коммуникации, способность быть «активным правовым деятелем» [11]. С точки зрения коммуникативной теории право- и дееспособность представляют собой необходимые, но недостаточные составляющие правосубъектности. Правосубъектность как способность индивида к правовой коммуникации перестает быть бинарным понятием. Вместо этого появляется шкала правосубъектности и понятие достаточной правосубъектности для участия в правовой коммуникации. Право- и дееспособность определяют только начальные точки данной шкалы. Правоспособность наделяет индивида возможностью иметь права и обязанности, то есть потенциально являться участником правовой коммуникации. Дееспособность закрепляет минимальные требования к когнитивным способностям и волевой составляющей индивида, без которых его осознанное участие в коммуникации не представляется возможным. В свою очередь, правовая коммуникативная компетенция отвечает за местоположение индивида на шкале способности к правовой коммуникации. Таким образом, правовая коммуникативная

компетенция может быть достаточной или недостаточной для участия в правовой коммуникации. Чем ниже правовая коммуникативная компетенция индивида, тем ниже его правосубъектность с точки зрения коммуникативного подхода и тем хуже он участвует в правовой коммуникации. Правовая коммуникативная компетенция право- и дееспособного иностранного гражданина, не владеющего русским языком, находится на недостаточном уровне для его адекватного участия в правовой коммуникации. Следовательно, уровень правосубъектности такого индивида в рамках коммуникативного подхода является недостаточным для признания его полноценным субъектом правовых отношений.

Эффективность правовой системы

Наличие большого числа иностранных граждан, формально являющихся субъектами права, однако фактически неспособных к правовой коммуникации, ведет к серьезным негативным последствиям не только для самих иностранных граждан, но и для всей правовой системы в совокупности. Данное утверждение подтверждается статистическими данными. На рис. 1 представлены данные о количестве фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства за период с 2013 по 2019 год [12].

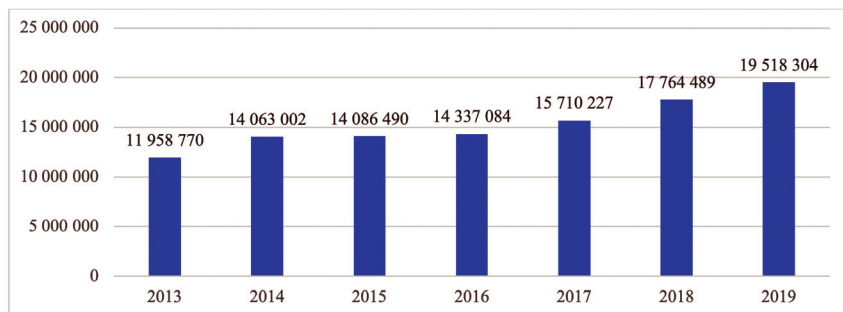

Рис. 1. Количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства за 2013–2019 гг. [13].

Большую часть прибывающих на территорию Российской Федерации иностранных граждан составляют трудовые мигранты из стран СНГ, обладающие довольно низким уровнем владения русским

языком. Низкий уровень владения русским языком трудовых мигрантов обусловлен ослаблением позиций русского языка на постсоветском пространстве в 1990-х и 2000-х годах [14].

Снижение уровня владения русским языком особенно заметно среди граждан одной из основных стран миграционного исхода – Республики Узбекистан. Языковая реформа по переводу узбекского языка с кириллицы на латиницу, проводимая с 1993 г., негативно сказалась на уровне владения русским языком, особенно среди молодого населения страны, составляющего основной поток трудовых мигрантов в Россию. Преподавание русского языка в школах сократилось с шести до двух часов в неделю. На данный момент в школах Узбекистана на одного учителя-русиста в среднем приходится порядка 200 учеников, при этом средняя учебная нагрузка на учителя составляет более 25 уроков в неделю. Также на уровень владения русским языком влияет и техническое оснащение школ. В результате средний уровень владения русским языком учеников 5–11 классов с узбекским языком обучения можно охарактеризовать как A1 (элементарный) согласно общеевропейской шкале языковых компетенций (CEFR). Более того, ученики старших классов (10–11 классы) владеют русским языком на том же уровне, что и ученики младших классов (5–6 классы) [15]. Уровень владения русским языком узбекскими школьниками представлен на рис. 2.

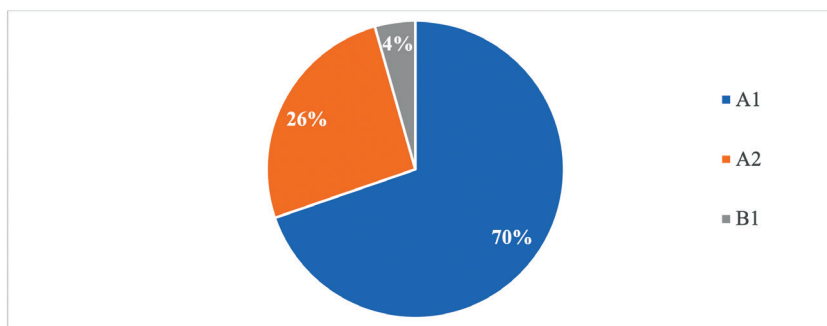

Рис. 2. Уровень владения русским языком школьников 5–11 классов школ Республики Узбекистан [16]

В результате ежегодно в Российскую Федерацию въезжает несколько миллионов иностранных граждан с низким уровнем владения русским языком. Наличие большого числа иностранцев,

фактически не разговаривающих на русском языке и, как следствие, фактически не способных к правовой коммуникации, приводит к снижению эффективности всей правовой системы в целом. Большие миграционные потоки и отсутствие системы, обеспечивающей минимально необходимый уровень правовой коммуникативной компетенции иностранных граждан, привели к ухудшению социальной ситуации в 2013–2015 гг. Так, в 2015 году было выявлено порядка 2 млн 225 тыс. административных правонарушений с участием иностранных граждан; число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, составило 48,2 тыс.; число преступлений, зарегистрированных в отношении иностранных граждан, составило чуть менее 16,5 тыс. [17] На рис. 3 представлена статистика преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства с 2013 по 2019 год.

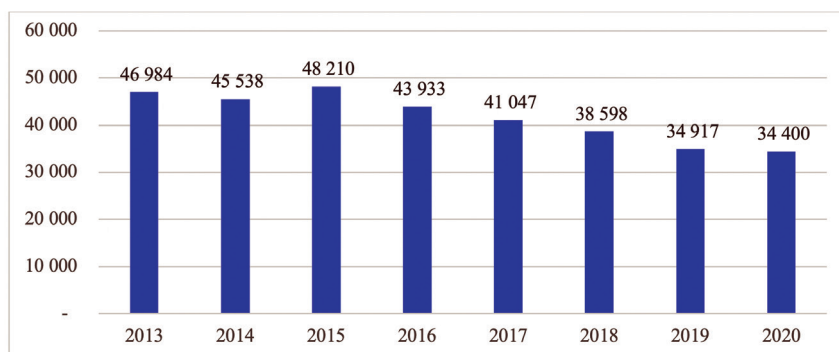

Рис. 3. Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в 2013–2019 гг. [18]

В качестве ответных мер на ухудшение миграционной ситуации [19] и общее снижение эффективности правовой системы, выраженное в повышении числа правонарушений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, в 2014 году были внесены изменения в статью 15.1. Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которым иностранный гражданин при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента обязан подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации. В результате

была создана система проведения экзамена на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации (далее – система Комплексного экзамена), основной функцией которой является измерение правовой коммуникативной компетенции иностранных граждан. Данная система представляет собой один из ключевых механизмов измерения и поддержания правовой коммуникативной компетенции в Российской Федерации и, следовательно, эффективности всей правовой системы страны в целом.

Эффект от внедрения системы проведения Комплексного экзамена можно проследить на рис. 4. С 2015 г. происходило постепенное уменьшение количества преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на каждую 1000 иностранных граждан, поставленных на миграционный учет. В 2019 г. данный показатель составил 1,79 преступления на 100 иностранных граждан и вдвое снизился по сравнению с показателем 2015 года.

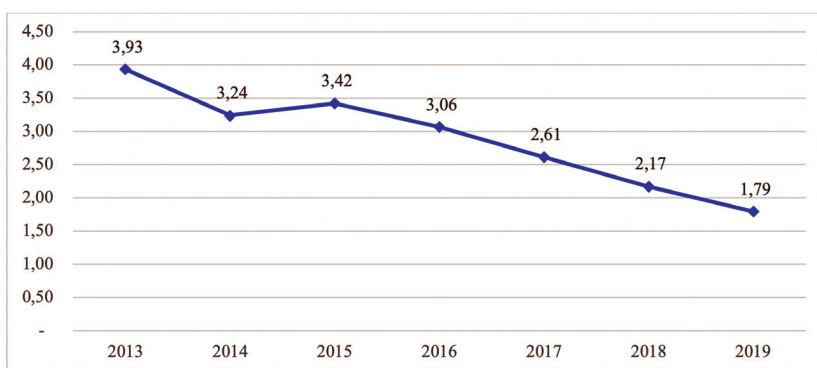

Рис. 4. Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на каждую 1000 иностранных граждан, поставленных на миграционный учет [20]

Снижение числа преступлений, совершенных иностранными гражданами, после создания системы проведения Комплексного экзамена соотносится с утверждением о том, что уровень правовой коммуникативной компетенции является влияет на общий уровень эффективности правовой системы.

Заключение

Таким образом, в настоящей статье был рассмотрен вопрос правосубъектности иностранных граждан с низким уровнем владения русским языком. С помощью междисциплинарного понятия правовой коммуникативной компетенции было показано, что иностранный гражданин, обладающий правдееспособностью в рамках классического подхода, но не владеющий русским языком и, следовательно, способностью к эффективной правовой коммуникации, фактически не является полноценным субъектом правовых отношений с точки зрения коммуникативного подхода.

Более того, присутствие большого числа иностранных граждан с низким уровнем правовой коммуникативной компетенции на территории страны повышает риски возникновения негативных последствий не только для самих иностранных граждан, но и для других участников правовой системы. Данные теоретические утверждения подкрепляются статистическими данными о числе правонарушений, количестве мигрантов на территории Российской Федерации и их уровне владения русским языком.

В статье также была отображена позитивная связь между созданием системы проведения экзамена по русскому языку, истории России и основ законодательства Российской Федерации и последующим снижением числа правонарушений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. Данная позитивная связь подкрепляет теоретические утверждения о том, что система проведения Комплексного экзамена представляет собой инструмент измерения и поддержания правовой коммуникативной компетенции и эффективности всей правовой системы страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования) / А. В. Поляков: автореферат доц. юридического факультета СПбГУ. Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Санкт-Петербург: 2007. – 42 с.

[2] Культуральные измерения права: коллективная монография / И. Л. Честнов [и др.]. – СПб.: ИВЭСЭП, 2017. – 344 с.

[3] Текст права: Опыт методол. анализа конкурирующих теорий / И. Грязин. – Таллин: Ээсти раамат, 1983. – 187 с.

- [4] Язык права: Монография / Н. А. Власенко. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс», 1997.–176 с.
- [5] Иеринг. Р. Юридическая техника / СПб.: Статут, 2008 – 230 с.
- [6] Шепелев, А. Н. Характеристика юридического языка / А. Н. Шепелев // Социально-экономические явления и процессы. – № 1 (35), 2012 – с. 217–221.
- [7] Белов, С. А. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? / С. А. Белов, Н. М. Кропачев // Журнал «Закон». - № 10, 2016 – с. 100–112.
- [8] Парфенов А. А. О правовой коммуникативной компетенции / А. А. Парфенов // Право и политика. – 2019. – № 2. – С. 1–13
- [9] Парфенов А. А. О правовой коммуникативной компетенции // Право и политика. 2019. № 2. С. 1–13.
- [10] Hymes D.H. Two types of linguistic relativity / D. H. Hymes // Sociolinguistics. The Hague: Mouton, 1966. PP. 114–158.
- [11] Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. Гос. ун-та, 2005. 472 с.
- [12] Данные за 2020 г. в статье не представлены в связи с резким сокращением миграционных потоков из-за пандемии COVID-19 и закрытия границ.
- [13] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : МВД России. 2021. URL: <https://мвд.рф> (Дата обращения 6 мая 2021 г.).
- [14] Арефьев А. Л. Современное состояние и тенденции распространения русского язык в мире / А. Л. Арефьев // Москва: Институт социально-политических исследований РАН. – 2017. – С. 320.
- [15] Данные исследования, проводимого в рамках гуманитарного проекта «Класс!» («Зёр!»).
- [16] Данные получены по результатам тестирования более 13 тыс. школьников 5-11 классов республики Узбекистан в 2021 г. в рамках гуманитарного проекта «Класс!» («Зёр!»).
- [17] Комплексный анализ состояние преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.]. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
- [18] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : МВД России. 2021. URL: <https://мвд.рф> (Дата обращения 6 мая 2021 г.).
- [19] Следственный комитет взял на контроль дело об убийстве москвича в Бирюлево [Электронный ресурс] : статья от 13 окт. 2013 г. // ТАСС информационное агентство. 2016. URL : <http://tass.ru/obschestvo/689837> (Дата обращения 6 мая 2021 г.).
- [20] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : МВД России. 2021. URL: <https://мвд.рф> (Дата обращения 6 мая 2021 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арефьев А. Л.* Современное состояние и тенденции распространения русского язык в мире / А. Л. Арефьев // Москва: Институт социально-политических исследований РАН. – 2017. – С. 320.

2. Белов, С. А. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? / С. А. Белов, Н. М. Кропачев // Журнал «Закон». – № 10, 2016 – с. 100–12.
3. *Иеринг. Р.* Юридическая техника / СПб: Статут, 2008–230 с.
4. Комплексный анализ состояние преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.]. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.
5. Культуральные измерения права: коллективная монография / И. Л. Честнов [и др.]. – СПб.: ИВЭСЭП, 2017. – 344 с.
6. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : МВД России. 2021. URL: <https://мвд.рф> (Дата обращения 6 мая 2021 г.).
7. *Парфенов А. А.* О правовой коммуникативной компетенции / А. А. Парфенов // Право и политика. – 2019. – № 2. – С. 1–13.
8. *Поляков А. В.* Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования) / А. В. Поляков: автореферат доц. юридического факультета СПбГУ. Специальность 12.00.01 - теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Санкт-Петербург: 2007. – 42 с.
9. *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учебник. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. Гос. ун-та, 2005. 472 с.
10. Следственный комитет взял на контроль дело об убийстве москвича в Бирюлево [Электронный ресурс] : статья от 13 окт. 2013 г. // ТАСС информационное агентство. 2016. URL : <http://tass.ru/obschestvo/689837> (Дата обращения 6 мая 2021 г.).
11. Текст права: Опыт методол. анализа конкурирующих теорий / *И. Грязин.* – Таллин: Ээсти раамат, 1983. – 187 с.
12. *Шепелев, А. Н.* Характеристика юридического языка / А. Н. Шепелев // Социально-экономические явления и процессы. – № 1 (35), 2012. – с. 217–221.
13. Язык права: Монография / *Н. А. Власенко.* – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс», 1997. – 176 с.
14. *Hymes D.H.* Two types of linguistic relativity / D. H. Hymes // Sociolinguistics. The Hague: Mouton, 1966. PP. 114–158.

Parfenov Arseny, Ph.D. in Law
parfenov_aa@mail.ru

Aleksandrov Georgii
alexandrov121@gmail.com

The paper is dedicated to the concept of the legal communicative competence of foreign citizens arriving to Russian Federation. The authors discuss the question whether a foreign citizen with inadequate proficiency in Russian language can be considered as the active actor of legal communication. The authors analyze the Russian language proficiency of the adult migrants as well as that of children from Uzbekistan Republic, one of the main labor exporting countries for Russia. Based on the analysis the authors claim that the effectiveness of legal communication with foreign citizens cannot be considered separately from their Russian language proficiency and their level of legal communicative competence. A foreign citizen with insufficient level of Russian language proficiency is unable to effective-

ly communicate and therefore to be an independent party in legal relations. Moreover, the large number of foreigners who are formally considered as Legal persons but are unable to communicate may result in the decrease of the overall efficiency of the Legal system.

Keywords: Legal communication, Legal communicative competence, Legal person, Russian language proficiency, Foreign citizen.

ГЛАВА IV
СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЯ
ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ

Е.Е. Абрамкина

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск,
ул. Пирогова, 1*

АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В статье рассматриваются основные подходы к установлению авторства юридических, процессуальных документов, описываются возникающие проблемы автороведческого анализа. В качестве альтернативы существующим подходам предлагается жанровый подход, основанный на составлении трехчастной модели жанра, включающей взаимодействующих в рамках коммуникативной ситуации автора и адресата, структуру жанра и языковые черты, характерные для текстов этого жанра. На материале жанра протокола допроса демонстрируется применение предлагаемого подхода.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, установление авторства, идентификация, процессуальные документы, протокол допроса.

Введение

Автороведческая экспертиза представляет собой разновидность криминалистического исследования текста, направленного на установление информации о его авторе. В рамках проведения этого вида экспертиз, как правило, решается два основных типа задач: идентификационные – установление идентичности навыков письменной речи, отраженных в нескольких текстах, и диагностические – установление социальных и биографических данных об авторе текста (пол, возраст, уровень образования и т.п.).

Установление авторства в экспертизе базируется на представлении о том, что в процессе освоения письменной речи у каждого человека формируется уникальный набор навыков письменной речи (идентификационных признаков). Их обнаружение в тексте и является основой для определения тождества или различия языковых личностей, составивших тексты.

Среди всех объектов автороведческой экспертизы юридические документы представляют собой один из наиболее разнородных и трудных для исследования, что связано как с жанровым многообразием документов, так и с лингвистическими и экстралингвистическими особенностями этих жанров.

Исследование юридических документов в автороведении

Автороведческая экспертиза юридических текстов проводится главным образом для решения идентификационных задач. И в данном аспекте тексты документов представляют серьезную сложность, прежде всего при выделении идентификационных признаков. Как отмечал С.М. Вул, значимость того или иного признака письменной речи во многом зависит от типа коммуникативной ситуации и ситуативного контекста. По мнению исследователя, «анализ ситуативного контекста дает возможность установить, в какой мере характер употребления языковых средств обусловлен внутренними и внешними факторами речевой ситуации, в какой мере – факторами, инвариантными для автора, и в какой – факторами, присущими лишь данной ситуации общения...» [Вул, 1978, с. 105]. Один и тот же признак может иметь и не иметь идентификационную значимость в зависимости в том числе от стиля документа. Соответственно, идентификационные признаки, применимые при исследовании текстов разговорного или публицистического стилей, не всегда применимы при анализе официально-деловых текстов. В современной научной и методической литературе нет обобщающего исследования особенностей установления авторства юридических текстов, однако есть работы, в которых освещается автороведческий анализ отдельных жанров в конкретных исследовательских ситуациях.

Как отмечает А.М. Плотникова в статье «Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы» [Плотникова, 2016], индивидуально-авторские признаки документных текстов обнаруживаются главным образом на орфографическом, пунктуационном, синтаксическом и отчасти лексическом уровнях. Также важное идентификационное значение имеют иностилевые вкрапления (как разговорного, так и художественного стиля), особенности композиции и графического оформления документов. Навыки дискурсивного мышления авторов таких текстов проявляются в композиционном построении текста, характере логических и текстовых связей, особенностях рубрикации и выбора заголовка и подзаголовка [Плотникова, 2016, с. 41].

Одной из первых работ, описывающих автороведческий анализ официально-делового текста, стала статья А.В. Морозова, посвященная установлению авторства текста договора [Морозов, 2004]. В ней

автор отмечает высокую степень стандартизации языковых средств официально-делового стиля и слабую выраженность авторского стиля. Это, по мнению исследователя, существенно усложняет установление авторства документов и делает его возможным лишь на уровне допущений.

В качестве основных методов анализа А.В. Морозов указывает нормативно-стилистический и статистический, в том числе предложенный его известным однофамильцем – основателем отечественной стилеметрии Н.А. Морозовым – метод подсчета частоты использования служебных слов. В качестве релевантных собственно языковых признаков А.В. Морозов предлагает использовать главным образом лексические, синтаксические и грамматические особенности [Морозов, 2004, с. 291]:

- устойчивые орфографические ошибки;
- устойчивые пунктуационные ошибки;
- частое использование определенных служебных слов и наречий;
- устойчивые стилистические ошибки;
- особенности построения предложений (длинные сложные предложения с несколькими придаточными).

При статистическом анализе исследователь производит подсчет частотного распределения союзов определенной семантики в каждом тексте. Однако, как отмечает А. В. Морозов, метод статистического анализа может выступать лишь как вспомогательный, поскольку небольшой объем текста не позволяет получать категоричные статистические результаты.

Еще один жанр, получивший освещение в автороведческих исследованиях, – жанр жалобы. Его анализу посвящена статья Л. Г. Ким [Ким, 2013]. Опираясь на теорию языковой личности, Л.Г. Ким дает характеристику особенностям установления авторства текстов обращений в официальную инстанцию. Большое внимание автор уделяет жанровым характеристикам текста, отмечая его целевую направленность и полуофициальный характер с присущими ему отступлениями от норм официально-делового стиля и небольшим временным промежутком между инициировавшим текст событием и написанием текста [Ким, 2013, с. 98]. Л.Г. Ким обращает внимание на графические средства выражения субъективности в тексте, к которым в представленных примерах относится использование прописных букв для выделения наиболее важной, по мнению автора, информации.

Особый интерес у автороведов вызывает жанр протокола допроса. Будучи процессуальным документом, он характеризуется высокой степенью шаблонности и клишированности, а также участием двух языковых личностей, одна из которых производит финальную обработку текста в соответствии с определенными правилами. В научной литературе проблема автороведческого анализа протоколов допроса получила освещение лишь в последние годы. Главным образом это статьи, посвященные анализу конкретной экспертной ситуации, в которых отмечаются проблемы конкретных текстов и предлагаются частные методы их решения.

Наиболее детальный анализ протокола допроса представлен в статье С.М. Антоновой «Протокол как паспорт языкового сознания: опыт двух лингвистических экспертиз» [Антонова, 2010]. Исследователь отмечает несколько важных жанровых черт протокола допроса, касающихся возможности установления его автора. Во-первых, Антонова пишет, что единственным автором текста протокола допроса является следователь, который не только осуществляет фиксацию текста, но и выступает как «коммуникативный лидер, <...> ведущий диалоговое развитие темы», «следователь управляет языковым сознанием и личностью свидетеля с помощью своего языкового сознания» [Антонова, 2010, с. 165]. Во-вторых, несмотря на приоритет языковой личности составителя, в протоколе находят отражение картины мира и допрашивающего, и допрашиваемого как подтверждение того, что текст написан именно со слов последнего. Основываясь на этом, С.М. Антонова исследует около 50 протоколов допросов свидетелей по одному делу. В ходе анализа она пользуется методами «когнитивной интерпретации текста» [Антонова, 2010, с. 163], анализируя как дословные совпадения во всех текстах, так и особенности языковой личности. С.М. Антонова отмечает отсутствие неоднородности языковой личности, несоотнесенность речи языковой личности с уровнем языковой компетенции, сферой профессиональной деятельности и другими социокультурными данными допрошенных. На основании этих параметров Антонова делает вывод о том, что исследованные ею протоколы допросов были переписаны с одного. Интересно, что автор рассматривает проблемы установления авторства протокола с позиции языковой личности и отраженной в тексте картины мира, обращает внимание, что в тексте, созданном при участии разных лиц, реконструируемая языковая личность не может быть однородной

в силу разных картин мира участников и почти бесконечных возможностей передачи словами одной мысли [Антонова, 2010, с. 166]. Тексты протокола допроса приводятся в качестве иллюстрации методики автороведческой экспертизы в статье «Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования» Т. А. Распоповой [Распопова, 2015]. Автор статьи отмечает, что тексты протокола допроса отличаются «высоким уровнем стандартизации и унификации излагаемого материала» [Распопова, 2015, с. 137], что особенно ярко выражено во вводной и заключительной частях, в связи с этим Т. А. Распопова полагает пригодной для автороведческого анализа лишь описательную часть протокола допроса. При определении авторства текстов этого жанра она опирается, прежде всего, на статистические показатели текстового и языкового уровня. Т.А. Распопова сравнивает такие текстовые характеристики, как количество страниц, количество слов, количество знаков (с пробелами и без них), количество абзацев и строк и такие языковые характеристики, как количество лексем и словоформ разных разрядов, количество тех или иных типов предложений и т.п. Также рассматривается общий уровень грамотности автора протокола, наиболее типичные для него ошибки разных языковых уровней [Распопова, 2015, с. 141]. Автор статьи не обращается к жанровым особенностям протокола допроса и понятию языковой личности, концентрируя внимание на статистических и некоторых языковых показателях.

К проблеме установления авторства протоколов допроса обращается Л. М. Месропян в статье «Лингвистическая экспертиза протокола допроса: идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений» [Месропян, 2017]. Автор обращает внимание на отсутствие четких границ возможного искажения речи допрашиваемого в протоколах, в результате чего речь допрашиваемого обезличивается, теряет индивидуальные особенности. Это создает трудности при производстве автороведческой экспертизы, поскольку нивелирует большинство идентификационных признаков. Говоря о жанровых особенностях протокола допроса, Л.М. Месропян повторяет тезис о границах авторского текста, считая пригодной для исследования только описательную часть протокола допроса. Кроме того, автор также указывает на ограниченную применимость принятых в автороведении уровней анализа при исследовании протокола допроса. Так, исследование текста на уровне выявления орфографических и

пунктуационных ошибок малоприменимо к протоколам допросов для определения признаков речи информанта, поскольку информант и составитель таких текстов, как правило, различается. Таким образом, по мнению Л.М. Месропян, учитываются только лексико-фразеологический, синтаксический и стилистический уровни.

В качестве дополнительного критерия Л.М. Месропян приводит уровень владения русским языком, который в рассматриваемом ею случае отразился в удостоверительной части в виде рукописно выполненного фрагмента, в котором допрашиваемый отмечает, что не имеет заявлений и возражений по ходу допроса. Дело в том, что, по ее наблюдениям, данный фрагмент написан вразрез с нормами русского языка, причем нарушает их не свойственным для носителей языка образом. Однако рассматривать проявившийся в разных частях документа уровень владения языком как идентификационный признак, универсальный для всех (или хотя бы большей части) текстов протокола допроса, было бы некорректно, поскольку все, кроме подписи допрашиваемого, в большей части текстов выполнено на компьютере.

Если говорить об общих тенденциях, характеризующих юридические тесты с позиции автороведческого исследования, можно отметить, что такие тексты обладают рядом черт, которые накладывают отпечаток на методы и возможности их лингвистического анализа. Авторская индивидуальность в таких текстах может проявляться на уровне орфографии, пунктуации, синтаксиса, в меньшей степени – лексики, на стилистическом уровне показательными могут быть главным образом иноstileвые вкрапления. Кроме того, юридические тексты не однородны, разные жанры имеют разную степень стандартизации и шаблонности, разные возможности для проявления индивидуально-авторских черт, соответственно, для анализа разных жанров часто используются разные методы исследования, о чем свидетельствуют рассмотренные работы. Однако многообразие методов может порождать разногласия и несовпадение результатов, отсутствие единого подхода усложняет воспроизводимость исследования, что неприемлемо в экспертизе. Соответственно, актуальной является разработка общего подхода к установлению авторства юридических, и прежде всего процессуальных, документов.

На материале текстов протоколов допроса нами был разработан подход, основанный на жанровом анализе как основе

дальнейшего автороведческого исследования [Абрамкина, 2020]. Этот анализ включает построение трехчастной модели речевого жанра, характеризующей 1) структуру текста того или иного жанра, 2) коммуникативную ситуацию и связанные с ней образы автора и адресата, а также 3) языковые черты текстов исследуемого жанра.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку экстраполировать этот подход на анализ процессуальных документов как класса и обосновать эффективность его применения.

Коммуникативная ситуация создания процессуальных документов

Процессуальные документы – это тексты, оформляющие этапы следственных и судебных действий. Соответственно, создание любого процессуального документа связано с ситуацией взаимодействия в рамках следствия или судебного разбирательства.

Процессуальные документы разделяются главным образом на 1) протоколы судебных и следственных действий и 2) решения уполномоченных органов на той или иной стадии рассмотрения дела.

Документирование судебных и следственных действий является обязательным и осуществляется уполномоченными участниками процесса, поэтому коммуникативную ситуацию создания процессуальных документов можно в общем виде охарактеризовать как ситуацию интрапрофессионального общения, то есть общения языковых личностей одной сферы деятельности. Это определяет достаточно жесткое следование требованиям официально-делового стиля, использование стандартных для него лексических и синтаксических конструкций и т.п. Однако, как показал проведенный нами анализ протоколов допроса, для этого жанра, а также некоторых других жанров с неоднородными образами автора и адресата реальная коммуникативная ситуация может быть сложнее и включать элементы интерпрофессиональной (межпрофессиональной) коммуникации. Соответственно, по типу коммуникативной ситуации процессуальные документы можно разделить на 1) жары с простой коммуникативной ситуацией (только интрапрофессиональное общение) и 2) жанры со сложной коммуникативной ситуацией (сочетание интрапрофессионального и интерпрофессионального общения).

Автор и адресат процессуальных документов

Образы автора и адресата, а также коммуникативная ситуация их взаимодействия являются жанрообразующими для текстов процессуальных документов.

Можно выделить несколько типов авторов текстов процессуальных документов:

- языковая личность, профессионально владеющая судебно-следственным дискурсом;
- языковая личность, чья профессиональная деятельность может быть не связана с судебно-следственным дискурсом.

Первый тип является ведущим в большинстве процессуальных документов, именно профессиональная языковая личность оформляет документ в соответствии с законодательными и стилистическими требованиями, обеспечивая корректную фиксацию процессуальных действий. Для авторов этого типа характерно понимание законодательных требований к составлению того или иного текста, его роли и места в судебном разбирательстве.

Второй тип авторов возникает при создании текстов, пересказанных с чужих слов. Это прежде всего протоколы допросов и судебных заседаний, где таким автором является допрашиваемое лицо (свидетель, потерпевший, подозреваемый, эксперт и т.п.). Этот тип участников является скорее информантом – носителем информации – чем непосредственным автором итогового текста, тем не менее речь информанта, согласно требованиям, предъявляемым к протоколам, должна быть зафиксирована точно, по возможности дословно. Соответственно, в текстах, записанных со слов информанта, могут встречаться вкрапления речи, не соответствующей канонам судебно-следственного дискурса.

Образ адресата процессуальных документов, как правило, более однороден. В любом случае это языковая личность, профессионально участвующая в судебном процессе. Конкретный адресат определяется коммуникативной ситуацией, а сам во многом определяет структуру и другие жанровые черты документа. В случае с текстами, составленными со слов информанта, адресат также задает тему повествования и диктует некое подстраиванием речи информанта под требования стиля [Абрамкина, 2020].

Рассмотрим пример анализа коммуникативной ситуации и образов автора и адресата на материале жанра протокола допроса.

Коммуникативная ситуация протокола допроса

Главной задачей протокола допроса как процессуального документа является фиксация процессуальных действий, которые помогают представить фактические обстоятельства дела, обеспечить доказательную базу. Это позволяет говорить о двунаправленности протокола допроса, двояком характере его коммуникативной ситуации. Коммуникативную ситуацию, связанную с взаимодействием составителя документа с лицами, уполномоченными законом знакомиться с текстом протокола, можно назвать внешней, она предполагает адресата, опосредованно (через жанровые ожидания и социальный статус) присутствующего в тексте протокола допроса. Цель коммуникации в этом случае – передача полученной информации от составителя уполномоченным лицам (прежде всего судье), которые на основании информации, зафиксированной в протоколе, будут принимать решение.

Коммуникативную ситуацию, связанную с взаимодействием составителя и информанта в рамках коммуникативного события допроса, можно охарактеризовать как внутреннюю, поскольку оба субъекта коммуникации непосредственно присутствуют в тексте протокола. Это взаимодействие в условиях некооперативной коммуникативной ситуации.

Образы автора и адресата в протоколе допроса

«Автором» протокола допроса во внешней коммуникативной ситуации является составитель протокола (следователь, дознаватель), он инициирует общение, составляя протокол допроса. Адресатом в данном случае являются судья и другие лица, которые в рамках конкретного дела имеют право знакомиться с протоколом допроса. Несмотря на то что адресат внешней коммуникативной ситуации не присутствует напрямую в тексте, его роль не ограничивается пассивным восприятием информации – его процессуальный статус, профессиональные отношения с составителем формируют определенные «жанровые ожидания», которые вынужден соблюдать составитель текста для успешной коммуникации.

Коммуникативная цель составителя – передать сформированную в результате допроса картину событий адресату. Коммуникативная цель адресата – на основе воспринимаемой из протокола информации, соотнося ее с информацией, полученной из других источников, сформировать общую картину преступления и на ее основе принять решение. Таким образом, адресат не пассивно воспринимает информацию из протокола допроса, но еще и сопоставляет ее с уже имеющейся, оценивает с точки зрения соответствия или несоответствия другим данным, проверяет ее на логичность и правдоподобность. Только после такого анализа адресат (суд) принимает информацию из протокола допроса и встраивает ее в уже имеющуюся у него картину событий. Позиция адресата, как и позиция автора, предполагает анализ и отбор той информации, которая кажется ему важной, проверка ее на отсутствие противоречий и нелогичностей.

В свою очередь, составитель, находясь в рамках профессионального общения с адресатом, осознает активную роль последнего и учитывает ее при составлении текста протокола. В общем случае он стремится отразить в протоколе полученную им информацию так, чтобы, во-первых, у адресата не возникло сомнений в ее достоверности и принадлежности информанту, во-вторых, чтобы он мог легче встроить ее в картину событий. Соответственно, он стремится к точности и полноте передачи информации, выступает в качестве преобразующего канала передачи информации от информанта судье. Конечно, возможны ситуации, когда составитель по той или иной причине преследует иную коммуникативную цель, однако для составления общей картины жанра мы учитываем только кооперативное взаимодействие составителя с адресатом, соответствие его целей установлению справедливости и осуществлению правосудия.

Активная роль адресата в формировании текста протокола прослеживается также в форме документа. Именно характер коммуникации – интрапрофессиональная деловая коммуникация в рамках судебно-следственной системы [Татарникова, 2004] – задает шаблонную структуру и обилие лексических и синтаксических штампов.

Таким образом, «автор» протокола допроса во внешней коммуникативной ситуации (составитель текста протокола) выступает своеобразным «переводчиком» с языка повседневного общения на язык юридической, процессуальной документации, при этом, как и

переводчик, стремясь, с одной стороны, сохранить содержательную сторону текста и по возможности особенности речи допрашиваемого, с другой, сделать текст доступным для профессионального восприятия и анализа.

Внутренняя коммуникативная ситуация с позиции взаимоотношений автора и адресата характеризуется неравноправием ролей участников, что позволяет рассматривать одного из них как информанта, а другого как составителя. Инициатором коммуникации является составитель, он определяет тему общения, ее развитие и единство. Однако он не свободен в выборе темы и ее развития. Тема протокола допроса обусловлена экстралингвистическими характеристиками (ситуацией преступления, категорией дел, к которой оно относится, и т. п.). Описываемые информантом события составитель воспринимает через призму определенной ситуационной модели, определенного сценария ситуаций данного типа, которым он обладает в силу профессиональной деятельности. Он задает вопросы, исходя из полноты этого сценария и учитывая те лакуны, которые в нем есть. Кроме того, его цели при производстве самого допроса и фиксации протокола различаются. Цель следователя, производящего допрос, – заполнить все лакуны и создать объемную, наполненную конкретным содержанием ситуационную модель. Цель его как составителя протокола допроса – максимально точно эту модель передать.

Допрашиваемый более пассивен, его цель сводится к сообщению информации на заданную следователем тему. Однако он также вносит значительный вклад в создание протокола, что и позволяет нам обнаруживать неоднородность авторской речи в тексте. Именно информационный вклад допрашиваемого играет ведущую роль в тексте. Кроме того, диалогический характер допроса предполагает смену ролей «автор – адресат» в процессе общения. То есть в один момент автором является следователь, который задает вопрос, уточняет что-либо, а адресатом – информант; в другой момент времени они меняются местами – информант говорит (выступает в роли автора), следователь выступает в роли адресата.

Общим звеном рассмотренных коммуникативных ситуаций является составитель, который транслирует речь информанта судье, обрабатывая ее и приводя в соответствие с требованиями стиля и жанра.

В тексте протокола допроса речь информанта может быть представлена несколькими способами. Прежде всего, эксплицитно – прямыми цитатами и косвенными цитатами и т.п., а также имплицитно – нарушением коммуникативных максим, принципа кооперации, дополнительной коммуникативной целью и т.п. Однако, поскольку протокол допроса представляет собой помещенный в рамки стиля и коммуникативной ситуации письменный пересказ составителем устной речи информанта, объем эксплицитно выражаемой речи последнего, как правило, настолько мал, что выявить на его основе устойчивые идентификационные признаки в достаточном для установления авторства количестве невозможно, поэтому при проведении идентификационной автороведческой экспертизы протокола допроса чаще приходится говорить о неоднородности авторской речи в целом или о следах речи информанта в тексте. Подробно способы проявления речи допрашиваемого в протоколе допроса будут рассмотрены в последующих параграфах.

Отражение внутренней коммуникативной ситуации в тексте протокола допроса происходит несколькими путями. Во-первых, это отражение содержания: и информация, сообщаемая допрашиваемым, и ее регулирование следователем формируют последовательность разворачивания темы, композицию описательной части протокола допроса. Во-вторых, это частичное отражение формы речи, что связано с законодательным требованием отражать речь допрашиваемого точно, по возможности дословно.

Структурные особенности процессуальных документов

Жесткие требования фиксации хода следственных и судебных действий диктуют и определенную структуру процессуальных документов. В зависимости от жанра, она отличается, однако общие черты, обусловленные экстралингвистическими факторами, все же можно выделить.

1. Для процессуальных документов характерно наличие реквизитной части текста, характеризующей лицо, так или иначе участвующее в составлении документа. Для протокола допроса это вводная часть, содержащая анкетные данные допрошенного и информацию о допросившем, а также месте и времени проведения допроса. Для текстов судебных решений это информация о самом

судебном заседании, в рамках которого было принято решение, о судьбе и секретаре заседания, а также об истце и ответчике.

Реквизитная часть заполняется в соответствии с жестко определенным шаблоном и не содержит возможностей для проявления языковой личности автора, поэтому при производстве автороведческой экспертизы эта часть не анализируется.

2. Помимо реквизитной, вводной части, для процессуальных документов характерно наличие заключительной части, резюмирующей содержание документа. В протоколе допроса в заключительной части содержится информация о наличии или отсутствии возражений и дополнений, а также подпись допрошенного лица. В решениях и постановлениях в заключительной части содержится само решение, определяющее наступление того или иного юридически значимого последствия. Эта часть также достаточно жестко регламентирована и практически не содержит возможностей для проявления авторства, однако в литературе описаны примеры, когда заключительная часть протокола допроса содержала важные для автороведческого исследования сведения [Месропян, 2017]. Учитывая наличие таких ситуаций, заключительную часть процессуальных документов можно признать ограниченно пригодной для автороведческого анализа.

Таким образом, процессуальные документы, как правило, имеют трехчастную структуру, где вводная часть не содержит авторских черт и не может быть использована при проведении автороведческой экспертизы, заключительная часть может быть проанализирована избирательно, а основной анализ приходится на содержательную часть документа.

Язык процессуальных документов

Основой автороведческого анализа процессуальных документов является четкое разграничение жанровых и авторских языковых черт на всех уровнях языка. Для процессуальных документов характерен определенный набор лексико-грамматических средств, обеспечивающих однозначность толкования текстов, их конкретность и непротиворечивость. Языковые черты процессуальных документов выделяются на орфографическом, пунктуационном, лексико-семантическом, синтаксическом, стилистическом и коммуникативно-прагматическом уровне. На этих же уровнях выделяются

индивидуально-авторские черты, которые рассматриваются либо как вариации жанровых черт, либо как отступления от жанрового канона.

Опорой для выделения жанровых черт могут стать шаблоны и образцы процессуальных документов, доступные в интернете, поскольку они содержат наиболее характерные для того или иного жанра лексические, стилистические и синтаксические признаки.

После отделения жанровых черт от авторских становится возможным составление набора идентификационных признаков, по которым можно установить авторство текста.

Подводя итог нашего краткого обзора, можно отметить следующее.

Анализ юридических, и особенно процессуальных, документов для решения идентификационных задач, несмотря на всю его актуальность, представляет большую трудность, связанную как с лингвистическими чертами текстов, так и с экстралингвистическими факторами, во многом определяющими коммуникативную ситуацию и образы авторов и адресатов. В научной литературе описываются главным образом статистический и лингвоперсонологический подходы, однако ни тот, ни другой нельзя экстраполировать на все жанры процессуальных документов.

Для автороведческого анализа таких текстов нами предложен и апробирован на жанре протокола допроса жанровый подход. Он включает построение трехчастной модели речевого жанра и выделение на ее основе набора идентификационных признаков. Основные компоненты модели – это 1) коммуникативная ситуация и вписанные в нее образы автора и адресата текста, 2) структура текста и 3) языковые черты.

С позиции типа коммуникативной ситуации процессуальные документы разделяются на жанры с простой коммуникативной ситуацией (только интрапрофессиональное общение) и со сложной коммуникативной ситуацией (совмещение в одном тексте ситуаций интрапрофессионального и интерпрофессионального общения).

Тип коммуникативной ситуации связан с образами автора и адресата. Для жанров с простой коммуникативной ситуацией и автор, и адресат являются языковыми личностями, коммуникация которых осуществляется в рамках профессионального общения. Для второго типа жанров выделяется две коммуникативные ситуации: внутренняя, характеризующая коммуникацию составителя итогового

текста с информантом, и внешняя, характеризующая оформление текста для его передачи финальному адресату. Внутренняя является ситуацией интерпрофессионального общения лиц с разным социальным и профессиональным статусом, внешняя – ситуация интрапрофессионального общения между уполномоченными лицами судебно-следственной системы.

Процессуальные документы в большинстве своем имеют трехчастную структуру (вводная, содержательная и заключительная части), где вводная часть непригодна для автороведческого анализа, заключительная пригодна ограниченно, а основной материал для анализа находится в содержательной части.

Языковые черты процессуальных документов могут быть разделены на собственно жанровые – характерные для всех текстов этого жанра – и авторские, представляющие собой либо инвариант жанровых черт, либо не характерные для жанра языковые черты. Для определения жанровых черт могут использоваться образцы и шаблоны соответствующих процессуальных документов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамкина Е.Е.* Автороведческая экспертиза документных текстов: моделирование жанра как основа выделения идентификационных признаков // Политическая лингвистика, 2020, №2 (80). – С. 151–158.
2. *Антонова, С.М.* Протокол как паспорт языкового сознания: опыт двух лингвистических экспертиз / С. М. Антонова // Юрислингвистика. – 2010. – С. 163–176.
3. *Вул С. М.* Оценка идентификационной значимости признаков письменной речи в судебно-автороведческой экспертизе / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1978. – Вып.17. – С. 104–108.
4. *Ким Л. Г.* Кто автор жалобы / Л. Г. Ким // Юрислингвистика. – 2013. – № 2 (13). – С. 97–103.
5. *Месропян Л. М.* Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений / Л. М. Месропян // Процессуальные действия вербального характера. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. Под общей редакцией К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. – 2017. – С. 116–127.
6. *Морозов А. В.* Автороведческая экспертиза текста договора / А. В. Морозов // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – 2004. – С. 290–297.
7. *Плотникова А. М.* Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы / А. М. Плотникова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016 – Вып. 15, № 1. – С. 37–43.

8. *Распопова Т. А.* Судебная автороведческая экспертиза: опыт исследования / Т. А. Распопова // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований – 2015 – № 1(6). – С. 133–144.

9. *Татарникова Н. М.* Координация первичного и вторичного жанров в официально-деловом стиле речи (на примере речевых жанров допроса и протокола допроса): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. М. Татарникова. – Кемерово, 2004. – 23 с.

ANALYSIS OF LEGAL DOCUMENTS IN THE AUTHORSHIP EXAMINATION

Elene E. Abramkina

Novosibirsk state university

1, st. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

The article discusses the main approaches to establishing the authorship of judicial, procedural documents, describes the emerging problems of the authorship analysis. As an alternative to the existing approaches, a genre approach is proposed. It based on the three-part model of the genre, including the author and addressee interacting within the communicative situation, the structure of the genre and linguistic features of the texts. Using the material of the interrogation protocol genre, the proposed approach is demonstrated.

Key words: authorship expertise, attribution, identification, procedural documents, interrogation protocol.

Контактная информация:

Абрамкина Елена Евгеньевна – канд. филол. наук;

abramkinaee@list.ru

А.В. Акинина,
магистр филологии, независимый эксперт
356000 Российская Федерация, Ставропольский край,
г. Новоалександровск, ул. Ленина, 125

НЕПРИЛИЧЕН ЛИ ТОВАРНЫЙ ЗНАК «ЙОШКИН КОТ»? ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА-ЭКСПЕРТА

В статье анализируется кейс (суть судебного разбирательства) товарного знака «Йошкин кот», отклоненного Роспатентом по основаниям противоречия принципам гуманности и морали. Решение по делу оспорено в Верховном суде РФ. Статья содержит пример методологии и логики работы лингвиста-эксперта в рамках экспертизы товарных знаков и транслирует взгляд на категорию неприличности в русской языковой среде и правовой практике.

Ключевые слова: товарный знак, экспертиза товарных знаков, Роспатент, неприличность, мораль.

В ноябре 2018 года Роспатент отказал предпринимателю из Йошкар-Олы (Республика Марий Эл) Николаю Одинцову в регистрации товарного знака «Йошкин кот». А позднее, в августе 2019 года, это решение подтвердила и палата по патентным спорам. Об этом писали многие СМИ, и все бы ничего, если бы не одно «но». Первоначальной причиной отказа Роспатент назвал то, что словосочетание «Йошкин кот» отсылает к известному в народе фразеологизму «Ёшкин кот», которое, по версии Роспатента, «относится к бранной лексике, представляет собой выражение любой эмоции, а также ругательство, безобразие, выражение недовольства, озлобления, в связи с чем противоречит общественным интересам и принципам морали».

История имеет продолжение. Упомянутый предприниматель заказал не только лингвистические экспертизы, но и социологические опросы. Как пишет РАПСИ, «результаты соцопроса, проведенного Лабораторией социологической экспертизы Федерального социологического центра РАН по заказу заявителя, показывают, что 98% опрошенных считает обозначение шутливым выражением досады, огорчения, негодования или разочарования, а 95% полагает, что данное обозначение не противоречит принципам гуманности и морали» (1). Спор между заявителем и Роспатентом дошел и до Верховного Суда, который подтвердил вердикт Суда по интеллектуальным правам повторно рассмотреть дело.

Рассмотрим этот кейс и мы.

Известно, что одним из оснований для отказа в регистрации товарного знака служит нарушение знаком принципов гуманности и морали. Это требование заявлено в статье 1483 [1] Гражданского кодекса РФ и подробно разбирается в ряде методических рекомендаций Роспатента, в частности в «Руководстве по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности» (2016).

В указанном Руководстве отмечается, что «к обозначениям, противоречащим принципам гуманности и морали, в первую очередь могут быть отнесены:

– нецензурные (бранные) слова и выражения, такие как «мразь», «ирод», «дерьмо» и т.п.,

– жаргонные (сленговые) слова и выражения, вызывающие неприятные ассоциации, например «мочиловка», «разведи (обуй, надуй) товарища».

<...> К обозначениям, противоречащим принципам гуманности и морали, относятся также:

– изображения непристойного содержания, оскорбляющие человеческое достоинство, например натуралистическое или карикатурное изображение обнаженного или полуобнаженного женского или мужского тела, выполненное в непристойной позе;

– объемные обозначения непристойного содержания, по своему характеру приближающиеся к порнографическим товарам, например обнаженные гениталии, фигуры людей и (или) животных в непристойных позах;

– обонятельные и звуковые обозначения, вызывающие неприятные ассоциации, связанные, например с физическими отправлениями организма» [2] (С. 191–192).

Соответственно, понятие «противоречащий принципам гуманности и морали» в правовой и патентной практике используется как перифраз для понятий «неприличный», «непристойный», «бренный», «нецензурный».

Таким образом, для ответа на вопрос, противоречит ли соотнесенный с товарным знаком «Йошкин кот» фразеологизм «Ёшкин кот» принципам гуманности и морали (является ли неприличным), следует установить, является ли это выражение бранным в лингвистическом смысле или действительно не является, как показывают данные социологического опроса.

В словаре В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной «**Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь**» (М.: ОЛМА медиа групп, 2008) выражение «Ёшкин кот!» есть в статье, посвященной лексеме «кот». Вот определение со строгим сохранением данных авторами стилистических помет:

«Ёшкин кот!» – *Прост. Эвфем. Шутл.-ирон.* То же, что Елкин корень!» (с. 121).

В свою очередь, «**Ёлкин корень**» трактуется в том же издании как «*Прост. Эвфем. Шутл.-ирон.* Выражение легкого недовольства кем-л., чем-л.» (с. 121).

Таким образом, можно считать, что «Ёшкин кот!» употребляется для выражения легкого недовольства, возможно, некоторого удивления, изумления, порой даже приятного. Выражение вообще довольно безобидное, веселое, ведь недаром лексикографы присвоили ему помету «*шутл.*».

Пометы в данном случае необычайно важны: именно они подтверждают **эвфемистический** характер идиомы. А пометы «бран.», напротив, для этого выражения нет. К слову, выражение «Ёшкин кот» встретилось автору настоящей статьи только в указанном словаре В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной. Больше ни в одном словаре разговорной речи, жаргонов и тем более в словарях брани его нет.

Особое внимание следует обратить на отображенную в словарной статье эвфемистичность идиомы. Напомним, что эвфемизмами называются слова и выражения, которые перефразированно передают тот же смысл, что и другие слова и выражения, которые по каким-то причинам говорящий не хочет использовать. То есть функцию эвфемизмов можно в общем определить как «маскировку формы при сохранении смысла».

Исходные выражения, которые маскируются эвфемизмами, обычно грубые, бранные или даже нецензурные, то есть табуированные в повседневном общении. В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой сказано так: «*Эвфемизм – нейтральное слово или выражение, которым заменяется другое – нетактичное, грубое, неприличное и потому с этических позиций неприемлемое.*»

Очевидно, что сами по себе эвфемизмы к бранной или нецензурной лексике не относятся. Это подчеркивается и в приведенной выше статье из словаря лингвистических терминов: «эвфемизм – **нейтральное** слово или выражение». Нейтральное – то есть лишенное

отрицательной или положительной смысловой окраски, не имеющей отношения к нарочитой пеоративности бранных лексем и выражений.

Таким образом, несмотря на то, что выражение «Ёшкин кот» включено в лексикографический источник под названием «Русское сквернословие», само по себе оно является нейтральным по эмоционально-экспрессивной окраске и по смыслу.

Соответственно, претензии Роспатента к товарному знаку «Йошкин кот» на основании соотнесения с якобы нецензурным (бранным) выражением несостоятельны: ни регистрируемое обозначение «Йошкин кот», ни связываемая с ним идиома «Ёшкин кот» противоречащими принципам гуманности и морали не являются.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021), ст. 1483 [Электронный ресурс, режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/2e83c7a3d-54808ca80d8f0b2a034caa0f7122b57/, дата обращения: 15.04.2021]

[2] Руководство по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности. – Роспатент, 2016. [Электронный ресурс, режим доступа: [gospatent.gov.ru](http://rospatent.gov.ru), дата обращения: 15.04.2021]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

2. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. - М.: ОЛМА медиа групп, 2008.

3. ВС подтвердил обязанность Роспатента вновь рассмотреть дело о товарном знаке «Йошкин кот» [Электронный ресурс, режим доступа: http://www.rapsinews.ru/judicial_news/20210409/306952000.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fstory%2FVS_podtverdil_obyazanie_Rospatenta_vnov_rassmotret_delo_oznake_Joshkin_kot--115356f0ba48c5acb8f-3772ca9200da1, дата обращения: 15.04.2021].

IS THE TRADEMARK «YOSHKIN CAT» INDECENT? THE VIEW OF A FORENSIC LINGUIST

A.V. Akinina,

Master of Philology, independent expert,

356000 Lenin-st. 125, Novoalexandrovsk, Stavropol region, Russian Federation

The article analyzes the case (the essence of the trial) of the trademark “Yoshkin Cat”, rejected by Rospatent on the grounds of contradiction to the principles of humanity

and morality. The decision on the case was challenged in the Supreme Court of the Russian Federation. The article contains an example of the methodology and logic of the work of a linguist-expert in the framework of trademark examination and translates a view on the category of indecency in the Russian language environment and legal practice.

Keywords: trademark, trademark examination, Rospatent, obscenity, morality.

Контактная информация:

Акинина Анастасия Вячеславовна, независимый лингвист-эксперт (самозанятая), автор профессионального блога «ЛингЭксперт», член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), член Судебно-экспертной палаты РФ;
akinina21@mail.ru

Т.В. Бердникова

*кандидат филологических наук, доцент,
ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции Российской Федерации
Российская Федерация, 101000, Москва,
Большой Спасоглинищевский пер., д. 4
syntax2@yandex.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Статья посвящена исследованию диалога как особого объекта судебной лингвистической экспертизы. Необходимость изучения диалогической речи в аспекте судебной лингвистической экспертизы обусловлена наличием множества оснований назначений экспертизы по объектам, содержащим диалогическую речь. Объектами исследования являются две разновидности фиксации диалога: аудио- и видеозаписи разговоров (фонограммы), полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, записанные с помощью специальных устройств, и тексты электронной коммуникации (переписки пользователей в социальных сетях, мессенджерах и т.п.). Подход к экспертному анализу диалога зависит от вида фиксации диалога (звучащий или электронный диалог), от его характера (гармоничный или конфликтный диалог), от особенностей коммуникативной ситуации. В судебной лингвистической экспертизе диалог изучается посредством методов семантического, коммуникативно-прагматического, контекстуального анализа. Приводится анализ диалогического дискурса.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, семантический анализ, интернет-коммуникация, разговорная речь, диалог

Вступительная часть

На VI Международном конгрессе исследователей русского языка, проходившем 20–23 марта 2019 года, в качестве рекомендации было указано «просить филологический факультет МГУ провести школу для лингвистов экспертных учреждений РФ», что свидетельствует об актуальности явления судебной лингвистической экспертизы как с точки зрения филологической науки, так и с точки зрения судебного процесса.

Лингвистическая экспертиза охватывает множество т.н. продуктов речевой деятельности, одним из которых является диалогическая речь.

Необходимость изучения диалогической речи в аспекте судебной лингвистической экспертизы обусловлена наличием

множества оснований назначений экспертизы по объектам, содержащим диалогическую речь. Например, при решении экспертных задач по таким категориям дел, как дела о взятках, коммерческом подкупе (ст. ст. 204, 290, 291, 291.1, 291.2, 304 УК РФ), вымогательстве (ст.ст. 163, 221, 226, 229 УК РФ), угрозе (ст.ст. 119, 296 УК РФ), о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 228, 228.1, 228.3, 228.4, 229, 229.1, 230, 230.1, 233, 234.1, 235.1, 240, 241 УК РФ) и др.)

Все вышесказанное делает изучение диалогической речи в судебной лингвистической экспертизе актуальным. Диалог как особый объект судебной лингвистической экспертизы и актуальность его исследования отмечают авторы учебно-методического пособия «Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи: учебно-методическое пособие / Под ред. В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 120 с.» [21].

При проведении экспертизы диалогической речи объектами исследования являются две разновидности фиксации диалога: аудио- и видеозаписи разговоров (фонограммы), полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, записанные с помощью специальных устройств, и тексты электронной коммуникации (переписки пользователей в социальных сетях, мессенджерах и т.п.).

Диалогическая речь в судебной лингвистической экспертизе изучается в основном посредством методов семантического, коммуникативно-прагматического, контекстуального анализа.

В современной лингвистике сложилась традиция изучения диалогической речи. Интерес к ней появляется в начале XX века (труды Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, М.М. Бахтина и др.) и продолжает существовать до сегодняшнего дня.

Изучение диалога как формы речевой деятельности сначала проводилось на материале художественных текстов (Бердникова Т.В. [3], Ильенко С.Г. [14], Полищук Г.Г. [20], Сиротинина О.Б. [23] и др.): были сделаны важные наблюдения над структурной организацией диалога, структурно-семантическим соотношением реплик, их взаимодействием с комментирующим текстом. Исследование диалога живой речи началось в 60-е годы XX века.

Аспектами изучения диалогической речи являются следующие: структурно-семантический (Л.П. Якубинский [28], Н.Ю. Шведова [26], Р.Р. Гельгардт [11], А.П. Стельмашук [25], А.К. Соловьева [24], И.Н. Борисова [5] и др.), прагматический (С.Г. Ильенко [14], Е.В. Падучева

[18], О.Б. Сиротинина [23] и др.), функциональный (Т.Н. Колокольцева [15], Т.Г. Винокур [9], И.Н. Борисова [5] и др.), стилистический (В.В. Виноградов [8], О.Б. Сиротинина [23], Г.Г. Полищук [20] и др.). В последнее время стоит говорить и об аспекте исследования диалога в лингвистической судебной экспертизе, на особенности которого указывают авторы учебно-методического пособия «Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи: учебно-методическое пособие / Под ред. В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой. – М., 2020». По замечанию З.В. Валюсинской, «аспекты внимания к диалогу оказываются тесно связанными между собой; в то же время в современной лингвистической науке трудно назвать область, в которой в той или иной связи не привлекалось бы или не могло быть привлечено явление диалога. <...> Исследователи исходили из положения о том, что речь – один из видов человеческой деятельности» [7, с. 299–300].

Согласно определению Т.Г. Винокур, диалогическая речь – это «форма (тип) речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» [4, с. 135]. Диалогическая речь представлена в диалоге.

Существует достаточное количество дефиниций понятия «диалог», описание характеристик и свойств данного явления. Приведем некоторые определения диалога.

Согласно определению Е.Н. Ширяева, диалог – текст, создаваемый двумя партнерами коммуникации, один из которых является инициатором коммуникации, ее адресантом и задает программу развития текста, его интенцию, а другой – партнер коммуникации, адресат должен активно участвовать в развитии этой программы и не должен выходить за ее пределы [13].

Н.Ю. Шведова определяет диалог как «обмен такими высказываниями, которые естественно порождаются одно другим в процессе разговора. <...> Эта взаимозависимость не смысловая, но языковая: интонационная (всегда) и – в определенных случаях – собственно формальная» [26, с. 281].

По мнению Г.В. Бырдиной, «диалог – форма речи, представляющая собой определенным образом организованную структуру, которая возникает в результате чередования устной спонтанной речи двух и более (полилог) собеседников, каждый из которых попеременно становится то говорящим, то слушающим» [6, с. 7].

Большинство определений сводится к тому, что диалог предполагает коммуникативное взаимодействие собеседников.

Диалог, по мнению большинства исследователей (И.Н. Борисова, Т.Г. Винокур, Л.П. Якубинский и др.), считается первичной формой организации речи – «онтологически первичной, пратекстовой формой организации речи» [5, с. 7] по сравнению с монологом.

В качестве единицы диалога выделяется диалогическое единство (Н.Ю. Шведова), т.е. «синтаксическая единица диалогической формы речи, представляющая собой семантико-структурное единство соположенных реплик, связанных друг с другом в смысловом и грамматическом отношениях» [25, с. 9]. В современных условиях общения, когда имеет место интернет-коммуникация (например, такие жанры, как чат, комментарии и т.д.), реплики диалогического единства могут быть оторваны друг от друга, разделены репликами других собеседников, т.е. не всегда являться соположенными. При этом семантически и грамматически реплики, входящие в состав диалогического единства, являются связанными, таким образом, связность реплик внутри диалогического единства остается неизменной. По замечанию М.С. Володиной, «в отдельно взятой диалогической реплике обнаруживаются специализированные грамматические и лексические показатели прагматической связности, посредством которых говорящий актуализирует внимание адресата на некотором фрагменте своего речевого хода, моделирует эффект убеждения собеседника с пропозициональным содержанием своей реплики, выражает свой эмоционально-психологический настрой, сопутствующий речевому действию. Подобные лексико-грамматические показатели в прагматическом смысле провоцируют партнера по взаимодействию к последующей реакции» [10, с. 5–6]. Таким образом, в диалогической форме речи происходит активная смена коммуникативных ролей «говорящий» – «слушающий», их постоянное взаимодействие.

Основная часть

Исследование диалогической речи в судебной лингвистической экспертизе проводится в нескольких аспектах: анализ коммуникативной ситуации, анализ диалогических единств и диалогического дискурса, определение коммуникативных ролей, коммуникативной активности

участников диалога, выявление наличия скрытой коммуникации, описание стратегий и тактик общения и т.д. Указанные аспекты исследования диалога в большинстве случаев зависят от экспертных задач. Однако существуют параметры, которые необходимо учитывать при исследовании диалогической речи вне зависимости от экспертных задач.

К числу таких параметров относится анализ коммуникативной ситуации, который предполагает характеристику лингвистических и экстралингвистических факторов. Коммуникативная ситуация входит в коммуникативное событие, главным отличием которого является, по мнению В.Е. Гольдина, темпоральный признак: ситуации структурированы темпорально, т.е. возможно их размещение относительно друг друга во временном контексте [12], и можно определить, что происходит во время, до и после события.

Значимыми параметрами коммуникативной ситуации являются следующие: субъекты речи (автор и адресат, говорящий и слушающий), отношения между субъектами речи (характер общения, тональность общения), условия коммуникации.

Анализ коммуникативной ситуации актуален при проведении судебной лингвистической экспертизы по различным категориям дел: по делам об оскорблении и защите чести достоинства и деловой репутации, по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, по делам о противодействии коррупции и др.

Примером может служить проведение судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении.

Согласно методическим рекомендациям, изложенным в пособии «Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. – 90 с.» [22], по указанной категории дел экспертом решаются следующие вопросы:

а) Содержатся ли в высказываниях лингвистические признаки унижения?

б) Если да, то имеются ли в данных высказываниях лингвистические признаки неприличной формы выражения?

При решении данных экспертных задач анализ коммуникативной ситуации является основополагающим и предшествует лингвистическому анализу.

Пример 1. На исследование представлен разговор, зафиксированный на видеозаписи, в ходе судебного заседания. Один из участников процесса (подсудимый) N, находясь в зале судебного заседания, произнес в адрес судьи Y высказывания, содержащие вульгарные слова.

Данное общение является конфликтным, диалог имеет негармоничный характер. Такой тип диалога характеризуется следующими признаками: «1) несогласованностью или даже конфронтативностью речевых стратегий и тактик собеседников; 2) возможностью неприемлемой хотя бы для одного из участников тональности речи; 3) отсутствием подлинной заинтересованности предметом обсуждения и содержанием высказанного; 4) вербальным или паралингвистическим выражением негативных установок по отношению к содержанию речи или к личностным особенностям собеседника; 5) отсутствием эффективного результата коммуникативного акта» [15, с. 169].

При анализе коммуникативной ситуации экспертом указываются следующие параметры:

1. Адресант высказывания (говорящий) – N, лицо, совершившее преступление.

2. Адресат высказывания – Y, председательствующий судья.

3. Условия коммуникации. В ходе судебного заседания председательствующий судья Y рассматривал материалы дела (зачитывал приговор) в отношении N, который был доставлен в зал судебного заседания. Исследуемый разговор происходил в ситуации устного официального общения, в процессе судебного заседания.

Таким образом, исследуемые высказывания были сказаны N в негативной для него ситуации: в ситуации, в которой он привлекается к ответственности за совершенное им ранее деяние.

При лингвистическом анализе было выявлено, что в представленных на исследование высказываниях содержатся признаки унижительной оценки лица судьи Y, поскольку в высказывании было выявлено наличие негативного, неуважительно-враждебного отношения к личности адресата и превосходства над ним, а также реализация такой речевой цели, как информирование о негативном (неуважительном, презрительном) отношении к адресату и демонстрация этого отношения.

При решении вопроса о форме выражения высказывания эксперт принимает во внимание данные коммуникативной ситуации – ситуации официального общения в ходе судебном заседании. Таким образом, значения, которые в данной коммуникативной ситуации реализует слово [***], зафиксированы в толковых академических словарях современного русского литературного языка. Однако учитывая коммуникативную ситуацию официального общения в судебном заседании, адресата высказывания (председательствующий судья), установлено, что в высказываниях, содержащих данное слово, имеются лингвистические признаки неприличной формы выражения.

Пример 2. Другим примером является решение аналогичных экспертных задач в иной коммуникативной ситуации. На исследование представлено диалогическое общение соседей по даче. Данная коммуникация является межличностной, относится к бытовому дискурсу. Бытовой дискурс – это «диалогическое общение между хорошо знающими друг друга людьми, характеризующееся спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний» [1, с. 6]. Также данное общение относится к конфликтному типу. По мнению Е.В. Беловой, «бытовой конфликтный дискурс имеет особую семантическую и прагматическую структуру (на микро- и макроуровне). Бытовой конфликтный диалог имеет специфическую суперструктуру, характерную для большинства ситуаций конфликтного общения» [1, с. 4]. Участники коммуникации используют «оскорбительную» лексику, которая отражена в академических толковых словарях русского языка. Поскольку данное общение является межличностным, не в присутствии третьих лиц, не является официальным, эксперт указывает на отсутствие неприличной формы выражения.

Помимо анализа коммуникативной ситуации, экспертно значимым является тип фиксации диалога, канал передачи диалогической речи. Разные виды фиксации диалога требуют различного экспертного подхода. В зависимости от канала передачи диалогической речи выделяются звучащий и электронный диалог.

Звучащий диалог – это диалог в устной разговорной речи. Такой диалог зафиксирован на фонограммах, содержащихся в аудио- и видеозаписях. Звучащий диалог имеет письменную форму фиксации, при которой паузация речи передается несистемно, отсутствует либо

частично представлена интонация, а также невербальные компоненты коммуникации (например, жесты и мимика). Запись звучащего диалога осуществляется намеренно одним из участников диалога либо третьим лицом, в большинстве случаев собеседники не осведомлены о производящейся записи разговора.

В качестве объектов исследования выступают спонтанные (например, разговорные диалоги) и подготовленные или частично подготовленные звучащие тексты (телепередачи, официальные мероприятия, интервью).

При анализе звучащего диалога экспертом учитываются особенности разговорной речи. К числу таких особенностей относится, например, интонация. По мнению О.Б. Сиротининой, «в разговорной речи интонация ритмизована, но разнотипна: ударное слово занимает то начальное, то срединное, то конечное положение» [2, с. 24]. Интонационное наполнение высказывания играет ведущую роль при определении экспертной оценки диалогического фрагмента речи. Например, произнесение одним из собеседников фразы «Вы, конечно, понимаете, о чем я говорю» не с вопросительной, а с утвердительной интонацией может свидетельствовать о наличии не прямой коммуникации, в том числе о наличии требования, побуждения и т.п.

Большое значение в разговорной речи имеет ритмичность высказывания. «Ритмичность разговорной речи возникает не только за счет безударности тех слов, которые не являются для собеседника важными, но и за счет слов с точки зрения письменной речи лишних. Это бесконечные вот, ну, это, это самое, вообще, там, использование в речи некоторых лиц одних и тех же вводных слов (значит, так сказать, знаешь, понимаешь и т.д.)» [23, с. 23]. Кроме того, диалоговый ритм является одним из жанрообразующих признаков в разговорной речи [16].

Также находят свое отражение в звучащем диалоге лексико-синтаксические особенности разговорной речи, к которым относятся неназывание предмета речи, эллипсис, потенциальная свобода употребления, лексическая бедность, редкое использование словосочетаний и другие.

Пример 3. Примером может служить «криминальный диалог» [19, с. 66], в котором участники обсуждают возможность передачи денежных средств за ту или иную услугу. Собеседники не называют прямо предмет речи, однако оба осведомлены о нем.

Речевое взаимодействие представляет собой диалог двух лиц в служебном кабинете. Участники обсуждают возможность получения регистрации для участника, обозначенного как «М2», и его детей; участник «М1» выражает желание помочь в получении услуги за денежные средства.

В представленном на исследование разговоре содержатся не прямые побуждения к передаче денежных средств со стороны участника М1 к участнику М2 за помощь в сборе документов (помочь пакет документов собрать):

М1: Ну помочь пакет документов собрать. Палки в колеса не вставляли. Но это денег стоит.

М2: Я понял.

<...>

М1: Нет. Мы все посмотрели. Получается раз, два, три, четыре. Четыре человека. Это минимум тебе двадцатка нужна.

Участник М1 описывает суммы денежных средств:

М1: Квота она стоит где-то сорок пять. Тебе уже не надо будет, уже сэкономишь. Ну, максимум еще, ну тысяча, может, тридцать – сорок отдашь.

М2: Это за всех? Или за одного?

М1: За одного.

М2: За одного? Я понял.

М1: Если госпрограмму надо делать.

М2: Угу. А это до конца? Это уже до паспорта получается, да?

М1: Конечно, до конца все. Это вот полтос – это прямо ну рег. учет. Регистрация отдельно.

М2: Угу, двадцать, я понял.

М1: А вот это, все остальное. Ну, за документы, там это. Где-то, ну, полтос, мне кажется, вот, тебе вот так, за глаза.

В разговоре содержится информация о том, что указанные денежные средства являются частью какой-либо другой суммы денежных средств, на что указывает наличие в речи М1 наречия еще (*М1: Квота она стоит где-то сорок пять. Тебе уже не надо будет, уже сэкономишь. Ну, максимум еще, ну тысяча, может, тридцать – сорок отдашь*).

В данном случае коммуникативной неудачи не происходит, взаимопонимание достигнуто.

Пример 4. Другим примером является наличие эллиптических языковых конструкций в диалоге.

M1: Смотри. Все уже. Тебе сделали регистрацию, все. Вот. Значит, во вторник, надо будет подойти. Мы тебя с человеком состыкуем. Ты принес, да?

M2: Да-да-да.

M1: Вот. Состыкуем, и короче это, я тебе тогда обозначу, сколько надо будет. Вот. И все. У тебя там все okay.

Наличие эллипсиса не свидетельствует о сокрытии предмета речи, а обусловлено особенностями разговорной речи, когда участники диалога не называют предмет речи, но осведомлены о нем.

В современной экспертной практике большое место занимает электронный диалог, который реализуется в формах СМС-сообщений, переписки в мессенджере или в социальной сети, групповой переписки, электронного письма. Электронный диалог представлен в интернет-коммуникации. В отличие от письменной фиксации звучащего диалога, электронный диалог является не только фиксацией живой речи на письме, но и отражает особенности электронного текста.

«Законы» интернет-коммуникации обуславливают характер общения ее участников. К таким «законам» можно отнести анонимность, которая обуславливает аффективную раскрепощенность, ненормативность и некоторую безответственность участников общения; невозможность использования (либо сведение к минимуму) невербальных средств; добровольность и желательность контактов; затрудненность эмоционального компонента общения и в то же время стойкое стремление к эмоциональному напряжению текста; легкую смену формальных атрибутов и др. [17, 27].

К особенностям электронного текста относятся: неспонтанность (либо меньшая по сравнению со звучащим диалогом спонтанность), бóльшая по сравнению со звучащим диалогом осмысленность, заранее выбранные языковые средства.

Одним из примеров электронного диалога служит переписка в социальных сетях, мессенджерах, где участники, пользуясь анонимностью и возможностью иметь «маски», обсуждают те или иные темы. При этом в письменной форме передаются особенности разговорной речи на разных языковых уровнях – фонетическом, орфографическом и графическом, синтаксическом.

Среди признаков, отраженных на фонетическом уровне, выделяются паравербальные средства коммуникации (темп речи, интонация, паузация), на лексическом уровне представлено употребление иноязычных вкрапления, т.н. Russlish, транслитерация звукоподражаний и междометий, а также использование разговорной, просторечной, жаргонной лексики, сленга, среди орфографических и графических признаков отмечается использование иконографических и текстовых средств, латиницы и специальных графических средств, написание слов и предложений заглавными буквами; среди синтаксических – тенденция к обрывам высказываний, аграмматизм и др.

Пример 5. Например, переписка пользователей в социальной сети «ВКонтакте», где обсуждаются темы, связанные с действиями сексуального характера. Участник 1 под видом женщины, набирающей девушек для модельного агентства, вступает в переписку с девочкой 13 лет, просит заполнить анкету и присылать ей фотографии с изображением в обнаженном виде.

Участник 1

Условия:

Щас Ты обязана исполнять все мои приказы и прихоти, потому что я **ACTIVE!**

Ты выбрала роль пассива, так будь ей, понимаю всю ответственность и внимательность!!!

*Мои приказы ты должна исполнять в **РЕальности**, то есть что я говорю ты и делаешь! Не бойся ничего запредельного нет, ты же...*

Ммм сними майку и сфоткай себя

Участник 2

Ок. Анкету высылаю. **FOTO** тут.

В данном фрагменте разговора представлены такие явления, как Russlish (**РЕальности**, **ACTIVE**, **FOTO**), буквенное оформление морфем (**Щас**), наличие междометий (**ммм**), написание заглавными буквами (**ACTIVE**, **FOTO**), обрыв высказывания.

Кроме того, в электронном диалоге передается невербальная информация. В основном такая выражается с помощью эмодзи («смайликов», «стикеров»), передающих эмоциональность живой речи. Однако полностью передать на письме эмоциональность с помощью эмодзи сложно, поэтому собеседники используют т.н.

«комментирующий текст», выполняющий функцию уточнения мысли, а также «текстового заменителя зрительной информации» [2].

Экспертно значимым при исследовании электронного диалога является необходимость учитывания наличия наблюдателя, поскольку в жанрах чата, комментирования, сообщения в сообществе, помимо прямых коммуникантов – адресата и адресанта, участвует любой зритель. Таким образом, следует говорить о двойной адресации реплик электронного диалога. В качестве наблюдателя, второго адресата электронного диалога в подобных жанрах выступает любой зритель, любой пользователь сети Интернет. При анализе электронного диалога в данных жанрах эксперт имеет дело в том числе с массовым адресатом, характер которого необходимо определить.

Исследование диалога в судебной экспертизе не ограничивается данными аспектами, в рамках многих дел перспективным и экспертно значимым представляется анализ диалогического дискурса.

Анализ диалогического дискурса имеет место, когда на исследование поступает несколько записей (аудио- или видеозаписей), несколько фрагментов переписок или переписка целиком. В этом случае нередко целесообразным является установление хронологии записей и переписок, поскольку в этом случае выявляется инициатор введения какой-либо темы в разговор, собеседник, побуждающий другого участника коммуникации к каким-либо действиям (бездействию). Кроме того, предварительное установление хронологии разговоров позволяет более точно установить коммуникативные стратегии и тактики собеседников.

Пример 6. Примером служит диалогический фрагмент, зафиксированный на фонограмме:

М1: Положи на стол...

Ж1: (нрзб) считала представительские...

М1: Да.

Из данного диалогического фрагмента следует, что участнику «Ж1» необходимо положить на стол какой-то предмет, вероятно исчисляемый, поскольку к нему применим глагол «считать». Из контекста разговора не ясно, что это за предмет.

Другая фонограмма, содержащая диалог указанных участников «М1» и «Ж1», входящая в диалогический дискурс:

Ж1: Он мне сказал шестьдесят тысяч представительские, крупными купюрами.

М1: Да.

Из данного фрагмента становится ясно, что предмет, который «Ж1» кладет на стол, представляет собой денежные средства, поскольку в реплике «Ж1» указана сумма (шестьдесят тысяч), а также вид денежных средств (крупными купюрами).

Таким образом, при наличии большого количества записей разговора одних и тех же субъектов, переписки одних и тех же пользователей анализ диалога в рамках диалогического дискурса является необходимым.

Заключительная часть и выводы

Таким образом, диалог является объектом судебной лингвистической экспертизы, который требует исследования в различных аспектах. Подход к экспертному анализу диалога зависит от вида фиксации диалога (звучащий или электронный диалог), от его характера (гармоничный или конфликтный диалог), от особенностей коммуникативной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белова Е.В.* Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: Автореф. дисс... канд. филол. н. Тверь, 2016. 16 с.
2. *Бергельсон М.Б.* Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.
3. *Бердникова Т.В.* Диалог в художественном тексте как проявление идиостиля (на материале лирики А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского): Дисс...канд. филол. наук. Саратов, 2008. 222 с.
4. Большой энциклопедический словарь Языкознание. М.: Научное Издательство. «Большая Российская энциклопедия», 1998. 685 с.
5. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 320 с.
6. *Бырдина Г.В.* Динамическая структура русской диалогической речи: Учеб. Пособие. Тверь: ТГУ, 1992. 84 с.
7. *Валосинская З.В.* Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 299–313.
8. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
9. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: КомКнига, 2006. 328 с.
10. *Володина М.С.* Средства формальной и смысловой связности в диалогическом тексте: Автореф. дисс... канд. филол. н. Ростов н/Д, 2015. 23 с.
11. *Гельгардт Р.Р.* Рассуждение о диалогах и монологах (к общей теории высказывания) // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. П. Калинин: КГУ, 1971. В. 1. С. 26–160.
12. *Гольдин В.Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. В. I. Саратов: Колледж, 1997. С. 23-34.

13. *Земская Е.А., Кутайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 277 с.
14. *Ильенко С.Г.* Стилистические и синтаксические аспекты диалогичности // Исследования по художественному тексту. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1994. Ч. 1. С. 19–20.
15. *Колокольцева Т.Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2001. 257 с.
16. *Матвеева Т.В.* К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи. В. I. Саратов: Колледж, 1997. С. 44–51.
17. *Минаков А.В.* Некоторые психологические свойства и особенности Интернета как нового слоя реальности. <http://flogiston.ru/articles/netpsy/minakov/>.
18. *Падучева Е.В.* Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 42. №4. С. 305-313.
19. *Плотникова А.М.* Речетворчество в криминальных диалогах // Уральский филологический вестник. Вып. 1 // Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Язык. Система. Личность: аспекты речетворчества» 17–19 апреля 2014. Екатеринбург, 2014. С. 66–73.
20. *Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б.* Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. 188-199 с.
21. Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи: учебно-методическое пособие / Под ред. В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 120 с.
22. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.
23. *Сиротинина О.Б.* Русская разговорная речь: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 80 с.
24. *Соловьева А.К.* О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. 1965. № 6. С. 103–110.
25. *Стельмашук А.* Диалогизация и способы ее реализации в различных речевых сферах современного русского языка (художественная и научная проза): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1993. 34 с.
26. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1965. 380 с.
27. *Шевченко И.* Некоторые психологические особенности общения посредством Internet. <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko/>.
28. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17–59.

RESEARCH OF DIALOGICAL SPEECH IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

T. V. Berdnikova

Professor, PhD in philology,

Russian Federation, 101000, Moscow, Bolshoy Spasoglinishchevsky Lane, 4

The article is devoted to the study of dialogue as a special object of forensic linguistic expertise. The need to study dialogic speech in the aspect of forensic linguistic expertise is due to the presence of many grounds for the appointment of expertise on objects containing dialogic speech. The objects of the study are two types of dialogue recording: audio and video recordings of conversations (phonograms) obtained as a result of operational

search activities, recorded using special devices, and electronic communication texts (user correspondence in social networks, messengers, etc.). The approach to expert analysis of the dialogue depends on the type of recording of the dialogue (sounding or electronic dialogue), on its nature (harmonious or conflict dialogue), on the features of the communicative situation. In forensic linguistic expertise, dialogue is studied through the methods of semantic, communicative-pragmatic, and contextual analysis. The analysis of the dialogical discourse is given.

Key words: forensic linguistic, semantic analysis, internet-communication, colloquial speech, dialogue

syntax2@yandex.ru

Я.А. Дударева

*к.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы
Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово,
ул. Красная, корп.5, 212*

АСИММЕТРИЧНЫЙ ДУАЛИЗМ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ [1]

В настоящей статье анализируются разнообразные конфликтные ситуации, связанные с выполнением лингвистической экспертизы по официально-деловым, рекламным текстам и различным наименованиям. При рассмотрении спорных ситуаций внимание акцентируется на собственно языковой (онтологической) сути конфликта, в основе которого лежит асимметричный дуализм языкового знака. Разнообразные типы соотношений между означаемым и означающим являются языковым механизмом, создающим омонимию, полисемию и синонимию знаков. Неоднозначность соотношения означающего и означаемого приводит к гносеологической вариативности, выражаемой в существовании разнообразных интерпретаций спорных языковых знаков истцом и ответчиком, экспертами и судьями. Юридической лингвистике хорошо известны разнообразные проявления неоднозначного соотношения формы и содержания языкового знака. Особым объектом нашего внимания стали нулевые лексемы, а также лексические единицы, имеющие нарушенную материальную форму. На примере ряда конфликтных ситуаций, связанных с опечатками, описками и случайным пропуском слова, описано явление детракции.

Ключевые слова: языковой знак, нулевая лексема, описки, лингвистическая экспертиза доверенности, рекламный текст.

Введение

В настоящее время возникает множество конфликтных ситуаций, в основе которых находится такое явление, как асимметричный дуализм языкового знака. Именно неоднозначность соотношения означающего и означаемого языкового знака приводит к спорным ситуациям, в которых от лингвиста требуется подготовка исследования по толкованию текста или какого-либо отдельного слова в нем, анализу формы высказывания (утверждение / оценочное суждение), по установлению наличия/отсутствия сходства между разными коммерческими наименованиями, по вариативности написания собственных и нарицательных имен и т.п.

Асимметричный дуализм языкового знака лежит в основе конфликтных ситуаций, связанных с квалификацией формы высказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой

репутации. Наиболее проблемные случаи представляют собой ситуации несоответствия означающего и означаемого: высказывание по формально-грамматическим параметрам – мнение, а по содержанию – утверждение. Подобные случаи оказываются для лингвистов-экспертов материалом для рассуждения о категориях эксплицитности-имплицитности, что обогащает методологию юридической лингвистики, представленную в трудах многочисленных исследователей (А.Н. Баранова, К.И. Бринева, Е.И. Галяшиной, Н.Д. Голева, М.В. Горбаневского, М.А. Осадчего, И.А. Стернина и др.), и позволяет на практике по аналогичным делам проводить анализ по выработанным параметрам. Так, описание категории имплицитности позволило А.Н. Баранову составить классификацию имплицитной информации по параметрам вербализуемость / невербализуемость, обязательность / факультативность [1, электронный ресурс], М.А. Осадчий представил параметризацию рисков по самым важным категориям дел [8]. На несоответствии означаемого и означающего основывается введение термина “легвфемизмы” и представление их классификации [5].

Рассмотрим примеры ситуаций, иллюстрирующих разнообразное проявление асимметричности языкового знака при производстве лингвистических исследований и экспертиз. В лингвистике разные типы соотношений формы выражения и содержания языкового знака связываются с разными категориями, из которых самыми существенными являются омонимия, полисемия и синонимия. Перечисленные лексико-семантические категории являются наиболее значимыми и в юридической лингвистике.

Омонимия языковых знаков в лингвистической экспертизе

Категория омонимии, для которой характерно случайное (рандомное) совпадение звуковых и/или графических оболочек слов при несовпадении семантики, лежит в основе многочисленных спорных ситуаций в связи с коммерческими наименованиями. К примеру, согласно части 4 ст. 1473 ГК РФ [2] включение в фирменное наименование юридического лица официального наименования Российская Федерация или Россия, а также слов, производных от этого наименования, допускается по разрешению, выдаваемому в порядке, установленном Правительством

Российской Федерации. Данная норма приводит к возникновению многочисленных спорных ситуаций с наименованиями, в которых лишь формально имеется сочетание -РОС- или -ГОС-, но при этом отсутствует ассоциативное сходство с Россией и чем-либо российским, к примеру как у наименования “ЭКРОС”, организации, занимающейся уничтожением насекомых. Аналогичные ситуации наблюдались и в связи с олимпийскими наименованиями, в частности с наименованием магазина “Олимпик футбол”. Проблемный характер доказывания омонимии наименований ранее был нами подробно проанализирован в ряде публикаций [3; 4; 6].

Как показывает изучение текстов судебных решений, явление омонимии также является актуальным и в связи с наименованиями, написанными на иностранных языках. К примеру, обозначение “SANTA HELENA” на этикетке вин признано судом сходным до степени смешения с товарным знаком “St.Helena”. Однако в ходе судебного процесса ответчики пытались выстроить аргументацию именно на основе омонимии, указывая на то, что имеется “возможность перевода обозначения “St.” не только как “Святая №, но и “Улица”[3]”». Приведенный пример позволяет продемонстрировать, что на омонимии обозначений может строиться стратегия ухода от правовых последствий.

Сложность описываемой категории дел по коммерческим наименованиям связана с тем, что омонимия выступает как амбивалентная категория. С одной стороны, омонимия может создавать формальное, неоправданное смешение наименований товаров или организаций, т.е. ложную копионию. С другой стороны, за счет семантического различия омонимия позволяет дифференцировать наименования. В связи с этим считаем необходимым уточнить, что реализация омонимии как явления, создающего сходство наименований или, наоборот, как явления, обуславливающего дифференциацию коммерческих обозначений, должна рассматриваться в каждой конкретно взятой ситуации и именно с позиции рядового потребителя. Именно такой подход соответствует духу российского законодательства, в котором сказано, что вывод о наличии / отсутствии сходства обозначений «делается на основе восприятия не отдельных элементов, а товарных знаков в целом (общего впечатления)» [4].

Из названной нормы логично следует необходимость проведения по данной категории дел экспериментов. В связи с этим можно говорить о проблемной зоне юридической лингвистики в области разработки экспериментальных методик для подготовки

лингвосоциологических исследований по анализу восприятия наименований и толкованию различных текстов. О полезности опросов при производстве экспертизы пишет А.Н. Баранов. Представляя классификацию имплицитной информации на материале различных текстов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, он отмечает: «...факультативные части плана содержания индивидуальны в том смысле, что разные носители языка по-разному восстанавливают для себя эту область семантики языковых выражений. Следовательно, и сам факт наличия порочащих сведений в таких случаях достоверно доказать невозможно. Некоторую полезную информацию могут дать социологические опросы, однако этот инструментарий находится за пределами собственно лингвистического исследования. Впрочем, лингво-психологическая и лингво-социологическая экспертизы в подобных ситуациях вполне уместны» [1, электронный ресурс].

Изучение явления омонимии оказывается важным при рассмотрении дел, относящихся к оскорблениям и использованию бранных слов в различных типах текстов. К примеру, именно явление омонимии лежало в основе позиции обвиняемого, пытающегося оправдаться в ситуации оскорбления представителя власти словом, образуемым аббревиатурным способом по первым буквам из грамматической конструкции «полицейский инспектор дорожного регулирования».

Омонимия часто встречается в рекламных текстах, рассматривающихся с точки зрения наличия/отсутствия в них бранной, неэтичной лексики, оскорбительных слов и образов. В отличие от собственно оскорбительных текстов, функционирующих в ситуациях устной публичной речи или письменной речи, рекламные тексты адресованы неопределенному кругу лиц и обычно не содержат “в чистом виде” бранную лексику, что и вызывает сложности в интерпретации спорных текстов и выводах по ним.

Так, реклама зоомагазина «все \$уки, как \$уки, а я царица!», размещенная на троллейбусе в Челябинске, интерпретировалась рекламодателями следующим образом: «...в рекламном баннере слово “сука” не было использовано, так как первая буква в слове была заменена на знак доллара – \$, в связи с чем, слово преобразовалось в “\$ука” (доллар ука), которое не читается и не может нести смысловой нагрузки как слово “сука”, а читается “долларовая ука”. Заявитель разъясняет, что Уки – то же, что жерлянки, род бесхвостых земноводных, длина 6–7

см, известно 5 видов распространенных в Европе, Азии (на дальнем Востоке и в Китае). При опасности яркую предупреждающую окраску нижней части тела и выделяют едкий секрет. Уки – экзотические животные; в ассортименте магазина ООО “Твинс-Урал” представлены экзотические животные» [5].

Выбранная рекламодателем стратегия аргументации основана на омонимии, а также в данном случае и на категории агнонимии. Поскольку лексическая единица “уки” агнонимична для носителей русского языка, то и значение комбинированного знака “\$уки” как “долларовые уки” рядовым потребителям также незнакомо, в связи с чем суд пришел к логичному выводу: “Спорная реклама содержит слова, которые могут восприниматься как бранные слова и как слова, содержащие смысловые ассоциации непристойного характера, что не соответствует требованиям ч. 6 ст. 5 Федерального закона “О рекламе”» [6].

Полисемия языковых знаков в лингвистической экспертизе

Явление многозначности, основанное на том, что за одной формой стоит ряд разнообразных, но при этом внутренне связанных значений, в сфере юридической лингвистики можно продемонстрировать в буквальном смысле каждой экспертизой. Анализируя текст или какие-либо комбинированные обозначения, содержащие вербальные компоненты, лингвисты обязательно обращаются к лексикографическим изданиям, в том числе специализированного типа, для того чтобы точно указать то значение, в котором использовано слово в рассматриваемом контексте.

Отметим, что одной из важных проблем, относящихся к полисемии, является непредставленность новой лексики или новых значений лексем в толковых словарях русского языка. К примеру, обратимся к следующему высказыванию, по которому потребовалось проведение лингвистической экспертизы: “... *менеджмент там вороватый и жуликоватый, его нужно целиком менять ...*” [7].

Слово “менеджмент” является новым для русского языка, относительно недавним заимствованием из английского языка. Так, в “Словаре русского языка” (Малый академический словарь) слово “менеджмент” не зафиксировано. В Толковом словаре русского языка

Ожегова С. И. и Шведовой Н.Ю. (2004 г.), представлено одно значение лексемы “менеджмент”: *искусство управления интеллектуальными, финансовыми, материальными ресурсами*[8]. Аналогичное лексическое значение представлено и в других толковых словарях русского языка 1990–2000-х годов. Так, в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова (в редакции 2014 г.) также представлено только одно, вышеприведенное значение рассматриваемой лексемы: *“менеджмент – совокупность методов, приемов управления производством”* [9].

Однако в специализированных словарях лексема “менеджмент” представлена как многозначная. В Современном экономическом словаре (2011 г.) представлено уже 2 значения слова “менеджмент” –

1) *совокупность принципов, форм, методов, приемов и средств управления производством и производственным персоналом с использованием достижений науки управления. Основная цель менеджмента - достижение высокой эффективности производства, лучшего использования ресурсного потенциала предприятия, фирмы, компании;*

2) *руководство предприятия, фирмы, руководящий орган* [10].

В Финансово-инвестиционном толковом словаре содержится следующее определение:

“менеджмент – комбинированная область науки и практики, включающая вопросы политики и управления.

Также относится к лицам, принимающим решения и осуществляющим контроль, необходимый для реализации целей владельцев коммерческого предприятия, обеспечения его стабильности и роста” [11].

В английском языке, т.е. языке-источнике, слово менеджмент также имеет два значения:

1) *the activity of running and controlling a business or similar organization; т.е. `деятельность по ведению и контролю бизнеса или аналогичной организации`;*

2) *the people who run and control a business or similar organization, т.е. `люди, которые управляют и контролируют бизнес или подобную организацию`* [12].

Таким образом, лексикографический анализ позволяет установить, что в современном русском языке слово “менеджмент” является многозначным. Второе значение *менеджмент* как *“руководство предприятия, фирмы, руководящий орган”* появилось

на основе метонимического переноса по типичной для русского языка модели, сравните:

руководство (действие по глаголу руководить, направлять чью-л. деятельность, быть во главе чего-л. [13]) – руководство (собирательное значение – руководители [14]);

администрация (руководящий орган учреждения, предприятия, организации [15]) – администрация (собирательное значение – должностные лица, ведающие управлением учреждения, предприятия [16]).

Таким образом, именно на основе обращения к словарям специализированной лексики удастся установить, что в анализируемом контексте слово “менеджмент” употреблено в значении № 2, т.е. в собирательном значении – “руководство предприятия, фирмы, руководящий орган; лица, принимающие решения и осуществляющие контроль”.

Подытоживая рассуждения о категории полисемии, хочется выразить надежду на то, что электронный формат представления сведений о слове все же позволит оперативно размещать информацию в визуальных словарях русского языка.

Синонимия языковых знаков в лингвистической экспертизе

Явление синонимии в лингвоэкспертологии также можно проиллюстрировать примерами-наименованиями различных товаров. Так, наименования конфет “Чудный вечер” и “Чудесный вечер” представляют собой языковые знаки, имеющие разные означающие при совпадении означаемого.

Анализ, проведенный нами на материале управляющих компаний Кемеровской области – Кузбасса [4], позволил сделать вывод о синонимии вербальных компонентов “Плюс” и “Люкс” в наименованиях. Названные лексические единицы являются слабыми компонентами наименований, и потому синонимичные отношения между ними оказываются сопутствующими, дополняющими основное тождество / сходство сильных элементов наименования.

Нулевые лексемы как проявление асимметричного дуализма языкового знака

В лингвоэкспертной практике возникают ситуации, связанные со случайным пропуском языковых знаков: отдельных букв, слогов

или слов. Журналисты, юристы, составляя тексты, могут совершить досадные ошибки, которые по своей природе возникновения подобны ситуациям, когда, к примеру, школьник, пишущий сочинение, случайно пропускает букву или слово, которое легко восстанавливается благодаря контексту. Но в отличие от школьников, которым учитель исправит написанное и даже не посчитает за существенную ошибку, у юриста, составившего текст доверенности с пропуском слова, или у работника СМИ, пропустившего важную букву в слове, может возникнуть весьма сложная ситуация.

Ситуация № 1

Экспертами ГЛЭДИС описан случай проведения экспертизы по заголовку статьи “Похудение без диет”, в котором случайно была пропущена буква “д” в слове “похудение” [7, с. 2].

Как установили эксперты, в русском языке отсутствует слово “похудение” без буквы “д”. Контекст, в котором это слово образовалось, не позволяет описать семантику слова как окказионализма. Именно словесное окружение спорной лексической единицы демонстрирует отсутствие формальных мотивационных связей с бранной лексикой и позволяет говорить об омографии: “элемент «ху»...омографичен соответствующему эвфемическому деривату” [Там же, с. 9].

Таким образом, в данном случае с точки зрения теории асимметричного дуализма языкового знака мы имеем два материально разных означающих (первое означающее написано верно, а второе означающее с пропуском буквы “д”), но одно и то же означаемое. Эксперты представили убедительные доказательства, что написание слова «похудение» без буквы «д» в рекламном тексте “представляет собой опечатку, опisku, то есть в данном случае произвольное ошибочное написание” [Там же, с. 11].

Следовательно, для юридической лингвистики при рассмотрении разных категорий дел является существенным проявление асимметричного дуализма языкового знака, при котором имеются разные означающие при совпадении означаемых. Такое соотношение наблюдается как при синонимии языковых знаков, так и в случаях с пропуском буквы, случайной перестановкой букв или неверном орфографическом написании слова.

Ситуация № 2

Рассмотрим случай из собственной лингвоэкспертной практики, также основанный на асимметричном дуализме языкового

знака. В доверенности, оформленной в соответствии с принятыми правилами, предъявляемым к текстам этого жанра, пропущен глагол, обозначающий действие, которое доверяют совершить.

Приведем спорный фрагмент с учетом основного содержания документа:

“настоящей доверенностью Общество “ООО” в лице генерального директора <ФИО> уполномочивает <ФИО, паспортные данные> на совершение следующих действий:

1. К заключенным Обществом договорам аренды, по которым Общество является Арендатором

– акты оказанных услуг (выполненных работ)”.

Формальное отсутствие лексической единицы (глагола) послужило основанием для конфликтной ситуации, в которой противоположная сторона сформулировала свою позицию следующим образом: “в доверенности при ее буквальном толковании отсутствуют полномочия на подписание документов такого характера (глагол “подписывать” Акты оказанных услуг в полномочиях лица отсутствует)”.

Приведенное описание конфликтной ситуации, которое было сделано юристом, позволяет лингвистически осмыслить проблему спора, основанного на неоднозначном соотношении формы и содержания языкового знака.

В ходе лингвистического исследования было установлено, что анализируемая доверенность соответствует принятым в документообороте правилам оформления содержащейся в ней информации, а именно:

1) назван жанр документа – доверенность, указан номер документа;

2) указан город, дата оформления доверенности;

3) реквизиты юридического лица-доверителя;

4) должность сотрудника, от имени которого составляется данный документ;

5) присутствуют название документа, на основании которого он действует;

6) персональные сведения о доверителе (ФИО, паспортные данные, адрес регистрации);

7) описание полномочий (см. далее);

8) срок, на который выдана доверенность;

9) указание – без права передоверия;

10) подпись доверенного лица, которую удостоверяет генеральный директор “ООО” .

Обратимся подробнее к анализу спорной части доверенности с описанием полномочий. Поскольку существует многообразие ситуаций, для решения которых необходима доверенность, в документообороте разработаны стандартные формулировки, позволяющие точно и конкретно выразить, на что направлена воля доверителя. Для этого используются грамматические конструкции с глаголами в форме инфинитива, такие как:

– подписывать документы (с последующим перечислением документов);

– вести от моего имени и в моих интересах дела во всех судебных органах;

– получить денежный перевод;

– сдавать и получать любые документы;

– давать объяснения, представлять интересы в ИФНС;

– получать бланки;

– подписывать акт-прием передачи бланков строгой отчетности и т.д.

В анализируемой доверенности пункт 1 не содержит глаголов в грамматической форме инфинитива. Названный пункт начинается со списка перечисления документов, оформленного маркирующим знаком тире:

– акты оказанных услуг (выполненных работ);

Следующие пункты с указанием полномочий №2, № 3 и № 4 содержат глаголы, сообщающие о конкретных действиях лица, которому выдается доверенность.

Итак, анализируемая доверенность имеет стандартное оформление по принятой в документообороте структуре, в тексте используются слова и выражения в соответствии с принятыми лексическими нормами и официально-деловым стилем изложения информации в жанре доверенности. Содержание доверенности также является стандартным, в связи с чем пропуск глагола в пункте 1 восстановим по аналогии с лексико-грамматическими конструкциями, включающими в свой состав такие лексические единицы, как “акты оказанных услуг (выполненных работ)”.

В жанре доверенности в предложениях, содержащих в синтаксической позиции объекта названные слова (“акты оказанных услуг (выполненных работ”), используется именно глагол подписывать.

Сравним:

- подписывать акт приема-передачи бланков строгой отчетности;
- подписывать акты приема-передачи;
- подписывать акты сверок взаиморасчетов;
- подписывать акты об оказании услуг.

Таким образом, поскольку доверенность “ООО” является стандартной с точки зрения оформления и содержания, она не представляет собой субъективно-авторский текст, не содержит употреблений слов в несвойственных конструкциях и значениях, пропущенное слово – глагол “подписывать” – восстанавливается из контекста однозначно. Проведенный лингвистический анализ позволил установить, что исходя из стандартной структуры жанра документа “доверенность” и стандартного содержания изложенной в нем информации в пункте 1 Доверенности Общества “ООО” допущена речевая ошибка, связанная с пропуском глагола “подписывать”. Пропущенный глагол “подписывать” восстанавливается лингвистически на основе общего содержания текста и принятого в документообороте стандартного лексико-грамматического оформления выражения “акты оказанных услуг (выполненных работ)” именно в конструкции с глаголом “подписывать”.

Таким образом, исходя из содержательного анализа текста Доверенности <ФИО> уполномочен подписывать акты оказанных услуг (выполненных работ) к заключенным Обществом договорам аренды, по которым Общество является Арендатором.

Рассмотренные ситуации, связанные с пропуском буквы и пропуском слова, являются, как называет подобные случаи Н.Д. Голев “помехообразующими” [2, электронный ресурс], но эти помехи есть то, что сопутствует идеалу, стопроцентно верному написанию слов. Описки, ошибки, пропуски представляют собой “реальное бытие” русской орфографии и русского языка, т.е. “реальные речевые процессы письменной деятельности” [Там же], которые нуждаются и в лингвоюридическом осмыслении.

Лингвистический комментарий спорных случаев с нулевыми знаками

Рассмотренные случаи позволяют зафиксировать, что в современной лингвоэкспертной практике проводятся разнообразные исследования, основанные на асимметричном дуализме языкового знака, частными случаями которых являются ситуации с нулевыми знаками.

Представленные случаи объединяются тем, что они представляют собой иллюстрацию вариативности русского языка. Но в отличие от примеров, демонстрирующих вариативность материально выраженной оболочки языкового знака (например, написания Наталья и Наталия; на снеге и на снегу), описанные случаи связаны с вариативностью материально выраженной формы знака с нулевым знаком.

Имеющаяся в лингвистике терминология с компонентом “нулевой”, как то: нулевое окончание, нулевой суффикс, нулевое склонение – связана собственно с грамматическими характеристиками лексических единиц. Термин “нулевая лексема” также имеет грамматический смысл, поскольку используется для описания синтаксических конструкций с намеренным пропуском лексической единицы (в случае с эллипсисом в поэтических текстах) или типовым пропуском разных компонентов предложения, что характерно для разговорной речи.

Рассмотренные нами примеры главным образом связаны с лексическим аспектом изучения языковых знаков, имеющих разный план выражения, но одинаковый план содержания. В связи с этим мы используем термин **детракция** по отношению к явлению существования лексических единиц, имеющих нарушенную или нулевую (отсутствующую) материальную форму, которая восстанавливается благодаря совпадению с планом содержания лексических единиц, имеющих материально выраженную форму. Термин детракция основан на латинском слове **deductio**, имеющем значение “**опущение буквы или слога**”, “**пропуск слова, эллипсис**” [17].

Явление детракции, а следовательно, появление детрактонимов связано со следующими языковыми элементами:

1) буквы

– пропуск буквы: гостица, диретор;

2) слоги

К примеру, случайный пропуск повторяющихся слогов, как филологический факультет (реальная запись в пропуске обучающегося на подготовительных курсах вуза);

3) слова

К примеру, вчера я разговаривала со своей подружкой. Она мне много интересного о новой выставке.

Заключение

Подводя итоги рассмотрению многочисленных конфликтных ситуаций, основанных на асимметричном дуализме языкового знака, отметим, что, как правило, явление неоднозначного соотношения означаемого и означающего связано с проявлением омонимии, полисемии и синонимии языковых знаков. Также неоднозначность соотношения плана выражения и плана содержания языкового знака наблюдается в случаях детракции: пропуска букв, слогов и слов.

Для лингвистологии является важным, что языковые знаки, подвергнутые детракции, восстановимы: материальная выраженность языкового знака может быть точно восстановлена исходя из контекста его употребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420004 «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/d36a4b7f0e75db56ba6e7f8c76a44a8b8a22ade5/

[3] Постановление № 09АП-4181/2008-ГК по Делу № А40- 56023/07-51-363 от 04 мая 2008. <https://kad.arbitr.ru>

[4] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 3691/06. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12049928>

[5] Решение Арбитражного суда Челябинской области по Делу № А76-5366/2010-45-181 от 16.11.2010 г. <https://kad.arbitr.ru>

[6] Там же.

[7] Определение о назначении дополнительной экспертизы по Делу № А07-22640/2019 от 12.11.2020. <https://kad.arbitr.ru>.

[8] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2004. С. 350.

[9] *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=менеджмент&all=x>

[10] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М. (ИНФРА-М, 2011). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_67315/cb46c744c83541a0900e1e61780c18d43031a08b/

[11] Финансово-инвестиционный толковый словарь // <https://rus-financial-investment-dict.slovaronline.com>

[12] Оксфордский словарь английского языка // <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/management?q=management>

[13] Словарь русского языка. Т.1-4. М., Изд. АН СССР, М., 1981. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. 2-е изд. Москва: Издательство: Русский язык, 1976. С. 318.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Юрислингвистика. 2011. С. 314-326. №11. <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytoe-implitsitnoe-utverzhdenie-v-lingvisticheskoy-ekspertize-teksta-1/viewer>.

2. Голев Н.Д. Ошибка или описка – что хуже? (к основаниям теории функциональной орфографии русского языка) // <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v97.html>.

3. Голев Н.Д., Дударева Я.А. Лингвистическая экспертиза фирменных наименований: проблема омонимии (на материале эргонимов Кемеровской области) // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 127-133. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36448553>.

4. Голев Н.Д., Дударева Я.А. Сходство наименований управляющих компаний до степени смешения: актуальные вопросы лингвистического анализа (на материале наименований организаций Кемеровской области) // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (Москва, 1–2 октября 2019 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 185–194. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42861004>.

5. Дегтярева А.Р., Осадчий М.А. Легевфемизм как тактика ухода от правовых рисков в новостных интернет-изданиях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № (4–3):159-162. <https://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/3699>.

6. Дударева Я.А. Лингвоюридические аспекты защиты Олимпийской символики // Юрислингвистика. 2013. № 2 (13). С 54–58. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26252817>.

7. Заключение комиссии экспертов №47-10/08 о 28.10.2008 // <http://rusexpert.ru/assets/files/expertizy/11.pdf>

8. Осадчий М.А. Русский язык в судебном процессе: Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. М.: ЛЕНАНД, 2019. 256 с.

ASYMMETRIC DUALISM OF A LINGUISTIC SIGN IN LINGUISTIC EXPERTISE

Yana A. Dudareva

Kemerovo State University, 6 – 5.212, Krasnaya ulica, Kemerovo, 650000, Russian Federation

This article analyzes a variety of conflict situations associated with the performance of linguistic expertise for official business, advertising texts and various names. When considering controversial situations, attention is focused on the actual linguistic (ontological) essence of the conflict, which is based on the asymmetric dualism of the linguistic sign. The various types of relationships between the signified and the signifier are the linguistic mechanism that creates homonymy, polysemy and synonymy of signs. The ambiguity of the ratio of the signifier and the signified leads to epistemological variability, expressed in the existence of various interpretations of controversial linguistic signs by the plaintiff and the defendant, experts and judges. Legal linguistics is well aware of the various manifestations of the ambiguous relationship between the form and content of a linguistic sign. Zero lexemes, as well as lexical units that have a disturbed material form, have become a special object of our attention. The phenomenon of detraction is described on the example of a number of conflict situations associated with misprints, misprints and random omission of a word.

Keywords: language sign, zero lexeme, clerical notes, linguistic examination of the power of attorney, advertising text.

Контактная информация:

Дударева Яна Александровна – канд. филол. наук, доцент;
dudareva-yana@yandex.ru

И.В. Жарков

*РОО «Гильдия лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам»*

Е.А. Колтунова,

*Институт филологии и журналистики
(филологический факультет)
ФГАОУ ВО «Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»*

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЗАВЕДОМОСТИ ЛОЖНОГО И (ИЛИ) НЕДОСТОВЕРНОГО ХАРАКТЕРА СВЕДЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПРОДУКТАХ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются возможные методические приемы, помогающие выявлению заведомо ложной информации в процессе осуществления судебной лингвистической экспертизы. Высказывается суждение о релевантности типичных вопросов по уголовным и административным делам, связанным с проблемой заведомо ложных сообщений. Анализируются формы выражения информации, а также соотношение лингвистических и психологических компонентов оценки информации. Авторы считают необходимым учитывать, что понятие «заведомо ложные сведения» выходит за пределы только лингвистической компетенции, существенное значение имеют психологические знания, потому что они могут использоваться для установления направленности тех или иных сообщений, в том числе и на создание обозначенных законодательством угроз.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, интернет-коммуникация, языковые средства, форма высказывания, эксплицитная информация, имплицитная информация, заведомо ложная информация.

Одной из важнейших правовых тенденций последнего времени стали лингвистические заключения, связанные с выявлением «заведомо ложной информации». Если прежде в такой формулировке ставились вопросы в рамках статьи 128 УК РФ, то современное законодательство оперирует термином «заведомо ложная (заведомо недостоверная) информация (сообщение, сведения)» также в диспозиции ст. 207 УК РФ и ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ. Типичные вопросы, которые ставит следствие и суд, сформулированы, как правило, следующим образом:

1. Содержат ли высказывания <...> заведомо недостоверную общественно значимую информацию?

2. Создает ли данная информация угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу?

3. Создает ли данная информация угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи?

Следует отметить, что ответ на вопрос 1, поставленный таким образом, выходит за пределы компетенции экспертов и специалистов-лингвистов. В соответствии с положениями теории и практики лингвистической экспертизы, а также в соответствии с нормативно-правовыми актами, определяющими производство экспертных заключений и заключений специалистов, лингвисты не вправе верифицировать информацию, представленную в спорных текстах, т. е. квалифицировать ее на предмет соответствия или несоответствия действительности (на достоверность или недостоверность информации). Суждения эксперта, а равно специалиста процессуально допустимы лишь постольку, поскольку они лежат в сфере его специальной компетенции. Только суд может решать, что соответствует или не соответствует действительности, на основе доказательств, представляемых сторонами состязательного процесса. Кроме того, значение наречия *заведомо* словарями русского языка определяется следующим образом: «*нареч. (канц.)*. Сознательно, безусловно (при прил., обозначающих отрицательные свойства), несомненно, как известно (самому действующему лицу)» [см., например: Словарь, 2003, с. 194; Словарь, 1999, т. 1, с. 500]. Отсюда следует, что речь идет об умышленном предоставлении ложной информации, т.е. об умысле. Однако вопрос о наличии умысла и его видов касается исключительно юридической квалификации и является прерогативой только суда. Лингвист не вправе квалифицировать умысел и его виды ни в каких формах, потому что это выходит за пределы его компетенции: «*Устанавливать, было ли автору текста известно о ложности распространяемых им сведений, лингвистическая экспертиза также не может и не должна: ответ на этот вопрос фактически означает решение вопроса о наличии умысла на совершение преступления, а подобные вопросы относятся к компетенции следствия и суда*» [Бринев К.И., 2009, с. 108–109]. В одном из спорных случаев, анализируя

высказывание *‘Мэр Краснодара распорядился аннулировать старые пропуска для передвижения в условиях карантина и выдавать новые в режиме онлайн. С понедельника... старые пропуска прекращают свои действия...’*, эксперт резюмирует: *‘О том, что представленная информация о замене пропусков не соответствует действительности, является ложной, однозначно явствует из текста постановления Главы администрации (губернатора) Краснодарского края № 215 от 11.04.2020...’*, однако формулировка *‘информация о замене пропусков не соответствует действительности, является ложной’* является юридической квалификацией, а значит, выходит за пределы компетенции лингвиста. Заметим, что мы не оспариваем возможную ложность высказывания автора публикации, хотя ошибка в информации могла быть связана с невнимательностью субъекта высказывания, с неточным пониманием опубликованного администрацией текста, с недостаточной лингвистической компетентностью и др. Важно, что, согласно теоретическим и практическим требованиям, предъявляемым к судебно-экспертной деятельности, таких выводов в процессуальных формах эксперт делать не имеет права.

Учитывая позицию Верховного Суда РФ, в соответствии с которой *«заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему»* [Обзор Верховного Суда № 2 от 30.04.2020] (заметим, что данная формулировка свидетельствует о том, что Верховный Суд расценивает определения «заведомо ложный» и «заведомо недостоверный» как синонимические), следует заключить, что компетенция лингвистов в этом вопросе ограничивается определением языковой формы *утверждения о фактах*, которое, в отличие от мнений, предположений и оценочных суждений, может быть впоследствии проверено судом на соответствие действительности. Таким образом, *заведомо ложной информацией*, или «фейком», следует считать сообщение (сведения, информацию), выраженное в форме утверждения. Информация, имеющая лингвистические

маркеры мнения или оценочного суждения, не может быть отнесена к заведомо ложной, «фейковой». *Утверждение о фактах* всегда основано на знаниях, которыми обладает говорящий, и подлежит верификации – проверке на соответствие действительности. Несоответствие действительности высказанного утверждения о фактах означает, что говорящий сознательно ввел адресата высказывания в заблуждение, зная о ложности сообщаемых им сведений либо выдавая собственные предположения или мнение за твердые знания. Информация, распространяемая автором в форме утверждений о фактах, подается в тексте как его знание и автоматически, другими словами, бессознательно воспринимается аудиторией как истинная. Важно отметить, что, кроме эксплицитно выраженного утверждения о фактах, информация может быть представлена в форме имплицитного утверждения (пресуппозиция, инференция). Если информация, выраженная в явной форме, оформляется отдельным предикатом, то скрытая форма выражения сведений такого оформления не имеет. Сведения в скрытой форме выражаются в различных формах, таких как именные словосочетания, адъективные словосочетания, причастные и деепричастные обороты и т. п. Информация, выражаемая в скрытой форме, может быть как фактической, так и оценочной, обобщающей и т.д. Крайне важно для квалификации информации отделять языковую форму *утверждения* от *убеждения*, то есть убежденного мнения. Выражение убеждений в тексте распознается по наличию оборотов, подчеркивающих достоверность сообщаемых сведений, убежденность говорящего в их истинности (например, *я убежден, бесспорно, голову даю на отсечение*). Между тем убеждение отличается от утверждения о фактах, так как основано на материалах (фактах) открытых источников, подробно представленных в спорном тексте, в предшествующих или последующих коммуникативных блоках. В связи с этим читатель имеет возможность, основываясь на предоставленных автором сведениях о содержании публикаций иных информационных ресурсов, как согласиться с авторскими выводами и обобщениями, так и сформировать собственное мнение, отличное от авторского, опирающееся на те же исходные данные. При такой структуре текста оснований приравнивать аналитические и обобщающие суждения (выводы) автора к утверждениям о фактах не имеется. Так, один из разделов спорной публикации начинался с введения следующей информации: *‘Портал svpressa.ru озаботился*

навалившейся на Россию пневмонией еще в январе и собрал воедино все, что по этому поводу известно... Вот что пишут: «Не далее как в ноябре 2019 года из-за высокой заболеваемости пневмонией... на карантин пришлось закрывать школы сразу в нескольких регионах страны – Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону. В декабре точно так же пришлось поступить уже и в Московской области, в частности в городском округе Коломна...». На основании этих и иных представленных в рассматриваемом разделе сведений автор публикации делает вывод: *Итого: мы не знаем, что это было и чем болели наши дети и мы сами с ноября 2019-го. Может, действительно пневмонией, может, сначала ей, а потом нет – неизвестно, но исключать, что это был коронавирус, нельзя*, который представляет собой субъективное суждение автора. Читатель, опираясь на представленные в тексте данные, имеет возможность как согласиться с логикой автора, так и сформировать собственное мнение, отличное от авторского. Не наблюдается ситуации, когда предлагаемое объяснение фактов, сообщаемых со ссылкой на иные источники, выдавалось бы за истину в последней инстанции. Вне зависимости от утвердительной либо предположительной формы выражения вывода при такой структуре текста этот вывод не может приравниваться к утверждению о фактах.

Относительно ответа на вопрос о том, является ли выявленная при лингвистическом анализе негативно-оценочная информация «общественно значимой» или нет, следует заметить, что это также не входит в компетенцию лингвистов, потому что общественная значимость не определяется лингвистическими методами. Лингвист в подобных случаях может определить только тематику высказываний и выраженное лингвистическими средствами отношение автора к сообщаемому, а также то, является ли данная информация *публичной*. Значительные ограничения касаются и ответов лингвистов на вопросы 2 и 3, потому что языковед не может оценивать последствия распространения той или иной информации для общества, так как это не определяется с помощью специальных филологических знаний. Лингвист, оставаясь в пределах своей компетенции, может выявить только специальные признаки речевого акта угрозы, который выделяется в самостоятельный тип иллокутивных актов.

Экспертное сообщество пытается преодолеть объективные методические сложности, связанные с исследованием «фейковых» текстов, однако пока удалось создать только вполне объективную лингвистическую классификацию фейков [Стернин, Шестерина, 2020], представленные в специальной литературе варианты анализа так называемых «фейковых маркеров» пока еще далеки от подлинно научных и, следовательно, доказательных. Как правило, научно-методическая работа в этом направлении связана с анализом лингвистических признаков речевого акта *недобросовестного сообщения*, а также выявления содержательных (концептуальных, логических), коммуникативно-прагматических и речевых признаков, дифференцирующих данный РА и РА *добросовестного заблуждения*, который также относится к одному из видов РА неполного или искаженного информирования [Кошкарлова Н. Н.]. Однако отмеченный подход вполне корректно может быть реализован при анализе значительных по объему текстов, подготовленных редакцией журнала или газеты (включая и интернет-издания), но в небольших, неподготовленных или даже спонтанных текстах сообщений в социальных сетях выявление лингвистических маркеров недобросовестного сообщения не может считаться релевантным. Известно, что для борьбы с фейками медиаструктуры создают отделы фактчекеров, выпускаются различные инструменты для защиты от фейков (WatsApp, Assembler компании Jigsaw, WeChat) и др., однако количество фейков, к сожалению, не сокращается, а выявить фейковую информацию с помощью только лингвистических методов весьма проблематично. Эта сложная научно-методическая работа в рамках экспертологии пока не может считаться завершенной, но определенные успехи в решении этой задачи, как нам представляется, достигнуты. Дефиниционный анализ термина *«заведомо недостоверная информация под видом достоверных сообщений»* с определением содержания связанного с данным термином понятия через отвлеченное существительное *«сомнения»*: *‘информация, вызывающая у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности, при этом говорящий выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности’*, успешно примененный в экспертной практике Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, можно отнести к их числу. Хотя на первый взгляд словарное значение слова *«заведомый»* вступает в противоречие с понятием *«сомнение»*, так как реализует

значение «*Хорошо известный, заранее известный; несомненный*», а «сомнение» в словарях русского языка определяется как «*неуверенность в истинности, возможности чего-либо, отсутствие твердой веры в кого-, что-либо*» [Словарь, 2003: 194, 773], это противоречие является чисто внешним и адекватно отражает существо описываемого явления: речь идет **о представлении вызывающей сомнения информации как несомненной** — говорящий выдает то, в чем он сомневается, за свое твердое знание, что полностью соответствует использованному в диспозиции ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ предлогу «*под видом*» в его единственном значении «*выдавая кого-, что-л. за нечто иное*».

Введенное законодателем определение правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, в диспозиции указанной нормы закона имеет следующий вид: «*Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния*». Лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ приведенного определения показывает, что законодатель устанавливает административную ответственность за распространение информации, характеризующееся следующей совокупностью признаков:

(1) распространение информации произведено в средствах массовой информации или в информационно-телекоммуникационных сетях;

(2) распространенная информация являлась в момент ее распространения *общественно значимой*;

(3) распространенная информация является *недостоверной*;

(4) недостоверность распространенной информации являлась *заведомой* (лицо, распространившее информацию, сознавало в момент ее распространения ее недостоверность);

(5) информация была распространена *под видом достоверного сообщения и (или) нескольких достоверных сообщений*;

(6) распространение информации *создало угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу;*

(7) распространение информации *создало угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности;*

(8) распространение информации *создало угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи;*

(9) действия лица, осуществившего распространение информации, по ее распространению *не составляют («не содержат») уголовно наказуемого деяния.*

Приведенному определению удовлетворяет такое распространение информации, которому одновременно присущи признаки (1), (2), (3), (4), (5), (9) и только один из признаков (6), (7) или (8), что соответствует использованию в формулировке рассматриваемого определения союза *либо*, последовательно применяемого законодателем для выражения отношений исключительной дизъюнкции.

Понятие *распространения информации* не является специальным понятием лингвистики и (или) психологии. Квалификация тех или иных действий как распространения информации, вероятно, является вопросом факта и относится к компетенции суда.

Квалификация канала распространения как средства *массовой информации*, а равно как *информационно-телекоммуникационной сети* не относится к компетенции специалистов в областях лингвистики и (или) психологии.

Квалификация информации как *общественно значимой* лишь частично относится к компетенции социального психолога; следует также заметить, что для определения общественной значимости информации или отсутствия такой значимости в случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов, что предполагает наличие компетенции специалистов в области лингвистики.

Оценка *достоверности* той или иной информации в общем случае (за исключением ситуаций, когда распространенная информация

носит специальный лингвистический и (или) психологический характер) выходит за пределы компетенции специалистов-лингвистов и специалистов-психологов. В случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, возможность оценки выраженных языковыми средствами сведений, признанных недостоверными, по параметру их именно *заведомой недостоверности* является функцией от лингвистических и коммуникативных свойств содержащих эту информацию высказываний и текстов; также может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов речевой деятельности, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии.

Словесная конструкция *под видом достоверного сообщения* предполагает, как отмечалось выше, необходимость изучения языковой формы выражения сведений и коммуникативных свойств продуктов речевой деятельности, эти сведения содержащих, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии.

Установление фактов *создания в результате распространения информации угроз определенного содержания* выходит за пределы компетенции специалистов, однако психологические знания могут использоваться для установления направленности тех или иных сообщений на создание подобных угроз.

Признак (9) наличия в действиях лица, распространившего информацию, *состава уголовного преступления* носит сугубо правовой характер и не относится к компетенции специалистов-лингвистов.

Таким образом, **общая экспертная задача**, подлежащая решению в рамках комплексного психолого-лингвистического экспертного исследования материалов дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, для случаев, когда информация распространена в виде продуктов речевой деятельности (устных или письменных текстов на естественном языке), определяется, исходя из понятия задачи судебно-экспертной деятельности, введенного ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в виде совокупности следующих *частных экспертных задач*:

а) установление специальных лингвистических и психологических признаков общественной значимости распространенной информации;

б) установление специальных лингвистических и психологических признаков заведомой (для лица, распространившего информацию) недостоверности распространенной информации, предположительно являющейся недостоверной;

в) установление специальных лингвистических и психологических признаков распространения информации, предположительно являющейся недостоверной, под видом достоверного сообщения или нескольких достоверных сообщений;

г) установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу;

д) установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности;

е) установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Таким образом, анализ материалов, связанных с выявлением и оценкой «заведомо ложной информации (сведений, сообщений)», свидетельствует о том, что точная экспертная методика исследования текстов подобного рода, которая была бы априорно пригодной к любым текстам, еще не сформирована в достаточно строгом виде и требует усилий и со стороны лингвистической науки, и со стороны социальной психологии, и со стороны законодателей и правоприменителей, что влечет за собой необходимость выработки при производстве экспертного исследования конкретного текста методики, учитывающей конкретные особенности подлежащего исследованию материала, с ее описанием в тексте экспертного заключения, достаточно подробным для верификации хода и результатов экспертизы. Построение методики лингвистического, а равно психолого-лингвистического исследования по делам данной категории является, таким образом, на сегодняшний день важнейшей составной частью собственно исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста – М., 2007. 591 с.
2. Бринева К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
3. Кошкарлова Н. Н. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации / Н. Н. Кошкарлова, Е. С. Бойко // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 77–82
4. Обзор Верховного Суда №2 от 30.04.2020/ https://zakon.ru/blog/2020/04/30/obzor_verhovnogo_suda_2_ot_30042020
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
5. Современный толковый словарь русского языка/Под ред. С.А.Кузнецова.– СПб.: «Норинт», 2003.960 с.
6. Стернин И.А., Шестерина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. – Воронеж, 2020.
7. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕССШКОЛА, 2020. 576 с.

MANDATORY LINGUISTIC FEATURES OF DELIBERATELY MISLEADING AND/OR UNRELIABLE INFORMATION IN SPEECH ACTIVITIES PRODUCTS

Жарков Игорь Вениаминович,

начальник научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам», 129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС, e-mail: linguexpert@gmail.com.

Колтунова Елизавета Аркадьевна,

доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (г. Нижний Новгород, ул. Б.Покровская, д. 37), член правления РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам», 129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС, e-mail: koltunova52@yandex.ru.

I.V. Zharkov

RPO “Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes”

E.A. Koltunova

*Institute of Philology and Journalism of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
603000, Nizhny Novgorod, ul. B.-Pokrovskaya, 37*

The article presents possible methods of detecting deliberately misleading information as a part of forensic linguistic examination. It gives a relevance assessment of typical

issues with criminal and administrative cases concerned with deliberately misleading messages. It also analyses the forms of information expression as well as correlation between linguistic and psychological components of information assessment. The authors deem it necessary to consider that the notion of 'deliberately misleading information' exceeds the limits of linguistic competence and a certain level of psychological knowledge is required to determine the primary objective of an utterance, including threats marked by law.

Key words: linguistic examination, Internet communication, linguistic means, utterance forms, explicit information, implicit information, deliberately misleading information.

Г.С. Иваненко
кандидат филологических наук,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Российская Федерация, 454080, пр. Ленина, 69.
gala.april@mail.ru

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ И ПОКАЗАНИЙ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье намечены перспективы развития пока недостаточно разработанного направления лингвоэкспертологии – анализа протоколов допросов подозреваемых/обвиняемых, свидетелей. Именно на этих материалах в значительной степени базируется обвинение, и объективность формируемой материалами дела картины в значительной степени зависит от меры доверия к содержащейся в показаниях информации. Систематизирован опыт исследования протоколов допросов, типологизированы заданные лингвисту вопросы, отражающие определенные проблемные аспекты этого текстового материала. Наиболее распространенная проблема – дословное или в высокой степени схожее воспроизведение текстов показаний несколькими свидетелями, исключающее возможность случайного совпадения. Тождество отбора языковых средств текстов, созданных разными людьми, необъяснимое в условиях богатого ряда вариантов выбора, свидетельствует о несамостоятельности создания показаний, об их копировании или изначальном моделировании. Второй аспект – несовпадение стилистики устной речи автора показаний и его письменной речи в документе. Проявление в тексте не свойственного автору уровня образованности, овладение юридической терминологией и наличие правовой квалификации деяний – признак оказания влияния на автора показаний. Третий аспект – несовпадение заявленного времени, затраченного на дачу показаний, объема проделанной речевой деятельности. Четвертая проблема, позволяющая усомниться в качестве информации, содержащейся в протоколе допроса, – характер несовпадений в показаниях одного человека, данных в разное время. Если различия имеют характер дополнения, уточнения, детализации, речь может идти о поэтапном создании картины, обусловленной спецификой воспоминания. Если же сведения имеют характер замены, их автор, скорее всего, создает выгодную для него концепцию события.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, протоколы допросов, речевая деятельность.

Лингвистическая экспертиза сегодня активно используется в гражданской и уголовной процессуальной практике, теория ее различных направлений развивается [Леонтьев 1977; Баранов, 2007; Бринев, 2013; Иваненко, 2018; Катъшев, Осадчий, 2020]. Базой для современной лингвоэкспертологии является широчайший спектр исследований как общей теории речи, так и криминалистики советского периода [Вул, 1977; Караулов, 1987] По опыту автора настоящего материала, наиболее востребованы исследования текстов

в процессах о распространении порочащих сведений [Иваненко, 2016, 2018], об экстремизме [Иваненко, 2014], в документальных спорах [Баранов, 2007]. В уголовном процессе исследованию подвергаются преимущественно результаты ОРМ – аудиозаписи, из содержания которых извлекаются смыслы по заданным вопросам [Красса, 2013]. Одна из сфер уголовного процесса, как представляется, привлекает к себе недостаточное внимание как юридического, так и лингвоэкспертного сообщества, в то время как имеющаяся практика показывает большие перспективы этого направления. Речь идет об исследовании протоколов допросов и показаний участников процесса. И сторона обвинения, и сторона защиты, и суд могут получить значимую информацию по отдельным аспектам дела по результатам исследования под лингвистическим микроскопом материалов, представляющих собой речь подозреваемых (обвиняемых), свидетелей, пострадавших. В нашей практике за таким исследованием обращается только сторона защиты, возможно в силу того, что сторона обвинения имеет другие возможности разрешить возникающие сомнения, или в силу того, что она эти материалы и сформировала, а потому не видит оснований в их критическом анализе.

Анализ протоколов показаний участников процесса позволил выделить следующие типы объектов лингвистического изучения в представленном материале.

1. Тождество или высокий уровень сходства языковой структуры показаний свидетелей. Вопросы, которые в такой ситуации задают лингвисту: «Свидетельствует ли языковая структура ответов на вопросы в представленных протоколах допроса о единстве их авторства?» «О чем свидетельствует единообразие языковых формулировок ответов в протоколах допросов различных свидетелей?»

Представленные и подобные им вопросы соответствуют задачам автороведческого типа исследования в одном из его аспектов. В исследованиях такого типа по представленным образцам речи определяется единство или различие автора, создавшего их [Рубцова, Ермолова, Безрукова, Огорелков, 2007]. В данном случае выясняется, по сути, вопрос: как соотносится наблюдаемое сходство в языковом самовыражении различных людей, дающих показания, с вариативными возможностями русского языка, что в практическом плане означает: возможно ли в условиях естественного порождения речи имеющее место в протоколах сходство в речи различных людей, с точки зрения закономерностей реализации языковой системы?

Методики автороведческого исследования опираются на сопоставительный анализ представленных материалов по индивидуализирующим параметрам [Ермоленко, 1988; Китайгородская, Розанова, 1989; Марусенко, 1996; Баранов 2001]. В рассматриваемом случае в распоряжении лингвиста имеются только показания. Принципиальным методическим положением автороведения является опора в исследовании на те текстовые параметры, которые отражают индивидуальность реализации языковой системы. Однако в отсутствие возможности и потребности исследовать индивидуальный стиль каждого свидетеля теория автороведения востребована в особом аспекте. Идентификационное автороведческое исследование как тип лингвистического анализа основано на трех постулатах:

1) языковая система на всех уровнях обладает богатыми синонимическими возможностями;

2) каждый человек обладает индивидуальным речевым опытом, речевыми предпочтениями;

3) выбор из ряда возможных вариантов одного конкретного обусловлен рядом факторов, объективных и субъективных.

Языковая система русского языка со свободным порядком слов предоставляет богатые возможности не только отбора лексем из ряда возможных в конкретной ситуации, но и их соединения в прямом или инверсированном порядке, в конструкциях с обособлениями или без таковых, с соединением простых предложений в сложные или с их разделением. Иными словами, даже тождественную информацию два человека не выразят абсолютно тождественными языковыми средствами. Опыт участия в судебных заседаниях показал, что такое бесспорное для филолога положения для юристов не очевидно. В качестве доступного средства популяризации высказанного положения становится любой текстовый пример, представляющий оформление идентичного смысла различными языковыми средствами. Даже без включения лексических синонимических рядов, только на синтаксическом уровне, иллюстративный ряд синтаксически синонимичных конструкций демонстрирует возможности языка и убеждает в том, что выбор несколькими свидетелями из такого богатства одной модели являетсястораживающим фактором, заставляющим усомниться в естественности условий и самостоятельности процесса создания текстов протоколов допроса свидетелей.

Многие текстовые факторы могут стать сигналом для сомнений в соблюдении процедуры допроса и фиксации показаний. Наиболее частотные из них:

- длинные ряды однородных членов, находящихся в равноправных отношениях, однако названные различными свидетелями в одинаковом порядке;

- сложные синтаксические конструкции, как правило, с сочинительной и бессоюзной связью, однородного состава, с отношениями перечисления или одновременности, содержание которых могло быть представлено несколькими простыми предложениями, однако тождественно оформлено именно сложными предложениями, состоящими из равного количества простых;

- выбор из богатого ряда вводных слов одной смысловой группы одного слова в тождественной позиции (сам факт наличия вводного слова факультативен, но еще и выбор слова вариативен);

- использование причастных, деепричастных и адъективных оборотов в одинаковой позиции в разных показаниях при богатых возможностях вариативности отбора, во-первых, морфологического средства выражения, во-вторых, расположения второстепенного члена относительно главного слова;

- орфографические, пунктуационные, речевые, грамматические ошибки в тождественных позициях – явный и очевидный признак копирования материалов, а не создания их в процессе опроса свидетеля.

Если восемь свидетелей вспоминают десять фамилий участников ситуации в одинаковой последовательности, не обусловленной ни логикой развития событий, ни алфавитным порядком, ни иерархическими взаимоотношениями, есть основания предполагать смоделированность показаний и тиражирование их для подписи нескольким свидетелям. Это не значит, что показания неправдивы. Такой вывод не в компетенции лингвиста. Но это значит, что человек не вспоминал события, свидетелем которых он был, а подписал предложенный ему протокол. И даже если свидетель согласился с представленным ему текстом, такой подход к допросу нарушает требование самостоятельности и независимости создания текста показаний. Свидетель мог не заметить в созданном не им самим протоколе детали, которая впоследствии окажется значимой, либо пренебречь неточностью, которая, будучи тиражированной в ходе судебного разбирательства, примет статус доказанного факта и может повлиять на объективность решения.

2. Несоответствие стилистики речи участника процесса

его культурному уровню, содержанию вопроса, дискурсу и другим параметрам речевого акта. В связи с обозначенным аспектом речевой структуры показаний свидетелей или обвиняемого лингвисту задают вопросы такого типа: «Соответствует ли уровень владения русской речью свидетеля X в устных высказываниях на аудиозаписи и в письменных показаниях от ... числа?», «Соответствует ли стилистика речи свидетеля X в показаниях от 15 марта 2021 года и 20 марта 2021 года?».

Нередки случаи, когда обвиняемый или свидетель предстает в двух речевых обликах. В устных показаниях на суде человек не демонстрирует богатого словарного запаса и речевого опыта, затрудняется в отборе слов для выражения мысли, в построении предложений – одним словом, владеет русским языком не очень хорошо или даже плохо, особенно если язык неродной. В письменных же показаниях перед нами предстает человек интеллектуальный, хорошо владеющий речью, с богатой речевой практикой, богатым словарным запасом и изысканным арсеналом синонимических синтаксических конструкций, достаточно правильно использованных.

Какой-то уровень расхождений в образе речевой личности в устном и письменном тексте может объясняться психологическим фактором: письменная речь создается в более комфортных условиях, допускающих обдумывание и подбор языковых единиц. И все же несоответствие не может быть разительным. Человек, в письменных показаниях охарактеризовавший все свои действия и действия окружающих правовыми терминами, буквально сам давший правовую квалификацию своему деянию, на суде не может объяснить значение слова «предварительно». В таком случае несоответствие уровня владения языком, проявленное участником процесса на виду у многочисленных свидетелей, с уровнем владения языком в письменных показаниях позволяет предполагать несамостоятельность свидетеля или обвиняемого в создании показаний, участие иного лица в создании формулировок.

Наиболее показательны случаи, когда один и тот же человек в двух письменных показаниях, отстоящих друг от друга во времени на такой срок, за который явно не было возможности получить юридическое образование и повысить культурный уровень, из бытового носителя языка превращается в специалиста-юриста, использующего

правовую терминологию, которая ложится в основу обвинения. Например, человек, плохо владеющий русским языком, за ускоренную выдачу паспорта передавший три тысячи рублей сотруднику полиции, в показаниях пишет об *«осознанной, продуманной, предварительно подготовленной и запланированной даче взятки за осуществление незаконных действий»*. Анализ коммуникативной ситуации, зафиксированной на аудиозаписи, показывает неоднозначность проявленной ее участниками поведенческой мотивации и наличие провоцирующих факторов по отношению к обвиняемому. В любом случае языковая структура его речи в признательных показаниях не соответствует его уровню знания языка, определяемому по той же присутствующей в деле аудиозаписи. А это значит, что имеющийся в материалах дела текст, который должен создаваться самостоятельно и независимо, формировался либо под влиянием, либо вообще не тем лицом, от имени которого написан.

3. Несоответствие объема текста длительности допроса, заявленной в протоколе допроса свидетеля или подозреваемого/обвиняемого. Для раскрытия обозначенного аспекта показаний лингвисту задают вопросы такого типа: «Соответствует ли объем речевой деятельности, отраженной в протоколе допроса свидетеля Х (6 страниц), указанному в документе времени допроса, – один астрономический час (с 14.30 до 15.30)?»

На примере из практики покажем логику решения проблемы.

Речевая деятельность – понятие филологии, психологии и философии, обозначающее процессы, связанные с речью. К речевой деятельности относится как создание текста, так и его осмысление и анализ. Протокол допроса как речевой жанр предполагает следующие типы речевой деятельности: вербализация вопроса; осмысление допрашиваемым его содержания; подготовка ответа; вербализация ответа; восприятие допрашивающим текста ответа; письменная вербализация ответа допрашивающим; прочтение допрошенным всего готового протокола. Каждый этап речевой деятельности требует определенного времени. Этапы мысленной обработки поступившей речевой информации могут быть очень краткими, вплоть до долей секунд. Больше времени требуется на подготовку ответа. Как правило, на это уходит 1–5 секунд. Это усредненные цифры, характерные для эмоционально нейтральных ситуаций. Допрос как речевой жанр, подобно экзамену и собеседованию, предполагает

внутреннюю оппозиционность сторон, а следовательно, повышенную ответственность отвечающего, что не может не замедлить его внешней реакции. Из сказанного следует, что создание протокола допроса требует времени, существенно превышающего необходимые временные затраты исключительно на напечатание самого текста.

В любом случае весь текст протокола допроса должен быть проговорен устно, а также зафиксирован на письме, то есть на проведение допроса в целом не может уйти времени меньше, чем на устное прочтение текста (сам диалог в ходе допроса) + создание письменного варианта + естественные паузы на мыслительные этапы речевой деятельности + прочтение готового документа (вслух или про себя).

В документе на 6 страниц не менее 7000 знаков. Средняя скорость печати уверенного пользователя – 150–200 знаков в минуту. Следовательно, только на печать текста уходит не менее 35 минут. Прочтение пяти страниц текста заинтересованным читателем с осмыслением содержания про себя требует не менее 15 минут. В рассматриваемом случае допрос заканчивался словами «мне прочитано», следовательно, текст звучал вслух, что требует не менее 20 минут. Но даже если предположить отсутствие такого финального прочтения, необходимо учесть иные виды речевой деятельности. Очевидно, что в ходе допроса речевые процессы не могут не включать того резерва пауз, который обусловлен мыслительными этапами речевой деятельности. Создание печатного текста является результатом фиксации устной речи, на восприятие которой тоже требуется время.

Кроме того, допрос предполагает какую-либо вступительную часть, завершение. Начало допроса, осуществляемого в соответствии с нормами законодательства, предполагает ознакомление допрашиваемого с правами и обязанностями, ответственностью за дачу показаний. Текст, содержащий эту информацию, при любом способе речевой деятельности (прочтение вслух, про себя), требует нескольких минут. В комплексе с сообщением и фиксацией информации о личности допрашиваемого – не менее 7 минут. Фрагменты текста, предъявляемые допрашиваемому, воспринимались в печатном виде, чтение, осмысление, постановка подписи с сопутствующими действиями также требуют времени. В исследуемом материале присутствовало табличное представление информации, составление которой – достаточно трудоемкий и времязатратный процесс,

превышающий затраты времени только на напечатание собственно текстовой информации.

Таким образом, объем речевой деятельности, отраженной в протоколе допроса свидетеля Х, не соответствует указанному в документе времени допроса – один астрономический час (с 14.30 до 15.30) ввиду явной недостаточности этого времени. На настоящий момент для ответа на поставленный вопрос использовалась педагогическая практика и данные педагогических методических разработок, содержащих приблизительное обозначение затрат времени на определенный объем различных видов речевой деятельности, использованных с большим запасом. Возникла, однако, потребность в разработке обозначенной темы для целей использования в экспертологии.

4. Заместительный характер несовпадений в различных протоколах допроса одного лица (подозреваемого / обвиняемого, свидетеля).

Нередко одно лицо допрашивается по одним и тем же обстоятельствам неоднократно. Вполне естественно, что в разные дни, при ответе на различные по форме и по сути вопросы ответы не тождественны. Как фрагменты мозаики, они постепенно должны складываться в единое полотно, взаимно дополняя и корректируя друг друга. Человек постепенно вспоминает новые детали исследуемых обстоятельств; в равной мере и следствие, получая все более полную картину, уточняет и расширяет вопросный ряд. Однако случается, что под тезисом «я вспомнил» подается информация, избранная допрашиваемым в качестве смоделированного варианта действительности. Мотивы могут быть самыми различными, и самый главный у обвиняемого – стремление уменьшить свою вину, что можно сделать, как правило, увеличив вину другого обвиняемого. У пострадавшего и свидетелей тоже есть свои мотивы создавать картину произошедшего. Далеко не всегда следствие относится критично к показаниям, выбирая из их разнообразия те, которые поддерживают избранную концепцию.

Современной лингвоэкспертологии в сотрудничестве с другими дисциплинами предстоит выработать типовые и закономерные модели отражения тех или иных процессов в текстовой структуре. **Воспоминание** – извлечение из долговременной памяти образов прошлого, воспроизведение событий из жизни, мысленно

локализуемых во времени и пространстве. В норме постепенные воспоминания могут строиться по модели дополнения и конкретизации. Отношения замещения – признак либо психической патологии, либо неискренности.

Поскольку со временем события прошлого накладываются друг на друга, часть информации может не сохраниться в памяти, сохраниться фрагментарно или восприниматься с изменением порядка следования элементов. Это естественный процесс забывания, то есть утраты точности картины прошлого.

Изучение текстов, содержащих воспоминания, позволило выявить закономерности передачи картин прошлого:

1. Запоминается главное, стирается из памяти прежде всего второстепенное, обратное соотношение неестественно (если речь не идет о психической патологии).

2. При поэтапном воспоминании, становящемся результатом сосредоточения на прошлом, если требуется воссоздание более точной картины некогда произошедших событий в рациональном аспекте, создаваемое в описании изображение становится все более детальным.

3. При воспоминании все больших аспектов какого-либо явления, события накопление информации развивается по принципу дополнения, но не по принципу замещения. Замена одних существенных фактов другими в условиях невозможности их сосуществования не свойственна текстовой модели воспоминания, поскольку отношения замещения означают, что одного из альтернативно представленных фактов в действительности не было. Замещение – результат либо психической аномалии, либо неискренности.

Приведем пример из практики. В получении взяток от лица А обвиняются два лица – начальник (Б) и подчиненный (С). Подчиненный отказался от дачи показаний, а начальник, напротив, давал их неоднократно. Анализ языковой структуры хронологически расположенных показаний обвиняемого Б по названным параметрам текстовых признаков воспоминания показал, что она не соответствует текстовым признакам процедуры восстановления в памяти описываемых им событий:

1. В ряде показаний Б демонстрирует текстовую детализацию менее значительных фактических обстоятельств при «забвении» более значимых, что нарушает принцип детерминированности текстовых пропорций частей их приоритетностью.

2. Сравнение показаний Б в хронологическом порядке показывает, что их изменения не характерны для модели воспоминания. Показания не детализируются, как должны бы, а, напротив, теряют конкретность. Сначала Б помнил, что ни он не предавал лицу С денег, полученных им от взяткодателя, ни С не отдавал того, что было предано ему. На следующем этапе обвиняемый Б вспоминает, что уже с 2015 года он договорился с другим обвиняемым С делить средства от взяткодателя в пропорции 70 % – Б, 30% – С. Количественные показатели – важная составляющая картины прошлого. Если этот компонент значим, он не может быть забыт полностью. Могут быть забыты частности, но не существенная сторона явления, события, процесса. Совершенно нетипично для текстовой модели воспоминания размывание картины прошлого, что происходит в последних показаниях обвиняемого Б. О процентном разделении средств, получаемых от взяткодателя, между Б и С, уже не идет речь, оба персонажа объединены в «мы», которые совместно получали и делили все средства, как будто неразлучно находясь рядом постоянно.

3. В показаниях обвиняемого Б по мере восстановления картин прошлого сведения не детализируются, а замещаются. Так, Б. то говорит о том, что только от С. узнал о его разговоре с взяткодателем о передаче денег, которая к нему, Б, не имеет никакого отношения, то утверждает, что сам вступил в договоренности со взяткодателем, определив также и роль посредника С.

Многочисленные противоречия не позволяют с доверием относиться к показаниям. Также многие реплики обвиняемого Б. в ходе показаний свидетельствуют не о забывчивости, а о нежелании сообщать сведения: *«Мне нужно все осмыслить, я желаю показания дать позже»*, – желание «все осмыслить» по сути означает намерение выработать максимально выгодную тактику дачи показаний; *«Сейчас ответить затрудняюсь»*, *«Я сейчас затрудняюсь ответить, за что именно, был ли это возврат долга или что-то другое. Поясню эти обстоятельства позже»*, *«Показания в этой части давать пока не готов, расскажу об этом после Нового года»*, – высказывание, прямо сообщающее о намеренном уходе от показаний в момент речи.

Главный признак «воспоминаний» в показаниях Б – изменения в сведениях, сообщаемых им, – отражают не отношения дополнения, инклюзии, характерные для восстановления в памяти событий, а отношения замещения, которые могут означать лишь, что либо одна, либо другая картина действительности, преданная рассказчиком, не соответствует действительности.

Таким образом, в настоящем материале представлено обобщение лингвоэкспертных исследований протоколов допросов свидетелей и обвиняемых. Выделены типовые проблемные ситуации, в которых было востребовано лингвистическое заключение: неоправданная композиционная, стилистическая и языковая (на различных уровнях) типизированность показаний разных лиц, несоответствие стилистики устных и письменных показаний одного лица, несоответствие заявленного времени осуществления допроса объему речевой деятельности, заместительный характер содержания показаний. Многие разовые ситуации пока остались не типологизированными, что свидетельствует о перспективе обозначенного направления лингвоэкспертологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
2. *Баранов А. Н.* Авторизация текста: пример экспертизы // Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.43–51.
3. *Бринева К.И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Книжный дом «Либерком», 2013. 200с.
4. *Вул С. М.* Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи (методическое пособие), М.: МЮ СССР, 1977. 109 с.
5. *Ермоленко Г. В.* Анонимные произведения и их авторы, Минск: Университетское, 1988. 118 с.
6. *Иваненко Г.С.* Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. М.: ООО «Флинта», 2018. (2-е издание). 247 с.
7. *Иваненко Г.С.* На пересечении языка и права. Из практики производства судебных лингвистических экспертиз. М.: ООО «Флинта», 2018. 279 с.
8. *Иваненко Г.С.* Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. СПб: Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). 2016. Т. 12. № 3. С. 311–326.
9. *Иваненко Г.С.* Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 200–203.
10. *Катышев П.А., Осадчий М.А.* Судебная лингвистическая экспертиза. М: Изд-во Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 121с.
11. *Красса С. И.* Методика и инструментарий атрибуции текста в автороведческой экспертизе // Альманах современной науки и образования. № 10 (77). 2013. С. 106–108.
12. *Леонтьев А. А.* и др. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Наука, 1977. 62 с.
13. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность, М.: Наука, 1987. 261 с.
14. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая личность в аспекте проблем судебной экспертизы устной речи // Язык и Личность, М.: Наука, 1989. С.132–143.

15. *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание, СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 466–479.

16. *Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Безрукова А.И., Огорелков И.В.* Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 188 с.

LINGUISTIC RESEARCH OF INTERROGATION PROTOCOLS AND TESTIMONY

G. S. Ivanenko,

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University,

69 Lenin Ave., 454080, Russian Federation.

gala.april@mail.ru

The article outlines the prospects for the development of an insufficiently developed area of linguoexpertology – the analysis of protocols of interrogations of suspects/accused, witnesses. It is on these materials that the prosecution is largely based, and the objectivity of the picture formed by the case materials largely depends on the measure of confidence in the information contained in the testimony. The experience of studying the interrogation protocols is systematized, the questions asked to the linguist are typologized, reflecting certain problematic aspects of this text material. The most common problem is the verbatim or highly similar reproduction of the texts of testimony by several witnesses, which excludes the possibility of accidental coincidence. The identity of the selection of linguistic means of texts created by different people, which is inexplicable in the conditions of a rich range of choices, indicates that the creation of readings is not independent, that they are copied or initially modeled. The second aspect is the discrepancy between the style of the oral speech of the author of the testimony and his written speech in the document. The manifestation in the text of a level of education that is not characteristic of the author, the mastery of legal terminology and the presence of legal qualifications of acts – a sign of influencing the author of the testimony. The third aspect is the discrepancy between the declared time spent on giving evidence and the volume of speech activity performed. The fourth problem that makes it possible to doubt the quality of the information contained in the interrogation protocol is the nature of discrepancies in the texts of one person given at different times. If the differences are in the nature of additions, clarifications, inclusions, it can be a step-by-step detailing, due to the specifics of the memory. If the information is of the nature of substitution, its author most likely creates a favorable picture of the event for him.

Keywords: linguistic expertise, interrogation protocols, speech activity.

А.А. Кравченко
*Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону,
Большая Садовая ул., 105/42*

КАРИКАТУРА КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается феномен карикатуры в юридической лингвистике. Автор обращает внимание на то, что карикатура имеет долгую историю существования и обширное бытование. Однако это явление до сих пор не является хорошо изученным. Для рассмотрения и выявления важнейших принципов карикатуры автор обращается к определениям этого понятия в энциклопедиях и литературоведческих трудах. На основе этих толкований выделяются характерные признаки карикатуры (несоответствие норме) и частотные приемы, необходимые для ее создания: гиперболы, литота, гротеск, анимализация и овеществление. Для наблюдения за реализацией характерных приемов карикатуры автор обращается к уже хорошо изученным, типическим примерам карикатур в филологии: к пародийным образам в русской классике. Далее обращается внимание на изученность карикатур в лингвистике: систематизированных трудов не находится; однако развитие получает анализ креолизованных текстов (карикатура, по мнению автора, является разновидностью такого текста, так как совмещает единицы разных семиотических систем). Автором отмечается близость понятий «карикатура» и «оскорбление» и делается вывод о том, что в рамках юридической лингвистики можно анализировать карикатуру с точки зрения оскорбительности. В итоге работы приводится примерный план анализа карикатуры как языкового правонарушения для лингвистов-экспертов.

Ключевые слова: карикатура, юридическая лингвистика, креолизованный текст, оскорбление, честь и достоинство, дискредитация.

На протяжении долгого времени лингвистика занималась изучением языка как системы. Наука была сконцентрирована в основном на теоретическом осмыслении явлений и приведении полученных знаний в некую систему. Однако современный мир требует от науки качественных изменений. В мире двадцать первого века появляются новые дисциплины, в компетенции которых входит практическое осмысление теоретических наработок. Примером подобной прикладной дисциплины является юридическая лингвистика, которая не так давно находилась в «зародышевом состоянии», несмотря на важность в жизни общества [5]. Лингвисты-эксперты сталкиваются со сложностями при анализе материалов, выраженных в вербальной форме, потому что юридическая лингвистика не так давно выделилась в отдельную дисциплину и еще не до конца выработала

устоявшуюся методологию. Однако социальная потребность анализа правонарушений с использованием языка стоит довольно остро. Не до конца выработанная и оформившаяся методология анализа только лишь вербальных средств не должна ограничивать и исключать изучение еще более сложных примеров правонарушений с использованием языка. Недопустимо для лингвистов-экспертов закрывать глаза на существующие явления: их нужно изучать параллельно с уже более освоенными категориями вербальных правонарушений. Подобным сложным примером правонарушения является карикатура, которая в данной статье рассматривается как тип креолизованного текста.

Человечеству давно известен феномен карикатуры. Из истории карикатуры известно, что она бытовала преимущественно в массовых формах: «основные формы карикатуры – “летучие листки”, народные картинки, позднее газетно-журнальная графика, плакат, режесатирическая живопись». Создатели сатирических изображений часто подвергались различным гонениям. И в наши дни часто разгораются «карикатурные скандалы», материалом для таких скандалов служат карикатуры, направленные на дискредитацию определенного лица или религиозных чувств верующих [15].

Существуют лишь единицы систематизированных трудов о карикатуре. М. М. Златковский в книгах об истории российской и советской карикатуры предоставляет достаточно полную картину политической карикатуры. Известна электронная «Большая энциклопедия карикатуры» под руководством главного редактора М. Валиахметова. Редакторы, оговаривая значимость проекта, заявляют, что карикатура: «доказала свою самостоятельность, и как любой другой вид искусства, имеет свою историю, свою терминологию, своих кумиров и почитателей, своих летописцев и теоретиков» [4]. Русское понятие «карикатура» описывается в мировой практике другим словом – cartoon. За рубежом карикатуре отведено больше внимания, существуют новости (Cartoon World News), ассоциации, интерактивные галереи.

Слово «карикатура» переводится с итальянского «преувеличивать», «нагружать». Согласно энциклопедии Всемирной истории, «карикатура – жанр искусства, изображение, создающее комический эффект в целях осмеяния и критической оценки того или иного лица или общественного явления» [4]. Можно выделить несколько важных фактов о карикатуре:

кариатура является жанром искусства (в широком понимании), а не жанром графики, поэтому ее рассмотрение возможно с точки зрения различных дисциплин;

комический эффект является ведущим;

цель карикатуры – осмеяние и оценка, они направлены на существующее (или существовавшее в прошлом) лицо или явление.

Исходный материал (объект) трансформируется особым образом: автор карикатуры обычно заостряет особо важные для него черты, оставляя остальные реалистичными, правдоподобными, поэтому исходный объект окарикатуривания легко угадывается. В игре между достоверным и комически гиперболизированным, правдоподобным и гротескно ирреальным и заключается суть карикатурного образа.

Именно в таком ключе интерпретировал карикатуру французский литературовед П. Пави в «Словаре театра». Согласно его определению, карикатура – «персонаж, чей облик искажен в результате преувеличения и заострения характерных физических или моральных черт. Это утрированный, пародийный, бурлескный и всегда смешной образ человека». Такой персонаж выпадает из «реалистического универсума», он неправдоподобен, является инструментом художника для достижения определенной художественной цели — создания эффекта комического абсурда [10, с. 137].

Способы создания карикатуры разнообразны, хотя возможно выявить основное качество карикатуры – несоответствие норме. Исходя из несоответствия норме, можно выделить ряд наиболее распространенных приемов:

1) гипербола, литота и гротеск являются стандартными приемами, с помощью которых создается карикатура, так как они нарушают реалистические пропорции. Физическая или моральная черта утрируется, преувеличивается, привлекая внимание;

2) наряду с гиперболой, литотой и гротеском распространенным средством создания карикатур является анимализация, при которой лицо сопоставляется с животным или прямо уподобляется им.

3) овеществление, замена человека вещью или предметом является одним из основных приемов создания окарикатуренного образа. Овеществление часто связано с метонимией – вместо полноценного образа автор карикатуры выводит характерный предмет, который впоследствии замещает человека.

Карикатура, как было сказано ранее, является явлением давно существующими и часто встречающимся. Мы сталкиваемся с карикатурой в достаточно разнородной среде (публицистика, художественная литература). Анализ карикатур в публицистике часто сводится к перечислению политических реалий, он является по большей части политизированным, лишенным компетентного филологического комментария. Поэтому считаем логичным для более точного определения сущности карикатуры обратиться к художественным текстам, которые были проанализированы филологами.

В художественных произведениях исходной точкой для возникновения карикатуры является реально существующий человек, чей образ получает комическое переосмысление в художественном произведении. Следовательно, можно толковать термин «карикатура» в литературоведении следующим образом: это комичный, сатирически окрашенный персонаж, имеющий прототип. Карикатура в привычном значении (креолизованный текст) тоже иллюстрирует комический образ, у которого есть реально существующий прототип. Именно поэтому, обратив внимание на карикатуры в литературе, можно выявить полезные для лингвиста-эксперта наблюдения.

Одним из ярких примеров карикатуры в художественной литературе является комически видоизмененный образ Н.В. Гоголя.

В литературном осмыслении персонажей Ю.Н. Тынянов убедительно обосновал то, что главный герой повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» Фома Опискин, – «характер пародийный», у которого есть прототип – Н.В. Гоголь. «Речи Фомы пародируют гоголевскую “Переписку с друзьями”» [13]. Ф.М. Достоевский последовательно и реалистично изображает быт Н.В. Гоголя (в описании комнат Фомы), его литературные стремления, привычки и любовь к комфорту. Прием заострения одной черты находит отражение в образе Опискина. Низкий рост Гоголя осмеивается введением комических деталей при описании внешности в VII главе: «Фома был мал ростом, белобрысый и с проседью, с горбатым носом и мелкими морщинками по всему лицу», «он явился в шлафроке, правда, иностранного покроя, но все-таки шлафроке и, вдобавок, в туфлях», сюртук у него доходил до самых пят [6, с. 83].

В карикатурном образе высмеиваются и жизненный путь Гоголя, его неудачное профессорство: Фома заявляет, что на его лекциях будет присутствовать тридцать тысяч человек. «Переписка с друзьями»,

которой Гоголь придавал большое значение, на страницах повести получает сатирическое наименование: «одно глубокомысленнейшее сочинение в душеспасительном роде, от которого произойдет всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия» [6, с. 25].

К сатирически окрашенным персонажам, имеющим прототип, относится второстепенный персонаж романа «Бесы» Ф.М. Достоевского Кармазинов. В нем писатель окарικатурирует И.С. Тургенева. Кармазинов предстает писателем с комической внешностью. При описании деталей портрета Семена Егоровича используются уменьшительные суффиксы: «старичок», «личико», «локончики», «ушки», «глазки», голос был медовым, с «дворянским присюсюкиванием»; детали туалета также комически утрируются: «Я уверен, что летом он ходит непременно в каких-нибудь цветных, прунелевых ботиночках с перламутровыми пуговками сбоку...» [7, с. 97]. В таком слащаво-«маниловском» портрете выделяются острые глазки и хитро сложенные губы.

Многолетняя неприязнь Достоевского к Тургеневу, автору «Дыма» находит воплощение в комически сниженном персонаже с манерой «лезть лобызаться и подставлять щеку»; повествователь приводит его «германофильское» заявление: «Я сижу вот уже седьмой год в Карлсруэ. И когда прошлого года городским советом положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовал в своем сердце, что этот карлсруйский водосточный вопрос милее и дороже для меня всех вопросов моего милого отечества, за все время так называемых здешних реформ» [7, с. 403]. Карикатура создается и с помощью портретной характеристики персонажа, и с помощью утрирования черт характера, присущих прототипу, и с помощью высмеивания его воззрений.

Осмеяние прототипа в образе Кармазинова происходит и с помощью карикатуры на внешность, и с помощью пародии на произведения И.С. Тургенева. Достоевский дает карикатуру на облик, образ жизни и характер писателя, а реально существовавшие произведения И.С. Тургенева высмеивает как преувеличенно лирические и фантастические. Приведенная повесть «Mersi» является пародией на повесть «Призраки» Тургенева. Писатель высмеивает лирическую манеру «позднего Тургенева», чей романтизм, по мнению автора «Бесов», одряхлел: «Тридцать семь лет назад, когда, помнишь, в Германии, мы сидели под агатовым деревом, ты сказала мне: “К чему

любить? Смотри, кругом растет вохра и я люблю, но перестанет расти вохра, и я разлюблю”. Тут опять за клубился туман, явился Гофман, просвистала из Шопена русалка, и вдруг из тумана, в лавровом венке, над кровлями Рима появился Анк Марций. Озноб восторга охватил наши спины, и мы расстались навеки» [7, с. 423].

Фома Опискин и Кармазинов — классические, широко известные образчики персонажей-карикатур. Их образы строятся на типических карикатурных приемах: дискредитация, высмеивание, преувеличение. Эти пародийные образы являются хорошо изученными в рамках литературоведения.

Сейчас в рамках лингвистики возрастает интерес к креолизованному тексту (карикатура, на наш взгляд, является одним из ведущих видов такого текста). Все больше исследователей обращаются к анализу креолизованного текста (Е.Е. Анисимова, В.М. Березин, Л. С. Большаянова, Н. С. Валгина, М. Б. Ворошилова, Л. В. Головина, А. Ю. Зенкова, О. Л. Каменская, В. М. Клюканов, Э.А. Лазарева, Н. В. Месхишвили, О. В. Пойманова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и другие). Все более значимую роль в жизни человека играет визуальная информация. Визуализация является неотъемлемой частью нашей жизни: она присутствует в коммерции, научном, политическом и бытовом дискурсе. Поэтому закономерен возросший интерес исследователей-лингвистов к креолизованным, семиотически осложненным текстам.

Однако креолизованные тексты изучены в современной лингвистике недостаточно. Еще меньше исследований посвящено карикатуре как разновидности креолизованного текста. Однако в рамках дисциплины «юридическая лингвистика» это явление весьма значимо. Лингвисты-эксперты в процессе работы сталкиваются с карикатурами, и для решения профессиональных задач в таких случаях недостаточно анализировать только текст по привычным шаблонам, необходимо учитывать специфику семиотически осложненного образца.

Термин «креолизованный текст» впервые был предложен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. Креолизованные тексты, по мнению ученых, – такие тексты, которые состоят из вербальной части и невербальной (принадлежащей к другой семиотической системе) [11]. Этот термин имеет ряд синонимов, которые распространены в лингвистике: поликодовый, составной, смешанный, «визуально-вербальный» (Visual/Verbal), семиотически осложненный,

контаминированный, гибридный, супер текст. Однако термин Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова более распространен, остальные же не обладают регулярностью. Поэтому использование данного термина для обозначения карикатур оправдано.

Все ученые отмечают один и тот же факт: смысл креолизованного текста выявляется только при совмещении информации из письменного и визуального компонентов. Эти компоненты дополняют друг друга, из их сочетания рождается новый смысл. «Креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурированное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 17]. Таким образом, креолизованный текст — это такой текст, в котором происходит «интеграция вербального и иконического (изобразительного) кодов» [2]. Такой текст состоит из вербальной информации (надпись) и иконической части (рисунок). Примерами таких текстов являются всевозможные средства наглядной агитации и пропаганды, рекламные тексты смешанного вида (изображение и текст), комиксы и карикатуры. Изучив понятие «креолизованный текст», исследователи делают логически верный вывод: карикатура — один из видов такого семиотически осложненного текста. Работы, посвященные карикатуре, немногочисленны. Однако практически все исследователи-первопроходцы рассматривают карикатуру как креолизованный текст (О. А. Воронина «Карикатура как вид креолизованного текста», Е. А. Артемова «Карикатура как жанр политического дискурса», П. А. Королева «Структурные и лингвистические особенности креолизованного текста политической карикатуры, изображающей британского премьер-министра Терезу Мей», и другие).

Е.Е. Анисимова выделяет в креолизованных текстах два вида отношений: отношения взаимодополнения и отношения взаимозависимости. При отношениях взаимодополнения вербальный компонент дублирует информацию, представленную на изображении. Взаимозависимые же отношения (именно в такой тип отношений вступают вербальные и невербальные компоненты в карикатуре) имеют иную природу. «Изображение зависит от вербального комментария, который определяет его интерпретацию» [1, с. 12]. В карикатурах сложно выделить доминантный компонент, нельзя однозначно сказать, что и от чего зависит. Здесь происходит синтез, склеивание

информаций из разных каналов восприятия. Частотный механизм создания карикатуры: вполне нормальный текст и неуместный рисунок. За счет взаимодействия конечное восприятие является комическим, смешным. Поэтому анализировать только текст нельзя, рушится смысл карикатуры.

В карикатуре смысл создается либо двумя семиотическими системами (вербальной и визуальной), либо только визуальной. Благодаря сжатой форме и взаимодействию языка и образа карикатуры часто считаются прямым и простым в обработке средством передачи информации. Карикатуре иногда удается передать сложную мысль в более непосредственной и сокращенной форме, чем просто язык.

Когнитивная обработка карикатур нелинейна: человек воспринимает не последовательность слов, а изображение и текст практически одновременно. Эффект воздействия основывается на двух взаимосвязанных компонентах. Таким образом, креолизованный текст является не «суммой семиотических знаков», а интегрируется и «образует сложно построенный смысл» [1, с. 12]. Карикатура – это всегда цельный текст: и картинка, и надпись имеют общую прагматическую направленность.

Карикатура – жанр искусства, в основе которого «лежит желание уязвить, высмеять, разоблачить» [14]. «A cartoon is a joke told in a picture» (карикатура – это шутка, рассказанная в изображении) (перевод наш) [16]. Сам рисунок можно разложить на последовательность действий, собрав рассказ (то есть совершить преобразование в вербализованный формат). Подпись в карикатуре – это юмористический комментарий к изображению.

В юридической же практике оскорбление, как правило, рассматривается в качестве правонарушения. Карикатура – это «символическое убийство: моральное устранение, обессиливание и обезвреживание противника». Это своеобразная атака на человеческое достоинство, «облеченная в художественную форму». Мишенью карикатуры может стать известная личность, просто неприятель, а также социальная группа (народ, религиозное или политическое объединение) [16].

Полноценных исследований о карикатуре как объекте юридической лингвистики нет, однако работы об оскорблении присутствуют в достаточном объеме. Карикатура, как и оскорбление, содержит оценку, негативную и табуированную информацию. Поэтому

считаем возможным при анализе карикатур опираться на материалы исследований оскорбления.

В карикатуре реализуется стратегия дискредитации. В.С. Третьякова считает, что конечная цель дискредитации – «унижение и осмеяние партнера с последующей корректировкой мнения, изменения модели мира у явного (при непосредственном контакте) или гипотетического (например, читателя) наблюдателя. В рамках данной стратегии применяется обнародование каких-либо негативных фактов, мнений, аргументов, прямо или косвенно сигнализирующих о негативных оценках адресата» [12, с. 94].

Стратегия дискредитации реализуется в тактике оскорбления. О.С. Иссерс выделяет базисные установки оскорбления: отправитель оценивает оппонента отрицательно и хочет убедить наблюдателя, что оппонент не заслуживает доверия. Показать оппонента в нелепом и смешном виде – лучший способ убеждения, по мнению оскорбителя.

О.С. Иссерс выводит и структурирует важные принципы оскорбления:

1. Коммуникативная задача – оскорбление и унижение партнера. Это происходит благодаря трансформации модели мира реципиента.

2. Оскорбляемый в ходе совершения коммуникативного акта должен быть дискредитирован и задет.

3. Можно выделить некоторые коммуникативные ходы, реализующие тактику оскорбления:

– он дурак, мошенник (непосредственная негативная характеристика) или экспрессивная и оценочная лексика, выраженная эксплицитно или имплицитно;

– он похож на N. Для сопоставления используются метафоры и аллюзии;

– он не похож на N, хотя и претендует;

– «навешивание ярлыков» (из частной детали делается вывод обо всем): «У него лицо как блин, и это все, что можно о нем сказать» [8, с. 166].

В дополнение к наблюдениям О.С. Иссерс стоит отметить важные для юридической лингвистики детали. Карикатура подразумевает наличие трех участников коммуникации. Отправитель (автор) и два адресата: мишень (оскорбляемый) и наблюдатель (тот, кто увидел карикатуру). Присутствие наблюдателя только усиливает интенсивность оскорбления. Таким образом успешная карикатура

совершает две функции. Первая – «дискредитировать оппонента в глазах наблюдателя, вызвать у последнего смеховую реакцию», вторая – «унизить, задеть чувства оппонента» [8, с. 165].

Термин «оскорбление» в российском законодательстве определяется следующим образом: оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица в неприличной форме. Понятия, через которые раскрывается этот термин: «честь», «достоинство», «неприличная форма», – являются оценочными и требуют дополнительного пояснения.

Право на честь и достоинство – одно из важнейших прав человека, поэтому закон должен стоять на защите этого права. Оскорбление реализуется форме, которая противоречит установленным в социуме правилам поведения и требованиям общечеловеческой морали. Норма носит обязательный характер и выражает запрет, за нарушение которого следует определенное наказание. В обществе оскорбление считается неправомерным, недопустимым деянием, потому что оно противопоставлено желаемому поведению (проявлению дружелюбия и тактичности). Оскорбление, как правило, дискредитирует, выражает негативную оценку и реализуется в неприличной (неприемлемой) форме. Все это противоречит социальной норме.

И.В. Биндюков отмечает, что объектом правонарушения при оскорблении являются «нематериальные блага» – честь и достоинство человека. Унижение чести, по его мнению, – это «изменение общественного мнения о себе в результате дискредитации в глазах общества». Вред, причиненный потерпевшему, незаметен визуально и может выражаться «только посредством внутренних ощущений потерпевшего» [3].

В отечественной юридической науке уголовными правонарушениями, связанными с оскорблениями являются следующие статьи УК РФ: оскорбление чувств верующих (148 УК РФ), представителей власти (319 УК РФ), судей (297 УК РФ), военнослужащих при исполнении служебных обязанностей (336 УК РФ). Категория остальных оскорблений – административные правонарушения (ст. 5.61 КоАП РФ).

С опорой на основные пункты, предложенные О.Н. Матвеевой, по которым необходимо анализировать конфликтогенный текст, можно составить примерный план анализа карикатур с точки зрения оскорбительности:

1. Идентификация участников конфликта (отправитель, мишень, наблюдатели).

2. Тип информации (событийная или оценочная). «Событийная информация может быть подвержена верификации (проверке). В соответствии с законом о чести и достоинстве порочащей может признаваться только та информация, которая не соответствует действительности» [9].

Оценочная информация допустима и правомерна, если выражена нормативными средствами. Если средства оценки противоречат норме, то «скорее всего имеет место злоупотребление свободой слова, т.е. языко-правовой конфликт» [9]. Было отмечено ранее, что карикатура часто нарушает норму реалистического искусства (преувеличивает и гипертрофирует какую-либо деталь или признак). Следовательно, по аналогии с языковыми средствами карикатура порождает правовой конфликт. В языковом оскорблении часто используются инвективные лексемы. Но не является ли преувеличенное в несколько раз изображение некой особенности человека аналогом инвективы? Не испытывает ли объект насмешки те же самые чувства (а именно унижение чести и достоинства)? И не усиливает ли эффект от оскорбления из-за наличия наблюдателей?

3. Важный пункт анализа карикатур – прагматика текста. Эксперту следует определить цель, мотив, намерение карикатуриста. «С какой целью создан текст, каково намерение автора конфликтного текста – вот вопросы, ответив на которые, эксперт может правильно интерпретировать конфликтный текст» [9].

Таким образом, карикатуру необходимо рассматривать и анализировать как креолизованный текст, обязательно учитывать единство вербальных и невербальных компонентов. Карикатура в отдельных случаях может стать оскорблением. Оскорблением она является, если присутствуют обязательные для этого правонарушения компоненты: негативная оценка и табуированная информация. В итоге исследования удалось сформулировать некоторые аспекты анализа карикатур для лингвистов-экспертов, включающий идентификацию участников конфликта, характер представленной информации и прагматическую направленность текста.

Понимание карикатуры можно расширить. Бывают случаи, когда карикатура может быть оскорблением, даже если она имеет не креолизованную форму, а собственно вербальную. Подобные примеры были приведены на материале художественных произведений. Такие же примеры, на наш взгляд, можно встретить в судебной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие / Е.Е. Анисимова. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. *Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания № 1, 1992. С.71–78.
3. *Биндюков И.В.* Квалификация составов языковых правонарушений // Юрислингвистика. 2004. №5 <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-sostavov-ya-zukovyh-pravonarusheniy-1>
4. Большая энциклопедия карикатуры / О проекте. <http://cartoonia.ru/ru/about-the-project/>
5. *Голев Н.Д.* Постановка проблем на стыке языка и права. Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 4–11.
6. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15-ти томах. Том 3. Л.: Наука, 1988.
7. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15-ти томах. Том 7. Л.: Наука, 1990.
8. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
9. *Матвеева О.Н.* К вопросу о юридикации конфликтного текста // Юрислингвистика. 2004. № 5. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yuridizatsii-konfliktnogo-teksta-1>
10. *Пави П.* Словарь театра. Под редакцией К. Разлогова. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
11. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. 240 с.
12. *Третьякова В.С.* Речевой конфликт и гармонизация общения. Екатеринбург, 2002. 287 с.
13. *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (К теории пародии). Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. Цит. по: http://az.lib.ru/t/tyljanow_j_n/text_01015.shtml
14. *Устинов А.* Оскорбление как художественный жест. Журнальный клуб Интелрос. Отечественные записки №6, 2014. <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/06-2014/25551-oskorblenie-kak-hudozhestvennyy-zhest.html>
15. Энциклопедия «Всемирная история» / Карикатура, 2021. <https://w.histrf.ru/>
16. *Samson, Andrea C., Huber, Oswald,* 2004. In: Gender and formal features of cartoons. Paper presented at the 16th Conference of the International Society for Humor Studies, June 14–18, 2004, Dijon, France.

A CARICATURE AS A CREOLIZED TEXT IN THE FORENSIC LINGUISTICS

Anastasia A. Kravchenko

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

The article deals with the phenomenon of caricature in forensic linguistics. The author draws attention to the fact that the caricature has a long history of existence. However, this phenomenon is still not well studied. To consider and identify the most important principles of caricature, the author turns to definitions of this concept in encyclopedias and literary works. Based on these interpretations, the characteristic features of the caricature are highlighted (non-compliance with the norm) and frequency techniques necessary for its creation: hyperbole, litota, grotesque, animalization and reification. To monitor implementation characteristic techniques of caricature, the author refers to parody images in Russian classics. Further, attention is drawn to the study of cartoons in linguistics: there are no systematized works. However, it is currently undergoing development analysis of creolized texts (the caricature, according to the author, is a kind of such text, since it combines units of different semiotic systems). The author notes the closeness of the concepts of “caricature” and “insult” and it is concluded that within the framework of forensic linguistics it is possible to analyze caricature in terms of offensiveness. As a result of the work, an approximate plan of analyzing caricatures as a linguistic insult for Linguistic experts.

Keywords: caricature, forensic linguistics, creolized text, insult, human’s honor, defamation.

Контактная информация:

Кравченко Анастасия Алексеевна – бакалавр филологии, магистрант филологического факультета ЮФУ;

nasty_1997_07@mail.ru

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ АВТОРОВ ПУБЛИЧНЫХ ТЕКСТОВ СРЕДСТВАМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматриваются коммуникативные интенции авторов текстов в публичном пространстве с позиции эксперта-лингвиста. Автор теоретически реконструирует информацию по коммуникативной направленности текстов, ссылаясь на работы авторитетных авторов в области лингвистической экспертизы, на свежих примерах их интернет-публикаций основывает свой анализ коммуникативных намерений. В статье затрагиваются вопросы выявления в текстах фактов и фактоидов, обозначаются типичные трудности анализа интернет-текстов, приводятся примеры анализа стенограммы видеофайлов, очерчивается круг задач эксперта-лингвиста.

В ходе своих рассуждений автор приходит к выводу, что речевое воздействие в текстах высказываний интернет-пользователей чаще всего совершается с прямым умыслом, т.е. авторы намеренно осуществляют речевые действия, направленные на распространение информации, чтобы обнародованная информация оказала воздействие на сознание слушателя и сформировала у слушателей определенное мнение или посеяла сомнения в сознании.

Ключевые слова: коммуникативное намерение (коммуникативная интенция, или задача), факт, фактоид, пресуппозиция, пресуппозитивное утверждение, оценочное мнение, публичный текст.

Коммуникативное намерение (коммуникативная интенция, или задача) – желание проинформировать кого-либо о чем-либо (сообщить факт), убедить, побудить к действию и т.д. Результатом этого намерения становится создаваемый нами текст.

Основные разновидности коммуникативных намерений:

- информативное, обусловленное желанием сообщить какую-либо информацию другому лицу;
- побудительное, ставящее своей целью побудить слушателя (или слушателей) к каким-либо действиям или высказываниям;
- убеждающее, призванное убедить собеседника (или собеседников) в чем-либо;
- вопросительное, направленное на получение какой-либо информации;

- эмотивное, ставящее целью передачу чувств говорящего;
- эстетическое, проявляющееся прежде всего в максимальной организованности и выразительно-смысловой значимости каждого элемента высказывания.

Коммуникативные намерения авторов текстов в публичном пространстве сети Интернет представляют интерес для судебных экспертов-лингвистов прежде всего потому, что разноплановость объектов экспертизы, частые вопросы заказчиков о направленности намерений говорящего или пишущего позволяют объективно проанализировать имеющийся материал.

По мнению исследователя Е.Г. Луговской, в виртуальной коммуникации могут реализовать себя парадоксальные интенции, а сама коммуникация – это не только процесс, но и объект [1]. Задача эксперта-лингвиста – разгадать коммуникативные намерения автора текста и средствами лингвистической экспертизы описать и исследовать найденные коммуникативные интенции [2].

Как доказательство к нашим теоретическим положениям в качестве материала для анализа мы выбрали запись (публикация), опубликованную администратором группы «Светлана С*****ко» 06.02.2020 г. в 15 час. 32 мин. из объектов наших экспертиз, следующего содержания:

«Светлана С*****ко»:

«Странные люди эти россияне. Аушвиц – помнят. Бухенвальд – помнят. А свою Колыму, где в течении трех месяцев из полуторотысячи привезенных заключенных в живых меньше трети, 11 тысяч расстреляли 130 тысяч умерли от голода, в болезни и каторжного труда не помнят»

Высказывание представляет собой риторическую конструкцию антитетического типа. Это композитное высказывание, под которым понимается метасинтаксическая структура, образуемая совокупностью суждений, характеризующих главный риторический объект (*россияне – странные люди*).

В высказывании говорящий реализует коммуникативное намерение, которое сводится к рассуждению, в основе которого лежит логико-понятийное обобщение фактов, установление имплицативных отношений между событиями и их оценкой.

Высказывание имеет вводную часть, оформленную именительным темы – на первом месте в высказывании стоит

существительное в именительном падеже, называющее тему последующей фразы – *россияне*. Здесь же обозначается оценочность и экспрессивная направленность последующего высказывания с помощью определения *странные (люди)*. Кроме того, инверсия в первом предложении акцентирует внимание читателя на словосочетании *странные люди*, которое приобретает свойства перифраза к номинации *россияне*. Таким образом, словоупотребление *россияне*, обозначающее группу лиц, объединенную по признаку принадлежности к России, рассматривается как потенциально ироническое.

Логико-понятийное обобщение фактов, изложенных далее в высказывании, представлено антитезой, подчеркнутой лексическим повтором *помнят/помнят – не помнят*, а также парантезой *где в течении трех месяцев из полуторотысячи привезенных заключенных в живых меньше трети, 11 тысяч расстреляли 130 тысяч умерли от голода, в болезни и каторжного труда*, выделенное высказывание, вставленное в основной текст и имеющее значение добавочного сообщения, с элементами авторской оценки (осуждающе-отрицательной).

Формально высказывание сформировано как убеждающее, с использованием фактов, которые могут быть проверены.

Содержательно высказывание составлено с использованием недопустимой риторической уловки – используется подтасовка фактов, заведомо ложные доводы – автор высказывания сопоставляет несопоставимые факты – Аушвиц и Бухенвальд – это прецедентные имена семантического поля понятия фашизм, а Колыма – прецедентное имя иного семантического поля.

Композитное высказывание, таким образом, призвано сформировать ложное убеждение в том, что россияне – странные люди, причем их странность в использовании двойных стандартов для оценки преступлений – свои преступления они таковыми не считают. Налицо отрицательная оценка понятия *россияне*.

«Светлана С*****ко»

Изображение: один мужчина в военной форме с эмблемой государственного флага РФ угрожает пистолетом другому мужчине, прикрывающимся государственным флагом Украины.

Подпись «Одним словом – БРАТЬЯ...».

Подпись к картинке с указанным содержанием представляет собой троп – сарказм, выражающий насмешку, которая формально представлена позитивным суждением, но содержит негативную окраску и указывает на недостаток.

Посыл автора в том, чтобы выразить высшую степень иронии по отношению к пресуппозиции русский и украинец – братья-славяне и представить данное пресуппозитивное утверждение как обратное.

Высказывание представляет собой негативно оценочное мнение о представителях России и Украины.

Светлана С*****ко»:

«И еще почему, представители любой национальности приезжая в Россию, без возмущения учат русский язык, а вот россияне приезжая в другие страны норовят убивать тех кто настаивает на том что они обязаны учить язык страны пребывания, получается что вам легче убивать, чем учить-языки Это как то странно при том что вы претендуете на лидерство в мире, это больше похоже на поведение неандертальцев»

Данное высказывание представлено рассуждением, оформленным как общее место. Используется недопустимая уловка софизм – намеренная ошибка в доказательстве, основанная на изначально неверной посылке – *россияне приезжая в другие страны норовят убивать...* которая приводит к ложному заключению – *получается что вам легче убивать, чем учить-языки*. Рассуждение содержит элементы противопоставления – представители любой национальности противопоставлены россиянам по признаку *готовности учить иностранный язык*.

Во второй части высказывания, представленной подытоживающим предположением *Это как то странно при том что вы претендуете на лидерство в мире, это больше похоже на поведение неандертальцев* используется прием скрытого сравнения на основе антитезы – лидерство в мире (основная сема – ‘впереди’) / неандерталец (основная сема – ‘отсталый, позади’). В целом основной объект рассуждения – *россияне* – представлен с явной отрицательной оценкой, которая выражена с помощью слова *убивать* и скрытого сравнения – *неандерталец*.

Основная идея высказывания – россияне убивают представителей других национальностей (носителей других языков), чтобы не изучать эти другие языки.

Высказывание построено как пропагандистское, так как с его помощью в сознание читающего внедряется убеждение, что наличие определенных свойств, качеств объекта *россияне* объясняется теми причинами, о которых сообщает говорящий. Пропаганда продуцирует

в сознании слушателей устойчивую обуславливающую связь между объектом и его отрицательными качественными характеристиками.

В нашей экспертной практике помимо текстового материала для анализа предлагались заказчиками экспертиз и видео-, аудиоматериалы.

Если для анализа представлена видеозапись, а стенограммы текста видеозаписи на исследование заказчик не предоставил, то лингвистическое исследование провести не представляется возможным.

Звучащая речь является объектом фоноскопической (или видеофонографической) экспертизы, в ходе которой оценивается пригодность записи для исследования по голосу и речи, происходит установление дословного содержания разговора (стенограмма), идентификация говорящего по голосу и речи и определение количества лиц, участвовавших в разговоре.

Перечисленные признаки звучащей речи (дословное содержание текста, количество говорящих, адресность реплик, характеристика ситуации общения) являются неотъемлемыми характеристиками текста как продукта речевой деятельности, который, в свою очередь, выступает объектом лингвистической экспертизы.

Указанные видеофайлы содержат видеоряд со звуковым сопровождением. Звуковое сопровождение представлено музыкальным рядом, составленным из песен советского времени, а также монологической речью главного героя видеозаписи.

Автор высказывания-говорящий (пол – мужской).

Монологическая речь говорящего представляет собой пример оценочного суждения (мнения, убеждения), которые не могут быть проверены на соответствие действительности, так как в данном случае автор убеждает слушателей не в истинности фактов или реальности событий, а в справедливости и обоснованности обобщающих выводов из рассуждений, основанных на собственном мнении — исходной мысли всего высказывания – а именно убежденности в том, что он и его аудитория слушателей – граждане Советского Союза и их гражданская принадлежность неизменна, а также о том, что георгиевские ленты на самом деле своим цветовым оформлением репрезентируют указание на власовский знак.

Оценочное эмоциональное мнение выражает личное отношение говорящего к объекту, сформированное как обобщение проявляемых качеств предмета речи (*Советский Союз, георгиевская лента*).

Говорящий оперирует фактоидами, которые лишены конкретности и содержат в себе эмпирическое обобщение. Фактоид – мнение, которое воспринимается как факт, но не может оцениваться в категориях «истинно-ложно», а только как верное, вероятное или ошибочное, невероятное суждение. Слушатель вынужден принимать обобщенные качественные признаки, содержащиеся в фактоиде, доверяя компетенции говорящего. Ложность или истинность фактоидов не может быть проверена по объективным языковым причинам — они характеризуются эмпирической (дейктической) неопределенностью.

Вслед за Л.А. Шестак и К.И. Бриневым под фактами понимается ‘истинное со-бытие, действительное происшествие или явление, существовавшее или существующее на самом деле’. Различают факт и суждения о факте (комментарии) [3].

На основании анализа предоставленных материалов установлено:

Данные тексты представляют собой образцы экспрессивно-прагматического, аксиологического типа информации, в котором ничего не сообщается о признаках самих предметов оценки. Монологическая речь представлена как публичное выражение мнения, которое само по себе **не** является пропагандой, оформленное обращениями к слушателям с целью заставить их сделать то, что советует говорящий, – в данном случае задуматься о том, о чем говорит автор высказывания. Для этого им используются указание (просьба – совет) как форма речевого выражения волеизъявления.

Кроме того, речь говорящего характеризуется речевой стереотипией – есть элементы персеверации, резонерства, разорванности мышления и ярко выражены признаки паралогического мышления – это формы речевых стереотипий при психопатологических нарушениях.

По мнению Л.А. Шестак, основной тип семантических задач экспертизы текстов касается семного состава лексем и семантических ролей членов предложения: наличия обязательных, факультативных и потенциальных сем значения, лексической и семантической синтагматики, в частности имплицатуры сочетаемости [4].

Для определения коммуникативных интенций автора проанализируем фрагменты текста с отрицательно-оценочными высказываниями:

«Леонид Клем****ич»

военная агрессия новой формы Российской Империи против молдавского народа

Автором используется описательная конструкция для обозначения какого-то факта, имевшего место *ровно 26 лет назад* от даты публикации 02.03.2018 г.

Данный факт, если он действительно имел место, охарактеризован как военная агрессия – подтверждение или опровержение данного факта возможно после установления самого факта историком (политологом).

Отрицательная оценка факта представлена использованием номинации – «военная агрессия». Следовательно, и перифраз «новая форма Российской империи» приобретает в этом контексте ироническое звучание. Денотативное содержание указанных номинаций средствами лингвистического исследования определить невозможно – необходимо историко-политическое исследование.

Светлана С*****ко

“невинные” защитники анклава... преследовали и убивали учителей

на параде, в Тирасполе, по случаю образования бандитского анклава,

молодчики из так называемых органов анклава, приехали громить нашу школу, также выводя сопротивляющихся учителей в наручниках с заведенными назад руками, как последних эзков на глазах у родителей и учеников, а потом демонстративно прослушивали телефоны этих учителей,

ваше ОПГ под названием “правительство”

Контекст употребления слова *анклав* (а именно – парад, в Тирасполе, по случаю образования) позволяет сделать вывод о том, что таким образом автор называет государственное образование Приднестровскую Молдавскую Республику. Соответственно, и остальные описательные номинации также относятся к понятию Приднестровская Молдавская Республика:

бандитский анклав

так называемые органы анклава

ваше ОПГ под названием «правительство»

анкла́в

м.; = энкла́в

Территория или часть территории одного государства, со всех сторон окруженная территорией другого государства и не имеющая выхода к морю (в международном праве).

Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.

Бандитский

бандитский

БАНДИ́Т, -а, м. Участник банды, вооруженный грабитель.

Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992.

Банди́тский I прил.

1. соотн. с сущ. бандит I, связанный с ним

2. Свойственный бандиту [бандит I], характерный для него.

II прил. разг.

1. соотн. с сущ. бандит II, связанный с ним

2. Свойственный бандиту [бандит II], характерный для него.

Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.

органы

о́рганы мн. разг.

1. Система государственной безопасности.

2. Учреждения представительной власти разных уровней.

Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.

ОПГ

оперативно-поисковая группа

организованная преступная группировка

отметка поверхности грунта

отсек полезного груза

Словарь сокращений русского языка. 2014.

Контекст использования лексемы ОПГ позволяет утверждать, что слово использовано с отрицательной коннотацией, а так как среди вышеуказанных значений отрицательная коннотация есть только у

значения «организованная преступная группировка», можно сделать вывод, что именно в этом значении лексема ОПГ и употреблена в высказывании.

ОПГ

организованная преступная группировка

Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб. Сост. А.А. Щелоков. М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО «Издательский дом Гелеос», 2003. 318 с.

Молодчики

МОЛОДЧИК, -а, муж. (разг. презр.). Человек, обычно молодой, опасный или подозрительный для окружающих. Около дома ходят какие-то молодчики. Фашистские молодчики.

Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992.

Молодчик

Моло́дчик м.

1. разг.-сниж. Плут, мошенник.
2. Употребляется как порицающее или бранное слово.

Толковый словарь Ефремовой. Т. Ф. Ефремова. 2000.

Так называемый

так называемый, Пренебр. Употребляется для выражения иронического или презрительного отношения к кому-либо или к чему-либо, имеющему какое-нибудь название

Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ. А. И. Федоров. 2008.

В отобранных высказываниях имеют место фактоиды/
«Светлана С*****ко»:

«я очень хорошо помню как били учителей молдавских школ в 2004, как пускали бульдозер на живых людей, стоявших в оцеплении вокруг Тираспольского молдавского лицея, как забили до смерти и выбросили в колодезь труп завуча кошницкой молдавской школы, и все это только за то что они хотели учить своих детей на родном языке, до сих пор живы и те молдаване, кто помнят как их вывозили в

скотовозагах в Сибирь отняв все имущество, молдаване тоже помнят ВСЕ!!!! Но разве вам это интересно??? Вам и вам подобным, понять бы, что вас убивали не молдаване, но для этого надо уметь и хотеть думать...».

Высказывание сформировано как фактологическое с указанием дат, места, действий, однако без указания агенса – используется неопределенно-личная конструкция (били, пускали, забили). Установление агенса (активного субъекта описанного действия) возможно при условии подтверждения приведенного в высказывании факта, в случае опровержения – факт становится фактоидом и может быть рассмотрен как элемент пропаганды (так как в качестве обоснования исходного положения используются фактоиды, но при этом не приводится описания желаемого положения дел, которое пресуппозитивно мыслится противопоставленным описанному в высказывании).

Формально высказывание сформировано как убеждающее, с использованием фактов, которые могут быть проверены.

Содержательно высказывание составлено с использованием недопустимой риторической уловки – софизма, намеренной ошибки в доказательстве, когда в качестве доказательства тезиса об истинности факта избиения и убийства используется общее рассуждение об исторических событиях, не имеющих прямой, синтаксически подтвержденной связи с современностью, представленные как фактоид, так как информация об исторических событиях неполна.

Автор апеллирует к эмоциональной сфере аудитории, что подтверждается использованием риторического восклицания, *молдаване тоже помнят ВСЕ!!!!*

Далее используется риторический вопрос – экспрессивное утверждение, синтаксически связанное как с предыдущим восклицанием, так и с более ранним описанием, что позволяет автору высказывания косвенно обвинить того, к кому оно обращено, в безразличии к чужому страданию и преступлениям. Необходимо отметить, что агенс снова не поименован.

Заканчивается высказывание фигурой умолчания – экспрессивно-эмоциональным обрывом высказывания, предполагающем возможность для читающего догадываться, что именно осталось невысказанным, намек на известные автору и аудитории факты, точки зрения – в данном случае намек на то, что агенс –, поименованный *как вы и вам подобные*, не умеют и не хотят думать.

Агенс восходит к предыдущему комментатору, на реплику которого реагирует автор данным высказыванием.

Еще примеры фактоидов:

его [первый директор Рыбницкой молдавской школы] забили до смерти после неудачных попыток договориться.

Информация неполна, следовательно, не может быть ни подтверждена, ни опровергнута – нет имен, дат, указаний на исполнителя тех действий, которые автор высказывания представляет как обвинительные (используется неопределенно-личная конструкция – забили).

директора Тираспольской молдавской школы, после таких же неудачных попыток договора, выволакивали в наручниках из собственного дома с лимонкой за пазухой.

Информация неполна, следовательно, не может быть ни подтверждена, ни опровергнута – нет имен, дат, указаний на исполнителя тех действий, которые автор высказывания представляет как обвинительные (используется неопределенно-личная конструкция – выволакивали).

в 2004, на следующий день после выпускного вечера, молодчики из так называемых органов анклага, приехали громить нашу школу, также выводя сопротивляющихся учителей в наручниках с заведенными назад руками, как последних эзков на глазах у родителей и учеников, а потом демонстративно прослушивали телефоны этих учителей.

Информация неполна – дата указана описательно – следующий день после выпускного вечера, при этом не указано местоположение мероприятия (место условно названо как «наша школа»). В качестве указаний на исполнителя тех действий, которые автор высказывания представляет как обвинительные (*приехали громить, выводя; прослушивали*) указана перифрастическая номинация **молодчики из так называемых органов анклага**. Номинация *органы*, имеющая отношение к правоохранительным органам (согласно контексту), имеет отрицательно-оценочную характеристику за счет использования номинации *молодчики* (разговорно-сниженное, пренебрежительное, бранное) и выражения *так называемых* (ироническое, презрительное).

ваши ОПГ под названием “правительство” вынуждено было признать и оставить в покое, не без мелких пакостей, конечно, но по крупному гадить побаиваются

Информация неполна – нет конкретных указаний на лиц, даты, сами действия обозначены размыто (не указан пациент в конструкции с глаголами, требующими обязательного управления (признать *что?*, оставить в покое *кого?*)

Факты, которые могут быть проверены

бульдозерах которые погнали на кучку учителей и родителей собравшихся возле школы, что бы не допустить разрушения здания школы, пока шли слушания в международном суде по иску Молдовы

Информация неполна – нет указаний на даты (только описательно и размыто – пока шли слушания в международном суде по иску Молдовы), нет имен, указаний на исполнителя тех действий, которые автор высказывания представляет как обвинительные (используется неопределенно-личная конструкция – погнали). Однако информация представлена с комментарием, указывающим на высокую степень достоверности: *я лично была при всех этих событиях, поскольку моя дочь, как раз в это время училась в этой школе и говорю об этом как очевидец*. Следовательно, может быть проверена дополнительно и опровергнута или подтверждена.

Автор, поименованный Светлана С*****ко, имеет цель убедить аудиторию в необходимости неприязненного отношения ко всем представителям выделяемой группы, в качестве которой выступает обобщенная номинация – *анклав*, которая в исследуемом контексте означает Приднестровскую Молдавскую Республику и всех ее представителей.

Мы также проанализировали содержание двух идентичных листов формата А4 с печатным текстом на русском языке, изъятых 29.10.2020 г. с СП «Кедр» и с временного карантинного поста «Роги» г. Дубоссары с сохранением авторской орфографии и пунктуации:

Мы, ветераны войны обращаемся к так называемым руководителям всех уровней левобережных районов Республики Молдова, их руководителям, так называемых силовых структур.

На протяжении боли 6 месяцев передвижение граждан препятствуют установленные вами стационарные и передвижные посты.

В воскресенье 01 ноября 2020 криминальные структуры левобережья будут выплачивать, преступные деньги и организовывать

транспорты с целью участия людей в процессе голосования Президента республики Молдова.

На всем протяжении избирательной компании, ни один кандидат, не имеет возможность проводить агитацию и представлять свою предвыборную программу. Более того им даже не была дана возможность физического доступа к людям.

Принимая во внимание, выше изложенное предупреждаем и в то же время просим всех 01 ноября 2020 оставаться дома!!!

Мы не желаем, чтобы нам кто-то диктовал свои правила и за деньги, добытые преступным путем, решали будущее и будущее наших детей и внуков!!!

Мы не желаем, чтобы нам привезли новую дозу COVID-19, от которого задыхаются наши враги и медицинский персонал!!!

01 ноября 2020 мы перекроем все мосты и дороги!!!

Здесь не желают Вас видеть!!!

Мы против физического противоборства, предупреждаем и просим Вас: СИДИТЕ ДОМА!!!

Весь текст, представленный на исследование, содержит призывы к возбуждению национальной, а также социальной розни и нетерпимости, связанных с насилием или призывами к насилию.

В тексте есть призывы к унижению национального достоинства жителей левобережных районов Республики Молдова и ветеранов войны со стороны РМ, принимавших участие в событиях 1992 г.

Пропаганда исключительности выражена через антитезу *мы и жители левобережных районов Республики Молдова, анафорой мы-мы не желаем, высказываниями Мы не желаем, чтобы нам привезли новую дозу COVID-19, от которого задыхаются наши враги и медицинский персонал!!! Здесь не желают Вас видеть!!!*

Представленный на исследование текст содержит пропаганду идеологической, политической, национальной или социальной вражды и (или) нетерпимости.

В Интернет-пространстве последние 7 лет набирают популярность публикации о героизации нацистских преступников и откровенно негативные высказывания о Президенте РФ В.В. Путине.

Данные тексты направлены на искажение исторических событий и возбуждение национальной розни и вражды.

Например, в публикациях пользователя с учетной записью «Филимон К***й» в социальной сети «Одноклассники» найдены следующие высказывания:

Отличным человеком был этот Бандера, раз у него такие потомки!!!

Патриоты Украины – бандеровцы ! Национально мыслящие люди – бандеровцы ! Противники зеков и воров – бандеровцы ! Противники тирании – бандеровцы ! Противники красных убийц и их террора – бандеровцы ! Защитники Майдана – бандеровцы ! Волонтеры и люди жертвовавшие Майдану лекарства, одежду и еду – бандеровцы ! Любой принципиальный человек – бандеровец ! Тот же человек, любящий украинский язык – дважды бандеровец ! Уважающий флаг, гимн, культурное наследие – вообще бандеровец с пеленок !

Отличным человеком был этот Бандера, раз у него такие “потомки” . СЛАВА УКРАИНЕ ! СЛАВА ГЕРОЯМ ! СМЕРТЬ ВРАГАМ !

у путина в голове не созидание россии а царский трон любым способом. и он выбрал способ войны в снг и со всем миром и уже более семнадцати лет как у власти воюет в снг, уничтожая в первую очередь россиян, орущих уря путин наш герой. он вас дурит своей пропагандой и уничтожает любым способом, а вы его за что любите.

«За годы правления Путина ЕС расширился на 13 стран и сейчас в нем 28 европейских государств. За это время к союзу с путинской Россией никто не присоединился. Никто. Зато Путин либо воюет с соседями, либо враждует. Кругом ему мерещатся враги и предатели. Клиника и комплексы одного человека стали бедой и проблемой миллионов». Борис Немцов

Во всех представленных на экспертизу материалах есть унижение национального достоинства русских (великороссов), восхваление украинцев.

В публикациях пользователя с учетной записью «Филимон К****й» в социальной сети «Одноклассники» найдены призывы СЛАВА УКРАИНЕ ! СЛАВА ГЕРОЯМ ! СМЕРТЬ ВРАГАМ ! Врагами автор считает русских и всех тех, кто поддерживает Президента РФ В.В. Путина. Налицо мотив ненависти или вражды по отношению к группе пророссийски настроенных людей.

Пропаганда идеологической, политической, национальной, социальной вражды и (или) нетерпимости находит место в данных публикациях.

На пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к национальной, социальной или языковой принадлежности направлены все публикации автора.

Тексты, опубликованные пользователем с учетной записью «Филимон К****й» в социальной сети «Одноклассники», содержат призывы к идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной, социальной вражды и (или) нетерпимости, публично оправдывают терроризм, призывы к возбуждению национальной, социальной розни и нетерпимости, связанных с насилием или призывами к насилию, унижение национального достоинства русских (великороссов), восхваление украинцев, пропаганду идеологической, политической, национальной, социальной вражды и (или) нетерпимости пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к национальной, социальной или языковой принадлежности.

Пользователь с учетной записью «Филимон К****й» в социальной сети «Одноклассники» распространяет публикации, разжигающие межнациональную рознь и восхваляющие украинских националистов.

На основании анализа предоставленных материалов установлено:

В представленных материалах содержатся номинации, пренебрежительно и отрицательно-оценочно характеризующие Приднестровскую Молдавскую Республику и ее структуры (правоохранительные органы, правительство). Целевая направленность таких высказываний выражена в форме отрицательно оценочного мнения в форме убеждающего высказывания о необходимости неприязненного отношения ко всем имеющим отношение к используемому автором понятию *анклав*, которое в исследуемом контексте означает Приднестровскую Молдавскую Республику и всех ее представителей.

В проанализированных текстах есть элементы пропаганды необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку принадлежности к России – россияне.

Л.О. Бутакова считает, что существует ряд проблем, связанных с лингвистической экспертизой сложных речевых объектов – интернет-переписки и записей естественной речи, содержащих побудительные вербальные и невербальные компоненты. Автор связывает трудности, возникающие в экспертизах подобного рода, с несовпадением правового (юридического) и экспертного

(психологического, лингвистического) подходов, особенностями интернет-общения (ритуальностью, анонимностью, отложенностью во времени) и естественной коммуникации (фрагментарностью, отсутствием цельности, завершенности, погруженностью в ситуацию общения, значимостью пресуппозитивных факторов), возможностями применяемого методического арсенала, качеством поставленных перед экспертами вопросов, высоким уровнем гипотетичности экспертных выводов [5].

Мы считаем, что, отталкиваясь от разработок в области грамматики текста, прагматики дискурса и когнитивного моделирования коммуникации, необходимо исследовать специфику функционирования языка в публичном пространстве с учетом таких социальных факторов, как мнение, установки говорящего и слушающего, их социальный статус, этническая принадлежность [6].

Речевое воздействие, зафиксированное в текстах высказываний пользователей, совершается с прямым умыслом, т.е. авторы осуществляют речевые действия, направленные на распространение информации, для того, чтобы обнародованная информация оказала воздействие на сознание слушателя и сформировала у слушателей отрицательное мнение или посеяла сомнения в его сознании. Целевая направленность таких высказываний выражена в форме отрицательно оценочного мнения с убеждающими (пропагандистскими) элементами (так как в качестве обоснования исходного положения используются фактоиды, но при этом не приводится описания желаемого положения дел), в которых характеристики объектов речи могут быть верифицированы лишь частично).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Луговская, Е.Г.* Виртуальная коммуникация как способ реализации парадоксальных интенций // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29–30 марта 2018 г.: в 2 т./ под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. Москва: РУДН, 2018. Т. 2. 470 с. С.52–61.

[2] *Луговская, Е.Г.* Коммуникация как субъект // XVIII всероссийская научно-практическая конференция «Дни науки – 2018». 70 лет ФГУП «ПО «МАЯК»: Том 2. Материалы конференции. Озерск, 18–22 апреля 2018 г. Озерск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2018 г. 164 с. С.112–116.

[3] *Шестак, Л.А.* Юрислингвистика: типы лингвистических проблем при анализе спорного текста / Л.А.Шестак // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 10(143). – С. 180–184.

[4] *Шестак, Л.А.* Лингвистическая экспертиза современных рекламных текстов: задачи и решения / Л.А.Шестак // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 4(38). – С. 109–118.

[5] *Бутакова, Л.О.* Сложные вопросы семантического и дискурс-анализа психолого-лингвистической экспертизы интернет-коммуникации, содержащей признаки побуждения к совершению определенных действий / Л.О. Бутакова // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 01–02 октября 2019 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 13–23.

[6] *Кривошапова, Н.В.* Особенности дискурс-анализа высказываний оскорбительного характера в аспекте лингвистической экспертизы / Н.В. Кривошапова // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 01–02 октября 2019 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 73–82.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бутакова, Л.О.* Сложные вопросы семантического и дискурс-анализа психолого-лингвистической экспертизы интернет-коммуникации, содержащей признаки побуждения к совершению определенных действий / Л.О. Бутакова // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 01–02 октября 2019 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 13–23.

2. *Кривошапова, Н.В.* Особенности дискурс-анализа высказываний оскорбительного характера в аспекте лингвистической экспертизы / Н.В. Кривошапова // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 01–02 октября 2019 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 73–82.

3. *Луговская, Е.Г.* Виртуальная коммуникация как способ реализации парадоксальных интенций // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29–30 марта 2018 г.: в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. Москва: РУДН, 2018. Т. 2. 470 с. С.52–61.

4. *Луговская, Е.Г.* Коммуникация как субъект // XVIII всероссийская научно-практическая конференция «Дни науки – 2018». 70 лет ФГУП «ПО «МАЯК»: Том 2. Материалы конференции. Озерск, 18–22 апреля 2018 г. Озерск: ОТИ НИЯУ МИФИ, 2018 г. 164 с. С.112–116.

5. *Шестак, Л.А.* Лингвистическая экспертиза современных рекламных текстов: задачи и решения / Л.А. Шестак // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 4(38). – С. 109–118.

6. *Шестак, Л.А.* Юрислингвистика: типы лингвистических проблем при анализе спорного текста / Л.А. Шестак // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 10(143). – С. 180–184.

ANALYSIS OF THE COMMUNICATIVE INTENTIONS OF THE AUTHORS OF PUBLIC TEXTS BY MEANS OF LINGUISTIC EXPERTISE

N. V. Krivoshapova

Pridnestrovian State University «T. G. Shevchenko»,

Moldova, Pridnestrovian Moldavian Republic, 3300-MD, Tiraspol, 25 Oktyabrya str., 128.

The article examines the communicative intentions of the authors of texts in the public space from the perspective of an expert linguist. The author theoretically reconstructs information on the communicative orientation of texts, refers to the works of authoritative authors in the field of linguistic expertise, and bases his analysis of communicative intentions on fresh examples of their Internet publications. The article deals with the issues of identifying facts and factoids in texts, identifies typical difficulties in analyzing Internet texts, provides examples of analyzing transcripts of video files, and outlines the range of tasks of an expert linguist.

In the course of his reasoning, the author comes to the conclusion that the speech influence in the texts of statements of Internet users is most often committed with direct intent, i.e. the authors intentionally carry out speech actions aimed at spreading information, so that the published information affects the listener's consciousness and forms a certain opinion in the listeners or sows doubts in the consciousness.

Keywords: communicative intention (communicative intention, or task), fact, factoid, presupposition, presuppositional statement, evaluative opinion, public text.

Контактная информация:

Кривошапова Наталья Викторовна – канд. филол. наук, доц.;

krivoshapova@spsu.ru

Е.Г. Луговская,

С.С. Полежаева

*Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, Приднестровье, 3300, Тирасполь,*

ул. 25 Октября, 128

ОСОБЕННОСТИ НЕЙМИНГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПАТРОНИМОВ В УСЛОВИЯХ МОЛДАВСКО-РУССКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

В статье предпринята попытка выделения оснований эквивалентности личных мужских имен и соответствующих им отчеств, функционирующих в поликультурном социуме, для установления их эквивалентности, идентичности. Специфика анализируемого экспертного материала состоит в том, что искажения сравниваемых в ходе нейминговой экспертизы личных имен обусловлены прежде всего полиязычной языковой ситуацией на территории выдачи документов, что и определяет возникновение вариантных именных блоков. Предложена классификация типичных вариантов мужских имен, функционирующих на территории Приднестровья и документально закрепленных как вариантные в личных документах граждан. Такой подход обуславливает новизну и актуальность настоящего исследования, которое должно быть продолжено – в конце статьи авторы намечают перспективы дальнейшего научного поиска по этому направлению. Отмечено, что формальный анализ личного имени, патронима, трансформированного в результате молдавско-русской интерференции, требует от эксперта понимания живых фонетических процессов взаимодействующих языков и исторически обусловленных особенностей межъязыковой интерференции в регионе выдачи документа.

Ключевые слова: нейминговая экспертиза, патроним, личный именной блок, молдавско-русская интерференция, языковая ситуация, полиязычие.

Нейминговая экспертиза – достаточно молодой вид как судебной, так и досудебной лингвистической экспертизы, но несмотря на это, востребованность такого рода экспертной деятельности и ее результатов в сфере гражданских правоотношений достаточно высока. Необходимость и значимость экспертных исследований этого вида обусловлена не только спецификой решаемых ею задач, сколько особенностями самих объектов исследования: *под неймами понимаются обозначения, используемые в качестве средств индивидуализации, а также личные имена, псевдонимы и домены, географические названия, внутригородские названия – урбанонимы* [1]. Некоторая выделенность объекта этого вида речеведческой экспертизы связана прежде всего с тем, что эксперт (исследователь) имеет дело с минимальной значимой единицей языка/речи – словом (лексемой

или фраземой), функционирующим в широком историко-культурном контексте, который и определяет характер используемых специальных знаний для такой экспертизы. Точность экстралингвистических факторов, влияющих на функционирование нейма, зачастую оказывается определяющей для исследователя, обуславливает выбор методологии специального анализа. Кроме того, каждая группа объектов неймингового исследования требует использования специфических подходов, исключительного инструментария. Так, например, экспертиза личных имен как средств индивидуализации чаще всего связана не с семантическим, а с формальным анализом лексемы (фраземы), установлением эквивалентности, идентичности вариантов нейма. Такая направленность поставленных перед экспертом задач определяет необходимый круг специальных знаний эксперта (исследователя) пониманием не только процессов, происходящих внутри языковой системы, но и учета внешнего воздействия социума на язык. Особенно важным для установления эквивалентности личных имен такой учет оказывается в условиях поликультурности и многоязычия, когда на формальное представление личного имени влияют результаты языкового взаимодействия, имеющие место на территории функционирования и документального закрепления нейма.

Современное государственное образование Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), не узаконенное де-юре, но существующее де-факто уже более трех десятилетий, – страна многонациональная, в ней проживают люди более тридцати национальностей. С глубокой древности на территории Приднестровья проживали представители разнообразных этнических общностей, функционировали разные национальные языки, и сегодня это государство представляет собой территорию, граничащую с Молдовой и Украиной, где молдаване, русские и украинцы составляют, согласно данным переписи 2015 года [2], основную часть населения Приднестровья. Вместе с тем можно утверждать, что специфика регионального варианта русского языка в Приднестровье обусловлена сложным взаимодействием языков, носителями которых являются не только русские, молдаване, украинцы, но и болгары, гагаузы, поляки, немцы, армяне, евреи и другие нации.

Историческая связь Приднестровья с Россией начиная с XVIII века определила «русскость» как доминирующий фактор развития этой территории в прошлом и определяет его в современной

жизни республики: в делопроизводстве, в средствах массовой информации, в культурной жизни русский язык занимает приоритетные позиции, что, однако, не умаляет значимости других языков, функционирующих здесь. Согласно Конституции Приднестровской Молдавской Республики официальными языками и равноправными во всех сферах жизнедеятельности являются молдавский, русский и украинский, а русский язык законодательно закреплён как язык делопроизводства и документации.

Указанные экстралингвистические факторы крайне важны для понимания и верной интерпретации тех отклонений в записи личных имен, с которыми сталкивается эксперт (исследователь) при проведении речеведческой нейминговой экспертизы личных имен.

В нашей республике существует практика обращения к специалистам-лингвистам, филологам, чья квалификация подтверждена государственным образовательным учреждением, за помощью в установлении эквивалентности личных имен. В Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко на протяжении длительного времени поступают запросы со стороны отделов Записей актов гражданского состояния, Центров социального страхования и социальной защиты о проведении лингвистического исследования на предмет установления идентичности фамилий, имен и отчеств людей, в чьих документах есть расхождение в написании. Фиксация на письме именного блока лица достаточно часто требует лингвистического исследования на предмет идентичности его составляющих, которые зафиксированы в личных документах – паспорте, свидетельстве о рождении, пенсионном удостоверении и др. В рамках настоящей статьи предлагаем результаты исследования неймингового материала, отобранного в период с 2017 по 2021 г., особое внимание обращено на языковые причины искажений в формально-графическом представлении патронимов и способы их интерпретации при установлении эквивалентности (идентичности) нейма (или его части).

Как правило, лингвистическое исследование идентичности патронимов проводилось по запросам Центров социального страхования и социальной защиты городов и районов республики в связи с оформлением документов на получение гражданами пенсий. Большинство запросов были вызваны необходимостью идентификации именного блока лиц, у которых были расхождения в паспорте гражданина Приднестровской Молдавской Республики и свидетельстве

о рождении. Именно эти два личных документа, выданные с разницей в 16 лет, содержали расхождения в написании. Наши наблюдения позволили выдвинуть гипотезу, что такой орфографический дисбаланс в представлении именного блока лиц обусловлен в большей степени экстралингвистическими факторами, которые включают в себя не только время выдачи документов, исторический фон и языковой статус территории, на которой проживал гражданин, обусловившие специфику интерференции языков, но и уровень речевой культуры (грамотности) официального лица, выдавшего и зарегистрировавшего документ, своеобразную бытовую традицию в использовании имен как значимых причин, обусловивших расхождение в орфографическом представлении именного блока гражданина в личных документах.

При таком подходе выявленные нами несоответствия можно представить в виде двух больших групп: 1) языковые факты, связанные с явлением интерференции языков, и 2) языковые факты, не обусловленные явлением интерференции языков.

Языковая интерференция в сфере графической репрезентации патронимов, как правило, обусловлена языковым взаимодействием русского и молдавского языков, нежели фактами взаимодействия русского и украинского (или, например, болгарского) в силу генеалогической родственности вторых. Однако культурно-исторический контекст функционирования личных имен греческого и латинского происхождения в соответствующих традициях русского, украинского, молдавского и других языков, особенности их освоения этими языками выступают значимыми причинами возникновения разночтений в графическом оформлении имен, восходящих к греческому или латинскому образцу, в национальных языках. Созвучность формального представления и интуитивное понимание идентичности имен типа *Валерий – Валериу, Петр – Петру, Александр – Александру* стало одной из причин возникновения вариантов документальной записи патронимов в документах граждан, выданных им на территории бывшей Молдавской ССР. В этом случае исследователю необходимо обращаться к положениям сравнительной грамматики русского и молдавского языков.

Особенности функционирования мужских личных имен латинского и древнегреческого происхождения в русском и молдавском языках

Основными источниками исследования эквивалентности имен

являются словари. Так, при общем происхождении из латинского или греческого языков соотносимые в молдавском и русском языках имена демонстрируют регулярность в формальном представлении, что может быть интерпретировано следующим образом.

Соотношение концевых -ий / -иу // ноль звука / у в формальном представлении соотносимых личных мужских имен русского и молдавского языков

Согласно словарю А.В. Суперанской [3], русское имя *Валерий* образовано от римского родового имени *Valerius*. Имя *Валерий* отражено именной составляющей русского языка. В молдавском языке зафиксировано имя *Валериу*. Так как молдавский язык принадлежит романской группе языков, куда входят латинский, итальянский, французский и другие языки, то можно предположить, что форма имени *Валериу* в молдавском языке является непосредственной формой латинского имени *Valerius* (с утраченным -s на конце слова). Аналогично объяснение вариантов имени *Петр* – *Петру*, ср.: *Петр** рус. [из греч. Petros камень; ... лат. *Petrus*].

В отношении вариантов *Александр* – *Александру* можно обнаружить дальнейшее «родство» формы *Александру* с формами в итальянском и испанском языках, ср.: Александр* рус. [из греч. Alexandros: alexo защищать + aner, andros муж(чина)]; разг. Алексан; англ., нем. Alexander Александер, фр. Alexander Александр, ит. *Alessandro* Алессандро, исп. *Alejandro* Алехандро, болг. *Александър*. Форма имени *Александру* в молдавском языке является одним из вариантов форм этого имени, представленных в итальянском и испанском языках, где конечным звуком выступают лабиальные гласные О и У.

Соотношение концевых -ий / -е в формальном представлении соотносимых личных мужских имен русского и молдавского языков

Согласно данным Этимологического онлайн-словаря русского языка Макса Фасмера [4] русское имя *Василий* древнегреческого происхождения. Имя распространено в языках славянской и романо-германской групп языков (встречается в финно-угорской) (напр.: английский Basil (Бэзил), немецкий Basilius (Базилиус), Basil (Базиль), Французский Basile (Базиль), итальянский Basilio (Басилио), Basil (Базиль), украинский Василь, церк. Васи́лій, Белорусский Васі́ль, Базыль, церк. правосл. Васи́лій, польский Bazyli (Базыли, Базилий), Bazył (Базыль, Базиль), болгарский Васил, Василий, Васили и т.д.). В молдавском языке как одном из языков приднестровского региона встречается в форме Vasile (Василе), церк. Vasilie (Василие).

Имя *Анатолий* распространено в языках славянской и романо-германской групп языков (напр. Немецкий Anatol (Анато́ль), Французский Anatole (Анато́ль), Итальянский Anatolio (Анатолио), сицилийск. Anolìu (Анатолиу), Украинский Анатолій, Белорусский Анатоль, Польский Anatol (Анато́ль), Anoliusz, Чешский Anatol (Анато́ль), Болгарский Анатоли, Анатолий, Сербский Анатолије (Анатолие)). В молдавском языке как одном из языков приднестровского региона встречается в форме Анатолие (Anatolie)

Таким образом указанные имена являются молдавскими эквивалентами русских имен и полностью им соответствуют. При этом по правилам молдавской орфографии и по правилам изменения иноязычных слов в русском языке такие имена не склоняются, что необходимо учитывать при анализе документов, в которых требуется постановка имени в косвенных формах.

Расхождения в корневой морфеме формального представления личных мужских имен русского и молдавского языков

Регулярным расхождением в графической фиксации корневых алломорфов, соотносимых для русского и молдавского языков, выступает вариативность написания мужских имен и соответствующих патронимов, в которых в русской литературной норме есть удвоенная согласная, с одной такой согласной: например, Исидор – Иссидор, Филипп – Филип, Кирилл – Кирил, Фаддей – Фадей. Данное расхождение обусловлено тем, что удвоенные согласные в молдавском языке встречаются только в том случае, если согласные функционируют на стыке морфем, в отличие от русского языка, в котором природа долгих согласных звуков различна. В тех случаях, когда удвоения не отражаются в произношении, они представляют для молдаван значимые затруднения орфографического порядка – это касается в том числе и личных имен.

Другим часто встречающимся фактом, влияющим на возникновение вариантов графического представления имени, выступает разница фонетических процессов, характеризующих русский и молдавский языки. Так, в составе мужских имен и соответствующих им патронимов нами были обнаружены следующие варианты написания: Порфирий – Профир (ий), Пантелей – Пантилей, Севастьян – Севостьян, Мефодий – Мифодий, Афиноген – Афеноген, Сафрон – Софрон, Семион - Симеон – Семеон, Пантелимон – Пантелеймон и др.

Подчеркнем, что вариантность в написании обнаружена в фиксации имени одного и того же лица. Рассмотрим наиболее интересные и показательные варианты.

Порфирий, Порфир, Профир – измененный порядок букв при написании обусловлен закреплением на письме фонетического процесса, изменяющего произношение сочетания [порф] на [проф]. Этот фонетический процесс – метатеза (перестановка звуков в слове для облегчения артикуляции) – часто происходит в заимствованных словах; имя Порфирий – заимствовано из греческого языка, что и обусловило изменение в артикуляции заимствованного имени Порфирий (Порфир) на Профир и было закреплено на письме.

Согласно данным этимологического словаря имя Семен в древнерусском языке соответствовало имени Сьмеон (с безударным гласным звуком [ь], восходящим к [э] и произносимым как очень краткий [и] – [с'ьм'иэ́н] <семеон>), а в старославянском соответствовало имени Симеон, заимствованном из древнегреческого языка с соответствующим произношением [с'им'э́н]. Это позволяет утверждать, что имя Семен восходит к именам Симеон, Сьмеон, что обуславливает варианты произношения и написания. Имена Семион и Семеон представляют собой нелитературные орфографические варианты имени Семен (Симеон), обусловленные нарушением правил русской орфографии и использованием фонетического способа записи имени (на слух), который затрудняет верное распознавание безударного гласного звука [и]. Присутствие в имени Семен буквы *Е* для обозначения безударных звуков [иэ] [ь] и понимание родственности имен Семен и Симеон побудило пишущего применить к этим родственным именам правило единообразного написания корня в однокоренных словах русского языка, что и повлекло за собой ошибки, допущенные при заполнении документов.

Для имени, произносимого как [с'иэм'э́н] (<симен>), первый согласный звук [с'] мягкий, второй гласный безударный звук, обозначаемый буквой *и*, произносится как [и] или [и] с призвуком [э], т.е. [иэ], что в позиции после мягкого согласного сближает его произношение со звуком [э], третий согласный звук [м'] мягкий, четвертый гласный звук может быть представлен ударным [о́], что в позиции после мягкого согласного [м'] обуславливает написание буквы *е* по правилам русской орфографии. Таким образом, для имени, произносимого по правилам русской орфоэпии как [с'ьм'иэ́н] возможны

произносительные варианты [с'им'э́он] (<симэон>), [с'иэм'и́он] (<семион>), [с'им'и́он] (<симион>), [с'иэм'э́он] (<симеон>/<семеон>), что приводит к возможному нарушению правил русской орфографии в фонетическом написании *Семион*, *Симион*, *Семеон*.

В силу того, что молдавский язык использует кириллическую графику, может создаться ложное впечатление, что и произносимые звуки русского и молдавского языков сходны, что и приводит зачастую к таким ошибкам в фиксации соотносимых имен и их патронимов, как Семен – Семеон, Демьян – Демиан, Валерьяновна – Валериановна.

Влиянием на молдавский язык родственных языков романской группы можно объяснить расхождение в вариантах написания имени одного и того же лица – Онуфрий – Онофрий, Емануил – Еманоил – Имануил. В последней из приведенных триаде показателей, кроме того, и начальный звук/буква имени: в молдавском языке в указанной начальной позиции звучит [jЭ], а обозначающая этот звук молдавская буква E соотносима с русской Э (Эммануил), так как в молдавском алфавите гласная Э отсутствует. Интересно, что и в варианте с начальной И присутствует йотированность начального гласного в молдавском языке: [jимануил] в соответствии с особенностями произношения открытого И.

Словарь А.В. Суперанской фиксирует форму имени *Онуфрий* рус. [из греч. Ονούφριος, устремляющийся вверх], а также ит. Онофριο; Эммануил, англ. Em(m)anuel Эм(м)áньюзл, фр. Emmanuel Эммануэль и Иммануил рус. библ. [из др.-евр. 'immanu'el с нами бог; греч. Εμμανουήλ]; англ. Em(m)anuel Эм(м)áньюзл.

Аналогично с именами Иероним – Иеруним, ср.: Иероним – рус., из греч. [5]. Именно от этой формы имени образованы патронимы Иеронимович – Иеронимовна. Формы отчества Иерунимвич – Иеруномовна, как и само имя Иеруним, не зафиксированы словарями. Расхождение в написании можно объяснить орфоэпическим фактом сближения гласного О и гласного У в корневой морфеме как лабиальных гласных одного ряда образования (непереднего ряда образования) в результате редукции. В обоих языках гласный О – дифтонгоид, он произносится с начальным призвуком [y]. В молдавском языке при произношении гласного [o] губы не только округляются, но и вытягиваются вперед, как правило, это наблюдается в начале слов, которые начинаются с О [yO]. Возможно, этот фонетический признак повлиял на существование патронимов Иерунимович – Иерунимовна.

Особенности образования и формального представления отчеств в русском и молдавском языках

Большое количество разночтений в фиксации именного блока представлено вариантами отчеств, обусловленных нерегулярным использованием правил русского языка при образовании отчеств как от традиционно русских, так и от заимствованных патронимов.

Соотношение суффиксов -ов- / -ев- со значением притяжательности (Аурелевна – Ауреловна).

К редким случаям относится представление отчества одного и того же лица, в формах которого отражены разные суффиксы со значением притяжательности *-ов- / -ев-* – *Аурелевна – Ауреловна*. В словаре А.В. Суперанской зафиксированы мужские имена Аурелиус, Аурелиан, Аурелио, функционирующие в итальянском и немецком языках. В молдавском языке есть имя *Аурел*, от которого образованы женские и мужские отчества. Можно предположить, что форма имени *Аурел* в молдавском языке является непосредственной формой приведенных в словаре А.В. Суперанской имен (с различными модификациями вконцеслов). Обратим внимание, что западноевропейских языках согласный [л'] – мягкий, а в молдавском языке – твердый. По всей видимости, этим можно объяснить возможность присоединения к основе имени *Аурел* суффиксов *-ов-* (*-ев-*), относящихся к русской системе словообразования (после твердых корневых согласных *-ов-*, после мягких – *-ев-*): *Ауреловна / Аурелевна*.

Отчество *Францевич (Францович)* образовано от имени Франц – (нем. Franz) – немецкого мужского имени. По правилам образования отчеств от иноязычных имен в русском языке к именам, оканчивающимся на ж, ш, ч, щ, ц, добавляется *-евич / -евна*: Франц + *евич/евна*. Написание *Францович* может быть обусловлено неверным истолкованием правил образования отчеств от иноязычных имен в русском языке, которое гласит, что если имя оканчивается на твердый согласный, то к имени добавляется *-ович / -овна*: например, Гамзат + *ович/овна*. Здесь следует принять во внимание то, что это правило не включает случаи образования отчеств от иноязычных имен, оканчивающихся на ж, ш, ц, которые также являются твердыми в русском языке.

Образование отчества *Францович* при нормативном *Францевич* может выступать и как ошибка графического закрепления вследствие влияния фонетического принципа орфографии (ведущего

для молдавского языка). Безударный гласный после твердого Ц находится в позиции наименьшего различия и представляет собой редуцированный звук [ъ], который может быть вариантом как фонемы <э> (графема е), так и фонемы <о> (графема О).

Данные примеры демонстрируют «пересекаемость» русских и молдавских языковых признаков для образования форм отчества одного и того же лица. При этом необходимо учитывать, что в молдавском языке, помимо особого произношения открытых [jɔ] и [ji], дифтонгоида [yO] и сложного в артикуляционном плане дифтонга [oa], имеется целый ряд дифтонгов и трифтонгов ([ay], [ya], [ye], [ey]), в силу чего возможны искажения в произношении некоторых простых гласных звуков и их сочетаний, неправомерно приравняемых к дифтонгам или дифтонгоидам.

Редукция именных основ или показателей притяжательности при образовании патронима

Преобладание фонетического принципа орфографии для молдавского языка и вышеупомянутая разница в системе гласных звуков русского и молдавского языков приводит иногда к совершенно непредсказуемым вариациям в написании патронимов.

Словарных данных по написанию отчества *Дмитривна* при нормативном *Дмитриевна* нет. Однако для отчества *Дмитриевич*, образованного как форма мужского рода, существует форма *Дмитрич*, как разговорный вариант нормативного отчества. Возможно, речь идет об ошибке в написании отчества, обусловленной неверным переносом соотносимой формы разговорного варианта мужского отчества при образовании формы отчества женского рода, либо пропуском буквы, либо влиянием других факторов при написании как имени, от которого образовано отчество, так и самого отчества.

Данная ошибка может обусловлена неправомерным использованием фонетического принципа орфографии при записи отчества *Дмитриевна*, в котором рядом стоящие варианты фонем сливаются в один звук [и], или пропуском буквы, или особенностями написания имени, от которого образовано отчество. Неверное написание в данном случае может быть вызвано как перенесением правил молдавской (преобладающий принцип орфографии – фонетический) орфографии на русскую, так и невнимательностью, неграмотностью пишущего.

Слово *Дмитриевна* является отчеством, образованным от мужского имени Дмитрий. В отношении данной лексемы в русском языке действует следующее правило образования и написания отчеств: если исходное имя заканчивается на -ий, то при образовании отчества первая буква «и» сохраняется, вторая «й» опускается, и к ним присоединяются суффиксы -евич, -евна. В рассматриваемом случае возможен только один вариант написания – без мягкого знака: *Дмитриевна*. Вместе с тем для некоторых имен на -ий возможны варианты способы образования отчества, при котором мягкость конечного согласного корня [р] обозначается на письме не с помощью И, а с помощью Ъ с прибавлением словообразовательного форманта -евич (-евна). Например, Валерий – Валерьевна (но и Валериевна). В этом случае корнем, от которого образуется отчество, становится не основной вариант Валериј- (или Дмитриј-), а его усеченный вариант Валер' с мягким [р'] на конце корня (в случае с Дмитрий – вариант корня Дмитр').

Учитывая то, что личный документ, выданный лицу, был выписан на территории распространения молдавского языка, пропуск буквы Е в отчестве *Дмитриевна* – в варианте Дмитревна – обусловлен также особенностями орфографии молдавского языка, которые не предусматривают использования мягкого знака как показателя мягкости предшествующего согласного или в качестве разделительного, а, напротив, предусматривают использование буквы И для обозначения мягкости предшествующего согласного. Написание *Дмитревна* может быть объяснено выкидкой буквы И как знака для обозначения мягкости предшествующего согласного, так как следующая за ней буква Е также указывает на мягкость предшествующего согласного.

В русском языке для некоторых имен, словообразовательной основой для отчества у которых выступает корень, оканчивающийся на мягкий согласный, работает правило, по которому отчество образуется от словообразовательной основы на мягкий согласный с добавлением к основе комплекса -евич/евна, по типу: Игорь - Игоревич/Игоревна, Цезарь – Цезаревич/Цезаревна, Виль – Вилевич/Вилевна, Камиль – Камилевич/Камилевна. В этом случае возможно применение аналогичного приема при образовании отчества от имени Дмитрий от усеченного корня Дмитр' – (ср. в русском языке сокращенные имена Митр'-(я), Митр'-(юш)-а), в молдавском языке – имя Думитру).

Таким образом, особенности молдавской орфографии и наличие соотносимых с рассматриваемой моделью образования отчества вариантов их образования в русском языке позволяют утверждать, что

варианты *Дмитриевна* и *Дмитревна* идентичны и являются вариантами отчества, образованного от имени Дмитрий.

Написание варианта отчества *Георгиевна* вместо нормативного для русского имени Георгий отчества Георгиевна можно объяснить таким же образом или рассматривать как неверное истолкование правил образования отчеств от иноязычных имен на неударный конечный гласный, которому предшествует шипящий или аффрикат в варианте *George* (когда основной документ, на основании которого выписывался другой документ, содержал имя в румынской транслитерации) в произносительном варианте *Джордже*. Форма мужского имени *Георгий* в русском языке восходит к греческому *Geōrgios* – «земледелец». В разных западноевропейских языках это имя приобрело различную орфографическую и орфоэпическую оболочку, например, во французском языке – *George(s)*.

Отчество *Илиевна* образовано по правилам образования отчеств в русском языке от старых русских имен, оканчивающихся на сочетания -ия (Илия). Такие имена образуют отчества прибавлением -евич / евна, при этом конечное я отбрасывается, а и или е сохраняется: Илиевна. Отчество *Илиевна* образовано по правилам образования отчеств от иноязычных имен с конечной ударной е от имени языков романской группы (румынского, молдавского) Илие (Ilie). К именам, оканчивающимся на ударные гласные а, я, е, э, и, ы, е, о, у, ю, добавляется -евич / евна, при этом конечный гласный сохраняется.

Отчество *Илиична* представляет собой нелитературный вариант отчества Ильична, записанный по правилам орфографии молдавского языка, которые не предусматривают использования мягкого знака как разделительного или в качестве показателя мягкости предшествующего согласного, так как л (среднеевропейский l) в молдавском языке палатальный и непарный (не различается по признаку твердости/мягкости).

Отчество Ильевна, в свою очередь, представляет нелитературный вариант отчества Илиевна, записанный с нарушением правил образования отчеств от русских имен (Илья), но по правилам русской орфографии для словообразовательной модели отчеств: имя+евич/евна.

Словарных данных по написанию отчества *Ильична* при нормативном *Ильична* нет. Однако словарь содержит указание на существование мужского имени Ильич – в таком случае запись Ильична

соответствует правилам образования русских отчеств. Отчество Ильинична является нормативной формой отчества от мужского имени Илья (Илия), при этом словарем закреплена форма Ильич, женской формой отчества от которого может быть форма Ильична. Форма Ильична и Ильинична могут быть одноименными в том случае, если при образовании женской формы отчества от имени Илья была допущена ошибка, обусловленная влиянием формы мужского рода – Ильич (Ильич – Ильична), либо имя, от которого было образовано отчество – Ильич, а составитель отчества при записи Ильинична ориентировался на нормативный вариант отчества от сопоставимого с именем Ильич имени Илья.

Отчества, образованные от имен Фома, Савва представляют расхождение в суффиксальной блоке патронимов не только для обозначения лиц мужского пола (Фомич – Фомович, Саввич – Саввович), но и женского – Фоминична (не Фомична). Образование указанных патронимов обусловлено ударением в имени – на окончании или на основе слова. Имя Савва (мужское имя первого склонения) с неударным окончанием влечет образование патронима Саввич / Саввична – с суффиксом -ич-/-ичн-. Имя Фома (мужское имя первого склонения) с ударным окончанием образует патроним Фомич / Фомович (с суффиксами -ич /-ович) для именованья мужчин и патроним Фоминична (только с суффиксом -иничн-) для именованья женщин. Показательно, что варианты патронимов *Фомович* и *Саввович*, которые были представлены для лингвистической экспертизы, в словарях [6] не фиксируются – по всей видимости, составитель документа при записи этих форм отчеств мог руководствоваться следующими ориентирами: 1) считать как равноправные варианты с суффиксами -ич /-ович, не учитывая разную позицию ударения в именах (Фома и Савва); 2) учитывать экстралингвистический фон имени и образованного от него мужского отчества в месте проживания лица, которому выдавался документ; либо элементарно допустить ошибку/опisku в документе.

Об определенном взаимовлиянии двух языков – русского и молдавского – в отчестве, служащем для номинации лица женского пола, свидетельствует и вариант патронима Фомовна (с ударением на первом слоге). Анализ показывает, что это отчество закреплено в именном блоке лиц молдавского происхождения, где функционирует мужское имя Фома с ударением на первом слоге, отсюда – образование патронима по модели русского словообразования с суффиксом притяжательности -ов- (типа Петровна).

Пропуск мягкого знака при образовании патронима

По правилам образования отчеств в русском языке, если имя оканчивается на мягкий согласный, т.е. орфографически на согласный + ь, к нему добавляется -евич / евна, а конечный ь отбрасывается. Такое положение дел наблюдаем, например, в образовании от мужского имени Игорь патронимов Игоревич – Игоревна. Для имени Демьян в русском литературном языке возможен только один вариант образования отчества – Демьянович (Демьяныч), Демьяновна – с мягким знаком в корне слова. Однако, учитывая то, что личный документ, выданный лицу, был выписан на территории распространения молдавского языка, пропуск буквы Ь в имени Демян – отчество Демяновна – обусловлен особенностями орфографии молдавского языка, которые не предусматривают использования мягкого знака как показателя мягкости предшествующего согласного или в качестве разделительного – сравните: молдавское (румынское) имя Damian [Дам'ян]. То есть отчество Демяновна представляет собой нелитературный вариант отчества Демьяновна, которое записано по правилам орфографии молдавского языка.

Использованную в личном документе лица форму патронима Афтеневи́ч – Афтене́вна, с большой долей убедительности можно было бы объяснить аналогичным образом, если мужское имя, от которого образовано отчество, – Афте́нь. Однако абсолютно доказать это не представляется возможным, поскольку словники румынских и молдавских имен не фиксируют мужское имя Афте́нь/Афтене/Афтени ни в одном из представленных орфографических вариантов. Словарных данных по написанию патронимов Афте́ньевна – *Афтеневна* также нет. Для выяснения правомерности использования в личных документах лица вариантов отчества Афтеневи́ч – Афте́ньевич эксперту необходимы данные об исходном имени. При неустановленном источнике образования патронима можно предполагать следующее. Если имя оканчивается на неударный гласный Е, к нему добавляется -евич / евна, причем конечный гласный имени и начальный гласный суффикса сливаются (в случае если мужское имя, от которого образовано отчество, – Афте́не). Если имя оканчивается на неударное сочетание -ИЙ, к нему добавляется -евич / евна, причем конечный Й отбрасывается, а предпоследний И либо переходит в Ъ, либо остается в слове (в случае если мужское имя, от которого образовано отчество, – Афте́ни).

Выводы и заключение

Итак, проведенное исследование показывает, что наиболее показательными фактами расхождения в номинации именного блока лиц в личных документах является группа, где анализируемые языковые факты связаны с явлением интерференции языков. Среди них по убыванию: 1) соотношение конечных -ий / -иу // ноль звука / у в формальном представлении соотносимых личных мужских имен русского и молдавского языков латинского и древнегреческого происхождения; 2) расхождение в корневой морфеме формального представления личных мужских имен русского и молдавского языков; 3) соотношение конечных -ий / -е в формальном представлении соотносимых личных мужских имен русского и молдавского языков. Наблюдения над функционированием отчеств в личных документах определил частотность таких признаков, как: 1) редукция именных основ или показателей притяжательности при образовании патронима; 2) пропуск мягкого знака при образовании патронима; 3) соотношение суффиксов -ов- / -ев- со значением притяжательности.

Кроме отмеченных, нередко имеют место быть расхождения между литературным вариантом написания имен / отчеств и их нелитературными формами (Афиноген / Афеноген).

Безусловно, выделенные направления в изучении языкового материала личных документов, представленных для лингвистического исследования, не являются закрытым перечнем. Мы отобрали для анализа наиболее показательные факты, отражающие особенности расхождений в номинации одного и того же лица в его личных документах, типичные для граждан, проживающих на территории многонационального государства. Анализ показывает их обусловленность как лингвистическими, так и экстралингвистическими (культурно-историческими) причинами. Пожалуй, следует сказать о важном, на наш взгляд, сегменте исследования, не получившем отражения в данной статье, но, бесспорно, необходимом, – это учет и анализ фактов фиксации имен лиц в Месяцеслове, или Святцах для целей нейминговой экспертизы личных имен и патронимов. Территория, на которой сегодня проживают приднестровцы, населена людьми разных национальностей в основном православной культуры, поэтому существенным является учет соотносимости форм личных имен в религиозной и в светской сферах жизни (например, Федор – Федор – Феодор) и также особенностей образования их патронимов.

Каждое лингвистическое исследование по конкретному случаю вариативности именного блока лица, нейминговая экспертиза, несомненно, должны проводиться с учетом времени выдачи документов, исторического фона и языкового статуса территории, на которой проживал и проживает гражданин, возможной интерференции языков (для полиязычных территорий), уровня грамотности официального лица, выдавшего и зарегистрировавшего документ и других факторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Соколова Т.П.* Нейминговая экспертиза: генезис, проблемы, перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014 (Выпуск 3). – С. 142
- [2] [https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Приднестровской_Молдавской_Республики_\(2015\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Приднестровской_Молдавской_Республики_(2015))
- [3] *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2006. – (Библиотека словарей).
- [4] Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера URL: <https://vasmer.lexicography.online/>
- [5] *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. – М.: Эксмо, 2006. – (Библиотека словарей).
- [6] Орфографический словарь (2-е издание) / Список личных имен URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=267>; *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М., Изд-во «Сов. энциклопедия», 1980. – 384 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орфографический словарь (2-е издание) / Список личных имен URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=267>
2. *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. Около 2600 имен. М., Изд-во «Сов. энциклопедия», 1980. – 384 с.
3. *Соколова Т.П.* Нейминговая экспертиза: генезис, проблемы, перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014 (Выпуск 3). – С. 142.
4. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2006. (Библиотека словарей).
5. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера URL: <https://vasmer.lexicography.online/>

THE FEATURES OF PATRONYMIC NAMING EXAMINATION WITHIN THE CONDITIONS OF MOLDOVAN-RUSSIAN TRANSFER

Helena Lugowska,

Svetlana S. Polezhaeva

*Pridnestrovian State University named after Taras G. Shevchenko,
128, 25 October Str, Tiraspol, 3300, Pridnestrovie*

Helena Lugowska,

Candidate of Philology, Associate Professor, Pridnestrovian State University named after

Polezhaeva Svetlana Serafimovna,

Candidate of Philology, Associate Professor, Pridnestrovian State University named after Taras Shevchenko, Tiraspol, Pridnestrovie

The thesis attempts to highlight the grounds for the equivalence of personal male names and their corresponding patronymics, functioning in a multicultural society, to establish their identity and identity. The specificity of the analyzed expert material is that the distortions of the personal names compared during the naming examination are due to the region of issuing documents multilingual state of language, which determines the variant names appearance. Classification of typical variants of functioning in the Pridnestrovie male names and documented as a variant in the personal records of citizens is proposed. This approach determines the originality and significance of this study, which should be advanced. The authors outline the prospects for further scientific research in this direction at the end of the article. The analysis of personal name forms, patronymics, transformed as a result of Moldovan-Russian interference, requires an expert to understand the living phonetic processes of interacting languages and historically determined features of interlingual interference in the region of issue of the document.

Keywords: naming expertise, patronymic, personal name, Moldovan-Russian interference, state of language, multilingualism.

Контактная информация:

Луговская Елена Григорьевна – канд. филол. наук, доцент;
lugowska@spsu.ru

Полежаева Светлана Серафимовна – канд. филол. наук, доцент;
svetlanapolejaeva1506@mail.ru

Е.В. Новгородова

*Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, 650000, Кемерово, ул.Красная, 6*

ЛИНГВО-ЭКСПЕРТНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Статья посвящена изучению речевых форм проявления экстремистской деятельности. Актуальность настоящего исследования определяется острым междисциплинарным характером вопросов, связанных с изучением такого феномена, как экстремизм. Проблема, решаемая в исследовании, заключается в выделении универсальных и дифференциальных компонентов содержательно-структурных методик, используемых в юридической и лингво-экспертной практике при рассмотрении дел, связанных с экстремизмом. Эмпирической базой послужили материалы судебного дела по обвинению в экстремистской деятельности. Путем анализа вторичных текстов (показаний потерпевших и иных материалов уголовного дела) моделируется речевое поведение обвиняемого в экстремизме. Проведенный анализ позволяет представить модели и механизмы выявления лингвоправовой информации, которые во многом носят пересекающийся характер. Юридические и лингво-экспертные технологии отличаются наличием определенных универсальных компонентов, объединенных общей интенциональной установкой, проявляющейся в установлении факта правонарушения экстремистского характера. Представленная в работе методика может являться базой не только для реконструкции речевого поведения конкретной языковой личности, но и для выявления потенциально экстремистских текстов. Результаты работы представляют прикладную значимость в области юридической лингвистики и судебного производства по делам, связанным с экстремизмом.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, экстремизм, экстремистская деятельность.

Введение. Современная лингвистика характеризуется повышенным вниманием к проявлению конфликтности на разных уровнях. Основным объектом изучения данной области является коммуникативный конфликт – столкновение, основанное на речевой агрессии, под которой понимается «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [10].

Настоящая статья представляет собой исследование речевой агрессии в юрислингвистическом аспекте, отражающем научный интерес лингвистов к вопросам, находящимся на стыке языка и права. Выделенное направление позволяет проанализировать возможность

причинения вреда посредством суждений, содержащих информацию компрометирующего характера, а также иные сведения, негативным образом влияющие на социально-правовой статус лица, в отношении которого они высказываются [9].

Предметом юрлингвистического описания выступает лингвоправовой конфликт, который определяется на основании содержательного критерия как аксиологический конфликт ценностей и норм, репрезентированный вербальными и прагматическими средствами. Объектом описания при таком подходе выступает лингвоюридема, отражающая «юридизацию элементов языка в силу необходимости квалификации состава преступления, т.е. «подведения» их к определенной статье закона [3].

Предлагаемая работа посвящена изучению лингвоюридемы «экстремистская деятельность» в области междисциплинарного установления правонарушения. Цель исследования состоит в выделении универсальных и дифференциальных компонентов методик, используемых в юридической и лингво-экспертной практике при рассмотрении дел, связанных с экстремизмом.

Методологической основой работы являются исследования в области лингвоконфликтологии (Голев Н.Д., Кишина Е.В., Третьякова В.С. и др.); языка вражды (Вепрева И. Т., Грищенко А.И., Купина Н. А., Михайлова О. А., Николина Н.А. и др.); общей теории экстремизма (Баева Л.В., Бурковская В.А, Вехов В.И., Володина Н.В. и др.); вербального экстремизма (Булыгина Е. Ю., Ворошилова М.Б., Лаппо М. А., Трипольская Т. А. и др.); лингвистической экспертологии (Араева Л.А., Бринев К.И., Ворошилова М.Б., Голев Н.Д., Осадчий М.А. и др.).

Науровнеречевое представление экстремизма интерпретируется как одна из форм проявления языка вражды, под которым понимаются «лингвистические средства, направленные на возбуждение ненависти, а также на унижение достоинства человека, выражающие резко отрицательное отношение к таким явлениям общественной жизни, как этническая, религиозная и другие идентификации» [4: 226].

Вопросы речевого экстремизма рассматриваются в разных направлениях, базовыми из которых, по нашему наблюдению, являются, во-первых, структурно-содержательное и лингвопрагматическое конструирование образа врага (Белоконева А.С., Ворошилова М.Б., Жельвис В.И., Грищенко А.И. и др.), во-вторых, выделение и анализ

конфликтных языковых репрезентантов экстремистского содержания (Бульгина Е. Ю., Лаппо М. А., Трипольская Т. А. и др.). Доминирующим признаком анализируемых текстов является содержательное выражение оппозиционности и, как уже было отмечено выше, наличие образа врага, наделенного ярко выраженными национальными, расовыми и религиозными чертами, что позволяет экстремистскому тексту служить эффективным средством возбуждения национальной, расовой и религиозной ненависти [2].

Организация экстремистского дискурса в виде речевых практик, представленных высказываниями и текстами, имеющими признаки противоправных деяний, обуславливает его научную и прикладную интерпретацию с лингво-экспертного и собственно юридического подходов. Лингвистические и юридические механизмы квалификации экстремистских действий характеризуются набором смежных и дифференциальных коммуникативных приемов, направленных на установление фактов, противоречащих закону.

Материал исследования. Эмпирической базой настоящего исследования являются материалы судебного дела по обвинению в экстремистской деятельности и комплексная экспертиза, проведенная по материалам показаний потерпевших. Выделенные фактологические источники обуславливают введение основных терминологических единиц описания: *экстремизм*, *экстремистская деятельность*, *экстремистский текст*.

Нормативно-правовой базой понятий *экстремизм* и *экстремистская деятельность* являются статьи Конституции РФ, Федерального закона «О борьбе с терроризмом. О противодействии экстремистской деятельности», Постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В Уголовном кодексе Российской Федерации предусматриваются статьи по отдельным видам преступлений, имеющих экстремистский характер: статья 1 Федерального закона № 114–ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; статья 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»; статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

В ФЗ № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» дано 13 определений понятию “экстремизм”, в том числе:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики; публичные призывы, побуждающие к осуществлению деяний, квалифицируемых законом как экстремистские и др. Обобщенный анализ законодательных дефиниций позволяет определить *экстремизм как приверженность крайним взглядам и методам действий.*

Понятие *экстремистская деятельность* не содержится в законодательной базе, однако устанавливается путем отсылки к вышеназванному Федеральному закону как *деятельность, направленная против государства, существующего политического режима и законопорядка.*

В свою очередь, согласно статье 282 УК РФ, под текстами экстремистского содержания понимаются *«тексты, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе»* [статья 282 УК РФ].

По наблюдениям специалистов, «в правоприменительной практике в РФ чаще всего уголовные дела возбуждаются по фактам пропаганды деструктивных идей, направленных на разжигание национальной или религиозной розни, реже встречаются случаи возбуждения вражды или ненависти по расовому, социальному либо гендерному признаку» [11: 5].

Результаты исследования. Основным аспектом описания настоящей работы является сопоставительный анализ лингво-экспертных и собственно юридических методик установления правонарушения в области экстремистской деятельности.

Исследователи неоднократно подчеркивали проблемы, с которыми сталкиваются как правоприменители, так и практикующие лингвисты-эксперты при верификации дел, связанных с экстремизмом: отсутствие в законодательной базе четких дефиниций экстремизма, призыва и экстремистской деятельности; отсутствие четкого содержательного наполнения понятия «социальная группа»;

отсутствие разграничения понятий «возбуждение ненависти» и «возбуждение вражды» и т.д. «Круг терминологических, понятийных, методологических проблем, связанных с лингвистической идентификацией признаков возбуждения ненависти и вражды, совершаемых вербальным способом, чрезвычайно высок» [5: 50].

Несмотря на дискуссионный характер многих вопросов, основу которых образует столкновение лингвистической и юридической интерпретации понятий, как представляется, можно говорить и о наличии универсальных коммуникативных приемов, используемых лингвистами-экспертами и юристами в практике работы с материалами, связанными с экстремизмом. Основу такого пересечения образует общая интенциональная установка специалистов на выявление смысловых компонентов, раскрывающих характер экстремистской или потенциально экстремистской деятельности.

I. Лингво-экспертная методика анализа экстремистской речевой деятельности

Лингвоправовые конфликты являются объектом описания судебной лингвистической экспертизы как вида исследования, назначаемого по вопросам, требующим специальных знаний в области лингвистики. Предметом описания в данном случае выступает речевое поведение автора спорного произведения. Как отмечается в практике проведения судебной лингвистической экспертизы, в компетенцию лингвиста-эксперта входит:

- установление наличия / отсутствия призывов в спорном речевом произведении;
- установление наличия / отсутствия речевых актов оскорбления по отношению к какой-либо группе лиц, объединенных на основе расовых, религиозных, социальных признаков [1].

В судебной лингвистической практике выделяются следующие типовые вопросы, входящие в компетенцию лингвиста-эксперта:

1. Имеются ли в спорном речевом произведении высказывания оскорбительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической или социальной группы?
2. Создается ли образ врага в спорном речевом произведении?
3. Имеются ли высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой?

4. Имеются ли высказывания, содержащие призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо национальности?

5. Имеются ли высказывания побудительного характера или фразы в форме директивного предписания к действиям в пользу одной социальной группы за счет другой?

6. Имеются ли высказывания о враждебных намерениях какой-либо нации в целом? и др. [1; 8].

Общая методика лингвистического анализа речевой организации текстов экстремистского содержания включает выделение:

– *речевых единиц* (отдельных слов, грамматических конструкций, высказываний), содержащих элементы призыва или пропаганды экстремистских деяний;

– *этнонимов* или *этнических прозвищ*, выражающих устойчивые, семантически значимые именованные преимущественно негативного характера, даваемые индивиду или совокупности индивидов на основании характеристик, определяемых этнической принадлежностью [6: 117];

– *оценочных высказываний*, содержащих лексемы русского языка, относящиеся к наименованию экстремизма и определения модальности знака содержащихся в них оценок.

Основная прикладная задача, которую решает лингвист-эксперт при проведении исследования, связанного с лингвоюридической «экстремизм», сводится к выявлению семантических, коннотативных и прагматических маркеров превосходства одной национальной, религиозной или социальной группы над другой и установлению коммуникативных элементов жанров «призыв» или «пропаганда». Лингвоправовая оценка высказывания направлена на анализ формы, содержания и прагматики речевого произведения. Методы выявления экстремистского содержания и построения модели речевого поведения языковой личности обладают широким диапазоном: от компонентного анализа семантического наполнения конкретной леммы до параметризации рисков, связанных с совершением преступлений экстремистской направленности [7].

II. Правовая методика анализа экстремистской деятельности

Собственно юридическое рассмотрение дел, связанных с экстремизмом, направлено на верификацию правовой квалификации деяний. Правоприменительная практика характеризуется комплексом

профессиональных методик и практик, используемых в данном виде деятельности. Между тем, как уже было отмечено выше, юридические и лингво-экспертные технологии отличаются наличием определенных универсальных компонентов, объединенных общей интенцией: установлением факта правонарушения экстремистского характера. Одной из стратегий, используемой для достижения данной цели и лингвистами-экспертами, и юристами, является выделение в конфликтном тексте блока речевых единиц и конструкций, содержащих семантические компоненты, связанные с экстремизмом.

С целью иллюстрации выдвинутого предположения проанализируем материалы уголовного дела из реального судопроизводства по обвинению в экстремистской деятельности:

1. Постановление о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

2. Протоколы опроса потерпевших.

Как показывает проведенный анализ, правовое обвинение в экстремистской деятельности так же, как и материалы лингвистических экспертиз, включает структурно-семантическое выделение этнонимов и оценочных высказываний в адрес представителей конкретной нации. Помимо этого в следственных материалах содержатся данные о конкретных противоправных действиях по отношению к людям русской национальности. Так, в тексте Постановления указывается, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий были установлены следующие действия подсудимого («А»), обладающие экстремистским характером: насильственное удержание русских людей; неподобающее отношение к насильственно удерживаемым русским людям; применение физического насилия по отношению к русским людям; применение психического давления на русских людей; систематический характер противоправных действий в отношении русских людей.

В тексте Постановления приводятся конкретные примеры, подтверждающие противоправные действия подозреваемого в отношении русских лиц: *«Установлено, что “А” постоянно хвалился своим друзьям, приходившим с ним на строительный объект, тем, “что русские свиньи всегда будут на него работать”».*

В качестве этнонимов в тексте Постановления указывается унижительное обращение с обязательным акцентированием на национальной принадлежности – русский и использование конкретных

языковых единиц, номинирующих русских людей: «*козел русский*», «*русские свиньи*», «*русская проститутка*», «*бараны*» и т.д.

В тексте Постановления приводятся конкретные примеры, подтверждающие вербальную агрессию подозреваемого в отношении русских лиц, например: *«Так, в апреле 2014 года на территории строящегося кафе, расположенного в г. “Н”, “А” в присутствии “Б”, “В” публично оскорблял “Е” и “К” по признаку их отношения к русской нации, называя “русскими свиньями”, “русским козлом”, “русской проституткой”, а также высказывал угрозы применения насилия, которые сопровождались нецензурными выражениями и оскорблениями в связи с национальностью потерпевших».*

Следует отметить, что при выделении этнонимов в качестве доказательной базы обвинения непосредственно следователь делает заключение о характере высказываний и формируемом на их основе образе: *«Это утверждение также содержит оскорбительные высказывания в адрес носителей русской национальности, содержащие в себе элементы отвращения и презрения к русским, являющимся не “самыми чистыми” в отличие от мусульман, что при постоянном публичном озвучивании ведет к формированию негативного образа русских в целом, и возбуждает вражду либо ненависть по отношению к ее представителям. Данное высказывание имеет значение превосходство одной национальности над другой».* Лингво-экспертное исследование в данном случае направлено на комплексный семантический анализ, включающий лексикографическое, структурно-грамматическое и функциональное описание речевых единиц, что является основанием для отождествления их с группой этнонимов.

В отличие от судебной лингвистической экспертизы, которая представляет собой исследование с целью анализа понятийной, коннотативной и прагматической организации конфликтного текста, материалы судебного дела включают констатацию противоправных деяний с опорой на различные вторичные источники, включенные в судебный процесс (опросы потерпевших, допросы обвиняемого и т.д.). Вербализированные в различных документах факты позволяют правоприменителям констатировать правонарушения экстремистского характера, например:

– оценка этнонимов со стороны участников коммуникативного акта: *«...все слова “А” присутствующие восприняли как оскорбление русской нации»;*

– умышленный характер оскорбления со стороны подозреваемого: *«А» умышленно собрал указанную публику, чтобы сильно унижить эту девушку, оскорбить присутствующих по национальному признаку, возбудить межнациональную ненависть и вражду»;*

– пропагандистский характер деятельности: *«А» систематически осуществлялась пропаганда идей превосходства одной стороны и ущербности другой не только по национальному, но и по религиозному признаку. «А» всегда конкретизировал, что мусульманская вера самая чистая, мусульмане самые чистые люди в отличие от русской нации.*

Выделенные правонарушения позволяют представителям следственных структур признать факты унижения группы лиц по национальному и религиозному признаку, оскорбляющие их достоинство и приводящие к возбуждению вражды либо ненависти. Как показывает проведенный анализ, при принятии решений об обвинении в экстремистской деятельности учитываются разные факторы, включающие как собственно юридические, так и лингвистические признаки.

Судебная лингвистическая экспертиза базируется на исследовании речевого наполнения анализируемого текста на предмет его семантико-функциональной организации и выделении комплекса коммуникативных тактик, реализующих стратегию призыва и побуждения. В контексте правоприменения характер противоправных действий моделируется путем анализа доказательной базы следственных документов. Так, из материалов рассматриваемого Постановления уголовного дела об обвинении в экстремизме формируется следующий образ подозреваемого:

– **социальная характеристика:** человек, проявляющий агрессивные противоправные действия по отношению к лицам русской национальности. Аргументативная база – избиение, насильственное удержание и захват, содержание в неподобающих условиях русских людей;

– **речевая характеристика:** человек, проявляющий вербальную агрессию по отношению к лицам русской национальности. Аргументативная база – оскорбление в виде этнонимов оценочного характера, адресованное русским людям;

– **психоэмоциональная характеристика:** человек, проявляющий конфликтное агрессивное поведение в процессе общения с лицами русской национальности. Аргументативная база –

повышенная эмоциональность речи, несдержанность в высказываниях, яркая негативная оценочность русских людей.

Обобщенный анализ судебных документов иллюстрирует пересечение языковых и правовых характеристик при рассмотрении дел, связанных с экстремизмом. Как представляется, конкретные жанры судопроизводства максимально базируются на собственно речевой составляющей, характер которой во многом определяет различную правовую квалификацию деяния. Материалы опроса потерпевших способствуют реконструкции речевого поведения подозреваемого.

При проведении опроса дознаватель ставит перед потерпевшими ряд вопросов, способствующих раскрытию противоправных действий подсудимого. Данные вопросы можно рассматривать как тактики, направленные на достижение общей стратегии – доказательства характера экстремистской деятельности подозреваемого. Общей коммуникативной установкой дознавателя («Д») является использование тактики «вхождение в доверие», «установление личного контакта с потерпевшими». Контактустанавливающая функция способствует большей результативности выявления экстремистской деятельности подозреваемого: *смотри, я тебя сам, меня зовут Костя; Сашь, тормози. Смотри, это какой был. Ты вообще, где живешь?*

Проанализируем материалы стенограммы опроса потерпевшего («Б»), проходящего по рассматриваемому делу об экстремистской деятельности подсудимого «А». При опросе потерпевшего дознаватель задает ряд вопросов, связанных с речевым поведением подозреваемого. Коммуникативным намерением является выявление экстремистской деятельности обвиняемого путем анализа речевой составляющей. По содержательному наполнению данные вопросы можно разделить на несколько групп:

1. Общие вопросы по поводу речевого поведения, моделирующие такую речевую особенность подозреваемого, как вербальная агрессивность и эмоциональная несдержанность:

Д: ага. А вообще он как агрессивно себя вел или как ты щас спокойно рассказываешь так он и спокойно общался с вами? Или он постоянно орал там че-нибудь, как че происходило то?

Б: ну как, на деда он в принципе всегда орет, (слово не разборчиво) всегда и козел, п***** его, он его там и дебилом считали деда. Ну и со мной у него как то, убежали там это ну и орал и спокойно говорил.

2. Вопросы по поводу оскорбления в адрес потерпевших, моделирующие характер номинаций русских людей, используемых подозреваемым:

Д: ну как он оскорблял вас? Оскорблял он тебя?

К: да конечно.

Д: ну как оскорблял слова помнишь эти как?

К: ну козел, п*****, петух всяко разное.

3. Вопросы по поводу подчеркивания национальности потерпевших, моделирующие неприятие подозреваемым лиц русской национальности:

Д: ну, а че-нибудь там национальность трогал?

Б: ну да, да вы же русские п*****, вы привыкли чтобы вас постоянно е*****, вас и е*****, и будут е*****, надо е*****, ну и все.

Д: ну че-нибудь говорил, я вот мусульманин там че-нибудь такое было нет? Я вот азербайджанец, а ты русский, че-нибудь такие выражения были?

Б: ну бывало

4. Вопросы по поводу конкретной номинации людей русской национальности, моделирующие речевое поведение подозреваемого в виде унижения, оскорбления, непристойного сравнения русских людей, подчеркивающих превосходство одной нации над другой:

Д: ну что вот, ты можешь мне рассказать, просто у тебя спрашиваю, ты прям говори дословно, как он говорил?

Б: (смех) вообще не знаю, дословно я не могу.

Д: ну не дословно, приблизительно как?

Б: ну, ну так он любит сравнивать ихний народ и нашний народ, что ты нас вот это бараны типо что мы, как у них овец пасут и русские такие же свинья, бараны.

Д: рабами вас называл?

П: он подошел, меня это пинком пнул по бочине, я сразу лежал, ну а потом, после могилы этой, он мне вот теперь: «Ты мой раб навечно теперь».

Д: навечно, да?

К: да говорит, что ты раньше говорил, что ты нас за рабов считаешь, а теперь точно ты мой раб будешь.

Проиллюстрируем выделенную коммуникативную модель примерами ответов других потерпевших.

Дознаватель: Ну как он оскорблял вас? Оскорблял он тебя?

Потерпевший 1: «А» стал говорить, что Вы русские Ваньки, я Вас всю жизнь, нецензурно выразившись сказал что, имел половые сношения. Данное высказывание со стороны «А» звучало по отношению к нам очень унижительно.

Потерпевший 2: «А» меня унижал, обзывал мразью, русской тварью, свиньей. Данные высказывания и вся происходящая ситуация унижала мое человеческое достоинство. «А» неоднократно высказывал оскорбления, называя меня мразью, русской свиньей.

Потерпевший 3: ...Также «А» постоянно говорил в наш адрес, что мы русские твари, что нас как баранов надо резать, что мы животные, на мужчин, которые у него работали, он говорил, что вы недостойны называть себя мужчинами, говорил.

Потерпевший 4: «А» постоянно всех унижал, оскорблял, высказывал недовольство к русской нации, когда был злой на рабочих, кричал, что вы русские свиньи, п...сы, вы русские твари, вы, русские, всегда будете на меня работать...

В целом выделенная группа вопросов иллюстрирует коммуникативное намерение, направленное на выявление противоправных экстремистских действий обвиняемого путем анализа его речевого поведения. Допознаватель устанавливает унижение чести и достоинства лиц по признаку расовой, национальной и религиозной принадлежности путем реконструкции речевого поведения подозреваемого по ответам потерпевших.

Анализ речевого поведения подсудимого позволяет выделить частотное использование следующих лексических групп: этнонимов, направленных на негативное оценивание представителей русской национальности; оскорбительных речевых единиц, унижающих достоинство русских людей; метафорических зооморфных номинаций, сравнивающих русских людей с представителями животного мира; этнических стереотипов, унижающих национальное достоинство русских людей; речевых единиц, подчеркивающих национальное и религиозное превосходство подозреваемого; речевых единиц, раскрывающих агрессивные действия подозреваемого по

отношению к людям русской национальности. Реконструированные речевые особенности являются значимой обвинительной базой по осуществлению экстремистской деятельности.

Материалы опросов формируют образ подозреваемого, проявляющего агрессию по отношению к лицам русской национальности как на уровне физических действий, так и на речевом уровне в виде собственно этнонимов, оскорблений, непристойных сравнений и угроз. Данная характеристика отражает конфликтный тип языковой личности с выраженным деструктивным поведением в процессе общения с представителями русской национальности.

III. Анализ судебной экспертизы по обвинению в экстремистской деятельности

По Запросу следственного комитета по рассматриваемому уголовному делу была проведена судебная экспертиза. В качестве эксперта выступил кандидат исторических наук, имеющий богатый опыт в проведении экспертиз по обвинению в экстремизме. Анализ проведенной судебной экспертизы позволяет выделить следующие смысловые части, направленные на доказательство экстремистской деятельности подозреваемого:

1. Установление национальной принадлежности потерпевших: *Из свидетельских показаний «С», следовало, что все насильственно удерживаемые «А» люди были русские по национальности.*

2. Установление жестокого отношения к потерпевшим: *К этим людям «А», по словам «С», относился как к зверям, что подтверждалось созданными для рабов условиями проживания, качеством питания и способом транспортировки на работу.*

3. Установление национального превосходства подозреваемого: *«Можно утверждать, что “А” ощущал свое превосходство над удерживаемыми людьми в силу своей национальной принадлежности».*

4. Установление религиозного превосходства подозреваемого: *«Систематически осуществлялась пропаганда идей превосходства одной стороны и ущербности другой не только по национальному, но и по религиозному признаку. По словам потерпевших, “А”, всегда конкретизировал, что мусульманская вера самая чистая, мусульмане*

самые чистые люди в отличие от русской нации»; «...это утверждение также содержит оскорбительное высказывание в адрес носителей русской национальности, содержащее в себе элементы отвращения и презрения к русским, являющимися не “самыми чистыми” в отличие от мусульман».

5. Установление оскорбительного речевого поведения по отношению к потерпевшим: *«... а также обращениями “козел”, “свиньи” с обязательным акцентированием на национальную принадлежность – русский, используя словосочетания “козел русский”, “русские свиньи”; «...озвучивая рабам целый перечень этнических стереотипов, унижающих их по национальному признаку, заключающих в себе презрение и отвращение к ним».*

6. Установление использования этнических стереотипов, унижающих национальное достоинство потерпевших: *«Фактически в этом эпизоде мы имеем дело с унижением национального достоинства русских, через озвучивание ложных стереотипов, заключающих в себе издевку и презрение, о пристрастии к спиртному и лени русских и пропаганду исключительности и превосходства над ними гражданина “А”, быстро “поднявшегося” в чужой стране».*

7. Установление систематического характера экстремистской деятельности подозреваемого: *«О том, что мы имеем дело не с единичным случаем, а со сложившейся системой деструктивных представлений и взглядов, свидетельствует ряд эпизодов».*

8. Установление публичного характера деятельности подозреваемого: *«Первый связан с русской девушкой “В”, которую “А” унижал и издевался публично, акцентирую внимание на ее национальности и «животном» статусе, называя ее «русской иллюхой» и «неблагодарной свиньей»; «...при постоянном публичном озвучивании это ведет к формированию негативного образа русских в целом, и возбуждает вражду либо ненависть по отношению к ее представителям».*

Проведенное на основе материалов опросов потерпевших исследование позволяет эксперту сделать вывод о том, что в представленных материалах содержатся факты унижения группы лиц по национальному и религиозному признаку, оскорбляющие их достоинство и приводящие к возбуждению вражды либо ненависти

к русским, представленным насильственно удерживаемыми на положении рабов российскими гражданами, проживающими на территории города «Н». Все указанные противоправные действия осуществлялись со стороны гражданина «А».

Следует отметить, что проиллюстрированная экспертиза носит социальный и политологический характер. Как представляется, выделенные вопросы по рассматриваемому уголовному делу могли бы быть сформулированы и перед лингвистом-экспертом. Проведенный анализ судебных материалов позволяет предположить, что лингвист-эксперт пришел бы к положительному выводу относительно наличия в речевой практике подозреваемого оскорбительных единиц по отношению к лицам русской национальности и формирования образа врага в виде этнических стереотипов о неполноценности русской нации и превосходстве другой нации и веры.

Заключение. Выполненное исследование иллюстрирует комплексную модель проведения экспертиз, связанных с экстремистской деятельностью. Юридическая и лингво-экспертная практика базируется на универсальных и дифференциальных методиках, используемых при рассмотрении дел, связанных с экстремизмом. Зоной синкретизма юридических и лингво-экспертных технологий могут быть признаны общие интенциональные установки, проявляющиеся в установлении факта правонарушения. Аргументативная база судебных и лингвистических заключений во многом формируется путем моделирования речевого поведения обвиняемого в экстремизме. Реконструкция речевого поведения конкретного субъекта позволяет выделить ряд ядерных речевых признаков, определяемых как при собственно лингвистическом исследовании, так и в судебном делопроизводстве: использование этнонимов, этнических стереотипов, речевых единиц, подчеркивающих национальное и религиозное превосходство подозреваемого. Представленная комплексная методика может являться базой не только для реконструкции речевого поведения конкретной языковой личности, но и для выявления потенциально экстремистских текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бринев К. И.* Лингвистическая экспертиза: справочные материалы. Барнаул–Кемерово, 2009. 17 с.
2. *Ворошилова М. Б.* Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте Юрислингвистика: межвузовский сборник научных трудов. 2012. № 1 (12). С. 67–72.

3. *Голев Н.Д.* Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика–9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2008. С. 136–155.

4. *Денисова А. В.* Правовые основы лингвистической экспертизы “языка вражды” // Юрислингвистика–11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 2011. С. 221–227.

5. *Катышев П. А., Осадчий М. А.* Судебная лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс]. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 121 с.

6. *Ляшенко И. В.* Об экспрессивности этнических прозвищ употребляемых в американском кросс-культурном пространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М., 2011, № 3 (10). С. 89–91.

7. *Осадчий М. А.* Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. 256 с.

8. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004 г. 104 с.

9. *Ромашов Р. А.* Лингвистические аспекты юридической конфликтологии // Юрислингвистика–7: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов. Барнаул, 2007. № 8. С. 55–57.

10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 340–343.

11. *Шиллер В. В.* Региональный мониторинг экстремистских настроений и проявлений: принципы, методы, практика: монография / В.В. Шиллер, Е.В. Шапкина, Д.А. Огнев [и др.]. Кемерово, 2019. 151 с.

LINGUO-EXPERT AND LEGAL PRACTICE IN DEALING WITH CASES RELATED TO EXTREMISM

E. V. Novgorodova

Kemerovo State University,

6, Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation

The article is devoted to the study of speech forms of extremist activity. The relevance of this study is determined by the acute interdisciplinary nature of the issues related to the study of such a phenomenon as extremism. The problem solved in the study is to identify the universal and differential components of the content-structural methods used in legal and linguistic-expert practice when considering cases related to extremism. The empirical basis was the materials of the court case on charges of extremist activity. By analyzing secondary texts (statements of victims and other materials of the criminal case), the speech behavior of the accused of extremism is modeled. The analysis allows us to present models and mechanisms for identifying linguistic and legal information, which are largely overlapping. Legal and linguistic-expert technologies are distinguished by the presence of certain universal

components united by a common intentional attitude, which manifests itself in establishing the fact of an extremist offense. The methodology presented in this paper can serve as a basis not only for reconstructing the speech behavior of a particular language personality, but also for identifying potentially extremist texts. The results of the work are of applied significance in the field of legal linguistics and judicial proceedings in cases related to extremism.

Keywords: legal linguistics, forensic linguistic expertise, extremism, extremist activity.

Контактная информация:

Новгородова Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета;
novgorodova.ev@mail.ru

МЕТАЯЗЫК СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматривается понятийный аппарат судебной лингвистической экспертизы, характеризуется заключение эксперта как особый текстовый жанр. Композиция и некоторые речевые особенности заключения судебного эксперта определяются Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». Используемые в тексте заключения экспертные понятия представляют собой особую терминосистему, связанную как с материнской наукой – лингвистикой, так и с теорией судебной экспертизы. Стилистика заключения судебного эксперта позволяет относить его к научному стилю, в то же время заключение представляет собой особую разновидность научного стиля, так как выводы и ход рассуждений, которые привели к этим выводам, должны быть понятны неспециалистам в области лингвистики. Отдельные черты заключения эксперта сближает его с документами официально-делового стиля.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, заключение эксперта, экспертные понятия, стиль, терминология.

Введение

Практика лингвистической экспертизы начала складываться в 90-е годы XX века несколько стихийно и в отрыве от общей теории судебной экспертизы и криминалистики. Этот факт определил специфику развития судебной лингвистической экспертизы, становление которой в академическом сообществе, а не в экспертных учреждениях обусловило отход от некоторых принципов судебной экспертологии и смещение лингвистической экспертизы в зону интерпретаций, гипотез, научных рассуждений.

В настоящее время можно говорить о том, что происходит встраивание судебной лингвистической экспертизы в юридическую практику, определение ее места в системе других экспертиз. Создаются методики судебной лингвистической экспертизы в рамках ведомственных государственных судебно-экспертных организаций.

Обсуждаются проблемы соотношения правовых категорий и лингвистических понятий, пределы компетенции лингвиста-эксперта (работы А.Н. Баранова, Ю.Н. Бельчикова, К.И. Бринева, Е.И. Галяшиной, Н.Д. Голева, М.В. Горбаневского, И.В. Жаркова,

С.А. Кузнецова, О.В. Кукушкиной, С.М. Оленникова, М.А. Осадчего, И.А. Стернина и др.).

Вместе с тем политически окрашенный характер ряда дел об экстремизме и терроризме, защите чести, достоинства и деловой репутации, оскорблении представителей власти приводит к широкому обсуждению экспертных лингвистических заключений. В качестве примера можно привести лингвистическую экспертизу по делу Егора Жукова и отзывы на эту экспертизу, подготовленные представителями академического сообщества и подписанные крупнейшими специалистами в области семантики. Можно упомянуть и проект «Диссернет», таким образом объясняющий интерес к судебной экспертизе: судебная экспертиза – это специфический, но все-таки научный текст с присущими ему чертами: полнотой исследования, критикой источника, корректностью использованной методики и т. д. Экспертиза, в которой нарушены научные нормы, представляет собой такую же фальсификацию научного труда, как списанная диссертация или публикация. Авторы фальшивых судебных экспертиз – такой же объект исследования «Диссернета», как авторы списанных диссертаций или участники фальшивых защит [Дубровский, Заякин и др. 2021].

Наличие экспертиз с противоположными выводами по резонансным делам становится мишенью для общественной критики всего института судебной лингвистической экспертизы. Можно связывать сложившееся положение дел с естественной для любой социальной и научной сферы «болезнью роста», однако есть и объективные методологические причины, связанные с недостаточной разработанностью методологии лингвоэкспертной деятельности.

Особую проблему составляет выработка экспертных понятий. Исследователи в области терминологии специально не рассматривали экспертные понятия как особый вид терминов, хотя проблемы языка судебной экспертологии освещались в трудах юристов (например, в работах Т.С. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Е.И. Галяшиной). Закономерности развития языка судебной экспертологии рассматриваются в статье Р.С. Панариной [Панарина 2018].

В диссертационном исследовании В.О. Кузнецова сделан вывод о том, что экспертные лингвистические понятия образуют систему, включающую три вида: экспертные понятия, соотносящиеся с собственно речевыми действиями, экспертные понятия, соотносящиеся с направленностью речевых действий, и экспертные понятия,

соотносящиеся с формой выражения речевых действий. В диссертации обосновывается принцип связи правового понятия с понятием материнской науки (в данном случае – лингвистики) и предложена модель создания экспертного понятия на основе такого взаимодействия [Кузнецов 2021].

В практике лингвистической экспертизы остро стоит проблема необходимости выработки единых критериев оценки исследуемого речевого материала, однозначности выводов, верифицируемости методик. Методы семантических исследований касаются практически всех видов лингвистических экспертиз – экспертиз, связанных с делами об оскорблении, клевете, защите чести и достоинства, противодействии экстремизму, коррупции и многих других. Необходимость применения семантических методов обусловлена стремлением избежать умозрительных представлений о значении сказанного, формализацией процедур экспертного анализа, возможностью проверить выводы, к которым пришел эксперт-лингвист, однако заключение эксперта не может быть написано так же, как пишется научная работа.

Жанр и стиль заключения эксперта

Принципиально важной особенностью судебной лингвистической экспертизы является вторичный характер жанра экспертного заключения: во-первых, экспертное заключение представляет собой метатекст, созданный в связи с текстом, послужившим материалом лингвистического анализа, и, во-вторых, данный текст отражает реакцию на сформулированные следственными, судебными органами, адвокатами или иными лицами вопросы.

Метатекстовая сущность судебной экспертизы обнаруживается в том, что эксперт анализирует исследуемый материал, используя графические способы его представления и некоторые правила лексического представления этого материала. Например, в экспертизах диалогической речи, применяя метод перефразирования, эксперт стремится уйти от оценочных структур при передаче чужой речи. В методическом пособии по диалогической речи процедура перефразирования (смысловой нормализации) представлена следующим образом: «В нормализованном пересказе реплик должны по возможности находить отражение все три стороны смысловой структуры высказывания: (1) *то, что говорится*, (2) *то, зачем*

говорится (целеустановка) (3) то, как говорится. <...> При всей своей кажущейся трудоемкости, перевод прямой речи в косвенную речь является обязательной процедурой, поскольку создает документальную и проверяемую основу для последующего исследования. Кроме того, по этой записи можно находить те смысловые компоненты, которые не выражены в исходном тексте разговора» [Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи 2020].

Метатекстовая сущность судебной лингвистической экспертизы проявляется также при проведении повторной экспертизы, в которой рассматривается как исходный текст, так и текст первичной экспертизы. Особую метатекстовую природу имеет и такой непроцессуальный документ, как рецензия на заключение эксперта. Рецензия предполагает только анализ заключения эксперта, однако можно встретить рецензии, авторы которых обращаются и к анализу исследуемого материала, предлагая собственную интерпретацию.

В композиционном отношении структура экспертного заключения определена правовыми документами и включает известные композиционные части: вопросы, используемая литература, основные понятия, исследовательская часть, синтезирующая часть в комплексной экспертизе, выводы. Клишированность некоторых частей, ссылки на правовые документы определяют близость таких фрагментов к официально-деловому стилю речи (например, сообщение о невозможности дачи заключения).

Заключение эксперта рассматривается иногда как официально-деловой текст, так как заключение является документом. Например, в одной из рецензий на заключение эксперта написано так: «Исследованный документ относится к официально-деловому стилю. Официально-деловой стиль закреплен за сферой социально-правовых отношений, реализующихся в законотворчестве, в экономике, в управленческой и дипломатической деятельности. Документ – это текст, управляющий действиями людей и обладающий юридической значимостью». С таким понимаем сложно согласиться, потому что заключение эксперта представляет собой особый тип документа, в котором сообщается специальная научная информация.

Размышляя над жанровой природой лингвистической экспертизы, А.Н. Баранов пишет: «...в основе экспертизы лежит научное исследование, однако экспертное исследование представляет собой совершенно особый жанр, существенно отличающийся как

от квалификационных работ типа диссертаций, так и от типичных инновационных научных изысканий... лингвистическая экспертиза по жанру и духу похожа на личингвистические задачи (задачи лингвистических олимпиад), сконструированные, правда, не изощренным умом исследователя, а самой жизнью...» [Баранов 2007: 554–555].

В функционально-стилистическом отношении заключение эксперта – это научный текст, выводы из которого должны быть понятны всем участникам судопроизводства, поэтому используемые в тексте заключения термины должны объясняться. Рассуждая о языке судебного заключения, Т.В. Аверьянова пишет: «Адресатом экспертного заключения является следователь, суд. Именно им предназначены выводы эксперта, они должны оценить заключение: его научную обоснованность, полноту, достоверность результатов исследования и др. А для того чтобы оценить, они должны его понять. Между тем наблюдается процесс интенсивного усложнения экспертных исследований, применяемых экспертами методов, использования все более сложных технических средств исследования. Лицу, не обладающему специальными знаниями в соответствующей области, все труднее становится оценивать ход и результаты экспертных исследований» [Аверьянова 2006: 110]. Т.В. Аверьянова полагает, что возможно разъяснять какие-то элементы, но не упрощать научный язык: «Эксперт не должен упрощать научный язык, исключая из него принятые символы, знаки. Это было бы вульгаризацией научного языка, так же недопустимой, как и вульгаризация естественного языка экспертного заключения. Однако при необходимости он может привести в заключении объяснение принятых символов» [Там же: 113]. В языковом отношении настройка на эксплицитно представленную логичность, репрезентативность аргументации, бессубъектность, констатирующий характер порождает выбор определенных языковых средств, формирующих стилевую специфику текста заключения эксперта, как разновидности научного текста.

Однако многие стандартные речевые способы оформления научного текста редко используются в заключении эксперта. Так, традиционно в научном тексте применяются способы введения чужой речи, цитирования, ссылок на мнения ученых (*по словам, согласно концепции, в статье/монографии было отмечено...*). Подобные маркеры в заключении эксперта нечастотны. Точно так же довольно редки элементы фатической научной речи, к которым можно отнести

субъективно-модальные операторы: *лучше сказать, удивительно, интересно, обращает на себя внимание*. В целом неупотребительны сигналы хода мысли: *заметим, отметим, вспомним, подчеркнем, здесь следует вспомнить, приведем одну параллель* и др.

Бессубъектность как черта научного текста свойственна заключению эксперта, в котором обычно не используется ни научное «мы», ни указывающее прямо на автора «я».

Идиостилевые особенности заключения эксперта

Бессубъектность текста заключения эксперта как жанровая черта не лишает этот текст идиостилевых характеристик. В ходе обучения каждый эксперт вырабатывает свой стиль написания экспертного заключения. Опора на методические труды не предполагает полной унификации экспертного заключения, тем более что объектом судебной лингвистической экспертизы является текст, требующий глубокого научного осмысления, зачастую спорный, полиинтерпретативный.

Даже в довольно простом случае введения словарных данных эксперты прибегают к разным способам: прямому цитированию в тексте заключения, ссылке в сноске, заключению в марровские кавычки.

Как известно, научное знание воспроизводимо. Верифицируемость выводов эксперта обеспечивается выбранной методологией, которая также не носит пока упорядоченного характера. Так, А.Н. Баранов остроумно рассуждает о двух методологических стратегиях: «глобалисты» указывают общенаучные методы, «жертвы лингвистического образования» заявляют использование таких методов, которые сложно применить к лингвистической экспертизе (фреймовый, концептуальный, когнитивно-пропозициональный анализ и под.) [Баранов 2017].

Идиостилевые особенности обнаруживаются и в соотношении частей заключения эксперта. Известны примеры, когда вводная часть, включающая определение понятий, оказывается более объемной, чем исследовательская часть заключения, сводящаяся к констатации факта и фактически совпадающая с выводами.

Если эксперт заявляет, но не использует лингвистические методы, игнорирует анализ значений, то его рассуждения приводят к гносеологическим ошибкам. Например, при анализе заголовка «Филиал ада» (в статье говорится об управляющей компании) эксперт

пишет: «Как показывает контекстуальный анализ, фраза «Филиал ада» поставлена в форму утверждения. На это указывает факт отсутствия слов-маркеров, указывающих на гипотетичность, сомнение или мнение. Утвердительный характер также сформирован за счет лаконичности фразы, в которой отражается просто факт» (из заключения эксперта – доктора филологических наук). Чрезмерно подробный анализ приводит к операциональным ошибкам, поскольку в ряде случаев понять, что хотел сказать эксперт, оказывается крайне затруднительно, например, эксперт пишет: «В высказывании «Говори по-русски или умирай» предметом речи является действие, которое с точки зрения автора (говорящего) необходимо совершить лицу-адресату как представителю множества лиц, для которых русский язык не является родным, поэтому оцениваемому автором негативно. Данное действие представлено как обязательное с указанием как альтернативы исключения себя адресатом из поля зрения, «пространства» адресанта («говори на русском языке или не существуй»), выбора адресатом смерти либо спешного удаления из поля зрения, «пространства» адресанта, следовательно, являющегося по отношению к данной группе дискриминационным. Требование адресанта к адресату говорить именно на русском языке с указанием на невозможность присутствия адресата в «пространстве» адресанта при говорении на другом языке, свидетельствует о том, что данное, прямо не названное, пространство адресант представляет как естественное пространство, в котором принято говорить и говорят преимущественно на русском языке как основном языке данного пространства» (из заключения эксперта – кандидата филологических наук).

Отрицательные примеры заключений эксперта позволяют видеть, какие разные способы аргументации, разную степень категоричности выводов используют эксперты. Анализ гносеологических, операциональных и процессуальных ошибок в экспертных заключениях может способствовать установлению некоторых вариаций самого жанра заключения эксперта.

Одни эксперты стремятся развернуть в заключении ход рассуждений, максимально эксплицитно представить движение мысли, другие стремятся формализовать заключение, соотнося признаки с известными диагностическими комплексами, заключения третьих носят констатирующий характер, четвертые склонны к концентрическому повторению информации. Вероятно, можно привести и другие способы аргументации, показывающие различие навыков дискурсивного мышления, находящих отражение в тексте заключения эксперта.

Выводы

Заключение эксперта как особый жанр не уместается в существующую систему стилей, совмещая черты научного и официально-делового стилей. Будучи документом, текст заключения эксперта одновременно является научным текстом, в котором применены специальные знания, использована специальная система экспертных понятий. Судебная лингвистическая экспертиза относится к гибриднему типу дискурса, обращенному как к юридической практике, так и к практике лингвистических исследований.

Заключение эксперта – это специализированный клишированный текстовый жанр, который существует в рамках определенного института (судебной и шире юридической коммуникации), характеризуется статусно-ролевыми отношениями участников. Статусные роли определены во многом законодательно: эксперт – лицо, обладающее специальными познаниями, адресат – представители судебных, следственных органов, органов дознания, а также любые физические лица. Распределение ролей оказывается значимым: если в научной коммуникации принимают участие специалисты, то экспертная деятельность предполагает учета фактора адресата, не являющегося специалистом в области лингвистики. Коммуникативная цель жанра заключения эксперта связана с информированием, при этом эксперт в отличие от ученого не ставит цель получить новое научное знание. Экспертная задача оказывается более скромной, обусловленной прагматическими факторами, и вместе с тем, будучи областью прикладной лингвистики, лингвистическая экспертиза ставит и перед теоретической наукой новые вопросы, требующие решения. В рассуждениях о специфике жанра и стиля можно увидеть признаки известной анкеты речевого жанра, поэтому стоит упомянуть еще два параметра жанра – фактор коммуникативного прошлого и фактор коммуникативного будущего. Заключение эксперта обязательно включает анализ коммуникативной ситуации, имевшей место ранее и послужившей основой того речевого конфликта, который оказался в центре экспертизы. Заключение эксперта – тот тип документа, который включен в судебное разбирательство, может стать объектом критики ученых, то есть такой текст, жизнь которого продолжается за рамками самого текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Баранов А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 18–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2>.

Дубровский Д., Заякин А., Касьян А. и др. «Судебные экспертизы»: совместный проект «Диссернета» и Amicus Curiae // Режим доступа: https://www.dissernet.org/publications/trv_sudebnye_expert.htm

Кузнецов В.О. Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии. Дисс. канд. юрид. наук. Москва, 2021. 161 с.

Панарина Д.В. Язык криминалистики и судебной экспертизы в структуре научного знания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–2. С. 143–150.

Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи: учебно-методическое пособие / Под ред. В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020.

METALANGUAGE OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

Anna M. Plotnikova

Ural Federal University,

19, Mira, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

The paper looks into the conceptual framework of forensic linguistics considering the expert's report as a specific text genre. Its composition and some its features are outlined in the Federal Law "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation". The expert concepts used in the text form a special terminology subsystem relating both to the parent science - linguistics, and the theory of forensic examination. Stylistically, the forensic expert's report may be attributable to the scientific style, yet the one of a particular kind, since its provisions and the line of reasoning should be understandable to non-linguists as well. In this vein, there are some features in the expert's report that bring it closer to documents of the official business style.

Keywords: forensic linguistics, expert report, expert concepts, style, terminology.

А.Н. Рудяков

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Российская Федерация, 295007,
г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4*

Ю.В. Дорофеев

*Крымский республиканский институт постдипломного
педагогического образования, Российская Федерация, 295000,
г. Симферополь, ул. Ленина, 15*

Л.А.Рудяков

*Кильский университет имени Кристиана Альбрехта, Германия,
24118, г. Киль, площадь Кристиана Альбрехта, 4*

О СОБСТВЕННО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТЕРМИНА «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК»

Статья посвящена анализу содержания термина «государственный язык» с позиций современной лингвистики, предполагающей перенос внимания с изучения единиц языка на русскоязычное глобальное пространство и роль русского языка в мире и в Российской Федерации. Авторы исходят из постулата, согласно которому русский язык существует в нескольких формах, среди которых, в частности, выделяются литературный язык и государственный язык, которые следует рассматривать как формы реализации инварианта («русского языка вообще») в определенных социальных, политических, культурных сферах. В статье доказывается необходимость учета принципиальных отличий при рассмотрении русского языка как государственного в рамках государства от прочих его реализаций, поскольку в этой функции русский язык обеспечивает взаимодействие гражданина и государства. В связи с этим в статье предлагаются теоретические основания для выработки определения термина «государственный язык», который должен стать краеугольным камнем для внутренней политики.

Ключевые слова: социорусистика, инвариант, форма существования, государственный язык, норма, функция.

Вступительная часть. Функционирование и развитие русского языка как государственного в собственном лингвистическом аспекте обуславливает актуальность комплексного изучения влияющих на него социальных, политических и культурных факторов в их взаимодействии. При этом на первый план выходит поиск такого определения изучаемого феномена, которое позволит не только очертить его границы и отличить от других сходных явлений, но и

которое будет учитывать стратификацию всех свойств/характеристик государственного языка относительно его функциональной специфики, а не структуры или отдельных лексических, синтаксических и т.д. компонентов.

Термин «государственный язык» широко используется в рамках социолингвистики, под ним подразумевается «Язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Язык государственно-административных текстов, законов, распоряжений, обучения, массовой информации и др. <...> Одна из важнейших функций Г.я. в многонациональном государстве – быть языком межнационального общения» [15, с. 47]. В последние годы возрастает интерес к этому термину также в юридической лингвистике, что обусловлено внешними по отношению к языку факторами. Поэтому существующие дефиниции этого термина подвергаются не только лингвистическому анализу, но и политологическому, историческому и др., поскольку он обозначает одно из ключевых понятий в области законодательства, а его использование может носить разный характер, в том числе и спекулятивный. В последние годы большое внимание содержанию термина «государственный язык» уделяют ученые из Санкт-Петербурга: Л.А. Вербицкая, Н.М. Кропачев, С.А. Кузнецов, Д.В. Руднев, Т.С. Садова, О.Н. Киянова и др. [1; 5; 6; 10]. В их исследованиях представлены многочисленные проблемы, связанные с функционированием русского языка как государственного: нормообразование, состояние и развитие, соотношение с другими формами русского языка, в частности литературной, сферы функционирования и др. Однако само понятие «государственный язык» по-прежнему остается недостаточно четким, вследствие чего в научной литературе отсутствует единообразие его употребления: государственный язык нередко смешивают с национальным языком, официальным языком, литературным языком, не различают сферы его использования и т.д. С нашей точки зрения, большинства противоречий можно избежать, если выработать адекватное общепринятое хотя бы в рамках законодательной деятельности определение термина «государственный язык» (такое определение, несомненно, является объективно необходимым).

О важности определения объекта исследования для науки в целом говорилось неоднократно, но это требование применительно к лингвистическим дефинициям часто не соблюдается в достаточной мере [11]. А ведь именно адекватное определение обеспечивает соответствующее обращение с окружающими нас реалиями, именно в нем кодируется «инструкция», которая подсказывает пользователю, для чего нужен данный объект. Авторы статьи убеждены в том, что определение реалии отличается от всех описаний и характеристики реалии тем, что отражает ее (реалии) сущность. И чтобы добраться до этой сущности, исследователю необходимо из множества качеств, присущих объекту исследования (а язык, вне всяких сомнений, может быть описан в разных аспектах и тем самым характеризоваться с разных позиций, хотя нередко эти характеристики имеют мало общего с природой языка или его функциями), выделить одно, которое каузирует возникновение и существование реалии в мире человека.

Основная часть. В ряде работ авторов данного исследования показано, что человек, использующий в своей повседневной деятельности естественный язык, относится к нему, как к орудию, инструменту, подобному прочим реалиям такого же типа (в работах А.Н. Рудякова в качестве аналогии, иллюстрирующей этот факт, рассматривается топор), оценивая его, соответственно, с позиции прагматики: для достижения каких целей язык предназначен и насколько он необходим для достижения этих целей. Этот тезис является ключевым для нашего дальнейшего изложения: природа реалии есть следствие ее функции, природа реалии есть явление, функция – сущность [11]. Мы исходим из того, что именно функция языка является тем фактором, который обуславливает его природу. Однако эта формулировка неоднократно вызывала возражения у лингвистов, поскольку данный тезис, если речь идет о топорах или, например, авторучке (природные характеристики которой заключаются в том, что она представляет собой полый стержень, заполненный чернилами, с шариком на конце, помещенный в специальный корпус, а функциональное описание опирается на ее сущность: быть инструментом для письма), то возразить против этого трудно, а вот экстраполяция такого определения на язык и утверждение, что таким же образом должны быть стратифицированы его определения, далеко не всегда встречает поддержку в лингвистике, что обусловлено, на наш взгляд, в первую очередь общими гносеологическими моделями (парадигмами), которые лежат в основе разных подходов к языку.

Однако термин «государственный язык» в силу своей специфики выходит за рамки собственно лингвистики, школьной практики преподавания русского языка, составления словарей и грамматик, создания учебников и др. Этот термин призван указать не только на те свойства объекта, которые будут отражать его специфические собственно языковые особенности, но и на те, которые позволят использовать обозначенный термин в разных сферах за пределами лингвистики, сохраняя при этом единство его понимания и интерпретации, что особенно актуально для общественно-политической и юридической сфер [2]. В противном случае термин может использоваться для различного рода спекуляций, а в его содержание могут вноситься произвольные компоненты, связанные с субъективным толкованием понятия.

В качестве примера использования обсуждаемого термина в нехарактерной для него позиции рассмотрим ситуацию с принятием Закона Республики Крым «Об образовании в Республике Крым» (от 06 июля 2015 года), который стал важным этапом в формировании законодательства нового субъекта Российской Федерации. Дискуссии по поводу данного закона были острыми. В большей степени они сводились к обсуждению вопроса о том, следует ли сделать изучение всех государственных языков Республики Крым обязательным в школах. Решение этой проблемы непосредственно связано с определением термина «государственный язык»: является ли такой язык обязательным для изучения? Поэтому необходимо было выявить ключевые характеристики государственного языка как феномена, и на этом основании формулировать основные положения Закона.

В Словаре социолингвистических терминов, который уже упоминался выше, указывается, что «На Г.я. осуществляется административно-политическое и социально-экономическое взаимодействие граждан целостного мегасоциума, объединенного государством, в результате чего язык становится одним из важнейших средств государственной интеграции» [15, с. 47]. И поскольку, по мнению авторов словаря, формирование концепции государственного языка зависит от ряда факторов (и принятие закона о государственном языке или о нескольких государственных языках является важнейшей составной частью национально-языковой политики) [15, с. 47], в сложившейся ситуации А.Н. Рудяковым было предложено определение, которое и легло в основу крымской позиции по этому вопросу.

Поскольку всякий естественный язык есть орудие, используемое его носителями для социального взаимодействия, которое по форме есть обмен информации, или коммуникация, а по сути дела, является взаимодействием и взаимовлиянием, каждая форма языка выступает в качестве такого инструмента в рамках «вертикального» и «горизонтального» членения языка. Так, социальный диалект представляет собой инструмент взаимодействия субъекта с конкретной социальной группой, территориальный диалект выступает как оптимальное средство взаимодействия для жителей некоторой местности, территории. Следовательно, государственный язык нужно рассматривать как инструмент взаимодействия носителя языка с государством. На этом языке (или этих языках) государство информирует своих граждан о законах и правилах, а граждане сообщают государству о своих потребностях и чаяниях. Никакие иные семантические компоненты не входят в понятие «государственный язык». Все остальные признаки, которые включаются в определение государственного языка (например, обязательность изучения в школах и организациях высшего образования или язык большинства населения) , являются попытками расширить содержание термина и приспособить его под потребности отдельных коллективов. Статус языка как государственного определяется в законодательном порядке, и «чем адекватнее эти законы соответствуют реальной языковой ситуации в стране, тем охотнее эти законы соблюдаются» [14, с. 72].

Актуальность такого понимания сущности государственного языка косвенным образом подтверждают результаты социолингвистического исследования, которое проводилось авторами статьи в Крыму. Респондентам был предложен вопрос: согласны ли они с вышеприведенным определением государственного языка? 53,6 % были полностью согласны, 16,4 % «скорее согласны», 23,6 % «скорее не согласны» и только 1,2 % полностью не согласны [3].

Таким образом, определение не должно вступать в противоречие ни с законодательными актами, ни с другими определениями. Поэтому важно не отождествлять русский язык в его разных формах существования и в различных ситуациях: территориальные варианты, литературный вариант, русский язык как родной и как государственный язык Российской Федерации. Необходимо последовательно различать не только те формы, которые традиционно находятся в центре внимания лингвистики (диалекты и литературный язык), но формы,

которые связаны со статусом языка. Поэтому не случайно итоговый текст «Закона об образовании в Республике Крым» гласит:

«Статья 11. Язык образования

1. В государственных образовательных организациях Республики Крым и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Крым, образовательная деятельность осуществляется на государственном языке Российской Федерации. Преподавание и изучение государственного языка Российской Федерации в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, образовательными стандартами.

2. Граждане Российской Федерации, проживающие на территории Республики Крым, имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования **на родном языке, в том числе русском, украинском и крымско-татарском** (выделено нами – **авторы**), а также право на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании. Реализация указанных прав обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных организаций, классов, групп, а также условий для их функционирования. Преподавание и изучение родного языка в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами.

3. Преподавание и изучение украинского и крымско-татарского языков как государственных языков Республики Крым осуществляется в государственных образовательных организациях Республики Крым и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Республики Крым, в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами.

6. Язык (языки), на котором (-ых) ведутся обучение и воспитание в образовательной организации, определяется (определяются) локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам, в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Крым с учетом языковых потребностей в общении, воспитании, обучении и творчестве народов Крыма».

Поэтому еще раз подчеркнем, что определение государственного языка должно основываться на его функции, которая заключается в осуществлении взаимодействия государства и гражданина, а все остальное формулируется в законах, которые основываются на едином определении исходного понятия.

В качестве негативного примера законов, которые, во-первых, не учитывают реальную языковую ситуацию, а во-вторых, основываются на принципиально искаженных определениях языков (их статуса, функций и др.), на наш взгляд, можно привести ряд ключевых документов, созданных в разное время на Украине и направленных на принижение роли русского языка.

Прежде всего следует сказать о том, что русский язык определялся на Украине как «язык национального меньшинства», что только подчеркивало деструктивную языковую политику украинского руководства. Несмотря на то что в ряде документов (Конституция Украины, Декларация о государственном суверенитете Украины, Декларация прав национальностей в Украине, Национальная доктрина развития образования, Закон Украины «О национальных меньшинствах в Украине» и др.) декларировалось, что на Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита языков (в том числе русского), что государство способствует развитию этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов Украины, а также содействует изучению языков международного общения, обозначение русского языка как «языка национального меньшинства» (язык, который в большей или меньшей степени использовался на всей территории страны в различных сферах большей частью ее граждан) явно вступало в противоречие с перечисленными выше положениями.

Ситуация кардинальным образом изменилась после Воссоединения [12]. В новой Конституции Республики Крым тремя государственными языками признаны русский, украинский и крымско-татарский языки. При этом подчеркнем, что для обозначения всех языков, которые относятся к государственным или не относятся, но функционируют на территории Российской Федерации, в нашей стране принят термин «языки народов России», который подчеркивает значимость и равноправие всех языков, не делит их на языки большинства и меньшинства (безусловно, объективно все языки сильно различаются по своей функциональной нагрузке, однако это не должно

служить поводом для их разделения на «лучшие» и «худшие»). Иногда в этом же значении используют термин «родные языки», однако его содержание также требует уточнения, поэтому нам представляется предпочтительным именно термин «языки народов России».

Вернемся к вопросу о том, каково содержание термина «государственный язык» в современной лингвистике и какие теоретические положения легли в его основу. Для этого целесообразно обратиться к анализу отдельных положений Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации» и тех поправок, которые предполагается в него внести для приведения в соответствие с новой редакцией Конституции Российской Федерации и поручениями Президента Российской Федерации В.В. Путина, предусматривающими совершенствование механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации на всей территории страны [7].

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в разделе «Основные понятия и термины» нет определения базового для закона понятия «государственный язык», что вызвано, очевидно, предположением, что данное понятие не нуждается в пояснениях. Однако выше мы постарались показать, что четкая формулировка определения этого термина позволит избежать расхождений в истолковании его содержания и сделает все используемые в законодательных актах и связанные с ним понятия более определенными и не допускающими разных (иногда практически противоположных) толкований.

Определение государственного языка как макростилия (или просто стиля) также вызывает возражения [9]. Во-первых, согласно традиционной классификации, выделяется официально-деловой стиль, который охватывает в том числе правовую сферу. Поэтому следует сначала разграничить государственный язык и официально-деловой стиль, а затем, видимо, обосновать выделение нового стиля. В этом отношении интересен вопрос, поставленный авторами монографии «Государственный язык России. Нормы права и нормы языка»: «Как показали исследования, проведенные в СПбГУ, сегодня многие не понимают, что такое государственный язык, зачем русскому языку и некоторым другим языкам народов РФ придан такой статус и какие требования предъявляются к языку, используемому в качестве государственного. Многие ли из нас знают, почему слова «бедняк»

и «нищий» не входят в словарный состав государственного русского языка и почему вместо них используется слово «малоимущий»?» [2, с. 9]. Таким образом, можно сделать вывод, что отнесение государственного языка к одному из стилей не даст достаточных оснований для его определения. Следует рассматривать его, скорее, как особую форму существования языка наряду с литературной формой, которая, как отмечает М.М. Маковский, представляет собой один из социальных диалектов, носителем которого является наиболее образованная часть социума [8, с. 7]. Однако такой подход к языку пока что не получил должного развития в отечественной науке, термины «форма существования» и «социальный диалект» используются только в рамках оппозиции «норма-вариант», а «вариант» в традиционном представлении есть отклонение или отступление от «нормы» (или даже искажение «нормы»), то есть заведомо негативное явление. При этом в лингвистике уже неоднократно ставился вопрос о степени осознанности и фиксированности литературной нормы, о критериях, которые позволяют разграничить нормативное и ненормативное применительно к языковым единицам. Соответственно, возникает вопрос, насколько уместно использовать в Законе ссылки на «нормы и правила **современного русского литературного языка**», то есть языка, как принято считать в истории русского литературного языка, «от Пушкина до наших дней». Очевидно, что рамки «современности» в данном случае должны быть ограничены более обозримым временным отрезком.

Также считаем важным отметить, что в Законе речь идет о функционировании и использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации, а не о государственном языке вообще. Это обуславливает необходимость рассматривать русский язык в функции государственного языка, а эта функция определяет все прочие особенности. Поэтому при формулировке основных понятий необходимо использовать термин «русский язык как государственный», который должен сохраняться на протяжении всего текста Закона. В этом случае будут исключены возможности двоякого истолкования отдельных положений (например, сейчас в тексте Закона составные термины «государственный язык Российской Федерации» и «русский язык как государственный язык Российской Федерации» не определены как равнозначные, поэтому полагаем необходимой указанную нами унификацию).

Для нас несомненно, что отмеченные недостатки в основном являются следствием не правовых коллизий, а достаточно устаревших на сегодняшний день представлений о сущности и функциях языка вообще и русского языка в частности. То есть при составлении Закона юристы опираются на данные, предоставленные лингвистами, хотя эти данные нуждаются в существенной корректировке, особенно для такой важной для формирования государственной языковой политики сфере.

Из вышесказанного можно сделать следующие **выводы**.

Для того чтобы определение реалии было адекватным, необходимо: а) из множества ее субстанциональных качеств выделить главное; б) из множества функциональных качеств выделить функцию (функциональное качество, которое порождает возникновение и существование реалии в мире человека). В данном случае это означает, что для выработки более или менее единого определения термина «государственный язык» следует учитывать функциональную нагрузку этой формы языка с опорой на достижения не только языкознания, но и правоведения с ориентацией на новую систему историко-культурных и общественно-политических ценностей и отношений, на антропоцентрическую и функциональную интерпретацию фактов и явлений, а главное – на роль русского языка в мире и в Российской Федерации [16]. Только в этом случае возможно будет дать определение одному из базовых понятий внутренней языковой политики. И это необходимо сделать и для более осознанного и разумного отношения к русскому языку, который в рамках страны выступает не только как язык межнационального общения, но как язык-посредник, обеспечивающий познание других культур и языков, и для дальнейшего совершенствования нашей внутренней и внешней языковой политики.

Опыт общественно-политической деятельности, участия в различных дискуссиях по поводу функций и развития языков на протяжении двух десятков лет в разных политических, культурных и исторических условиях убеждает нас в том, что для решения проблем, связанных с функционированием русского языка, самым практичным является реально работающая научная теория. А современное языкознание, к сожалению, пытается выстраивать концепцию русского языка как государственного, используя принципы, которые хорошо зарекомендовали себя в рамках СССР, но сегодня совершенно не работают, а иногда и противоречат объективной действительности [13].

Следовательно, современной социолингвистике следует пересмотреть некоторые ключевые понятия и осознать себя в большей степени как «социорусистику», уделяя внимание изучению не только множества существующих языков, но и тому, в каких формах и разновидностях существует сегодня русский язык. И речь идет прежде всего о разных формах языка, ни одна из которых не является инвариантом по отношению к другим (русский язык как инвариант противопоставлен инвариантам иных языков и охватывает универсалии, атрибуты «русскости» языка, к которым относятся разнообразные языковые средства в форме языковых абстракций [4]), а выступает как отдельный феномен и обладает своей функциональной нагрузкой. Только в этом случае мы сможем дать лингвистически обоснованное определение государственного языка, которое будет отвечать его объективному положению в социуме, а не отражать достаточно ортодоксальное представление о нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вербицкая Л.А.* Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // «Российский гуманитарный журнал». 2015. Т.4. № 2. С. 90–100.
2. Государственный язык России: нормы права и нормы языка / под ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 130 с.
3. *Дорофеев Ю.В.* О функционировании языков в Республике Крым (на основе социолингвистического исследования) // Социолингвистика. 2020. № 1 (1). С. 79–93.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. *Киянова О.Н.* Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета. 2016. Серия 9. Филология. № 2. С. 106–115.
6. *Кропачев Н.М., Кузнецов С.А.* Государственный язык Российской Федерации – понятный русский язык // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 9–15.
7. *Кузнецов С.А., Соловьев А.А.* Конституция Российской Федерации в аспекте требований к русскому языку как государственному // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. С. 27–36.
8. *Маковский М.М.* Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология): Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1982. 135 с.
9. *Руднев Д.В., Садова Т.С.* Деловой язык как основа государственной коммуникации: проблема нормообразования // «Политическая лингвистика». Екатеринбург, 2018. Вып. 1 (67). С. 191-201.
10. *Руднев Д.В., Садова Т.С.* Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации») // «Журнал российского права». – 2017. № 2. С. 56–66.

11. Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: ЛЕКСПУС, 2016. 320 с.
12. Рудяков А.Н. Крымский региональный вариант русского языка: до и после воссоединения с Российской Федерацией // VII Международный лингвистический конгресс «Язык и мир»: Сборник научных докладов – Симферополь: ООО «Форма», 2015 г. С. 292–297.
13. Рудяков А.Н. Лингвистическое знание: только для лингвистов?! // Сборник научных статей к 80-летию И.С. Улуханова / Отв. ред. М.А. Малыгина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. С. 559–570.
14. Рудяков А.Н. Проблема определения государственного языка с позиции георусистики // Language unity and language diversity in a polyethnic state: International Conference (Moscow, 14–17 November 2018): Reports and communications / Executive editors: A.N. Bitkeeva, M.A. Goryacheva; the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Research Center on Ethnic and Language Relations. Moscow, 2018. С. 67–74.
15. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко). М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

OF THE LINGUISTICAL COMPONENT OF THE TERM «STATE LANGUAGE»

Rudiakov A.N.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation, 295007, Simferopol, Akademik Vernadsky avenue, 4

Dorofeev Y.V.

Crimean Republican Institute of post-graduate pedagogical education, Russian Federation, 295000, Simferopol, Lenina str, 15

Rudiakov L.A.

Christian-Albrecht University of Kiel, Germany, 24118, Kiel Christian-Albrechts-Platz, 4

The article is dedicated to the analysis of the content of the term «state language» from the perspective of modern linguistics, which implies a shift of attention from the study of language units to the Russian-speaking global space and the role of the Russian language in the world and in the Russian Federation. The authors proceed from the postulate that Russian language exists in several forms, among which literary language and state language are to be considered as forms of invariant realisation («Russian language in general») in certain social, political and cultural spheres. The article proves the need to take into account the principal differences when considering Russian as the state language within the framework of the state from its other forms of existence, as in this function Russian language provides interaction of citizen and state. In this connection, the article offers theoretical grounds for the definition of the term «state language», which is to become the cornerstone of domestic policy.

Key words: sociorussistik, invariant, form of existence, state language, norm, function.

Контактная информация:

Рудяков Александр Николаевич – доктор филологических наук, профессор;
arudiakov55@gmail.com

Дорофеев Юрий Владимирович – доктор филологических наук, доцент;
yuvld@mail.ru

Рудяков Леонид Александрович – магистрант Кильского университета имени
Кристиана Альбрехта;
leonid.rudyakov@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОНИМАНИЙ КОНЦЕПТА «ОСКОРБЛЕНИЕ» В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ЯЗЫКЕ

Эта статья посвящена сопоставлению пониманий феномена оскорбления в юридической и лингвистической сферах. В ней было проведено всестороннее сопоставление этих явлений, и результатом этой работы стала таблица, наглядно демонстрирующая сходства и различия пониманий в двух обозначенных сферах. В ходе исследования нами было выделено несколько ключевых критериев, на базе которых мы проводили сопоставление. К этим критериям мы отнесли: объект, предмет, форма, выражение оскорбления, а также умысел. Результат сопоставительной работы был оформлен нами в таблицу и приведен в конце данной работы. В этой статье нами было использовано большое количество примеров. С их помощью мы могли ярче продемонстрировать различия между юридическим и языковым пониманием оскорбления.

Ключевые слова: концепт «оскорбление», лингвокриминалистика, юриспруденция.

Введение

Человек непрерывно находится в сфере влияния языка. Вместе с развитием средств передачи информации и формированием новых каналов ее распространения увеличилась также и скорость ее популяризации. Такое всеобъемлющее универсальное средство взаимного воздействия не могло остаться вне сферы изучения не только лингвистики, но и целого ряда смежных дисциплин.

Одной из них является лингвокриминалистика. Эта наука, находящаяся на стыке лингвистики и права, продолжает активно развиваться силами многих ученых. Ее практический аспект становится все более востребованным и применяется все шире. С каждым годом растет количество специалистов в данной сфере, в составе вузов появляются специальные направления, развивается теоретическая база. Все это является откликом на расширяющееся поле применения лингвистической экспертизы текста. В кодексах Российской Федерации содержится более десятка статей, которые предусматривают ответственность за деяния, совершающиеся посредством вербального поведения.

На сегодняшний день одним из самых частых явлений, с которым приходится сталкиваться экспертам, становится оскорбление. Речевая агрессия сегодня получает еще более широкое распространение из-за развития средств коммуникации и СМИ в пределах Интернета. Распространенность феномена оскорбления связана также с тем, что ныне коммуникация часто носит неформальный характер. Частотность сниженной речи вокруг нас создает иллюзию обыденности. Люди зачастую не могут предвидеть того, что их может ждать наказание за столь заурядное действие.

При проведении лингвистической экспертизы текста необходимо помнить, что в дальнейшем она должна быть доступна для понимания юристам. Именно они должны корректно перевести результаты экспертизы в правовую сферу. Такое взаимодействие необходимо по той причине, что понимание концепта «оскорбление» разнится в языке и юриспруденции. На сегодняшний день лингвокриминалистика все еще остается достаточно новой наукой и ее теоретический аппарат находится в непрерывной разработке.

С помощью лингвистической экспертизы принимаются важные решения, в том числе в рамках судов, поэтому она должна иметь свой собственный, уникальный взгляд на языковые явления. Должен быть точно обозначен круг вопросов, которые может и не может решать лингвист. Это поле находится между языковым и правовым пониманием концепта «оскорбление».

Феномен оскорбления упоминается в основных кодексах Российской Федерации. Конфликт юридической и лингвистической расшифровок термина оскорбление и их соотношение в лингвокриминалистике являются важной частью работы при проведении лингвистических экспертиз текста в судебной сфере.

Долгое время эксперты, не осознавая того, строили свои заключения, опираясь на правовые понятия. Этот факт был замечен исследователями, в результате чего они стали утверждать, что лингвист не может действовать вне пределов своей компетенции. Это не только упрощает и схематизирует судебный процесс, сводя его к вердикту лингвиста, но и ставит эксперта под удар в случае, если ему придется отвечать за свою работу в сфере юриспруденции.

Различные исследователи пытались создать в своих работах единый подход не только к оскорблению, но и к экспертизе в целом. Однако в данном случае они вынуждены были столкнуться с плюрализмом, существующим в научном сообществе.

Они предлагали разные решения возникшей проблемы. Е.А. Галяшина в своей книге «Основы судебного речеведения» писала, что унифицировать работу экспертов можно с помощью создания учебных заведений, занимающихся подготовкой экспертов.

Другие исследователи подходили к проблеме более конкретно и пытались переводить юридические термины в сферу языка. Именно так делает А.Н. Баранов в своей книге «Лингвистическая экспертиза текста», когда приводит примеры своих экспертиз.

Некоторые, наоборот, стремились удалиться от юридического понимания как можно дальше. Это обезопасило бы экспертов, но сделало бы экспертизы малоприменимыми в рамках судебных заседаний.

Целое множество теорий и методик до сих пор становятся основаниями для проведения лингвистических экспертиз. Это приводит к тому, что разные группы экспертов могут разным образом судить о тексте.

В связи с этим в данной работе было выявлено, как термин «оскорбление» толкуется в юридической и языковой сферах, и выделены важнейшие составляющие концепта «оскорбление» для обеих дисциплин.

Основная часть

Объект.

Под этим критерием подразумевается тот, кто является объектом оскорбления, на который направлена агрессия.

Рассмотрим сначала то, как объект оскорбления понимается с точки зрения лингвистики. В словарных статьях, описывающих слово «оскорбление», главными понятиями выступают два глагола: «обидеть» и «унизить». Кроме этого, составители приводят довольно характерные примеры использования слова: «Нанес отцу нестерпимое оскорбление» (Тургенев); «Терпеть оскорбление»; «посыпался град упреков, оскорблений» и т.п. [Ушаков, Щеглова, 2017: 502]. Отсюда видно, что в словарях, описывающих данное понятие, объект оскорбления сильно персонализирован. Это подтверждается и тем, что оба слова, используемые для определения термина, являются эмоционально окрашенными.

Приведем иллюстративный пример:

Смирнова С.С. обратилась в полицию с заявлением, в котором просит провести проверку, а также восстановить свою честь и педагогическое достоинство, поскольку Иванова В.В. высказалась в отношении нее следующими словами: «Вы не выполняете свои прямые обязанности»; «вы плохо работаете с детьми»; «детям не нравятся Ваши уроки, они для них скучные».

С точки зрения языка эти высказывания являются оскорбительными для Смирновой как для педагога с многолетним стажем, которая посветила свою жизнь обучению детей. Ей, как педагогу, приписываются отрицательные характеристики, умаляются ее способности и заслуги как учителя. Все это адресуется ей напрямую.

Таким образом, объектом оскорбления с точки зрения лингвистики является конкретная личность, испытывающая страдания из-за нанесенной обиды.

В таблицу вносится слово «личность» (см. Таблица 1 – Объект).

Теперь обратимся к пониманию объекта оскорбления в юридической сфере. Определение гласит, что оскорбление – это:

1. Унижение чести.
2. Унижение достоинства.

Эти определения исключают эмоциональную составляющую, которая лежит в основе лингвистического понимания.

Если обратиться к комментариям к статье 5.61 КоАП РФ, то можно увидеть следующее определение: «объектом административного правонарушения являются общественные отношения, связанные с гарантированными Конституцией РФ правами граждан на честь и достоинство. Конституция РФ предусматривает, что достоинство личности охраняется государством» [Чекалин, 2020: 386]. Отсюда следует, что объектом оскорбления с точки зрения права является не личность, а ее естественные, закрепленные в Конституции РФ права на человеческое достоинство (см. статью Конституции № 21: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»; и статью № 23: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени»).

Для иллюстрации еще раз рассмотрим пример, которые приведен выше. В выражениях: «Вы не выполняете свои прямые обязанности»; «вы плохо работаете с детьми»; «детям не нравятся

Ваши уроки, они для них скучные» Смирновой С.С. не присваиваются негативные характеристики, мотивированные ее личностными качествами или маркирующие отношение к ней как враждебно-неуважительное. Выражения дают понимание того, как адресант оценивает работу Смирновой С.С.

Исследуемое высказывание представляет собой оценочное суждение автора о действиях адресата. Оно содержит негативную оценку действий Смирновой С.С. на рабочем месте как несоответствующих неким стандартам Ивановой И.И.

Таким образом, автор реализует цель «информирование о мнении, касающемся осуществления Смирновой С.С. своих должностных обязанностей». Негативную оценку получают ее действия, а не личность, права которой охраняются законом.

Исходя из приведенных дефиниций, в таблицу выносится словосочетание «права личности» (см. Таблица 1 – Объект).

Таблица 1 – Объект

Критерий	Понимание в лингвистике	Понимание в юриспруденции
Объект оскорбления	Личность	Права личности

Предмет.

В рамках этого критерия мы рассмотрим, что с двух разных точек зрения является предметом оскорбления.

Если рассматривать с точки зрения лингвистики, то исходя из словарных определений, становится понятно, что предметом можно назвать нанесение обиды человеку, его унижение.

Если обобщить, то можно сказать, что оскорбление доставляет личности эмоциональный дискомфорт, иначе говоря страдания морального порядка. Ушаков использует примеры из классической русской литературы, чтобы проиллюстрировать понятие «оскорбление». Среди них есть такие примеры: «“Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок”. Грибоедов. “Напрасно хулители мнят оскорбить нас своею гордынею”. А.К. Толстой» [Ушаков, Щеглова, 2017: 502]. В этих примерах, как и в определениях, которые приводятся в словарях на первый план выходят именно чувства человека.

Подтвердим эту мысль, обратившись к Большому толковому словарю русского языка С. А. Кузнецова:

1. «Обидеть»: обида в словаре определяется как «оскорбление, огорчение, причиненное кому-л. несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением» [Кузнецов, 2008: 411], а обидеть как «причинить, нанести обиду кому-либо» [Там же: 412].

2. «Унизить»: это слово определяется как «задеть, оскорбить чье-либо. самолюбие, достоинство, поставить в унизительное положение кого-либо» [Там же: 558].

Все, что имеет отношение к страданиям, неприятным чувствам, вызванным нарушением нематериальных благ человека, относится к тому, что называют «моральным вредом». Тут мы используем его для обозначения всего спектра чувств, испытываемых пострадавшим от оскорбления.

Приведем небольшой иллюстративный пример:

Гражданка Смирнова С.С. обратилась в полицию с заявлением в адрес Иванова И.И. Как утверждается, к гражданке Смирновой подошел Иванов со спутниками и стал оскорблять ее следующими словами: «воровка, дворничиха, шестерка».

Слованесут в себе отрицательную коннотацию и, произнесенные в адрес человека, к тому же в присутствии посторонних, могут вызвать обиду и унизить личность. Это подтверждается и тем, что Смирнова посчитала необходимым обратиться в полицию.

В таблицу мы вносим словосочетание «причинение морального вреда» (см. Таблица 2 – Предмет).

В случае с правовым пониманием мы вновь обратились к Большому юридическому словарю. В нем, как и в комментариях к статье «Оскорбление», в качестве предмета оскорбления обозначается «унижение чести и достоинства» [Борисов, 2010: 283]. Чтобы понять, как это отличается от предыдущего объяснения, обратимся к примеру повторно.

Гражданку Смирнову публично назвали «воровкой», «шестеркой» и «дворничихой». Смирнова С.С. работает дворником. Никакой дополнительной информации, раскрывающей ситуацию более полно, мы не обладаем. Обратимся к Большому толковому словарю русского языка С.А. Кузнецова:

1. «Воровка». Вор – это «тот, кто ворует, занимается воровством; преступник, занимающийся кражами» [Кузнецов, 2008: 279]. Это обозначение характеризует человека как преступника, нарушителя общественного порядка.

2. «Шестерка». Нас интересует дефиниция, отмеченная как жаргонная. Шестерка – это «тот, кто находится в беспрекословном подчинении у кого-либо, выполняя чужую волю» [Там же: 1073]. Эта дефиниция дает отрицательное описание человека, не имеющего собственной воли, подчиненного другим.

3. «Дворничиха». В адрес Смирновой С.С. употреблено высказывание «дворничиха», которое, с учетом рода ее деятельности, рассматривается как номинация адресата по его профессии. Словарь Кузнецова определяет это слово как «работника при доме, обязанный охранять дом, поддерживать чистоту и порядок во дворе и на улице перед домом» [Там же: 332].

Автор высказывания использует в адрес лица пейоративные номинации «воровка» и «шестерка», содержащие негативную характеристику поведения адресата и указание на ее низкое социальное положение. Выражая свое презрение, автор высказывания отказывает Смирновой С.С. в статусе «нормальный человек», понижает ее социальный статус, маркирует отношения с ней как негативно-враждебные. Однако высказывание «дворничиха» значения унижительной оценки не содержит, так как, по сути, является номинацией человека по его профессии, а такая номинация формально не может оскорблять человека (ср. бухгалтерша, директриса).

В таблицу выносятся словосочетание «унижение чести и достоинства» (см. Таблица 2 – Предмет).

Таблица 2 – Предмет

Критерий	Понимание в лингвистике	Понимание в юриспруденции
Предмет оскорбления	Причинение морального вреда	Унижение чести и достоинства

Из определений и комментариев к словарным статьям «оскорбить» и «оскорбление» в вышеупомянутых толковых словарях не складывается ясное представление о конкретной форме оскорбления. Говорится, что оскорбительными могут быть слова и поступки, но не обозначается, по какому критерию они к таковым причисляются. В некоторых случаях мы можем опираться на общепринятую мораль, но не все люди однозначно интерпретируют слова и поступки. Кроме

этого, для человека может быть важен контекст ситуации, а также адресант, который произносит какие-либо слова или что-либо делает.

Отсюда можно сделать вывод о том, что с точки зрения языка только сам человек может решать, являются поступок или слова оскорбительными для него или нет. Оценивает он это под влиянием своих чувств, которые являются предметом оскорбления.

Для иллюстрации приведем очередной пример. На этот раз мы рассмотрим несколько ситуаций.

1. Отец со своим молодым сыном занимаются починкой. Сын подносит отцу инструменты и роняет один из них. Отец на это со смехом говорит: «Ох, криворукий! Аккуратней надо быть, а то ушибешься еще».

2. Теперь представим другую ситуацию. Два товарища-грузчика переносят тяжелые ящики из грузовой машины на склад. Один из них роняет ящик на пол и второй комментирует ситуацию так: «Криворукая же ты зараза!» – и легко пихает его в бок. На это его компаньон отвечает с усмешкой: «За собой следи, придурок!»

3. Обратимся к третьей ситуации. Девушка-официантка роняет поднос на пол и разбивает несколько тарелок. Один из посетителей ресторана замечает: «И как таких криворуких на работу только берут».

Во всех трех случаях люди одним и тем же словом комментируют неловкость другого человека, но и их замысел и реакция людей на их слова разные.

В первом случае отец выражает не возмущение неловкостью сына, но обеспокоенность его здоровьем. Не только его слова, но и поведение демонстрируют не желание унижить или обидеть, а переживание за ребенка. Эти сигналы заметны и сыну, поэтому он не чувствует себя оскорбленным отцом.

Во втором случае мы видим, что некоторая речевая агрессия в разговорах является привычной для двух товарищей. Обмен колкостями по поводу и без стал для них частью общения, поэтому они не чувствуют унижения, когда один делает замечание другому.

В третьем случае ситуация несколько иная. Падение девушки комментирует незнакомый ей человек. Он ставит под сомнение ее профессионализм и делает это публично. Кроме этого, ситуацию отягощает тот факт, что в тот момент происшествия девушка выступает как обслуживающий персонал. Такой комментарий унижает ее, ведь клиент ставит себя выше нее и считает, что вправе судить о ее поведении.

Из этих примеров видно то, как может меняться восприятие людей в зависимости от слов, ситуации, дополнительного контекста и человека, который произносит те или иные слова.

В таблицу мы вынесли: «оскорбительные, с точки зрения пострадавшего, поступок или слова» (см. Таблица 3 – Форма).

В сфере права, с первого взгляда, все гораздо проще. Уже в самом тексте статьи 5.61 КоАП РФ сказано, что оскорбление непременно должно быть выражено в неприличной форме. Большой юридический словарь никак не комментирует данное понятие. В комментариях же к статье сказано, что «понятие “неприличная форма” не может быть однозначно определено» [Чекалин, 2020: 385]. Кроме этого, там сказано, что «как оскорбление обычно расцениваются слова, относящиеся к разряду ненормативной лексики» [Там же: 385]. Однако не все разнообразие ненормативной лексики может попадать под это определение.

Вопрос о форме в рамках судебного процесса стоит, как правило, перед судьей, и в случае необходимости он принимает решение о проведении судебной лингвистической экспертизы.

Как показывает практика, при работе по делам об оскорблении первым вопросом к эксперту чаще всего является: «Выражена ли оценка (информация) в неприличной форме?» Все это говорит о том, что в рамках юридического понимания данный термин никак не растолковывается и вопрос о том, является ли представленный текст оскорблением или нет, предстоит решать именно эксперту, который может основываться на самых разных источниках. После долгих прений среди экспертов было решено, что лингвист не может давать оценку форме слова в этом случае. В настоящее время эксперты определяют форму по словарю (вульгаризмы, матизмы, бранные слова и т.д.). Дальнейшая оценка остается за судом. Именно судья определяет, присутствует ли в тексте слова, выраженные в неприличной форме.

Рассмотрим приведенные выше три ситуации. Слово «криворукий» не зафиксировано в академических толковых словарях. Однако Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи В.В. Химика и другие словари, описывающие жаргон, разговорную речь и матизмы, его также не фиксируют как брань, вульгаризм и т.п. Лингвист в этом случае может опираться на словообразование: разбить слово на изначальные составляющие и дать им оценку. Кроме этого, он может проанализировать ситуацию и обозначить коммуникативную ее

сторону. Только третья из них подразумевает под собой унижительную оценку лица. После этого только суд может вынести вердикт о форме.

В таблицу выносятся словосочетание «неприличная форма» (см. Таблица 3 Форма).

Таблица 3 – Форма

Критерий	Понимание в лингвистике	Понимание в юриспруденции
Форма оскорбления	Оскорбительные, с точки зрения пострадавшего, поступки или слова	Неприличная форма

Выражение

В этом разделе мы кратко прокомментировали, как может выражаться оскорбление с точки зрения двух рассматриваемых отраслей. Вопрос уже был косвенно рассмотрен выше, поэтому тут мы лишь выделим упомянутые выше понятия.

В толковых словарях представлены два вида выражения оскорбления – оскорбительный поступок и оскорбительные слова.

1. «Оскорбительный поступок». Это может быть как общепринятый непристойный жест (пощечина, жест средним пальцем и т.п.), так и контекстуально оскорбляющий человека поступок (закатывание глаз, сморщенный нос и т.п.).

2. «Оскорбительные слова». В этом случае это тоже могут быть как единогласно признанные оскорбительными слова (матизмы, вулгаризмы), так и слова, имеющие смысл только в контексте ситуации, а также неологизмы.

Приведем несколько примеров таких нетипичных оскорблений.

Несколько человек едет в лифте. Один из мужчин замечает, что от женщины сильно пахнет духами. В какой-то момент он начинает водить носом, морщиться и отворачиваться от нее. Далее он говорит: «– Таким парфюмом можно войско уложить!» До конца поездки он продолжает смотреть на женщину и зажимать нос. В этом случае мужчина не только дает понять о своем дискомфорте, но и обращает максимальное количество внимания на его причину. Присутствие других людей только усиливает дискомфорт и унижение.

Теперь рассмотрим нетипичный случай словесного оскорбления. Молодой человек, которого бросила девушка, расклеил по району объявления с ее номером и подписью: «Пожалуйста,

отшпинтехворьте меня!» Это авторский неологизм, и только при помощи лингвистического анализа и контекста можно определить смысл слова. Оно нигде не зафиксировано и причислить его к какой-либо категории нельзя.

В таблице фиксируем словосочетание «оскорбительные поступки или слова» (см. Таблица 4 – Выражение).

Правовое понимание в этом случае приближено к языковому. В комментариях к статье «Оскорбление» сказано, что оскорбление может быть выражено двумя способами:

1. Вербально: в устной или письменной форме.
2. Невербально: непристойные жесты, пощечины и т.д.

Если обратиться к приведенным выше примерам, то можно ответить, что лингвистический анализ не может оценить ситуацию как «оскорбительную» в первом случае, но может установить, что во втором случае использованный неологизм несет в себе унижительную оценку личности.

В таблицу выносятся словосочетание «Вербальное (устно или письменно) и невербальное (действие)» (см. Таблица 4 – Выражение).

Таблица 4 – Выражение

Критерий	Понимание в лингвистике	Понимание в юриспруденции
Выражение оскорбления	Оскорбительные поступки или слова	Вербальное (устно или письменно) и невербальное (действие)

Умысел

С лингвистической точки зрения этот параметр не несет в себе определяющего смысла. Только пострадавший человек сам для себя определяет, были ли задеты его чувства, и если ответ да, то поступок или слова являются оскорбительными (сюда можно добавить еще и общество, которое также оценивает действие одного человека по отношению к другому). Свои нематериальные блага человек оценивает сам. Отсюда следует, что намерение человека, совершившего оскорбление, никак не рассматривается. Наоборот, может быть так, что кто-либо имел своей целью оскорбить человека, но в его представлении это не задевает его чувств. В этом случае даже то, что традиционно оценивается как оскорбительное, может таким не считаться.

В таблицу запишем словосочетание «не важен» (см. Таблица 5 – Умысел).

В правовой сфере ситуация противоположная. В комментариях к статье, а также в Большом юридическом словаре сказано, что из-за характера деяния следует то, что вина гражданина выражается в форме умысла. То есть человек должен осознавать, что оскорбляет человека, и желать сделать это. Отсюда следует, что оскорбительным является только совершенные с умыслом деяния. Если его не было, то под статью они не попадают и таковыми не признаются. Определять умысел может только судья, но частично этому может способствовать и эксперт-лингвист. Приведем небольшой пример, когда его мнение может помочь суду определить умысел.

Сидорова С.С. обратилась в полицию с заявлением на своего соседа по даче, гражданина Иванова И.И. Он обратился к ней со следующим выражением: «Собака! Какая клубника тут вырастет, песок же один!» Именно эксперт-лингвист может определить, что в этом случае слово «собака» используется не как обозначение грубого, злого человека, но только в качестве экспрессивной частицы, привычной для речи человека. Это слово характеризует лишь его общий культурный уровень.

В таблицу выносится словосочетание «только с умыслом» (см. Таблица 5 – Умысел).

Таблица 5 – Умысел

Критерий	Понимание в лингвистике	Понимание в юриспруденции
Умысел	Не важен	Только с умыслом

Выводы

В данной работе мы сопоставили понимания феномена оскорбления в юридической сфере и в сфере языка. Теперь мы с уверенностью можем утверждать, как это явление представлено в каждой из рассматриваемых дисциплин. В ходе анализа нами были выделены важнейшие критерии, по которым мы и смогли сопоставить два взгляда на явление. Мы выделили пять критериев:

1. Объект – это то, на что направлено оскорбление.

2. Предмет – это то, в чем выражается оскорбление.
3. Форма – это то, как выражается оскорбление.
4. Выражение – это то, через что оно может быть реализовано.
5. Умысел – это то, какое влияние намерения человека оказывают на оценку ситуации.

После разбора все выводы по данным критериям были кратко сформулированы и занесены в сводную таблицу (см. Приложение 1). Из нее следует, что полностью совпадает по смыслу только один из критериев – выражение, а остальные либо частично, либо полностью расходятся между собой.

Кроме этого, мы постарались привести как можно больше примеров проблемных ситуаций для иллюстрации того, как выделенные нами критерии могут реализовываться в повседневной речи людей. Это также позволило более ярко отразить различия или схожести в оценке ситуации с оскорблением со стороны права и языка. Мы также постарались дать некоторое представление о том, как некоторые ситуации осмысляются лингвистами-экспертами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Около 5000 синонимических рядов / Н. Абрамов, Е.А. Гришина. – М.: АСТ, 2008. – 672 с.
2. *Авдеенко, И.А.* Оскорбление как коммуникативный феномен: оскорбление и агрессия – характер реакции / И.А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2016. – № 2. – С. 102–108.
3. *Баранов, А.Н.* Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: УРСС Эдиториал, 2001. – 360 с.
4. *Баранов, А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
5. *Борисов, А.Б.* Большой юридический словарь / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.
6. *Бринев, К.И.* Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт / К.И. Бринев // Юрислингвистика. – 2011. – № 1. – С. 330–338.
7. *Галяшина, Е.И.* Основы судебного речеведения / Е.И. Галяшина. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.
8. *Галяшина, Е.И.* Судебная лингвистическая экспертиза / Е.И. Галяшина // Лингвистическая экспертиза. – 2003. – №2. – С. 371–393.
9. *Грачев, М. А.* Судебно-лингвистическая экспертиза: учеб. пособие / М. А. Грачев. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 360 с.
10. *Дмитриев, Д.В.* Большой толковый словарь русского языка / Д.В. Дмитриев. – М.: АСТ, 2017. – 1584 с.

11. *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 1084 с.
12. Кодекс об административных правонарушениях РФ на 10.03.20. С комментариями / Под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Проспект, 2020. – 752 с.
13. *Лопатин, В.В.* Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Эксмо, 2013. – 928 с.
14. *Михалева, О.Л.* Лингвистическая экспертиза текста: проблемы, методы, результаты / О.Л. Михалева, Е. В. Стародворская, М.Б. Ташлыкова. – Иркутск: ИГУ, 2013. – 158 с.
15. *Мокиенко, В.М.* Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 658 с.
16. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., М.: Норинт; Рипол классик, 2008. – 1534 с.
17. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений. – 28-е изд / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.
18. Теория и практика судебной экспертизы / *Е.И. Галяшина, С.А. Смотров, С.Б. Шашкин и др.* – СПб.: Питер, 2003. – 704 с.
19. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации на 20.03.2020. С комментариями / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Проспект, 2020. – 384 с.
20. *Ушаков, Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков; под ред. О.А. Щегловой – М.: Славянский Дом Книги, 2017. – 960 с.
21. *Химик, В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. / В.В. Химик – СПб.: Оникс, 2004. – 762 с.
22. *Химик В.В.* Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. / В.В. Химик – СПб.: Златоуст, 2017. – Т. 2. – 530 с.

Приложение 1

Критерий	Понимание в лингвистике	Понимание в юриспруденции
Объект оскорбления (то, на что направлено оскорбление)	Личность	Права личности
Предмет оскорбления (то, в чем выражается оскорбление)	Причинение морального вреда	Унижение чести и достоинства

Форма оскорбления (то, как выражается оскорбление)	Оскорбительные, с точки зрения пострадавшего, поступки или слова	Неприличная форма
Выражение оскорбления(то, через что оно может быть реализовано)	Оскорбительные поступки или слова	Вербальное (устно или письменно) и невербальное (действие)
Умысел (то, какое влияние намерения человека оказывают на оценку ситуации)	Не важен	Только с умыслом

COMPARISON OF MEANINGS OF THE CONCEPT “INSULT” IN JURISPRUDENCE AND LANGUAGE

Anna N. Surina

Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University, Russian Federation, 420056, Kazan, st. Tatarstan, 2

This article is devoted to comparing the understanding of the phenomenon of insult in the law and linguistic spheres. In it, a comprehensive comparison of these phenomena was carried out and the result of this work was a table that clearly demonstrates the similarities and differences of understanding in the two designated areas. In the course of the study, we identified several key criteria, on the basis of which we carried out a comparison. We have attributed to these criteria: an object, an object, a form, an expression of an insult, and also intent. The result of the comparative work was formalized by us in a table and presented at the end of this work. We have used a large number of examples in this article. With their help, we were able to more clearly demonstrate the differences between legal and linguistic understanding of insult.

Keywords: the concept of “insult”, linguistic forensics, jurisprudence.

Контактная информация:

Сурина Анна Николаевна;

surina.ana@yandex.ru

В.И. Шульженко

*Пятигорский государственный университет,
Российская Федерация, 357502,
Пятигорск, пр. Калинина, 9*

М.Ю. Сумская

*Филиал Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске,
Российская Федерация, 357502,
Пятигорск, ул. Кучуры, 8*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

В статье рассматривается жанр лингвистической экспертизы, объектом которой стал материал, размещенный в одном из популярных органов СМИ. Его публикация вызвала негативный резонанс у коренного населения одной из северокавказских республик, усмотревшего в ней покушение на национальное достоинство, плохо завуалированные выпады в свой адрес, а также призывы к межнациональной розни. В таких случаях жанр лингвистической экспертизы выполняет двойную роль: главную, суть которой состоит в составлении заключения о форме и характере оспариваемого истцом высказывания, и другую, все чаще востребованную в современной антропоцентрической парадигме мышления, когда филолог выступает как «эксперт в строительстве современных языковых культур» (Е.Д. Поливанов), слово которого обретает общественно значимую ценность. Более того, при естественном доминировании филологического дискурса возникает необходимость в междисциплинарном синтезе, определяющем содержательное своеобразие лингвистической экспертизы. Это предопределило апелляцию к компонентному семантическому анализу, обращению к логико-грамматическому и синтаксическому анализу, структурному и стилистическому методу, а также, где это представлялось необходимым, методу лингвистического комментирования, который временами пересекался с литературоведческим. Композиционно основная часть статьи строится с точки зрения текстового алгоритма, где большое значение придается логико-смысловой последовательности сформулированных вопросов, так как тем самым достигается решение двух весьма важных задач для восприятия самой экспертизы как речевого акта – целостности и нарративности. Авторы настаивают, что целостность, будучи сущностным качеством экспертизы как интеллектуального типа коммуникации, во многом способствует достижению истинности. Другой существенный признак современной экспертизы заключается в констатации внимания ее исполнителя на понятии «нарратив», без которого сегодня просто не обойтись, особенно при исследовании многих текстов, фигурирующих в судебных процессах. Важным в нашем случае оказалось использование концепта «культурная память» и связанного с ней понятия «травма».

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, междисциплинарный синтез, целостность, нарратив, межнациональное согласие.

Недавно отправленная в издательство рукопись нашей монографии, посвященная различным аспектам филологической экспертизы, содержит раздел, в котором размещены материалы, связанные с производством разного рода судебных экспертиз. Их за последние годы было не менее десятка, но уже первая, исполненная по просьбе одного известного адвоката, в молодости, кстати, работавшего учителем русского языка в школе, заставила сильно сомневаться в адекватности самого ее определения – «лингвистическая», ибо, по сути, она в отдельных своих фрагментах, ничуть не противореча логике и смыслополаганию своего функционально-целевого предназначения, апеллировала к целому ряду гуманитарных дисциплин, заметно откорректированному в недавнем постановлении ВАК. Это позволяет в значительной мере укрепить базу аргументации, обогатить ее мыслями и положениями, в истинности которых вряд ли будет сомневаться любой здравомыслящий человек. Благодаря таким с большой требовательностью, уместностью и, конечно же, с опорой на авторитетные источники отобранным аргументам позиция эксперта выглядит гораздо более убедительной. При этом, естественно, ни в коей мере нельзя пренебрегать доступностью и понятностью аргументов, пониманием их близости с установленными в обществе идеалами, мнениями и представлениями о справедливости и чести.

В деле, ставшем вначале основой лингвистической экспертизы, материалы которой затем трансформировались в объект исследования данной статьи, весьма важную роль играл фактор эмоционально-психического состояния самих обратившихся за экспертной помощью, среди которых преобладали люди уже весьма почтенного возраста, представлявшие народ, который в 1943–1944 годах подвергся абсолютно незаконной высылке из родных мест. Суть их просьбы заключалась в стремлении доказать, что опубликованные в одном из органов СМИ факты имеют экстремистский характер, сеют ненависть к их народу, обостряют межэтнические отношения в самом, пожалуй, конфликтном регионе России. Поэтому совершенно ожидаемо, публикация статьи в известной своими скандальными расследованиями газете практически мгновенно вызвала рост напряжения среди местного населения, тем более что «доля проживающих на территории Карачаево-Черкесской Республики русских является одной из самых весомых среди субъектов СКФО» [7, с. 131].

То есть, иными словами, предстоящая экспертиза из первоначально чисто процессуально-правовой процедуры приобрела коннотацию значимого общественного деяния. Что никоим образом не повлияло на объективность и непредвзятость ее выводов, ставших, в свою очередь, благодатной в информативном смысле базой для научной статьи, имеющей очевидный междисциплинарный характер, выразившимся, как это будет показано ниже, в абсолютно оправданном обращении к теоретическим постулатам не только одной филологии.

Итак, повторим, своеобразным «полевым» материалом данной работы стала ранее проведенная нами лингвистическая экспертиза статьи, опубликованной в газете «Совершенно секретно» (№ 9 от 23 марта 2015 года), некогда чрезвычайно популярной, но сегодня утратившей в немалой степени читательский интерес из-за явной перенасыщенности медиарынка всевозможными – с непременным «душком» – «расследованиями», начиная с профессиональных интерпретаторов всемирной и российской истории и заканчивая истеричными эскападами бывших футбольных звезд на канале «Матч ТВ». Материалу был предпослан заголовок в духе псевдопиара советских времен – «“Интернационализм” по-карачаевски», и его автором значился Владимир Воронов. Уже 4 сентября того же года на сайте прокуратуры Карачаево-Черкесской Республики появилось сообщение о том, что городским судом Черкесска был удовлетворен ее иск о признании опубликованной в газете «Совершенно секретно» статьи экстремистским материалом. Здесь можно было бы поставить точку в этой далеко не безупречной с этической точки зрения истории. Однако к завершившемуся, казалось бы, удовлетворивших обе стороны итогом делу неожиданно подключилась небезызвестная Региональная общественная организация содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр «Сова», основанная еще в 2002 году и уже в 2016-м внесенная в реестр некоммерческих организаций, «выполняющих функции иностранного агента». В названном «историческом очерком» материале Воронова эта самая «Сова» никаких признаков экстремизма не обнаружила, зато одновременно уличила суд и прокуратуру КЧР в стремлении «убрать из общественного доступа любую информацию, не соответствующую официозному образу жителей своей республики» [4]. Этим обстоятельством, но еще гораздо в большей степени убежденностью в несомненной общественной значимости и не потерявшей, к сожалению, актуальности, мы и

объясняем нынешнее «возвращение к теме», избрав для ее публичной репрезентации авторитетную трибуну Петербургского международного юридического форума и обратившись при этом к вполне понятной смене жанровых парадигм.

Что, естественно, требует пусть кратко, но структурно предполагаемого упоминания о методах и приемах, использованных в процессе дискурсионной трансформации материалов судебной экспертизы в текст научной статьи. Они, кстати, не претерпели существенных изменений, что говорит об определенной – ситуативной – близости по целому ряду параметров двух стилей речи – официально-делового и научного. Это выразилось в нашей приверженности контекстуальному анализу, непременно сопровождаемому техникой кристаллизации смысла. В отношении используемой авторами лексики мы стремились оставаться в рамках системности, что позволило там, где это было необходимо, трактовать слово или понятие в семантико-семиотическом аспекте. Сознвая особую роль методологической и теоретической основы любого научного исследования, напомним и об основополагающейся для нас идеи антропоцентризма, значимость которой особенно четко проявилась в прерогативе принципа динамичной взаимосвязи языка и культуры как в самой статье, так и в собственных комментариях о ней.

Переходя к основной части, считаем важным напомнить, что структура лингвистической экспертизы обязательно включает констатацию перечня вопросов, которые предполагается решить в ходе исследования. Причем здесь с точки зрения текстового алгоритма большое значение придается логико-смысловой последовательности сформулированных вопросов, так как тем самым достигается решение двух весьма важных задач для восприятия самой экспертизы как речевого акта – целостности и нарративности. Целостность будучи сущностным качеством экспертизы как интеллектуального типа коммуникации способствует достижению истинности. К ней же, кстати, стремится и сама породившая экспертизу статья из «Совершенно секретно» – типичный продукт современной журналистики. Она сегодня едва ли не полностью входит в состав словесности, при условии когда ее тексты не притязают на императивное восприятие, «в отличие от законов, декретов, государственных актов, учебников, технических руководств и т.д.» [6, с. 57]. Претендующая в нашем случае на образец нон-фикционального (а значит, и на «литературность» в якобсоновском

смысле) письма статья терпит фиаско, ибо столь существенная для традиционной «литературности» нарративность основывается на субъективных взглядах автора текста. Не случайно в нарратологии столь важным является вопрос об авторе, о личности, если хотите, рассказчика, от чего наш автор пытается всячески откеститься, создать впечатления своей максимальной непричастности к «модусу художественности» принадлежащего ему текста.

Так вот, мы были обязаны ответить на вопросы: а) о выражении использованных в статье В. Воронова «”Интернационализм” покарачаевски» словесных (изобразительных) средств, унижительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок и негативных установок в отношении карачаевского народа или отдельных лиц как его представителей; б) о возможности восприятия читателями заголовка статьи с последующими авторскими комментариями к форме воздействия на сознание, волю и поведение людей для формирования побуждения к национальной розни; в) о наличии в статье фактов, указывающих на существование якобы имеющей длительную историю вражды между русским и карачаевским народами; г) о влиянии приводимых в статье статистических данных на разжигание национальной розни.

При вполне естественной заинтересованности каждого граждански ответственного человека к подобному роду материалам, для эксперта-филолога они важны не так часто случающейся возможностью одновременно использовать в профессиональной деятельности комплекс разных методических алгоритмов. В нашем случае он включал компонентный семантический анализ и метод семантического дифференциала. Мы одновременно обращались к логико-грамматическому и синтаксическому анализу, структурному методу, методу сопоставления других авторских работ, стилистическому методу, и, где это представлялось необходимым, методу лингвистического комментирования, который временами пересекался с литературоведческим. В некоторых случаях необходимо было использовать возможности контент-анализа, предполагающего способ качественно-количественного анализа содержания документа с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в нем.

Кроме того, сравнительно-сопоставительный анализ составляющих текст фрагментов, будучи в данном случае не научным

методом познания действительности, а прежде всего лингвистико-экспертной стратегией, наиболее релевантной искомому типу процедур и в максимальной степени соответствующей выявлению закономерностей и особенностей вербального конструирования текстов правовой направленности, предоставил возможность выстроить композицию данной статьи в виде научного комментария наших ответов на заданные когда-то прокурором вопросы.

Первый из них, напомним, касался ментальной карты – свойств карачаевцев как народа. Причем с очевидным и настойчиво подчеркиваемым отрицательным вектором. Опираясь на положение ст. 282 УК РФ, мы напомним, что под нормой понимается любой целенаправленный акт внешней практической деятельности, включая речевое изложение мысли и иные формы передачи информации языковыми или изобразительными средствами. Таким действием, по нашему мнению, обладали некоторые фрагменты искомой статьи, содержащие отрицательную эмоциональную оценку и формирующие негативную установку в отношении определенной этнической (национальной) группы, в данном случае – карачаевского народа.

Как известно, понятие «интернационализм» является антитезой национализма, и если оно поставлено автором в кавычки, подчеркивали мы, то он тем самым прямо намекает, что имеет в виду нечто противоположное, то есть название статьи без кавычек следует читать как «Национализм по-карачаевски», а это уже, естественно, прецедент иного порядка, требующий судебного разбирательства.

Было также обращено внимание на то, что автор статьи, сделав слово «интернационализм» ключевым, сам того, возможно, не желая, указал на ее истинное целеполагание – не осуждение национальной политики в СССР, что присутствует в тексте как внешняя – исполняющая чисто камуфляжную задачу – канва, а реанимация явно нездорового публичного интереса к двум далеко неоднозначным периодам в истории карачаевского народа, которые изложены в статье в явно оскорбительном для него ракурсе. Причем преподнесено это было не с помощью авторской речи, а цинично-изобретательно – цитатами из секретной записки тогдашнему председателю КГБ Ю. В. Андропову, в духе типичного репрессивно-карательного дискурса советской эпохи.

В связи с этим нами подчеркивалось, что слово «по-карачаевски» является наречием и обозначает «как свойственно карачаевцам, как характерно для них или для Карачая». Следовательно,

употребляя его, пишущий или говорящий имеет в виду весь народ, всю его культуру, традиции и обычаи. Вынося в заголовок слова «интернационализм» и «по-карачаевски», В. Воронов настаивает, что описанные им в статье формы и проявления этого самого «интернационализма» присущи каждому карачаевцу, что, естественно, находится в явном противоречии с огромным количеством фактов, свидетельствующих о высоких морально-этических свойствах национального характера. Симптоматично, что, употребив в заглавии в глобалистском духе наречие «по-карачаевски», он изощренно манипулирует в нужном для себя контексте цитацией государственной важности документа под грифом «совершенно секретно», в котором, наглядно опровергая автора, говорится только лишь об «определенной части», «отдельных категориях» коренного населения Карачаево-Черкесской автономной области.

В филологическом смысле феномен заголовка, если иметь в виду второй вопрос, вообще представляется слоганом-шедевром провокационного пиара. Достаточно поверхностного взгляда, чтобы определить, что он явно скроен по принципу рекламного текста, столь ныне распространенного в окружающем нас коммуникативном пространстве, и включает в себя два высказывания: собственно название статьи – «"Интернационализм" по-карачаевски») и подзаголовок – «1980 ГОД: ИЗНАСИЛОВАНИЯ ПОД ЛОЗУНГОМ «ТАК БУДЕТ СО ВСЕМИ РУССКИМИ», набранный в газетном варианте статьи именно прописными буквами (шрифт, напомним, является важным элементом изобразительной компоненты публичного текста). Как того и требуют каноны рекламного дискурса, заголовок должен быть легко читаемым и не содержать сложных для понимания слов. Но самое главное – он должен как можно лучше отразить суть рекламного текста, а в нашем случае – приковать к себе внимание даже тех, кто и о самих карачаевцах, собственно, не очень-то хорошо осведомлен. И тут, согласно рекламной «классике», становится особенно значимой роль только что упомянутого подзаголовка: он не только связывает заголовок и основной текст, а – вот в чем фишка! – обязан воплощать его главную идею.

Между ними помещена фотография стоящих в кругу кавказских старцев, которую заголовок, согласно рекламным законам, должен дополнить и конкретизировать. Но в данной статье этого не происходит: заголовок и фотография просто противоречат друг другу, вызывая

очевидный когнитивный диссонанс, а присутствие фотографии убеленных сединами стариков в данном месте просто безнравственно. Такого рода заголовочные комплексы носят явно провоцирующий характер, еще более усиливающийся из-за кощунственного эффекта, который производит искусственно прикрепленный к фотографии – явно не из благородных намерений и не без злого умысла – подзаголовок. Вырванный из контекста, репрезентованный в однозначно негативно трактуемом логико-грамматическом смысле, содержащем угрозу насилия над русским народом, и, как было сказано выше, маркированный на газетной странице специальными типографскими средствами, этот вопиющий образец публичного глумления над целым народом вольно-невольно становится мощной формой воздействия на сознание и волю только что начавшего читать статью человека, формируя в его сознании статус очевидного призыва к возбуждению национальной розни. Подобные журналистские перлы, безнравственное отношение к свободе слова порождают напряженность в обществе, вызывают чувство опасности в ситуации сосуществования разных национальностей и вероисповеданий в едином государственном образовании.

Потенциально опасной представляется и искусно формируемая в газетной публикации мысль, что именно русские являются главным объектом ненависти карачаевцев (пусть и не всех, а только «радетелей восстановления национальной справедливости»). Другие «некарачаевские» народы, как ни странно, в статье не называются, что выглядит достаточно симптоматично; говорится об «антирусских настроениях», «неприязни к русским» и т.д. Репродуцированные в принципиально иную историческую эпоху в склонном к сенсационности (часто ложной и фальшивой) издании, при этом выделенные особым шрифтом слова-угрозы «Так будет со всеми русскими», могут быть действительно восприняты определенными людьми как лозунг, призывающий к расправе над ними и их близкими.

Следует подчеркнуть, что в недавнем прошлом менее кровавый лозунг националистов в бывших советских республиках: «Чемодан, вокзал, Россия» – вынудил миллионы русских сняться с обжитых мест. Испить горькую чашу изгнания, насилия, бесправия. Автор, с завидной методичностью и настойчивостью реализует свой замысел, демонстрирует отличное владение приемами монтажа, суть которого заключается в изощренной перетасовке фрагментов неких официальных документов и своих предельно коротких, но играющих

роль смысловых центров, комментарий: «Уже ясно <...> ситуация в Карачаево-Черкессии не просто тревожна, а на *границе взрыва*» (*курсив наш.* – В.Ш., М. Ю.). Речь, напомним, идет о проявлении ненависти карачаевцев к русским в 1980 году (!), причем для авторского стиля при этом характерно тщательное проговаривание сталинской лексики, умевшей ставить тавро на все, что обрекалось на репрессивные меры. Автору явно не хочется списывать в архив этот тоталитарный язык, он ему очевидно приятен и явно завораживает его.

Или такой, полный двусмысленности, отдающий лицемерием прием, когда журналист вскользь упоминает о стремлении оккупировавших часть Северного Кавказа немцев «организовать из карачаевцев вооруженные антисоветские формирования». Сразу же после этого, в следующем абзаце, приводится обширная цитата из «официальной версии» с перечислением «преступлений» карачаевцев, чем начисто дезавуируется демонстрируемый ранее нейтралитет, вопреки не только логике, но и элементарной порядочности. Подчеркнем, что автор ни разу не обмолвился о существовании целого ряда важнейших государственных документов, которые восстановили историческую справедливость в отношении карачаевского народа, тем самым переводя статус сталинских законов той поры в разряд свидетельств человеческой трагедии. Поэтому апелляция к ним не может рассматриваться иначе как «определенный тип некрофилии, в основе которой ксенофобия, национальная ограниченность, ненависть к Другому» [8, с. 270].

Помятуя о совсем не чуждом нам «антропологическом повороте» в гуманитарных науках, не можем здесь оставить без внимания собственно механизмы, способствующие сохранению «культурной памяти» (это не совсем то, что немецкий язык передает как *Gedächtnisforschung*). Этот интерес присущ не только литературоведам, но также и «психологам, социологам, когнитивистам, занимающимся формами и функциями прошлого в повседневной жизни современного общества» [9, с. 80], хотя сегодня уже вряд ли удастся обойтись без основных методов и парадигм, которые используются в исследовательском поле при анализе внеиндивидуальных аспектов памяти. Отсюда, собственно, наш интерес к упомянутой выше нарратологии, стремление сделать более существенным акцент на описании нарратива, его характеристик и свойств. Тем более что эта исследовательская интенция как нельзя лучше соответствует самой сути проговаривания или другого какого-

либо эксплицирования памяти, которая специалистами по практикам коммеморации всегда представляется выбором нарративов, игрой фреймами.

Отсюда лишь косвенно о проблеме, сознаваемой специалистами неопределенности самого понятия «память», отсутствие позволяющих ее идентифицировать критериев. Равно как и о проблеме самой мемориализации памяти, ибо до сих пор трагические события прошлого не стали для всех однозначными и память о них провоцирует социальные и политические конфликты между представителями разных народов, приводит часто к плохо скрываемому замалчиванию памяти, к стремлению сделать ее «как бы не бывшей». Сказанное тесно переплетается с принявшими невиданный размах манипуляциями с визуальной информацией, с принявшим тотальный характер микшированием анонимных видеоматериалов о насилии, подрывающих и разрушающих память.

Авторы, пусть и представляющие различные гуманитарные науки, однако имеющие определенный опыт работы на ниве журналистики, не могли оставить без внимания совсем не безобидную в данном случае манипуляцию статистическими данными, способствующую разжиганию национальной розни. Вольное обращение со статистикой сразу ставит под вопрос наличие элементарных представлений о специфике журналистской работы, порождает сомнения в правильном восприятии Вороновым профессиональной этики. Нельзя не помнить об особой значимости структуры журналистского текста, когда важно не только и не столько ЧТО сказано, а КАК сказано; часто КАК и составляет ЧТО, поэтому в такого рода текстах не должно быть ничего случайного, помещенного ради красного словца, желания прослыть сведущей о всех «тайнах мира» фигурой.

Снабдив свой текст столь эпатажным, требующим немедленной читательской реакции подзаголовком, вызывающим легко прогнозируемый приступ кавказской ксенофобии (к сожалению, возведенной некоторыми нашими согражданами в ранг мировоззрения), автор о нем как-то по-детски тут же забывает. Он пускается в исторический экскурс, описывающий выселение карачаевского народа в 1943 году и его последствия. Назвав официальные цифры человеческих потерь, имевших место в ходе депортации, количество судебных дел за измену Родине и привлеченных к ответственности, автор вновь «забывает» сказать об их исторической несправедливости,

жертвой которой, по сути, стал целый народ, положивший на алтарь нашей общей победы над фашизмом тысячи жизней и давший стране несмотря на свою малочисленность 11 Героев Советского Союза.

Есть все основания говорить о семантическом сходстве (сопряжении) заголовочно-финального комплекса, искусно маскирующего истинные мотивы публикации. И в заголовке (как мы уже выше описывали), и в резюмирующей части статьи возникает ощущение все того же когнитивного диссонанса, буквально режущей слух весьма ощутимой асимметрии. Это напряжение возникает между логико-грамматической структурой предложений, входящих в последний фрагмент, и внутренними интенциями, которые они в себе содержат. О первой уже было сказано, тогда как в расположенной в конце второй автор, сбрасывая маску беспристрастия, зримо негодует на якобы чреватую тяжелыми последствиями беспечность нынешней власти к преступникам-карачаевцам, что свидетельствует, по его мнению, об «эрозии и даже крахе действительно *фундаментальных скреп государства*» (выделено нами. – В. Ш., М. Ю.). Он буквально взбешен этой «атрофией власти», которая неспособна «даже предложить хоть что-то...». Вот в этом «хоть что-то...», с красноречивым многоточием (а не с восклицательным знаком, вполне оправданным здесь по пафосу фразы), которым и заканчивается статья, заключается явная двусмысленность, возникшая из вербально выраженного сознательного намерения и одновременного осуществления бессознательного желания. Чуть раньше, опять-таки по причине безнаказанности все тех же карачаевских хулиганов, не в силах скрыть своей мстительной досады, он в традициях уличного театра гневно воскликнет: «Это уже край!» И выдает себя с головой, так как «хоть что-то...» и «Это уже край!» оказываются в контексте опубликованного в «Совершенно секретно» материала высказываниями одного семантического и эмоционально-чувственного порядка.

...Все это очень напоминает то, о чем много размышлял, по свидетельству Г. А. Белой, перед смертью Мераб Мамардашвили. Философ поражался странной способности «советской культуры оперировать фикциями и версиями: общество оперировало языком, который не был адекватен реальности» [3, с. 170]. Он назвал это явление «фокусническим устранением реальности» и не казенный, официальный язык он имел в виду, подчеркивает Белая, а «псевдоназвания», обладающие «"зарядом отрицательной, порочной энергии", исходящей от ложной парафразы» [3, с. 171].

В заключение отметим, что филологический дискурс, доминировавший, естественно, в данной статье, не только продемонстрировал необходимость дальнейшего теоретического осмысления лингво-правового текстуального симбиоза, коим как раз и стала положенная в ее основание экспертиза. Он позволил обнаружить наличие мощного пацифистского потенциала лингвистической экспертизы, выявил значимость участвующих в ее создании междискурсионных практик для противодействия не столь уж редких в наше время экстремизму и разжиганию межэтнической вражды.

Таким образом, выделение лингвистической экспертизы в отдельную сферу исследований отвечает насущным задачам стремительно набирающей вес и значение юридической лингвистики как в системе высшего образования, так и курсового обучения, будь то достаточно традиционная юридическая риторика, так и подготовка специалистов-переводчиков в области борьбы с международной организованной преступностью и терроризмом. Кроме того, такое взаимодействие дисциплин должно быть оценено «не только как средство и способ формирования профессиональных компетенций будущих выпускников, но и как возможность развить в студентах гражданскую позицию» [1, с. 172].

Особо следует оговорить так называемые «отсроченные последствия» выполненной нами экспертизы уже вне судебно-процессуальных рамок самого рассматриваемого дела. Имеется в виду ее роль в качестве «весьма убедительного мотива для привлечения студентов юридического направления подготовки, основную массу которых составляет молодежь северокавказских республик, к самому феномену экспертизы как важной компоненте судебной процедуры в цивилизованном обществе» [2, с. 85].

Наша статья побуждает к принятию Минобром решения о безотлагательном введении в учебные планы двух образовательных направлений подготовки в вузах – правового и филологического – «перекрестного» (как это обозначено в анонсировании ПМЮФ) принципа преподавания целого ряда дисциплин, взаимовыгодного, как показал опыт, для студентов той и другой специальности. «Перекрестный» эффект возникает благодаря сегодня четко осознаваемому специалистами учебному потенциалу при работе над экспертизой для студентов-филологов, как для будущих русистов, так и тех, кто готовится стать переводчиком в юридической сфере.

«Перекрестный» эффект несомненно окажет влияние и на проблему особой актуализации сегодня качественной правореализации заключающейся в необходимости придания ясности правовым актам, реализации принципа для доступности их понимания каждым членом общества. Для качественной правореализации уже недостаточно только факта официальной репрезентации нормативных актов. Сознвая взаимосвязь лингвистического и юридического качеств текста, которые будут «способствовать более четкому формулированию идей, заложенных в правовой или судебный акт» [5, с. 50].

И последнее. Если задуматься над самой «моделью» жанра лингвистической экспертизы, то он, по сути, очень хорошо сопоставляется с тем, что ныне называется «кейсом», в котором зримо присутствуют все признаки сакрального, незримыми нитями прочно связанного с повседневными практиками человеческого взаимодействия, как бы имеющего отношение к хорошо нами осознаваемому недавнему историческому прошлому, но одновременно буквально накладывающегося на самое актуальное настоящее и, вне всякого сомнения, не представимого без нашего общего российского будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авиаров А.Г., Шульженко В.И.* Кластер «Дополнительное образование» в стратегии формирования опорного университета // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2016. № 3. С. 171–175.
2. Актуальные проблемы духовной жизни личности и общества: региональный аспект: Коллектив. монография / Под ред. А. В. Антюхиной. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ. 2014. 162 с. С. 83–95.
3. *Белая Г. А.* «Фокусническое устранение реальности» (О понятии «роман-эпопея») // Вопросы литературы. 1998. №3. С. 170–201.
<https://voplit.ru/2021/03/29/fokusnicheskoe-ustranenie-realnosti-o-ponyatii-roman-eroreya/>
4. В Карачаево-Черкесии признали экстремистской статью о служебной записке Андропова // РОО Центр «Сова» www.sova-center.ru
5. *Савельев Д.А.* Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 50–74.
6. *Тюна В. И.* «Теория литературы два» как гуманитарная угроза // Вопросы литературы. 2019. № 1. С.52–66.

7. Шульженко В. И. Геокультурные основания проективной деятельности в сфере туризма и рекреации // Университетские чтения - 2013. 2013. С. 127–132.

8. Шульженко В. И. Поэтика теракта в «кавказском тексте» русской литературы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 267–271.

9. Шульженко В.И., Сумская М. Ю. Страницы «неофициальной» войны в «кавказском тексте» русской литературы // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова. 2015. С. 79–84.

LINGUISTIC EXPERTISE AS A MEANS OF MAINTAINING INTERETHNIC HARMONY

Viacheslav I. Shulzhenko

Pyatigorsk State University,

9 Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357502, Russian Federation

Marina Yu. Sumskaia

Branch of the Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk,

8 Kuchuru str., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation

The article examines the genre of linguistic expertise, the object of which was the material posted in one of the popular media outlets. Its publication caused a negative resonance among the indigenous population of one of the North-Caucasian republics, who saw in it an attempt on national dignity, poorly veiled attacks against them, and also calls for interethnic hatred. In such cases, the genre of linguistic expertise plays a double role: the main one, the essence of which is to draw up an opinion on the form and nature of the statement contested by the plaintiff, and another, characterised by the augmentation in demand in the modern anthropocentric paradigm of thinking, when the philologist acts as an “expert in the construction of modern linguistic cultures” (ED Polivanov). Moreover, with the natural dominance of philological discourse, there is a need for an interdisciplinary synthesis that determines the content-specific originality of linguistic expertise. This predetermined the appeal to component semantic analysis, the appeal to logical-grammatical and syntactic analysis, structural and stylistic methods, where it seemed necessary, the method of linguistic commenting, which at times intersected with literary criticism. Compositionally, the main part of the article is built from the point of view of a textual algorithm, where great importance is attached to the logical-semantic sequence of the formulated questions, since this achieves the solution of two very important tasks for the perception of the examination itself as a speech act - integrity and narrative. The authors insist that integrity, being an essential quality of examination as an intellectual type of communication, largely contributes to the achievement of truth. Another essential feature of modern expertise is the statement of the performer’s attention to the concept of “narrative”, which today simply cannot be done without one, especially when studying many texts that appear in court proceedings. In our case, it turned out to be important to use the concept of “cultural memory” and the concept of “trauma” associated with it.

Keywords: linguistic expertise, interdisciplinary synthesis, integrity, narrative, interethnic harmony.

Контактная информация:

Шульженко Вячеслав Иванович – д-р филол. наук, проф.;

slawick.shulzhenko@yandex.ru

ГЛАВА V
ЮРИСЛИНГВИСТИКА В СИСТЕМЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И
КУРСОВОГО ОБУЧЕНИЯ

Л.Е. Корсакова

*Российский государственный университет правосудия.
Северо-Западный филиал,
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 5*

СПЕЦИФИКА ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРА В СОВРЕМЕННОМ СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ПОПЫТКА РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА С ПОЗИЦИЙ КЛАССИЧЕСКОГО ИСКУССТВА РЕЧИ НА СУДЕ И ОБУЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ РИТОРИКЕ

В статье рассматриваются особенности речевой деятельности государственного обвинителя в рамках судебных споров, разрешаемых судом присяжных заседателей, институциональной закономерностью которого является эмоциональное, ситуативное реагирование присяжных на судебный процесс. Автор на основе теоретических положений классической книги П. Сергеича «Искусство речи на суде» (1910 г.) осуществляет попытку лингвориторического анализа обвинительной речи современного прокурора, произнесенной на стадии судебных прений. Акцентируя контекстное значение языка в судебном дискурсе, автор ставит целью выделить типичные ошибки, допускаемые судебным оратором, указать на их возможные причины и пути устранения. Обращается внимание на риторически неграмотное включение в речь объемных фрагментов учебно-научного подстиля, использование оратором пассивных синтаксических конструкций, характерных для письменной речи, незачинный подбор лексических средств в описании насильственных действий сексуального характера, неуместность использования тропов и фигур, нарушение чистоты слога из-за речевых и грамматических ошибок. Автор приходит к выводу, что только на основе классической риторики можно выстроить фундамент лингвориторического образования юриста, модель анализа судебной речи посредством книги П. Сергеича может эффективно применяться как при обучении риторике студентов юридических специальностей, так и при повышении квалификации государственных обвинителей, выступающих в суде присяжных.

Ключевые слова: юридическая риторика, судебный оратор, обвинительная речь, лингвориторический анализ.

Юридическая деятельность, начиная со времен древнегреческих логографов, относится к зоне повышенной речевой ответственности, а юриспруденция считается лингвоинтенсивной специальностью. Высокий уровень владения культурой устной и письменной речи является одной из ведущих профессиональных компетенций юристов. Изучая особенности речевой деятельности судебных ораторов в рамках судебных споров, ученые, преподаватели и студенты остро нуждаются

в образцах судебных речей. Материалами как для педагогов, так и для современных исследователей судебного дискурса чаще всего служат речи классиков судебного красноречия: А.Ф. Кони [1], М.Ф. Громницкого, П.Н. Обнинского, Ф.Н. Плевако, П.А. Александрова, С.А. Андреевского, П.С. Пороховщикова, Н.П. Карабчевского, Н.В. Муравьева, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова, Н.П. Карабчевского, П.Я. Пассовера, В.И. Царева, С.Л. Арии, Г.М. Резника, Г.П. Падвы, А.Г. Кучерены, П.А. Астахова, М.Ю. Барщевского и др. Обратим внимание, что в указанном арсенале значится больше речей прошлых веков, чем века XXI, защитительных речей больше, чем обвинительных.

Следует также отметить, что, несмотря на четвертьвековую историю возрожденного института присяжных, в России продолжается судебная реформа. В 2018 году была сокращена численность присяжных заседателей до 6–8, коллегии присяжных теперь будут работать не только в областных, но и в районных судах и др. В обществе разворачиваются дискуссии, звучат утверждения о том, что суд присяжных – это объективное правосудие, институциональной закономерностью которого является эмоциональное, ситуативное реагирование присяжных на судебный процесс. Присяжные – общественная совесть, присяжные судят сердцем, а не разумом, суд присяжных называют солью правовой системы, тем, что помогает системе быть благородной. Перед присяжными с целью убедить стараются адвокат и прокурор. От способности убедить, то есть укрепить мнение аудитории в правильности занимаемой оратором позиции, зависит то, как присяжные ответят на три основных вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. П.С. Пороховщиков в главе «Искусство спора на суде» приводит поговорку «Истина есть результат говорения», уточняя, что «судоговорение не устанавливает истины, но оно решает дело. <...> сознание того, что последствием судебного решения может быть несправедливая безнаказанность или несоразмерное наказание преступника, а иногда и наказание невиновного, обращает спор между обвинителем и защитником в настоящий бой» [4: 198, 199].

Суд присяжных рассматривает дела повышенной общественной опасности. Парадокс большого количества оправдательных вердиктов в конце XX – начале XXI века заключается в том, что присяжные не отвечают, что подсудимый «не виновен», а дают ответ, что виновность

«не доказана», хотя в России процесс начинается задолго до суда: на стадии предварительного следствия органы досудебного следствия устанавливают истину, а в суде идет именно состязание двух сторон. Думается, проблема кроется в неумении прокурора строить и произносить убедительную судебную речь перед присяжными заседателями. В данной статье мы постараемся на примере одной обвинительной речи разобрать типичные лингвориторические ошибки, допускаемые судебным оратором, выступающим на стадии судебных прений.

Анализируемая обвинительная речь опубликована в «Методических рекомендациях прокурору, участвующему в суде с участием присяжных заседателей». В указанном практическом издании помещены две обвинительные речи с таким сопровождением: «Ниже приводятся примерные образцы речей государственных обвинителей по уголовным делам, рассмотренным Верховным судом Чувашской Республики с участием присяжных заседателей, подготовленные с учетом нейролингвистического программирования» [2: 43]. Удивило, что в основу подготовки судебной речи кладется методология дисциплины, которая находится на стыке психологии, психотерапии, программирования и языкознания. В книге докторов юридических наук И.Л. Трунова, В.В. Мельника «Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие» целая глава посвящена возможностям «использования прокурором и адвокатом в ходе судебного следствия и прений сторон с участием присяжных заседателей технических приемов НЛП, в том числе основанных на языковом манипулировании (рефрейминге и др.) [5: 149–296]. Изучение судебных речей других обвинителей [3] привело нас к выводу о неприемлемой для ораторского искусства стандартизации не только структуры обвинительной речи, но и применяемых риторических приемов, вплоть до стандартизации языковой личности современного обвинителя. Не вдаваясь в дискуссии о целесообразности применения техник НЛП, мы настоятельно рекомендуем не только для изучения и чтения «со вниманием» (А.Ф. Кони), но в качестве настольной книги при подготовке речи в суде с участием присяжных каждому прокурору пользоваться книгой П. Сергеича (Петра Сергеича Пороховщикова) «Искусство речи на суде» (1910 г.). П.С. Пороховщикова писал: «Знание есть монета свободного обращения, и хорошая мысль, хотя бы сказанная или написанная давно, не умирает» [4: 69]. Попытаемся

с позиций классической книги, написанной судьей-профессионалом с большим опытом работы, разобрать обвинительную речь современного прокурора, произнесенную на стадии судебных прений.

Приступать как к подготовке, так и к анализу готовой обвинительной речи предлагаем с составления логической схемы обвинения и боевой схемы речи, поскольку, по словам П. Сергеича, перед нами «самый существенный из вопросов судебного красноречия – о чем надо говорить <...> ибо содержание речи зависит в каждом отдельном процессе от обстоятельств данного дела» [4: 98]. В анализируемой нами речи можно выделить две схемы, положения которых доказывает государственный обвинитель. Четверо подсудимых, несовершеннолетних, обвиняются в совершении изнасилования с особой жестокостью двадцатилетней женщины:

- 1) было покушение на изнасилование с особой жестокостью;
- 2) преступление совершено группой (вчетвером) лиц (подростками);
- 3) был предварительный сговор подсудимых;
- 4) изнасилования не было по причине того, что у обвиняемых *‘эрекция не наступила’*.

Двое из подсудимых обвиняются в совершении убийства потерпевшей:

- 1) Краснов С.В. и Егоров М.В. *‘совершили убийство Ильиной Н.В.’*;
- 2) убийство совершено *‘в группе, по предварительному сговору между собой’*;
- 3) убийство совершено *‘с целью скрыть совершенное изнасилование’*.

В рамках данной работы не имеется возможности рассмотреть все достоинства и недостатки логического построения речи. К слову, типовые риторические структуры в судебном дискурсе разработаны в диссертационном исследовании Ю.В. Шуйской [6]. Однако следует отметить главный недостаток, заключающийся в многочисленных детальных повторениях в речи прокурора фактических обстоятельств дела, известных присяжным с самого начала судебного следствия из обвинительного заключения. «Скажите точно, в чем обвиняете подсудимого, определите точно, о чем вам приходится спорить, установите твердо и отчетливо нужные вам факты» [4: 304], – советует обвинителю П. Сергеич. Современные прокуроры часто

не придерживаются этого принципа. Речь по своему построению оказалась длинной, очень сложной для восприятия слушателя. «К чему это, господин прокурор? <...> Лишнее, лишнее, лишнее, господин прокурор» [4: 305], звучит в голове, когда читаешь такое «жалкое начало» (П. Сергеев): ‘ <...> Вам не надо быть юристами и обладать специальными знаниями, чтобы разобраться в этом деле, уверен, что Вы разобрались во всех нюансах этого дела, благодаря своему жизненному опыту, свежему взгляду со стороны, смогли отличить, где правда, а где ложь и вынесете обоснованный и справедливый вердикт. Я – государственный обвинитель. К сожалению, еще приходится сталкиваться в судебном заседании со случаями, когда представители защиты пытаются упрекнуть прокурора в необъективности, утверждая, что он вынужден поддерживать обвинение, так как в этом состоит его работа, а следователь – коллега прокурора’ [2: 44] и т.д. и т.п. Такими «сорными мыслями» испещрена вся обвинительная речь, «с рассуждениями о пустяках или о вещах для каждого понятных. <...> Оратор спрашивает, что такое убийство. <...> Он говорит безупречно, но разве это не пустословие? Ведь при самом блестящем таланте он не в состоянии сказать присяжным ничего нового» [4: 29]. Обвинитель регулярно переключается на роль лектора, читающего лекцию студенческой аудитории, он долго рассуждает: ‘что же закон понимает под доказательствами’, ‘перед тем, как довести доказательства до Вашего сведения, судья обязательно решает вопрос об их допустимости. Что это такое?’, ‘при этом не надо думать, что косвенные доказательства – это доказательства второго сорта, проигрывающие прямым доказательствам’, в заключение: ‘здесь следует пояснить, что закон предусматривает несколько случаев, когда лицо, совершившее действия, содержащие признаки состава преступления, освобождается от уголовной ответственности, поскольку признается невиновным’. Развернутые комментарии вполне приемлемы в напутственном слове председательствующего судьи, но в речи прокурора как заключительном аккорде позиции обвинения на стадии судебных прений они излишни. Кроме того, за указанными «мини-лекциями» в речи вполне может скрываться, с одной стороны, профессиональная, а с другой – языковая некомпетентность судебного оратора. В данной обвинительной речи, к примеру, декларативно отсутствуют две взаимосвязанные структурные части: «Характеристика личности подсудимого и потерпевшего» и «Анализ причин и условий,

способствовавших совершению преступления». Прокурор ссылается при этом на закон: *‘Стороной защиты обращается большое внимание на то, что потерпевшая была пьяна. Сразу же хочу сказать, что данное обстоятельство не должно влиять на Ваши выводы и Ваше отношение к ней, потому что данные о личности как подсудимых, так и потерпевшей не должны исследоваться в Вашем присутствии, я также не имею права говорить, как характеризуются подсудимые, привлекались ли они к уголовной ответственности ранее’* [2: 53]. Для присяжных, исходя из речи прокурора, потерпевшая так и осталась безликой Ильиной Н.В., а не *‘замужней женщиной’*, *‘молодой женщиной’*, *‘матерью шестилетнего мальчика’*, а подсудимые – насильниками и убийцами, но не *‘подростками’*, *‘юношами’*, *‘будущими мужчинами’*, *‘сыновьями’*. В итоге в речи отсутствует и психология, и нравственная оценка совершенного деяния.

Неряшливо с языковой точки зрения преподносится присяжным картина преступления: *‘Они сделали все, что от них зависит – раздели потерпевшую, сами разделись, ложились на нее или, как они сами говорят, «залазили» на женщину, избивали ее, чтобы подавить ее сопротивление; они сделали все, чтобы совершить изнасилование Ильиной Н.В., но не получилось – эрекция не наступила. Если бы эрекция наступила – исход был бы совсем другим’* [2: 49]. Картина похожа на повествование о спасении утопающего (*‘сделали все, что от них зависит’*), присяжным стоит только додумать исход, что было бы, *‘если наступила бы...’*. Доказательством того, что прокурор не может излагать собственные мысли доступным понятным языком, служит факт вполне грамотного продолжения речи уже на языке специальности: *‘После нанесения ударов Егоров С.В. осколком зеркала, найденного в квартире потерпевшей, причинил ей рану передней поверхности шеи с повреждением артерии, от полученных ран передней поверхности шеи и головы, сопровождающихся обильным кровотечением, потерпевшая Ильина Н.В. скончалась на месте’* [2: 50]. П. Сергеич по этому поводу отмечает: «Опытные ораторы всегда, когда можно, избегают точных описаний в драматических местах. Если же этого требует дело, то есть когда фактические подробности являются доказательством или подтверждением известного положения обвинения или защиты, описание более походит на медицинский акт, чем на картину» [4: 93-94]. Безусловно, здесь также сказываются опыт выступления прокурора перед профессиональными судьями и отсутствие навыка произнесения обвинительной речи перед присяжными.

Типичной ошибкой, затрудняющей восприятие устной публичной судебной речи, является использование оратором пассивных синтаксических конструкций, характерных для письменной речи: *‘При этом Красновым С.В. сделан вид, что доказательств о его причастности к преступлению по делу не существует. Вспомните, как он прореагировал на слова защитника...’* [2: 46]. Необходимо первое предложение перевести в активную конструкцию: *‘Краснов С.В. сделал вид, что в уголовном деле доказательств его участия в преступлении не существует’*.

П. Сергеич справедливо предполагает, что происходит это «отчасти от полного неумения стать в положение слушателей», отсюда ошибки, нарушающие чистоту слога, когда ораторы употребляют рядом слова, не соответствующие одно другому и даже прямо исключают друг друга [4: 29]. *‘На что рассчитывают Егоров М.В. и Краснов С.В.?’* – спрашивает прокурор. И затем следует такой парадоксальный ответ: *‘Их единственная цель – смягчить свою ответственность за совершенное преступление или просто избежать наказания’* [2: 46]. Слово *‘единственная’* означает *‘только одна; исключительная’*, в ответе представлены по меньшей мере две взаимоисключающие цели: *‘смягчить ответственность’* или *‘избежать наказания’*. Часто в речи встречаются ненужные вставные слова *‘нанесли ей удары в область головы’, ‘ногой в область живота’, ‘в область правого плеча’, ‘пнул его ногой в область туловища’*. В слове *‘в область’* звучит неопределенность, гораздо сильнее *‘в голову’, ‘в живот’, ‘в правое плечо’* и т.д. Плеоназм наблюдаем во фразах *‘у меня самого’, ‘внутреннее убеждение’, ‘полностью обнажив’*: *‘в той части, в которой у меня самого сформировалось внутреннее убеждение об их виновности’* [2: 44], *‘они четвером сняли с нее штаны с трусами, полностью обнажив нижнюю часть тела женщины’* [2: 48]. Ошибочное употребление паронимов наблюдаем в обращении прокурора к присяжным: *‘Не забудьте о потерпевших, которые рассчитывают на Вас и на Вашу житейскую мудрость’* [2: 65]. Слово *‘житейская’* – *‘обыденная, связанная с ежедневной жизнью’* – применено в деле об убийстве неудачно. В конце XIX века профессиональный судья П.С. Пороховщиков указывает: «Еще хуже, конечно, затверженные присловья и общие места, вроде “Вы, господа, присяжные заседатели, как представители общественной совести, как люди жизни”» [4: 39]. Современный прокурор в XXI веке не находит

ничего лучше, чем завершить обвинительную речь следующим образом: *‘Сейчас только от Вас зависит: будет ли наказано зло, восторжествует ли справедливость. Подумайте об этом, вынося решение. Я надеюсь, что жизненный опыт, Ваша человеческая мудрость позволят Вам принять единственно правильное и справедливое решение’* [2: 48]. В заключительной части обвинительной речи по делу об убийстве и попытке пьяными подростками после празднования дня рождения друга изнасилования соседки оратор забывает указать на ужас содеянного, на те уроки, которые должны быть извлечены из данного дела, подчеркнуть значение приговора, общественную опасность преступления.

«Красноречие есть прикладное искусство; оно преследует практические цели, — отмечает П. Сергеич в главе «Цветы красноречия». — На пути к этой конечной цели лежат три задачи: пленить, доказать, убедить. <...> Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. <...> только краски и образы могут создать живую речь, которая могла бы произвести впечатление на слушателей» [4: 46, 49]. К сожалению, для прокуроров в силу должностных обязанностей часто характерна стереотипность речевого поведения, не позволяющая на высоком уровне производить необходимую художественную обработку речи, в связи с чем метафоры, сравнения и другие риторические обороты применяются как средство успеха весьма неуклюже. Приступая к изложению фактических обстоятельств убийства с особой жестокостью при попытке изнасилования молодой женщины, обвинитель говорит: *‘Преступление можно сравнить с вазой, которая разбита, ее осколки — это улики. Осколки, собранные вместе, должны восстановить Вам эту вазу, хотя с трещинами, но в прежнем объеме. Осколки должны сложиться в одно целое’* [2: 47]. Вскоре мы встречаем метафоричное продолжение мысли: *‘Дальнейшие события мы должны восстановить по крупницам, чтобы из маленьких осколков-доказательств сложилась наша «Ваза», т.е. пусть с трещинками, но полная и объективная картина происшедших событий’* [2: 53]. Нельзя не согласиться с П. Сергеичем в том, что «самый предмет сравнения выбран неудачно <...> и так “цветок” красноречия, конечно, оставляет слушателей в полном недоумении» [4: 53]. Приведем еще ряд примеров неудачного, на наш взгляд,

использования образных средств: *‘Эксперты не волшебники, и они не могут определить время смерти с точностью до минуты или то, какое повреждение было первым, а какое последним’* [2: 51] (*‘волшебники’* – это сказочные персонажи); *‘причинены особые страдания, мучения и переживания’* [2: 60] – (градация представлена словами, между которыми родовидовые отношения).

В заключение анализа обвинительной речи следует сказать несколько слов об этике судебного оратора, или, иными словами, «о пристойности». Суд присяжных рассматривает дела о преступлениях повышенной общественной опасности, в данном случае разбирается убийство при попытке изнасилования подростками молодой женщины. На скамье подсудимых – несовершеннолетние, в зале судебного заседания находятся их матери, среди присяжных заседателей тоже есть женщины и т.д. Судебному оратору необходимо быть максимально тактичным и корректным. П. Сергеич советует: «Соблюдайте уважение к достоинству лиц, выступающих в процессе. <...> Слог речи должен быть строго приличным как ради изящества ее, так и из уважения к слушателям, резкость не должна переходить в грубость» [4: 33]. Однако прокурор в выражениях не стесняется, с содроганием и отвращением мы читаем в речи (присяжные это выслушали!) следующие строки: *‘Марков А.С. также показал в суде и его показания, данные вместе с его матерью и присутствующим здесь защитником, были зачитаны, что Краснов С.В. не только мастурбировал, но после возвращения в квартиру Ильиной Т.В. также несколько раз пытался залезть на потерпевшую, но у него ничего не получалось, так как член находился в невозбужденном состоянии’* [2: 57]. В предложении допущены грамматические и логические ошибки, которые также делают речь неряшливой и грубой: *‘показал в суде’* (что?); *‘данные вместе с его матерью и присутствующим здесь защитником’* (т.о. показания давали все: подсудимый, его мать и его защитник?); *‘его показания... были зачитаны, что’* (*‘показания’* о чем?). На протяжении всей речи мы встречаем фразы: *‘половое сношение’*, *‘половая связь’*, *‘половой акт’*, *‘сексуальное нападение’*, *‘обнажив свои половые органы’*, *‘эрекция у них не наступила’* и т.п. В силу ряда причин не всегда удается найти соответствующий синоним, например, *‘изнасиловать’* – *‘надругаться над честью женщины’*, в таком случае необходимо сократить количество повторений

грубых прямых выражений. «Будьте разборчивы в средствах, – предупреждает П. Сергеич в главе «Несколько слов обвинителю». – Помните, что на высоком положении вашем требуется нечто большее, чем только законность и благопристойность; требуется некоторое великодушие, некоторое величие духа» [4: 306].

Таким образом, в качестве иллюстрации бедственного положения современной российской судебной риторики был выбран для анализа один из наиболее востребованных речевых жанров (М.М. Бахтин) – обвинительная речь прокурора перед присяжными заседателями. Нам не удалось выделить в тексте таких необходимых качеств, как свободное владение речью, умение говорить ясно, понятно, точно, логично, живо, образно, однако было отмечено большое количество лингвориторических недочетов и ошибок. Была предпринята попытка очертить круг возможных причин коммуникативных неудач судебного оратора и показать методику эффективной подготовки к выступлению.

В современной лингвистике достаточно хорошо разработана теория судебного дискурса. Особенности коммуникативного поведения субъектов судебного дискурса раскрыты в трудах Т.В. Дубровской, О.В. Красовской, И.В. Палашевской, А.Р. Мухтаруллиной, Л.А. Нефедовой, Э.Ш. Никифоровой и др. Судебному красноречию уделяется большое внимание З.В. Баишевой, П.А. Катышевым, А.В. Науменко-Порохиной, И.Б. Михайловской, В.В. Одинцовой, Н.К. Пригариной и др. В исследованиях представляется конструктивным выход за рамки структурного описания языка, переключение на процессы порождения речи, на социальные и когнитивные предпосылки коммуникативного процесса. При разработке лингвориторической теории текста судебной речи ведущую роль играет научная парадигма лингвистического знания, складывающаяся из специфических алгоритмов наблюдения и моделей обработки полученных результатов, использование понятийно-категориального аппарата теории языка (например, *‘модусы, жанры, типы, интенциональные модели дискурса’, ‘дискурсивные факторы лексических, морфо-синтаксических и фонетических явлений’, ‘когнитивные корреляты данного / нового, темы и ремы’* и др.). Исследования, посвященные риторике, носят междисциплинарный характер и в целом выявляют две исходные позиции: в лингвистике ее

воспринимают как речевое взаимодействие участников коммуникации с точки зрения использования лексико-грамматических и синтаксических средств, в социальных науках проводится анализ особенностей восприятия определенной информации профессиональным сообществом и обычными гражданами, акцентируется важная методологическая функция риторики, предметом которой является эффективная и убедительная речь. В подтверждение приведем ряд диссертационных трудов на риторическую тематику с указанием научной специальности: Ворожбитова А.А. «Лингвориторическая парадигма: Теоретические и прикладные аспекты» (Теория языка), Марченко О.И. «Риторика как феномен культуры» (Теория и история культуры), Кащей Н.А. «Современная риторика в социально-политическом взаимодействии» (Социальная философия), Никитина Е.А. «Риторические приемы повествования: функциональный и типологический аспекты» (Теория литературы; Текстология), Ипатова И.С. «Единицы риторики в обучении культуре речи студентов педагогических вузов» (Теория и методика обучения и воспитания), Володина С.И. «Юридическая риторика в деятельности адвоката по уголовным делам» (Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности).

Лингвистическое образование – это, во-первых, результат образованности человека, во-вторых, это его реакция на жизнь в целом и на профессиональную деятельность в частности. Не вызывает сомнения тезис о том, что только на основе классической риторики можно выстроить фундамент лингвориторического образования юриста, однако следует помнить, что профессиональная языковая картина мира диктует особый отбор языковых средств и порождает особый тип текста. Языковое сознание судебного оратора сформировано научной картиной мира юриспруденции, ее категориями мыслеречевой деятельности. Все вышеперечисленное обуславливает, с одной стороны, малую профессионально значимую эффективность методик обучения судебному красноречию, разработанных учеными-филологами (Н.Н. Ивакиной, Л.А. Введенской и др.), с другой стороны, лингвистическую беспомощность учебных пособий по судебной речи, составленных учеными-юристами (И.И. Мельников, В.В. Мельник и др.). Таким образом, книга Петра Сергеевича Пороховщикова – профессионального судьи, чье убеждение в

судебных процессах формировали многие, в том числе самые известные обвинители и защитники пореформенной России, практика и теоретика судебного ораторского искусства – книга, написанная строго научным языком юридической специальности и в соответствии с лучшими открытиями филологических наук (языку судебной речи посвящены две главы), является сегодня единственным академическим трудом и практико-ориентированным методическим пособием для всестороннего развития судебного оратора и подготовки судебной речи в суде с участием присяжных заседателей. Вполне подходит к книге «Искусство речи на суде» характеристика, которую автор дал сочинению проф. Л.Е. Владимирова: «Не говоря о несомненных достоинствах этого труда, ведь одного названия достаточно, чтобы такая книга сделалась настольным руководством каждого товарища прокурора: она представляет единственное систематическое исследование этого рода в нашей литературе» [4: 196]. В данной статье на современном материале мы постарались актуализировать основные положения книги П. Сергеича «Искусство речи на суде». Модель лингвориторического анализа обвинительной речи прокурора посредством книги может быть применена как при обучении судебной риторике студентов, специалистов для судебной системы, так и на курсах повышения квалификации государственных обвинителей, выступающих в суде присяжных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Башиева З.В.* Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони.: автореф. диссерт. на соискание ученой степени д-ра. филол. наук : 10.02.01. Уфа, 2007. 47 с.
2. Методические рекомендации прокурору, участвующему в суде с участием присяжных заседателей / с грифом «Для служебного пользования». Чебоксары, 2009. 140 с.
3. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей. Научно-практическое пособие. Коллектив авторов. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, издательство. 2002. 400 с.
4. *Сергеич П.* Искусство речи на суде / предисл. Г. Резника. М.: ЮРАЙТ, 2019. 396 с.
5. *Трунов И.Л., Мельник В.В.* Искусство речи в суде присяжных: учебно-практическое пособие. – 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2015. 662 с.
6. *Шуйская Ю.В.* Структура эффективного выступления: динамика

риторической диспозиции (на материале европейской публичной речевой практики) : дисс. на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук : 10.02.19 . М., 2017. 379 с.

THE SPECIFICS OF THE PROSECUTOR'S ACCUSATORY SPEECH IN A MODERN JURY: AN ATTEMPT AT RHETORICAL ANALYSIS FROM THE STANDPOINT OF THE CLASSICAL ART OF SPEECH IN COURT AND TEACHING JUDICIAL RHETORIC

L.E. Korsakova

Russian State University of Justice. North-West Branch, Russian Federation, 197046, St. Petersburg, Aleksandrovsky Park, 5

The article examines the features of the public prosecutor speech activity in the framework of judicial disputes resolved by the jury, the institutional pattern of which is the emotional, situational response of the jury to the trial. The author, on the basis of the theoretical provisions of the classic book by P. Sergeich "The Art of Speech at the Trial" (1910), attempts to linguistically analyze the accusatory speech of a modern prosecutor delivered at the stage of the judicial debate. Emphasizing the contextual meaning of language in judicial discourse, the author aims to highlight the typical mistakes made by a judicial orator, point out their possible causes and ways to eliminate them. The attention to the rhetorically illiterate inclusion in speech of voluminous fragments of the educational and scientific substyle, the use of passive syntactic constructions characteristic of written speech, the unethical selection of lexical means in the description of violent acts of a sexual nature, the inappropriateness of the use of tropes and figures, violation of the purity of the syllable due to speech and grammatical errors is drawn. The author comes to the conclusion that only on the basis of classical rhetoric it is possible to build the foundation of the linguistic education of a lawyer, the model of the analysis of judicial speech through the book of P. Sergeich can be effectively applied both in teaching the rhetoric of law students and in improving the qualifications of public prosecutors who appear in jury trials.

Keywords: legal rhetoric, court speaker, accusatory speech, linguistic analysis.

Контактная информация:

Корсакова Любовь Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент;
korsakova-29@mail.ru

Н.А. Ковалева

*Российский новый университет (РосНОУ)
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, 22,
Нанкинский университет
Китайская Народная Республика, 210023,
г. Нанкин, ул. Сяньлиньдадао, 163*

М.А. Мартынова

*Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 115054,
Москва, Стремянный пер., 36,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Российская Федерация, 119571,
Москва, проспект Вернадского, 84, стр. 2*

О.С. Сазонова

*Юридический институт Российского университета
транспорта (РУТ-МИИТ),
Российская Федерация, 127055, Москва,
улица Образцова, 9, стр. 9*

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

В статье описывается кейс-метод в лингвистическом сопровождении в процессе профессионального обучения юристов. Кейс-метод дает возможность реализовать принципы функционально-деятельностного подхода в обучении студентов по специальности «юриспруденция», имитируя профессиональную проблемную ситуацию. Это позволяет выявить уровень компетентности студентов с максимальной полнотой общения. Дано содержание кейсов, основанных на ролевых играх, выявлены условия их использования, рассмотрена технология разработки кейсов. Представлены цели кейса с привлечением отдельных статей Кодекса о семье и браке для обоснования позиций Истца и Ответчика и обусловленные ими задачи лингвистического сопровождения. Технология кейс-метода приближает учебный процесс к реальной практике подготовки различных официально-деловых и юридических документов (ходатайство, исковое заявление, апелляционные и кассационные жалобы, судебное решение, судебный приговор и др.). Представлены

авторские разработки, включающие текст кейса, задания для обсуждения проблемной ситуации, а также лексико-грамматические и коммуникативные вопросы в рамках предложенной темы. Методика была апробирована при реализации программы высшего профессионального образования для бакалавров Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Российского нового университета, Юридического института Российского университета транспорта в 2017–2020 гг. Представленные материалы могут быть использованы в практике преподавания курсов «Культура устной и письменной речи юриста», «Русский язык в деловой и процессуальной документации», «Русский язык и культура речи», где происходит поэтапное формирование профессионально-коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: кейс-метод, функционально-деятельностный подход, профессионально-коммуникативная компетенция, ролевая игра, лингвистическое сопровождение.

Вступление. Новые требования к подготовке и переподготовке специалистов любого направления предполагают разработку новых подходов, обуславливающих выбор инновационных методов и технологий. Так, в последние десятилетия в практику предметного обучения активно внедряется функционально-деятельностный подход, способствующий формированию профессионально-коммуникативной компетенции. В деловом общении специалистов, занимающихся юриспруденцией, многокомпонентное понятие коммуникативной компетенции невозможно представить без понятия профессионально-речевого общения, которое является особым видом речевой деятельности. В процессе юридической специализации особое внимание уделяется профессиональному юридическому речевому общению с учетом закономерностей и особенностей функционирования языка в речи. Руководствуясь концепцией поэтапного формирования профессионально-коммуникативной компетенции при обучении студентов-юристов профессионально-речевому общению на занятиях «Культура устной и письменной речи юриста», «Русский язык в деловой и процессуальной документации», «Русский язык и культура речи», «Практикум по деловому этикету и коммуникативной культуре юристов», преподаватели формируют навыки и умения отбора и использования языковых/речевых средств. Под профессионально-коммуникативной компетенцией понимается «комплексный профессионально-личностный языковой ресурс учащихся, обеспечивающий осуществление ими коммуникации в конкретной речевой ситуации при соблюдении современных языковых/речевых норм, а также позволяющий регулировать коммуникативное поведение в профессиональной сфере общения» [11, с. 427].

Применение кейс-метода является относительно новой технологией профессионального обучения. Согласимся с мнением исследователей о том, что в рамках актуального функционально-деятельностного подхода внедрение учебных кейсов в практику профессионального, в том числе и юридического, образования студентов является целесообразным и эффективным [10; 12; 13]. Целью нашей статьи является описание кейс-метода с лингвистическим сопровождением в процессе обучения будущих юристов.

Описание метода. Под кейс-методом условимся понимать метод, «основанный на моделировании ситуации или использовании реальной ситуации из научной, производственной или социально-общественной практики. Он дает возможность изучить сложные социально значимые вопросы, проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблемы, предложить возможные решения и выбрать лучшее из них» [8, с. 198]. В литературе вопроса выделяются следующие виды кейсов: иллюстративные учебные ситуации-кейсы, цель которых – на определенном практическом примере обучить алгоритму принятия правильного решения в определенной ситуации; учебные ситуации-кейсы с формированием проблемы, в которых описывается ситуация в конкретный период времени, выявляются и четко формулируются проблемы; прикладные упражнения, в которых описывается конкретная сложившаяся ситуация, предлагается найти пути выхода из нее; цель такого кейса – поиск путей решения проблемы [4, с. 25–32]. Если учитывать, что в основе кейсов лежит реальный фактический материал или материал, адаптированный к реальной ситуации, то решение подобных кейсов позволяет подготовить молодых специалистов к самостоятельному грамотному и в зависимости от их способностей креативному решению профессиональных вопросов.

В качестве примера приведем кейс на основе ролевой игры «Отдайте ребенка», ориентированный на изучающих юриспруденцию. Ситуация заключается в следующем: «Восемнадцатилетняя женщина родила ребенка от двадцатилетнего молодого человека, с которым они раньше учились в школе. Отец ребенка настоятельно предлагал заключить брак в рамках закона, но мать ребенка от этого отказалась. Она уехала на заработки в Грецию, а новорожденного ребенка оставила матери. В Греции молодая женщина заключила брак с состоятельным человеком, которому ничего не сказала о существовании ребенка. Молодой человек, являясь биологическим отцом ребенка, решил

забрать сына себе. Но ребенок находится на попечении бабушки – матери молодой девушки, и бабушка не отдает его». Цель предлагаемого кейса: моделирование различных вариантов развития хода судебного разбирательства на основе реальной ситуации с привлечением отдельных статей Кодекса о семье и браке для обоснования позиций Истца и Ответчика. Профессионально ориентированная цель обусловила задачи лингвистического сопровождения: выработка навыков составления и оформления некоторых документных текстов (заявление, исковое заявление, письмо-запрос и др.); формирование умений анализировать тексты документов с точки зрения правильности их написания; становление навыков публичного выступления; отработка навыков аргументации своей позиции, а также умений задавать вопросы в ходе ведения спора.

Организация учебной ситуации-кейса, которая предполагает приобретение знаний, формирование навыков общения при активном встраивании умений в профессионально-коммуникативное взаимодействие, находится под руководством преподавателя. Анализируя учебную ситуацию в группе, преподаватель определяет степень готовности студентов к участию в обсуждении, характер межличностных отношений, их способность к ведению диалога, уровень интереса к рассматриваемому предмету. В ходе совместной деятельности с учащимися преподаватель имеет возможность не только «задавать тон» всей ролевой игре, но и управлять процессом формирования профессионально-речевого общения, используя коммуникативные возможности/способности каждого из обучаемых. Для процесса судебного разбирательства распределяются следующие роли: отец ребенка, бабушка (представительница матери ребенка), работник социальной службы, судья, соседи и др. В процессе судебного рассмотрения судья в порядке очереди предоставляет слово обозначенным «действующим лицам». После прения сторон выносится аргументированное решение. В ходе ролевой игры особое внимание уделяется особенностям профессионального портрета, обусловленного не только профессиональной этикой, но и профессиональным речевым поведением, складывающимся из ряда невербальных компонентов (внешний вид; мимика и пантомимика, выражающая уверенность, спокойствие, отсутствие навязчивых, отвлекающих внимание зрителей жестов, движений корпуса; саморегуляция, позволяющая создать и удержать определенное настроение, самообладание; готовность

оратора к выступлению с использованием полемических приемов и умением распознавать уловки процессуального противника; коммуникабельность, способствующая установлению и удержанию контакта с судебной аудиторией и др.) и вербальных компонентов (техника речи, определяющая громкость, высотность, тембр, темп речи, дикцию, интонацию; владение приемами воздействия на аудиторию, проявляющееся в умении выразить определенное настроение, создать нужную атмосферу в зале, передать эмоции сидящим в аудитории; уровень культуры речи, исключающий в устном выступлении орфоэпические, морфологические, лексические и синтаксические ошибки). Ведь культура речи юриста является важным условием его профессионального успеха. Внимание будущих юристов важно обратить на то, что, к сожалению, в настоящее время происходит размывание литературной/нормативной основы судебной речи: «современный юрист не дифференцирует литературный и просторечный варианты речи; использует для построения текста выступления привычный, наполненный знакомыми из СМИ клише и штампами (немой свидетель, перспективная девушка и т. п.) ненормативный, разговорный вариант; не редактирует порождаемый им текст; не осуществляет проверку текста даже с помощью общедоступных онлайн-словарей» [6].

Вполне очевидно, что для успешного решения задач лингвистического сопровождения преподаватель должен сориентировать студентов на знание признаков официально-делового стиля и рекомендовать таблицу «Функциональные стили современного русского литературного языка», где содержится следующая информация об официально-деловом стиле: 1) сфера коммуникации, 2) сфера употребления/речевая ситуация, 3) стилевые особенности, 4) лексические особенности, 5) морфологические особенности, 6) синтаксические особенности. В качестве учебного пособия среди множества других может быть рекомендовано пособие Н.А. Абрамовой «Русский язык в деловой документации» [1], где предлагаются образцы официально-деловых и юридических документов с описанием их особенностей, структуры и содержания (ходатайство, исковое заявление, апелляционные и кассационные жалобы, судебное решение, судебный приговор). Особое внимание обращается на специфику языка судебных документов с точки зрения лексических правил, регламентирующих выбор нужных по

смыслу слов/словосочетаний, синтаксических правил составления судебных актов и стилистических особенностей, присущих судебным документам. Дидактические материалы, предназначенные для данного блока, содержат следующую информацию. 1) Аргументация – это процесс приведения доказательств, объяснений, примеров для обоснования какой-либо мысли. 2) Тезис – это основная идея, которую пытаются обосновать. 3) Аргумент – это доказательства, приводимые в поддержку тезиса; он отображает информацию “потому что”. Оптимальное число аргументов для доказательства тезиса – три. 4) Веские аргументы включают факты, статистику, ссылки на авторитеты (законы, документы; мнения экспертов, очевидцев). 5) Юридические клише, употребляющиеся во вводной, описательно-мотивировочной, резолютивной частях процессуальных документов. Во вводной части именуют документ, лицо, составившее документ (*следователь, суд, стороны*), принимавших участие в процессуальных действиях (*при секретаре, в присутствии с участием*), упоминают обстоятельства (*рассмотрев материалы уголовного дела, рассмотрев гражданское дело*). Описательная часть содержит материал, доказывающий виновность подсудимого (*установил, виновность доказана*), называет обстоятельства, смягчающие/отягчающие наказание (*обстоятельствами, смягчающими наказание, являются; или: обстоятельств, смягчающих наказание, нет*). В резолютивной части имеется вывод, сделанный следователем или судьей (*признать потерпевшим; наложить арест; произвести выемку; возбудить уголовное дело; принять к производству и др.*).

В качестве домашнего задания в рамках предлагаемого кейса студентам предлагается написать Исковое заявление, поданное в суд отцом ребенка. Для наиболее заинтересованных может быть предложено изложение позиций Истца и Ответчика с учетом различных подходов и аргументов, которые могут привести как к положительному для Истца решению, так и к отрицательному.

Что может послужить «исходным материалом», стимулирующим поступательное развитие профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, которая является базовым компонентом кейс-метода? Освоить и присвоить нормы поведения в социуме, разобраться в ценностных ориентирах и реализовать их в своей профессиональной деятельности помогут материалы, взятые из разных источников (СМИ: газеты, журналы; Интернет; радио и телепередачи различной направленности,

включая профессиональную; отечественные и зарубежные фильмы, предложенные для анализа целиком или фрагментарно; классическая и современная литература российских и зарубежных писателей). Обратимся к кейс-методу на основе рассказа М.Ю. Барщевского «Талоны» [3, с. 369–372], где коммуникативная компетенция студентов в полной мере может проявиться в процессе подготовки и их участия в интерактивном занятии по профессионально близкой учащимся тематике [7]. На наш взгляд, этот кейс-метод содержит большой обучающий потенциал. Он проявляется в предварительной самостоятельной подготовке учащихся по предложенному тексту. Причем это подразумевает не только знакомство с содержанием текста, но и привлечение посильных по своим профессиональным задачам знаний. Например, одно из заданий для студентов-юристов содержит установку на сравнительный анализ некоторых статей Кодекса (ГК и УК) советского времени и действующего Кодекса. Материал текста рассказа отличается и большим лингвокультурным потенциалом, раскрывающимся в языковых особенностях: сленге, профессиональном жаргоне, речевых характеристиках героев, этикетных формулах, которые, по словам А.Г. Балакая, являют собой «самостоятельные культурно-исторические ценности, важнейшие средства регуляции поведения, без которых не может обойтись ни один человек, ни одно общество» [2, с. 4]. Кроме того, учащимся необходимо овладеть и «чтением» невербальных элементов общения. В рамках изучаемой тематики учащиеся развивают навыки работы в команде, тем самым расширяются возможности для решения типичных проблем. При изучении проблемной ситуации студенты должны понять ситуацию в конкретной обстановке, оценить ее, определить свою роль в решении проблемы и выработать целесообразную линию поведения. При этом уделяется внимание профессиональной этике юриста, которая должна быть естественным сопутствующим фактором будущей работы. Общеизвестно, что «деятельность юриста касается человеческих благ, интересов, так как она может подразумевать вторжение в личную жизнь. Профессиональный юрист, в этом смысле, принимает решения, которые могут повлиять на судьбу человека (подозреваемого, свидетеля, обвиняемого, подзащитного, потребителя социальных услуг)» [9]. Следовательно, в профессиональной деятельности юриста этика является одним из важных компонентов компетентности.

Обратимся к поэтапному выполнению указанного кейс-метода. Разделение на кейс-этапы помогает планомерно реализовать

все намеченные цели. Подготовительный этап, включающий домашнее чтение и подробное изучение рассказа М. Барщевского «Талоны», предполагает: 1) обучать навыку извлекать информацию; 2) сопоставлять некоторые статьи УК СССР с УК РФ и анализировать их; 3) исследовать элементы вербального и невербального общения в эпизодах профессионально-делового общения; 4) наблюдать за профессиональным поведением судьи и адвоката; 5) во избежание конфликта рассматривать возможные уловки; 6) выстраивать стратегию убеждения клиента в профессиональной деятельности адвоката; 7) формировать навыки управления эмоциональным состоянием партнеров по общению; 8) развивать навыки определения ситуации общения, в том числе и профессионального, и совершенствовать умение стать инициатором общения.

Ознакомительный этап включает следующие вопросы и задания.

1) О каких статьях УК идет речь в рассказе (начало 80-х гг.).

2) Какую роль при рассмотрении дела играют адвокат и судья?

3) Расшифруйте аббревиатуру ОБХСС. Существует ли в настоящее время такой орган, а если нет, то какие органы имеются для борьбы с экономическими преступлениями?

4) Можно ли считать профессиональным термином юристов слова «естественная сушка» или это сленг торговых работников?

5) О каких наиболее распространенных махинациях в торговле в советское время можно говорить? Есть ли они в настоящее время?

6) Как вы относитесь к утверждению Нины Петровны Косыгиной (судьи, ранее бывшей адвокатом) о том, что «не может обычный человек не начать воровать при таких-то условиях»? Согласны ли вы с этим? Каковы условия, способствующие процветанию воровства, хищений в больших и малых размерах в сфере торговли?

7) Приведите свои аргументы «за» и «против» утверждения о том, что в современных условиях уровень зарплаты может являться гарантом честности и порядочности человека, неучастия его в коррупционных схемах. Можете ли вы привести примеры современных коррупционных дел и их последствий? В этом случае следует сделать акцент на работу студентов в группах: 1) сформулировать тезисы в поддержку положительного ответа на поставленный вопрос; 2) сформулировать противоположную точку зрения. В ходе дискуссии попытаться убедить своих оппонентов в верности вашей позиции.

8) Позволит ли, на ваш взгляд, повышение зарплаты полиции избежать коррупции в ее рядах? (Предлагается провести спор-дискуссию по командам, состоящим из противников и сторонников этой точки зрения.)

9) Сохранилась ли сейчас аббревиатура ГАИ и какие изменения произошли в правилах работы (дать современное название органа) с тех пор, когда велось собственное расследование по делу о талонах?

10) Какими авторскими приемами описывается клиент из Грузии? Можно ли говорить о влиянии разговорной речи на язык художественной литературы, как достигнут верный эффект в речи грузина? Подумайте о таком барьере общения, как нарушение произносительных норм? Вспомните, что еще может стать барьером общения? Как вы думаете, какие из них наиболее значимы для юриста? (Возможна работа в группах-командах с элементом соревновательности: какая из команд назовет большее количество факторов, мешающих общению.)

11) Какая еще статья могла грозить Мирскому?

12) Как оценивались возможности защиты в этом деле судьей (бывшим адвокатом)?

13) По каким мотивам молодой, имеющий мало опыта адвокат взялся за дело Мирского? Может ли он быть готов к тому, что дело закончится «плачевно»?

14) Обратите внимание на процесс подготовки адвоката к первой встрече с женой Мирского. Как вы думаете, все ли резервы поиска информации по этому делу он использовал? Что вы можете сказать о мотивация адвоката для сбора сведений?

15) Выделите в тексте рассказа сленговые слова из профессиональной речи юриста, а также юридические термины, словосочетания (работа по группам с элементом соревновательности в пользу той группы, которая назовет большее количество).

16) Есть ли во внутренней речи судьи оценочные слова, характеризующие Мирского? Могли бы эти слова быть произнесены вслух и почему? Можем ли мы говорить здесь о профессиональной этике юриста? Как вы представляете себе следование профессиональной этике в своей профессиональной деятельности?

17) Опишите схему, по которой работала торговля в советское время? Что вы думаете о возможности изменения этой схемы в настоящее время?

18) Что вы думаете о влиянии адвокатского прошлого на стиль мышления судьи?

19) Каковы авторские приемы описания портрета и характера судьи и адвоката? (Анализ строго в соответствии с текстом.)

20) По какой причине муж Нины Петровны (судьи) часто прибегал к ее совету и почему ее заинтересовало его мнение? Почему они не обсуждают прокурора?

Аналитический этап дает возможность для формулировки следующих заданий.

1) Давайте подробно рассмотрим сцену первой встречи адвоката с клиентом, т.е. Вадима с Милой, женой подзащитного. а) Почему тот факт, что клиентка опоздала на 10 минут, вызвал настороженность начинающего адвоката? б) Было ли опоздание Милы преднамеренным? Для чего она это сделала? в) Каково поведение клиента во время первой встречи с адвокатом? г) Можно ли утверждать, что Мила в данной ситуации обладает лидерскими качествами общения? д) Как Вадиму удастся отобразить инициативу в общении? е) Как невербальные средства общения, которые проявляет клиентка Мила, характеризуют ее? Какую роль она отводит интонации в общении? е) Как мысленно Вадим оценил Милу и каким образом решил это использовать? ж) Почему Вадим не стал определять сумму гонорара? Каким был его ответ клиентке? Как можно оценить этот ход? з) Какова реакция адвоката на предложенную ему сумму в три тысячи рублей, ведь она значительно больше, чем та, на которую он рассчитывал? и) Как менялся ход инициативы общения во время всей встречи? Что в тексте сигнализирует о поведении инициатора общения? к) Как при помощи построения фраз, интонации автор характеризует Милу? л) Какой вывод можно сделать о роли интонации и логического ударения в устной речи? Что так убедило клиентку? м) Какова реакция Вадима на слова Милы?

2) Проанализируем роль документов, которую они играют в обвинительной (доказательной) части. Какова степень их важности для защиты? Подтвердите это текстом рассказа. Какие методы использовал адвокат при работе с документами? К какому стилю речи можно отнести эти документы? Вспомните, каким требованиям они должны соответствовать? Являются ли эти документы юридическими документами? Доказательно обоснуйте свой ответ. Помогла ли молодому адвокату кропотливая работа с документами выиграть дело?

3) Как Вадим оценивает поведение Сергея, своего подзащитного, при чтении материалов дела?

Итоговый этап является завершающим и резюмирующим. На наш взгляд, целесообразными являются следующие вопросы.

1) Какую оценку вы можете дать подготовке к ведению дела и процессу защиты молодым адвокатом с профессиональной точки зрения? Как бы вы вели защиту, если бы были на его месте? Какие дополнительные источники информации можно было бы привлечь?

2) Составьте профессиональные портреты молодого адвоката и опытного судьи. Какие составляющие профессиограммы юриста им удалось реализовать в своей деятельности? Что осталось не открыто? (Работа по группам: описываются критерии профессиональной пригодности специалиста-юриста.)

При использовании кейс-метода важной составляющей является развитие следующих навыков: 1) *аналитические* – умение различать разные виды полученной информации, умение восстанавливать пропущенную информацию, мыслить ясно и логично; 2) *практические* – на примере конкретных ситуаций у обучаемых появляется реальная возможность применения своих теоретических знаний; 3) *творческие* – разнообразие предложенных ситуаций позволяет применить собственную смекалку и не ограничивать студента в выборе средств для поставленной задачи; 4) *социально-коммуникативные* – умение вести дискуссию и поддерживать ее с аргументацией противоположного мнения, умение слушать и убеждать, преодолевать барьеры общения и оценивать поведение людей, управлять инициативой в общении; 5) *навыки самоанализа* – способность критически относиться не только к мнению оппонента, но и к своим собственным.

Оттачивая основы своего профессионального мастерства на занятиях по названным курсам в интерактивной форме кейс-метода, будущие студенты-юристы овладевают элементами организационно-управленческой, информационно-аналитической, научно-исследовательской работы. Разнообразные способы подготовки будущих специалистов-правоведов естественно объединяют процесс овладения лингвистической компетенцией с основами профессиональной компетенции. По оценкам студентов, такая форма работы делает процесс постижения азов профессионального мастерства доступным и понятным, что вызывает со стороны учащихся искренний интерес.

Интерактивная форма проведения занятий позволяет в полной мере раскрыть индивидуальные возможности учащихся: она не подразумевает «соглашательства» с преподавателем или с «коллективным мнением», а допускает альтернативные позиции, иногда идущие вразрез с мнением большей части группы. Преподаватель может также намеренно провокационно обратиться к тому или иному вопросу, поставив учащегося перед непростым выбором аргументировать свою позицию.

Заключение. Опыт работы в сфере высшего профессионального образования (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российский экономический университет им. Плеханова, Российский новый университет, Юридический институт РУТ-МИИТ) позволил авторам сделать важные выводы о применении инновационных активных и интерактивных технологий с лингвистическим сопровождением в процессе обучения студентов-юристов. Современные требования к высшему образованию определили переход к функционально-деятельностному подходу, в рамках которого актуален кейс-метод. Он позволил решить проблемы наполнения процесса обучения, выбора актуальных и адекватных образовательных технологий, поддержания высокой мотивации студентов и актуализировал личный опыт обучающихся, не игнорируя другие педагогические цели и задачи. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что процесс обучения и самосовершенствования, проходящий в течение всей жизни, «будет осуществляться под влиянием трех основных факторов: развития и повсеместной интеграции сервисов Интернет, быстрого развития информационных технологий и меняющейся под их совместным влиянием глобальной педагогической парадигмы» [5, с. 10]. В качестве вывода следует подчеркнуть, что роль преподавателя при использовании кейс-метода в высшем профессиональном образовании многогранна и преподаватель ведет роли творца, консультанта, эксперта и, наконец, непосредственного участника ролевой игры, дающей максимальную свободу студентам для их самореализации, а роль преподавателя-лингвиста в профессиональной подготовке юриста трудно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Н.А.* Русский язык в деловой документации. Учебное пособие. М.: Проспект, 2018. 192 с.

2. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
3. Барщевский М.Ю. Талоны // ЛитМир. Электронная Библиотека / Барщевский М. Ю. Командовать парадом буду я! URL: <https://www.litmir.me/br/?b=2677&p=28> (дата обращения: 10.03.2021)
4. Гейхман Л. К. Дистанционное образование в свете интерактивного подхода // Материалы II Международной научно-практической конференции (Пермь, 6–8 февраля 2007 г.). Пермь : Изд-во ПГТУ, 2006. С. 25–32.
5. Кондратенко А.Б., Кондратенко Б.А., Маркулис С.Р. Информационно-коммуникационные технологии в парадигме развития современного образования // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Калининград, 2017. С.9-12.
6. Кыркунова Л.Г. Штрихи к портрету современного юриста // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. Вып. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shtrihi-k-rechevomu-portretu-sovremennogo-yurista> (дата обращения: 19.04.2021)
7. Мартынова М.А. Возможности использования интерактивного занятия при формировании лингвистической и профессиональной компетенций студентов-юристов при изучении курса «Русский язык и культура речи» (на примере рассказа М.Барщевского «Талоны») // Сб. научных статей «Язык. Право. Общество». Пенза, 2016. С. 369–372.
8. Мартынова М.А., Ковалева Н.А. Возможности формирования коммуникативной компетенции молодого специалиста в процессе обучения в вузе // Материалы круглого стола «Речевая коммуникация в профессиональной среде государственных служащих: проблемы и перспективы» (15 марта 2018 г.). М.: РИЦ АГПС, 2018. С.194–199.
9. Седова К.В., Усманова Е.Ф. Этикет в профессиональной деятельности юриста // Мир науки и образования. 2018. № 3 (15) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiket-v-professionalnoy-deyatelnosti-yurista/viewer> (дата обращения: 15.04.2021)
10. Серебрянцева О. Г. 2020. Метод кейс-стади как средство развития коммуникативной компетенции в неязыковом вузе // Международные исследования, 2020. Том 8, № 98. С. 40–44.
11. Субботина И.М. Проектирование профессионально-коммуникативной деятельности иностранных студентов-юристов при изучении судебного диалога // Известия Российского государственного педагогического университета. 2008. Вып. № 5, С. 425–431.
12. Туйгунова И.Р. Применение case-метода при реализации функционально-деятельностного подхода в обучении взрослых английскому языку // Гуманитарные исследования, 2020. №4 (76). С. 144–148.
13. Ukhova, L.V., Stepanov, V.N., Gaponova, Z.K., Boldyreva, E.M., Kovaleva, N.A. Most effective educational technologies in the era of coronavirus: Case-study and e-learning Russian as a foreign language // XLinguae, 2021. 14(1). Pp. 62–72. URL: http://www.xlinguae.eu/2021_14_1_5.html (дата обращения: 30.03.2021)

LINGUISTIC SUPPORT OF THE CASE METHOD IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL AND COMMUNICATIVE COMPETENCE OF LAW STUDENTS

N.A. Kovaleva

*Russian New University
22 Radio st., Moscow, 115054, Russian Federation
Nanjing University
163 Xyanlindadao st., Nanjing, 210023, China*

M.A. Martynova

*Russian Economic University named G.V. Plekhanov (REA)
36 Stremyanny per., Moscow, 115054, Russian Federation
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA);
84, bldg 2 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

O.S. Sazonova

*Law Institute of Russian University of Transport (RUT-MIIT)
9, bldg 9 Obraszov st., Moscow, 127055, Russian Federation*

The article describes the case-method linguistic support in the process of professional training of lawyers. The case method makes it possible to implement the principles of the functional - activity approach in teaching students in the specialty “jurisprudence”, imitating a professional problem situation. This allows you to identify the level of competence of students with the maximum completeness of communication. The content of the cases based on role-playing games is given, the conditions for their use are revealed, the technology of case development is considered. The goals of the case are presented with the involvement of individual articles of the Family and Marriage Code to substantiate the positions of the Plaintiff and the Defendant and the tasks of linguistic support caused by them. The technology of the case method brings the educational process closer to the real practice of preparing various official business and legal documents (petition, statement of claim, appeals and cassation complaints, court decision, court verdict, etc.). The author’s developments are presented, including the text of the case, tasks for discussing a problem situation, as well as lexical, grammatical and communicative exercises within the framework of the proposed topic. The technique was tested in the implementation of the program of higher professional education for bachelors of the Plekhanov Russian University of Economics, RANEPA, Russian New University, Law Institute of the Russian University of Transport in 2018-2020. The presented materials can be used in teaching the courses “Culture of oral and written speech of a lawyer”, “Russian language in business and procedural documentation”, “Russian language and culture of speech”, where skills and abilities of regulating the selection and use of language means are formed in accordance with the concept of the phased formation of professional and communicative competence.

Keywords: case method, functional-activity approach, professional and communicative competence, role play, linguistic support.

Контактная информация:

Ковалева Наталья Анатольевна – д. филол. н., доц.;

kna13@yandex.ru

Мартынова Маргарита Александровна – к. п. н., доц.;

bilingualconnect@mail.ru

Сазонова Ольга Сергеевна – к. ист. наук, доцент кафедры общественных наук и профессиональной коммуникации;

kovalev@mail@gmail.com

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ РУССКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

В статье рассматривается юридический дискурс как отдельный вид дискурса, обладающий специфическими статусно-ролевыми характеристиками участников коммуникации, целями общения и прототипным местом общения. Описываются особенности различных текстов юридического дискурса. Автор предлагает оптимальные способы анализа юридического дискурса при изучении русского языка как иностранного на продвинутом уровне.

Ключевые слова: язык специальности, юридический дискурс, русский язык как иностранный.

Высшие профессиональные учебные заведения заинтересованы в подготовке квалифицированных, мобильных, инициативных кадров, способных постоянно совершенствоваться в профессиональном плане и творчески применять полученные знания. В результате возрастают требования к качеству подготовки выпускников, что обуславливает необходимость пересмотра содержания учебных дисциплин, методов преподавания, обновления учебно-методического обеспечения учебного процесса.

В этих условиях возникает потребность в профессионально ориентированных учебных пособиях по русскому языку как иностранному, содержание которых разработано с учетом специфики содержания подготовки студента по данному направлению. Так, обучение русскому языку иностранных студентов, получающих квалификацию «юрист», должно строиться с учетом особенностей данной профессиональной сферы. В качестве основных технологий обучения целесообразно использовать разнообразные приемы, позволяющие студентам приобрести навыки работы с юридическим дискурсом.

Юридический дискурс порождается в сфере взаимодействия определенных профессий и является профессиональным типом дискурса.

О.В. Косоногова, характеризуя юридический дискурс как отдельный вид дискурса, дает ему определение по следующим параметрам:

«1) статусно-ролевые характеристики участников коммуникации (судья – адвокат, адвокат – обвиняемый и др.);

2) цели общения (выявление обстоятельств совершения преступления и др.);

3) прототипное место общения (тюрьма, зал судебных заседаний и др.)» [1].

Реализация юридического дискурса во внеязыковой действительности позволяет условно разделить его на следующие виды, обусловленные спецификой целей и функциями коммуникативных ситуаций [2]:

- законодательный дискурс;
- дискурс судебно-медицинской экспертизы;
- договорной дискурс;
- следственно-дознавательный;
- полицейский;
- нотариальный;
- дискурс адвокатуры и т. п.

Юридический дискурс можно рассматривать как диалогическое общение, как монологические высказывания и как юридический текст. По мнению исследователей, «юридический дискурс включает все виды и жанры профессиональной коммуникации:

1) юридические документы (тексты законов, письменные показания свидетелей, завещания и др.);

2) публичную речь (речь адвоката, прокурора, судьи, лекции, научные статьи по вопросам юриспруденции и др.)» [3].

Для порождения и понимания текстов юридического дискурса необходимы навыки использования особой грамматики и лексики.

Мамедов Э. Ф в своей статье говорит о том, что юридический язык принято делить на язык права и правовой язык [4].

Языку права соответствует лексика нормативно-правовых актов и актов официального толкования, реализующаяся в текстах законов, кодексов, нормативно-правовых актов, указов, постановлений, уставов и др. Особым подстилем языка права принято выделять язык судопроизводства, который реализуется в текстах исковых заявлений, ходатайств, протоколов, приговоров, постановлений суда,

выступлений сторон во время суда, судебных актах, обвинительных или оправдательных заключения и др.

Правовым языком принято считать всю правовую лексику, совокупность слов и словосочетаний (термины и понятия), употребляемых в юридической сфере. Таким образом, правовой язык удовлетворяет все потребности юридического дискурса.

Как указывалось выше, одной из отличительных черт юридического языка является использование профессиональных терминов. Юридические термины – это «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [5]. Например: *взимание, законодательство, ответчик, ратифицировать, заявитель, наниматель, истец, свидетель* и др. Юридический термин может выражаться как одним словом, так и словосочетанием: *признать себя виновным, злоупотребление властью, общее право* и др.

В юридическом языке широко используются латинские термины: *credo, votum separatum* – «особое мнение», *memorandum* – «дипломатический документ, излагающий фактическую, документальную или юридическую сторону какого-либо вопроса», *veto* – «право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения», *resjudicata* – «решенное дело», т.е. юридический прецедент, *utendi et abutendi* – право пользования и др.

Некоторые правовые термины были заимствованы из французского языка: *congress, constitution, president, representative*.

Юридический текст характеризуется широким использованием терминов, клише, особых идиоматических выражений и фразеологических сочетаний, отсутствием экспрессивных средств, сложностью синтаксических структур.

Специфика большинства клишированных языковых единиц обусловлена особенностями терминологической лексики. В каждом профессиональном дискурсе формируются актуальные для конкретной специальности клишированные языковые единицы.

Е.А. Федорченко в своей статье «К вопросу о лингвистическом статусе клише деловой речи» выделяет коммуникативные и номинативные клише [6].

Коммуникативные клише могут быть открытой и закрытой структуры. В клише закрытой структуры не допускается введение новой («переменной») информации: *Закон обратной силы не имеет; Пополнение вклада не допускается.*

Большинство клише открытой структуры характеризуются наличием замещающей синтаксической позиции для переменной информации: *Уголовное дело ... выделено в отдельное производство; Материалы дела подтверждают ...; Судимость ... (не) погашена; Прошу определить меру наказания ...; Органы предварительного следствия квалифицировали действия ... по ...статье ...; ... наступает ответственность ...; Виновность ... доказана ...; Решение ... может быть обжаловано в судебном порядке в течение ... со дня его принятия [7].*

Клише номинативного типа строятся на устойчивом сочетании термина с определенным глаголом (или отглагольным существительным): *нести уголовную ответственность, вынести частное определение, рассматривать уголовное дело (рассмотрение уголовного дела), причинить телесные повреждения (причинение телесных повреждений), совершить аморальный проступок (совершение аморального проступка) [8] и др.*

Частотность употребления фразеологизмов в юридическом тексте зависит от вида юридической практики (правотворческой, правоприменительной, судебной, следственной, распорядительной и т. д.) [9].

В протоколах допроса преобладают общеупотребительные фразеологизмы различной стилистической и эмоциональной окраски, которые выступают маркером речевого поведения различных социальных групп.

В законах и иных нормативно-правовых актах употребляются книжные фразеологизмы, имеющие терминологическое значение с высокой степенью стандартизации: *занимать должность, сфера применения, причинить ущерб, свидетельский иммунитет, давать показания, презумпция невиновности, присяжные заседатели, состав преступления, предварительный сговор, конфискация имущества, тяжкое преступление, уголовная ответственность и др.*

Таким образом, говоря о юридическом дискурсе, мы подразумеваем совокупность всех текстов (текст в широком смысле) юридической (правовой) сферы коммуникативной

деятельности, характеризующихся насыщенностью юридической лексикой (терминами), особыми идиоматическими выражениями и фразеологическими сочетаниями, использованием канцеляризмов и оборотов официально-делового стиля, применением латинизмов и наличием сокращений.

Обучение языку специальности иностранных студентов нефилологов (юристов) осуществляется, как правило, на I–II сертификационных уровнях (B1–B2), но специализированная лексика может вводиться уже на этапе предвузовской подготовки.

Целью изучения языка специальности является ознакомление учащихся с особенностями научного стиля речи, введение специализированной лексики и специфических синтаксических моделей, характерных для изучаемой профессии, чтобы подготовить учащихся к чтению литературы по специальности и коммуникации в профессиональной сфере. В результате обучения студенты должны научиться решать такие универсальные профессиональные задачи, как отбор и обработка информации из различных источников; чтение специальной литературы; ведение деловой корреспонденции, создание текстов документов; проведение переговоров, дискуссий; планирование и организация, участие в конференциях; публичные выступления; устный и письменный перевод специализированных текстов.

При обучении иностранных студентов научному стилю речи развиваются все виды речевой деятельности: чтение, говорение, аудирование, письмо [10].

При обучении чтению у студентов развиваются следующие умения: в структуре текста по специальности выделение основных композиционных компонентов текста; нахождение главной и второстепенной информации.

На основе прочитанных текстов студенты обучаются вести беседу-диалог по прочитанному материалу с преподавателем, строить монологическое высказывание по определенной схеме.

Обучение аудированию позволяет формировать у студентов фонематический слух для правильного восприятия услышанной информации, а также навыки узнавания изученной лексики в речевом потоке и навыки вычленения на слух изученных лексико-грамматических конструкций, умение записывать основную информацию в виде конспекта.

Обучение студентов письму формирует у них навыки свертывания информации (на уровне слова, словосочетания, предложения), умение составлять вопросный, номинативный и тезисный планы, а также составлять конспект текста.

При работе с текстом по специальности традиционно выделяют три основных этапа [11]:

1. Предтекстовый этап ставит цели:

- определение и формирование речевых задач для первого прочтения;
- стимуляция интереса к тексту у учащихся;
- снятие лексико-грамматических трудностей.

Предтекстовые задания могут быть представлены следующими формулировками:

1) читайте, следите за произношением и ударениями;

2) образуйте существительные со значением лица при помощи суффикса *-ТЕЛЬ*.

Образец: *предпринимать – предприниматель*;

3) назовите слова, однокоренные сложным прилагательным.

Образец: *нормативно-правовой акт, норма, право*;

4) помощью суффиксов *-АНИ-*, *-ЯНИ-*, *-ЕНИ-* образуйте от глаголов существительные и запишите их.

Образец: *преобладать – преобладАНИЕ*;

5) прочитайте глаголы и образованные от них существительные.

Составьте с отглагольными существительными 5–6 предложений, запишите их.

2. Притекстовый этап ставит цели:

- проконтролировать сформированность языковых навыков и речевых умений;
- продолжить формирование необходимых языковых навыков и речевых умений.

Упражнения этого этапа представляют собой задания на анализ слов и форм в самом тексте, вопросы к тексту для выяснения понимания.

Притекстовые задания могут быть сформулированы следующим образом:

1) прочитайте текст: ответьте на вопросы, ответы запишите; выпишите из текста причастные обороты; составьте назывной план текста; выразите смысл предложений синонимичными средствами; выпишите из текста определения;

2) используйте конструкции *что – (это) что, что является чем, чтобы сказать по-другому.*

Образец: *Государство – это организация политической власти. Государство является организацией политической власти;*

3) замените деепричастные обороты придаточными предложениями с союзом «когда»;

4) замените предложения на синонимичные.

Образец: *Политика является самостоятельной системой. Политика представляет собой самостоятельную систему.*

3. Послетекстовый этап работы с текстом ставит цель сформировать навыки делового общения на русском языке.

Учащиеся должны быть способны:

- отвечать на вопросы по тексту, демонстрируя понимание всего текста;

- анализировать текст с точки зрения его логического и жанрового построения;

- самостоятельно создавать вторичный текст на основе первичного текста, представленного в уроке;

- упражнения послетекстового этапа представлены заданиями на пересказ, пересказ с трансформацией и ответами на вопросы.

Послетекстовые задания могут быть представлены в следующих формулировках:

1) прочитайте текст: разделите текст на смысловые части; составьте вопросный план текста; перескажите текст по плану; вспомните и запишите основные положения (тезисы) изученного текста; в тексте найдите предложения, где данная информация выражена синонимичными средствами. Выпишите синонимичные слова и словосочетания, составьте 4–5 предложений;

2) слушайте начало диалога. Примите участие в обсуждении научной проблемы.

Таким образом, комплекс перечисленных упражнений должен подготовить учащихся к будущей профессиональной деятельности и выполнению различных профессиональных задач.

Юридический дискурс можно рассматривать как диалогическое общение, как монологические высказывания и как юридический текст. Модель дискурса должна строиться исходя из его понимания как языковой системы (специфически ориентированной на данную ситуацию общения), речевой деятельности и текста.

Юридический дискурс представляет совокупность коммуникативных ситуаций, участники которых в сходных условиях порождают сходные высказывания при помощи специального языка права.

Язык права отличается насыщенностью текстов специальной юридической лексикой, наличием особых идиоматических выражений и фразеологических сочетаний, лексических отклонений, специальных сокращений и применением латинизмов. Это отображается в тщательном отборе речевых интенций, тем и ситуаций общения, которые согласно коммуникативному методу обучения должны отражать практические интересы и потребности учащихся.

На занятиях РКИ целесообразно предлагать учащимся материал, в котором демонстрируются лексические и грамматические особенности, характерные для юридического дискурса.

Учебный текст по специальности должен:

- 1) сохранять все основные, присущие естественному тексту параметры;
- 2) иметь четкую структуру, значимые элементы которой будут являться необходимыми ориентирами для иностранных учащихся при обучении чтению текстов по специальности и продуцировании устных высказываний на его основе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Косоногова О.В.* Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. – № 1. – С. 63.

[2] *Попова Е.В.* Природа судебного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 6 (194). – С. 24–28.

[3] *Косоногова О.В.* Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. – № 1. – С. 63.

[4] *Мамедов Э.Ф.* Язык закона: к вопросу о значении терминов и дефиниций в текстах нормативных правовых актов // Вестник ИГЛУ. – 2014. – № 1. – С. 165.

[5] Экономика и право: словарь-справочник. – М.: Вуз и школа. Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. 2004. – 1072 с.

[6] *Федорченко Е.А.* К вопросу о лингвистическом статусе клише деловой речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2014. – № 5. – С. 24–31.

[7] Там же. – С. 25.

[8] Там же. – С. 26.

[9] *Воронцова Ю.А.* Фразеологические единицы в юридическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 33 (248). – С. 44–46.

[10] *Антонова Н.А., Иванова А.С.* О некоторых особенностях обучения языку специальности иностранных студентов (экономический профиль): Сборник статей I-го Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов: в 2-х частях. Часть 1. – М.: Изд-во РУДН, 2017. – С. 24–28.

[11] *Алешина Л.Н.* Особенности работы с текстом по специальности в процессе формирования речевых умений и языковых навыков: Сборник статей I Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов: в 2-х частях. Часть 1. – М.: Изд-во РУДН, 2017. – С. 11–14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешина Л.Н. Особенности работы с текстом по специальности в процессе формирования речевых умений и языковых навыков: Сборник статей I Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов: в 2 частях. Часть 1. М.: Изд-во РУДН, 2017. С. 11–14.

Антонова Н.А., Иванова А.С. О некоторых особенностях обучения языку специальности иностранных студентов (экономический профиль): Сборник статей I-го Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов: в 2-х частях. Часть 1. М.: Изд-во РУДН, 2017. С. 24–28.

Воронцова Ю.А. Фразеологические единицы в юридическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 44–46.

Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. № 1. 2015. С. 61–68.

Мамедов Э.Ф. Язык закона: к вопросу о значении терминов и дефиниций в текстах нормативных правовых актов // Вестник ИГЛУ. 2014. № 1. С. 163–168.

Попова Е.В. Природа судебного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 6. (194). С. 24–28.

Федорченко Е.А. К вопросу о лингвистическом статусе клише деловой речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 5. С. 24–31.

Экономика и право: словарь-справочник. М.: Вуз и школа. Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. 2004. 1072 с.

TEACHING FOREIGNERS TO RUSSIAN LAW DISCOURSE

Kolomova Evgenia Alexandrovna

Far Eastern Federal University

10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation

The article discusses law discourse as a separate type of discourse with specific status-role characteristics of the participants in communication, communication goals and a prototype place of communication. The features of various texts of law discourse are described. The author offers the best ways to analyze law discourse when studying Russian as a foreign language at an advanced level.

Keywords: specialty language, law discourse, Russian as a foreign language.

Контактная информация:

Коломова Евгения Александровна – старший преподаватель;
evgeniyakolomova@gmail.com

С.М. Петрова

доктор педагогических наук, профессор,
metlit@mail.ru

М.С. Соловьева

старший преподаватель,
bunchik@mail.ru

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова,
Российская Федерация, 677000,
Якутск, ул. Кулаковского, 42*

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К НАЧАЛЬНОМУ ЭТАПУ ОБУЧЕНИЯ МАГИСТРАНТОВ-ЮРИСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

В статье показаны инновационные подходы к начальному этапу обучения магистрантов-юристов из Франции на занятиях по русскому языку как иностранному. Учитывая слабую языковую подготовку иностранцев, авторы используют следующие инновационные формы и средства обучения их русскому языку, чтобы в кратчайшие сроки подготовить иностранцев к написанию магистерской работы и автореферата на русском языке: во-первых, при изучении алфавита не только используется профессионально ориентированная лексика, например: З – закон, К – кодекс, Э – эксперт, но и делается упор на перспективное знакомство с частями речи, изучение которых будет на следующем этапе обучения. Подбираются слова, связанные с частями речи: Г – гражданин, *Глагол*; М – Министерство юстиции, мера наказания, *Местоимение*; П – право, *Прилагательное*; С – судья, следователь, *Существительное*; Ч – человек, честь, *Числительное*.

Во-вторых, эффективному развитию устной связной речи способствует обращение к текстам художественной литературы, где речь идет о действиях, связанных с профессиональной деятельностью юристов. В частности, к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В-третьих, используется национально-региональный компонент обучения, связанный со знакомством с лексикой, отражающей местный колорит Республики Саха (Якутия): Ленские столбы, Музей мамонта, Музей хомуса, якутская кухня, национальные традиции, обычаи коренных народов региона. Этот фактор способствует креативному развитию личности иностранца, обучающегося в вузе на северо-востоке Российской Федерации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, магистранты-юристы, юридические термины, мотивация, компетенции, Республика Саха (Якутия).

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (далее – СВФУ) – это международный учебный

и научно-исследовательский центр на северо-востоке Российской Федерации. Он насчитывает более 20 000 студентов, 1200 человек профессорско-преподавательского состава, в том числе 126 докторов наук, 644 кандидата наук. В состав СВФУ входят 12 институтов, 5 факультетов, 3 филиала, 5 научно-исследовательских институтов. В последнее время свое развитие получает международная деятельность. Сейчас в университете обучается более 500 человек из стран ближнего и дальнего зарубежья. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова сотрудничает с десятками университетов, колледжей, научно-исследовательских центров мира. Среди них вузы Республики Корея, Японии, КНР, США, Канады, Финляндии, Швеции, Норвегии, Исландии, Великобритании, Германии, Франции, Польши, Швейцарии, СНГ и т.д. Уникальное геополитическое положение университета определяет приоритеты сотрудничества СВФУ, в которые в первую очередь входят страны Азиатско-Тихоокеанского и Арктического регионов.

В 2012 г. на филологическом факультете СВФУ была открыта кафедра русского языка как иностранного. Сегодня она имеет статус Международного координационного центра по РКИ на северо-востоке Российской Федерации. Ежегодно преподаватели кафедры обучают русскому языку более ста иностранцев, включая слушателей Факультета довузовского образования и профориентции (ФДОП), студентов иностранных вузов, проходящих стажировку по программе академического обмена, а также магистрантов, аспирантов разных учебных подразделений СВФУ, изучающих русский язык и др. При кафедре РКИ СВФУ функционируют две магистратуры «Мультикультурное обучение русскому языку как иностранному в сфере образования и туризма» (2014) и «Интерактивные технологии обучения русскому языку как иностранному (2019), которые окончили более 40 человек, из них около 20 иностранных граждан. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова имеет определенный опыт работы с иностранными магистрантами других подразделений Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова [Петрова М.Н].

С 2019 года в СВФУ им. М.К. Аммосова начала работать Программа магистратуры двойного дипломирования, совместно с Университетом Версаль-Сен-Кантен-ан-Ивелин / Пари Сакле (Париж, Франция) по направлению «Юриспруденция. Право охраны

окружающей среды». Руководителем Программы со стороны Франции является Жан Пьер Дезидери, доктор юридических наук, профессор факультета права и политологии Университета Пари Сакле (Франция). Иностранцы магистранты проводят исследовательскую работу по юрисдикции Северного морского пути, социальной ответственности горнодобывающей промышленности и корпоративной социальной ответственности по добыче газа.

Программа двойного дипломирования предусматривает обучение магистрантов в течение первых 3 семестров в Париже на французском языке и очное обучение в последнем семестре в России, в СВФУ (Якутск), с последующей защитой магистерской диссертации на русском или английском языке (по выбору). Но автореферат магистерской диссертации должен быть написан на русском языке. Магистрантам предлагается курс лекций на английском языке по специальности, а также курс по русскому языку. Кроме занятий по русскому языку, в программе обучения магистрантов были лекции преподавателей юридического факультета СВФУ на английском языке по специальным предметам, а также практика в городском суде. Параллельно студенты продолжали курс в своем университете в Париже дистанционно по скайпу.

Проблема обучения юристов русскому языку, в принципе, достаточно разработана [Балкина Н.В., Новикова М.Л.]. Однако в последнее время получило развитие новое направление на стыке филологии и юриспруденции – юридическая лингвистика. Как отмечают исследователи, юридическая лингвистика изучает язык государства и язык права. «Язык – одна из составляющих, способствующих образованию государства. Сохранение единого языкового пространства – залог сохранения единства страны. Язык выступает в качестве своеобразного “посредника” между государством и правом. Юридическая лингвистика важна для решения политико-правовых задач в современной России» [Костромичева М.В.]. Вопросы, связанные с исследованием разных уровней юридического статуса русского языка, а также проблемы языковой политики внутри России и за ее пределами стали предметом дискуссии, в которой шел спор о том, что различает юрислингвистику и лингвоюристику [Голев Н.Д.]. В то же время филологический аспект изучения юридической лингвистики недостаточно разработан.

Что касается практической стороны исследуемой проблемы, то существующие исследования об обучении русскому языку иностранных юристов-магистрантов (на начальном этапе обучения) [Аду С.С., Аду Я.Н.] отмечают, что основной целью обучения иностранных магистрантов в российских вузах является овладение русским языком для решения коммуникативных задач в учебно-профессиональной сфере. Авторы пособия справедливо отмечают, что отбор, систематизация и методическая интерпретация языкового и речевого материала осуществляется на базе принципов функционально-коммуникативной лингвистики и коммуникативно-деятельностной методики.

Мы согласны с мнением других исследователей, что уже на начальном этапе обучения иностранцев русскому языку целесообразно знакомство с профессионально ориентированной лексикой, что способствует формированию таких качеств, как мотивация, обучаемость, интерес к будущей профессии, креативность. Усвоение новой лексики должно формировать навыки использования слова в соответствии с потребностями. Междисциплинарный характер обучения способствует совершенствованию учебного процесса, углублению лингвистического анализа практико-ориентированных языковых единиц в области юриспруденции, «овладевая юридическими терминами, иностранец постигает основы юриспруденции» [Тарасенко О.С.]

Обращаясь к нашей работе с магистрантами-юристами из Франции, хотелось бы отметить их практически нулевой уровень знания русского языка. Надо было в сжатые сроки, с января по июнь, не только обучить их русскому языку, но и подготовить их к написанию автореферата и магистерской диссертации по теме исследования. В связи с этим возникла необходимость в использовании интенсивных методов обучения. Хотя программа языкового курса включает в себя профессионально-ориентированное развитие таких видов речевой деятельности, как чтение, письмо, аудирование и говорение на основе текстов официально-делового стиля и языка юридических документов, но, учитывая их уровень владения русским языком, пришлось использовать не только традиционные формы и средства обучения, но и инновационные подходы.

Вводно-фонетический курс рассчитан на изучение алфавита, правил чтения и письма, знакомство с особенностями русской орфоэпии. При изучении алфавита упор делали на расширение словарного запаса

из правовой лексики, например: *З – закон, К – кодекс, Э – эксперт* и др. В то же время упор делали на буквы, а также слова, с которых начинались название **частей речи, изучение которых будет на следующем этапе обучения**. Подбираются слова, связанные с частями речи: **Г – гражданин, Глагол**; **М – Министерство юстиции, мера наказания, Местоимение**; **П – право, Прилагательное**; **С – судья, следователь, Существительное**; **Ч – человек, честь, Числительное**. Данная работа сопровождается использованием различных средств наглядности: Интернет, иллюстрации, презентации и др. Когда на следующем этапе мы начинаем изучение частей речи, многие термины уже знакомы обучающимся, и тогда мы говорим о признаках этих частей речи. Как показала практика, такой подход оказался эффективным. Трудным разделом для магистрантов оказалась грамматика, в частности падежная система и видовременные формы глагола. Для франкоязычных студентов большую проблему представляет русское ударение – нефиксированное и подвижное в отличие от французского ударения, зафиксированного на последнем слоге. Работа над произношением и интонированием проводится в течение всего срока обучения по мере необходимости. Среди фонетических проблем можно отметить затруднения в произношении русского альвеолярного звука [p] у некоторых студентов, что обусловлено особенностями французского гласного увулярного [ɣ]. Известно, что во французском языке существует два типа звука [ɣ]: гласный [ɣ] и близкое к русскому переднеязычное [ɣ], но менее резкое и раскатистое. Именно поэтому эта проблема возникает не у всех французских студентов. Также важно учитывать отсутствие во французском языке редуцированных гласных, свойственных русскому языку, поэтому довольно частотны ошибки в произношении безударных и заударных гласных.

Еще одна трудность в произношении вызвана фонетическим строем французского языка: отсутствие оглушения звонких согласных в конце слов. Французский согласный звук [l] отличается от твердого и мягкого русского [л] степенью палатализации, он полумягкий, поэтому много внимания следует уделять различению и формированию навыка правильного произнесения твердого и мягкого [л]. Среди других фонетических недочетов отметим неразличение звуков [ш], [щ] и [ч]. Важность фонетических упражнений связана с развитием слуховой памяти и направлена на коррекцию слухо-произносительных навыков на том учебном материале, который должен иметь практическую

направленность. Важную роль играет работа над интонационными упражнениями, приближенными к правильной интонации, принятой в русском языке.

Как положительный момент при изучении лексики отметим знание магистрантами большого количества слов греческого и латинского происхождения, а также довольно большое количество галлицизмов в русском языке, что обусловлено историческими причинами – функционированием французского языка в XVIII–XIX вв. в качестве второго родного в среде русского аристократического общества. Прежде всего это лексика, связанная с одеждой, едой, искусством, музыкой, живописью, а также с общественной жизнью, экономикой и политикой (бельэтаж, репертуар, аксессуар, вуаль, деликатес, бисквит, желе, палитра, импрессионизм, аплодисменты, афиша, буржуазия, пресса, дипломат, баллотироваться, дебатировать, импортер, муссировать, бюджет и др.).

На начальном этапе для закрепления лексики предлагаются задания соотнести картинку со словом по различным темам: овощи, фрукты, одежда, цвет, часть тела, город и т.д. Грамматические задания на подбор нужного предлога (кататься а) на лыжах, б) в лыжах, в) с лыжами), распределение глаголов совершенного и несовершенного вида, выбор грамматической конструкции из предложенных и подобные легко создаются по выбранному шаблону. Для магистрантов важно то, что правильность ответа проверяется сразу. Для закрепления юридических клише на более продвинутом этапе обучения используются такие словосочетания, как *государственный строй, юридические процедуры, частная собственность, социальная роль, властные структуры, гражданское право*. Подбор правильного варианта закрепляет в памяти устойчивые сочетания терминологического характера.

Формирование специального терминологического аппарата по теме исследования на занятиях происходит не в полном объеме, в силу многообразия и разнородности сфер юридической практики. Поэтому предусмотрено самостоятельное изучение терминологии по выбранным магистрантами темам в форме специальных индивидуальных заданий, направленных на повышение предметной компетенции, например составление терминологического словаря. Еще одним приемом формирования языковой профессиональной компетенции является самостоятельный поиск в интернете статей и новостей, связанных с интересующей их темой. На курсах по

русскому языку широко использовались интерактивные средства обучения, в частности возможности бесплатного онлайн-сервиса learningapps.org, где представлены готовые шаблоны для создания интерактивных упражнений как обучающего характера, так и для проверки знаний: классификация, хронологическая линейка, ввод текста, простой порядок, сортировка картинок, викторина с выбором правильного ответа, заполнение пропусков, поиск пары. Игровая форма с возможностью несколько раз пройти тест или выполнить задание показала свою эффективность для самостоятельной работы магистрантов по грамматике и лексике.

На занятиях магистранты знакомятся с русскоязычной поисковой системой Яндекс и активно используют Google переводчик, что, на наш взгляд, безусловно, способствует ускорению процесса обучения. На занятиях практикуется чтение магистрантами подобранных новостных текстов с переводом их на французский язык с целью формирования пассивного лексического запаса. Преподаватель задает уточняющие вопросы по прозвучавшему сообщению, чтобы выяснить степень понимания информации магистрантом, выбирает некоторые слова и дает группе под запись, выступивший магистрант переводит данные слова. Далее составляются словосочетания или предложения с данными словами. Таким образом, осуществляется концентрический метод обучения, основанный на повторении лексем. В условиях дистанционного обучения, к сожалению, наблюдается дефицит живой непосредственной коммуникации с носителями языка. Компенсировать данный дефицит практически невозможно, в этом случае частичной заменой может служить просмотр новостей и подкастов на русскоязычных сайтах. При изучении юридического языка после работы с учебным текстом даются разнообразные самостоятельные задания на сайте learningapps, например, заполнение пропусков с выбором из предложенных вариантов: «Три группы принципов ... строя. ... строй – это такая организация государственной ... и жизни, при которой государство является политической организацией ... общества, имеет демократический ... характер, и в нем человек, его права, свободы, честь, достоинство признаются высшей ценностью, а их соблюдение и защита – основной обязанностью государства...». Слова для вставки: *государственной, гражданского, демократический, конституционного, Конституционный, общественный, правовой, федеративное.*

Помимо изучения обычных тем и ситуаций общения, магистрантам из Франции были предложены разнообразные темы, расширяющие их общекультурные компетенции, по истории, культуре и традициям народов Республики Саха (Якутия): история покорения Сибири, уклад жизни, мифология, религия, праздники, якутская кухня и многое другое. Национально-региональный компонент языковой стажировки иностранных магистрантов-юристов имеет большое воспитательное значение. Знакомясь с национальным регионом Российской Федерации, каким является Республика Саха (Якутия), иностранцы лучше понимают ту огромную роль, которую играет русский язык как важный инструмент межкультурной коммуникации. В период прохождения языковой практики магистранты из Франции посетили зимой Ленские столбы, которые внесены в список ЮНЕСКО как памятник нематериальной культуры. Они посетили Музей мамонта, Музей хомуса, ходили на концерты этнической музыки, попробовали блюда якутской кухни, расширив лексику такими словами, как строганина (замороженная рыба), хаан (кровяная колбаса), жеребятина, кумыс (кобылье молоко) и др. Молодые люди получили интересный жизненный опыт. Одна из магистранток составила оригинальный путеводитель для французских студентов по Якутску, основанный на собственном опыте: как одеваться зимой, в каких магазинах и по какой цене можно купить вещи или продукты и многое другое.

Однако мы не добились бы больших успехов в обучении магистрантов-юристов из Франции, если бы не использовали нашу авторскую инновационную методику обучения русскому языку средствами художественной литературы [Петрова С.М.]. Русская литература в наибольшей степени способствует лучшему пониманию иностранцами русского языка, потому что благодаря ей магистранты-юристы лучше осмысливали особенности русского языка. Обучающимся предлагается учебный адаптированный текст того или иного художественного произведения. К нему прилагаются различного рода задания. Уникальность этой методики заключается в том, что для лучшего понимания произведения используется графическая символика на основе практико-ориентированных традиций семиотики, мнемотехники, эргономики. В качестве учебного материала мы взяли роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором широко представлена лексика из области юриспруденции. В процессе

чтения отрывков отрабатывается речевые навыки, правильность ударения, умение пересказывать текст и работать по графической схеме, что развивает зрительную память и навыки аналитического анализа прочитанного.

Работа по такому материалу настолько эффективна, что через три месяца иностранцы начинают говорить хорошо по-русски и у них усиливается интерес не только к русскому языку, но и к литературе, культуре, истории России.

Федор Миха́йлович Достоёвский. «Преступлѣние и наказáние»

Часть I. Идѣя.

Рис. 1

Жáрким июльским вѣчером из своѣй *камóрки* вѣшел молодой человек. Это был Родион Раскóльников, бѣвший студѣнт-юрíст. Во всех своѣх бѣдах он считáл виновáтой *старуху-процѣнтищицу* Алену Ивáновну. Он гóтов на ее *убѣйство*. Но его сдѣрживали страх и *нерешѣтельность*. Однáко три *обстоятельства* подтолкнули его на *преступлѣние*. Пѣрвое – подслúшанный разговóр офицѣра со студѣнтом о злой старухе-процѣнтице, котóрую нúжно убѣть. Вторóе – встрѣча в *распѣвочной* с бѣвшим чинóвником Мармелáдовым, котóрый рассказáл о *трагѣдии* в своѣй семьѣ и дóчери Сóне. Трѣтье – письмó из дóма. Из него Раскóльников узнал, что его сестрá Дúня выхóдит зáмуж за нелюбѣмого человека Лúжина. Родион пóнял, что его родные гóтovy емú помóчь, но он не хóчет принáть эту *жѣртву*. Пóсле этóго Раскóльников решáется на убѣйство Алены Ивáновны и ее сестры Лизавѣты. Но большѣх дѣнег он у них не нашел.

Опóрные слова: камóрка, студѣнт-юрíст, старуха-процѣнтица, разговóр, Лизавѣта, распѣвочная, дóчь Сóня, письмó, сестрá Дúня, семья, надвóрный совѣтник Лúжин, офицѣр, украшѣния.

Ключевые слова: страх, нерешительность, зло, разговор убийство, встреча, преступление, жертва.

Комментарии к графике (рис. 1). Символическим олицетворением Раскольников является извилистая линия, отражающая его внутренний мир: его интеллигентность, страх, ненависть к окружающему его миру, прежде всего, к старухе-процентщице, к хозяйке дома, к собственному бессилию что-либо изменить, нерешительность.

Три возвышения олицетворяют три события, которые привели Раскольника к убийству: 1. подслушанный разговор в трактире офицера и студента; 2. встреча Раскольника с Мармеладовым; 3. Письмо из дома. Именно письмо из дома стало «последней каплей», переполнившей душу Раскольника и побудившей его пойти на преступление-убийство старухи-процентщицы.

Часть II. После дела.

Рис. 2

Раскольников встречается с Лужиным. Молодой человек понял, что Лужин женится на его сестре ради своей *карьеры*. Между ними происходит *ссора*. После ссоры Родион уходит из дома и *бродит* по улице. Здесь он видит, как погибает Мармеладов под колесами экипажа. Раскольников приходит в дом Мармеладовых и отдает его дочери Соне последние деньги. Друг Раскольника Разумихин говорит ему, что Родиона *подозревают в убийстве* старухи. Раскольника приглашает к себе *следователь* Порфирий Петрович. Когда Раскольников приходит домой, он видит там мать и сестру.

Опорные слова: дом, улица, экипаж, деньги, следователь Порфирий Петрович, беседа, мать, сестра.

Ключевые слова: ссора, карьера, замысел, красота, власть, свидетель, гибель, подозрение.

Комментáрии к гра́фике (рис. 2). На э́том рисúнке показан не то́лько Раско́льников (изви́листая ли́ния), но и раскрыва́ется и́стинная суть Лу́жина (пункти́рная ли́ния, показывающая неискренность, лж́ивость э́того герóя). Другáя пряма́я ли́ния с указа́телями вверх и вниз символизирóует слéдователя Порфи́рия Петро́вича, úмного, хитрого, óпытного профессио́нала, котóрый сра́зу уви́дел в Раско́льнике убийцу, котóрому суждено́ не то́лько застáвить его́ признáться в содея́нном, но и способствовáть духо́вному и душе́вному спасéнию молодóго челове́ка.

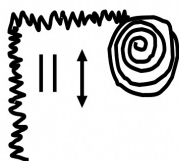

Рис. 3

Родио́н прóсит сестру́ Ду́ню не выходить за́муж за Лу́жина. Вме́сте с Разуми́хиным Раско́льников приходи́т к слéдователю Порфи́рию Петро́вичу. *Опытный слéдователь* Порфи́рий Петро́вич по поведéнию Раско́льникова (*волнéние, страх, блéдность лица*) сра́зу понима́ет, что именно́ он убил старúху. Но ему́ нúжно *признáние убийцы*, поэ́тому он ведёт свою́ *игру́*. Ме́жду ними́ происхо́дит интере́сный *разговóр*. Раско́льников излага́ет свою́ *теóрию*. Он говори́т, что все лю́ди деля́тся на ге́ниеи (сильные личносты́, такие как Наполео́н) и неге́ниеи (просты́х людéй). Раско́льников спрашивает себя́: «Кто он? Тварь ли дрожа́щая или Наполео́н?» Раско́льников ви́дит сон об убийстве старúхи. Ма́ть, Ду́ня и Со́ня пыта́ются его́ успоко́ить. Появля́ется Свидригайлов, б́ывший хозя́ин Ду́ни.

Опо́рные слова́: незнако́мец, слéдователь, убийца, разгово́р, ге́ний.

Ключе́вые слова́: поведéние, страх, волнéние, блéдность, признáние, игра́, теóрия, сон.

Комментáрий к гра́фике (рис. 3). Изви́листая ли́ния – Раско́льников; закру́ченный круг-сон герóя; две корот́кие ли́нии – ма́ть и сестра́ Раско́льникова; пряма́я ли́ния с заостренными конца́ми – слéдователь.

Часть IV. Раскóльниковы.

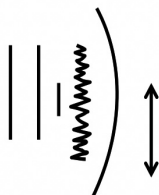

Рис. 4

Сестра Раскóльникова Дúня была *служáнкой* в дóме Свидригайлова. Жéна Свидригайлова узнала, что ее муж *ухáживает* за Дúней, и *выгнала* дéвушку из дóма. Вскóре жéна Свидригайлова трагíчески погíбла. Свидригайлов говорíт, что он хóчет помóчь Раскóльникову, потому́ что не лóбит Лúжина. Раскóльников прихóдит к Сóне и прóсит ее уйтí вмéсте с ним. Родиóн понимáет, что Сóня óчень чíстый и свéтлый человек. Он говорíт, что «глáвное в жízни – это *свобóда и власть*. А сáмое глáвное – это *власть*». Э́тот разговóр подслúшивает Свидригайлов.

Опóрные слова: помéщик, Свидригайлов, письмó, слéдователь, престúпник

Ключевые слова: грех, болéзнь, Бог, душá, свобóда, власть, úжас, убíйство.

Комментáрий к гра́фике (рис. 4). Две одинаковые лíнии – мать и сестра Раскóльникова; мálенькая лíния – Сóня; волнистая лíния – Раскóльников; длíнная изóгнутая лíния – Свидригайдов, подслúшивающий разговóр Раскóльниковых; прямáя лíния с двумя концáми – слéдователь Порфíрий Петрóвич, наблюдающий за поведéнием Раскóльникова.

Часть V. Раскóльников и Сóня.

Рис. 5

Лужин решил *отомстить* Раскóльникову за то, что тот помешáл его свáдьбе с Дуней. Он *незамётно* положил Сòне в карма́н 100-рублевую бумажку, а по́том обвинил ее в *воровствé*. Раскóльников приходит к Сòне и *сознаётся* ей в убийстве старухи-процэнтщицы: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!» Что тепèрь дèлать? Сòня говорит: «*Страдание* принять и *искупить* себя им, вот что нáдо».

Опóрные слова: свáдьба, карма́н, 100-рублевáя бумажка.

Ключевые слова: воровство, страдание, искупление.

Комментарий к гра́фике (рис. 5). Пунктирная линия – Лужин, пытающийся обвинить Сòню (корóткая линия) в воровствé; Раскóльников (извилистая линия) рéшает рассказáть следóвателю о своём преступлèнии (лòманая линия с заострённым книзу концóм); прямáя линия с заострённым концóм книзу – Раскóльников понимает, что следóватель нака́жет его́ за убийство старухи-процэнтщицы.

Часть VI. Признáние Раскóльникова.

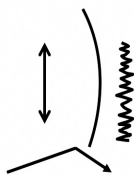

Рис. 6

Раскóльников встречается с Порфíрием Петрóвичем. Тот говорит, что он *подозревает* Раскóльникова в убийстве старухи-процэнтщицы. Если Раскóльников *сознаётся*, то ему́ *сократят срок наказания*. Раскóльников рассказывает Свидригáйлову о следóвателе и прóсит ему́ помóчь. Свидригáйлов говорит, что ему *стыдно* за свою́ жизнь, что он совершáл мнóго *ошибок*. Он кончáет жизнь *самоубийством*. Раскóльников идёт к мáтери и сестрè и *признаётся* в убийстве старухи, но не считáет это *преступлèнием*. Он сам идёт к следóвателю и признаётся в преступлèнии. Он знáет, что ему *грозит наказание*.

Опóрные слова: следóватель, мáть, сестрá.

Ключевые слова: наказание, самоубийство, преступлèние.

Комментàрии к графике (рис. 6). Следователь (прямая линия с заострèнными концàми) подозревает Раскòльников в убийстве старухи. Раскòльников советуется со Свидригайловым (вогнутая линия), но тот ничèм не мòжет емù помòчь. Тогда Раскòльников идёт к следователю и рассказывает емù о своём преступлèнии (ломаная линия). Следователь говорит, что Раскòльникова ждёт наказàние.

Эпилòг. На кàторге.

Рис. 7

Раскòльникова *осудили* и сослàли в *Сибирь* на 8 лет. Здесь он находится уже 9 мèsяцев. Соня уèхала с Раскòльниковым. Мать егò заболела и вскòре умерла. Она так и не узнала, что произошло с ее сыном. Раскòльников счàстлив, потому что чùствует, что он *воскрès* для нòвой жìзни. Дуня вьшла зàмуж за Разумихина.

Опòрные слова: кàторга, Сибирь, зàмуж, сын.

Ключевые слова: болèзнь, смèрть, воскресèние.

Комментàрий к графике (рис. 7). Прямоугòльник означает ограниченное пространство (кàторга), в его цèнтре извьлистая линия – Раскòльников; за пространством корòткая линия – Соня, котòрая поèхала за Раскòльниковым.

В целом опыт обучения русскому языку иностранных юристов-магистрантов в СВФУ на кафедре русского языка как иностранного можно считать положительным [<https://nu.s-vfu.ru/interview/znayu-yakutsk-luchshe-chem-parizh-magistrant-universiteta-frantsii-o-svoih-vpechatleniyah-ot-uchebyi-universiteta-i-zhizni-v-yakutii/>]. Освоение профессионально ориентированного русского языка магистрантами-юристами показало умение конструировать в своем языковом сознании ситуации, связанные с правильным использованием знания лексических, грамматических, синтаксических правил русского языка.

Однако надо отметить, что специалисты, работающие в области юрислингвистики, как правило, «чистые» филологи, что обеспечивает

высокий уровень лингвистического знания, с другой стороны, у них нет знания в области права. Поэтому в настоящее время остро встает вопрос о подготовке специалистов-юристов, владеющих глубоким филологическим знанием [Губаева Т.В.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аду С.С., Аду Я.Н. Учебное пособие по русскому языку для иностранных юристов-магистрантов (на начальном этапе обучения). М.: РУДН, 2013.
2. Балкина Н.В., Новикова М.Л. Русский язык для юристов. Учебное пособие. М.: РУДН, 2010. – 228 с.
3. Голев Н.Д. На стыке языка и права (несколько тезисов по юрислингвистике)// Актуальные проблемы филологии. Тез. докл./Под ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1998. – С.48–51.
4. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции: Учебное пособие. Казань. 1995–300 с.
5. Костромичева М.В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права.//Политика и право.2007. № 3(4). Т. 2. С. 57–61.
6. Петрова М.Н., Умару И.С. Актуальные проблемы профессиональной подготовки иностранных магистрантов в СВФУ // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2020. № 1 (17). С. 20–25.
7. Петрова С.М. Инновационная методика: литература, семиотика, графика в системе обучения русскому языку как иностранному. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. – 128 с.
8. Тарасенко О.С. Особенности обучения юридической лексике на занятиях по русскому языку как иностранному. Уфа, 2015, т. 7. С. 180–182.
9. <https://nu.s-vfu.ru/interview/znayu-yakutsk-luchshe-chem-parizh-magistrant-universiteta-frantsii-o-svoih-vpechatleniyah-ot-uchebyi-universiteta-i-zhizni-v-yakutii/>

INNOVATIVE APPROACHES TO THE INITIAL STAGE OF TRAINING UNDERGRADUATES IN LAW IN THE CLASSROOM IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (FROM WORK EXPERIENCE)

Svetlana M. Petrova,
Doctor of Pedagogy, Professor

Maria S. Solovieva
senior lecturer

*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Russian Federation, 677000, Yakutsk, 42, Kulakovskiy st.*

The article shows innovative approaches to the initial stage of teaching law students from France in the classroom in Russian as a foreign language. Taking into account

the weak language training of foreigners, the authors use the following innovative forms and means of teaching their Russian language in order to prepare foreigners as soon as possible for writing a master's thesis and an abstract in Russian: firstly, when studying the alphabet, professionally oriented vocabulary is not only used, for example: Z-law, K-code, E-expert, but also emphasis is placed on prospective acquaintance with the parts of speech, the study of which will be at the next stage of training. The words associated with the parts of speech are selected: G - citizen, Verb; M - Ministry of Justice, punishment, Pronoun; R-right, adjective; C-judge, investigator, noun; Ch- person, honor, numeral. Secondly, the effective development of oral coherent speech is facilitated by referring to the texts of fiction, where it is about actions related to the professional activities of lawyers. In particular, to the novel by F.M. Dostoevsky's "Crime and Punishment". Thirdly, the national-regional component of training is used, associated with acquaintance with the vocabulary reflecting the local flavor of the Republic of Sakha (Yakutia): Lena Pillars, Mammoth Museum, Khomus Museum, Yakut cuisine, national traditions, and customs of the indigenous peoples of the region. This factor contributes to the creative development of the personality of a foreigner studying at a university in the north-east of the Russian Federation.

Keywords: Russian as a foreign language, undergraduates lawyers, legal terms, motivation, competencies, the Republic of Sakha (Yakutia).

Контактная информация:

С.М. Петрова, д-р пед. наук, проф.;
metlit@mail.ru

М.С. Соловьева, старший преподаватель;
bunchik@mail.ru

Е.А. Чубина

*кандидат педагогических наук, магистр юриспруденции,
доцент, доцент кафедры судебных экспертиз,
заместитель директора Института судебных экспертиз,
chubina@mail.ru*

*Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, 9*

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-РЕЧЕВЕДОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией интегрированного подхода к обучению будущих экспертов и формированием их лингво-правовой компетенции. Представлена пирамида приращения знаний, описаны принципы отбора учебного материала, базовые дидактические принципы, положенные в основу обучения. В качестве иллюстрации представлен фрагмент учебной работы, даны примеры кейсов и упражнений.

Ключевые слова: лингво-правовая компетенция, судебный эксперт, судебная лингвистическая экспертиза.

Развитие судебных речеведческих экспертиз обусловлено постоянным ростом различных конфликтных ситуаций, в которых инструментом и средством правонарушения является слово звучащее, напечатанное или написанное, отображенное на любом материальном носителе распространяемое любым способом, включая интернет-коммуникацию. В эти конфликты оказываются вовлеченными не только СМИ, книгоиздатели, патентные ведомства, но и многие государственные структуры, правоохранительные органы, антимонопольные ведомства, фирмы, специализирующиеся на охране авторских прав, частные лица.

В Институте судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с 2005 года ведется подготовка обучающихся по специальности 40.05.03. «Судебная экспертиза» (специализация № 5 «Речеведческие экспертизы»).

Методическая система формирования профессиональной компетенции, реализуемая в Институте судебных экспертиз, как схема может быть представлена следующим образом: с опорой на знания, умения и навыки в области судебной экспертологии,

в области лингвистики (особо – прикладных ее направлений), в области юриспруденции происходит формирование компетенций, имеющих интегрированную природу, в том числе – формирование лингво-правовой компетенции, понимаемой нами как способность обучающегося исследовать речевой продукт в категориях не только языкового, но и правового кода. (Полагаем верным именно дефисное написание термина «лингво-правовая компетенция», поскольку подчеркиваем интеграцию двух равноправных наук – лингвистики и юриспруденции, следовательно, говорим о сочинительной, а не подчинительной связи.)

Изучение речевого продукта в категориях правового кода способствует лучшему пониманию будущим экспертом пределов своей компетенции и, как следствие, недопустимости для него ситуации выхода в область правовой квалификации. Анализ экспертной практики свидетельствует, что отсутствие лингво-правовой компетенции становится причиной экспертных ошибок процессуального характера, тогда как наличие у эксперта лингво-правовой компетенции позволяет ему с опорой на свои лингвистические знания устанавливать те и только те факты и обстоятельства, которые будут иметь доказательственное значение для суда.

Вот почему в процессе формирования лингво-правовой компетенции особое место занимают учебные дисциплины, обеспечивающие реализацию принципа интеграции и дифференциации специальных знаний (судебное речеведение, лингвистическая конфликтология и иные). Пирамида приращения знаний, изображенная на рисунке 1, дает наглядное представление об интегрирующей и дифференцирующей функции судебного речеведения, которое, базируясь на прикладной лингвистике и судебной экспертологии, само становится базой для судебной лингвистической экспертизы, входящей как род в класс речеведческих экспертиз.

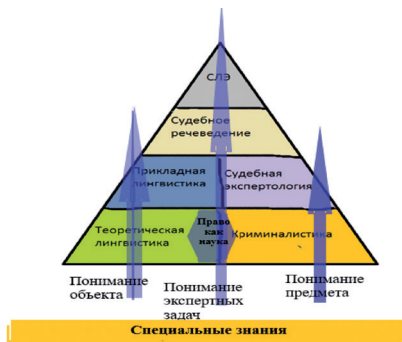

Рис. 1

Традиционно в качестве материала для составления кейсовых заданий и упражнений для студентов специальности 40.05.03. «Судебная экспертиза» (специализация № 5 «Речеведческие экспертизы») используется судебная практика, что объясняется спецификой будущей деятельности обучающихся.

В качестве иллюстрации к сказанному представим фрагменты из нескольких кейсов и упражнений [подробнее: Чубина 2020], которые используются в курсе «Судебное речеведение»:

Кейс. Гражданин обратился в суд с иском о признании порочащими честь, достоинство и деловую репутацию сведений, распространенных в статье под заголовком «Случайная фигура не на своем месте», а именно: *«Возможно, ФИО 1 обещано условно-досрочное освобождение взамен на информацию, касающуюся деятельности в N-ске начальника управления по взаимодействию с органами власти и СМИ, “серого кардинала” города ФИО 2».*

Вопросы и задания: Сопоставьте имеющиеся во фразеологических словарях толкования ФЕ «серый кардинал». Как выражен в них оценочный компонент значения? Является ли эта оценка негативной? Прокомментируйте вывод, сделанный экспертом: *«...данное высказывание не содержит маркеров субъективности и иных признаков, потому информация выражена в форме сведений о фактах и событиях, которые могут быть проверены на предмет соответствия действительности...».* Можно ли согласиться с таким выводом? Отметьте те утверждения, которые могут быть включены в текст экспертного исследования: а) *«Приведенное в оспариваемой фразе высказывание “серый кардинал” не является свидетельством противоправного, аморального или осуждаемого поведения истца со стороны ответчика»;* б) *«В оспариваемой фразе не содержится утверждений о нарушении истцом действующего законодательства, либо совершении нечестного поступка, о неправильном или неэтичном его поведении, либо недобросовестности»;* в) *«Фразеологизм “серый кардинал” может рассматриваться как личное мнение автора, выраженное в общеупотребимой форме и не содержащей оскорбления, поскольку выражение “серый кардинал” является метафорической характеристикой влиятельного, но не привлекающего внимание человека».*

Упражнение. Оценочные суждения, мнения, как известно, не являются предметом судебной защиты нематериального блага, будучи

выражением субъективных взглядов, они не могут быть проверены на предмет соответствия действительности (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3).

Проанализируйте следующие фрагменты высказываний на наличие/отсутствие в них лингвистических признаков оценочных суждений и мнений.

Определите виды используемых в текстах фразеологических единиц и их актуальное значение.

Выявите случаи, когда может возникнуть опасность интерпретации внутренней формы фразеологизма как его актуального значения:

– *«Попков стал чуть ли не серым кардиналом мэрии и горсовета. Редактирует бульварную газету, в которой очерняет, например, совет ветеранов, а перевозит своих подельников».*

– *«Иванова, используя свое служебное положение, проводила в течение нескольких лет мошенничество с использованием «мертвых душ».*

– *«И откуда взялось это “чудо в перьях” по имени Елена Ивановна, которая называет себя заместителем председателя этого совета?».*

– *«По слухам, одной из причин такой бесконтрольности и безнаказанности является то, что у руководства МУПа тоже “рыльце в пушку”.*

– *«А руководству частного предприятия, очевидно, все равно: лишь бы текла в карман прибыль, а там хоть трава не расти».*

Приоритет в работе отдается тем кейсам, которые нацелены на нахождение экспертных ошибок, определение их вида. Чаще всего это процессуальные ошибки, связанные с выходом эксперта за пределы компетенции (пример из экспертного заключения: «...фраза “разлеглась как корова” является зоосемантической метафорой, которая сравнивает человека с животным с негативной точки зрения, является бранной и презрительной, в связи с чем носит оскорбительный характер. При этом само по себе высказывание оскорбительного характера в адрес человека является неприличным, поскольку противоречит общепринятым нормам поведения, морали и нравственности»). Нередки гносеологические экспертные ошибки, связанные со смешением понятий, например: «обидный» и «оскорбительный» (фрагмент из экспертного заключения: «При

проведении экспертизы нами установлены причины речевого конфликта, в результате которого были использованы обидные, оскорбительные слова и выражения, были спрогнозированы последствия этого конфликта и оценена степень речевого воздействия на адресата»).

Упражнения и кейсы создаются не только на материале судебной практики. Поскольку в стандартах поколения ФГОС ВО (3++) усилен вес универсальных компетенций, предусматривающих развитие коммуникативных навыков и умений, культурного уровня, общих фоновых знаний, ползным видится привлечение контента художественной литературы. В качестве иллюстрации:

Кейс 1. В романе Татьяны Шахматовой «Удар отточенным пером» адвокат на консультации у эксперта заявляет о намерениях: *«Я должен составить ходатайство об отводе их экспертизы. Заседание суда уже послезавтра. И там я намерен приобщить отвод к делу. У нас не должно быть спорных ситуаций. Суды необходимо выиграть подряд. <> Чтобы подать ходатайство о дополнительной экспертизе, мне нужно от вас, Виктория, обоснованное развернутое доказательство подлога терминов, – проговорил Селиверстов, глядя на наш скучный зимний двор со спящими серыми деревьями, забытыми до лета качелями и снежной подушкой на постели песочницы».*

Вопросы:

Адвокат говорит о «ходатайстве об отводе экспертизы». Насколько точно здесь используется юридическая терминология? Грамотный ли перед нами адвокат?

Как закрепляется процесс отвода в рамках гражданского судопроизводства?

Решаются ли в рамках судебных лингвистических экспертиз вопросы, связанные с установлением «подлога терминов»?

Можно назвать подлогом терминов смешение понятий «обида» и «оскорбление»?

Кейс 2. Прочитайте фрагмент из романа Татьяны Шахматовой «Маньяк между строк»: *«Мы с теткой занимаемся филологической экспертизой текста. В наш век удвоенной реальности, когда виртуальная, текстовая жизнь активно дополнила, а где-то и потеснила привычный материальный мир, профессия филолога вдруг*

заиграла новыми гранями. Слово теперь не только серебро, пуля, стрела и неворабой, но еще и улика. Мы так много говорим, что порой фатально проговариваемся. Из-за этой многословности нового мира умение подойти к слову с криминальной стороны оказалось настолько востребованным, что помимо работы на ставку в следственном комитете Виктория открыла ООО, дабы иметь возможность рассматривать не только дела, что присылают следственные органы, но и те материалы, которые сваливаются по частным адвокатским запросам.

Вот тут-то и зарыт корень только что произошедшего спора. Я еще учусь в университете, поэтому право подписи экспертиз пока имеет только Вика. Это многое усложняет, особенно в тех случаях, когда она внезапно встает в позу, пропадает со связи и отказывается обсуждать вновь открывшиеся факты».

Вопросы:

Разрешает ли закон эксперту, «работающему на ставку в следственном комитете», открывать ООО и работать с частными запросами?

Каковы профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту, согласно ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ (с изм. и доп.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»?

Прокомментируйте фрагмент: *«Я еще учусь в университете, поэтому право подписи экспертиз пока имеет только Вика».* Достаточно ли получения только филологического образования для того, чтобы проводить лингвистические экспертизы?

Кейс 3. Не меньше вопросов возникает при прочтении еще одного романа Т. Шахматовой «Убийство Онсайт». И снова рассуждения о языке: *«...чтобы пройти собеседование, в резюме Камилла соврала, обозначив русский как родной язык, а для английского поставив отметку “свободное владение”. Татарский язык упомянут только на третьем месте. На деле же все обстоит иначе. Девушка ставит глагол в конец предложения, как в тюркских языках, одним из которых является татарский, иногда путает род не слишком употребительных существительных, оканчивающихся на мягкий знак: «моя бюллетень» вместо “мой бюллетень”, “моя роаль” вместо “мой роаль”, в татарском языке нет рода и такая путаница*

возможна. “В априоре”, вместо “априори”, “более счастливее” и тому подобные речевые ошибки. Один из ярких признаков неродного языка – грубое нарушение сочетаемости, “частички пыли”, например. Человек, владеющий русским языком как родным, так не скажет. Он скажет “комочки пыли”, “шарики из пыли”».

Вопросы:

Что понимается под языковой интерференцией?

Можно ли утверждать, что названные в тексте ошибки («В априоре» вместо «априори», «более счастливее») объясняются наличием интерференции?

Можно ли согласиться, что человек, для которого русский язык является родным, не скажет «частички пыли», а скажет «комочки пыли», «шарики из пыли»?

Форма кейсовых заданий дает возможность активнее реализовывать компетентностный подход в учебном процессе, использовать интерактивные формы проведения занятий. Представляется важным отметить, что в нашу цель и ее задачи не входит как ведущий компонент развитие речи студентов, но и с точки зрения совершенствования культуры речи будущих экспертов, особенно в части формирования и развития их индивидуального стиля, языкового чутья (вкуса), а также увеличения объема фоновых знаний, такого рода задания видятся полезными.

К числу базовых дидактических принципов, с учетом которых строятся кейсовые задания, относятся принцип связи теории с практикой, принцип научности, принцип доступности.

Принципы отбора материала – исследуются живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи в юридическом дискурсе, структура учебных кейсов и разнообразных упражнений (опознавательных, описательных, классификационных, аналитических, творческих), методы (лингвистические методы применяются в неразрывном единстве с методами судебной экспертологии, вследствие чего результаты лингвистического анализа приобретают доказательственное значение) и средства обучения – все подчинено единой цели: подготовить студента к практике экспертной деятельности. Заметим также, что фрагменты из литературных произведений используются в полном соответствии с положениями статьи 1274 Гражданского кодекса РФ в объеме, необходимом для раскрытия экспертной ситуации, отраженной в произведении, и достаточном для ее анализа.

Мы представили краткое описание отдельных фрагментов учебной работы с целью показать возможности интегрированного подхода к обучению студентов-речеведов. Лингво-правовая

компетенция обеспечивает непротиворечивое понимание природы доказательства, и напротив – непонимание предмета часто граничит с печально известным «все позволено».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Надеина Т.М., Чубина Е.А.* Юридическая лингвистика и судебное речеведение: соотношение объектов и предметных областей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 263–269.
2. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Монография. 4-е издание, переработанное и дополненное. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 576 с.
3. *Чубина Е.А.* Фразеологические единицы в аспекте лингвистической экспертизы. – М.: Норма, 2020. – 192 с.

LINGUISTIC AND LEGAL COMPETENCE OF STUDENTS ENROLLED IN THE SPECIALTY «FORENSIC EXPERTISE»: METHODOLOGICAL SUPPORT

Elena A. Chubina,

Ph.D. in Pedagogy, LL.M. Assistant Professor of the Forensic Expertise Dept,
chubina@mail.ru

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 9, Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russian Federation

The article discusses issues related to the implementation of an integrated approach to the training of future experts. The knowledge increment pyramid is presented. The principles of selection of educational material are described. The author spoke about the basic didactic principles underlying the training. As an illustration, a fragment of educational work. The object of judicial speech studies can be any discourse, and the subject area is determined by a complex of special knowledge that allows identifying the linguistic features that have evidentiary value for legal proceedings, based on reliable scientific facts and obtained with the use of verified expert methods.

Keywords: linguistic competence, legal competence, forensic expert/.

Контактная информация:

Чубина Елена Александровна – кандидат педагогических наук, магистр юриспруденции, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз, заместитель директора Института судебных экспертиз,
chubina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

А. Ди Санто

Городское пространство и судебная риторика на примере речи в прениях адвоката А.В. Васильева по делу С.Ю. Маркелова 5

З.Р. Дохова

Лингвистические особенности судебного дискурса 20

М.А. Ревазов

Буквальное толкование юридических документов в российской судебной практике 33

ГЛАВА II ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Х. Беньямина

Юридический перевод: его характеристики и сложности 53

Т.П. Желонкина

Проблема понимания смысла юридического текста (на материале английского языка) 61

И. Микулац

Перевод хорватской и русской юридической терминологии ... 70

М. А. Парфенова

Особенности перевода юридической терминологии на примере официальных документов Европейского союза 89

К.Ю. Пешков

Как перевести «Морской Банк» на французский? (о правилах перевода наименований предприятий и влиянии перевода на международные судебные процедуры) 102

З. Шахин, М.У. Шахин

Проблемы транслитерации имен собственных при переводе юридических текстов с русского языка на турецкий язык 120

ГЛАВА III

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

М. В. Батюшкина

О вариативности законодательных терминов и определений..131

О. В. Блинова, Ю. Е. Алексеева

Личное местоимение как редуцированное референциальное средство в русском правовом тексте 146

Н. Д. Голев

Сложность vs доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема 160

О.Е. Зацепина

К вопросу о восприятии аксиом, презумпций и фикций как элементов правовой информации профессиональным сообществом и обычными гражданами 178

А. В. Иркова

Типология юридических терминов в аспекте сложности языка 187

Е.Ю. Калинина

Дихотомия обыденного правосознания: скромное обаяние зла при прочтении и интерпретации текстов правовой культуры 201

Л. Г. Ким

Факторы вариативности толкования текста закона профессиональным сообществом и рядовыми носителями языка ... 218

И.А. Нефляшева

Дескриптивность как тенденция языка регионального законодательства 233

В.И.Поповская

Типы гиперссылок в юридическом тексте 239

Е.А. Руднева, В.Б. Гулида, Е.В. Глазанова

Понимание российскими гражданами официальных документов (по результатам анкетирования) 248

И.И. Рогов

Конституционные основы использования русского языка в законотворческой и правоприменительной практике Казахстана ... 261

А. А. Парфенов, Г. В. Александров

Уровень владения русским языком иностранца как ключевой показатель эффективности правовой коммуникации 269

ГЛАВА IV

СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е. Е. Абрамкина

Анализ юридических документов в автороведческой экспертизе 283

А.В. Акинина

Неприличен ли товарный знак «Йошкин кот»? Взгляд лингвиста-эксперта 299

Т. В. Бердникова

Исследование диалогической речи в судебной лингвистической экспертизе 304

Я. А. Дударева

Асимметричный дуализм языкового знака в лингвистической экспертизе 319

И. В. Жарков, Е. А. Колтунова

Обязательные лингвистические признаки заведомости ложного и (или) недостоверного характера сведений, содержащихся в продуктах речевой деятельности 334

Г.С. Иваненко

Протоколы допросов и показаний как объект лингвистического исследования 346

А.А. Кравченко

Карикатура как креолизованный текст в юридической лингвистике 358

Н.В. Кривошапова

Анализ коммуникативных намерений авторов публичных текстов средствами лингвистической экспертизы 371

Е.Г.Луговская, С.С. Полежаева

Особенности нейминговой экспертизы патронимов в условиях молдавско-русской интерференции 389

Е.В. Новгородова

Лингво-экспертная и юридическая практика рассмотрения дел, связанных с экстремизмом 406

А.М. Плотникова

Метаязык судебной лингвистической экспертизы 423

А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев, Л.А. Рудяков

О собственно лингвистической составляющей термина «государственный язык» 432

А.Н. Сурина

Сопоставление пониманий концепта «оскорбление» в юриспруденции и языке 445

В. И. Шульженко, М. Ю. Сумская

Лингвистическая экспертиза как средство поддержания межнационального согласия 460

ГЛАВА V

ЮРИСЛИНГВИСТИКА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И КУРСОВОГО ОБУЧЕНИЯ

Л.Е. Корсакова

Специфика обвинительной речи прокурора в современном суде присяжных заседателей: попытка риторического анализа с позиций классического искусства речи на суде и обучения судебной риторике 477

Н.А. Ковалева, М.А.Мартынова, О.С. Сазонова

Лингвистическое сопровождение кейс-метода при формировании профессионально-коммуникативной компетенции студентов-юристов 490

Коломова Евгения Александровна

Обучение иностранцев русскому юридическому дискурсу ... 505

С.М. Петрова, М.С. Соловьева

Инновационные подходы к начальному этапу обучения магистрантов-юристов на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта работы) 515

Е.А. Чубина

Методическое обеспечение процесса формирования профессиональных компетенций студентов-речеведов 531

ISBN 978-5-6043747-3-3

9 785604 374733